

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

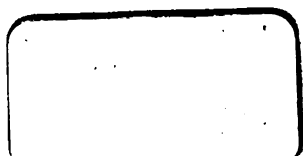
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 2789-75 d. 80

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.**

1855.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

НОЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И К^о.

Р 272975 а 80

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

	СТР.
I. Переселенцы. Романъ изъ простонароднаго быта. Д. В. ГРИГОРОВИЧА. Часть первая.....	1— 48
Чужое добро въ прокъ не идетъ, драма въ четы- рехъ дѣйствіяхъ, А. А. ПОТЪКИНА.....	49—114
Стихотворенія: 1) Праздникъ Рима, К. К. ПАВ- ЛОВОЙ; (стр. 115). 2) «Люблю я васъ, младыя дѣвы», К. К. ПАВЛОВОЙ (стр. 118).	
Европейскіе Негры. Романъ Ф. В. ГАЙЛЕНДЕРА. <i>Часть вторая.....</i>	119—166
II. Основьяненко (Г. Ф. Квитка). Матеріалы для ис- торіи украинской литературы. <i>Статья первая.</i> Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.....	1— 46
Библиографическіе Отрывки. IV. <i>Посольство въ Росію графа Карлейля, въ XVII-мъ столѣтіи..</i>	47— 86
Воспоминаніе о Тимоѣѣ Николаевичъ Грановскомъ. И. И. КУДРЯВЦЕВА.....	87— 96
III. Проилеи. Сборникъ статей по классической древ- ности, изд. <i>П. Леонтьевымъ.</i> Книга IV. (<i>Статья первая.</i>) И. М. ВЛАГОВЪЩЕНСКАГО.....	1— 26
IV. Библиографическая хроника (разборы 14 книгъ). — Журналистика.....	1— 46
V. Современная хроника Россіи: 1) Обзоръ воен- ныхъ дѣйствій 1853—1855 годовъ: III. Черномор- скій флотъ и начало войны съ Англійей и Фран- ціей; IV. Извѣстія съ Балтійскаго Моря; V. Из- вѣстія съ Бѣлаго Моря и изъ Камчатки.—2) Обо- зрѣніе движенія русскаго законодательства по госу- дарственному управленію за сентябрь 1855 года.— 3) Событія въ отечествѣ за тотъ же мѣсяць.....	1— 80
VI. Новости наукъ, литературы, искусствъ * и про- мышленности.....	1— 23
Петербургскія Замѣтки.....	27— 56
Двѣ парижскія картинки дамскихъ и мужскихъ модъ.	
Объявленія: О изданіи музыкальнаго журнала «Нувеллистъ», г. Бернарда, и о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ магазинѣ г. Стелловскаго.	

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ОТЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ,

ЖУРНАЛЪ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

*Beatæ plane aures, quæ non vocem foris
sonantem, sed intus auscultant veritatem
docentem.*

HERSCHNIUS.

ТОМЪ СІИ.

САКТИТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И К^о.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.**

Санктпетербургъ, 1 ноября 1855 года.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЙ ВПЯТКИ.

Н О Я Б Р Ъ .

I. Словесность.

	стр.
ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ. Романъ изъ простонароднаго быта. Д. Ф. ГРИГОРОВИЧА. <i>Часть первая</i>	1
ЧУЖОЕ ДОБРО ВЪ ПРОКЪ НЕ ИДЕТЬ, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, А. А. ПОТЪХИНА	49
СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) Праздникъ Рима, Ж. К. ПАВЛОВОЙ (стр. 115); «Люблю я васъ, младыя дѣвы», Ж. К. ПАВЛОВОЙ (стр. 118).	
ЕВРОПЕЙСКІЕ НЕГРЫ. Романъ Ф. Ф. ГАКЛЕНДЕРА. <i>Часть вторая</i>	119

II. Науки и Художества.

ОСНОВЬЯНЕНКО (Г. Ф. Квитка). Матеріалы для исторіи украинской литературы. <i>Статья первая.</i> Г. Д. ДАНН-ЛЕВСКАГО	1
БИБЛОГРАФИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ. IV. <i>Послѣдняя въ Россію графа Карлейля, въ VII-мъ столѣтіи</i>	47
ВОСПОМИНАНІЕ о Тимоѣѣ Николаевичѣ Грановскомъ. И. Я. КУДРЯВЦЕВА	87

III. Критика.

Проилем. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ. Книга IV. (Статья первая). И. М. ВЛАГОВЪЩЕНСКАГО.....	1
---	---

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Стихотворенія Я. П. Полонскаго.....	1
Актъ восьмага выпуска студентовъ Главнаго Педагогическаго Института.....	8
Петръ Горошкинъ, драматическое сочиненіе.....	15
Геройскіе подвиги доблестныхъ защитниковъ Севастополя.....	—
Разказы десять тысячъ бомбъ самовидцевъ, <i>Θ. Кузмищева</i> ...	—
Говоръ простаго челоуѣка. 1. Пѣтушиницы, <i>А. Месковскаго</i> ...	16
Начертаніе Древней Географіи и Исторіи древнихъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ, <i>Н. Зуева</i>	—
Права и обязанности домовладѣльцевъ.....	19
Наставленіе дворникамъ.....	20

ПЕРЕВОДЫ.

Восточная война.....	12
О званіи генерала, соч. <i>Л. Дюра-Ласаль</i>	14
Гомеопатическая Позологія, соч. доктора <i>Яра</i>	18

НОВЫЯ ИЗДАВАНІЯ.

Le Guide de l'enfance ou cours pratique de langue française à l'usage des commençans.....	18
Русскіе простонародные разказы, <i>Θ. Русанова</i>	20

ЖУРНАЛИСТИКА.

О журнальной полемикѣ, о критикѣ, о нападкахъ на нее, и доброе слово въ ея защиту.....	21
--	----

V. Современная Хроника Россіи.

Обзоръ военныхъ дѣйствій 1853 — 1855. III. Черно- морскій Флотъ и начало войны съ Англіей и Франціею. IV. Извѣстія съ Балтійскаго Моря. V. Извѣстія съ Бѣлаго Моря и изъ Камчатки.....	1
Обозрѣніе движенія русскаго законодательства по государствен- ному управленію за сентябрь 1855 года.....	61

Событія въ Отечества (Письма Сестеръ Крестовоздвиженской Общины попеченія о больныхъ и раненыхъ въ Крыму. — Лейтенантъ Дорожнинскій. — Операция, сдѣланная непріателемъ. — Раздробленные ноги. — Военная хитрость финскаго мужика. — Борьба англичанъ съ бараномъ. — Были на пароходѣ во время бури. — Громоу ударъ. — Уроды. — Одичавшій мальчикъ. — Николаевскій Мостъ на Дитъри. — Военная богадѣльня Каалгина. — Практическая Школа Шелководства. — Спускъ корабля «Ретвизанъ». — Количество золота, добытаго на уральскихъ заводахъ въ первой половинѣ 1855 года. — Количество привоза по Николаевской желѣзной дорогѣ разныхъ товаровъ, грузовъ, жизненныхъ припасовъ и скота въ Санктпетербургъ и Москву, въ теченіе іюня. — Обороты главнѣйшихъ армарокъ въ 1855 году. — Запечатлѣннѣйшіе пожары. — Некрологъ: *К. А. Неволнинъ* и баронъ *Мейендорфъ*

63

VI. Смѣсь.

Новости наукъ, искусствъ, промышленности и литературы.

Опера герцога Эрнста саксен-кобург-готскаго «*Santa Chiara*». — Драма Жоржа Занда «*Maître Favilla*». — Египетская мелодрама Физболя «*Нитокриса*». — Г-жа Арну-Плесси въ *Théâtre-Français*. — Рашель въ Америкѣ. — Отъездъ Тэккера въ Америку. — Новый романъ Диккенса. — Истерія галереи дешевыхъ товаровъ. — Такса на мясо въ Парижѣ. — Новый Селькиркъ, обгоняющій лошадей. — Процессъ между двумя матерями одного ребенка. — Ученныя собранія прошедшей осени. — Фянская пѣсня въ переводахъ на всѣ языки земнаго шара. — Число періодическихъ изданій въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи и Германіи. — Статистика нѣмецкихъ университетовъ. — Обзорніе засѣданій Британскаго Общества по отдѣленіямъ астрономіи, химіи, геологіи, ботаники и механики. — Средиземное Море въ Южной Африкѣ. — Краткая автобіографія Гумбольдта. — Некрологъ Мажанди. — Гидростатистическая постель. — Планиметръ, изобрѣтенный г. Буныаковскимъ. — Паденіе аэроплантовъ близъ Гамбурга.....

4

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Выставка художественныхъ произведеній въ Императорской Академіи Художествъ: Картины, писанныя на заданныя программы. — Живопись историческая. — Картины *de genre*. —

Живопись перенативная. — Портреты. — Гравюры. — Жен-
щины-художники. — Пейзажи: — Картины г. Айзеновскаго и
Каляма. — Студентурныя работы. — Архитектурныя проекты. —
Новости русскаго и французскаго театровъ: *Индондрихъ*,
ком. г. Писемскаго. — Пьесы гг. Островскаго и Дружинина. —
Le demi-monde, ком. Дюма-сына. — Г. и г-жа Роже-
Солье. — Дебютъ г. Сетова. — *Чародѣй*, опера въ двухъ
дѣйствіяхъ, кн. Визекаго. — Дебюты итальянскихъ пѣвицъ. —
Г-жа Фанни Черрито. — Новыя русскія періодическія изда-
нія. — Наружность петербургскихъ домовъ. — Пальто воен-
ныя и статскія. — Частныя объявленія въ газетахъ. — Борь-
ба куафёровъ. — Приближеніе баловъ и балныя оркестры. —
Новости еженедѣльныхъ фельетоновъ.....

Моды съ двумя парижскими картинками дамскихъ и муж-
скихъ модъ.

—————

I.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

РОМАНЪ ИЗЪ ПРОСТОНАРОДНАГО БЫТА.

Часть первая.

I.

Завзжій торгашъ.

Только-что наступили первые майскіе дни.

Было воскресенье.

Благодаря отличной погодѣ и, особенно, праздничному дню, улица сельца Мъринскаго снова оживилась, какъ только прошелъ послѣобѣденный часъ. До-сихъ-поръ, то-есть между полуднемъ и четырьмя-пятью часами вечера, большинство мъринскихъ жителей отдыхало; на улицѣ слышались только возгласы мальчишекъ, игравшихъ въ бабки на недавно-просохнувшихъ, но гладко уже утопанныхъ лужайкахъ; къ этимъ крикамъ присоединялся теперь мало-по-малу скрипъ воротъ, которыя пѣли на всевозможные лады; на завалинкахъ показывались старики съ заспанными глазами и вклоченными волосами, въ которыхъ видѣлись соломенные стебли—знакъ, что народъ перебрався уже на лѣтнія квартиры, въ сараи и риги; къ старикамъ выходили сосѣди. Группы вскорѣ увеличились присутствіемъ старухъ съ внучатами на рукахъ и бабъ въ пестрыхъ праздничныхъ передникахъ и писаныхъ яркихъ головныхъ платкахъ. Старухи и бабы недолго, впрочемъ, останавливались у завалинокъ: онѣ большею-частью выходили на середину улицы и становились отдѣльными кучками, въ которыхъ тотчасъ же обнаруживался

характеръ суеты и безпокойства; покажется ли баба въ отдаленнѣ, ея ужь никакъ не пропустятъ мимо : «Тётка Авдотья, а тётка Авдотья... куда ты... ась?... подь къ намъ, косатка! — а?!..» Минуту спустя, голосъ тётки Авдотьи дребезжитъ заодно съ голосами ея товарокъ. На улицѣ, освѣщенной лучами вешняго солнца, замѣтно уже склонившагося къ западу, чаще стали появляться молодыя дѣвки, сопровождаемыя неизмѣнными ихъ спутницами, маленькими дѣвчонками; посмѣиваясь въ ладони и шушукая при встрѣчѣ съ парнями, дѣвки направлялись къ хлѣбному магазину, расположенному на одной линіи съ избами и отдѣлявшемуся отъ послѣднихъ вѣтлами. Тамъ, подь навѣсомъ, бросавшимъ желтоватую тѣнь, которая дѣлалась все сквознѣе и золотистѣе по мѣрѣ того, какъ солнце опускалось къ горизонту, собралась уже порядочная ватага молодёжи; кто стоялъ, перешептываясь съ сосѣдкой, кто сидѣлъ, закрывъ ладонью нижнюю часть лица и украдкой поглядывая на парней. Парни, въ свою очередь, переминались съ ноги на ногу и также молчали. Казалось, вся молодёжь Мѣрьинскаго собралась уже подь навѣсомъ, но никто еще не подавалъ голоса; до-сихъ-поръ по разговорной части отличалась одна лишь молоденькая бабѣнка съ вздернутымъ, раздвоеннымъ на концѣ носомъ и быстрыми карими глазами.

— Что жь вы дѣвки? а?... Ну чтѣ сидите руки-то скламши? а?... полно вамъ взаправду!.. надсаживалась она, перебѣгая отъ одной группы къ другой : — становись въ хороводъ, хватайся за руки — ну!.. — и — и — эхъ!

На горѣ-то макъ, макъ,
Подь горою такъ, такъ!...

— Что жь вы, красныя? становитесь! — «За-а-инька, бѣленькій!..» подхватывала она, снова принимаясь пѣть; причемъ всякій разъ замуривала глаза и выставляла на-показъ рядъ мелкихъ бѣлыхъ зубовъ : — что жь вы не подтягиваете? а? да ну же, ну! Полно вамъ спѣсивиться-то!

Но старанія ея не подвигали дѣла; слышно было покуда, какъ щелкали орѣхи, какъ шушукали и втихомолку посмѣивались; вообще, подь навѣсомъ царствовала та нерѣшительность, выражающаяся подталкиваніемъ локтемъ и вопросительными взглядами, которая предшествуетъ дѣвичьему веселью.

Улица между-тѣмъ все болѣе-и-болѣе оживлялась; говоръ усиливался; кой-гдѣ слышался хохотъ, кой-гдѣ раздавались нетерпѣ-

ливые, спорные возгласы; кой гдѣ, и преимущественно изъ бабьихъ кружковъ, раздавалось дребезжанье, весьма похожее на звукъ битой посуды, которую положили бы въ кастрюлю и начали бы трясти изо всей мочи; въ одномъ изъ такихъ кружковъ сильное размахиваніе руками и слишкомъ уже часто-повторяемыя имена Домны и Дарьи служили несомнѣннымъ доказательствомъ, что тамъ успѣли уже повздорить.

Наконецъ, въ дальнемъ углу амбарнаго навѣса, робко, вполголоса затынули пѣсню; повидимому этого только и ждали: къ голосамъ этимъ тотчасъ же присоединились другіе. Подстрекаемые востроглазой запѣвалкой, парни и дѣвки выступали изъ-подъ навѣса, схватывались за руки и становились въ кругъ; хороводъ устанавливался. Еще минута, и нѣтъ сомнѣнія, звонкая пѣсня заглушила бы уличный говоръ... но надо же было случиться, чтобъ въ эту самую минуту въ околицу Мѣринскаго вѣхалъ возъ съ краснымъ товаромъ.

Вѣздъ сопровождался такимъ неистовымъ, единомушнымъ лаемъ собакъ, что всѣ, стоявшіе спиною къ околицѣ, невольно обернулись. Хозяинъ воза, или *варягъ*—такъ называютъ въ нашихъ деревняхъ этихъ торгашей—не успѣлъ подобрать ногъ отъ собакъ, которыя, какъ ядра, летѣли къ нему на встрѣчу, какъ ужъ вся деревня замѣтила его появленіе. Началось съ того, что бабы, хлопотавшія болѣе другихъ о примиреніи Домны и Дарьи, немедленно направились къ возу.

Достойно замѣчанія, что Домна и Дарья, предоставленныя на собственный произволъ, тотчасъ же успокоились: въ головѣ Дарьи мгновенно возникла мысль о ситцевомъ передникѣ, который посулилъ купить мужъ, какъ-только пріѣдетъ торгошъ; Домнѣ пришла вдругъ крайняя надобность прикупить тесѣмки; одна побѣжала отыскивать мужа; другая, поправляя головной платокъ, устремила къ торгошу. Примѣру ея послѣдовали многія дѣвки и парни.

Изъ хоровода то-и-дѣло убывало, къ великому неудовольствію запѣвалки, которая давно ужъ была въ ладоши и щелкала пальцами надъ головою; впрочемъ, она вскорѣ утѣшилась и побѣжала, куда бѣжали другіе.

Спустя самое короткое время, возъ такъ облѣдили и такая густая толпа окружила его, что старикамъ, сидѣвшимъ на завалинкахъ, стади только видны шапка торгоша и верхній конецъ дуги надъ ушзми его клячи.

Все разомъ говорило, тискалось и осыпало разспросами торгаша, который рѣшительно не зналъ, куда повернуть голову.

«Кумачъ есть?.. — «Покажи тесёмку...» — «Почемъ иголки?..» — «Эй, слышь, на яйцз мѣняешь?..» — «Дѣвушки, косатушки, глянъ-ка-сь, серьги-то, серьги!..» — «Ой, батюшки задавили!..» — «Куда лѣзешь?.. чего не видали?» — «А тебѣ, небось одной глядѣть-то хоцца!.. ишь ее прѣть... Ну! — ну!..» — «Ты, слышь, братъ, отколѣва?..» спрашивали невпопадъ съ другой стороны.

Покупали, однакожь, очень-мало; до-сихъ-поръ торгашъ отмѣрилъ только два аршина тесёмки, сбылъ мотокъ нитокъ да муравленую глиняную дудку—и тѣ, впрочемъ, промѣнены были на лица.

Тѣмъ не менѣе всѣ продолжали тискаться, справлялись о цѣнѣ каждой вещи, лѣзли другъ на дружку, не щадя боковъ. Нѣкоторыя бабы, побойче, взмостились даже на облучокъ воза. Хозяина окончательно затормошили. Бабы, сидѣвшія на облучкѣ; видя, что толку не доберешься, принялись сами распоряжаться: кто примѣрялъ наперстокъ, кто щелкалъ ножницами, кто накидывалъ на голову платокъ, кто прикладывалъ кусокъ ситца къ переднику. Но и тутъ—таки болѣе другихъ показала себя остроглазая бабѣнка, такъ много хлопотавшая подъ амбарнымъ навѣсомъ: повязавшись желтымъ платкомъ, перекинувъ черезъ голову полное ожерелье изъ цвѣтныхъ бусъ, она подпрыгивала на облучкѣ, и показывая присутствующимъ раскраснѣвшееся, смѣющееся лицо, поминутно вскрикивала: «И-ихъ-на!»

— Что-жь это вы въ-самомъ-дѣлѣ, бабы?.. Экъ ихъ! заговорилъ наконецъ торгашъ, потряхивая шапкой, устроенной въ родѣ кучерскихъ шапокъ, съ тяжестью на макушкѣ; но тяжесть, вѣроятно отъ долгаго употребленія, съѣхала на сторону и образовала какой-то неуклюжій, тяжелый комъ, находившійся въ страшномъ противорѣчьи съ движеніями головы своего владѣльца; комъ этотъ то сползалъ на затылокъ, то свѣшивался на глаза, то переваливался справа налево, но всякій разъ въ сторону противоположную той, куда наклонялась голова — обстоятельство, не очень повидимому безпокоившее хозяина; однакожь, несмотря на сильныя эволюціи верхней своей части, шапка все-таки плотно держалась на лысой головѣ.

— Ну, чего, чего лѣзете?.. Совѣсти въ васъ нѣтъ, никакого постоянства нѣтъ! подхватилъ старый торгашъ, голосомъ не столько сердитымъ, сколько поддразнивающимъ.

— Что ты на насъ, косатикъ? развѣ мы? бойко возразили двѣ бабы, торопливо сбрасывая платки: — вишь вонъ энта-то... глянь-ка-сь, вишь что навертъла! Ей небось не скажешь! прибавила одна изъ нихъ, кивая головою на запѣвалку, которая никакъ не могла освободиться отъ ожерелья, украшавшаго ея шею.

— Вотъ оборви нитку-то, рассыпь, рассыпь бусы-то! сказалъ старикъ, протягивая руку: — давай сюда... эка баба... давай!

— На, на, на, ѣшь! возразила запѣвалка, освобождаясь наконецъ отъ ожерелья и отталкивая его съ видомъ величайшаго пренебреженія: — рассыпишь! подхватила она, передразнивая старика и вспыхивая: — не видали дряни какой!.. Ты за другими-то лучше поглядывай! заключила она, бросая недоброжелательные взгляды двумъ бабамъ, сидѣвшимъ насупротивъ.

— Ладно, ладно! слѣзай лучше до грѣха! перебилъ старикъ. — Повернуться не дадутъ, облъпили какъ!.. Покупать такъ покупать, а то что тѣкъ-то языкомъ болтать?.. Никакого въ васъ постоянства нѣтъ, бабы! право нѣтъ! Слѣзай, говорю...

— А ну его взаправду, бабы! плюньте! вишь невидаль какая! проговорила востроглазая бабѣнка, соскакивая съ воза.

— Ладно, ладно!.. Эка занѣза какая! право, занѣза! Коли покупать не хотите, стало, стоять здѣсь нечего... одни пустые разговоры...

— И то, промолвилъ какой-то мужикъ, до той поры стоявшій совершенно-смирно: — вонъ! чего лѣзете? вонъ! неожиданно добавилъ онъ, принимаясь работать локтями.

Послышались хохоть, пискъ, брань; толпа стала рѣдѣть. Немного погодя, подъ амбарнымъ навѣсомъ раздалась пѣсня, возвѣстившая, что хороводъ снова устроился. Это обстоятельство еще замѣтнѣе очистило толпу вокругъ воза. Вскорѣ осталось нѣсколько мужиковъ и бабъ, которые не отошли прочь потому только, что въ праздничный день дѣлать нечего и надо же стоять гдѣ-нибудь.

— Поди жъ ты, что надѣлали! не сообразишь никакъ!.. Взяли на два гроша всего, а разрыли мало-что на пять рублѣвъ, сказалъ старый торгашъ, оглядывая присутствующихъ, которые засмѣялись. Торгашу было уже лѣтъ шестьдесятъ, но онъ представлялъ изъ себя еще свѣжаго, здороваго старика; лицо его, шея и руки сохраняли постоянно такую красноту, какъ-будто старикъ никогда не сходилъ съ баннаго полка, гдѣ его парили самымъ жгучимъ вѣнникомъ; краснота эта была отличительнымъ

и самымъ рѣзкимъ свойствомъ его наружности, нелишенной веселости и прямодушія.

— Что станешь съ ними дѣлать, съ бабами-то? подхватилъ онъ, потряхивая головою надъ грудями взбудораженнаго товара и приводя въ движеніе макушку шапки:—не соберешь никакъ... та: «дѣдушка, подай!» другая: «дѣдушка, покажь!» никакъ не сообразишь... совсѣмъ затормошили!

— Ничаво не сдѣлаешь! отозвался кто-то.

— Извѣстно, бабы— кто имъ радъ? проговорилъ разсудительнымъ тономъ мужикъ, исполнявшій за минуту передъ тѣмъ должность полицейскаго.

— Такой ужь видно ихній родъ! смѣясь, замѣтилъ другой.

— И диковинное это, право, дѣло... началъ-было снова старикъ; но третій мужикъ, малый лѣтъ тридцати, косою, какъ заяцъ, и рябой, какъ кукушка, который во все время предъидущаго разговора оцупывалъ лошадь торгаша, разсматривалъ съ величайшимъ любопытствомъ его сбрую и подводу, перебилъ его:

— Отколыва Богъ несетъ? спросилъ онъ.

— Ъду, то-есть, откуда?

— Нѣтъ, какихъ, примѣрно, губерній? подхватилъ рябой мужичокъ, укладывая локоть правой руки на облучокъ, а пальцами правой руки притрогиваясь къ оловяннымъ зеркальцамъ, сверкавшимъ изъ бумажнаго свертка.

— Губерніи Ярославской, словоохотливо возразилъ старикъ:— а вы, братцы, здѣшніе?

— Здѣшніе, отозвались мужики, причемъ тотъ, который лежалъ на локтѣ, приподнялъ уголь бумаги, скрывавшій мотки съ шелкомъ.

— Ваша деревня, какъ, братцы, прозывается... Мѣринское?.. такъ, что-ли?..

— Мѣринское...

— Такъ и есть; стало, здѣсь... такъ и сказывали; на третьей верстѣ, сказывали, отъ большой дороги, проговорилъ старикъ озираясь на стороны.— Скажите, братцы, нѣтъ ли у васъ такого мужичка... Тимошеемъ звать?.. не припомню только: Ѳедосѣевъ ли, Демьяновъ ли...

— Есть... Ѳедосѣева нѣтъ, а Демьяновъ есть.

— Какой-такой Демьяновъ?— У насъ трое Демьяновыхъ. Вонъ насупротивъ, одинъ... вонъ...

— Эй, братцы! уж не Лапша ли? ухмыляясь, спросилъ вельчакъ.

— Какой Лапша?

— А такъ прозвали у насъ одного мужичка, Лапшою... Лапша, да Лапша — такъ и стали звать.

— Тебѣ, дядя, какъ сказывали?

— Сказывали: какъ въѣдешь, говорятъ, въ околицу, на лѣвой рукѣ, тутъ и живетъ... никакъ пятая изба, никакъ шестая съ краю... не помню...

— Ну такъ и есть, Лапша! воскликнулъ рябой мужичокъ, отличавшійся любознательностью.

— Стало, есть какая надобность?

— Нѣтъ; братъ его наказывалъ кланяться, возразилъ старикъ, принимаясь за укладку товара.

При этомъ извѣстїи, мужики переглянулись между собою, послѣ чего глаза ихъ съ замѣтнымъ любопытствомъ обратились къ старику, и всѣ разомъ заговорили:

— Когда ты его встрѣлъ?.. гдѣ?.. въ коемъ мѣстѣ?..

— Нонче зимою встрѣлъ, ѣхамши изъ Алѣксина.

— Ахъ онъ разбойникъ! закричали мужики въ одинъ голосъ.

Восклицаніе было такъ неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ единодушно, что торгошъ невольно поднялъ голову и взглянулъ на нихъ пристальнѣе.

— Чтò вы, братцы? спросилъ онъ.

— Да вѣдь этотъ-то, чтò съ тобой встрѣлся, первый что ни есть мошенникъ! заговорили опять разомъ всѣ присутствующіе. — Вотъ ужъ никакъ пятый годъ въ бѣгахъ! Тѣмъ только и спасся—бѣжалъ! Ему давно бы въ Сибири быть...

— Какъ такъ?

— Да такъ! Такихъ дѣловъ надѣлалъ... и — и — и !..

— Онъ мнѣ сказывалъ, какъ я съ нимъ встрѣлся, сказывалъ, сапожнымъ, вишь, мастерствомъ занимается.

— Ахъ онъ разбойникъ! подхватили опять присутствующіе.

— Какъ ты съ нимъ встрѣлся? гдѣ? спросилъ одинъ изъ толпы.

— Точно, теперь какъ припомню... точно, чудно какъ словно, началъ старикъ: — ѣхалъ я нонѣ зимою, пробираясь къ Алѣксину городу; недалече ужъ было до ночлега — можетъ, этакъ, верстъ пятокъ оставалось; ужъ примеркать стало... знамо, дѣло зимнее, день-то короткій, къ тому и время такое было: мятель, погода та-

кая посыпала... Слѣзъ это я съ воза-то, рукавицами похлопываю, самъ иду подлѣ лошадечки... Иду такъ-то, смотрю, вижу—идеть впереди человекъ; съ нимъ паренёкъ... такъ мальчончекъ лѣтъ, этакъ, восьми, а, можетъ, и всѣхъ десять годковъ будетъ... Ну, поравнялись, нагналъ ихъ, поздоровались. Куда? примѣрно, откуда? Разговорились... Сталъ это онъ у меня просить парнишку посадить — посадилъ. Такъ-и-такъ, говоритъ, сапожнымъ, говоритъ, мастерствомъ пробавляюсь. «Это, говорю, сынъ у тебя?» — «Нѣтъ, говоритъ, чужой, въ ученье взять...» А самъ такой-то обдерганный: ни на немъ, ни на парнишкѣ полушубка нѣтути. Я и давай спрашивать: «гдѣ жь, говорю, цоклажа-то у тебя? чай струментъ есть?» — «Жительство, говоритъ, имѣю поближности, въ деревнѣ; тамъ, говоритъ, струментъ оставилъ...» Такой-то словоохотный, спрашиваетъ, куда ѣду. «Вы, говоритъ, вездѣ слоняетесь; неровно, говоритъ, доведется въ Каширѣ побывать, въ нашей сторонкѣ; тамъ есть, говоритъ, сельцо такое, Марьинское прозывается... коли приведетъ Богъ побывать, говоритъ, спроси мужичка Тимошея» — сказалъ, какъ примѣрно найтить — «кланяйся ему; скажи, молъ, братъ поклонъ посылаетъ...»

— Ну такъ, такъ! онъ и есть, онъ! Вишь разбойникъ!... заговорили опять въ толпѣ.

— Поди жь ты, что выдумалъ—а? сапожникъ! Ахъ онъ проклятый!... И парнишка съ нимъ... по отцу пойдетъ; ужъ это какъ есть что по отцу. То-то давно слуховъ-то не было... Поди жь ты! сказалси!

— Такъ, стало, паренёкъ-то ему не чужакъ? спросилъ удивленный старикъ.

— Какой чужакъ! Говорятъ тебѣ: сынъ, родной сынъ, подхватили мужики, перебивая другъ друга.—Въ тѣ поры, какъ бѣжалъ отъ насъ, въ тѣ поры и парнишку сводъ увелъ. Вотъ ужъ пятый годъ въ бѣгахъ...

— О чемъ вы тутъ? неожиданно спросилъ новый мужикъ, подходя къ возу.

— Слышь, вотъ старикъ съ Филиппомъ встрѣлся!... Филиппъ, слышь, Лапши нашего братъ, бѣглый-то!

Вѣсть эта произвела, казалось, на новоприбывшаго такое же точно впечатлѣнiе, какъ и на его товарищей.

— Поди жь ты какое дѣло! проговорилъ торгашъ:—а мнѣ и не въ догадку; думалъ, взаправду мастеровой.

— Вотъ нашель! Плуть первый сортъ, темный плуть! Чудно, какъ онъ съ тобою чего не сировориль. Знамо, такими дѣлами животъ кормить. Спроси, здѣсь всякій скажетъ... его по всей округѣ-то и то знаютъ... Эй, Пантелей! подь сюда! заключилъ вдругъ рябой мужичокъ, принимаясь махать руками по направленію къ околицѣ: — слышь, эй! Филиппа видѣли, Лапши нашего брата... вотъ старикъ встрѣлъ...

— Гдѣ? въ коемъ мѣстѣ? спросилъ, ускоряя шагъ, Пантелей, человекъ мрачно и суроваго вида, въ которомъ, по чернымъ и обгорѣлымъ рукамъ и носу, выпачканному сажей, не трудно было узнать кузнеца.

— Далеко, братъ! не поймашь! А ты ужь обрадовался, думалъ возьмешь, началъ-было весельчакъ, но другіе мужики перебили его и заговорили вмѣстѣ:

— Не нонче встрѣлъ, зимою, у Алѣксина... далеко, братъ, не догнать...

— Вотъ, дядя, спроси у него, у него спроси: онъ ти скажетъ, какой-такой Филиппъ человекъ есть, перебилъ, въ свою очередь, рябой мужичокъ, стараясь обратить на себя вниманіе торгаша: — совсѣмъ-было по-міру пустилъ, совсѣмъ рѣшилъ! прибавилъ онъ, выразительно моргая на кузнеца. — Эй, ребята! Эй, слышишь? довершилъ онъ, снова начиная махать руками и поворачиваясь то въ одну сторону улицы, то въ другую: — Эй, свать Нефѣдъ! ступай сюда: Филиппа видѣли, Лапши нашего брата... эй!...

Даже безъ этого извѣстія многіе изъ пожилыхъ мужиковъ и бабъ, непринимавшихъ участія въ хороводѣ, направлялись къ возу. Достаточно, вѣдь, увидѣть издалека двухъ-трехъ человекъ, собравшихся около одного мѣста, чтобъ привлечь толпу; но, при имени Филиппа, брата Лапши, каждый изъ подходившихъ ускорялъ шагъ. Вскорѣ вокругъ воза снова составился порядочный кружокъ. Рябой мужичокъ пересталъ, между-тѣмъ, кричать; онъ торопливо передавалъ новость, переходя отъ одного къ другому—никто, однакожь, не хотѣлъ его слушать: послѣ первыхъ двухъ словъ, каждый махалъ только рукою, отходилъ прочь и обращался съ разспросами къ торгашу.

— Надо полагать, братцы, этотъ Филиппъ далъ себя знать... вишь какъ вы о немъ хлопчете! сказалъ старикъ, котораго начинало забирать любопытство.

Осажденный новыми разспросами, онъ очень-охотно повторилъ встрѣчу свою съ Филиппомъ.

Во время разсказа, прерывавшагося бранью, какъ только прозносилось имя Филиппа, рябой мужичокъ ни на секунду не оставался въ покоѣ; его точно укусила ядовитая муха: каждый членъ его, каждая черта лица его, особенно глаза и брови, находились въ страшной подвижности; онъ то подмигивалъ, то дергалъ за рукавъ сосѣда, приглашая его быть внимательнѣе, то обращался съ пояснительными жестами, наконецъ, не выдержавъ и неожиданно крикнулъ:

— Экой разбойникъ!

Выходка эта встрѣтила на этотъ разъ живое сочувствіе въ окружающихъ; крупная брань, какъ картечь, посыпалась отовсюду.

— Слышь, дядя! у этого, вонъ у этого двѣ лошади увѣлъ! вмѣшался рябой мужичокъ снова, указывая на кузнеца: — двѣ лошади увѣлъ, самъ тебѣ скажетъ... Скажи, Пантелей, какъ дѣло-то было...

Глаза присутствующихъ мгновенно перешли отъ торгаша къ Пантелею; но Пантелей обманулъ всеобщія ожиданія: онъ упорно молчалъ, и только выраженіе его грубаго лица да нахмуренныя брови высказали чувства, пробуждавшіяся въ немъ при воспоминаніи о Филиппѣ.

— Кому онъ здѣсь только не врагъ? сказалъ съдой старикъ: — о-сю-пору всѣ поминають. Даромъ пятый годъ слуховъ нѣтъ, всѣмъ на шею сълъ.

— Воръ воруетъ — міръ горюетъ. Кто ему, вору-то, радъ!

— И парнишку-то сводъ погубилъ, окаянный! прокричала нестати какая-то старуха.

— То-то, я чай, нашъ Лапша-то подивится, какъ провѣдаетъ! Онъ думаетъ, брата давно ужъ въ живыхъ нѣту; самъ намедни сказывалъ...

— А ты и повѣрилъ! сурово перебилъ кузнецъ Пантелей.

— На такихъ людей погубели нѣтъ; ничего имъ не дѣлается, замѣтилъ кто-то.

— Ну, а что, братцы, каковъ у васъ этотъ-то братъ? спросилъ торгашъ.

— Лапша-то?

— Дѣ.

— Все единственно... такой же разбойникъ! проговорилъ кузнецъ.

Выходки кузнеца не заключали въ себѣ, казалось, ничего особенно-забавнаго, тѣмъ не менѣе въ толпѣ многіе разразились хоко-

томъ; надо полагать, сближеніе, которое сдѣлалъ кузнецъ между Лапшою и его братомъ, показалось присутствующимъ черезчуръ уже несбыточнымъ, невѣроятнымъ.

— Стало, такой ужъ видно весь ихній родъ: всѣ однимъ путемъ-дорогой пошли! произнесъ торгашъ, покачивая головою, причемъ макушка его шапки обнаружила нѣсколько разъ намѣреніе сорвать съ плечъ голову своего владѣльца.

— Вся семья таковская! одинъ въ одново! упрямо подтвердилъ кузнецъ.

Снова нѣкоторые засмѣялись.

— Полно, братъ Пантелей, полно! не грѣши! съ укоромъ произнесъ степеннаго вида мужикъ, молчавшій до того времени: — станешь такъ-то про другихъ худо говорить, узнаешь и про своихъ. Коли говорить, такъ говори настоящее...

— Я и то настоящее говорю: мошенникъ—да и все тутъ!

Степенный мужикъ досадливо махнулъ рукою и отвернулся.

— Извѣстно, одинъ братъ грабить, другой концы хоронить, сурово подхвятилъ кузнецъ:—слышь, не знаетъ Лапша, живъ ли братъ — какъ же! Думаешь, какъ лѣтось пастухъ нашъ встрѣлъ Филиппа у рощи, думаешь, этотъ не зналъ? Они за-одно дѣйствуютъ. Ты вѣрь ему, что онъ дурачкомъ-то прикидывается, вѣрь...

— Полно, говорю, началъ опять степенный мужикъ: — не чужимъ рассказываешь... Тотъ ограбилъ тебя — точно; ты на него и сердчай; говори кому хошь, всякой скажетъ: «грабитель». А этого позорить тебѣ нѣ за что. Братъ за брата не отвѣтчикъ! Лежачаго, братъ, не бьютъ — не приходится!

— Ужь это какъ есть...

Многіе изъ присутствующихъ, въ томъ числѣ и бабы, вступились за Лапшу.

— Ну взсъ совѣмъ! съ досадивымъ нетерпѣніемъ крикнулъ Пантелей и, толкнувъ плечомъ двухъ-трехъ сосѣдей, пошелъ своей дорогой.

— Какъ распрогнѣвался! не по скусу, стало, пришло! смѣясь замѣтили въ толпѣ.

— Не пуце силѣнъ, не страшно! сказалъ съ пренебреженіемъ степенный мужикъ, вступившійся за Лапшу.—Знамо: ну, за что онъ его позорить? И безъ того обиженный человекъ кругомъ какъ есть. Черезъ брата сводъ всего рѣшился, да за его же худыя дѣла отвѣчать должонъ.

— Это точно, настоящее говорить. Человѣкъ точно смиренный, отозвалось нѣсколько голосовъ, въ числѣ которыхъ особенно прозвенѣлъ голосъ рябаго мужика.

— Такой-то смиренный, косатикъ, и... и... телята свои лижутъ! опять некстати крикнула старуха.

— Кабы, какъ вотъ онъ говорить, заодно дѣйствовали, этотъ не сидѣлъ бы безъ хлѣба. Отъ міра не утаишься: все на виду! подхватилъ степенный мужикъ, оставшійся, повидимому, совершенно-равнодушнымъ къ поощрительнымъ возгласамъ окружающихъ:—а то вѣдь мы видимъ: бѣднѣе ихней семьи не сыскать по всей округѣ...

— Ужъ очень хорошо отощали, родимый, послѣ брата-то; какъ братъ-то убѣгъ, отощали хорошо, снова вмѣшалась старуха.

— Ребятъ много: они пуце всего одолѣли! замѣтила другая.

— Экъ сказала! рѣзи у него одного ребята-то? не бось у всѣхъ есть! проговорилъ полунебрежно-полунасмѣшливо высокій мужикъ съ желтыми, какъ лимонъ, волосами.

Мужикъ этотъ, котораго звали Мореемъ, одинъ изъ всей толпы не вмѣшивался до-сихъ-поръ въ разговоръ; онъ только слушалъ, щурилъ глаза и почесывалъ затылокъ съ такимъ видомъ, что никакъ нельзя было опредѣлить, сердится онъ, или радуется.

— Что жъ? она правду говоритъ: у кого достатки, и тѣмъ ребята въ тягость; а вотъ какъ у Лапши ихъ шестеро, знамо, сокрушать! сказалъ степенный мужикъ:—только совсѣмъ не черезъ это Лапша разстроился; главная причина: самъ, черезъ себя, а тутъ еще пришелъ да братъ доконалъ.

— Такъ что жъ? ему теперь поправляться надѣтъ; радоваться надѣтъ, что отъ худаго человѣка ослобонился, сказалъ торгашъ.

— Вотъ пооди жъ ты! а онъ еще хуже сталъ жить.

— На него, косатикъ, напущено; лихой человѣкъ напустилъ! неожиданно перебила все та же старуха.

Морей сомнительно покачалъ головою и недовѣрчиво усмѣхнулся; послѣ этого лицо его сдѣлалось вдругъ, въ одно мгновеніе ока, серьезнымъ и даже гнѣвнымъ; онъ пригнулся къ старухѣ и быстро, какъ словно выстрѣливая изъ пушки, прокричалъ ей въ самое ухо:

— Напущено! кто напустилъ? самъ напустилъ!

Послѣ этого Морей снова впалъ въ молчаніе и только улыбками выражалъ свое неудовольствіе, когда вступались за Лапшу, что, скажемъ мимоходомъ, случалось довольно-рѣдко.

— Еще Господа Бога благодарить должёнъ, что такая жена ему напалась, сказалъ степенный мужикъ:—кабы не она, кажись, не было бы у него съ ребятышками—то ни хлѣба прокормиться, ни рубашонки покрыться; такъ ходили бы, нагишомъ, голодные!... Не ему бы только ею владѣть, потому, надо правду молвить: мужикъ пустяшный; только женой одной все и держится—голова всему дому!...

Во время этихъ объясненій, старый торгашъ не переставалъ заниматься укладкою своихъ товаровъ. Прикрывъ возъ кожею, онъ попросилъ, чтобъ ему указали избу Лапши.

— Вонъ, седьмая съ краю, отъ околицы; вонъ, что крыша-то обвалилась, ворота обдерганныя! заговорилъ, махая руками и двигая бровями, рябой мужичокъ:— то-то, я чай, подивится Лапша-то какъ про брата провѣдаетъ... особливо коли взаправду думалъ, брата давно въ живыхъ нѣтъ...

— Ахъ-э! крикнулъ неожиданно Морей и схватилъ себя за голову.

— Что ты?

— Зачѣмъ я ему далъ крупу-то! крикнулъ Морей съ видомъ отчаянья.

— Кому далъ?

— Лапшѣ! Сталъ это просить, присталъ: «дай, да дай»—я ему и далъ.

— Ну такъ что жь?

— «Отдать, говорить нѣтъ»; пропало, значить, добро! Ахъ-э! заключилъ Морей, снова схватывая себя за голову.

— Ну что! есть о чемъ горевать! сказалъ торгашъ:— коли бѣдный человекъ, Господь воздастъ тебѣ за него. А я заѣду къ нему, погляжу, примолвилъ онъ, какъ-бы раздумывая самъ съ собою:— захватъ все надобно, поклонъ отвезти: каковъ ни есть, все брать; одна полоса мяса—не оторвешь.

— Что говорить! сказалъ степенный мужикъ:— только врядъ порадуется какъ провѣдаетъ. Добрѣ ужь оченно тотъ-то худую по себѣ память оставилъ.

Старикъ приладилъ на облучкѣ, раскланялся съ толпою и поѣхалъ къ избѣ Лапши, сопровождаемый, съ одной стороны, рябымъ, безпокойнымъ мужичкомъ, который началъ его убѣждать перемѣнить чекѣ, оказавшуюся, по его мнѣнью, ненадежною, съ другой стороны, хороводной пѣсней, которая, то звенѣла въ ушахъ,

какъ сотня колокольчиковъ, то гудѣла, какъ шмель, смотря по тому, подхватывали ли бабы и дѣвки, подстрекаемая востроглазой запѣвалкой, или подтягивали одни парни.

II.

Лапша и его семейство.

Подѣхавъ къ тимоеевоѣ избѣ, старый торгошъ соскочилъ на-земь, внимательно осмотрѣлъ, плотно ли увязана кожа, прикры-вавшая товаръ, и пошелъ къ воротамъ.

Напрасно искалъ онъ веревочки, которая обыкновенно приво-дитъ въ движеніе деревянный засовъ — засова не существовало, да и нѣ къ чему было: цѣлыхъ двухъ тѣсинъ не доставало въ воротахъ, и будь они даже крѣпко замкнуты изнутри—все-равно: каждый могъ бы свободно проникнуть во дворъ. Старикъ пока-чалъ головою, отперъ ворота и вступилъ на тѣсный, топкій дво-рикъ; темные, кривые столбы, изъѣденные снизу сыростью, сверху червоточиной, еле-еле поддерживали сѣрый, полусгнившій соло-менный навѣсъ, выказывавшій голыя стропилы; плетень огибалъ дворъ съ трехъ сторонъ и составлялъ заднюю стѣну навѣсовъ; онъ сваливался фестонами то на одинъ бокъ, то на другой, такъ-что мѣстами можно было бы разсматривать, что дѣлалось у со-сѣдей, еслибъ сосѣдскіе плетни не отличались крѣпостью. Въ задней и самой темной части навѣса находились еще ворота; въ настоящую минуту они были настежь отворены и представляли, посреди темноты, ихъ окружавшей, яркое солнечное пятно, въ которомъ рисовались, какъ на картинкѣ, узенькая тропинка, про-тоштанная въ крапивѣ, гряды огорода, изрытыя копытами, и въ отдаленіи—рига, грозившая разрушеніемъ. Косые лучи заходящаго солнца, обдавая яркимъ блескомъ всю эту заднюю часть владѣній Лапши, значительно еще скрашивали ихъ пустоту и бѣдность.

Живые глазки стараго торгоша снова перенеслись во внутрен-ность двора; но смотрѣть было рѣшительно нѣ на что: если и выглядывало кой-гдѣ хозяйственное орудіе, то все до такой сте-пени было ветхо и запущено, что доброму мужику оставалось только плюнуть или пожать плечами. Солнечные лучи, проходя сквозь щели плетней и дыры навѣсовъ, дѣлали изъ двора Лапши какое-то подобіе стараго, брошеннаго рѣшета. Дерево врядъ ли даже годилось на дрова.

Осмотрѣвшись еще разъ вокругъ и видя, что никто не идетъ, старикъ направился къ дверямъ сѣней (сѣни, примыкавшая къ нимъ клѣтушка и задняя часть избы занимали почти половину двора); въ это самое время на порогъ сѣнныхъ дверей показалась высокая, худоцавая женщина, съ лицомъ смуглымъ и энергическимъ; въ рукахъ ея покоился грудной ребенокъ.

— Кого тебѣ, батюшка? несомѣтъ-ласково спросила она, оставаясь и раскрывая удивленные глаза.

— Здравствуй, косатка.

— Кого надо? перебила она ужъ съ явнымъ нетерпѣнiемъ.

— Здѣсь живетъ мужичокъ... Тимошеемъ звать?...

— Здѣсь, какъ-будто нерѣшительно выговорила она; на лицѣ ея пробѣжала тѣнь неудовольствiя; она не старалась даже скрыть его и промолвила сурово:

— Ты бы, батюшка, коли надобность есть, постучалъ съ улицы, а то прямо на дворъ влѣзь!

— Я, матушка, не за худымъ дѣломъ...

— Все одно; такъ лѣзть безъ спросу не годится: — спросилъ бы прежде...

— Ты, видно, хозяйка?

— Хозяйка.

— Дома мужъ?

— Дома.

Съ этими словами ворота заскрипѣли, и на дворъ вбѣжали сломя голову двѣ чихающiя овцы; съ улицы послышался ревъ, бляенье и топотъ бѣжавшаго стада, которое только-что, вѣроятно, вогнали въ околицу. Слѣдомъ за овцами показалась молоденькая, круглолицая дѣвушка, съ хворостинкой въ рукѣ.

Увидя чужаго человѣка, она остановилась, поправила ветхiй платокъ на головѣ и вопросительно взглянула на смуглую женщину.

— Маша, сходи за отцомъ, сказала та:—онъ никакъ въ ригу пошелъ; скажи, спрашиваютъ, молъ.

Дѣвушка съ замѣтною торопливостью направилась къ заднимъ воротамъ. Профиль ея фигуры рѣзко обозначался въ свѣтломъ отверстiи воротъ; ступивъ на тропинку, гдѣ снова освѣтило ее заходящимъ солнцемъ, она безъ оглядки бросилась бѣжать по направленiю къ ригѣ.

Видно было, что гости очень-давно не заглядывали къ Тимошею: появленiе новаго незнакомаго лица приводило хозяйку въ замѣтное недоумѣнiе; черныя ея брови словно подергивало отъ

внутренняго безпокойства ; она глядѣла на старика такими глазами, какъ—будто старалась дознаться, что могло привести его къ нимъ. Чувство недоувѣрчивости и подозрительности вообще свойственно простому народу ; но бѣдные люди этого сословія присоединяютъ еще къ этимъ двумъ свойствамъ пугливость, иногда вовсе даже ни на чемъ неоснованную, но выходящую, вѣроятно, изъ сознанія собственнаго безсилія и ничтожества.

— Надобность, что ли, есть до мужа—то? спросила она съ тою рѣзкостью, которую обнаруживаютъ обыкновенно недовольные, раздраженные люди, поставленные въ необходимость скрывать свои чувства.

— Надобности никакой нѣтъ, возразилъ старикъ:— только что вотъ повстрѣчался я нонѣ зимою съ братомъ мужа, наказывалъ кланяться...

Трудно выразить, какое дѣйствіе произвели послѣднія эти слова на хозяйку. Недовольное лицо ея мгновенно выразило испугъ и замѣшательство; смуглыя, энергическія черты ея вдругъ вытянулись, задрожали и покрылись желтоватою блѣдностью; но это продолжалось всего секунду; ужасъ ея мгновенно уступилъ мѣсто выраженію злобы и ненависти.

— Такъ вотъ ты зачѣмъ! крикнула она, быстро перенося ребѣнка въ лѣвую руку и принимаясь правой махать по воздуху:— ступай, ступай по—добру, по—здорову... не надѣть намъ ни чьихъ поклоновъ, не нуждаемся! Брата нѣтъ у насъ никакого... Коли кланяться велѣлъ, стало, на—смѣхъ... Ступай, ступай! Отко—лѣва пришелъ, туда и ступай! Мы не нуждаемся...

— Я этихъ дѣловъ вашихъ не знаю, перебилъ старикъ, ошеломленный этимъ потокомъ непривѣтливыхъ словъ.—По мнѣ, пожалуй, пойду... Сказала бы: ненадо—и дѣлу конецъ; безъ крику эвтаго ушелъ бы... Я ни въ чемъ этомъ не причастенъ... потрудилъ только себя, къ вамъ зашелъ, васъ же жалѣючи...

— Всѣхъ не пережалѣешь, батюшка! Мы и въ эвтомъ не пуще чтобы нуждались, возразила она какъ—бы тономъ оскорбленія, но съ мѣньшею, однакожъ, запальчивостью. Кроткій, почтенный видъ старика очевидно обезоруживалъ ее; кромѣ—того, и ребенокъ на рукахъ ея, отъ сильнаго движенія и крика матери, проснулся и заплакалъ.

— Все это ваше дѣло, на томъ стало и быть; а только сердать такъ—то ненадо бы... Вамъ же хотѣлъ послужить, а выхо—

дѣтъ , чуть въ зашеи не вытолкали. Ну, спасибо , косатушка, спасибо...

Сказавъ это , старикъ , красное лицо котораго превратилось въ багровое, поправилъ шапку и готовился уже повернуть къ воротамъ, когда глаза его встрѣтили Тимоея (такъ, по-крайней-мѣрѣ, подумалъ старикъ). Тимоеей торопливо ковылялъ по тропинкѣ, сопровождаемый круглолицей дѣвушкой.

Одинъ видъ приближавшагося мужика невольно уже какъ-то приводилъ на память данное ему прозвище. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ чрезмѣрно тощъ, блокуръ и длинень; но все существо его, казалось, насквозь проникнуто переминаяемъ и мямленьемъ. Ногами передвигалъ онъ довольно-скоро, но онъ выступали нерв-шительно, путались и бились другъ о дружку; туловище его, съ узенькою , глубоко-впаюю грудью , и руки словно повиновались движенію ногъ и колыхались безъ всякой видимой цѣли; лицомъ онъ былъ, какъ говорится , *блденъ*, то-есть худощавъ и невзраченъ ; оно сохранило желтоватый , болѣзненный видъ , къ чему примѣшивалось еще выраженіе какого-то безпокойнаго ожиданія и пугливости. Онъ выступалъ впередъ нѣсколько наискось , бо-чкомъ, на манеръ того, какъ ходятъ раки, тяжело кашлялъ и ча-сто выпрямлялся , чтобъ перевести одышку; даже зрѣніе его ка-залось слабымъ : онъ щурилъ глаза , словно глядѣлъ на солн-це. Ему было лѣтъ сорокъ-пять съ небольшимъ , но волосы его замѣтно уже начали вытираться на макушкѣ; мягкіе, какъ пухъ, но плоскіе, какъ трава, они свѣшивались длинными жиденькими прядями до бороды, которая была такъ рѣдка, что позволяла раз-личать очертаніе рта и востраго, выдавашагося впередъ подбородка. Словомъ , это былъ совершеннѣйшій типъ безсилія и слабости. Физическое безсиліе, казалось, соответствовало въ немъ и нрав-ственному. При взглядѣ на Тимоея, приходила невольно слѣдую-щая мысль: какъ это могло статься, чтобъ у такого человѣка было такое множество дѣтей?.. Достоинно замѣчанія, что болѣею частію люди этого рода, которые готовы , кажется, сейчасъ распасться на куски и еле-еле живы , производятъ почти всегда многочис-ленное поколѣніе. Одна черта рѣзко только и обозначалась во всей наружности Тимоея: то были брови; онѣ отличались густо-тою и чернотою; но эта самая особенность служила, казалось, къ тому лишь, чтобъ окончательно досказать характеръ внѣшняго и внутренняго безсилія, проникавшаго все существо этого человѣка. Вступая въ разговоръ или даже слушая кого-нибудь , онъ усн-

Т. СІІ. — Отд. I. 2

ленно какъ-то приподымалъ то одну бровь, то другую, иногда даже обѣ вмѣстѣ: онъ точно призывалъ на помощь какую-то небывалую силу и внутренно старался ободрить себя.

Разварная наружность Тимоѳея, вѣроятно, заслужившая ему прозвище Лапши, поражала своимъ контрастомъ съ наружностью его дочери, шедшей рядомъ; она не была хороша собою, но вся фигура ея дышала необыкновенною подвижностью и оживленіемъ; въ смуглыхъ чертахъ дѣвушки отражались энергія и умъ, которые такъ рѣзко отличали черты ея матери; черные, выразительные глаза, окруженные длинными рѣсницами, и свѣжесть румянца, который игралъ на щекахъ вопреки стѣсненному воздуху избы, дыму и худой пищѣ, составляли, вмѣстѣ съ молодостью, всю красоту Маши.

По-мѣрѣ-того, однакожъ, какъ приближался Тимоѳей, лицо торгаша принимало выраженіе обычной веселости.

— Э! знакомый человѣкъ! воскликнулъ онъ, какъ-только Тимоѳей показался подъ навѣсомъ: — вотъ не чаялъ, не гадалъ! Такъ, стало, ты самый и есть Тимоѳей? подхватилъ онъ, выступая впередъ, между-тѣмъ, какъ дочь пошла къ матери.

Встрѣча эта, по неожиданности своей, поразила удивленіемъ и дочь и мать.

— Здорово, братъ Тимоѳей, здорово! Вотъ Господь привелъ свидѣться... не думалъ, не гадалъ, что къ тебѣ на дворъ зашелъ... Аль не признаешь?...

— Какъ не признать! началъ Лапша протяжнымъ, груднымъ голосомъ, но вдругъ закашлялся, схватился обѣими руками за грудь и замоталъ головою.

Вѣсть о приходѣ незнакомаго человѣка, видно, еще сильнѣе взволновала его и потревожила, чѣмъ жену. Руки и ноги его дрожали.

— Какъ же! я тебя знаю, продолжалъ онъ тѣмъ же нервшителнымъ, робкимъ, груднымъ голосомъ:—не помню вотъ только какъ звать...

— Не-ужь-то забылъ? простодушно воскликнулъ старикъ, откидывая голову назадъ, причемъ макушка его шапки съехала ему на глаза: — дядю-то Василья забылъ! И то сказать, много время прошло... Ахъ, Тимоѳеюшка, Тимоѳеюшка!... А я, признаться, совсѣмъ ужь-было идти хотѣлъ... Ковяйка твоя добре на меня взбѣлась, такъ вотъ и рветъ, со двора гонить... Мы, слышь, тѣтка, съ мужемъ-то старые знакомые, подхватилъ онъ, обращаясь къ женѣ, которая съ выраженіемъ удивленія переносила глаза отъ гостя къ мужу: — два года будетъ, знакою...

кабы не онъ , добрый человекъ напался, я бы сѣвѣмъ и съ возомъ—то доселѣва въ Окѣ сидѣлъ: онъ, спасибо ему, подсобилъ... только насъ двое тогда и было... Съ обозомъ никакъ вѣхалъ тогда?...

— Съ обозомъ , возразилъ , едва-оживляясь, Тимошей: — отъ своихъ поотсталъ тогда... подъ Каширой; точно, сошлись на рѣкѣ... ты мнѣ еще тогда цѣлковый рубль далъ... за хлопоты...

— Чтò поминать объ этомъ! Я вѣкъ должонъ тебя помнить: кабы не ты...

— Да ты спроси у него, зачѣмъ пришелъ, нетерпѣливо перебила жена, выразительно указывая мужу на гостя.

Тимошей замигалъ глазами.

— Кабы зналъ я, примѣрно, обо всѣхъ этихъ вашихъ дѣлахъ, лучше бы и говорить не сталъ; какъ передъ Богомъ, не сталъ бы! началъ старикъ: — вотъ чтò, братъ Тимошей, слышь: нонѣ зимою, вѣхавши подъ Алѣксинымъ, повстрѣчалъ я твоего брата; больше ничего; велѣлъ только кланяться...

Вѣсть о братѣ произвела на Тимоея совершенно-другое дѣйствіе, чѣмъ на жену его: онъ не пришелъ въ негодованіе, а, напротивъ, окончательно уже раскисъ; руки его опустились, голова свѣсилась—онъ весь опустился, какъ-будто держался прежде помощью костылей и костыли эти вдругъ отняли.

— Чтò за диковинка, право! Я, признаться, ума не приложу, о чемъ ужъ вы больно такъ сокрушаетесь, сказалъ старикъ, разводя руками:—знамо, худой человекъ, ну... ну, и Богъ съ нимъ! Что слава-то худая, ну такъ чтò жь? Худыя дѣла за нимъ и останутся... Братъ за брата не отвѣтчикъ ни передъ кѣмъ...

— Главная причина, робко проговорилъ Тимошей:—на деревнѣ провѣдають...

— Это о чемъ?

— О томъ вотъ, что живѣ-то онъ и кланяться мнѣ велѣлъ...

— Ну, братъ Тимошей, въ этомъ, признаться, виноватъ, погрѣшилъ. Главная причина, не зналъ я ничего объ этихъ вашихъ дѣлахъ, произнесъ торгашъ:—какъ быть-то! Началъ спрашивать, гдѣ, молъ, такой Тимошей живетъ, такъ-и-такъ, отъ брата, говорю, поклонъ привезъ... стали спрашивать: тары-бары... ну, признаться, маненько, того... объ этомъ потолковали... Ты не взыщи на мнѣ, потому не зналъ я ничего этого...

— Проходу теперь не дадутъ! проговорилъ Лапша, ударяя объ полы руками, съ видомъ крайняго замѣшательства.

Все это, очевидно, столько же неприятно было женѣ, сколько и мужу. Неудовольствіе ея особенно высказывалось взглядами, которые не переставала она бросать къ той сторонѣ двора, гдѣ располагались уличныя ворота; она передала наконецъ ребенка дочери и нетерпѣливо пошла къ воротамъ: увидя нѣсколькихъ бабъ, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ къ ней на дворъ, она выместила на нихъ всю свою досаду.

— Ну что стали?... народъ только тѣшить! съ сердцемъ сказала она, возвращаясь на дворъ, обращаясь къ гостю и мужу: — коли есть о чемъ толковать, ступайте въ избу!

— Зайди, добрый человекъ, проговорилъ Лапша, переминаясь.

— Я бы ништо, пожалуй; время къ вечеру, ужъ солнце садится... ѣхать погодить надо до завтра, простодушно вымолвилъ старикъ: — опасаясь вотъ только насчетъ воза, какъ-будто на улицѣ оставить не годится... не тронули бы...

— Пожалуй, дочка поглядить, сказалъ Лапша.

— Погляди, косатка, пока съ отцомъ посижу, подхватилъ старикъ: — оченно ужъ, вижу, убивается... надо, примѣрно, поговорить съ нимъ... Хоша я не причиненъ, а все какъ словно черезъ меня дѣло то вышло...

Дѣвушка укутала ребенка въ ободранную отцовскую овчину, висѣвшую на плечахъ ея, и, обмѣнявшись взглядомъ съ матерью, пошла къ воротамъ.

Катерина (такъ звали тимоееву хозяйку) послѣдовала за мужемъ и гостемъ. Войдя въ избу, маленькую, тѣсную и курную, съ почернѣвшей печью въ лѣвомъ углу, старикъ набожно перекрестился передъ иконами.

Въ настоящую минуту въ избѣ было очень-свѣтло; кромѣ-того, что низенькія окна, обращенныя къ западу, пропускали красноватый блескъ огненного заката, послѣдніе солнечныя лучи, скользнувъ изъ-подъ длинныхъ багровыхъ тучъ, играли на правой стѣнѣ; эти солнечныя пятна, принимавшія видъ пылающихъ угольевъ, разливали по всей избѣ золотисто-желтоватый полусвѣтъ, такъ что легко было различать предметы въ самыхъ дальнихъ углахъ.

Въ одномъ изъ нихъ старикъ увидѣлъ женскую фигуру, сидѣвшую на лавочкѣ. Принявъ ее за родственницу хозяевъ, онъ поздоровался.

— Не взыщи, косатикъ, она ничего не смыслить, умомъ повредила, сказалъ Лапша.

— Съ чего жъ такъ?

— Такъ ужь, видно, Господу угодно, подхватила Катерина съ явнымъ намѣреніемъ прекратить дальнѣйшіе разспросы.

Гость сдѣлалъ видъ, будто остался доволенъ объясненіемъ, но воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ снова глянуть въ уголь.

Безумная, которой всего было лѣтъ тридцать, сидѣла, поджавъ ноги и положивъ подбородокъ на колѣни; въ рукахъ у нея было полѣно (истертое, почернѣвшее полѣно отъ долгаго пребыванія въ рукахъ); оно было обернуто въ тряпье; прижавъ полѣно крѣпко къ груди и укачивая какъ ребенка, она не переставала бормотать что-то скороговоркою подъ-носъ.

Старикъ невольно покачалъ головою, но, встрѣтивъ взглядъ хозяйки, поспѣшилъ съѣсть на лавку подлѣ Тимоѳея, который, казалось, все еще не успѣлъ оправиться отъ смущенія; складки худенькой рубахи сильно измѣняли дрожавшимъ рукамъ и колѣнямъ; усиленно приподымая то одну бровь, то другую, онъ видимо старался ободрить себя; наконецъ, послѣ долгаго переминая на одномъ мѣстѣ, послѣ взглядовъ, направленныхъ къ женѣ, которая прибирала что-то у печки, онъ кашлянулъ нѣсколько разъ и какъ-бы собрался съ духомъ.

— Гдѣ жь это ты... говорилъ, гдѣ... гм! гм! вишь одолѣлъ, проклятый... почитай... гм! почитай съ самой вотъ осени... Гдѣ это ты... съ нимъ встрѣлся?... добавилъ онъ, сопровождая каждое слово пугливымъ взглядомъ, обращавшимся то къ женѣ, то къ гостю.

Катерина мгновенно отошла отъ печки и, судорожно скрестивъ на груди руки, нахмутивъ брови, остановилась подлѣ разговаривавшихъ.

Гость очень-охотно приступилъ къ разсказу.

Съ первыхъ же словъ безумная перестала бормотать и подняла голову, едва-прикрытую платкомъ, изъ-подъ котораго вырывались въ безпорядкѣ пряди бѣлокурыхъ волосъ; сначала она исключительно какъ-бы занималась разсматриваніемъ незнакомца; мало-по-малу блуждающіе, голубоватые глаза ея остановились на одной точкѣ, и лицо осмыслилось выраженіемъ страха; ноги ея свѣсались, шея вытянулась; съ каждой секундой дѣлалась она внимательнѣе; съ именемъ Филиппа она задрожала всѣми своими частями и съ выраженіемъ неописаннаго страха скрыла полѣно подъ лохмотья одежды.

Присутствующіе такъ были заняты своими собственными мыслями и соображеніями (старикъ не отрывалъ живыхъ глазъ сво-

ихъ отъ Катерины и ея мужа), что не замѣчали происходившаго въ углу, гдѣ сидѣла сумасшедшая.

Разскащикъ дошелъ такимъ образомъ до Стѣпки, сына Филиппа.

При этомъ въ избѣ раздался вдругъ такой крикъ, что старикъ, Лапша и его жена нѣсколько секундъ стояли какъ громомъ пораженные. Когда они опомнились, безумная лежала уже на полу, рвала на себѣ волосы и страшно колотилась головою о-земь; посреди рыданій ея, отъ которыхъ должна бы разорваться на части грудь ея, слышалось имя Стѣпки, сопровождаемое всякій разъ болѣзненно-мучительнымъ стономъ, какъ-будто она умирала.

Катерина бросилась къ ней со всѣхъ ногъ.

— Дунюшка! Дуня! заговорила она, придерживая ее одною рукою за голову, тогда-какъ другая рука осыняла безумную крестнымъ знаменіемъ:—Дуня! полно, косатка!.. Христось съ тобою!.. Послушай только меня... подхватила она съ особенною торопливостью: — слышь: Стѣпку привели! тамъ, въ огородѣ стоитъ, сердечный... тебя дожидаетъ... подь къ нему, болѣзная, подь... Вотъ поглядика-сь, вотъ этотъ самый дѣдушка привезъ его, на дорогѣ нашелъ... большой такой сталъ... погляди-тка... подь къ нему, родная, подь!.. продолжала она, стараясь приподнять больную и время-отъ-времени высвобождая руку, чтобъ привести въ порядокъ рассыпавшіеся ея волосы.

Дикое отчаянне Дуни, которую Катерина продолжала крестить и всячески успокаивать, перешло мало-по-малу въ притупленное вниманіе; вытянувъ шею съ раздувшимися жилами и какъ-бы прислушиваясь къ отдаленнымъ звукамъ, она не отрывала глазъ отъ двери. Немного погодя, она неожиданно встала на ноги и быстро побѣжала изъ избы, такъ-что хозяйка едва успѣвала за нею слѣдовать.

— Чтò за причина такая? спросилъ старикъ, все еще находившійся подъ впечатлѣніемъ удивленія.

— Да вотъ съ того самаго дня, какъ братъ увелъ парнишку, съ того дня и повредила... И прежде-то была какъ словно не въ своемъ разумѣ... житье добрѣ горькое было ей отъ мужа-то, а какъ увелъ парнишку, ну и совсѣмъ повихнулась, проговорилъ Тимошей разслабленнымъ тономъ.

— Эка горькая, подумаешь!.. Стало, она у васъ и живетъ?

— У насъ; хозяйка пожалѣла, взяла... ничего вѣдь не сдѣлавъ! добавилъ Лапша.

— Чтò жь? доброе дѣло! васъ за это Господь не оставитъ...

А я, признаться, Тимошей, маленечко, того... погрѣшилъ противъ жены твоей, не зналъ я въ ней такой добродѣтели... Ужъ очень съ начатія-то она на меня взялась, такъ вотъ и рветъ!... Теперь все у меня на виду, какъ есть, примѣтно... баба значить, точно, душа въ ней есть... хорошая, должно-быть, баба...

Вмѣсто отвѣта, Тимошей приподнялъ только брови и свѣсилъ голову.

Дядя Василій съ минуту поглядѣлъ на него молча, всталъ и подошелъ къ окну, въ которомъ все еще горѣло зарево заката.

— Я, братъ Тимошей, все на-счетъ, то-есть, воза сумнѣваюсь, вымолвилъ онъ, прикладывая красное, добродушное лицо свое къ стеклу и наклоня на бокъ голову, чтобъ удобнѣе взглянуть на возъ: — не напроказили бы тамъ; время праздничное, народу много добрѣ на улицѣ-то.

— Ты бы его къ намъ на дворъ свезь, сказалъ Тимошей, котораго болѣе еще, чѣмъ старика, безпокоила мысль, что возъ стоитъ у воротъ. Обращая на себя вниманіе стоявшихъ на улицѣ, возъ невольно приводилъ на память причину посвѣщенія стараго торгаша; о Филиппѣ начали уже забывать — и вотъ снова подымутся толки о немъ. Этого весьма-основательно опасался Лапша.

— Ничего, можно, пожалуй, и на дворъ свезти, сказалъ старикъ: — я ужъ заодно бы у васъ и ночевать остался. Куды теперь поѣдешь?.. Все одно, надо же гдѣ-нибудь... ты человѣкъ знакомый... свѣдо у меня свое есть; а коли потребуется на-счетъ, то-есть, себя, я не то, чтобы... я заплачу какъ слѣдуетъ.

Съ этими словами вошла Катерина. Проводивъ Дуню, она, видно, зашла взглянуть на дочь, потому-что ребенокъ снова находился на рукахъ ея.

Старикъ тотчасъ же передалъ ей свое намѣреніе и, принявъ минутное молчаніе хозяйки за согласіе, суетливо вышелъ на улицу, которая изъ конца въ конецъ оглашалась веселыми кликами играющихъ дѣтей и пѣсней хороводницъ.

III.

Ребятишки.

Спустя нѣкоторое время, на дворъ заскрипѣлъ возъ и послышался голосъ старика.

Когда, немного погодя, Тимошей и жена его явились на дворъ, лошадка дяди Василія была уже выпражена, а самъ онъ суетли-

во развязывалъ кожу, прикрывавшую товары; онъ не переставалъ болтать съ Машей, которая стояла подлѣ.

Солнце уже сѣло, но надъ самымъ дворомъ висѣло круглое, румяное облако, которое дѣлало предметы яснѣе и давало всему двору больше свѣта, чѣмъ въ иной полдень.

Съ первыхъ же словъ старика, Катерина и ея мужъ узнали, что онъ непременно настаивалъ на томъ, чтобъ дѣвушка взяла отъ него платочекъ, на-память.

— Чтò ты, батюшка, чтò ты! Господь съ тобою! торопливо сказала мать: — она къ этому непривычна; не надо-ть намъ ничего... мы не изъ того тебя пустили.

— Нѣтъ, ужь ты, матушка, не замай, брось, оставь ты это дѣло... ужь это моя, примѣрно, забота... Какъ же, слышь, подхватилъ онъ, принимая шутливо-озабоченный тонъ: — слышь, дѣвки поютъ на улицѣ, играютъ, потышакуются... ну, знаю, и ей хочется — человекъ молодой! все любезнѣе будетъ, какъ новенькій-то платочекъ повяжетъ... Ну, вотъ тебѣ, красавица, не побрезгай, возьми, заключилъ старикъ, тряхнувъ пестрымъ бумажнымъ платкомъ и подавая его дѣвушкѣ, которая не трогалась съ мѣста.

— Мнѣ... не надо, проговорила она нервнѣе, взглядывая на мать.

— Бери, бери; чтò ужь тутъ! Бери коли даютъ, сказалъ старикъ, добродушно посмѣиваясь.

— Ну, что жь! возьми, когда такъ... когда по душѣ даетъ, сказала мать, обращаясь къ дочери, которая взяла наконецъ платокъ, причемъ щеки ея вспыхнули, а лицо изобразило такую радость, какъ-будто это былъ первый подарокъ со дня ея рожденія.

— Ну, спасибо тебѣ, косатикъ, подхватила мать, стараясь сохранить какое-то внутреннее достоинство: — намъ хоша чужаго и ненадобно, а коли охота твоя такая, по душѣ даль, намъ обижать тебя не приходится; спасибо, кормилецъ!

Тимоеей умильно поглядывалъ на присутствующихъ и моргалъ глазами.

— Какъ ужь и благодарить намъ тебя! Не заслужили мы этого, косатикъ... Платокъ-та, вѣдь, можетъ, рубля два стоитъ! промолвилъ онъ наконецъ голосомъ, словно не ему дали, а онъ вынужденъ былъ дать подарокъ.

— Есть о чемъ разговаривать! И весь-то всего гривенникъ стòдитъ! перебилъ старикъ. — Ты какъ изъ Оки-то меня тащилъ, не на гривенникъ мнѣ добра-то сохранилъ. Вотъ случай привелъ

хощь дочку твою потѣшить. Ну, что жь ты стойшь, красавица? Ступай покажься на улицѣ-то... вишь пѣсни какъ знатно играютъ— и ты поди! примолвилъ онъ, обращаясь къ Машѣ.

— Что жь? сходи, поди, сказала мать.

Маша какъ-будто не рѣшалась, совѣстилась, наконецъ вошла въ избу; минуто спустя, она явилась на дворѣ, повязанная новымъ платочкомъ и быстро юркнула въ ворота.

— Много у васъ дѣтей-то? спросилъ старикъ, провожая ее глазами.

— Въ чемъ другомъ, батюшка, въ этомъ, кажись, нѣтъ недостатка: семья большая, возразила Катерина, и первый разъ на губахъ ея появилась улыбка.

— О-охъ! тоскливо простоналъ Тимошей.

— Ну что охашь-то? охъ да охъ! смѣясь сказалъ старикъ, дѣлавшійся веселѣе по мѣрѣ того, какъ ознакомливался съ хозяевами: — о чемъ? что дѣтей-то много? Это значить благословеніе Божіе.

— Шестеро человекъ! произнесъ Тимошей съ такимъ сокрушеннымъ видомъ, какъ-будто самъ произвелъ ихъ всѣхъ на свѣтъ и вторично предстояло ему родить ихъ.

— Ты бы вотъ, Тимошей, на жену-то поглядѣлъ лучше... вишь: развѣ она ими скучаетъ? а чай, больше твоего объ нихъ сердце болитъ; право, такъ! добавилъ старикъ, указывая на Катерину, которая въ это время высоко подымала обѣими руками младенца и заставляла его смѣяться.

Дядя Василій хотѣлъ-было что-то еще сказать, но прерванъ былъ звонкимъ лаемъ, раздавшимся у самыхъ ногъ его.

Обернувшись назадъ, онъ увидѣлъ маленькую, шаршавую, черную собачонку, съ стоячими ушами, вострой мордочкой, украшенной двумя желтыми крапинами надъ глазами и коротенькими кривыми передними ногами, расположенными какъ у танцмейстера; лай ея звенѣлъ, какъ тоненькій колокольчикъ; шерсть на спинѣ стояла торчмя, а хвостъ ззкручивался, вѣроятно, отъ злобы, такимъ тугимъ кренделемъ, что, казалось, не было силы, которая могла бы его выпрямить. Застигнувъ въ-расплохъ чужаго чело-вѣка на своемъ дворѣ, она, безъ-сомнѣнія, вцѣпилась бы въ икру его, еслибъ, вслѣдъ за ея появленіемъ, въ воротахъ не раздались четыре тоненькіе голоса, которые разомъ закричали: «Волчокъ! Волчокъ!».

Волчокъ тотчасъ же задвигалъ своимъ кренделемъ и полетѣлъ на встрѣчу четверемъ мальчуганамъ, входившимъ во дворъ.

Трое изъ нихъ были еще очень-малы—лѣтъ пяти, шести и семи; ручонками, вынутыми изъ рукавовъ, болтали они за пазухой, которая до того была набита всякой всячиной, что животы ихъ казались втрое толще обыкновеннаго; одежда ихъ, ноги съ засученными выше колѣнъ штанишками, и самыя лица до-того были выпачканы свѣжею грязью, что мать раскрыла только глаза и отступила.

Четвертый мальчикъ былъ лѣтъ девяти, съ продолговатымъ, оживленнымъ лицомъ и черными, умными глазами—вылитый портретъ матери; но энергическія, нѣсколько-рѣзкія черты Катерины, перейдя къ сыну, какъ-бы смягчились и во многомъ напоминали отца. Одежда его, состоявшая изъ рубашонки и штанишекъ, также засученныхъ выше колѣнъ, была, однакожь, чище и показывала въ немъ бережливость и даже вниманіе къ самому-себѣ; но пазуха была такъ же туго набита, какъ и у братьевъ.

Увидя незнакомаго человѣка, первые три мальчика, остановились сначала, какъ вкопанные, потомъ бочкомъ стали подбираться къ матери и вдругъ разомъ обхватили ея юбку; старшій, между-тѣмъ, поглядывая на старика и желая, вѣроятно, показать себя передъ нимъ, топалъ ногою и посвистывалъ съ самымъ серьезнымъ видомъ, призывая Волчка, который снова заливался на гостя.

Пронзительный лай Волчка мгновенно превратился въ ворчливое визжанье, потомъ Волчокъ подбѣжалъ къ мальчику, прыгнулъ ему на грудь передними ногами и, развернувъ свой крендель, принялся мотать имъ во всѣ стороны самымъ дружелюбнымъ образомъ.

— Подишь-ты—а! вишь какъ его слушаетъ? Сейчасъ отошла; а поди злущая какая! вымолвилъ, посмѣиваясь, старикъ.

— Нельзя же, возразила повеселѣвшая мать: — она знаетъ своего хозяина... щенкомъ взялъ; нѣтъ зимою замерзлаго почитай въ домъ принесъ, подъ плетнемъ гдѣ-то нашель... Ужь такая-то о немъ забота: хлѣбца дашь, и тотъ пополамъ дѣлить; ну она и слушаетъ.

— Это значить свово благодѣтеля почитаетъ, добро его помнить... Эки вы, право, ласковые, добродушные какіе! собакъ и тѣхъ жалѣете...

— Ахъ, вы отцы вы мои! да гдѣ жъ это вы были-то? заговорила вдругъ Катерина, оглядывая ирранишекъ, жавшихся у ея

юбка : — смотри какъ выпачкались!.. чумазые какіе! Гдѣ вы были-то? Не отмоешь никакъ... такъ, смотри, теперь и останетесь!

— Ничего не сдѣлаешь! проговорилъ Тимошей голосомъ, какъ будто въ-самомъ-дѣлѣ нѣчего уже было дѣлать, и дѣти его весь вѣкъ останутся облепленными грязью съ головы до ногъ.

— Гдѣ жъ вы были-то? въ лѣсу, чай?

— Въ лѣсу были, да очень-добрѣ вязко, не обсохло, сказалъ старшій мальчикъ, щелкая пальцомъ надъ головою Волчкѣ.

— Отцы вы мои! глянь-кась, чего только нанесли! подхватила мать, отрывая поочередно отъ юбки то одного, то другаго и начиная вытряхать пазухи, изъ которыхъ посыпались на земь камѣшки, трава, мохъ, прошлогодніе жолуди и кусочки цвѣтной глины, которую въ изобиліи находятъ въ ручьяхъ окрестныхъ мѣсть.

По окончаніи этой операціи, мальчуганы, дико-смотрѣвшіе на гостя, снова припали головами къ подолу матери.

— Эки молодцы какіе! смѣясь, воскликнулъ старикъ: — право, молодцы! вотъ хошь бы этотъ пузанъ какой! добавилъ онъ шутливо, тыкая пальцомъ въ животъ одного изъ нихъ; но ребенокъ затрясся всѣмъ тѣломъ, открылъ ротъ, закричалъ благимъ матомъ и затопалъ ногами.

— Полю, Костюшка! чего запужался, глупый? не бойся...

— Пстой, пстой! у меня вотъ тутъ есть штука такая... сейчасъ ознакомимся, вымолвилъ старикъ, направляясь къ возу: — Костюшка, глядь-кась, чтѣ у меня? ась? заключилъ онъ, подавая глиняный свистокъ, устроенный въ видѣ какой-то фантастической утки.

Заслышавъ голосъ старика, обращенный уже къ нему собственно, Костюшка еще глубже нырнулъ головою въ юбку, и не прежде, какъ когда раздались восклицанія его братьевъ, рѣшился выглянуть однимъ глазомъ изъ своей засады.

— Ну, ужъ нѣчего, видно, дѣлать, надо и другихъ потѣшить, чтобъ завидки не брали, промолвилъ дядя Василій, снова направляясь къ возу, между-тѣмъ, какъ Костюшка палилъ глаза свои на-выкатъ, разсматривая дудку, а мать разсыпалась въ благодарностяхъ.

Получивъ каждый по дудкѣ, мальчуганы, одинъ за другимъ, выпустили изъ рукъ подолъ матери, сбились въ кучку, съ минуту заглядывали другъ другу въ руки, поточъ приставили дудки ко рту и вдругъ наполнили дворъ неистово-дикими трелями, такъ-

что двѣ курицы, совсѣмъ уже было заснувшія подъ навѣсомъ, стремительно ринулись на землю и, растопыривъ крылья, забѣгали, какъ угорѣлыя, по всѣмъ угламъ.

— Ну, а ты, глазунъ, что на меня смотришь? подхватилъ дядя Василій, потряхивая головою передъ старшимъ мальчикомъ, ласкавшимъ Волчка, который присмирѣлъ, хотя все еще взвизгивалъ, когда старикъ подходилъ къ дѣтямъ: — вотъ тебѣ, глазунъ, на, возьми, добавилъ торгашъ, подавая ему маленькій писанный образокъ: — ты постарше тѣхъ, тебѣ и вещь такая соответственная — возьми.

Подарокъ привелъ мальчика въ бѣльшій еще восторгъ, чѣмъ подарки, данные братьямъ; онъ бросился показывать его матери. Она, повидимому, совсѣмъ уже примирилась съ гостемъ; извѣстie, привезенное старикомъ и такъ сильно встревожившее ее и мужа ея, было ею, повидимому, забыто.

Тимоеей кланялся, двигалъ бровями, кашлялъ и моргалъ глазами.

— Эки чудные! за что благодарите... рази я даромъ?.. вотъ вы меня за это покормите ужиномъ...

— Душою рады, родной, не зыщи только... у насъ вѣдь хлѣбъ одинъ.

Тимоеей, съ видомъ безсилія, замоталъ головою.

— А то чего жь еще? Вотъ! я не привередливъ; быть бы только сыту... А эти молодцы забыли никакъ объ ужинѣ-то съ своими дудками? добавилъ старикъ, указывая на мальчугановъ, прыгавшихъ и наполнявшихъ дворъ визжаньемъ.

Слово «ужинъ» напомнило имъ, однакожь, голодъ, который привелъ ихъ домой, и они приступили къ матери.

Катерина пошла въ избу и, минуто спустя, вынесла нѣсколько кусковъ хлѣба, словно отломанныхъ отъ разныхъ хлѣбовъ и собранныхъ въ разное время.

Получивъ по куску, ребятенки бросились къ воротамъ, то кусая хлѣбъ, то дуя въ свои дудки.

— А ты что жь, Петя? и ты бы пошелъ къ нимъ, батюшка! сказала мать старшему, все еще неотрывавшему глазъ отъ образочка.

— Нѣтъ, не хочется, сказалъ мальчикъ: — я въ избу пойду...

— Ну, подь, родной, подь, съ нами поужинаешь, сказала мать и, выждавъ минуто, когда мужъ и гость вошли въ сѣни, погладила мальчика по головкѣ и оглянула его съ выраженьемъ особеннаго какого-то самодовольства и нѣжности.

IV.

Бесѣда.

Ужинъ, точно, не превзошелъ обѣщаній хозяйки: онъ состоялъ изъ обломковъ хлѣба, накрошенныхъ въ чашку и приправленныхъ кисленькимъ кваскомъ.

— Гдѣ жь та-то... какъ бишь звать-то ее?.. ну вотъ братина-то жена? что жь она не идетъ ужинать? спросилъ старикъ.

— Бродить, я чай, поближности гдѣ-нибудь, а не то въ поле ушла; она теперь, ни за что не придетъ, отвѣчала Катерина, дѣлавшаяся все довърчивѣе и словоохотливѣе: — она и все такъ-то, какъ придетъ случай вспомнать ей мальчика, словно въ разумъ войдетъ; день, иной разъ два дня домой не показывается: уйдетъ въ лѣсъ, либо въ поле, ляжетъ на землю въ укромное какое мѣсто, голову платкомъ закроетъ... Слушать тяжело какія словеса говорить; насилу домой приведешь!.. Петя, ты бы, батюшка, поглядѣлъ сходилъ, нѣтъ ли ея гдѣ поближности, заключила Катерина, ласково обратившись къ мальчику, который усѣлся-было подлѣ старика и не спускалъ съ него глазъ: — коли тутъ она, снеси-ка ей, поди, хлѣбушка. А тамъ пошелъ бы къ ребятамъ на улицу. Ну что тебѣ съ нами-то? Подѣ, родной; право-ну!..

— Экі, подумаешь, горькія есть какія! промолвилъ старикъ послѣ того, какъ мальчикъ вышелъ изъ избы: — вотъ и не старъ чловѣкъ, а сколько горя-то принялъ! Ну ужь, точно, должно быть, злодѣй былъ мужъ-то — правду люди сказывали. Шутка, сколько зла сотворилъ! Знамо, ужь коли лихой чловѣкъ на-вернется, и уйдетъ онъ, а все о себѣ вѣсть подаетъ, все сказывается! Одного я, тѣтка, въ толкъ не возьму: онъ врозь жилъ съ вами, въ раздѣлѣ, али вы вмѣстѣ жили?

— Отъ того вся бѣда наша, что вмѣстѣ! сказала Катерина, лицо которой вмигъ утратило свою веселость.

— Какъ же это такъ? Видя черезъ него себѣ такую погибель, вамъ бы надѣть въ тотъ самый часъ отъ него отрѣшиться. Вѣдь это, выходить, по охотѣ по своей въ дому злодѣя держать — право, такъ!

— Охоты нашей держать его не было, проговорила Катерина, скрещивая на груди руки и потупляя голову.

Тимосей, между-тѣмъ, притупленно глядѣлъ въ землю, тяжело покрывалъ и кашлялъ.

— Кабы зналъ ты, что это за человекъ былъ! Ни стыда въ немъ ни совѣсти! проговорила наконецъ Катерина съ выраженіемъ ненависти, которая закипала въ ея сердцѣ всякій разъ, когда рѣчь касалась Филиппа: — мало ли билась я, мало ли колодилась, чего-чего не дѣлала: «не хочу, молъ, да не хочу дѣлиться!» только и отвѣтъ его былъ. Каменный былъ человекъ! Какъ отецъ съ матерью жили, все кой-какъ держался, опаску имѣлъ; а какъ померли они — и пошелъ, и пошелъ, словно того только и ждалъ: такъ закурилъ, безъ удержу безъ всякаго; а ужъ женатъ былъ и дѣтей двое было; только одинъ-то померъ, остался въ живности большинькій — вотъ съ кѣмъ ты на дорогѣ-то встрѣлся. Вовсе не сталъ тогда ничего опасаться: тащить, бывало, изъ дому что подъ руку попадетъ!...

Тимоѣей тоскливо замоталъ головою.

— Мнѣ самой въ эти дѣла съ начатія-то какъ словно не приходилось вступаться, продолжала жена: — ввѣта была я къ нимъ въ домъ сиротою; приданаго ничего этого за мной не было; знамо, совѣсть беретъ, сумѣнье. Къ-тому, и помоложе была въ ту пору; скажешь только: «Филиппъ, Бога-то хоть побойся!» а сама иной разъ поглядишь такъ-то на своихъ на ребятъ (Машъ десятый годокъ былъ, Петя въ зыбкѣ лежалъ), погляжу такъ-то, да такъ вотъ сама вся и заляюсь. Иной день уйдешь отъ грѣха въ лѣсъ съ ребятѣнками, да тамъ и проплачешь. Потомъ ужъ и терпѣнья моего не стало: вижу совѣтъ пришло дѣло къ разоренью. Были у насъ въ ту пору двѣ лошадки: онъ возьми да одну и уведи, и увелъ-то самую хорошую. Какъ провѣдала я, такъ инда кровь во всей во мнѣ запечаталась! Пристала я къ нему тогда, крѣпко пристала: «давай, говорю, дѣлиться!» Хошь бы онъ что, дѣдушка; въ глаза только посмѣялся!...

— Чего жъ ты-то глядѣлъ? и-ихъ! досадливо перебилъ дядя Василій, обращаясь къ Тимоѣю, который продолжалъ кряхтѣть да пропускалъ между зубами какіе-то неопредѣленные звуки: — ты старшій братъ, тебѣ надо было сокращать его. Мало ли что можно сдѣлать, подхватилъ онъ, перенося глаза къ хозяйкѣ: — сходили бы къ господамъ, а господъ нѣтъ, свели бы его къ управителю...

— Ходили, батюшка, ходила я къ управителю, возразила она съ такою живостью, какъ-будто спрѣшила оправдать мужа въ глазахъ старика: — увелъ это онъ у нашего кузнца двухъ коней

(своихъ-то ужь не было—извѣль, разбойникъ), возьми да и продай ихъ; знамо, и люди-то недобрые, что купили. Приходить опосля; мы ничего не знаемъ; приходитъ да съ пьяну-то и расскажи обо всемъ. Ну, думаю, провѣдаютъ — всѣхъ насъ запуталь, злодѣй! Пошла къ управителю; думаю: авось послѣ такого дѣла увидитъ человекъ, раздѣлитъ насъ—этого пуще всего хотѣюсь...

— Что жь управитель-то?

— Да чтò, добрѣ ужь очень-то онъ у насъ смиренъ, простѣ добрѣ, къ нашему крестьянскому дѣлу непривыченъ, отъ господъ постушилъ къ намъ. Знамо, потачки не далъ: наказатъ наказалъ; а только зачѣмъ ходила, этого не взялъ въ разсужденъе, не велѣлъ дѣлиться: «Хуже, говорить, тогда разоритесь; семья ослабнетъ, рабочихъ рукъ меньше будетъ». И добро бы, кормилецъ, было бы ужь чтò и разорять-то; разорять-то ужь было нѣчего: все рѣшилъ!

— Эки дѣла, подумаешь, эки дѣла!... вымолвилъ старикъ между-тѣмъ, какъ Лапша, приподымая то одну бровь, то другую, продолжалъ стонать и охать.

— Ужь это точно, и нѣтъ того хуже, какъ отъ домашнихъ прійдетъ бѣда, продолжала Катерина: — ближняя собака, знамо, та завсегда скорѣе укуситъ. Чужой человекъ прійдетъ, украдетъ— и нѣтъ его; и украдетъ-то, чтò подъ-руку попадетъ; а какъ свой такой заведется, все одно, что пожаръ въ дому загорѣлся: ничего не утаишь, все пожжетъ. Цѣлый годъ жили мы, такъ-то мучились. Отъ одного сумлѣнья, бывало, ночи не спишь, только и слышишь отъ бабъ: «добрѣ, говорить, на тебя очень серчаетъ». «Она, говорить, показала на меня управителю; я ей, говорить, дамъ себя знать! будетъ помнить!» все такъ-то передъ людьми похваляется... А самъ хоть бы мнѣ видъ какой показалъ — весь въ себя затаился. Знамо, оттого еще пуще сумлѣнье беретъ... Кто его знаетъ, чтò у него тамъ на разумъ-то! Только, бывало, и покажетъ себя, какъ за жену за 'его вступишься... Шибко билъ онъ ее въ ту пору, и билъ-то, такъ, незачто, словно намъ на зло — сердце такое имѣлъ каменное. Опосля ужь и вступаться не стала: вижу хуже, серчаетъ только. Слышимъ мы, на сторонѣ говорятъ, опять сталъ безобразничать: въ дому-то взять нѣчего — раза два у сосѣдей поймали...

— Что жь управитель-то? опять въ вотчинѣ оставилъ? спросилъ старикъ полусердито-полунасмѣшливо.

— Можетъ-статься, и услалъ бы куда-нибудь, да ужь послѣднихъ этихъ его дѣловъ не зналъ управитель: стали таить отъ него; всякій вѣстимо за себя опасался. «То, говорить, надѣлаю», грозить такъ-то по деревнѣ: «вамъ говорить, и во снѣ того не вкинется!» Боятся стали, не поджогъ бы какъ: знамо, отъ такого человѣка все станется. Пуще всего я за ребятъ за своихъ боялась; неоднократно, сказывали бабы, неоднократно стращаль ими... Такой страхъ напалъ на меня! Работу, бывало, возьмешь, такъ вотъ изъ рукъ и валится, особливо коли ребятъ дома нѣтъ; все думается: не сотворилъ бы худобы какой; ни днемъ ни ночью покою не было. Стращаль, стращаль, а подъ-конецъ самъ, злодѣй, загубилъ себя, присовокупила она послѣ минуты молчанія. — Остановился разъ у насъ купецъ: вхалъ въ Тулу, сказываютъ; мятель захватила его; онъ къ намъ и заѣхалъ, у старосты ночевать остался. Въ эту самую ночь у него деньги-то и пропади; и денегъ-то вишь много было. Хватъ-похватъ... за становымъ послали, начали спрашивать; тутъ миромъ на Филиппа и показали. Вѣстимо, ужь всѣ были о немъ извѣстны! Взяли этто его, повезли, въ судъ представили... Ужь чего, кажется? онъ взялъ, его было дѣло; окромя некому; такъ нѣтъ же, поди, всѣхъ началъ путать: на того покажетъ, на другого покажетъ, всю, почитай, деревню такъ-то запуталъ, всѣхъ въ судъ таскали. Подъ-конецъ самъ же вѣдь во всемъ повинился: «мое, говорить, дѣло!» Сами, признаться, обрадовались, какъ въ острогъ его засадили. «Братъ, братъ, да и Богъ съ нимъ!» думаемъ: «никто не повуждалъ, самъ того захотѣлъ!» Маненечко безъ него воздохнули. Однимъ скучали: черезъ него народъ-то очень нами обижался; всѣмъ горекъ былъ—всѣ на насъ и напали. Первое время и на улицу-то выйти не смѣй: такъ всякій тебя въ глаза и позорить; за водой пойдешь — у воротъ-то топчишься, топчишься, бывало... А все радуешься: Слава ти, Боже, думаешь, ослобонилъ Господь!.. Что жъ бы ты думалъ, дѣдушка? Вѣдь этимъ злодѣй не кончилъ: и осудили его, и въ острогъ засадили—нѣтъ, опять показалъ себя! Къ веснѣ время было; разъ вдругъ пропалъ у насъ паренѣкъ, его-то сынишка. Туда-сюда искать кинулись — нигдѣ нѣтъ. До смерти перепужались! Тѣмъ временемъ и слухи пришли: слышимъ мы, бѣжалъ Филиппъ изъ острога! Тутъ и догадались: его было дѣло! Должно-быть, ночью какъ-нибудь забрался къ намъ да и увелъ его. Вотъ и ты сказывалъ, видѣлъ его съ парнишкой...

— Рыженькій такой...

— Ну, да; онъ и есть! Вотъ съ той самой поры, она, сердечная, Дарья-та, она въ умъ и повредилась. Надо сказать, злодѣй былъ: и себя погубилъ, и своихъ-то всѣхъ, да и насъ-то, почитай, къ тому же подвелъ! Сказать нельзя, сколько мы отъ однихъ людей-то черезъ него натерпѣлись, батюшка; ужъ на чтò ребетѣнки наши, и тѣмъ проходу не давали: всякій корить да хаетъ! Мы за это не сердчаемъ, Богъ съ ними! Знамо, обидно: потому мы ни въ чемъ ни словомъ, ни худыми дѣлами, никакимъ этимъ дѣламъ его, ни въ чемъ, дѣдушка, не причастны.

— Вижу, матушка, вижу, возразилъ торгашъ:—очи ушей вѣрнѣе; на правду немного словъ надобно!

— Проходу теперь опять не дадутъ! неожиданно заговорилъ Тимошей, опуская ладони на колѣни:—начали какъ словно забывать его... и насъ, какъ словно не трогали... теперь, какъ провѣдали, живъ онъ, опять житья намъ не будетъ!

— А пускай ихъ! Слышь, что жена-то говоритъ? Пускай! сказалъ старикъ:—совѣсть своя чиста: стало, и сокрушаться не о чемъ! Живите-себѣ смирно, никого не трогайте; Богъ молъ съ вами когда такъ — да! А главная причина, самому, братъ Тимошей, не слѣдъ тебѣ такъ чтобъ ужъ очень опускаться, прибавилъ онъ увѣщательнымъ тономъ:—надо по мѣрѣ силы возможности хозяйкѣ подсоблять—вотъ чтò! трудиться, хлопотать издытъ... А то чтò хорошаго?..

— О-охъ! простоналъ Лапша, котораго снова началъ давить кашель:—ничего не сдѣлаешь... Всѣмъ добре много очень задолжали, никакъ не осилишь... такъ задолжали, сами того не стѣимъ. Вотъ теперь и то ужъ стращать зачали, какъ провѣдали, господа вдутъ... жаловаться хотятъ!..

— Можетъ-статься, это такъ только народъ болтаетъ; можетъ, господа то не прѣдутъ...

— Нѣтъ, точно, косатикъ, вдутъ. На прошлой недѣль къ управителю писали: безпремѣнно, сказывали, будемъ! замѣтила Катерина.

Тимошей зналъ не хуже жены обо всѣхъ подробностяхъ касательно несомнѣннаго прѣзда господъ, а между-тѣмъ слова ея подѣйствовали на него почти такъ же, какъ еслибъ услышалъ онъ величайшую новость. Робкіе, пугливые люди нетерпѣливо всегда ожидаютъ, чтобъ имъ противорѣчили, или ихъ обманывали въ томъ,

въ чемъ они сами увѣрены, и даже, что очевидно. Съ послѣдними словами Катерины Тимоевой окончательно упала духомъ. Онъ ударилъ ладонями о колѣни, замоталъ головою и выразилъ желаніе умереть какъ-можно-скорѣе.

— О томъ только и прошу Господа! заключилъ онъ, свѣшивая на грудь голову.

— Полно, полно! ну куда тебѣ умирать! зачѣмъ? перебила жена увѣщавательно, тогда-какъ лицо ея ясно говорило, что мысли и чувства ея, встревоженные воспоминаніями о Филиппѣ и вообще предшествовавшимъ разговоромъ, далеко не были мирнаго свойства. — Ну что жь, что хотять жаловаться? пускай ихъ! Я сама къ господамъ пойду: «взять, скажу, намъ неоткуда», сама просить стану: пускай пошлютъ въ другую вотчину, къ должности какой приставятъ... Лучше въ чужомъ мѣстѣ жить, лишь бы покой былъ. Здѣшняя-то жизнь у насъ вотъ гдѣ сидитъ... Всѣ сказываютъ: у насъ господа-то добрые; они въ толкъ возьмутъ. Надѣть радоваться, стало-быть, что ѣдутъ, а не то, чтобы... Слышь, дѣдушка, умирать собирается!.. Ну, ты помрешь; а мы-то какъ безъ тебя останемся? Куды я тогда съ сиротами-то дѣнусь?.. Ахъ, ты разумная твоя головушка! заключила она почти-весело и очевидно съ тѣмъ лишь намѣреніемъ, чтобъ ободрить мужа и польстить ему.

Слова эти точно подѣйствовали какъ-будто ободрительно, но не столько на самого Лапшу, сколько на его брови, которыя тотчасъ же пришли въ движеніе и начали приподыматься на узенькомъ лбу; но это слабое выраженіе бодрости прошло мгновенно, когда старикъ спросилъ, являлся ли къ нимъ Филиппъ съ-тѣхъ-поръ, какъ увелъ мальчика. Робкій, пугливый взглядъ, брошенный Тимоеемъ на жену, и смущеніе послѣдней не были, однакожъ, замѣчены торгашомъ: онъ сидѣлъ потупясь и задумчиво потиралъ лобъ и лысину. Перекинувшись новымъ взглядомъ, мужъ и жена успѣли сказать, что съ той поры о Филиппѣ не было ни слуху, ни духу. Послѣ этого отвѣта, бесѣда тотчасъ же почти прекратилась.

Ее прервалъ шумъ въ дверяхъ и приходъ дѣтей.

— Пойди поглядѣть на лошадей, подбираетъ ли кормъ, проинесетъ старикъ, приподымаясь съ мѣста.

— Пойдемъ, подхватилъ Тимоеей, слѣдуя его примѣру.

— И я съ вами пойду! сказалъ Петя, старшій изъ мальчиковъ.

— Ну, пойдѣмъ, ласковый, пойдѣмъ, вымолви́тъ повеселѣвшій старикъ, глядя его по головѣ : — пора ужь, я чай, и на боковую. Завтра рано надо подыматься. Спасибо тебѣ, хозяйюшка, за хлѣбъ, за соль, за угощенье... а пуще того за ласку за твою.

— Нѣ на чемъ, батюшка...

Старикъ, Тимошей и мальчикъ выбрались на дворъ, гдѣ немедленно присоединился къ нимъ и Волчокъ.

Синяя звѣздная ночь давно ужь обняла небо. Полный мѣсяцъ стоялъ высоко, и черная тѣнь отъ навѣсовъ, изгибаясь по столбамъ, перерѣзывала дворъ пополамъ. Въ непроницаемой тѣни одного изъ угловъ слышалось мѣрное чваканье лошади. Извнѣ, съ улицы, все еще неслась пѣсня и по-временамъ долетали хохотъ и говоръ; хороводъ, очевидно, однакожь, убавился наполовину; самые голоса тянули какъ-то слабѣе, сонливѣе. Время отъ-времени, пѣсня словно обрывалась, переходила въ одинъ трепетный, замирающій звукъ, и тогда съ разныхъ концовъ деревни, изъ стараго барскаго сада, изъ рощи, изъ болота раздавались совершенно-неожиданно звонкіе соловьиные перекаты.

Осмотрѣвъ лошадь и ощупавъ возъ, торгашъ, сопровождаемый Лапшою, мальчикомъ и Волчкомъ, направился къ ригѣ, мѣсту ночлега.

Войдя въ ригу и отыскавъ себѣ уголь, старикъ оставилъ товарищей, а самъ вышелъ въ загородъ и, повернувшись къ востоку, долго крестился.

Когда онъ возвратился назадъ, Тимошей и его сынишка ужь спали; одинъ только Волчокъ бодрствовалъ, но и онъ, впрочемъ, успокоился, какъ-только увидѣлъ, что старикъ улегся на солому, покрывшись полушубкомъ.

Дядя Василій долго не могъ сомкнуть глазъ; все слышанное и видѣнное имъ въ этотъ день поневолѣ занимало его мысли. Переваливаясь съ боку на бокъ, онъ то прислушивался къ пѣснѣ, все еще неумолкавшей въ отдаленіи, то къ раскатамъ соловья, раздававшимся поблизости, то устремлялъ глаза къ звѣздному небу, которое глядѣло на него сквозь многочисленныя щели навѣса.

Мало-по-малу всѣ эти звуки стали какъ-будто слабѣть и отдаляться... тише, тише, и наконецъ по всей окрестности воцарилось мертвое молчаніе.

V.

Притонъ.

Для дальнѣйшаго развитія предполагаемой повѣсти, намъ необходимо теперь перенестись верстъ за восемь отъ Марьинскаго, въ деревню Чѣрнево.

Чѣрнево расположено по обѣимъ сторонамъ большой дороги, уже теперь совершенно почти-заброшенной, благодаря шоссе, которое проходить верстахъ въ восемнадцати. Тутъ прогоняютъ только гурты и проѣзжаютъ обозы изъ окрестныхъ деревень. Середина деревни прерывается небольшой лощиной, такъ-что, миновавъ одну половину деревни, вы никакъ не попадете на другую, не заѣвъ сначала на днѣ лощины; грунтъ до-того рыхлъ и вязокъ, что не въ силахъ держать въ границахъ ручья, который расплзается во всѣ стороны и превращаетъ все это мѣсто въ густой кисель, мѣстами покрытый ржавчиной. Здѣсь съ поконъ вѣку вязнуть возы, и колеса уходить по ступицу. Черезъ мостъ, возвышающійся влѣво на столбахъ, очевидно еще опаснѣе ѣздить: это одинъ изъ тѣхъ мостовъ, который, какъ говорится, не мараетъ да ноги ломаетъ. Глухою осенью, когда проходитъ дождливая пора и морозъ скуютъ грязь, изрытую копытами и колесами, путь черезъ Чѣрнево дѣлается окончательно-невозможнымъ.

Нѣтъ деревни, которая такъ хорошо оправдывала бы свое прозвище: ее обступаютъ темные черноземныя поля, неживленныя ни одной рощей. Избы по обѣимъ сторонамъ дороги тѣсно лепятся другъ къ другу и представляютъ однообразно-скучные ряды сѣрыхъ бревенъ, вороховъ бурой соломы и кривыхъ плетней. Съ того времени, какъ заброшена дорога, самые дома кажутся какими-то заброшенными; въ косой дождь, когда стѣны избышекъ намокнуть, ихъ трудно даже отличать отъ грунта.

Сѣрое безъ просвѣту небо, дождь, глухая осенняя пора идутъ, впрочемъ, какъ-то къ Чѣрневу; вообще говоря, Чѣрнево неза-видное мѣсто.

Влѣво отъ дороги дно лощины замыкается грубой земляной плотиной, изъ которой вкривь и вкось торчатъ пучки хвороста; двѣ старыя вѣтлы, обезображенныя галочьими гнѣздами, похожими издали на наросты, предохраняютъ плотину отъ вѣрнаго разрушенія въ наводки. Съ правой стороны лощина нѣсколько живописнѣе: грязь постепенно зарастаетъ травой и, немного-далѣе,

виднѣтся ужь лужайка—любимое убѣжище черневскихъ гусей и утокъ. Ручей собирается въ одно русло и на пространствѣ трехъ сажень дѣлаетъ нѣсколько изворотовъ; лѣниво, чуть-видно течетъ онъ въ мягкихъ берегахъ своихъ, кажущихся по-мѣстамъ совершенно-голубыми отъ множества незабудокъ; листь, брошенный въ воду, почти не трогается съ мѣста, и вы десять разъ сядете отъ усталости прежде, чѣмъ онъ отплыветъ на аршинъ; гнилые корни, принимающіе въ водѣ подобіе волнующихся косматыхъ волосъ, а также и желѣзная руда, образчики которой находятъ въ лоцинѣ, сообщаютъ ручью какой-то буро-золотистый цвѣтъ. Шаговъ двѣсти далѣе, ручей уже пропадаетъ въ осоку и тинь, которая такъ плотна и зелена, что часто обманываетъ пѣшехода: думая ступить на траву, онъ прямехонько бултыхается въ воду по поясъ.

Недалеко отъ этого мѣста, которое называется *благимъ* (тутъ когда-то въ глухую осеннюю ночь утонулъ мужикъ — совсѣмъ утонулъ, съ возомъ и лошадыю), находится крошечная, одинокая избѣнка. Далѣе нѣтъ ужь жилья: далѣе идутъ, то расширяясь, то суживаясь, обнаженные щеки лощины, которая огибаетъ, вмѣстѣ съ ручьемъ, большое пространство; въ этомъ ручьѣ, версть восемь далѣе, мѣринскія бабы полощатъ бѣлье. Избушка о которой мы упомянули, бросается въ глаза своею ветхостью; она, кажется, минуты бы не удержалась на своемъ основаніи, еслибъ не прислонилась однимъ бокомъ къ обрыву. Передняя стѣна ея наполовину закрыта завалинкой; единственное волоковое окно смотритъ словно изъ земли; со стороны входа устроенъ родъ сѣней изъ плетня, на которомъ видны еще слѣды глиняной штукатурки; солому на кровлѣ лѣтъ десять ужь не смѣняли; мѣстами она совсѣмъ истлѣла и выказывала жерди и хворостъ, мѣстами сползала книзу и свѣшивалась волнистыми буграми, подъ которыми такъ любятъ прятаться воробы во время осеннихъ ливней и зимнихъ мятелей.

Лачуга, построенная давнымъ-давно отставнымъ солдатомъ, переходила нѣсколько разъ отъ одного хозяина къ другому, пока, наконецъ, лѣтъ десять назадъ, не сдѣлалась собственностью одной старухи, черневской уроженки; она занималась знахарствомъ и жила совершенно-одиноко.

Грачѣха (такъ звали ее) пользовалась большою извѣстностью по всему околотку; ее знали версть на двадцать въ окружности.

Не могу вамъ сказать, съ котораго времени Грачѣха начала

пользоваться такою популярностью и съ чего именно началась ея известность; знаю только, что трудно было найти въ сосѣднихъ деревняхъ мужика и бабу, которые хоть разъ въ жизни не имѣли бы въ ней надобности. Кромѣ знахарскаго дѣла, которымъ занималась она успѣшно—потому-что никто лучше ея не могъ заговорить отъ прострѣла, никто такъ скоро не возвращалъ здоровье коровѣ, переставшей доиться, ничье spryskivanye не исцѣляло такъ вѣрно отъ тоски наносной, потрясіхи, ушибіхи и другихъ недуговъ—кромѣ всего этого, Грачіха чуть-ли еще не успѣшнѣе занималась ворожбой и колдовствомъ. Не было почти случая, чтобъ обокраденный человекъ не находилъ пропавшей вещи, если только прибѣгалъ въ-время къ Грачіхѣ.

Разъ у мѣрѣнскаго мужика увели лошадь. Мужикъ метался, какъ угорѣлый, двое сутки по всѣмъ дорогамъ безъ малѣйшаго толку; въ одной изъ деревень ему сказали, что видѣли наканунѣ какого-то оборваннаго человека, проскакавшаго во весь духъ на лошади, во всемъ схожей примѣтами съ пропавшей—гдѣ ужъ тутъ искать! Мужикъ махнулъ рукою и пошелъ домой. Дома жена и родственники приступили къ нему: сходи да сходи къ Грачіхѣ; мужикъ взялъ посулы: штофъ вина, полтинникъ, полотенце и отправился въ Чернево. Въ первый приходъ Грачіха ничего не открыла, сказала только, что воръ близко и велѣла зайти на другой день. На слѣдующій день она несравненно-долѣе противъ перваго раза ходила вокругъ чашки съ водою, поставленной посреди избы, чаще нагибалась, смотрѣла въ воду, шептала, и объявила наконецъ, что воръ человекъ дальній, что искать его нѣтъ ужъ надобности, что силою своего заклинанья она отняла у него лошадь, которая стоитъ теперь въ осиновой рощѣ. Мужикъ кинулся на показанное мѣсто—и точно нашелъ лошадь... Но не перечестъ всѣхъ чудесъ черневской колдуньи; достаточно, кажется, приведеннаго случая, чтобъ убѣдиться, что Грачіха точно находилась въ таинственныхъ сношеніяхъ съ *лжтмиъ чело-вѣкомъ*.

Встрѣчались, однакожъ, люди, которые не давали вѣры ея связи съ нечистымъ: носились слухи, будто Грачіха давала пріютъ ворамъ и мошенникамъ всякаго рода; но слухи ничѣмъ не оправдывались, и наконецъ, тѣ самые, которые распускали ихъ, напрямикъ отклѣпывались отъ своихъ словъ, когда дѣло доходило до положительныхъ объясненій. Изъ этого видно, что даже смѣлая голова околотка хорохорилась только на словахъ; на самомъ-

же дѣлѣ внутренне раздѣляли страхъ, который повсемѣстно внушала Грачіха.

Съ виду она не представляла ничего особеннаго. То была низенькая, сгорбленная старуха; ея походка и голосъ показывали, впрочемъ, крѣпость и здоровье. Изъ-подъ дыряваго платка, прикрывавшаго ея голову и мѣстами пропускавшаго клочки сѣрыхъ волосъ, выглядывало худощавое лицо землянаго цвѣта сморщенное, какъ черносливъ; тонкій, нѣсколько-кривой носъ состоялъ, казалось, изъ одного хряща, заостреннаго, какъ у хищной птицы; ротъ, лишенный зубовъ, провалился и дѣлался весьма-похожимъ на петлю крѣпко-стянутую ниткой. Старуха поминутно надвигала на лобъ головной платокъ, чтобъ защитить отъ свѣта больные глаза, страдавшіе отъ золотухи; но и въ этомъ народѣ находилъ новый поводъ къ разговорамъ: говорили, что у Грачіхи красные глаза.

Чтожь касается до внутренняго вида лачуги, она ни въ какомъ уже случаѣ не могла дать повода къ суевѣрнымъ вымысламъ. Въ жилищахъ нашихъ ворожеекъ и знахарокъ вообще рѣдко встрѣчаешь вишній признакъ, имѣющій какое-нибудь отношеніе къ ихъ ремеслу: ремесло само-по-себѣ такъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе простолюдина и такую приноситъ выгоду знахаркѣ, что нѣтъ надобности прибѣгать къ вспомогательнымъ средствамъ.

Войдя въ лачугу Грачіхи, вы подумали бы сначала, что тутъ никто не живетъ. Свѣтъ, проходившій въ волоковое окно, вырубленное въ одномъ бревнѣ, смутно освѣщаль уголъ печки и часть грубой дощатой перегородки, которая шла отъ угла печи и упиралась въ стѣну, гдѣ было окно. Земляной полъ, вырытый въ вязкой почвѣ лощины, распространялъ кислый запахъ, хватавшій за горло; при свѣтѣ лучины, въ углахъ и на потолкѣ выказывались бѣловатая селитряныя пятна; сырость покрывала липкимъ лоскомъ дерево и сверкала каплями въ шаршавыхъ полосахъ мха, которые чернѣли между бревнами.

Въ этой половинѣ своей лачуги, хозяйка принимала посѣтителей и совершала свои заклинанья.

Грачіха жила собственно, или на печкѣ, или за перегородкой.

Тамъ нашли бы вы и кадушки, и ухватъ, и горшки—словомъ, всякую домашнюю рухлядь. Волоковое окно, такой же величины, какъ и въ первой половинѣ, позволяло различать столъ и лавки, расположенныя прямо противъ жерла печки. Одиночество стару-

хи не было совершенно-исключительно: его раздвѣляла во всякое время дня и ночи тощая, желтая кошка съ зелеными глазами, свѣтлыми и блестящими, какъ стекло.

Въ тотъ самый вечеръ, какъ началась наша повѣсть, часами двумя-тремя послѣ появленія торгаша въ Мъринскомъ, за переродкой горѣла лучина. Грачѣха была не одна.

На скамьѣ, за столомъ сидѣли чловѣкъ среднихъ лѣтъ и мальчикъ; передъ ними лежали обломки хлѣба, возвышалась солоница и чашка съ кашей. Жадность съ какою оба припадали къ ѣдѣ, ясно показывала, что они недавно вошли и первымъ ихъ дѣломъ было позаботиться объ удовлетвореніи голода. Ворчливое лицо старухи не оставляло сомнѣнія, что она была нерада гостямъ; она даже и не скрывала своего неудовольствія: роясь подлѣ печки безъ всякой видимой цѣли, она не переставала ворчать и съ сердцемъ отталкивала каждый предметъ, попадавшійся ей подъ руки.

Но чловѣкъ, сидѣвшій за столомъ, мало, повидимому, объ этомъ заботился: онъ продолжалъ уписывать кашу такъ же усердно, какъ-будто пришелъ домой послѣ тяжелой полевой работы.

Ему было лѣтъ за сорокъ, и ни одна еще сѣдина не серебрилась въ его чорствыхъ, черныхъ, какъ смоль, волосахъ, разсыпавшихся нечесаными кудрями по всей головѣ; лицо его, оканчивавшееся коротенькой, но густой бородкой, было бы красиво, еслибъ не портилъ его тотъ отвратительный, болѣзненно-бурый цвѣтъ кожи, мѣстами покрытый свинцовыми оттѣнками, цвѣтъ, исключительно почти-свойственный бродягамъ, арестантамъ, или людямъ, ведущимъ самую беспорядочную, неправильную жизнь. Небольшіе сѣрые глаза, оттѣненные жесткими бровями со множествомъ маленькихъ вихровъ (знакъ строптивого, безпокойнаго нрава), отличались подвижностью и если останавливались на одномъ предметѣ, то смотрѣли невыразимо-плутовато и бойко. Бойкость взгляда несовсѣмъ, однакожъ, отвѣчала общему выраженію фізіономіи: не было черты, которая обозначала бы рѣшимость, энергію; все въ ней было какъ-то мелко, хоть правильно, и выказывало природу въ высшей степени порочную, хитрую, но лишенную настоящей отваги и смѣлости. Голова его, приплюснутая съ боковъ, отвѣсно почти срѣзанная на затылкѣ, была рѣзко-заострена на макушкѣ... Есть лица, которыхъ нѣтъ возможности забыть, хоть встрѣчаешь ихъ разъ, да и то мелькомъ; большею частью васъ поражаетъ въ нихъ не столько рѣзкая особенность, сколько самое выраженіе, или мелкая черта: родимое

пятно, рябинка и проч. Такъ въ человѣкѣ, представленномъ вниманію читателя, трудно было забыть его тонкій носъ съ горбикомъ посерединѣ и подвижными, приподнятыми ноздрями, которыя открывали съ обѣихъ сторонъ часть носовой перегородки; носъ этотъ никогда ужъ не изглаживался изъ памяти, и стоило только припомнить эти открытыя ноздри, какъ ужъ все лицо тотчасъ же ясно обрисовывалось. Однимъ словомъ, это была фигура, которая поразить несомнѣнно—пріятно при встрѣчѣ въ лѣсу... Одежда незнакомца состояла изъ бараньяго полушубка, покрытаго заторами и прорѣзами; правое плечо и локоть выглядывали наружу; вмѣсто петель и пуговицъ, чернѣли только ямки; на груди выставялась разодраная стеганая на ватѣ манишка, какую носятъ подгородные мѣщане, фабричные и солдаты; изъ-подъ зеленыхъ сермяжныхъ панталонъ протертыхъ на колѣняхъ и зазубренныхъ внизу, выступали ветхіе лапти, переложеныя соломой. Дороги теперь, особенно бойныя, совсѣмъ ужъ пересохла; грязь покрывавшая лапти незнакомца, неволью заставила подозрѣвать о случайной ходьбѣ, то-есть такой, которая вынуждала его оставлять бойныя, всѣми посвящаемыя дороги и пробираться полями.

Тѣ же слѣды грязи были и на лаптишкахъ мальчика-каранулика, лѣтъ десяти, съ отчаянно-плутоватой, насмѣшливой рожицей. Круто-вздернутый носъ, оканчивающійся вострячкомъ, принималъ видъ толстой, коротенькой запятой, обращенной вострымъ концомъ кверху; верхняя губа его, разсѣченная пополамъ, и острые зубы, расположенные угломъ, какъ у грызуновъ, дѣлали его похожимъ на зайца; щурившіеся каріе глазки далеко, однакожъ, не отличались заячьими свойствами: въ нихъ свѣтилось почти столько же хитрости и лукавства, сколько въ глазахъ его товарища; этимъ, впрочемъ, и ограничивалось сходство; волосы мальчугана, жесткіе и почти-красные, торчали востряками во всѣ стороны, что дѣлало голову его весьма-схожею съ встрепаннымъ артишокомъ; лохмотья еще безобразнѣе, еще обношеннѣе, чѣмъ у товарища, покрывали члены ребенка, отличавшіеся здоровьемъ и силой.

— Тѣтка Лукерья, слышь! что ужъ тутъ? угощать, такъ угощай! началъ незнакомецъ, отодвигая чашку съ кашей къ мальчику, который казался ненасытнымъ: — полно скупиться... Ну, для стараго-то дружка угости, косатка! прибавилъ онъ тономъ принужденной веселости, какъ-бы заранѣе сомнѣваясь въ успѣхѣ своей просьбы.

И точно, вмѣсто отвѣта, старуха толкнула только заслонку печи. Мальчикъ, смекнувшій, видно, причину ея неудовольствія, звонно засмѣялся.

— Ты что, пострѣлъ, зубы-то скалишь?... туда же! Ълъ бы, когда некупленнымъ кормить! проворчала Грачѣха.

— Слышь, тѣтка, одинъ стаканчикъ всего : заслужи! подхватилъ незнакомецъ.

— Спасибо скажи, что пустили-то—вотъ что! сердито проворчала колдунья. — Много васъ здѣсь шляется! А ты чему обрадовался? давай! неожиданно заключила она, подходя къ столу и протягивая руку къ чашкѣ съ кашей.

Мальчикъ однимъ быстрымъ движеніемъ скрылъ чашку подъ столъ.

Выходка эта окончательно разсердила старуху; она разразилась бранью и протянула руки, чтобъ ухватить мальчишку за волосы; ребенокъ быстро откинулъ назадъ голову, запряталъ чашку еще дальше подъ столъ, смѣялся и смотрѣлъ на нея своими плутовскими глазами.

Грачѣха, безъ сомнѣнія, не совладала бы съ пострѣломъ, еслибъ не вмѣшался незнакомецъ.

— Отдай! сурово крикнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Мальчикъ нисколько, повидимому, не смутился и отдалъ чашку.

— Эхъ, Лукерьюшка! заговорилъ тогда незнакомецъ:—забыла, знать, стараго дружка, не нуженъ сталъ теперича! То-то вотъ и есть, не по-нашему значить; по-нашему: зналъ дружка въ радости, не оставляй въ горести.

Онъ покосился на мальчика, и замѣтивъ, что тотъ исподтишка толкалъ ногою ухватъ, чтобъ уронить его на земь, далъ ему подзатыльника и послѣ того продолжалъ какъ-бы ни въ чемъ не бывалъ:

— Признаться, на тебя на одну только надѣялся, право такъ. Вотъ, думалъ, приѣду въ свои мѣста, тѣтка Лукерья выручитъ. Помнючи, примѣрно, прежнюю твою добродѣтель, какъ въ тое пору выручала, такъ все одно, примѣрно, и теперь въ надеждѣ былъ... Э-эхъ-ма!...

Онъ пріостановился, провелъ ладонью по волосамъ, пожалъ губами, крикнулъ и, пристально устремивъ глаза на старуху, продолжалъ выпытывающимъ голосомъ:

— Какъ еще шель-то къ тебѣ, словно къ сродственницѣ шель!.. Думалъ еще деньжонками у тебя позаняться — вотъ какъ...

Старуха, стоявшая лицомъ къ печкѣ и обнаруживавшая самое полное равнодушіе къ словамъ гостя, вдругъ обернулась.

— Ступай, ступай, отколѣва пришелъ! крикнула она, выказывая такую досаду, какъ-будто въ словахъ гостя заключалась горькая обида: — дали тебѣ ѣсть; чего еще? ну и ступай!

— Да ты выслушай... полно сердчать-то... выслушай...

— Коли шелъ затѣмъ, подхватила она разгорячаясь: — шелъ бы не ко мнѣ, шелъ бы лучше...

— Куда? съ суровой усмѣшкой перебилъ гость.

— Туда... знаешь... начала-было старуха и вдругъ замаялась и остановилась, повинуясь взгляду, которымъ гость указалъ ей на мальчика.

— Стѣпка! отрывисто сказалъ незнакомецъ: — сътъ теперича? Ну и ладно. Пошелъ въ сѣни, либо выйдь къ ручью... походи тамъ маленько; далеко не ходи, смотри — слышь?

— Мнѣ не хоцца; я здѣсь посижу, бойко возразилъ мальчикъ.

— Ступай! запальчиво крикнулъ незнакомецъ, дѣлая движеніе, чтобъ привстать съ мѣста и замахиваясь.

Но и въ этотъ разъ угроза, казалось, слабо подѣйствовала на мальчика; онъ только откинулся въ сторону; на губахъ его появилась лукаво-насмѣшливая улыбка, которая ясно показывала, что онъ очень-хорошо понималъ, зачѣмъ хотятъ его выпроводить. Улыбка эта не сходила съ лица его; и во все время, какъ лятился онъ къ двери, щурившіеся глаза его переходили отъ старухи къ ея товарищу.

— Добрѣ смышлѣнъ! сказалъ незнакомецъ, когда мальчикъ вышелъ изъ лачуги: — главная причина шустѣръ оченно, плутовать, окаянный; слово скажешь, глазомъ мигнешь — смекаетъ. Неравно что и сболтнетъ... Шибко связалъ онъ меня!

— Точно привололивали; самъ взялъ! неохотно проворчала Грачѣха.

— Жену поучить хотѣлъ, потому больше, сурово возразилъ гость: — вижу, стала держать ихъ руку, я его и увелъ. Выходить, только себя наказалъ. Пожалуй, опять бы теперича отдалъ — лишняя только тягота — да первое дѣло мать умомъ повихнулась; второе дѣло, опасново: болтать станеть; все смыслить, даромъ на видъ неказистъ; вездѣ таскалъ съ собою, мало ли что видѣлъ; гдѣ примѣтно бывалъ — обо всемъ этомъ повѣдаеть... И то кажинный разъ какъ туда иду, не беру съ собою — опасново: боюсь, мать признаеть, люди увидать.

— Что жь ты его, разбойникъ, ко мнѣ-то привелъ? крикнула Грачѣха.

— Эка вздорная какая! Дай сказать! съ досадою перебилъ гость: — рѣзи кто насъ видѣлъ, какъ сюда шли? И то въ лоци-нѣ сидѣли, ночи дожидались...

— Ступай, ступай! ну васъ совсѣмъ! Я чай, рыщетъ теперь пострѣль... уйдетъ еще на деревню, наткнется на кого: всѣ тебя знаютъ по всему околотку. Ступай; ну васъ! Ступай, говорю!

— Полно, тѣтка, перестань! началъ упрашивать гость: — коли только изъ этого, духомъ сбѣгаю, приведу его; ночь темная — никто не увидитъ. Дай, слышь, дай хоть ночь-то переначевать! Лѣто прійдетъ, въ лѣсу тепло будетъ, не стану тревожить. Сдѣлай милость, не сумлѣвайся... Эка, право, какая!.. Сейчасъ кликну, здѣсь будетъ.

И, не дожидаясь возраженія, онъ кинулся вонъ изъ лачуги. Нѣсколько минутъ спустя, въ сѣняхъ послышался голосъ его и голосъ мальчика; онъ снова вернулся за перегородку.

— Чего опасалась? Онъ тутъ подлѣ избы сидѣлъ; ничего, говорю; изъ сѣней теперь не выступитъ, проговорилъ бродяга, между-тѣмъ, какъ старуха вставляла новую лучину. — Эхъ-эхъ! пришло, знать, и мое времечко! добавилъ онъ, выразительно тряхнувъ кудрявою своею головою.

Онъ прошелся раза два отъ печки съ столу, сѣлъ, провелъ ладонью по волосамъ, потомъ снова всталъ.

— Тѣтка, слушай, сказалъ онъ тономъ упрека, который худо скрывалъ досаду, отражавшуюся въ каждой чертѣ лица его: — слушай: не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь!... Полно, тѣтка! подхватилъ онъ смягчая рѣчь и голосъ, потому-что первая слова его не произвели ни малѣйшаго дѣйствія на старуху: — ну за чтѣ сердчаешь, за чтѣ? Провалиться, не вѣдаю!... Хлѣба, и того стало жаль. Полно, говорю; не Богъ знаетъ чего прошу... Прошу: не оставь!... Нужда шибко взяла, потому прошу... Вишь, какъ обносился, вишь, смотри... примолвилъ онъ поворачиваясь къ ней то однимъ бокомъ, то другимъ и выставя на-показъ прорѣхи и заплаты: — тоже вишь и лаптей нѣтъ... Право, пособи... А ужь насчетъ, то-есть... за себя постоимъ! Скажешь: Филиппъ, сдѣлай то — тутъ и есть! Укажи только, укажи на какое хошь дѣло... намъ рѣзи впервые съ тобою вѣдаться?... Шепни, примѣрно, у кого какая лошадь—завтра же къ тебѣ прійдутъ за нею, въ упросъ просить стануть...

— Не надеть... не проси... ничего не дамъ! упрямо сказала старуха.

— Ты думаешь насчетъ, парнишка, то-есть, связалъ меня? онъ помѣшаетъ?...

— Хоть бы такъ...

— На то время можно здѣсь у тебя оставить...

— Нужда мнѣ съ нимъ возиться! Кто за нимъ усмотритъ? Вишь онъ, окаанный, шустрый какой!...

— Слышь: выручи только, объ одномъ прошу; выручи; каяться не станешь; выручи только... хоть на время выручи...

— Стало ужъ тамъ взять-то нѣчего? туда бы шель! перебила Грачѣха.

— Былъ и тамъ, вечеръ еще былъ, торопливо подхватилъ Филиппъ:—коли тебя пришелъ просить—безъ толку, стало-быть, ходилъ; не токма денегъ, хлѣба, и того нѣтъ. Я ужъ и такъ и сякъ страдалъ—ничего не возьмешь; ужъ это значить вѣрно, что нѣтъ ничего; а то бы дай, мое было бы; пострадай только его—братъ ничего не утаитъ... Мы это дѣло-то знаемъ, какъ съ нимъ справляться; не впервой!... Потому больше къ тебѣ и пришелъ: нужда заставила. Сдѣлай милость, Лукерьюшка, пособи! снова присталъ Филиппъ:—такъ, малость самую... тревожить больше не стану, уйду; и то сказать, опасново теперь здѣсь оставаться. Въ другое время—ништѣ, пожилъ бы; теперь убираться надо. Узналъ я вечеръ, какъ къ брату ходилъ, сказывали: господъ ждуть; не нонѣ, завтра ждуть; при нихъ какъ разъ сѣпаютъ... надо убраться въ-время, потому больше и прошу; пособи, тетка; сама знаешь, безъ лаптей не далеко уйдешь.

На этомъ самомъ мѣстѣ, въ сѣнничкахъ, гдѣ находился мальчикъ, послышался вдругъ такой дикій крикъ, что Филиппъ и старуха дрогнули всѣмъ тѣломъ. Не успѣли они сдѣлать шагу, какъ новый крикъ еще диче, пронзительнѣе раздался въ сѣняхъ. Филиппъ кинулся—было къ лучинѣ съ намѣреніемъ потушить ее, но Грачѣха остановила его сказавъ: «погоди» и, ковыляя, побѣжала къ двери.

— Кто тутъ? спросила она.

Въ отвѣтъ на это, надъ самою ея головою повторился новый крикъ еще звонче, еще отчаяннѣе первыхъ двухъ.

— Ахъ, ты разбойникъ! закричала старуха, тотчасъ же, вѣроятно, смекнувъ въ чемъ дѣло: — постой! я жъ тебя окаанного!..

Эй, Филиппъ! подхватила она, торопливо возвращаясь въ избу: — это твой пострѣлъ съ кошкой... кошку куда-нибудь, разбойникъ, запряталъ... Я жь ти, погоди!..

Грачѣха взяла лучину и побѣжала въ сѣни; Филиппъ последовалъ за нею.

Крики становились все жалобнѣе и протяжнѣе. При свѣтѣ лучины, старуха точно увидѣла желтую свою кошку, которая болталась на перекладнѣ, привязанная къ хвосту. Мальчикъ, свернувшись клубкомъ въ углу сѣней, спалъ крѣпкимъ сномъ; но храпѣнье, которое издавалъ онъ для вящаго эффекта, измѣнило ему; старуха налетѣла на него, какъ разъяренная наездка, проворно перенесла лучину въ лѣвую руку и правою рукою схватила его за волосы; мальчикъ тряхнулъ головою—и, не подоспѣвъ вовремя отецъ, онъ укусилъ бы старухѣ руку.

— Оставь его, тѣтка! я его самъ лучше поучу; твои руки старыя; дай только сперва кошку отцѣпить.

Сказавъ это, онъ приставилъ къ перекладнѣ лѣсенку, которая вела на чердакъ и которую мальчикъ ухитрился поставить на прежнее мѣсто. Секунду спустя, бѣдная кошка рухнула на землю, вскарабкалась на стѣну и, фыркая, исчезла на чердакъ.

— Теперь я до тебя доберусь! сказалъ Филиппъ подходя къ ребѣнку.

Тотъ, по обыкновенію своему, не обнаружилъ ни малѣйшаго испуга; онъ безъ сопротивленія дался отцу.

— Хорошенько его, хорошенько! закричала колдунья, становясь на порогъ и подымая лучину надъ головою.

— Вотъ тебѣ! помни! вотъ тебѣ! приговаривалъ, между-тѣмъ, отецъ, дѣлая видъ, что деретъ его за волосы, но на-самомъ-дѣлѣ тормоза ему только голову, что заставило, однакожь, сына биться по полу и кричать такъ пронзительно, какъ-будто съ него сдирали кожу.

Старуха, испуганная крикомъ, который легко могъ дойти до Чернѣва, велѣла отцу оставить и поплалась въ избу.

— Сюда! крикнулъ Филиппъ, слѣдуя за нею и обращаясь къ Стѣпкѣ.

Стѣпка вошелъ въ избу, продолжая хныкать и тереть лицо кулакомъ, изъ-подъ котораго выпрыгивали попеременно то одинъ плутовской взглядъ, то другой, сопровождаемые не менѣе плутоватой усмѣшкой.

Отец украдкой подалъ ему знакъ и подмигнулъ на старуху, которая суетилась ворчливо у лучины; Стѣпка кивнулъ головой и тотчасъ же пересталъ хныкать.

Но едва только воцарилась тишина, какъ въ наружную дверь избушки кто-то сильно застучалъ. Филиппъ, старуха и мальчикъ переглянулись съ удивленьемъ. Два-три громкіе удара снова потрясли наружную дверь избы.

Однимъ прыжкомъ Филиппъ очутился у лучины, пригнулъ испуганное лицо къ огню и задулъ его.

— Отопри! прокричалъ въ то же время за дверью басистый, крипый голосъ.

— Тсс-молчи! шепнулъ Филиппъ.

— Можетъ... ко мнѣ... за дѣломъ, проговорила Грачіха.

— Такъ бы громко не стучался, возразилъ Филиппъ.

Голосъ сильно, однакожь, измѣнялъ ему. Какъ всѣ люди, имѣющіе основательную причину бояться преслѣдованія, онъ думалъ одно только: ужь не узнали ли случайно о его возвращеніи? Не встрѣтился ли онъ вчера на дорогѣ въ Марьинское съ кѣмъ-нибудь, кого самъ не замѣтилъ? Не выдалъ ли братъ, или, вѣрнѣе, братишна жена?.. Мысли эти съ быстротою молніи мелькнули въ головѣ его, и съ каждымъ новымъ ударомъ въ дверь сердце его билось ускореннымъ тактомъ, дыханіе спиралось въ груди и пересыхало въ горлѣ.

— Отпирай! эй! раздался снова басистый голосъ, но ужь теперь съ другой стороны лачуги, и кулакъ застучалъ подъ окномъ.

— Пусти, матушка, Христа-а-ра-а-ди!.. неожиданно подхватилъ другой, старческій, жалобный голосъ.

Не успѣвъ онъ замолкнуть, какъ ужь раздался третій, звонкій, дребезжащій, какъ у козла:

— Эй, тѣтенька, спишь, что ли? Вставай, глазки протирай, слышь: сваты прѣехали!..

При первыхъ звукахъ послѣдняго голоса, Грачіха покинула свое мѣсто.

— Слѣпые, проворчала она.

— Съ коихъ мѣсть? торопливо спросилъ Филиппъ.

— Чужіе! возразила какъ-бы изъ милости Грачіха.

Она подошла къ окну, отняла палку, которая придерживала старый скомканный зипунъ, закрывавшій окно, и спросила, какъ водится, обыкновенно, для виду: кто тутъ?

— Мы, мы, косатка, разомъ отозвались три голоса.

— Полно вамъ горло-то драть : слышу. Богъ подастъ ! проворчала старуха.

— Осердчала кзкая ! видно, съ просонья, замѣтилъ козлячій голосъ.

— Пусти переночевать ! подхватили другіе.

— Вотъ нашли постоянный дворъ... ну васъ совсѣмъ!.. тѣсно и безъ васъ...

— *Щадни* (*), что ли? спросили за окномъ.

— Ступайте на деревню; мало ли дворовъ... тамъ и ночуете, сказала Грачѣха.

— Были, косатка, да *лунѣкъ* (собакъ) много добрѣ, лютыя такия, къ *рыму* (дому) не подпускаютъ, замѣтилъ, посмѣиваясь, козлячій голосъ. — Пусти, тѣтка; *сушакъ* (хлѣбъ) свой; *меркдишъ*, *не зѣть ничего* (ночь, ничего не видно); *отцѣлм*, *масья* (отопри, хозяйка-мать); пошли бы дальше, да лошади стали, добавилъ онъ, принимаясь тпрукать и посвистывать, какъ-будто и въ-самомъ-дѣлѣ подлѣ него стояли лошади.

— Не впервые у тебя ночуемъ; пусти! буркнулъ бась : — дѣло есть до тебя...

— *Перебушки растерялъ, вершадь нѣчьмъ; безъ котюра сталь!* (**), пояснилъ козлячій голосъ.

— Съ вами еще кто есть? спросила Грачѣха.

— Нѣтъ, мальчикъ только, *котюръ*, отвѣчали нищѣ.

Грачѣха поправила платокъ на головѣ, нѣсколько секундъ стояла, какъ-бы въ нерѣшимости, и наконецъ сказала :

— Ну, ступайте; дайте только лучину вздуть.

И, не обращая вниманія на Филиппа, который упрашивалъ ее не пускать гостей, Грачѣха вздула лучину и поплелась въ сѣни.

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

(*) *Щадни* — гости, на условномъ языкѣ тульскихъ и рязанскихъ нищихъ, которые какъ-бы составляютъ одну семью. Здѣсь, разумѣется, исключительно говорятъ о нищихъ по ремеслу. Мы не долго будемъ пользоваться терпѣніемъ читателя и приведемъ только нѣсколько обращеній этого языка, Богъ-вѣсть откуда взяшагося и къ-мъ созданнаго!

(**) Глаза растерялъ, глядѣть нѣчьмъ, лишился жожака-мальчика, который водить слѣпыхъ.

ЧУЖОЕ ДОБРО ВЪ ПРОКЪ НЕ ИДЕТЬ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ :

Степанъ Ѳедоровъ, крестьянинъ, содержатель постоялаго двора на большой торговой дорогѣ.

Марьяна, жена его.

Михайло { сыновья Степана Ѳедорова.

Алексѣй {

Татьяна, жена Михайлы.

Кузьма Ѳедотычъ { проѣзжіе купцы.

Иванъ Петровичъ {

Прасковья Ѳедорова, жена управляющаго сосѣднимъ съ деревней Степана Ѳедорова помѣстьемъ.

Дюкандъ Константиновичъ, сынъ ея, камердинеръ помѣщика.

Сергѣй, дворовый человекъ, скрипачъ.

Дмитрій, ящикъ изъ сосѣдней деревни.

Иванъ, ирпень.

Яшикъ Кузьмы Ѳелотыча.

Малаша, крестьянская дѣвушка.

1-я крестьянская дѣвушка.

2-я крестьянская дѣвушка.

Крестьяне, крестьянки. — Хороводъ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, на большой торговой дорогѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Отдѣльная, чистая пѣза постоялаго двора, которая обыкновенно въ деревняхъ называется горенкой, или комнатою. Надѣво отъ зрителей деревянная перегородка съ дверями, отдѣляющая печь, которая выходитъ на сцену однимъ своимъ бокомъ, съ придѣланною къ нему лежанкою; и печь и лежанка выложены изразцами. На авансценѣ столъ, выкрашенный красною краскою. Мѣдный самоваръ стоитъ на лежанкѣ. На перегородкѣ наклеены раскрашенные яркими красками лубочныя картинки. По правой и лѣвой стѣнѣ лавки.

ЯВЛЕНИЕ I.

Степанъ Ѳедоровъ и Михайло.

(Степанъ Ѳедоровъ сидитъ у стола; передъ нимъ на столѣ лежатъ счеы; Михайло стоитъ у того же стола слѣва).

Степанъ Ѳедоровъ. — Ну, такъ за кормъ да за харчи отдашь два съ полтиной?

Т. СШ. — Ст. I.

4

Михайло. — Два съ полтиной.

Степанъ Федоровъ. — Ну, два съ полтиной (*кладеть на счетахъ*). А получилъ семь съ четвертью?

Михайло. — Семь съ четвертью.

Степанъ Федоровъ. — Дешево снялъ! (*качаетъ головой и кладеть на счетахъ*). Семь съ четвертью.

Михайло. — Я говорилъ, что дешево. Больно ужъ ты городскимъ-то потрафляешь: съ нихъ можно бы и восемь взять. Теперь время ярманочное, гонки много; смотри, что коли имъ не пришлось цѣлковыхъ три... они нашихъ душъ не жалютъ, имъ что?.. имъ бы какъ подешевле сдать да себѣ больше оставить, а ты всегда въ уступку...

Степанъ Федоровъ. — Ну, да, дуракъ, будь тѣмъ благодарень, что завсегда ужъ къ намъ везуть, мимо не ѣдутъ; здѣсь не мы одни охотники: всякій повезеть съ полнымъ удовольствіемъ.

Михайло. — Да это извѣстно...

Степанъ Федоровъ. — Ну и долженъ цѣнить.

Михайло. — Да это конечное дѣло.

Степанъ Федоровъ. — То-то! (*считаетъ*) Семь съ четвертью на кости... Два съ полтиной съ костей... Четыре... семь гривенъ съ пятакомъ. Ну, и то ладно. Давай... (*Береть изъ рукъ Михайла деньги, считаетъ и кладеть въ кошель*). Вѣрно. А на водку получилъ?

Михайло. — Дали самую малость.

Степанъ Федоровъ. — А однако?

Михайло. — Да такъ, не стѣитъ того говорить.

Степанъ Федоровъ. — Да что не стѣитъ?.. Вѣдь я у тебя не отниму.

Михайло. — Да что! всего гривенникъ...

Степанъ Федоровъ. — А гдѣ онъ? чай, вѣдь не привезъ?

Михайло (*почесывая затылокъ*). — Да что привозить-то? Гривенникъ-то дали весь истертый, гладенькій: на-силу взяли за семь копеекъ... шкаликъ выпилъ.

Степанъ Федоровъ. — То-то! Я ужъ знаю, что профинтилъ. Эхъ, Мишанка, не по нутру мнѣ это! Мотри, не зашибись хмѣлемъ: жутко прійдетъ — ты меня знаешь...

Михайло. — Какъ можно зашибаться?..

Степанъ Федоровъ. — Такъ можно. Съ тебя я воли не снимаю: что за твою послугу дали, то твое, мнѣ не надо. А учись

берегчи копейку: може скоро своимъ домомъ станешь жить... Чай, гналъ шибко?

Михайло. — Какъ можно гнать? вхалъ настоящимъ манеромъ...

Степанъ Ѳедоровъ. — Знаю я твой манеръ: и въ хвостъ и въ гриву, коли на водку пообъщали. За гривенникъ всю тройку радъ усадить.

Михайло. — Какъ можно!.. Лошадку долго ли смучить... Лошадка-скотинка: не скажетъ, что устала. Животъ беречь надо: потому животъ тебѣ служить...

Степанъ Ѳедоровъ. — То-то! Я, знаю умъ-то у тебя хорошъ, да воли-то тебѣ давать ненадо. Сердце-то у тебя больно горяче... Эх-ма, дѣтки, дѣтки! Самъ я у батюшки жилъ въ его законѣ до тридцати лѣтъ, да и воли своей не зналъ... А не жалю: не бось не училъ худу, человекомъ на свѣтъ оставилъ. Научилъ разуму да разсудку. Вотъ и васъ какихъ выростилъ. Слава Создателю, хошь не большіе достатки, а не на-смѣхъ людемъ живемъ, еще другой и позавидуетъ; а все отчего? оттого, что одна голова домомъ править, а руки да ноги головы слушаютъ...

Михайло. — Это извѣстно, батюшка; мы изъ твоей воли не выходимъ, твоего указу слушаемъ.

Степанъ Ѳедоровъ. — Еще бы ты не послушалъ! Какъ бы тебя не дѣлу учили... А то тебѣ ни въ чемъ отецъ дурнаго примѣру не показалъ... Ну и рѣчь твоя молчи... Такъ-то дитятко... *(Входитъ Алексѣй)*. Вона и Алѣха воротился.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Алексѣй.

Степанъ Ѳедоровъ. — Ну, что, Алѣха? свезъ?

Алексѣй. — Свезъ.

Степанъ Ѳедоровъ. — Ну, что въ городѣ?

Алексѣй. — Ничего. Тебя въ избѣ извощики... за расчетомъ... съѣзжаютъ...

Степанъ Ѳедоровъ. — Сейчасъ. А ты привезъ деньги?

Алексѣй. — Привезъ.

Степанъ Ѳедоровъ. — Ну, ладно! Подожди меня здѣсь: я тотчасъ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ III.

Михайло и Алексѣй.

Михайло. — Ну что, Алёха, въ городѣ ярманка, гуляютъ?

Алексѣй. — Гуляютъ.

Михайло. — Народу, чай, гибель?

Алексѣй. — Много.

Михайло. — Эхъ, чай, весело! Балаганы, чай, паяцы, выставка?

Алексѣй. — Мнѣ-ка всё-равно.

Михайло. — Такъ не ушто, фая, не погулялъ?

Алексѣй. — Что мнѣ... гулять-то! Я не... не надо мнѣ.

Михайло. — Такъ не ушто пряниковъ, али орѣховъ не купилъ? Чай, вѣдь, на водку-то дали?

Алексѣй. — Дали... гривенникъ.

Михайло. — Чай, опять отцу отдашь?

Алексѣй. — Известно... мнѣ куда? мнѣ-ка не надо.

Михайло. — Слушай, Алёха: ты хошь дуракъ, а въ обиду мнѣ дѣлаешь. Теперь батька завсегда мнѣ глаза тыкаеть, что ты всякую на-водку ему отдаешь...

Алексѣй. — Такъ что мнѣ? на что мнѣ? деньги не мои... Я сытъ, одѣтъ... все отъ батюшка... его деньги.

Михайло. — Да ты дуракъ, такъ подурачки и толкуешь! На-водку твоя и отецъ не требуетъ.

Алексѣй. — Мнѣ ненадо.

Михайло (*передразнивая его*). — Э! мнѣ ненадо! Кабы мнѣ подошло въ городъ-то свезти, да въ ярманку-то... ну ужъ я бы, кажись, развязалъ поясъ. Да я и теперь, братъ, такое колъно загнулъ, что любо два. Тако колъно, Алёха... слышь ты: везъ я двухъ молодцовъ, съ ярманки вѣхали... Народъ—купцы, гуляющій... съ ярманки; значить денегъ много... Я, это дѣло сейчасъ смекнувши, говорю: «господа купцы, прикажите удовольствіе сдѣлать... какъ быть пороссейски... аванчикъ выкинуть...» — «Катай! говорить». — «А на водку много ли будетъ?..» — «Ну, ужъ, говорить, будетъ». — «Полтинничекъ пожертвуете, такъ сдѣлаемъ?» — «Полтинникъ, такъ полтинникъ — жертвуемъ, говорить: сдѣлай». — «А какой, молъ, вамъ аванчикъ сдѣлать: нѣмецкій, французскій, али рассейскій? Рассейскій всѣхъ будетъ поазбористѣе, только дороже стоитъ: къ полтинничку гривенничекъ при-

живите!» Ну ужь, Алёха, и сдѣлалъ! Въ корни-то у меня Савраска, а на пристяжи-то справа Дьяволокъ, а слѣва Бутуска. Какъ я, братъ Алёха, воажи-то подобралъ, да привсталъ, да по всѣмъ по тремъ, знашь, провелъ разъ да два, да какъ вскрикну: «батюшки, воры!.. родимые, грабятъ!.. душа, вынеси!» какъ они, братъ, у меня взвились да подхватили: Савраска-то, какъ шарикъ, Бутуска кольцою, а Дьяволокъ и ржетъ, и землю роетъ, огнемъ палить... Эхъ, не рости зелена трава, не свѣти свѣтелъ мѣсяцъ! (*Воодушевляясь*). Только ухъ, ухъ... Ну, ну...

Алексѣй (*тоже воодушевляясь*). — А-ахъ!.. у-ухъ!.. Важно!

Михайло (*въ увлеченіи*). — О! о! бѣда, Алёха! духъ захватываетъ... ровно вихорь какой... земля дрожить! только колесо за колесомъ поспѣвай; а они-то, мои соколики, трахъ! трахъ!.. Ну, потѣшилъ свою душеньку, ровно всю землю произошелъ, ровно подъ небомъ побывалъ...

Алексѣй. — Ну, ну?..

Михайло. — Ну, цѣлковый, какъ есть, отвалили.

Алексѣй. — Полно?

Михайло. — Вѣрно слово! Ну за-то и уваженіе сдѣлалъ...

Алексѣй. — Лошадей-то, чай, шибко вспарилъ?

Михайло. — Еще бы не вспарить! Часа полтора водилъ: на силу раздышались.

Алексѣй. — А что батюшка-то?

Михайло. — Такъ, пустая голова, глупой твоей разумъ, неужто я ему сказалъ? Ты не вздумай сказать!

Алексѣй. — Такъ цѣлковый-то развѣ не отдалъ?

Михайло. — Такъ неужто отдалъ? Я, чай, за свою послугу получилъ... онъ самъ не препятствуетъ: что, говорить, за послугу дадутъ, то твое.

Алексѣй (*качаетъ головою*). — Негождо.

Михайло. — Да что негоже-то? Ты слушай, что опосля-то было. Перво дѣло съ Васькой Козломъ да съ Митюшкой чаю напились съ баранками; опосля того выпили путемъ крѣпко и закуской закусили, а тутъ пошли гулять. Дѣвки хороходы водятъ, мы къ нимъ... Какія же, брательникъ, дѣвки!..

Алексѣй (*съ упрекомъ*). — Ты, чай, въ законъ?

Михайло. — Въ законъ; такъ что? Я вѣдь, ничего не дѣлалъ, только побаловалъ. Митюха такой пострѣлъ — по кругу-то колесомъ пошелъ; надсадилъ, мошенникъ! И колесомъ-то онъ, в сорокой-то, и на рукахъ-то пойдетъ... ахъ ты только!.. (*Хо-*

хочетъ). Какіе, братъ, коалы ставилъ—бѣда!.. И экъ-то, и экъ-то... (*Представляетъ*).

Алексѣй (*увлекаясь смѣхомъ Михайлы, тоже хохочетъ*).

Михайло. — Весь кругъ спуталъ! Дѣвки-то, глядя на него, надорвались отъ смѣха. (*Алексѣй хохочетъ*). Только я смотрѣлъ, смотрѣлъ — ахъ ты! такъ меня розобрало... взялъ, выбралъ дѣвку, что ни-на-есть самую лучшую, да и пошелъ съ ней по кругу ходить... Ну ужъ, братъ, вспомнилъ старые годы, какъ парнемъ былъ!.. Ужъ уважилъ дѣвокъ!.. Да какія ужъ и дѣвки-то! Купилъ имъ пряниковъ да орѣховъ—ѣшь не хочу! да и почалъ ихъ за это цаловать.

Алексѣй (*хмурится и качаетъ головой*). Негождо!.. Тебѣ негождо!.. У тебя дѣтки...

Михайло. — Пошолъ ты!.. Микита пустосвятъ, али бо дуракъ несхожій... Что ты меня учить, что ли, вздумалъ?.. Такъ нѣтъ еще, не при тебѣ писано... Тебѣ пряникъ одномедной дай, такъ ты и радъ, ровно тебя рублемъ подарили... А набы нашему брату воля своя, да денегъ мѣшокъ, такъ мы бы показали себя... Эхъ, кажись бы размахнулся во всю ивановскую! (*Входитъ Татьяна*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Татьяна.

Татьяна (*входитъ*). — Гдѣ тута самоваръ-отъ? (*Подходитъ къ лѣжанкѣ и беретъ самоваръ на руки*).

Михайло. — На чтѣ самоваръ-отъ?

Татьяна. — Батюшка велѣлъ наставить: чай пить хочеть. (*Хочеть уходить*).

Михайло. — Танюха, погодъ.

Татьяна (*стоя у дверей*). Ну, что тебѣ-ка?

Михайло. — Подъ сюда.

Татьяна. — Да на чтѣ? Чтѣ еще?

Михайло. — Подъ, говорятъ. (*Подходитъ къ ней, беретъ ее за руку и выводитъ на аванцену*.) Говори: хошь кажинный день чай пить?

Татьяна. — Да, дождѣшься у васъ! Дастъ тебѣ батька-то чай пить кажинный день.

Михайло. — Ну, говори: хошь купчихой быть?

Татьяна (*сердито*). — Ну, что еще... Слышали мы эти разговоры-то — купчихой... Будешь у васъ купчихой!.. Пусти-ка!.. (*Хочетъ уйти, Михайло ее удерживаетъ.*) Пусти, говорятъ! ну, что еще прокуратишь! Руки, чай, обломало самоваромъ-то... (*Сердито и насмѣшливо*) Купецъ!.. День-то-деньской умаешься около дома-то... А то купчиха!..

Михайло. — Да ты слушай! Алёха, слушай: не хочу съ вами жить. У отца выпрошусь, чтобъ отдѣлилъ. Заживу своимъ домомъ, лошадей заведу во какихъ — слышь?... Въ салопахъ будешь ходить — слышь?...

Татьяна. — Слышу. Давно ты это говоришь, давно похваляешься... Хошь платокъ-отъ бы женѣ купилъ, а то салопъ... Дождешься отъ тебя салопа... салопъ!.. Пусти-ка! Не первый годокъ ужъ я съ тобой маюсь... устала ужъ приступать-то, чтобы просился у отца-то въ отдѣлъ...

Михайло. — Да, поди-ка, подступись къ нему зря-то... Пробовалъ, вѣдь, ужъ я говорить-то...

Татьяна. — Ну, такъ то-то и есть... а то салопъ... купчиха... купецъ!.. (*Бормочетъ про-себя и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ ТАТЬЯНЫ.

Михайло. — Алёха, пристану я къ батюшкѣ — а? вѣдь отдѣлить? а? вѣдь отпустить?

Алексѣй. — Пристань... отпустить онъ тебѣ-ка! (*Показываетъ кулакъ и смѣется.*)

Михайло. — Такъ что и самъ-дѣлъ?.. Я хочу особъ статьей жить, человекомъ... у меня жена, дѣтки... А теперь что я живу?

Алексѣй. — Да что тебѣ не жить-то? Ты съ батюшкой-то только и живешь... а безъ него у тебя и жена и дѣтки—ухъ!... А самъ-отъ... (*щелкаетъ себя по шепъ*). Да и одѣжу потащишь—вотъ что...

Михайло (*улыбается и садится къ столу противъ Алексѣя*). — А что, вѣдь, и вправду, Алёха... Вѣдь, дай мнѣ волю... всю, какъ есть, полную свободу... вѣдь я пропаціей человекъ... пра!... Вотъ какъ я, примѣрно, расхожусь—всего давай, только мало!.. И во всякій грѣхъ пойду — стыда нѣтъ... А какъ тутъ опосля самъ себя почувствую, такъ совѣсть зааритъ, что бѣда!

Алексѣй. — Такъ, такъ!... А вотъ совѣсть-то, батюшки-то боишься, а то бы и совѣсть ничего... Сдѣлалъ бы и еще хуже, да боишься батюшки — вотъ и совѣсть! А онъ отецъ: худу не научить.

Михайло (*улыбается и ласково смотритъ Алексѣю прямо въ глаза*). — Слушай, Алѣха, за что тебя люди дуракомъ зовутъ?

Алексѣй (*поспѣшно и съ замѣшательствомъ*). — А мнѣ что? мнѣ что? Пушай зовутъ! За то и зовутъ, что не больно-умнѣн.

Михайло. — Нѣтъ. Я такъ полагаю, что ты умнѣе всѣхъ насъ... пра... и меня много умнѣе...

Алексѣй (*въ совершенномъ смущеніи, опускаетъ глаза, трясетъ головой и смѣется*). — Ну, ну! полно, полно!... Какой ужъ я... ну-ка полно!...

Михайло. — Нѣтъ, я тебѣ дѣло говорю... Какъ же! ты всю мою душу проникъ... Хоть бы теперича взять: лошадей я чуть не задушилъ, отца надулъ, пьянствовалъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Маремьяна.

Маремьяна (*входя*). — А, да вы здѣсь ребятишки! Что вы тутъ дѣяете?

Михайло. — А вотъ такъ сами промезъ собой толковали.

Маремьяна. — Ну, толкуйте, коли въ мирѣ рѣчь идетъ, толкуйте; а я вотъ на лежаночку присяду... Вотъ къ осени-то, что ли, время идетъ, али кости-то старья: забну нѣшто... (*садится на лежанку*). А ты что, Алѣшунка, невеселъ? обидѣлъ, что ли, кто тебя?... Подъ-ка ко мнѣ... (*Михайль*) Ты, что ли, его, озорникъ, обаялъ?

Алексѣй (*поспѣшно*). — Нѣтъ, нѣтъ... онъ брательникъ, онъ душа... (*Быстро подбѣгаетъ къ Михайль, обнимаетъ его и стоитъ нѣсколько секундъ, прижавшись лицомъ къ его груди.*)

Маремьяна (*ласково*). — Что ты, дурашка? Кто же тебя? Подъ, подъ ко мнѣ, сядь со мной... сядь вотъ сюда. (*Алексѣй садится и Маремьяна, приклонивъ къ себѣ его голову, начинаетъ ее гладить.*)

Михайло. — Я говорю, матушка, за что Алѣшунку люди дуракомъ зовутъ?

Маремьяна. — Ну, пускай ихъ зовутъ какъ хотятъ! Онъ и не съ большимъ разумомъ, да живетъ съ Богомъ, зла никому

не дѣлаетъ... Мишанка, вѣдь, мнѣ Алѣшунку-то жаль больше, нечѣмъ тебя... пра...

Михайло. — Чтò такъ, матушка?

Маремьяна. — А чтò? Кабы не материнское сердце, кто бы его призрѣлъ? Парень-то онъ робкій, рѣчей-то большихъ Богъ ему не далъ — вотъ на людяхъ и пошелъ на-смѣхъ: дуракъ, да дуракъ... А что онъ? какой дуракъ? дѣло свое дѣлаетъ, законъ всякій знаетъ, въ задоръ ни съ кѣмъ не поидеть — материнскому-то сердцу и жаль, оно и чуетъ... О-охъ, ребятики! кабы не жили вы со мной, да не благословилъ насъ Господь милостивый такимъ миромъ да согласьемъ, не жить бы и мнѣ на бѣломъ свѣту... А то, слава тебѣ, Создателю, всего-то у насъ много, все-то свое, не чужое, да всѣ-то вмѣстѣ — и лучше ничего ненадо.

Михайло. — Вѣрно, матушка; и мы вотъ про то же сейчасъ съ Алѣхой мекзали. Хотѣлъ-было я у батюшки проситься въ отдѣлъ...

Маремьяна. — Чтò ты! чтò ты!

Михайло. — Да ужъ теперь, кажись, гнать будетъ, такъ не пойду изъ своего дома роднаго, значить родительскаго.

Маремьяна. — Ахъ ты болѣзный!... Подь-ка и ты ко мнѣ. *(За сценой слышится стукъ колесъ и брякъ бубенчиковъ.)*

Михайло *(направлявшійся-было къ Маремьянѣ, при этомъ звукъ останавливается и поспѣшно подбѣгаетъ къ окну).* — Кузьма Фодотычъ прѣхалъ, да еще съ нимъ какой-то толстѣющій, тоже изъ купечества; видно, съ ярманки ворочаются.

Маремьяна. — Ну вотъ и самоваръ-отъ какъ-разъ поспѣеть. Подьте встрѣтите его. Кузьма Фодотычъ добрый купецъ... подьте. *(Михайло и Алексѣй уходятъ.)* Дѣ, чтò говорить, добрый человекъ: и ласковымъ словомъ тебя всегда взыщеть, и чаемъ тебя угостить, коли самъ пьетъ, и заплатитъ вдвое супротивъ другаго... дѣ, нечего сказать: добрый купецъ, за то ему Богъ и подаетъ. *(Послѣднія слова, послѣ ухода сыновей, говоритъ она сама съ собою, ходя по комнатѣ, стирая со стола полотенцемъ, накрывая его скатертью, и вообще прибирая въ комнатѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Степанъ Фодоровъ, Маремьяна, Кузьма Фодотычъ, Иванъ Петровичъ, Михайло и Алексѣй.

Степанъ Фодоровъ *(отворяя дверь).* — Милости просимъ, батюшка Кузьма Фодотычъ, милости просимъ, дорогіе гости.

Кузьма Федотычъ (входя). — Здорово, Маремьянушка; здорово, Федорычъ; здорово, ребята.

Всѣ (кромя Ивана Петровича). — Здравія желаемъ, батюшка Кузьма Федотычъ.

Степанъ Федоровъ. — Милости просимъ садиться, родной. А у насъ, ровно знали, и самоваръ готовъ про твою милость.

Кузьма Федотычъ. — Ну и ладно. Давай его сюда!

Маремьяна. — А вотъ я тотчасъ пойду велю Танюхъ подавать. А еще чѣмъ прикажешь чествовать твою милость : какимъ хлѣбомъ-солью?

Кузьма Федотычъ. — Я ничего не хочу. Вотъ Иванъ Петровичъ не пожелаетъ ли чего развѣ?

Иванъ Петровичъ. — Пиво есть у васъ?

Маремьяна. — Какъ же, кормилецъ! Въ городѣ арманка, дѣло гулящее, народу много ѣдетъ — и пиво варили.

Иванъ Петровичъ. — Да-ка кружечку, или ковшичекъ. Испить хочется: жарко-съ.

Маремьяна. — Сейчасъ, родной. (*Уходитъ.*)

Кузьма Федотычъ. — А я къ тебѣ нарочно, Степанъ Федорычъ. Лошадей-то смѣнили въ Огаркахъ — такая досада! всего двухъ верстъ не доѣхалъ до васъ... Иванъ Петровичъ, лошадей-то нанималъ: мы съ нимъ сговорились увѣхать вмѣстѣ, а то бы ужъ я выговорилъ, чтобъ здѣсь слать, у тебя... Да все-равно, думаю: ужъ мимо благопріятеля не пройду, хоть нарочно да зажду.

Степанъ Федоровъ. — На томъ благодаримъ, батюшка Кузьма Федотычъ, благодарны твоей лаской, что нашимъ братомъ, простымъ человѣкомъ, не гнушается...

Кузьма Федотычъ. — Какъ, братецъ, возможно? что ты это?... Вотъ, Иванъ Петровичъ, рекомендую тебѣ моего благопріятеля, Степана Федорыча : почтенный старикъ, патриархъ, судьба твоя, въ домъ у себя — настоящий патриархъ... (*Степанъ Федоровъ кланяется.*)

Иванъ Петровичъ. — Это хорошо. Постоальный дворъ содержите?

Степанъ Федорычъ. — Да, по-малости.

Иванъ Петровичъ. — Почему овесъ отпускаете?

Степанъ Федоровъ. — Недорого, кормилецъ, по нынѣшнему году: всего по восьми гривенокъ четверикъ.

Иванъ Петровичъ. — Это недорого: а сами почему получаете?..

Кузьма Федотычъ. — Какой у него, сударь ты мой, порядокъ въ домѣ, такъ нашему брату поучиться не мѣшаетъ.

Степанъ Федоровъ (*кланяясь*). — Полно, Кузьма Федотычъ, много твоей ласки.

Кузьма Федотычъ. — Дà, дà, всякому россійскому человеку, православному, вслю поучиться у тебя. Вонъ какихъ молодцовъ-сыновей выкормилъ, а всъ у него въ полномъ повиновении и послушаніи, никто изъ его воли родительской не выходитъ и не выйдетъ, потому, самъ добрый примѣръ во всемъ подаетъ. (*Входитъ Маремьяна съ кружкой пива и Татьяна съ самоваромъ.*)

Иванъ Петровичъ (*Маремьянъ*). — Давай-ка-съ сюда, баушка, пивца-то.

Маремьяна (*подавая ему кружку съ пивомъ*). — Изволь-ка, кормилецъ, испить на доброе здоровье. (*Татьяна ставитъ самоваръ на столъ и кланяется Кузьмъ Федотычу.*)

Кузьма Федотычъ. — Здорово, Танюша, здорово. А вотъ это, Иванъ Петровичъ, невѣстка его... Вотъ какая бабочка славная!

Иванъ Петровичъ (*переставая пить*). — Пиво важное. (*Утираетъ ротъ.*) Почему солодъ брали?

Степанъ Федоровъ. — А не вѣду, кормилецъ, навѣрное тебѣ сказать: ровно ли полтинникъ пудъ, али съ пятакомъ — не помню хорошо-то.

Иванъ Петровичъ. — Это недорого брали. Пиво хорошо. (*Предлагая Кузьмъ Федотычу.*) Отвѣдайте-съ.

Кузьма Федотычъ. — Нѣтъ, вотъ я чайку. Ну-ка, молодая хозяйка, заваривай. Гдѣ у те чай-то съ сахаромъ? Много ли у тебя дѣтокъ-то?

Татьяна. — Двое.

Кузьма Федотычъ. — Ну, слава Богу. (*Михайло.*) Вотъ и ты своихъ такъ же воспитывай, какъ васъ отецъ воспиталъ — и будетъ прокъ. Давай Богъ тебѣ!

Михайло. — Покорнѣйше благодарю на добромъ желаньѣ.

Кузьма Федотычъ (*Степану Федорову*). — Ну, а другой-то сынъ, что же, еще не женатъ?

Степанъ Федоровъ. — Да пора бы и ему дѣвно, да не желаетъ; ну, а неволить не хочу.

Кузьма Федотычъ (*разливая чай по чашкамъ*). — Отчего жъ такъ, молодецъ, не хочешь въ союзъ вступить?

Алексѣй (*закрывая лицо рукой и отворачиваясь смѣется*). — Не надо; я и такъ проживу.

Кузьма Федотычъ. — Что жь такъ?

Маремьяна. — Не желаетъ, кормилецъ: то ли ради Бога, то ли по стыду... робокъ онъ очень.

Иванъ Петровичъ (*принимая чашку съ чаемъ*). — Вѣрно, разсудкомъ слабы-сь?

Кузьма Федотычъ. — Нѣтъ, онъ понятіе имѣетъ хорошее: я съ нимъ говаривалъ; а надо такъ думать, что точно это отъ робости; да онъ и есть такой тихій. Онъ чай, ужь съ дѣвкой не разговорится много?

Маремьяна. — Э, гдѣ ему, кормилецъ!.. Смирный его нѣтъ на счетъ этого, да и на счетъ всего.

Кузьма Федотычъ (*Степану Федорову*). — Да что ты стоишь, старина? Садись-ка рядкомъ, да потолкуемъ ладкомъ. — Вотъ чайку съ нами испей. И старуху-то свою посади.

Степанъ Федоровъ и Маремьяна. — Не безпокойся, кормилецъ. Кушай себѣ на доброе здоровье. Мы поспѣемъ.

Кузьма Федотычъ. — Садись, садись. Вотъ тебѣ чашка. Вотъ и тебѣ, старуха.

(Степанъ Федоровъ и Маремьяна кланяются).

Степанъ Федоровъ (*принимая чашку*). — Чѣй да сахаръ, вашей чести.

Кузьма Федотычъ. — Кушай, кушай.

Степанъ Федоровъ (*садясь*). — Какъ на арманкѣ дѣла велъ, батюшка, Кузьма Федотычъ?

Кузьма Федотычъ. — Такъ-то, братъ, хорошо, Степанъ Федорычъ, что лучше требовать нельзя. Нынче годъ у меня счастливый: товаръ, что ни привезъ на ярмарку, весь сбылъ. (*Приложившись къ узу Степана Федорова*). Чистоганчикъ домой везу.

Степанъ Федоровъ. — Ну, подавай тебѣ Богъ больше-и-больше за твою добрую душу.

Кузьма Федотычъ. — Что жь, Иванъ Петровичъ, еще чашечку?..

Иванъ Петровичъ. — Много доволенъ... Достаточно. Жарко очень. Въ путь пора бы-сь.

Кузьма Федотычъ — А вотъ выпьемъ еще по чашечкѣ.

Иванъ Петровичъ. — Ладно, хороше-сь.

Кузьма Федотычъ. — Выпьемъ да и въ путь: куда намъ теперь съ тобой торопиться-то! Дѣла свои мы съ тобой обдѣляли; вотъ посидимъ у благопріятеля минутку.

Иванъ Петровичъ. — Это точно-съ; только что жаръ-то оченно допекаетъ: на волъ-то все какъ-то легче.

Степанъ Федоровъ. — А ваша милость, батюшка Иванъ Петровичъ, тоже торгующіе?

Иванъ Петровичъ. — Торгующіе-съ.

Степанъ Федоровъ. — По какой части?

Иванъ Петровичъ (*указывая на Кузьму Федотыча*). — А вотъ по этой же самой.

Кузьма Федотычъ (*Степану Федорову*). — Иванъ Петровичъ, сударь ты мой, известный человекъ: онъ по нашей торговой части большой дотѣчникъ. Вотъ года его супротивъ моихъ еще молодые, а капиталомъ-то, пожалуй, еще зашибѣтъ.

Иванъ Петровичъ. — Это напрасно-съ.

Степанъ Федоровъ. — Просимъ, батюшка Иванъ Петровичъ, нами не брезговать: не будетъ ли когда путь лежать въ нашу сторону, просимъ милости, не проѣзжайте.

Иванъ Петровичъ. — Это можно.

Маремьяна (*клянется*). — Да, заѣзжайте, милости просимъ: на всякъ часъ рады дорогимъ гостямъ.

Иванъ Петровичъ. — Оченно хорошо; станемъ знать. У меня здѣсь обозы ходятъ. Почему съ человека за обѣдъ кладете?

Степанъ Федоровъ. — Да по пяти гривенокъ кладемъ.

Иванъ Петровичъ. — Это дорого; по сороку будетъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тъ же и Ямщикъ.

Ямщикъ (*показываясь въ дверь*). — Эй, хозяйева, долго ли?

Кузьма Федотычъ. — Сейчасъ, сейчасъ идемъ.

Ямщикъ. — Чай да сахаръ, хорошаго аппетита. Эй, хозяйева! прикажите водки выпить.

Иванъ Петровичъ. — Не проѣхалъ двухъ верстъ да и на водку просишь!..

Ямщикъ. — Такъ какъ же, господа купцы, останавливались; чай, больше часу ожидаюсь.

Иванъ Петровичъ (*смотря на часы*). — Врешь, всего десять минутъ.

Ямщикъ. — Такъ какъ же, хозяйева? съ ярманкой!

Кузьма Федотычъ. — Ну, ну, поди выпей на меня, да смотри хорошенько везти!

Ящичикъ. — Ужь будемъ стараться. Покорнѣе благодаримъ. (*Уходитъ*).

Кузьма Федотычъ. — Ну, прощай Федорычъ. Вотъ тебѣ за самоваръ (*дастъ ему деньги*): четвертачка будетъ?

Степанъ Федоровъ. — Будетъ, Кузьма Федотычъ, будетъ.

Маремьяна. — Будетъ, кормилецъ; много довольны.

Иванъ Петровичъ. — А за пиво, хозяинъ, съ меня, что положите, али нѣтъ?

Маремьяна. — Полно, кормилецъ, что тутъ! На доброе здоровье.

Иванъ Петровичъ. — Ну, покорнѣе благодаримъ на угощеньи. (*Кланяется*) Кузьма Федотычъ, на чаѣ-съ.

Кузьма Федотычъ. — Ну, есть на чемъ! Ну, прощай, Федорычъ! прощай, старуха! прощайте, ребята!

Всѣ. — Прощай, батюшка Кузьма Федотычъ. На предки милости просимъ.

Кузьма Федотычъ. — Вашъ гость, вашъ гость. (*Уходитъ съ Иваномъ Петровичемъ*.)

(*Степанъ Федоровъ, Михайло и Алексѣй его провожаютъ*.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Маремьяна и Татьяна.

Маремьяна. — Ну, вотъ четвертачокъ далъ да еще и насъ чаемъ угостилъ. Спасибо, добрый... (*Подходитъ къ окну и смотритъ*). Экой этотъ-то толстой! (*Слышенъ стукъ колесъ и крикъ ящичика*). Ну, повъхали... Повъжайте въ добрый часъ. Спасибо. (*Отходя отъ окна къ Татьянѣ, которая собирала со стола*). Прибирай, дѣвка, прибирай, да сотри со стола-то.... да сахаръ-то... осталось, кажись... снеси его внизъ, да и сама-то приходи: дѣло, чай, есть тамъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ X.

Татьяна одна (*прибирая посуду*). Дѣло! все у васъ дѣло!.. А все одна. Ты не велика помощница-то : еле ноги таскаешь. День-то-деньской умаешься. Что бы работницу нанять — скареды!.. Пожила бы хоть недѣлку, какъ люди-то живутъ. а то все одна-то... (*Уходитъ*).

(*Сцена остается на короткое время пустою*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Михайло, одинъ (*входитъ, озираясь кругомъ, и заглядываетъ за перегородку*). — Кажись, никого нѣтъ. (*Выходитъ на авансцену*). Не-ужь-то деньги нашель?... (*Вынимаетъ изъ-за пазухи старый бумажникъ, туго-набитый, и дрожащими руками развязываетъ шнурокъ, которымъ онъ завязанъ*). А ну деньги?... (*Раскрываетъ бумажникъ*). Деньги! да сколько!... (*Озирается, подходитъ къ дверямъ и запираетъ ихъ на крюкъ, потомъ возвращается на авансцену и садится къ столу*). Вотъ привалило! (*Начинаетъ вынимать изъ бумажника пачки ассигнацій и раскладываетъ ихъ на столъ, безпрестанно озираясь*). Да тутъ... тысячч!... Вотъ зажишу! Вотъ отдѣлюсь отъ отца... Сказывать ему, али нѣтъ?... Сказать — себѣ возьметъ, либо объявить... Не скажу. (*Смотритъ на пачки ассигнацій*). О-го! все мое. Теперь-то загуляю!... О-го, сколько!... А какъ Кузьма Федотычъ обронилъ, да воротится... спрашивать станеть?... Не отдамъ: я нашель — мое счастье! Никому не скажу... О-го!... все сотельныя!.. (*Снаружи торгаются въ двери. Михайло вздрагиваетъ и прикрываетъ деньги руками*).

Голосъ Степана Федорова (*за дверями*).—Да кто тутъ заперся?...

Михайло (*тихо и поблѣднѣвъ*). — Батюшка! (*Начинаетъ поспѣшно собирать деньги и класть въ бумажникъ, но дрожащія руки плохо ему повинуются*.)

Степанъ Федоровъ (*торгаясь въ двери*). — Да кто тутъ? Отоприте! Съ чего это заперлись?

Михайло (*торопится собрать деньги, роняетъ ихъ, поднимаетъ и роняетъ другія*.)

Степанъ Федоровъ (*стучась сильно, съ гнѣвомъ*).—Да кто тутъ, окаянный, забрался? Отопри скорѣй — слышь ли?

Михайло (*кое-какъ завязываетъ бумажникъ, кладетъ его за пазуху и отпираетъ дверь*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

Михайло и Степанъ Федоровъ.

Степанъ Федоровъ (*входя*). — Да это ты? Что ты тутъ дѣлалъ? (*Подозрительно смотритъ на Михайлу*).

Михайло. — Я... ничего...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Какъ ничего? Стучался, стучался...
Насилу отперъ. Зачѣмъ ты запирался-то?

МИХАЙЛО. — Да я... я не запирался...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Да что ты, рехнулся, что ли?... ровно
самъ не свой... Что ты? что ты?... что ты дѣлалъ-то здѣсь
запершись?

МИХАЙЛО (*грубо*). — Да я ничего не дѣлалъ...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Какъ ничего?... (*Подозрительно осма-
триваетъ всю комнату и, замѣтя на полу ассигнацію, подни-
маетъ ее*). Что это? да это сигнація... Батюшки! сотельная
бумажка-то!... Откуда взялась?... (*Опять смотритъ на полъ и
изъ-подъ стола вынимаетъ еще ассигнацію*). И другая!... Да от-
куда это?... (*Взглядываетъ на Михайлу*).

МИХАЙЛО (*съ сильнымъ замѣшательствомъ*). — Не знаю откуда...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Какъ не знаешь? Ты здѣсь одинъ
былъ. Говори: откуда взялись?

МИХАЙЛО. — Да почему я знаю...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Что жъ ты здѣсь дѣлалъ-то? Ужъ не
украдъ ли ты? а?

МИХАЙЛО. — Гдѣ мнѣ украсть-то?...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Такъ откуда жъ имъ взяться? Говори!

МИХАЙЛО (*грубо*). — Да что мнѣ говорить-то? Нашелъ, такъ
бери себѣ: твоя находка — твое счастье.

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Да что ты какъ со мной говоришь,
мошенникъ—а? Сказывай: гдѣ деньгі взяли? Сотельную бумажку
обронилъ, значить у тебя еще есть... (*Смотритъ на него*). Что
у тебя тутъ оттопырилось-то? Показывай!

МИХАЙЛО. — Что оттопырилось? Ничего не оттопырилось.

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Такъ не вижу, что ли, я? Ты, видно,
украдъ. Вынимай сейчасъ! Что у тебя тутъ—показывай!... По-
казывай; не то худо будетъ...

МИХАЙЛО (*озираясь*). — Да что кричишь-то? не кричи: услы-
шать... Деньги мои.

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Какъ твои?

МИХАЙЛО. — Такъ; я нашелъ...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Нашелъ? Гдѣ нашелъ?

МИХАЙЛО. — На дворѣ... на улицѣ...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Подавай!

МИХАЙЛО. — Батюшка, деньги мои: я нашелъ.

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ (*грозно*). — Ну!...

(*Михайло неохотно вынимаетъ бумажникъ и, не выпуская изъ рукъ, показываеъ его отцу. Степанъ Ѳедоровъ хочеть взять его*).

Михайло (*не отдавая*).—Деньги мои, батюшка... я нашель...

Степанъ Ѳедоровъ (*грозно*).—Ну, подавай сейчасъ... Отецъ я тебъ, али нѣтъ?... (*Вырываетъ бумажникъ изъ рукъ Михайла*).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тъ же и Алексвй.

Алексвй (*входя*). — Батюшка, поди обѣдать.

Степанъ Ѳедоровъ. — Нишкни... запри дери...

Алексвй. — А что?

Михайло. — Молчи... я деньги нашель.

Алексвй. — Деньги? да не Кузьма ли Ѳедотычъ обронилъ?...

Степанъ Ѳедоровъ. — Не онъ ли и самъ-дѣлъ?..

Алексвй. — Такъ давай: я сейчасъ нагоню верхомъ...

Михайло. — Да не онъ... Я за заднимъ дворомъ нашель, коло огорода...

Степанъ Ѳедоровъ. — Такъ не онъ.

Алексвй. — Такъ объявить надо.

Михайло. — Молчи! ты что ли нашель?

Степанъ Ѳедоровъ. — Да сколько денегъ-то?

Михайло. — Смотри: много...

Степанъ Ѳедоровъ (*раскрываетъ бумажникъ*).—Все сотельныя... (*Глаза его сверкають, руки дрожатъ*).

Алексвй. — Батюшка, объявить надо.

Михайло. — Пошелъ! не твое дѣло.

Степанъ Ѳедоровъ (*разсматривая деньги, неопредѣленно*).—Объявить?... Объявить?...

Михайло. — Батюшка, ты мнѣ отдай деньги: я нашель.

Степанъ Ѳедоровъ (*грозно*). — Ну!... Отецъ я тебъ, али нѣтъ? (*Опять смотритъ въ бумажникъ*). Объявить?... (*Быстро*). Запирай дери! запирай ворота!

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорация перваго дѣйствія. На стѣнѣ, близь лежанки, висятъ два синіе кафтана, красный кушакъ и пуховая шляпа.

ДВЛЕНІЕ I.

Михайло и Татьяна (*сидятъ у стола и пьютъ чай*).

Михайло (*подъ хмелькомъ*). — Ты мнѣ теперя скажи только: пьешь ты чай, али нѣтъ?

Татьяна. — Пить-то я пью...

Михайло (*перебивая ее*). — То-то вотъ и оно-то: сказаѣ, что будешь кажинный день пить чай, такъ дѣло и сдѣлаѣ, и никто не можетъ мнѣ... никто слова не сважи.

Татьяна. — Такъ что? чаемъ-то поишь, а работа-то та же на мнѣ: умаешься день-то-деньской... все одна-то да одна...

Михайло. — Это я все могу сдѣлать. Хошь цѣлый день будешь на печкѣ лежать? и никто мнѣ не смѣй ничего... ни одного слова...

Татьяна. — Да похваляться-то ты мастеръ, а только чай-отъ и есть, а то все то же: ту же мѣку-то терплю мученическую день-то-деньской...

Михайло. — Это сейчасъ можно все сдѣлать. Не ходи, сиди здѣсь, пей чай — и никто мнѣ... у!... ни одного слова...

Татьяна. — А обѣщаль еще салопъ сшить; купчихой, говоришь, сдѣлаю... Вотъ себѣ одѣжи-то понашилъ, а жена-то много ли видѣла обновъ-то? а то салопъ... купчиха!...

Михайло. — Это я все могу... все... все, значить, въ нашей волѣ... одно слово!...

Татьяна. — Да!... Похваляться-то всякій умѣетъ... А ты сдѣлай, да ужь тогда и хвались...

Михайло. — Такъ не сдѣлаю, что ли, коли захочу?... да я теперя... вотъ сказаѣ отцу, чтобы сейчасъ была новая тройка... для одного меня, значить, кататься хочу, и будетъ!... и ни слова!...

Татьяна. — Да, сейчасъ!... какъ же! дожидайся!... развѣ пожелать только...

Михайло. — Теперя?... меня?... какъ же! Нѣту, поздно... теперя я здѣсь большой... Все-равно... вотъ смотри... (*показываетъ руку*) вотъ пятерня! (*сжимаетъ кулакъ*) тутъ все... значить, я одинъ... пивнуть не смѣй... потому я могу... одно слово... вотъ что!... А то поколотить! Нѣтъ, ужь это не про насъ писано...

Татьяна. — Э-эхъ, съ-пьяна-то мелешь: слушать-то нѣчего, все пустое...

Михайло. — Пустое? Нѣтъ, не пустое... Захотѣлъ — сейчасъ требую: сто рублей, а мало—пятьсотъ, а и того мало—тысячу... И сейчасъ... взялъ. Захотѣлъ — домъ каменный выстрою...

Татьяна. — Дѣ, выстроишь на пустое-то мѣсто!...

Михайло. — Ну, нѣтъ! можетъ, у насъ есть не то, что... тысячь двадцать есть, а то тридцать... а то пятьдесятъ... Вотъ захотѣлъ хорошей одѣжи — и есть...

Татьяна. — Да откуда это у тебя такія деньги? скажи-ка — а? (*Насмѣшливо*). Ахъ ты тысячникъ съ алтыномъ!

Михайло. — Есть у насъ, да только сказать нельзя.

Татьяна (*поддраживая его*). — Нѣчего сказать-то, такъ и не говоришь.

Михайло. — Ну, ужь мы про то знаемъ, только вамъ не скажемъ, бабамъ...

Татьяна. — Такъ что? не жена, что ли, я тебя? чужая, что ли, что ты сказать-то мнѣ не хочешь?

Михайло. — Знаю, что жена, да сказать-то тебѣ нельзя, потому — баба... А у бабы языкъ все-равно, что вода на мельницѣ... все держится... а прорвало гать—такъ и пошла нисать, ничѣмъ не удержишь...

Татьяна (*ласкаясь къ мужу*). — Такъ, дурашка, не-ужь-то я насупротивъ тебя пойду, али что на вреду тебѣ дѣлать стану?

Михайло. — Нѣтъ, коли-что насупротивъ-то пойдешь, такъ на вашу братью... резонтъ есть (*показываетъ кулакъ*)... Теперь противъ меня нитя слова не смѣй сказать... потому все я одинъ сдѣлалъ... весь капитуль досталъ...

Татьяна. — Такъ то-то и есть, дурашка, развѣ я не знаю... что ты мнѣ голова? Кажется я, съ тобой живу не первый годъ: въ чемъ я тебѣ согрubiла?.. всегда стараюсь все какъ бы лучше потрафить... всегда, что угодно... Скажи, дурашка, Мишанка, Михайла Степанычъ, гдѣ ты экое мѣсто денегъ-то взялъ?..

Михайло. — Я нигдѣ не взялъ, а нашелъ.

Татьяна (*живо*). — Нашелъ?

Михайло. — Ну, вотъ и сказалъ, а ненадо бы сказывать-то... Да ты у меня нишкни — слышь?

Татьяна. — Такъ неужто стану говорить? Сколько же денегъ-то?

Михайло. — Да и самъ не знаю сколько, а много, больно-много: отецъ-то три дни считалъ... а все на-вѣрняка не могъ свести.

Татьяна. — Зачѣмъ же ты отцу-то отдалъ?

Михайло. — Ну, зачѣмъ?.. А онъ бы объявилъ.

Татьяна. — Такъ на что же ты показывалъ-то ему?..

Михайло. — Ну, на что?.. Ужь не показалъ бы, какъ бы самъ не увидалъ...

Татьяна. — Ахъ ты, дуракъ, дуракъ! Вотъ пословица-то говорится: глупому-то сыну да богатство-то... Кладъ въ руки давался и того не умѣлъ взять. Да я баба, да кабы я нашла, такъ неужто кто бы у меня отнялъ? А ты что?.. Эхъ, ты!.. ты!..

Михайло. — Ну, цыцъ!.. со мной никто не смѣй... не разговаривать!.. Деньги мои... Сколько хочу, пошелъ да взялъ.

Татьяна. — Да, взялъ!.. изъ чужихъ-то рукъ... (*начинаетъ притворно плакать*). Вотъ муженѣкъ на шею навязался: кладъ самъ въ руки давался, такъ чѣмъ бы женѣ всякій покой дать... у него, ровно у малаго ребенка, тотчасъ все и отняли.

Михайло. — Цыцъ!... все мое!... все могу сдѣлать!...

Татьяна (*продолжая всхлипывать*). — Да... другой бы мужъ сейчасъ отдѣлился, чтобъ своимъ домомъ жить, самому-себѣ хозяиномъ, а ты до тридцати лѣтъ дожилъ, да своей овцы, какова овца, у тебя нѣтъ... Вотъ, что бы отдѣлиться-то теперь...

Михайло. — Такъ, коли захочу, не отдѣлюсь, что ли? Одно слово сказалъ — и все тутъ!

Татьяна. — Такъ что же ты думаешь о своей головѣ, о своихъ дѣткахъ малыхъ? Вѣдь отецъ-отъ ничего тебѣ не дастъ.

Михайло. — И просить не стану: подай мое... Я еще въ купцы выпишусь, со всякимъ самымъ-лучшимъ народомъ знакомство заведу... пиры да банкеты стану сводить.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Маремьяна.

Маремьяна (*входя, Татьяна*). — Что ты, дѣвка, сидишь здѣсь да чай-то распиваешь, а дѣло все стало за тобой! Что

за прокуратство у васъ?... И пироги-то въ печь до сей-поры не посажены. Подь-ка скорѣй, сажай ихъ.

Татьяна. — Поди-ка сажай сама, а я еще не стану...

Маремьяна. — Чтò?

Татьяна. — А то, бѹдетъ ужь, я поработала на васъ, пора и мнѣ самой въ себя позить...

Маремьяна. — Да чтò ты, дѣвка, въ умѣ ли?

Татьяна. — Небось, не глупѣ тебя.

Маремьяна. — Да чтò она взбѣленилась, ровно недѣлю не ѳвши сидить?

Татьяна. — У васъ не то, что недѣлю, у васъ и годъ просидишь не ѳвши... Еще вотъ не хочу идти работать на васъ — да и все тутъ! Поди ищи на мнѣ. Еще и жить-то съ вами не хочу, еще въ отдѣлъ пойдѣмъ...

Маремьяна. — Да что ты, Мишанка, смотришь ей въ зубы-то? Что она у тебя ряхнулась, что ли, али бѣлены обѣлася?.. Ряхнулась и вправду.

Михайло. — Это точно, матушка: ты скажи батюшкѣ, чтобъ онъ насъ отдѣлилъ.

Маремьяна. — Да вы и вправду оба не въ своемъ умѣ... Съ чего вамъ, съ чаю-то, чтò ли, эка дѣло?...

Татьяна. — Небось, не съ чаю: не больно у васъ разопѣшься... Вы мастера-то въ чужой горшокъ лазить да чужой-то вѣкъ завѣдать.

Маремьяна. — Да уйдти отъ васъ, нагрѣшники... Что вы?... Пойду, скажу отцу, чтобъ онъ васъ поучилъ... (*хочетъ идти*).

Татьяна. — Нѣчему насъ учить. Учены мы! На что вы-то насъ съ мужемъ-то обобрали?...

Маремьяна. — Да что ты? не будь тебѣ ладно... объ чемъ ты говоришь? Чѣмъ мы васъ обобрали?

Татьяна. — Эка!.. не знаетъ!.. на что у него пятьдесятъ-то тысячъ отняли, чтò нашель-то онъ? а? что?...

Михайло. — Цыцъ! Экъ понесло тебя!.. Вотъ что, матушка: опричь всякихъ ссоръ, скажи отцу, чтобъ онъ меня отдѣлилъ, да отдалъ мнѣ половину, а то пусть будетъ ваше...

Татьяна (*Михайлу*). — Да чтò ты, на самого себя руки наложить, что ли, хочешь? ты не одинъ: у тебя дѣтки...

Михайло. — Молчать! Ну, жертвую вамъ пять тысячъ!

Маремьяна. — Что вы, батюшки?... Вамъ попало что-нибудь...

(*Входитъ Степанъ Федоровъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Тъ же и Степанъ Ѳедоровъ.

Маремьяна. — Отецъ, разбери ты ихъ, что съ ними попричилось? Какія ты у нихъ тысячи отнял?

Татьяна. — Да!... разбирай!... Нѣтъ, намъ денежки-то отдай.

Михайло. — Батюшка, порѣши ты это дѣло со мной.

Степанъ Ѳедоровъ. — Бабы, ступай вонъ!

Татьяна. — Что ступай вонъ?.. Нѣчего; ты деньги-то отдай.

(Маремьяна уходитъ).

Степанъ Ѳедоровъ. — Прогони же жену-то.

Михайло. — Подъ отсель, да ни гу-гу — слышь?

Татьяна (сквозь слезы). — Вотъ и вся корысть! Всего-то тебя оберутъ...

Степанъ Ѳедоровъ. — Ну!..

Михайло. — Пошла же, говорить!

Татьяна. — Уйду. Оставайся: много ли безъ меня-то сделаешь! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Степанъ Ѳедоровъ и Михайло.

Степанъ Ѳедоровъ. — На что, дурень, жонъ-то сказалъ?

Михайло. — Ну, ужь сказалъ, такъ нѣче дѣлать. А ты вотъ что, батюшка: ты меня отдьми. Я тебѣ пять тысячъ жертвую, а то мое...

Степанъ Ѳедоровъ. — Ну, что ты блажешь-то? Ну, какъ я тебя отдьму? куда ты пойдешь?

Михайло. — Да ужь это мы знаемъ, наше дѣло: я тотчасъ домъ выстрою, лошадей накуплю, постоялый дворъ открою...

Степанъ Ѳедоровъ. — Глухой! да вѣдь, люди-то будутъ смотрѣть да спрашивать, откуда вдругъ такіа деньги взялись. Что ты скажешь? Наши достатки извѣстные. А ты послушай меня, старика: сначала распущу я по деревнѣ слухъ, что хочу тебя отдьмитъ и начну тебѣ строить домъ, куплю тебѣ тройку лошадей... ну, хошь двѣ, и начни ты сначала петиховьку, года два хошь такъ поживи, а потомъ какъ хочешь: никто и пикнуть не посмѣетъ — развился да и все тутъ. Кто тебя учитаетъ? Дѣ-

да хороно пошли, да и все тутъ. Ну, такъ ли я говорю: ты паренъ умной, разсуди-ка хорошенько-то.

Михайло. — Да это точно... Ну, такъ дай на гулянку...

Степанъ Федоровъ. — Ну, на гулянку изволь. Много ли надо? Цѣлковаго будетъ?

Михайло. — Какой цѣлковый! срамиться не изъ-чего. Давай сто рублей.

Степанъ Федоровъ. — Сто рублей? Да что ты, въ умъ ли, Мишанка?

Михайло. — Въ умъ. Что тутъ разговаривать: своихъ денегъ прошу... Сто рублей вынимай.

Степанъ Федоровъ (*съ инльвомъ*). — Такъ не дамъ я тебѣ ни копейки.

Михайло. — Такъ что ты и взаправду, отнять, что ли, хочешь деньги-то? Такъ не доставайся же они никому...

Степанъ Федоровъ (*смягчая тонъ*). — Да, дурашка, подумай ты то: вѣдь ста-то рублей въ мѣсяцъ не прогуляешь...

Михайло. — Уйдетъ у насъ въ день...

Степанъ Федоровъ. — Ну, такъ опять люди станутъ примѣчать: откуда такія деньги...

Михайло. — Я женѣ салопъ сошью...

Степанъ Федоровъ. — Ну куда ей салопъ? Ну что не дѣло-то говоришь: сарафанчишка-то путнаго нѣтъ, а хочешь салопъ шить. Да и пристало ли крестьянской бабѣ? Лучше же я ей исподволь, какихъ ей приличествуетъ нарядовъ, нашью, по нашему деревенскому обычаю, а то ну-ка, салопъ! Къ-чему пристало?

Михайло. — Такъ по-крайности дай хошь пятьдесятъ на гулянье...

Степанъ Федоровъ. — Ну куда ты пятьдесятъ рублей хочешь прогулять? ты подумай. По пятидесяти-то, чай, и купеческіе сынки не прогуливаютъ. А ты возьми два цѣлковенькихъ да и гуляй. Знашь ли, какъ разгуляешься — всѣмъ на удивленье.

Михайло. — Нѣтъ ужъ, батюшка, коли такъ, какъ хошь: двадцать давай, меньше не возьму. Сегодня, кажись на дворѣ праздникъ, народъ гуляетъ, хороводы водятъ: можно двадцать прогулять нашему брату, не отъ бѣдности отъ какой. Скажу, что на водахъ сюзилъ...

СТЕПАНЪ ФЕДОРОВЪ (*вынимая изъ кошельа деньги*). — Ну нѣ вотъ тебѣ, нѣ, три цѣлковыхъ нѣ! не проси же больше...

МИХАЙЛО. — Нѣтъ, батюшка, мало, давай еще три.

СТЕПАНЪ ФЕДОРОВЪ. — Ну, будетъ; не дамъ больше.

МИХАЙЛО. — Нѣтъ, давай еще!

СТЕПАНЪ ФЕДОРОВЪ (*повышая голосъ*). — Говорятъ, не дамъ, а то и эти назадъ возьму.

МИХАЙЛО. — Ну, это на-врядъ ли...

СТЕПАНЪ ФЕДОРОВЪ (*грозно*). — Мишанка!..

МИХАЙЛО. — Да что, твоихъ, что ли я прошу? Мои деньги. Взялъ да еще и завладѣть хочеть.

СТЕПАНЪ ФЕДОРОВЪ. — Да нѣ тебѣ еще цѣлковый, безстыжая твоя рожа...

МИХАЙЛО. — Нѣтъ, давай еще два...

СТЕПАНЪ ФЕДОРОВЪ (*выкидывая деньги, съ гнѣвомъ*). — Пошелъ, опейся, ненасытная твоя утроба! Пошелъ же съ глазъ моихъ долой!

МИХАЙЛО. — Теперь и безъ того уйдемъ... (*Снимаетъ со стѣны синій кафтанъ и кушакъ, надѣваетъ на голову нарядную шапку и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

СТЕПАНЪ ФЕДОРОВЪ (*одимъ*). — Разбойникъ! окаанный! пьяница!... А отъ своей же крови экого нажилъ! Что съ нимъ сдѣлаешь? куда отъ него уйдешь? Того и смотри, что еще разболтаетъ. То же отдѣлится хочеть! Хорошо, что еще не знаетъ, сколько денегъ-то... А много... аи много! Кто-то эти денежки обронилъ, то-то, чай, воетъ-то... А хорошо, какъ съ эстолько-то денегъ лежитъ; ужъ какъ хорошо! Взглянешь, такъ сердце и замретъ отъ радости! (*Уходитъ*).

ПЕРВЫЯ ДЕКОРАЦІЯ.

Деревенскій праздникъ. Нѣсколько лавочекъ подъ холщевыми навѣсами, съ пряниками, орѣхами, яблоками и тому подобнымъ. Такъ называемая *выставка*, то-есть временной шатеръ съ прилавкомъ, на которомъ продается вино. Шатеръ сдѣланъ въ видѣ колокола, надъ которымъ развѣвается флагъ. Толпы крестьянъ и крестьянокъ въ праздничномъ нарядѣ. Нѣсколько группъ: въ одной играютъ молодые парни въ орлянку, въ другой пьютъ вино, въ третьей разговариваютъ, и прочее. Вдали виднѣется деревня. На авансценѣ, бли-

же къ правой сторонѣ стоитъ дерево. Хороводъ изъ дѣвушекъ и молодыхъ крестьянъ, тотчасъ по поднятіи задняго занавѣса первой декорации, съ пѣснями приближается къ авансценѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Михайло, Дмитрій и Иванъ (*выходятъ изъ-за хоровода при окончаніи пѣсни*).

Михайло. — Ну-ка, Мишуха, погуляй-ка у насъ на праздникъ-то, понравится ли тебѣ-ка? Вона у насъ дѣвки-то каки, не хуже вашихъ.

Дмитрій. — Важныя дѣвки!

Михайло. — Ну-ка, дѣвки, запѣвай новую, а мы здѣсь сядемъ, да слушать станемъ.

Маланья. — Дѣ, вотъ больно надо: для тебя и поють.

Михайло. — А ненадо, такъ какъ хошь, и пряниковъ тебѣ не будетъ.

Маланья. — Покупай своимъ ребяташкамъ, да береги деньги-то женѣ на платъ, а мы и безъ твоихъ пряниковъ проживемъ: захотимъ, сами купимъ. И парнемъ-то былъ, такъ отъ тебя немного видали.

Михайло. — Аи!... тебѣ, видно, дѣвка, годовъ-то много... Ну-ка, помнишь, какъ я парнемъ былъ, а я сорокъ лѣтъ съ годомъ съ женой живу... (*Общій смѣхъ*).

Маланья (*обидѣвшись*). — Смотри своей женѣ-то въ зубы, да считай годà, а наши еще не считаны.

Дмитрій. — Нѣтъ, братъ, Мишуха, ваши дѣвушки сердятся, не то, чѣд наши...

Михайло. — Вѣдь это только одна: у ней нѣчѣмъ кусаться, такъ она только лается... А тв ласковыя... (*Сжимаетъ шляпу и вынимаетъ изъ нея платокъ, наполненный орѣхами и пряниками*). Ну-ка, дѣвушки, бьемъ челомъ, не побрезгуйте нашимъ добромъ... (*Начинаетъ потчивать дѣвушекъ; когда же доходитъ до той, съ которою разговаривалъ, то обходитъ ее*). А вы, говорить, плохи зубами и кисель ѣдите съ большими трудами... (*Общій смѣхъ*).

Маланья. — Ну, озорникъ, достанется и тебѣ на орѣхи: вотъ я пойду, скажу женѣ-то, какіе ты здѣсь лясы точишь: она у тебя потачки не даетъ... Безъ нея-то ты больно удалъ, а то люди говорятъ, она не поѣсть, тебя не побивши. (*Уходитъ*).

Нѣсколько дѣвушекъ. — А, Мишуха, что? поджалъ хвостъ-отъ? (*Смѣются*).

Михайло. — Я что? А вотъ что. Ванюха, нà вотъ-ти три цѣлковыхъ: подь купи дѣвушкамъ пряниковъ да орѣховъ, да водки штофъ, на всѣ — слышь?

Иванъ. — Лздно, тотчасъ.

Михайло. — Вотъ вамъ и жены боюсь... видѣли? А мало — еще купимъ... Всѣ гуляй сегодня на меня — слышь? Захожу, всю выставку куплю — вотъ какъ у насъ!

Дмитрій. — Что больно, Мишуха, расходился? Откуда экія деньги у тебя?...

Михайло. — Есть у насъ; заработки хороши!

Иванъ. — Нà, вота купилъ (*подаетъ большой платокъ съ пряниками и орѣхами*). Въ платъ-то не уклалось, такъ вотъ полну шляпу насыпали (*наклоняетъ голову*). Снимай да не просыпай.

Михайло. — Ну, вотъ, дѣвушки, кушайте, не жалуйте.

Дмитрій. — Ну, дѣвки, зацѣвайте же, да насъ припустите, коли не противень. Бывало, хаживали по кругу, себя не срамили.

Михайло. — Ну-ка, ну-ка, Митюха, и самъ дѣвъ пройдишь. А мы, ребята, сядемъ-ка на зеленый на лужокъ, подь ракитовъ лодъ кустокъ. Сядемъ, да выпьемъ. Гуляй всѣ въ мою голову, за всѣхъ отвѣчаю! Митюха, выпей сперва-начала, а тутъ и поди (*наливаетъ стаканъ вина. Дмитрій пьетъ*).

(*Составляется хороводъ, заплясываютъ плъсю. Дмитрій съ одной изъ дѣвушекъ идетъ по кругу*).

Пѣсня.

Пошелъ молодець на гулянье
 На великое, на стоянье.
 Ой люли, люли, на стоянье.
 Миръ вамъ, дѣвушки, на гуляньѣ,
 Миръ вамъ, красныя, на стояньѣ.
 Ой люли, люли, на стояньѣ.
 Нѣтъ ли охотничка разгуляться,
 Со мной молодцомъ побороться?
 Ой люли, люли, побороться.
 Одна дѣвушка всѣхъ рѣзвѣе,
 Она молодца поборела.
 Ой люли, люли, поборела.

Что при всемъ—то ли при народѣ
При большомъ—то ли хороводѣ.

Ой люли, люли, хороводѣ.
Чорну шляпицу долой сшибла
Опоясчку изорвала.

Ой люли, люли, изорвала.
Съ рукъ перчаточки поскидала,
Она синь кафтанъ въ грязь топтала.

Ой люли, люли, въ грязь топтала.
Пошелъ молодецъ, самъ заплакалъ:
Ахъ ты матушка, мать родная!

Ой люли, люли, мать родная!
На что на горе породила,
На что хорошо нарядила?

Ой люли, люли, нарядила,
На гулянцеце отпустила?
Меня дѣвучка пристыдила.

Ой люли, люли, пристыдила.
Какъ при всемъ—то ли при народѣ,
При большомъ—то ли хороводѣ

Ой люли, люли, хороводѣ.

Михайло. — Стой—ка, дѣвки! Эхъ—ма, Митюха! хорошо вы ходите: посмотри—ка насъ. Ну—ка, «Дунай ли мой Дунай» да ужъ только съ тобой, Феклуха, больше ни съ кѣмъ не хочу (*Хороводъ начинается пѣть. Михайло идетъ по кругу.*)

Пѣсня.

Какъ възъ улицы въ конецъ
Шелъ удамый молодецъ.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Шибко, громко, просвисталъ,
Въ теремъ голосъ подавалъ.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Чтобы слышала милая,
Не дремала бѣ, не спала.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Не дремала бѣ, не спала,
Дорога гостя ждала.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Дорога гостя ждала
Ваню бѣленькаго, дружка миленькаго.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Какъ звали молодца,

Почитали удалца

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Какъ во пирѣ пировать,

Во бесѣдушку сидѣть.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Посадили молодца на скамеечку

На скамеечку противъ вдовушки.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Молодецъ вдовѣ челомъ

Съ молодца шляпа долой.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Покатилась черна шляпа

Ко вдовушкинымъ ногамъ.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Ко чернымъ башмакамъ

Ко нѣмецкимъ чулкамъ.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Ужь ты вдовушка подай,

Голубушка подними.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Не раба, сударь, твоя,

Я работать на тебя.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Работушку работать,

Черну шляпу поднимать.

Дунай ли мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Черну шляпу поднимать,

На русы кудри вздѣвать.

Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай,
 Не радушень, не всёлъ,
 Самъ заплакалъ, да пошолъ
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай,
 Не спасибо ти вдова
 Не скрасила молодца
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай.
 Не скрасила, взвеселила,
 Не возрадовала.
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай.
 Какъ звали молодца
 Почитали удальца.
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай.
 Во пиръ пировать
 Во бесѣдушку сидѣть.
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай.
 Посадили молодца на скамеечку.
 На скамеечку, противъ дѣвушки.
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай,
 Молодецъ дѣвкѣ челоуъ,
 Съ молодца шляпа долой.
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай.
 Покатилась черна шляпа
 Ко дѣвушкинымъ ногамъ.
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай.
 Ко чернымъ башмакамъ,
 Ко вѣмецкимъ чулкамъ.
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай.
 Ужь ты дѣвушка подай,
 Красавица, подними.
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай.
 Я раба, сударь, твоя,
 Я работать на тебя.

Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай.
 Работушку работать,
 Черну шляпу поднимать.
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай.
 Черну шляпу поднимать,
 На русы кудри вздѣвать.
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай.
 И радушень, и весель,
 Самъ зашелкаль, да пошоль.
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай.
 Ахъ, спасибо ти, дѣвица,
 Что скрасила молодца.
 Дунай ли мой, Дунай,
 Сынь Ивановичъ, Дунай,
 Что скрасила, взвеселила
 И возрадовала.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ТАТЬЯНА.

ТАТЬЯНА (*подбѣгая къ Михайлу*). — Чтò ты дѣлаешь, безстыжій человекъ? Пристало ли тебѣ экъ ломаться-то, да поясничать, женнинъ ты мужъ?

ГОЛОСА. — Что, Мишанка? а? попался? что? Вотъ она задасть тебѣ трезвона!

МИХАЙЛО. — Жена, Танюха, стой!

ТАТЬЯНА. — Да что Танюха? Безстыжіе твои глаза! Ну, мѣсто ли тебѣ съ дѣвками, дѣткамъ ты отецъ?

ГОЛОСА. — Ага, Мишанка, ага, попался!

МИХАЙЛО. — Жена ты мнѣ? не жена! пошла прочь... ну, не смѣй говорить! цыцъ! Я хозяинъ, все въ моихъ рукахъ—знаешь? Одно слово... хочу гулять и гуляю.

ТАТЬЯНА. — Да гуляй, кто тебѣ мѣшаетъ, да знай свое мѣсто, а нѣчего тебѣ около дѣвокъ ластиться.

МИХАЙЛО. — Коли ты значить одно слово... ну, значить, конецъ! слышь?... все въ моихъ рукахъ, все... Значить, хочу съ дѣвушками дѣло имѣть.

Татьяна (*жыная*). — Разбойникъ, срамникъ ты этакой!... Что тебѣ жена-то на смѣхъ, что ли, далась?...

Михайло. — Пошла ты прочь! надокучила ты мнѣ...

Татьяна (*вскликивая*). — Я тебѣ надокучила?... погоди жъ ты, срамота этакая... Я отца сюда приведу: не смѣяться тебѣ надо мной...

Михайло. — Поди, поди! Безъ тебя здѣсь много, только хуже-то нѣтъ...

Татьяна (*съ иньсомъ*). — Тѣфу ты, провались ты!... Не подходи же ко мнѣ (*со слезами уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Тъ же безъ Татьяны.

Одна изъ двушекъ. — Что ты это, Мишуха, на что жену-то обидѣлъ?

Михайло. — А на то, что вотъ она грибъ-мухоморъ, а здѣсь есть маковъ цвѣтъ (*заигрываетъ съ дѣвушкой*).

Дѣвушка (*со смѣхомъ*). — Ну-ка, отстань... пострѣль! (*къ прочимъ дѣвушкамъ*) Экой, вѣдь, мужикъ веселый: сердца-то на него нѣтъ, право...

Михайло. — А вотъ, дѣвки, Серѣга со скрипкой съ барскаго двора пришелъ. Вотъ теперь такъ веселости пойдутъ еще пуще... Эхъ, важно, весело!... трогай бѣлоногой, копай вороной! Эй, Серѣга! сюда ступай, сюда!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тъ же и Сергѣй.

Сергѣй (*выходитъ, наигрывая на скрипкѣ и подпивая съ тонъ*). — Здравствуй, дѣвки, здравствуй, красны, здравствуй, бѣлыя лебѣдки! Здравствуй, парни-лихачи, удалые молодцы! (*переставая играть*). Меня ли вамъ надо? (*Общій смѣхъ*).

Михайло. — Тебя, тебя! На-ка выпей, да смахай намъ веселую (*идетъ къ штофу съ водкой и обращается къ Дмитрію*). Что у насъ каково веселье-то, Митюха, а?

Дмитрій. — Ухъ, только знай гуляй!

Сергѣй (*опять подыгрывая, напиваетъ*). — Что вамъ пѣсню, али сказку, али къ сказкѣ прибаутку — все возможно, лишь ска-

жите, да покрѣпче поднесите! Вы покрѣпче поднесите, мою душу усладите! Какъ душа-то у меня, вся по горло голодна.

Михайло (*поднося стаканъ*). — На-ка вотъ прохладися.

Сергѣй (*дѣлая гримасу*). — Горько, чай, нескусно?

Михайло. — А ты попробуй.

Сергѣй (*выпивши*). — Ничего, живеть! Половину не потрафилъ, не донесъ, расплескалось; надо доправить (*подставляетъ стаканъ*).

Михайло (*наливая*). — Можно и доправить.

Сергѣй (*выпивъ*). — Ой, горько! Дѣвки, цалуй! Услади мою душу: кто хочеть?... (*Общій смѣхъ.*) Али всѣмъ хочеться? всякой завидно. (*Бросается къ дѣвушкамъ; онъ съ визгомъ бѣгутъ въ прочь отъ него.*) А! обрадовались да прочь бѣжать! Ну, пой! (*Начинаетъ наигрывать пѣсню: «Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ» и проч. Ему подтягиваютъ. Михайло идетъ плясать.*)

Парень изъ толпы. — Ребята, управительша съ сыномъ прѣвхала.

Сергѣй (*переставая играть*). — Она у насъ не кусается, а больно зубаста. (*Скрывается въ толпу. Пѣніе прекращается.*)

Михайло. — Чтò, Серѣга, испугался? А намъ чего бояться-то? Не наша управительша, да и рода-то небольшого, такого же благороднаго, что и мы-то, еще хуже маненько: лакейскаго.

Дмитрій. — А это съ ней баринъ-то молодой, кто такой?

Михайло. — Это, братецъ, не баринъ, а только побарски вѣдетъ себя, да одѣжу барскую носить: это барской камардинъ—къ отцу, чу, въ гости съѣхалъ... Вотъ мы сейчасъ съ нимъ знакомство сведемъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Прасковья Ѳедоровна и Леонидъ Константиновичъ.

Прасковья Ѳедоровна (*въ платьѣ и шали яркихъ цвѣтовъ, въ чепчикъ и съ зонтикомъ*). — Ну, что тебѣ, мой другъ, захотѣлось въ эту компанію. Здѣсь все мужики, да бабы. А они мнѣ и то надобны.

Леонидъ Константиновичъ (*въ черномъ фракѣ, сърой шляпъ съ большими полями, въ жилетѣ и панталонахъ весьма пестрыхъ*). — По-крайности, маманъ, пройдемся, посмотримъ: здѣсь вотъ есть дѣвушки хорошенькія!...

Прасковья Ѳедоровна (*важно раскланиваясь*). — Здравствуйте, дѣвушки! (*Крестьянки молча кланяются.*)

Леонидъ Константиновичъ (*немного приподнимая шляпу*). — Здравствуйте, дѣвушки! (*Оставляетъ мать и подходитъ къ толпѣ дѣвушекъ*.) Чтѣ жь вы, дѣвушки, ничего не говорите? Ахъ, какія вы миленькія!

Прасковья Ѳедоровна. — Лединька, куда жь ты? Что тебѣ за охота! (*Подходитъ къ сыну*.) Дѣвки, чтѣ жь вы не поете?

Леонидъ Константиновичъ. — Спойте что-нибудь, дѣвушки, пожалуйста для меня.

Одна изъ дѣвушекъ. — Пѣли ужь мы; будетъ.

Леонидъ Константиновичъ. — Ну, для меня спойте еще.

Другая дѣвушка. — Что намъ для тебя-то пѣть! мы для себя поемъ, а не для кого.

Прасковья Ѳедоровна. — Ахъ, пойдѣмъ, мой другъ! Что это? прилично ли тебѣ...

Леонидъ Константиновичъ. — Отчего же вы не хотите для меня-то спѣть? Чтѣ жь я вамъ не нравлюсь, чтѣ ли? Я, кажется, не похожъ вотъ на вашихъ сермяжниковъ... Посмотрите-ка на меня попристальнѣе... (*Дѣвушки взглядываютъ на него исподлобья, отворачиваются и смѣются*.)

Прасковья Ѳедоровна. — Ну, захотѣлъ ты отъ нихъ понятія какого-нибудь! Онѣ, я думаю, этого и понять не могутъ, чтѣ на тебѣ надѣто.

Леонидъ Константиновичъ. — Дѣвушки, а вотъ не хочѣтъ ли кто изъ васъ курить?.. Вотъ посмотрите-ка сюда! (*Вынимаетъ изъ кармана портсигаръ, раскрываетъ, достаетъ изъ него папироску, спичку и закуриваетъ*.) Чтѣ? видали ли вы эти штучки? а?... Да что жь вы не говорите со мной? Чего жь вы боитесь?

Одна изъ дѣвушекъ. — Чего бояться-то? Ты, чай, не пугало. (*Смѣется; за нею многія другія*.)

Прасковья Ѳедоровна. — Ахъ, Лединька! пойдѣмъ пожалуйста: мнѣ здѣсь ужасно противно быть.

Леонидъ Константиновичъ. — Пойдите, маманъ; вотъ какая это вострушка! плутовочка должно быть... И милашка какая! Ишь ты... (*Хочѣтъ взять дѣвушку за подбородокъ*.)

Дѣвушка. — Ну-ка ты и взаправду! туда же съ рукавъ лѣзѣтъ! Языкомъ болтай, а рукавъ воли не давай.

Леонидъ Константиновичъ. — А та-та-та! какова! вотъ не ждалъ такой рыси!

Прасковья Ѳедоровна. — Ахъ, Леда, ты себя конфузишь: съ кѣмъ ты связался!.. Я уйду...

Леонидъ Константиновичъ. — Да подите : кто васъ держитъ... Вотъ я ее за это поцалую.

Дѣвушка. — Поди-ка, сунься! такъ и полетишь вверхъ хвостомъ—то своимъ...

Прасковья Федоровна. — Ахъ, Лединька, охота же тебѣ слушать этанія невѣжества!...

Михайло (*подходя*). — Чтò ты, братецъ, къ двѣкамъ привязался?.. Поди лучше въ нашу канпанію.

Прасковья Федоровна (*съ важностью*). — Это чтò еще такое?

Леонидъ Константиновичъ (*сурово*). — Чтò тебѣ надо? Съ кѣмъ ты говоришь?

Михайло. — Да съ тобой я говорю; а мнѣ ничего не надо; а я хотѣлъ тебя попотчивать — значить, поднести.

Прасковья Федоровна (*съ упрекомъ сыну*). — Вотъ видишь, въ какое ты поставилъ себя положеніе!...

Леонидъ Константиновичъ. — Послушай ты, любезный: если ты хотѣлъ говорить со мной, такъ мнѣ и господа самые лучшіе говорятъ *вы*, а не *ты*, потому я всегда при баринѣ, всегда вмѣстѣ съ нимъ... живу въ разныхъ отодницахъ и городахъ; а ты вотъ простой мужикъ-вахлакъ, нигдѣ не бывалъ, дальше своей деревни ничего не видалъ.

Михайло. — Что жъ такое? Вѣдь, я тебя... вашу... честь не обидѣть хотѣлъ, а тебя же попотчивать, потому у насъ теперь гуляющее время — вотъ чтò... Я изъ ласки только изъ одной...

Леонидъ Константиновичъ. — Ну, хорошо: ты меня хотѣлъ попотчивать? Чѣмъ же бы ты меня сталъ потчивать? Водки я не пью...

Михайло. — Ну, такъ пивомъ, али медомъ — чѣмъ хочешь, все могу предоставить, чего бы только душа ни захотѣла... У меня, братъ, кошель—то не скоро протрясеешь. Хошь на двадцать цѣлковыхъ тебѣ угощенье предоставлю!

Леонидъ Константиновичъ. — Ну, хорошо. Я ничего не пью, кромѣ мадеры и хереса. (*Самодовольно огирается.*)

Михайло. — Это благо, что ли? изволь!... али мускатели? и мускатель есть — изволь...

Леонидъ Константиновичъ. — Вотъ видишь ты какой дуракъ: не понимаешь даже, не слыхивалъ какія я и вина—то пью...

Михайло. — Ну, такъ что, что я не слыхалъ?.. Ты мнѣ только скажи: какого тебѣ, то—есть, значить, душа желаетъ напитку...

Я тебѣ вотъ что: сто цѣлковыхъ могу съ тобой прогулять, только не брезгуй, значить, нашимъ знакомствомъ.

Прасковья Ѳедоровна. — Скажите, пожалуйста!

Леонидъ Константиновичъ. — Ну, изволь; я тебѣ сдѣлаю удовольствіе: покупай же блага.

Михайло. — Вотъ это дѣло! Я, вѣдь, какой человекъ: я могу тысячу, такъ тысячу... Я такой человекъ... Пойдемъ...

Прасковья Ѳедоровна. — Послушай, Лея, это ужасно! Не-уже-ли ты пойдешь пить съ этимъ мужикомъ?

Леонидъ Константиновичъ. — Что жъ такое, если онъ считаетъ это для себя счастьемъ?

Михайло. — Я, братъ, не счастьемъ... А я тебя такъ накачу, что ты будешь мнѣ другомъ... вотъ что...

Прасковья Ѳедоровна. — Такъ что жъ? ты меня оставишь одну?...

Леонидъ Константиновичъ. — Такъ повѣжайте домой...

Прасковья Ѳедоровна. — Это ни на что непохоже!...
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, безъ Прасковьи Ѳедоровны, и Алексѣй.

Михайло (ведетъ Леонида Константиновича направо подъ дерево). — Садись вотъ, садись сюда, подъ березку, въ нашу канпанію... Я тебѣ сейчасъ мускатели принесу... А пока выпей нашего-то простаго-то — а? выпей, братъ.

Леонидъ Константиновичъ. — Да пожалуй, пожалуй... только для тебя... Да принеси, братъ, закуски... Эй!..

Михайло. — Ладно. Сейчасъ. (Идетъ и встрѣчается съ Алексѣемъ.)

Алексѣй. — Брательникъ, поди домой...

Михайло. — Нѣтъ, стой: подъ скорѣй къ отцу да скажи ему, чтобъ прислалъ сейчасъ десять цѣлковыхъ, сейчасъ, неотмѣнно— слышь?

Алексѣй. — Полно, брательникъ; батюшка сердитый, бранится. Сюда хотѣлъ за тобой идти: жена-то, Танюха-то, реветъ... Подъ, голубчикъ; а?

Михайло. — Ты меня знаешь, али нѣтъ? Понялъ ты, что все въ моихъ рукахъ — а? Одно слово...

Алексѣй. — Да полно же... Пойдемъ домой... Пра, батюшка прибуесть...

Михайло. — Меня?... меня?... Стой... Эй, ребята, дѣвки, смотри: вотъ Алѣха-то, дуракъ-отъ — а?... у-у! вотъ онъ!... (Смѣхъ и крики: «Алѣха, Алѣха, подь сюда!»)

Михайло (толкая брата). — Подь, подь къ нимъ. Дурень и есть...

Алексѣй (сердито и смотря исподлобья). — Ну... что вамъ?... Ну, дуракъ... ну!... такъ что вамъ?... Что смѣтесъ?... Ну... (Хочетъ идти. Ему загораживаютъ дорогу и кричатъ: «у-у! Алѣха, у-у!» Алексѣй сквозь слѣзы). Ну, что я вамъ?... Пусти... Ну, что я вамъ?... Эка... Богъ съ вами!... (Пробивается сквозь толпу и уходитъ, сопровождаемый смѣхомъ.)

Михайло (возвращаясь къ Леониду Константиновичу со штофомъ и узломъ). — Вотъ ти сладкой водки, а вотъ бѣлаго, а вотъ закуска, а то есть мускатель еще... Вотъ погоди, сейчасъ пойду къ отцу, возьму еще денегъ, а то всѣ вышли.

Дмитрій. — Да что у ти Мишука, кладъ что ли, что больно широко забираешь?...

Михайло. — Кладъ?... Нѣту-тка... А вотъ что: я у батьки-то въ отдѣмъ прошусь, и онъ не пускаетъ, да чтобъ я больно-то не приставаѣлъ, такъ денегъ вволю даетъ... Вѣдь онъ только жметъ, а то у него денегъ вволю — у! сколько!...

Леонидъ Константиновичъ. — Ты, братъ, кажется, только хвастаешь, что у тебя денегъ-то много, а у тебя совсѣмъ нѣтъ ничего... Эхъ ты!...

Михайло. — У меня?... Постой! ты мнѣ скажи: хошь ты со мной знакомство вести?

Леонидъ Константиновичъ. — Да еще теперъ нѣ изъ чего нашему брату съ тобой знакомство-то вести. Мы ведемъ знакомство съ людьми богатыми, а ты...

Михайло. — Да ты знаешь ли, сколько у меня денегъ-то?..

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Степанъ Федоровъ.

Степанъ Федоровъ (подходя къ сыну при послѣднихъ словахъ). — Мишанка...

Михайло. — А батька!.. Вотъ тотчасъ (*Встаетъ и отводитъ Степана Ѳедорова въ сторону*). Давай двадцать цѣлковыхъ...

Степанъ Ѳедоровъ. — Чтò ты дѣлаешь, безумная голова?

Михайло. — Давай денегъ!..

Степанъ Ѳедоровъ. — Я те уведу домой да запру въ чуланъ на мѣсяць...

Михайло. — Меня?.. А хошь, я сейчасъ все расскажу?

Степанъ Ѳедоровъ. — Да что ты кричишь-то?..

Михайло. — Давай десять цѣлковыхъ!

Степанъ Ѳедоровъ. — Да побойся хошь ты Бога-то...

Михайло. — Мои деньги заглыздилъ, да еще страшаетъ!

Степанъ Ѳедоровъ. — Да не ори ты, не ори!..

Михайло. — Давай денегъ!.. Ты смотри съ кѣмъ я знакомство веду. Давай денегъ!.. Скорѣй!..

Степанъ Ѳедоровъ. — Ахъ ты, пропади совсѣмъ! На вотъ... О-охъ!

Михайло. — Мало; давай еще!..

Степанъ Ѳедоровъ. — Сгинь ты совсѣмъ! (*выкидываетъ ему деньги*).

Михайло (*возвращается къ Леониду Константиновичу*). — Вотъ деньги! (*показываетъ*) А мало— еще будетъ. Гуляй теперъ, ребята!

Леонидъ Константиновичъ. — А что въ карты-то умѣешь играть?..

Михайло. — Нѣтъ, не умѣю, а въ орлянку, коли хошь, давай...

Леонидъ Константиновичъ. — Не прилично бы мнѣ, да ну давай...

Михайло. — Кто хочетъ? Ставь конъ... (*Пьетъ вино*).

Степанъ Ѳедоровъ. — Пропадеть онъ совсѣмъ... Да хошь поскорѣ бы... (*Машетъ рукой*) Всю душу вытянулъ.

Леонидъ Константиновичъ. — Моя рѣшетка. Рубль.

Михайло. — Мой орелъ.

Леонидъ Константиновичъ. — Выигралъ.

Михайло (*пьетъ*). — Пять рублей. Рѣшетка...

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Декарація 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ (*сидитъ у стола*) и МАРЕМЬЯНА (*на лежанкѣ*).

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ (*выкладывая на счесть, качаетъ головой*). — Разорить, совсѣмъ разорить мошенникъ! Уложить онъ меня прежде времени. Слыхано ли дѣло, чуть не пятьсотъ рублей прогулялъ въ три мѣсяца? Высушить онъ меня, совсѣмъ высушить! А что ты съ нимъ станешь дѣлать, разбойникомъ?

МАРЕМЬЯНА. — Отдай, отецъ, эти деньги, отдай ихъ, батюшка, кому слѣдованно, прошу я тебя...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Ну, ты еще! Кому я ихъ отдамъ?

МАРЕМЬЯНА. — Да Алешунка говоритъ, навѣрно, говоритъ, эти денежки Кузьма Ѳедотычъ потерялъ...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ (*сердито*). — Отстань ты мнѣ, не говори не дѣло... Коли бы Кузьма Ѳедотычъ экое мѣсто обронилъ, неужто бы онъ искать не сталъ? Все пустякъ. И не говори мнѣ про это...

МАРЕМЬЯНА. — Ну, такъ отдай ихъ въ судъ: тамъ найдутъ чьи...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Въ судъ!.. Еще кто ни на есть чужой найдется, да скажетъ, что его, да моей корыстью поживится... станеть жить да пировать, а я смотри да, вмѣсто приволья, нужду терпя. Може это кладъ намъ Богъ подалъ на наше счастье, а мы возьми да отдай, ровно и не надо...

МАРЕМЬЯНА. — Охъ, пропадай онъ совсѣмъ, этотъ кладъ! на погибель онъ нашу намъ достался... да, на погибель. Смотри-ка, что у насъ въ дому-то, что за сумятица пошла: экъ ли мы прежь того жили, безъ этого клада? Охъ, искушенье намъ это Божеское, а не счастье... Правда, добрые люди говорятъ, что кладъ достается не отъ Бога, а отъ дьявола: его вражеское противъ нашихъ душъ наущеніе... И руки-то жгутъ, говорятъ, эти денежки, и мы живы сгоримъ... Вотъ только того и жду...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Полно, дура! И впрямь баба! Кабы мы ночью да изъ земли вырыли, а то середь бѣла дня наши:

знамо дѣло, что кто ни-на-есть обронилъ... да не ищеть, тажъ, значить, не надо... И никакой намъ отъ этого нѣтъ погибели, а вся бѣда отъ одного Мишки, пропади онъ совсѣмъ!..

Маремьяна. — Ну-ка, такъ вотъ, не дьявольское ли то наученіе? Чтò съ парнемъ сдѣлалось? таковъ ли онъ былъ? Смотряка: по цѣлымъ недѣлямъ дома не живетъ да все пьетъ...

Степанъ Федоровъ. — Пусть его пьетъ : обопьется , скорѣй меня развяжетъ...

Маремьяна. — Ну-ка, что ты! Про кого ты, про свое ли родимое дѣтище такія рѣчи говоришь?.. Ну-ка, не врагъ ли твоимъ языкомъ водить?..

Степанъ Федоровъ. — Заговоришь!.. Нѣтъ, ужь измаялся я съ нимъ... Я ему добра хотѣлъ: я его хотѣлъ устроить , какъ лучше ненадо... Отецъ я ему, али нѣтъ?.. А онъ супротивничать сталъ, изъ моей воли вышелъ, своей головой сталъ жить, да и меня хочеть въ свои руки забрать... Такъ нѣтъ еще , безъ моего родительскаго благословенія недалеко уйдетъ... Хочеть гябнуть—и гябни... Пошелъ противъ отца, значить , окаянный человекъ: и на землѣ ему мѣста не будетъ... Сунитъ онъ меня, такъ самъ прежде меня высохнетъ : обопьется , либо чтò ни-на-есть надъ собой сдѣлаеть .. Ненадо мнѣ его , гинь онъ по своей доброй волѣ...

Маремьяна. — Батюшка, батюшка , Федорычъ! Господь съ тобой! помолишь ты Господу-то: обуяль тебя врагъ, обуяль...

Степанъ Федоровъ. — Не обуяль! А никто не смѣй въ моемъ домѣ супротивъ меня говорить... Я одинъ хозяинъ , одинъ голова: я ихъ поилъ, кормилъ, одѣвалъ; я его выростилъ, а онъ грубитъ со мной вздумалъ, да не то, что онъ, а и жену свою научилъ, и та мнѣ проходу не даетъ, баба... Такъ нѣтъ, я въ обиду не дамъ; я имъ отецъ, старикъ; у меня волосъ сѣдой, на плечахъ шестой десятокъ сидитъ... Самъ въ себя я отъ него отрекъся, въ своей душѣ... Молитву о немъ забылъ творить — вотъ онъ до чего меня довелъ...

Маремьяна. — Такъ неужто тебѣ не жалко его? своя, вѣдь, чай кровь-то, родная?...

Степанъ Федоровъ. — Такъ нежалко, чтò ли, и есть... А то и досадно: я може noci не сплю да думаю , какъ бы его на путь наставить, а отъ него чтò вижу? Ровно лютый звѣрь какой на меня смотреть, а я ему чтò, какое худо сдѣлалъ ?

Маремьяна. — А все это, батюшка, отъ твоихъ денегъ , все

отъ нихъ... и Мишанка нашъ гибнетъ... Кабы ихъ не было, на что бы онъ сталъ пить? да кабы не онъ ихъ нашель, неужто бы онъ смѣлости взялъ что-нибудь говорить противъ тебя, противъ своего отца роднаго? Все отъ нихъ, отъ этихъ денегъ окаянныхъ... Развяжись ты съ ними: жили мы безъ нихъ, кошъ небогато, да въ радости, а теперя, съ ними, что за жизнь наша стала!

Степанъ Ѳедоровъ. — И то иной разъ подумаешь, что лучше, кабы ихъ и не было... Да куда ихъ денешь? Не бросить же зря... А въ судъ представить... какъ я ихъ представляю, коли не всё? Около тысячи уже извели...

Маремьяна. — Около тысячи—эко мѣсто! А что въ дому прибыло?.. Такъ, видно, они проклятыя, всё прахомъ и выдутъ, только Мишанку—то погубятъ, да наши всё души во тьму крошечную приготовить... Охъ, прогнѣвался ты, Господи, на насъ грѣшныхъ!..

Степанъ Ѳедоровъ. — И есть, надо бы съ ними развязаться... (*Въ раздумьи*). А сколько бы добра—то можно сдѣлать для себя съ этими деньгами, кабы дѣло—то умно повести... Чего бы, чего... Ахъ, Мишанка, Мишанка! супротивъ себя идетъ, противъ своего счастья...

ЯВЛЕНИЕ II.

Тъ же и Татьяна.

Татьяна (*сходя къ Маремьянѣ*). — Гдѣ у те запертъ чай-то да сахаръ?

Маремьяна. — На что тебѣ?

Татьяна. — Ну, на что? Сзмоваръ наставила, чай хочу пить...

Маремьяна. — Ахъ ты, бабочка, бабочка! все у тебя въ головѣ—то чай да сахары, да наряды... А то бы подумала: гдѣ вотъ мужъ—отъ, который день пропадаетъ!

Татьяна. — А отъ кого пропадаетъ? Кто виновать? Все вы. Ограбили, грабители этакіе, такъ по-неволю гуляеть, съ горя...

Степанъ Ѳедоровъ. — Кто тебя ограбилъ, дура? что говоришь?

Татьяна. — Кто ограбилъ? ты — вотъ кто!

Степанъ Ѳедоровъ. — Я?.. А кто его выпоилъ, да выкормилъ? кто васъ обоихъ кормилъ до-сей-поры? а?

Татьяна. — Эка еще что выдумалъ! Отдай деньги—то, такъ мы, пожалуй, тебѣ заплатимъ за прокормъ—то...

Степанъ Ѳедоровъ. — Ты со мной считаешься вздумала... со мной?... А то позабыла, что я тебя чуть не нищую за Мишанку-то взялъ? Видала ли дома-то ячной колобъ, не то, что пшеничнаго пирога?..

Татьяна. — Нѣчего меня нищей-то корить : самъ воръ , сына роднаго обобралъ — вотъ чтò!..

Степанъ Ѳедоровъ (*съ гнѣвомъ*). — Воръ ? Да какъ ты смѣешь говорить-то мнѣ этакъ? Да кому ты говоришь-то? свекоръ ли я тебѣ, али нѣтъ? старику ли ты говоришь, али своей сестрѣ, бабѣ, а? (*бьетъ по столу кулакомъ*). Да что я вамъ, на поруганье, что ли, я вамъ дался и самъ дѣлъ? Да кто смѣеть противъ меня говорить въ моемъ домѣ? Вонъ изъ моего дома и съ мужемъ-то, чтобъ духу вашего здѣсь не было, вонъ! И благословенья вамъ моего нѣтъ...

Татьяна. — Да уйдемъ и безъ него, только деньги-то отдай.

Степанъ Ѳедоровъ. — Деньги отдай? Нѣтъ, я ихъ скорѣе сожгу, въ воду брошу, нечѣмъ вамъ отдать, коли вы такъ противъ меня пошли.

Татьяна. — Такъ вѣдь и судъ на тебя найдемъ. Чтò больно раскудахтался? Сожжешь! Не сожжешь, скарედъ этакой!..

Маремьяна. — Полно, дѣвка! что ты и самъ-дѣлъ? Старикъ вѣдь, чай, отецъ тебѣ называется.

Татьяна. — Отецъ! по-отцовски и дѣлаеть! Старикъ! хорошъ старикъ!

Степанъ Ѳедоровъ (*съ бѣшенствомъ*). — Вонъ, вонъ! (*толкаетъ ее*).

Татьяна. — Да чтò ты, мучитель, убить, чтò ли, ты меня хочешь? Погоди, вотъ Мишуха прѣдетъ : онъ тебѣ дастъ драться.

Степанъ Ѳедоровъ. — Мишуха... мнѣ... онъ надъ мной волю беретъ, больше меня хочетъ быть... (*съ стиснутыми зубами и сжатыми кулаками*). Баба!.. я тебя въ-самъ-дѣлъ убью, своими руками убью...

Татьяна. — Только отъ тебя...

Степанъ Ѳедоровъ. — Молчи! чтобъ духу твоего не слыхалъ, а то худо будетъ : я надъ собой неволѣнъ... (*замахиваясь на нее*) только слово одно скажи... (*Татьяна начинаетъ громко всхлипывать*).

Маремьяна (*съ испугомъ*). — Батюшка, Ѳедорычъ, чтò ты!.. ну чтò ты!..

Степанъ Ѳедоровъ. — Не говори, никто теперь со мной не го-

вори! Что-о? я самъ себѣ не властенъ? надо мной сынъ большой... Да что я? али ужъ изъ ума вышелъ совсѣмъ? али ужъ у меня руки отпустились, ноги не ходятъ? Нѣтъ еще, стой! я васъ сокращу... я въ домъ одинъ, я... моя воля! Умру, тогда командуйте, а теперь нѣтъ... никто у меня моей воли не сниметъ...
(*Входитъ Алексѣй*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же и Алексѣй.

Алексѣй (*вбѣгая съ-попыжаль*). — Батюшка! а батюшка!...

Степанъ Федоровъ. — Ну, что еще?

Алексѣй. — Деньги-то, вѣдь, навѣрняка Кузьма Федотычъ обронилъ...

Степанъ Федоровъ. — Пошелъ ты! будетъ тебѣ городить!..

Алексѣй. — Батюшка, навѣрняка... Сейчасъ сказывалъ...

Степанъ Федоровъ (*блѣднѣя, поспышно*). — Кто сказывалъ?..

Алексѣй. — А Андрюха, старостинъ сынъ...

Степанъ Федоровъ (*блѣднѣя еще болѣе*). — А онъ по чемъ знаетъ?..

Алексѣй. — А онъ въ городъ сѣдока везъ..

Степанъ Федоровъ. — Ну?..

Алексѣй. — Ну, они и разбаялись...

Степанъ Федоровъ (*съ возрастающимъ волнением*). — Ну?..

Алексѣй. — Ну, сѣдокъ-отъ и говоритъ, что вотъ говоритъ, по этой дорогѣ, нашъ, говоритъ, братъ, купецъ, вѣхалъ недавно, да нятдесять, чу, тысячь обронилъ...

Степанъ Федоровъ. — Такъ, можетъ, не Кузьма Федотычъ?

Алексѣй. — Кузьма Федотычъ, какъ же! Андрюха-то и спросилъ: какой же, молъ, такой, этотъ купецъ, а сѣдокъ-отъ и говоритъ, что Кузьма-то Федотычъ. Андрюха-то и говоритъ: оченно, молъ, мы знаемъ его...

Степанъ Федоровъ (*съ сильнымъ смущеніем*). — А не знаетъ онъ, гдѣ потерялъ-то? Ничего Андрюха-то не говоритъ?..

Алексѣй. — То-то не знаетъ... Да ужъ я очень обрадовался, какъ вздумалъ, что мы-то нашли, что мы-де сейчасъ ему отдадимъ...

Степанъ Федоровъ (*перебивая его, съ скрытымъ гнѣвомъ и безпечкойствомъ*). — А ты сказывалъ, что мы нашли-то?..

Алексѣй. — Нѣтъ, я сказать-то не сказалъ: ты не ведѣлъ... А ужь больно обрадовался, да скорѣе бѣжать къ тебѣ...

Маремьяна. — Ну, вотъ слава ти Господи! теперь знаемъ чьи...

Алексѣй. — Батюшка, теперь, чай, тотчасъ пошлешь ихъ...

Степанъ Федоровъ (съ досадою). — Молчи, не твое дѣло...

Маремьяна. — Ну какъ не послать? неужто Кузьмы Федотыча деньги затаимъ?.. Добрый старикъ!.. да, добрый! какъ можно его денежками попользоваться?...

Степанъ Федоровъ (послѣ глубокой думы и скрываеваемой внутренней борьбы, къ Татьянѣ). — Чтò, супротивники? чтò, ослушники? что? вы теперь станете мнѣ супротивничать, какъ я деньги-то отошлю?.. Чтò? станете вы мнѣ грубить, да изъ моей воли выходить?

Татьяна. — Такъ что? отошли. Кузьма Федотычъ Мишухѣ награду дастъ: онъ деньги-то нашель, не ты...

Степанъ Федоровъ. — А! такъ ты думаешь: Кузьма Федотычъ такой человекъ, что онъ отдастъ деньги Мишанкѣ мимо меня? Нѣтъ! А вотъ я хотѣлъ вамъ добро сдѣлать да устроить васъ, какъ быть слѣдуетъ людямъ, а теперь, за ваше непокорство, я ничего вамъ не дамъ; какъ работники будете у меня жить: на хлѣбъ да на водѣ... Я выжму изъ васъ тѣ денежки... А сколько вы мнѣ скорби-то, да мѣки-то, да поношенья-то принесли, такъ я вамъ вѣкъ этого не забуду, вѣкъ вы мнѣ этого не заслужите... (хочетъ идти) Пошла сейчасъ, принимайся за работу! Будетъ ужь тебѣ, погуляла! (Уходитъ).

ДВАНЖЕ IV.

Тѣ же безъ Степана Федорова.

Татьяна (садится на кровать). — Вотъ тебѣ и денежки наши!.. (всплывшая) вотъ тебѣ и наше богатство!.. Экой отецъ, зной родитель! не отецъ — ворогъ своимъ дѣтямъ!

Маремьяна. — Полно-ка, дура! Ты бы радовалась, да Богу молилась, что Господь освобождаетъ отъ этого зла... отъ настоящаго зла... отъ бѣды неминуемой. Не будетъ этихъ денегъ вражескихъ—и мужъ къ тебѣ воротится, а останутся они—и онъ со всѣмъ сгинетъ, мужа-то потеряешь... Вотъ я тебѣ, мать, говорю...

Татьяна. — Да, мать! Хороши вы родители... матушка съ батюшкой, хороши! И награду-то, говорить, себѣ возьму—вотъ онъ каковъ!..

Алексѣй. — Онъ не обидить, батюшка; только его слушай...

Татьяна. — Пошелъ ты, дурень!.. не отсохъ у тебя языкъ-отъ: прибѣжалъ да сказываетъ... Какъ умное что сказать, такъ нѣтъ, а тутъ прибѣжалъ, ровно съ цѣпи, да рассказываетъ тоже, точно его спрашивали...

Алексѣй. — Такъ не сказать, что ли?..

Татьяна. — Дастъ тебѣ Мишуха-то, погоди, дай срокъ!.. (Всхлипывая). Вотъ тебѣ и денежки!.. Вотъ тебѣ и салога!.. Вотъ тебѣ и купчиха!..

Маремьяна. — Полно-ка ты, дура и есть: захотѣла салога... И въ шубѣ ходимъ, не хуже тебя на свѣтѣ живемъ!..

ДВѢДЕНІЕ V.

Тѣ же и Михайло (въ шинели, довольно-затасканной, съ кошачьимъ воротникомъ; въ рукахъ бутылка съ виномъ).

Михайло (входя съ шумомъ). — Кто тутъ есть? ступайте вонъ! Ко мнѣ гость прѣехалъ... дорогой гость!.. Эй, ты, жена убогая, грѣй самоваръ!

Татьяна. — Что орешь-то? что орешь-то? Гдѣ пропадалъ эго мѣсто?..

Михайло. — Гдѣ пропадалъ? Такъ неужто я около тебя стану сидѣть?.. Нѣтъ, я лучше тебя десять найду... (хохочетъ).

Маремьяна. — Что ты? что ты?

Михайло. — А что? такъ неужто мнѣ съ экой дрянью водиться?.. Нѣтъ, у меня пріятель есть: онъ мнѣ такихъ подыскалъ... милашки! маданы — вотъ какъ называются!..

Татьяна (завывая). — Горькая моя доля!.. Злодѣй ты этакой! разбойникъ! губитель злой!..

Михайло. — Ну, что еще? Пошла вонъ! выть стала!..

Маремьяна. — Да что ты и взаправду? что ты? Видно ужъ у тебя тутъ-то помутилось?.. (показываетъ на голову) Что еще за поняву надѣлъ? (Алексѣй хохочетъ).

Михайло. — Понява? ахъ, ты! (къ Алексѣю) Чему хохочешь? Не видывалъ: это штука хранцузская... пятьдесятъ рублей заплатилъ я то только попріятельски уступилъ дружокъ, а она два ста стѣитъ — вотъ какая штука!... важная!... дорогаго стѣитъ... (Алексѣй хохочетъ). Чему зубы-то скалишь? Еще и весь похранцузски одѣнусь, вотъ тогда ты и смотри на меня: баринъ буду настоящей... Это мнѣ все дружокъ предоставитъ...

Алексѣй (со смѣхомъ). — Да, французскій баринъ!

Маремьяна. — Да еще своруешь что, али смошенничаешь съ дружкой-то со своимъ... съ экомъ...

Михайло. — Погоди, онъ сейчасъ придетъ: вотъ вы и смотри, каки у меня дружки... А мы все съ нимъ въ городъ были, такъ тамъ у насъ знать-то какая была, самая самолучшая: все изъ приказнаго званія... А вотъ эту штуку видали ли? а? (*показываетъ бутылку*). Знаете ли какое вино-то? а? (*хочетъ*). Тотъ, не знаете!.. Вино ностранное: ромъ яманской называется, съ чаемъ пьютъ... по два цѣлковыхъ бутылка... клопомъ пахнетъ... вотъ кака штука!.. вотъ мы какое винцо-то пьемъ: не всякой и скусъ-то въ немъ знаетъ... Вотъ мы каковы! А все отчего? Оттого, что капитуль свой имѣемъ. Гдѣ батька-то? Мнѣ еще сто рублѣвъ надобно: въ городъ загулялъ...

Татьяна. — Да, поди, дастъ онъ тебѣ сто рублѣвъ, разбойнику экому...

Алексѣй. — Да ужъ онъ, брательникъ, деньги-то къ Кузьмѣ Федотычу хочеть отослать...

Михайло. — Какъ къ Кузьмѣ Федотычу?...

Алексѣй. — Да какъ же? Деньги-то онъ обронилъ: мнѣ Андруха навърняка скавалъ...

Михайло. — Такъ кто ему дастъ? Деньги мои: я нашель...

Татьяна. — Да еще говорить: отошлю, да что и награды-то дастъ Кузьма Федотычъ, все себѣ возьму, а тебѣ вотъ и гроша не достанется: поди, гуляй!...

Михайло (съ азартомъ). — Такъ коли отдавать, такъ я самъ отдамъ, себѣ и награду возьму... Я нашель—никто не смѣеть...

Маремьяна. — Полно ты, полно, дитятко, Мишанка! Подумай: вотъ ужъ съ деньгами-то до чего догулялъ, отъ жены сталъ отрекаться... Какъ тебѣ деньги въ руки дать? ты совсѣмъ сгинешь. Лучше проси-ка у отца прощенья, да отдайся на его волю: онъ лучше для тебя сдѣлаеть, для твоей же пользы, нечѣмъ ты самъ...

Михайло (съ бѣшенствомъ). — Какъ? чтобъ я изъ-за своего добра да сталъ кланяться да покоряться?... У меня своя голова, свои деньги, своя и воля... знать никого не хочу... Будеть ужъ! пожилъ я подѣ началомъ; самъ собой хочу жить... Надо мной вонъ и пріятели смѣются, что я до тридцати лѣтъ не своей головой живу...

Алексѣй (*лукаво*). — Пожилъ и своей головой цѣлыхъ три

мѣсяца... новые наряды завелъ, да ни разу рожи не перекрестилъ...

Михайло.—Какъ ты смѣешь со мной говорить, дурацкая шавала?... Это ты сказалъ, что деньги Кузьмы Федотыча? а?... Тебя спрашивали?... *(бросается на него)*.

Маремьяна *(преграждая ему дорогу)*. — Что ты, озорникъ, буянишь? драться, что ли, хочешь?...

Михайло *(кричитъ)*. — Пусти... Я его прибью... *(Входитъ Леонидъ Константиновичъ)*.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Леонидъ Константиновичъ.

Леонидъ Константиновичъ *(входя)*.—А, хорошенько ихъ!... *(Хохочетъ)*.

Михайло *(увидя его)*. — А, здорово, дружокъ... *(Обращаясь къ прочимъ, указываетъ на Леонида Константиновича)*. Вотъ, смотри, съ какимъ народомъ дружбу веду... А вы меня учить вздумали!... Пошли всѣ вонъ: вамъ здѣсь не мѣсто съ нами быть.

Маремьяна. — Что ты и мать-то родную гонишь?

Татьяна. — Ужъ что ему мать? и жены не надо съ экими друзьями...

Леонидъ Константиновичъ.—Такъ это, братъ, твоя жена? Хороша! *(хохочетъ)*.

Татьяна.—Что ты зубы-то скалишь, разбойникъ? Видно, ты его экимъ фокусамъ-то учишь... Тѣю вамъ! Уйдти отъ васъ! *(Уходитъ)*.

Маремьяна. — Экой безстыжій: въ чужой домъ пришелъ, да ужъ и зубы скалить, ничего не видя!

Алексѣй. — Экихъ бы въ шею...

Михайло. — Да что вы и самъ-дѣлъ? Пошли вонъ!... Онъ мой дружокъ.

Леонидъ Константиновичъ *(Михайлу)*. — И видно, братъ, что ты мужикъ и вся твоя родня мужицкая, дурацкая: не знаютъ обращенія, какъ принять гостя.

Маремьяна.—Знаемъ мы, какъ принимать-то дорогихъ гостей, да не экихъ... А ты ровно нехристь какой, ностранецъ какой не-нашенскій...

Леонидъ Константиновичъ. — Ахъ, дура невоспитанная! думаетъ, что обиду мнѣ сдѣлала или оконфузила... Ты бы всемо-

трѣла на настоящихъ—то иностранцевъ , такъ позавидовала бы, что я на нихъ похожъ, а твои дѣти экіе вотъ неотёски (*указываетъ на Алексѣя*).

Алексѣй.—Ну, коли всѣ ностранцы таковскіе, какъ ты, такъ зависти, парень, немного : и самъ-то кургузый, да и совѣсти-то нѣтъ... (*Хочетъ*).

Леонидъ Константиновичъ (*Михайль*). — Да гдѣ , братъ, ты этакой политикъ учился гостей принимать?.. А еще не безъ чего танихъ гостей, какъ я, въ гости зовешь!..

Михайло. — Подите же вонъ, а то не честию прогоню, коли не знаете обращенья...

Алексѣй. — Экихъ бы гостей не то что звать , а по шеямъ надо гонять (*идетъ къ дверямъ*).

Михайло. — Алѣха!... (*бросается къ нему*).

Леонидъ Константиновичъ (*останавливая Михайлу*).—Погоди! (*Алексѣю*). Я вотъ знаю, что ты дуракъ , а ты знаешь ли съ кѣмъ говоришь — а? дуракъ !

Алексѣй. — Какъ не знать : халуи ты нѣмецкій — вотъ кто! Подемъ, матушка...

Маремьяна. — Погоди, я вотъ отцу скажу, что ты мать родную изъ своо дома выгналъ: пусть онъ тебя путемъ поучить... Экихъ друзей—приятелей завелъ хорошихъ! (*Хочетъ идти*).

Леонидъ Константиновичъ. — Улепетывайте-ка , улепетывайте!...

Алексѣй (*Леониду Константиновичу*). — Я бы вотъ те показалъ, какъ вашу братью по шеямъ проводятъ, кабы не старшій братъ съ тобой связался... Да вотъ погоди , батюшка тебѣ покажетъ дорогу. (*Уходитъ вмѣстѣ съ Маремьяной*).

ВЪВЕДЕНІЕ VII.

Леонидъ Константиновичъ и Михайло.

Леонидъ Константиновичъ. — Что жъ , братъ , отецъ—отъ суянить, чтѣ ли, будетъ?... Я вѣдь спуску не дамъ...

Михайло. — Никто не смѣетъ тебя тронуть: мой гость.

Леонидъ Константиновичъ. — Ну ужъ, братъ, семейка! въ какомъ невѣжествѣ живете... Мужики , мужики и есть! А еще въ гости зовешь этакихъ людей... Мы, братъ, къ этакому обжорденію не привыкли... Мы , братъ , привыкли быть на тонкомъ

обращеніи да на политикѣ... Коли къ тебѣ гость пришелъ, такъ ты хорошее угощеніе приготовляй, а не то, что этакой конфузъ...

Михайло (*сидитъ у стола, опершись на него локтями и опустивъ на руки голову*). — Угощеніе у насъ приготовлено... А что дѣлать, коли въ этакой оказіи засталъ?... Во всякой семьѣ бываетъ... не безъ того...

Леонидъ Константиновичъ. — Ахъ ты, ты! И видно, что у тебя нѣтъ понятій—то: ничего ты не видалъ, ничего не знаешь! А ты спроси, какъ въ нашихъ мѣстахъ бываетъ, кто понимаетъ политику—то хорошую... Что бы у тебя тамъ въ домѣ ни было, а коли гость приходитъ къ тебѣ, сейчасъ все старайся скрыть, да показать, что ты живешь въ полномъ утѣшеніи—и никто тебѣ слова не смѣетъ сказать...

Михайло.—Эхъ, показалъ бы я тебѣ все, да... ну! (*машиетъ рукой*).

Леонидъ Константиновичъ (*насмльшлмо*).—Да что?... Вотъ у тебя бутылка на столѣ стоитъ, а и стакана—то не поставлено, изъ чего пить—то...

Михайло. — Вонъ тамъ, въ шкапу, есть стаканы—то: возьми самъ...

Леонидъ Константиновичъ. — Вотъ тебѣ: самъ гость и за стаканомъ—то иди... (*хочетъ*). И подать—то порядкомъ не умѣете, не знаете, что все на подносахъ подается... Эхъ вы сиволапы, право!... (*Встаетъ, идетъ къ шкафу и вынимаетъ стаканы*). Зачѣмъ вы на свѣтъ—то живете—понять я этого не могу... (*Возвращаясь къ столу, осматриваетъ комнату съ насмльшлмою улыбкой*). Вотъ какая великолѣпная комната! Какъ вы въ этакой гадости живете—то... Пусть бы нѣ на что было выстроить хорошенькій домикъ, а то хвастаетъ, что тысячи есть...

Михайло (*бьетъ кулакомъ по столу*). — Какія у меня тысячи!... Ничего у меня нѣтъ, ничего!... Нищій я, хуже нищаго!... На томъ хоть рубаха своя, а на мнѣ и та чужая!... Охъ, лучше бы, кажется...

Леонидъ Константиновичъ (*насмльшлмо*). — Что такъ вдругъ?... Подай же штопоръ—то... Надо, чай, откупорить бутылку—то... Али и штопора—то нѣтъ?...

Михайло. — Какой ти къ чорту штопоръ?... (*Схватываетъ бутылку и о столѣ отбиваетъ у нея зорлышко*). Вотъ ее какъ!...

Леонидъ Константиновичъ. — Да, это съ форсомъ! Только вина—то много расплескалъ, а вѣдь поставилъ—то немного много,

всего-то одну бутылочку... (*Наливаютъ стаканы*). Что жь ты? Гдѣ жь твои тысячи-то? а?...

Михайло. — Гдѣ? Слушай: другъ ты мнѣ, али нѣтъ?

Леонидъ Константиновичъ. — А вотъ, братъ, что я тебѣ скажу: коли ты будешь перенимать во всѣхъ понятіяхъ да подражать съ моихъ словъ, что я тебѣ говорю, да коли у тебя есть что за душой, чтобъ съ нашимъ братомъ знакомство имѣть, такъ я тебѣ другъ, а съ голюю да съ нищимъ... мы не такіе, братъ, люди, знакомство вести... Я потому тебя только и обласкалъ, что вижу добрый парень, можешь имѣть понятіе, коли тебя научить уму (*пьетъ*).

Михайло (*пьетъ есладъ за нимъ*). — Такъ научи ты меня: ты всего много видалъ, по разнымъ городамъ ѣздилъ, все знаешь...

Леонидъ Константиновичъ. — Да; ну, говори... (*пьетъ*). Что такое?

Михайло (*пьетъ*). — Вотъ какое дѣло...

Леонидъ Константиновичъ. — Да вели же самоваръ-отъ поставить... Что мы такъ-то... Хоть-бы пунштикъ выпить...

Михайло. — Погоди ты... дай ты мнѣ тебѣ все сказать... ты не знаешь какое это дѣло... Еще помъшпають...

Леонидъ Константиновичъ. — Да ну, ну...

Михайло. — Ты думаешь, у меня какія деньги? Я вѣдь ихъ нашелъ...

Леонидъ Константиновичъ. — Нашелъ?

Михайло. — Да; да сколько денегъ-то?... куча... Бумажки, да все сотельными...

Леонидъ Константиновичъ. — Гдѣ жь они у тебя?

Михайло. — То-то и дѣло, что не у меня, а у батьки: онъ у меня ихъ отнял... Да теперъ хозяинъ нашелся, такъ хочеть отдать.

Леонидъ Константиновичъ. — Такъ ты по всему, братецъ, закону третью часть получишь...

Михайло. — Какъ же! не получишь... Ты думаешь отецъ-отъ отдасть мнѣ ихъ, что ли? И въ друго-то время не отдалъ бы, а теперъ и подавно, потому сердить, что вотъ я пилъ да гулялъ, да противъ него грубилъ...

Леонидъ Константиновичъ. — Да можетъ ли онъ у тебя отнять, коли это полная твоя собственность?...

Михайло. — Такъ что ты съ нимъ сдѣлаешь?...

Леонидъ Константиновичъ. — Ахъ ты глупый ты человекъ!..

Такъ не-уже-ли онъ на то тебѣ данъ, чтобъ тебя обирать да на твоей спинѣ ѣздить и твоими руками жаръ загребать?... Да ты слушай: что ты мнѣ дашь, коли я тебя научу, да еще и помогу, какъ все это дѣло сдѣлать и денежки свои воѣ цѣликомъ получить...

Михайло. — Что? тысячу дамъ... Двѣ дамъ.

Леонидъ Константиновичъ. — Двѣ? Нѣтъ, мало... А хочешь десять, такъ такъ...

Михайло. — Жертвую: говори.

Леонидъ Константиновичъ. — Да что торговаться!.. Я для тебя все сдѣлаю, всему научу, только ты, какъ получишь деньги, поведемъ вмѣстѣ со мной: я тебя туда повезу, то покажу, чего ты отъ-роду не видалъ... да безъ меня никогда и не увидишь... потому весь ты во всемъ мужикъ и приличія нѣтъ въ тебѣ никакого... Вотъ что: бывалъ ли ты въ столицахъ, видалъ ли ты, какъ тамъ живутъ?... Видь ничего не знаешь... Да и гдѣ тебѣ знаты!... А вотъ я тебѣ расскажу, что это тамъ за жизнь такая. Домъ тамъ все каменные, да какіе? какіхъ тебѣ и во снѣ не снилось: иной этажей въ десять вытянулся...

Михайло. — Въ десять?

Леонидъ Константиновичъ. — Да, и больше бываютъ... Улица иная верстъ на шесть одна тянется... Да вотъ видалъ ты вашу арманку, сколько народа на ней бываетъ?

Михайло. — Ну, да какъ не видать: арманка большая, народу много бываетъ...

Леонидъ Константиновичъ. — Ну, такъ тамъ каждый день по улицамъ въ десять разъ народу-то больше ходитъ... Да какой народъ-то! Не то, что вотъ вашъ братъ, мужикъ сиволаный, въ настанѣ, а народъ все нарядный, богатый, все въ пальтахъ да въ шляпахъ. Тамъ не то, что купецъ, а и вашъ братъ, мужикъ, попадетъ, да поумнѣе, такъ постыдится въ своемъ зипунѣ показаться, потому, совѣстно, неприлично, а старается, какъ никакъ бы, на иностранную ногу встать, заграничную... чтобъ настоящимъ быть человекомъ, а не то что какимъ русакомъ нестѣсанымъ... Потому, коли ты прилично одѣтъ, тебѣ во всякое мѣсто дорога открыта, куда угодно... Привѣжай ты вотъ какъ есть теперь въ трактиръ, тебя не пустятъ въ благородную комнату, а я вотъ такъ прямо пойду и половой мнѣ служить все-равно что какому барину, только бы деньги были... еще ваше сѣтельство назовесть...

Михайло. — Ну, братъ, ты, Ленидъ Костентиновичъ, полно!

Леонидъ Константиновичъ. — Да я сколько разъ въ собраніи съ барышнями танцевалъ... Подойдешь : пермете!... и пойдемъ сейчасъ... Да что тебѣ это рассказывать : ты этого не поймешь... Ты знаешь ли, что такое театръ-то?

Михайло. — Это вотъ кіатръ, что комедіи приставляютъ? знаю!

Леонидъ Константиновичъ. — Ахъ ты... кіатръ... знаю, говорить... Ишь ты, у тебя языкъ-то точно изъ осины вырубленъ... Гдѣ тебѣ знать!...

Михайло (*нѣсколько обидясь*). — Такъ что? точно знаю... У насъ въ городѣ есть... Я былъ...

Леонидъ Константиновичъ. — Эхъ ты! у васъ въ городѣ!... Развѣ этакіе бываютъ настоящіе-то театры?... Въ столицѣ теперь народу-то тысячъ десять въ театрѣ-то усядется — вотъ онъ какой! Да свѣтло ли на небѣ солнце?... такъ тамъ зажгутъ, такая сдѣлана лампа, впятеро солнца-то свѣтлѣе, да и больше его впятеро...

Михайло. — Больше?... Мнѣ, дружокъ, одинъ сѣдокъ сказывалъ, везъ я его, что солнце-то, чу, всей-то земли нашей больше...

Леонидъ Константиновичъ (*хохочетъ громко и продолжительно*). — Вамъ, дуракамъ сиволапымъ, пожалуй что хочешь скажи, вы всему повѣрите... Экъ брякнулъ : солнце земли больше... Ха, ха, ха!... Ты вотъ не бывалъ дальше своего города, такъ и думаешь, что земля-то вся съ капустный кочень, а какъ-бы ты побывалъ, какъ я, въ разныхъ-то городахъ, такъ и увидѣлъ, велика ли земля-то — глупый ты человекъ! Вдѣтъ бы этакъ въ какой ученой компаніи брякнулъ... (*Хохочетъ.*) А ты лучше меня слушай, вотъ что я тебѣ скажу, что въ театрѣ-то бываетъ... Тамъ есть этакое представленіе... балетъ называется, вдѣтъ-такъ штука: выходятъ штукъ пятьдесятъ мамзелей этакихъ, красавицы тавія, что... ну ужъ... не то, что твоя жена... и всѣ, братецъ, какъ есть... (*подмигиваетъ глазомъ*).

Михайло. — Какъ?

Леонидъ Константиновичъ. — Ну какъ?... Какъ есть... тебѣ говорятъ, въ своемъ видѣ...

Михайло. — Передъ народъ-отъ?... Ну, ужъ это ты врешь, не повѣрю : на смѣхъ меня пустить хочешь...

Леонидъ Константиновичъ. — Ну, вотъ! всю правду тебѣ говорю...

Михайло. — Гдѣ же у нихъ совѣсть-то, стыдъ-отъ?... (*плетъ*)... Что же онѣ дѣлають-то?

Леонидъ Константинычъ. — Танцы разные танцуютъ... Да какъ танцуютъ-то?... Не то, что вотъ ваши бабы русскія, дуры: ходятъ да изъ-подъ ручки смотреть... А всѣ встали на одну ножку, да такъ и стоятъ... А послѣ начнутъ ручками дѣлать да къ себѣ манить... такъ бы другой разъ къ нимъ и соскочилъ сверху-то...

Михайло (*почесываясь*). — Соскочилъ бы и есть! Надо быть, шибко хорошо... Эхъ посмотрѣлъ бы... кажется... и не вышелъ бы... Эко что... и самъ-дѣлъ... (*хохочетъ*). Пра, важно, какъ подумаешь! не ушелъ бы отъ нихъ ни за что...

Леонидъ Константиновичъ. — Что, братъ, видно, разобрала охота посмотрѣть?..

Михайло. — У-у!... А, вѣдь, вотъ ты, что значить... вѣдь, прежде, какъ этакъ раздумаешься... вѣдь ничего этого и въ голову не приходило, а думаешь: чѣмъ мнѣ не жисть, да коли бы денегъ-то побольше, такъ завелъ бы себѣ постоянный дворъ, да и жилъ бы паномъ... растилъ бы дѣтокъ... да рядилъ жену... да вѣдь сладко.. чего, молъ, больше?.. А оно вонъ штука-то какая выходитъ, вотъ что еще есть на свѣтѣ... А про жену-то думалъ, что и на свѣтѣ-то ея лучше нѣтъ, право!..

Леонидъ Константинычъ. — Ха, ха, ха! Ну, ужъ нѣчего сказать, хороша!.. Да этакимъ-то тамъ и показываться-то не велъно. Тамъ, которая, то-есть, хуже-то всѣхъ, такъ красавица противъ твоей-то жены... Тебѣ, этакому молодцу, и водиться-то съ этакой дрянью стыдно.

Михайло. — Что, другъ, дѣлать-то?... ужъ въ законѣ, такъ должонъ водиться...

Леонидъ Константиновичъ. — Должонъ?... вотъ глупость-то что значить... Убжалъ отъ нея — да и вся недолга... Неужто ты изъ-за нея и не должонъ такъ жить, какъ другіе люди живуть, да всѣмъ насладиться?..

Михайло. — А что и есть?... Убжалъ бы, кажись, отъ нея. Больно она мнѣ что-то не по-душѣ стала. Вотъ объ этихъ дняхъ, особливо, какъ примется ругаться, али ревѣть, такъ ахъ, кажется бы... Эхъ, кажись, кабы деньги, всего бы этого насмотрѣлся, всякое бы себѣ удовольствіе получилъ, да такихъ бы лошадей тамъ себѣ накушилъ, что земля бы подо мной дрожала... Просто, неси вихорь-атаманъ... равнеси ты мои косточки!..

Леонидъ Константиновичъ. — Такъ хочешь, все это тебѣ

покажу, всякое удовольствіе доставлю, только достань у отца деньги, какъ научу, отдай мнѣ половину да и поведемъ вмѣстѣ...

Михайло. — Все сдѣлаю, только нзучи, какъ ихъ достать; а онъ смотри, коли сказалъ, завтра же ихъ и повезетъ къ тому купцу...

Леонидъ Константиновичъ. — Да гдѣ у отца деньги-то?

Михайло. — Гдѣ? Завсегда на себѣ носить...

Леонидъ Константиновичъ. — Ну, ты отвѣчай мнѣ: твои ли деньги?

Михайло. — Извѣстно, мои... (*пѣетъ*). Чтѣ жъ? точно деньги мои: я нашелъ.

Леонидъ Константиновичъ. — Ну, такъ коли онъ у тебя твои деньги отнял, можешь ты ихъ назадъ у него взять?

Михайло. — Извѣстно, могу...

Леонидъ Константиновичъ. — Ну, такъ вотъ только и дѣло всё: подстережемъ его вмѣстѣ, да и отнимемъ деньги...

Михайло. — Такъ что и есть... Отнимемъ...

Леонидъ Константиновичъ. — Отнимемъ, да и покатымъ сейчасъ по разнымъ столицамъ... Бороду ты сбреешь, волосы обстрижешь, одѣнешься, какъ слѣдуетъ, по-нашему—никто тебя и не узнаетъ... А ужъ я тебѣ все покажу, все увидишь такія чудеса, какихъ и во снѣ тебѣ не снилось... Только ужъ надо тотчасъ ѣхать, какъ деньги получимъ; а жену-то надо бросить.

Михайло. — Жену?... а дѣтки какъ же?

Леонидъ Константиновичъ. — Дѣтки у отца останутся... Такъ не-уже-ли тутъ о дѣтяхъ думать, коли тамъ такія удовольствія получишь... коли человѣкомъ сдѣлаешься?

Михайло. — Ну, пропадай они совсѣмъ... Проживутъ и безъ меня; а я покрайности ужъ такъ гульну, что нѣбу жарко будетъ... Ухъ — какъ я разгуляюсь-то! бѣда! Всякихъ чудесъ на-смотрюсь, всякой радостью нарадуюсь, что ни-на-есть на свѣтъ, все произойду... Эхъ, кажется бы, только до денегъ добратся... А это насчетъ маданъ разныхъ хранцузскихъ... ничего не жаль, только, чтобъ ласки оказывали... Вотъ только какъ бы намъ денежки-то подтибритъ...

Леонидъ Константиновичъ. — Да гдѣ отецъ-то твой спитъ по ночамъ?...

Михайло. — Да больше все вотъ здѣсь...

Леонидъ Константиновичъ. — Такъ чего лучше?.. А за-пирается?

Михайло. — Какъ, чай, не запыраться... Всегда на крЮку...
 Леонидъ Константиновичъ. — Такъ отломи скорѣй крЮкъ...
 (*Входитъ Алексѣй*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тъ же и Алексѣй.

Алексѣй (*поспѣшно сходя къ Михайлу*). — Гдѣ у те Савраска-то?... Его, вѣдь, нѣтъ въ саняхъ-то...

Михайло. — Знаю, что нѣтъ...

Алексѣй. — Такъ гдѣ же онъ у тебя?

Михайло. — А тебѣ что за дѣло?... Ты что пришелъ еще?

Алексѣй. — Да какъ что?... Батюшка увидалъ, что Савраски-то нѣтъ, спрашиваетъ : гдѣ?...

Михайло. — Гдѣ?... А сказать тебѣ гдѣ?... Продамъ — вотъ и все...

Алексѣй (*съ испугомъ и озорченъемъ*). — Продамъ? Савраску-то продамъ?...

Михайло. — Дѣ, продамъ... захотѣлъ, такъ и продамъ... Тебя, что ли стану спрашивать, дурака?..

Алексѣй. — Такъ что ты? да какъ же ты?... Савраску-то... такую лошадь, что во всей деревнѣ нѣтъ такой... (*Почти со слезами*). Разбойникъ ты такая... бездомникъ!.. Какъ у тебя руки-то поднялись... Разорить, что ли, ты насъ хочешь? по міру пустить?... нищими сдѣлать?... Безстыжій человекъ!..

Михайло. — Да что ты, мрась такая, какъ ты смѣешь со мной говорить-то? Это онъ меня учитъ, меня попрекаетъ, дурацкая рожа! А кто меня такихъ денегъ лишилъ? Да я тебя въ три погибели согну, на семь мѣствъ весь сокъ изъ тебя выжму...

Алексѣй. — Ничего ты мнѣ не смѣешь сдѣлать: нѣ за что... А вотъ я давеча матушку отвелъ, чтобъ она не жалобилась батюшкѣ на тебя, что ты ее выгналъ-то... А ужъ теперъ пойду, скажу про Савраску : пусть онъ тебя поколотитъ хорошенько... Этакую лошадь...

Михайло. — Да что ты меня стращаешь-то? боюсь я кого, что ли?

Алексѣй. — Побойся хоть Бога-то... Али этотъ выжига (*указываетъ на Леонида Константиновича*) такъ наострилъ тебя...

Михайло. — Такъ ты еще глотку разѣваешь! Погоди же, я тебя (*хочетъ броситься на него*). Я васъ всѣхъ передышу...

Леонидъ Константиновичъ (*удерживая его*). — Полно! ну стойтъ ли онъ того? дуракъ...

Михайло. — Нѣтъ, пусти, я его задушу... всѣхъ задушу... Одинъ останусь да стану пировать...

Алексѣй. — Господи, помилуй!... Брательникъ, ты съ ума сошелъ... Помолись Господу... (*хочетъ къ нему подойти*). Брательникъ, брательникъ!...

Михайло. — Прочь!... Убью!... (*Удерживаемый Леонидомъ Константиновичемъ, схватываетъ бутылку и кидаетъ ея въ Алексѣя. Бутылка летитъ мимо*).

Алексѣй (*машиетъ рукой*). — Совсѣмъ ты пропасть!.. Господи, помилуй!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Леонидъ Константиновичъ и Михайло.

Леонидъ Константиновичъ. — Зачѣмъ ты буйнишь-то?... Ну, тебя возьмутъ да свяжутъ...

Михайло. — Меня?... меня? Кто меня свяжетъ? Самъ дьяволъ со мной не совладеетъ: всѣхъ передушу...

Леонидъ Константиновичъ. — Да зачѣмъ ты кричишь-то?... Теперъ ненадо и виду подавать, а то все дѣло пропадетъ... И денегъ своихъ не увидишь. Ужь сегодня покорись, чтобъ отводъ сдѣлать... Пойми ты меня...

Михайло. — Понялъ, понялъ...

Леонидъ Константиновичъ. — Вотъ лучше крюкъ-отъ слюми поскорѣе, пока кто не вошелъ... Мнѣ не отломить...

Михайло. — Крюкъ? (*подходитъ къ дверямъ*). А вотъ его какъ... (*отламываетъ крючокъ у двери*). Видѣлъ? А, вѣдь, желѣзный... На пятерыхъ одинъ пойду: пикнуть не дамъ!

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же и Степанъ Ѳедоровъ.

Степанъ Ѳедоровъ (*входя*). — Куда ты, мошенникъ, Савраску-то дѣвалъ?

Михайло. — Продалъ.

Степанъ Ѳедоровъ. — Продалъ?... Какъ же ты смѣлъ про-
дѣть? какъ смѣлъ сдѣлать этакое дѣло?

Михайло. — Такъ смѣлъ...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Да знаешь ли ты, супротивникъ, что я съ тобой за это сдѣлаю?

МИХАЙЛО. — Что?

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ (*удерживая свою горячность*). — Ну, Мишанка, покаешься ты, да будетъ пошло...

МИХАЙЛО. — Ничего я не боюсь, не покайся ты послѣ...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Кому ты продагъ-то? за что? зачѣмъ?

МИХАЙЛО. — Зачѣмъ? А зачѣмъ, что въ городѣ расплатиться вѣчѣмъ было — вотъ зачѣмъ. Что ты думаешь: боюсь я кого-нибудь, что ли?...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Вонъ изъ моего дома! вонъ!...

МИХАЙЛО. — Подай деньги! (*Леонидъ Константиновичъ держаетъ его за рукавъ*).

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Деньги?... Нѣтъ, ты поди по-міру посбирай... Тогда придешь поклониться...

МИХАЙЛО. — Стара штука! (*Леонидъ Константиновичъ толкаетъ его*).

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Такъ поди же ты вонъ сейчасъ!.. (*къ Леониду Константиновичу*) и ты поди... Ты его, что ли, этимъ мошенничествамъ научилъ?...

ЛЕОНИДЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ. — Ты что жь, братецъ, говоришь невѣжества, не зная чловѣка?...

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Знаю я тебя! Пошелъ, пошелъ!...

ЛЕОНИДЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ. — Разумѣется, братецъ, уйду, отъ одного твоего невѣжества... Самъ послѣ придешь прощенія просить.

МИХАЙЛО. — Батъка, отдай деньги!..

СТЕПАНЪ ѲЕДОРОВЪ. — Вонъ! оба вонъ!...

МИХАЙЛО. — Ну, смотри, батъка!...

ЛЕОНИДЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ (*толкая его потихоньку*). — Не говори ничего... Пойдемъ...

МИХАЙЛО. — Подемъ, Ленидъ Костентиничъ... (*Степану Ѳедорову*). Ты меня выгналъ — помни это... А кланяться я къ тебѣ не приду.

ЛЕОНИДЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ. — Полно, братецъ; какъ тебѣ не стыдно!.. Онъ тебѣ отецъ, не чужой... Ты долженъ оказывать ему полное уваженіе... (*Степану Ѳедорову*). Видишь, братецъ, чему учу я твоего сына, а ты меня обругалъ. Вотъ ваше невѣжество, мужицкое... Я старался, какъ бы его просвѣтить, да чловѣкомъ сдѣлать...

Степанъ Ѳедоровъ. — Ну, ладно, ладно! Знаю я васъ разскащиковъ... Такъ вотъ возьми его съ собой, да и корми его и учи, коли ты такой человекъ...

Леонидъ Константиновичъ. — Да мы, братъ, имѣемъ состояніе, чтобы не то, что одного твоего сына, а всю вашу семью прокормить... (Михайло) Пойдемъ... Ему самому будетъ стыдно отъ его невѣжества.

Михайло. — Подемъ и есть... Да ужь и не жди меня.

Степанъ Ѳедоровъ. — Подите, подите... проходимцы экіе! (Михайло и Леонидъ Константиновичъ уходятъ).

Степанъ Ѳедоровъ (смотря въ слѣдъ имъ). — Ну, Мишанка, пошелъ ты противъ меня: выжму же я изъ тебя сокомъ все, что отъ тебя на себѣ перенесъ... Охъ, злодѣй, распевадилъ ты мое сердце (бьетъ по столу кулакомъ)! Разобью я тебя, невѣрный сынъ, въ дребезги! (Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорация 1-го дѣйствія. Вечеръ. На сценѣ темнота.

ЯВЛЕНІЕ I.

Степанъ Ѳедоровъ (входитъ съ зажженной свѣчой въ рукахъ и ставитъ ее на столъ). — Да! я васъ проучу!... Противъ меня пошли, думали на шею съѣсть... я вамъ покажу себя! Ты у меня съ женой-то да съ ребятишками посбираешь мѣсяца два, походяшъ по-міру... Охъ, разбойникъ! насадилъ онъ мою душу! Вѣкъ свой я этакой срамоты не видалъ, а теперь, подъ старость лѣтъ, дѣтки изъ послушанья хотятъ выдти... Али ужь я изъ ума совсемъ выжилъ? Нѣтъ еще, постой, я съ вами управлюсь... управлюсь! (колотитъ по столу кулакомъ). Я большой въ домѣ, я хозяинъ, пока живъ... все въ моихъ рукахъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Степанъ Ѳедоровъ, Маремьяна и Татьяна (входятъ, и послѣдняя робко останавливается у дверей, плача).

Маремьяна (подходитъ къ Степану Ѳедорову). — Отецъ, ну что же ты ее гонишь изъ дому на ночь глядя?.. куда она дѣнется съ малыши ребятишками?

Степанъ Ѳедоровъ. — Вонъ, вонъ! знать ничего не хочу:

вонъ! Она противъ меня грубила, такъ пусть узнаетъ меня каковъ я есть: *(Обращаясь къ Татьянѣ)*... Вонъ!

Татьяна *(хныкая)*. — Да куда же я пойду въ такую темь, да въ такую стужу съ ребятами?

Степанъ Ѳедоровъ. — А мнѣ что? Куда хошь поиди: дорога широкая. Ты меня отцомъ не считала, такъ и нечего отъ меня ждать. Поживи-ка, пошляйся по чужимъ домамъ, такъ и узнаешь, каковъ чужой-то хлѣбъ.

Татьяна. — Такъ что и самъ-дѣлъ, обидчикъ ты этакой! плевать тебѣ: не проживу, что ли, безъ тебя? .. Да къ кому я теперь сунусь въ полночь? кто меня пустить? Дай хошь ночь-то переночевать.

Степанъ Ѳедоровъ. — А! такъ ты еще на мою хлѣб-соль плюешь! Вонъ же сейчасъ! Хоть среди поля замерзни, ядъ этакой, мнѣ тебя не жаль... Вонъ!...

Маремьяна. — Полно, отецъ, что ты?... Господи помилуй! .. внучата, чай... грѣхъ, вѣдь, дѣ, грѣхъ!

Степанъ Ѳедоровъ. — Молчать... не говори! Убирайтесь всѣ отсюда... А ты вонъ, чтобъ духу твоего не было!..

Татьяна *(хныкая и съ сердцемъ)*. — Такъ что за напасть и самъ-дѣлъ? Къ мужу ходила, тотъ пьянствуетъ съ управительскимъ сыномъ, слышать ничего не хочетъ. Говорю, что отецъ гонить взъ дома, такъ только обругалъ, да вытолкалъ: «убирайся, говорить, не жена ты мнѣ... издыхайте, говорить, всѣ... одинъ я останусь — просторнѣй жить будетъ». Да что за напасть та-чая, пра, напасть!... Пойду къ старостѣ, жалобиться стану, на всѣхъ на васъ, на обидчиковъ этакихъ... Мучители злые... Проклятой народецъ!...

Степанъ Ѳедоровъ. — Еще ты ругаться стала?... Вонъ, зелье!...

Маремьяна. — Э, дѣвка! эо сердце-то у тебя! Чѣмъ бы тебѣ поклониться отцу-то земно да попросить... ты... ну-ка что! .. Экой языкъ-отъ у тебя сердитый!... ужъ скажу, что сердитый...

Татьяна. — Что вамъ кланяться-то?... Что кланяйся, что нѣтъ — все едино... губители! *(хнычетъ)*.

Степанъ Ѳедоровъ *(съ бѣшенствомъ)*. — Убирайся же ты, пока я не спровадилъ тебя по-свойски!..

Татьяна. — Уйду... Вотъ на зло тебѣ заморожу внучать-то: пусть на твоей душѣ грѣхъ будетъ... Тѣю тебѣ, старый хрычъ... Экая я только горькая на свѣтъ родилась, посылая! *(грожако рыдаетъ и уходитъ)*.

Маремьяна. — Ну, что же ты, батька?.. Ну что? пожалѣй ее, грѣшницу...

Степанъ Ѳедоровъ. — Поди ты, убирайся! Не мучьте меня. И то у меня на душенькѣ-то ровно камень лежитъ... не до васъ... Поди отсюда... Я спать лягу.

Маремьяна. — Ну, какъ ты хошь, а я грѣха не возьму на душу: ребятишекъ не пуцу изъ избы ночью... Какъ хошь... А тобой бѣсъ обуялъ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Степанъ Ѳедоровъ (*однимъ*). — Бѣсъ обуялъ! Обуяеть бѣсъ съ вами! Немного радости-то вижу на старости лѣтъ. Выкормилъ дѣтокъ, обзавелся семейкой на свою голову... Нѣчего сказать: въ радости живу... Да погоди, погоди... Теперь меня зло взяло .. зломъ и жить стану, а себя въ обиду не дамъ,

ЯВЛЕНИЕ IV.

Степанъ Ѳедоровъ и Алексѣй.

Алексѣй. — Батюшка, а батюшка!

Степанъ Ѳедоровъ. — Ну что тебѣ?

Алексѣй. — Танюха-то реветъ.

Степанъ Ѳедоровъ. — Ну такъ что, что реветъ?

Алексѣй. — А ты ея не трогай, не обижай (*кланяется ему въ ноги*), не гони ея... Ну, что? грѣхъ одинъ... Она въ томъ не причинна...

Степанъ Ѳедоровъ. — Нѣтъ, она больше мужа виновата: кабы она умѣла его остановить, а не поджигала, такъ и онъ бы лучше былъ... А то она его только поджигала...

Алексѣй. — Да ужъ ты ея не трошь хоть на ночь-то... Ну, что? реветъ...

Степанъ Ѳедоровъ. — А завтра, чтобъ ее, чуть свѣтъ, въ домъ не было... Пусть и на глаза мнѣ не показывается. Подъ спать...

Алексѣй. — Такъ какъ же, батюшка, коли завтра поведешь, такъ, чай, лошадей надо изготовить? На которой поведешь?

Степанъ Ѳедоровъ. — Куда поведешь?

Алексѣй. — А насчетъ денегъ-то... Кузьмъ-то Ѳедотычу отдать... Али посылатъ будешь? Чай, въ городъ, что ли, поведешь, али куда?...

Степанъ Ѳедоровъ (*въ раздумь*). — Дѣ, ладно!... Ну, хорошо!... Ступай...

Алексѣй. — Чай Стригунчика да Пшенку? али на одномъ Стригунчикѣ съѣдишь?

Степанъ Ѳедоровъ. — Ну, ладно... хорошо... на Стригунчикѣ...

Алексѣй. — Батюшка, да коли въ городъ поѣдешь, такъ какъ-бы Савраску-то воротить... смерть жалко!...

Степанъ Ѳедоровъ. — Гдѣ ты его найдешь? Почему знашь, куда онъ его, окоянный, продалъ... Охъ, Мишанка!...

Алексѣй. — Экой лошади, кажись, намъ не нажить... Эка лошадь-то была, ровно человекъ: все понимала. Ну, ужъ брательникъ!... Охъ! (*глубоко вздыхаетъ*).

Степанъ Ѳедоровъ. — Не говори ты мнѣ, не поминай о немъ... окоянномъ...

Алексѣй. — Похлопочи тамъ какъ, радельщикъ... Больно жалко!... Ну ужъ! (*махаетъ рукой и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Степанъ Ѳедоровъ (*одинъ, сидитъ въ раздумь у стола*). — Ахъ ты Алѣшунка, Алѣшунка! хлопчешь ты, чтобъ деньги отдалъ поскорѣе... Дурашливъ ты, глупъ, такъ и не смыслишь... и не жалко тебѣ... Кабы тебѣ да ума побольше, славный былъ бы парень... а то нѣтъ, не тѣ... Вотъ Мишанка... Охъ злодѣй!.. вся была моя надежа на него... въ него жилъ... Противъ меня пошелъ... противъ меня... Ничего не дамъ! Пусть же все мое добро Алѣхъ-дураку достанется, а ужъ не тебѣ... А какой парень-то... на всякую руку... И уменъ, и шустеръ, и скоровливъ... Ты у меня теперъ вѣкъ этого не заслужишь, чтѣ ты съ моимъ сердцемъ сдѣлалъ... Кажись бы, изъ своихъ рукъ .. (*со злобой сжимаетъ кулаки*). А думалъ, что весь въ меня будетъ; думалъ, никогда изъ моей воли не выйдеть; думалъ, что въ послѣдній разъ на него взгляну, да онъ мнѣ и глаза закроетъ... А теперъ нѣтъ надежи: сгибь совсѣмъ... Чтѣ онъ съ сердцемъ-то съ моимъ сдѣлалъ?... видѣть я его не могу: противенъ онъ мнѣ... злость такая беретъ, какъ подумаю только о немъ, супостатъ... (*Опускаетъ голову на руки*). А може, дѣло старуха говорить, что все это отъ денегъ проклятыхъ... Отъ нихъ и есть... отъ нихъ... Какъ они завелись въ домъ, такъ все и пошло... Вотъ онъ здѣсь... (*бьетъ себя по груди*). Всякій часъ ихъ съ собой

ношу... Кажись душу-то они мнѣ жгутъ : чужія , вѣдь, онѣ!... Да чѣмъ я добромъ-то владѣю, чѣе добро-то затаилъ?... чело-вѣка-то какого?... Ничто онъ мнѣ зло сдѣлалъ... Кузьма Фе-дотычъ?... Человѣкъ-отъ какой... окромѣ ласки да добраго слова, ничега отъ него не видалъ... И какъ попали ко мнѣ онѣ , эти деньги, ровно кто мнѣ сказалъ, али шепнулъ въ ухо-то, что его деньги... такъ тоска, да совѣсть и обуяла... А отдать—жалко... жалко отдать... Нѣтъ, надо воротить ихъ... Проклятыя онѣ въ моихъ рукахъ, проклятыя... *(Вынимаетъ изъ-за пазухи бумажникъ , развертываетъ и начинает доставать оттуда деньги , которыя раскладываетъ по столу)*. Вотъ онѣ... вотъ... Кладъ это... въ огонь онѣ оборотятся... и меня сожгутъ... и семью всю выжгутъ... и домъ сожгутъ... И всѣ мы прахомъ будемъ... *(Встаетъ и смотритъ на деньги блестящими глазами)*. А сколько ихъ-то, сколько!.. *(Опять смотритъ и начинает хохотать насильственно)*. А бабы-то сказки , а бабья-то глупость... *(Беретъ въ руку пачку ассигнацій)*. Вотъ не жгутъ... Четыре мѣсяца на груди носилъ, а не сожгли... А еще отъ нихъ же тепло было, хорошо таково, какъ подумаешь, сколько-де денегъ-то у меня... Дѣ, мои онѣ, мои... никто ихъ у меня не отниметь... Нѣтъ, да и все тутъ... Узнали; судъ навѣдетъ... Я ихъ въ землю зарюю... Нѣтъ, не нашли... Я тамъ и забыли о нихъ—и мои... А Мишанка? Чтò мнѣ Мишанка?... Я... я васъ всѣхъ обману, всѣхъ... Я повѣду завтра... скажу, что поѣхалъ деньги отсылать, а самъ не пошлю... Дѣ, онѣ у меня останутся, у меня, мои будутъ... Еще никто не знаетъ , что я ихъ нашелъ... что онѣ у меня... *(хохочетъ)*. Погоди, я васъ всѣхъ проведу... *(Собираетъ деньги и укладываетъ въ бумажникъ)*. Мои будете, мои... Вотъ васъ сколько!.. *(кладетъ бумажникъ за пазуху)*. Никто ихъ у меня не отниметь... Ахъ, весело съ вами, хорошо!... Теперь спать... Утро вечера мудренѣе *(гаситъ свѣчу и приготавливаетъ себѣ постель на лежанкѣ)*. А двери-то и позабылъ запереть *(подходитъ къ дверямъ и ощупью ищетъ крючка)*. Гдѣ онѣ тутъ?... Что за притча?... Ну, тебя... руки дрожать , никакъ не найду и крючка-то... Ну, да никто не войдетъ... *(Ложится на лежанку)*... А ну, какъ люди узнаютъ, что у меня эти деньги, а Кузьма Федотычъ пріѣдетъ... Ну, какъ они узнаютъ?... Эхъ, жарк!... а по тѣлу ровно ознобъ какой... *(Переходитъ на лавку, нальво отъ зрителей и ложится на нее)*. А и узнаетъ, и пріѣдетъ: нѣтъ—да и все тутъ... А Мишанка скажетъ?... Охъ,

анаема!... Кто ему повѣрить?... сохнетъ до-тѣтъ-порѣ... Какъ онъ докажетъ?... *(Въ сонномъ бреду)*. Пятьдесятъ тысячъ!... все мои!... денегъ-то сколько!... Домъ большой, ровно чаша полная... Почетъ отъ людей... Мишанка, не сытъ ты мнѣ... чужой... супротивникъ!... А все для него... не надо... пропадай... О-охъ!... *(Засыпаетъ)*.

(Сцена нѣсколько минутъ остается пустою, потомъ тихо входятъ: Леонидъ Константиновичъ съ топоромъ въ рукѣ и Михайло, блѣдный, расстрепанный, и останавливаются у задней стѣны).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Степанъ Федоровъ, Леонидъ Константиновичъ и Михайло.

Леонидъ Константиновичъ *(шопотомъ)*. — Спять.

Михайло *(дрожа вслѣзъ тѣломъ)*. — Тише... молчи... ворочается...

Леонидъ Константиновичъ. — Гдѣ онъ спить-то?...

Михайло. — Не знаю... Погоди... Страшно... Я уйду... Отецъ онъ...

Леонидъ Константиновичъ. — Баба!.. На лежанкѣ, что ли, онъ спить-то?...

Михайло. — Не знаю...

Леонидъ Константиновичъ *(подходитъ къ лежанкѣ и ошупываетъ ее)*. — Тутъ нѣтъ... Видно, на лавкѣ...

Михайло. — Погоди... стой!...

Леонидъ Константиновичъ. — Что погоди?

Михайло *(дрожа)*. — Страшно!.. отецъ!...

Леонидъ Константиновичъ. — Такъ зачѣмъ же ты пришелъ-то сюда?.. Баба... кислятина!.. А деньги-то?... а жизнь-то хорошая... а мамзели-то... *(Степанъ Федоровъ вскрикиваетъ и поворачивается на другой бокъ. Михайло вздрагиваетъ и остается неподвижнымъ на одномъ мѣстѣ. Леонидъ Константиновичъ, вслѣзъ непродолжительнаго молчанія)*. Ничего... спить... крѣпко... *(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Степану Федорову)*.

Михайло. — Нѣтъ, нѣтъ... погоди... *(удерживаетъ Леонидъ Константиновича.)*

Леонидъ Константиновичъ. — Да что годить-то?... Пусти, дуракъ... *(Порывается изъ рукъ Михайла.)*

Михайло *(удерживая его)*. — А Богъ-отъ?... отецъ, вѣдь!.. Ой, нѣтъ, нѣтъ!...

Леонидъ Константиновичъ. — Чего ты ждешь?.. чтобы насъ схватили, что ли? Какой онъ тебѣ отецъ?... Онъ тебя съ голоду уморить... по-миру пустить... Околъешь на большой дорогѣ... Онъ тебѣ не отецъ... Онъ воръ! твой ворогъ!... Одинъ разъ — а тамъ веселье, да гулянье...

Степанъ Ѳедоровъ (*бредитъ*). — Мишанка... не сынъ ты мнѣ, ворогъ... пропадай совсѣмъ... ненадо мнѣ тебя...

Леонидъ Константиновичъ. — Слышишь?

Михайло (*опускаетъ руку Леонида Константиновича, но когда тотъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ лавкѣ, на которой спитъ отецъ, олять вдругъ останавливаетъ его*). — Нѣту, не дамъ!... отецъ!...

Леонидъ Константиновичъ (*силясь вырваться у него*). — А хвасталъ... баба!...

Алексѣй (*объезжаетъ съ огнемъ*). — Что вы здѣсь дѣлаете, мошенники?... (*Леонидъ Константиновичъ роняетъ топоръ*).

Михайло (*въ страхъ падаетъ на колѣни*). — Не я, не я... Братъ, братья!...

Степанъ Ѳедоровъ (*вскакивая въ испугъ*). — Кто тутъ? кто?

Леонидъ Константиновичъ (*хочетъ бѣжать*).

Алексѣй (*хватая его за воротъ*). — Стой!... не уйдешь!...

Михайло. — Его, его!... держи его!... онъ, онъ!...

Степанъ Ѳедоровъ. — Да что такое? Батюшки, топоръ! Разбойники, воры, грабятъ, караулъ!...

Алексѣй. — Батюшка, не кричи, не уйдемъ: ворота заперты...

Михайло. — Не я... Батюшка, родной, помилуй!... Онъ... это онъ... меня сомустилъ... Я его убью, задую... (*бросается на Леонида Константиновича*).

Степанъ Ѳедоровъ (*схватываетъ Михайла*). — Такъ ты хотѣлъ на отца руку поднять, ты хотѣлъ... (*съ воплемъ*) Разбойникъ!...

Михайло (*бросаясь ему въ ноги*). — Батюшка... грѣхъ попуталъ... прости... заслужу...

Степанъ Ѳедоровъ. — Нѣтъ, врешь, разбойникъ!... Я тебя въ судъ представляю... тебя въ ссылку сошлютъ...

Михайло. — Такъ меня въ судъ... (*въ отчаяннѣ схватываетъ топоръ и замахивается на себя*.) Прощай... Не жить же мнѣ... (*Степанъ Ѳедоровъ схватываетъ Михайла за руку, чтобы отнять топоръ; Алексѣй оставляетъ Леонида Константиновича и бросается къ брату помогать отцу. Леонидъ Константино-*

сичь, пользуясь этимъ, хочеть ублажать, но ее держали стѣл-
киваетъ съ Татьяной.)

Татьяна (хватая его за воротъ). — Врешь, воръ... не отпущу!

Алексѣй (обезоруживая Михайла, къ Татьянѣ). — Держи
его, Танюха!... Я вотъ его тотчасъ скрочу.

Татьяна. — Не бось не пущу... сухопарый вѣдь!

Михайло (опустивъ голову и руки). — Что же вы теперь
будете со мной дѣлать?... (Хватая себя за голову). Сгибъ...

Татьяна. — Батюшки, да это Мишанка!..

Алексѣй. — Ничего, Танюха, не бойсь... Вотъ я тотчасъ
только этого скрочу... (снимаетъ съ себя кушакъ и сжимаетъ
руки Леониду Константиновичу).

Степанъ Ѳедоровъ (Михайль съ упрекомъ). — Что, разбой-
никъ? до чего ты себя довелъ?... на отца роднаго руки поднялъ!

Михайло. — Такъ прихлопни ты меня поскорѣе: что ужъ я
за человекъ!...

Татьяна. — Батюшки!... Что ты надъ своей головой сдѣлаешь?
куда ты поспѣешь?...

Михайло (съ дикомъ отчаяннѣмъ). — Такъ вѣжите же меня. Что жъ
вы не вяжете?...

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Маремьяна.

Маремьяна (входя). — Батюшки!... Что надѣлалось?.. За что
вязать?...

Михайло (съ томъ же мрачномъ отчаяннѣмъ). — Я, окаянный,
на отца руки поднять хотѣлъ... за деньги, за деньги... деньги
мнѣ нужны!...

Маремьяна (присаживаясь на лавку, опускаетъ голову на
руки). — Батюшки, отцы!... вотъ рожили... погибли!.. Ой, сердце-
чушко!... Ой горе мое, родное дѣтище!...

Татьяна (привывая, Михайль). — Ахъ ты воръ, злодѣй, гу-
битель, своей душеньки рѣшитель!... Погубилъ ты себя со своей
семьей, и съ женой, и съ дѣткамъ малымъ... Куда пойдешь твоя
головушка побѣдная?... И на томъ свѣту не дадутъ тебѣ мѣста
дѣтки малыя... своему отцу-губителю...

Михайло (рыдая, бросается къ отцу съ ножи). — Батюшка,
коли хочешь ты меня казнить, казни изъ своихъ рукъ... Твой я
сынъ... суди меня своимъ судомъ.

Степанъ Ѳедоровъ. — Сынъ?... нѣтъ, не сынъ... Какой мнѣ сынъ—злой разбойникъ?... Нѣтъ, я тебя, голубчика, суду отдамъ... Мнѣ ненадо моей души губителя...

Алексѣй. — Батюшка, послушай меня, дай мнѣ рѣчь сказать: я все видѣлъ, какъ они забрались вонъ съ тѣмъ мошенникомъ къ намъ на дворъ, слышалъ, какъ онъ брательника подговаривалъ однимъ разомъ тебя прихлопнуть, да деньги взять... да бѣжать... За ними шелъ я по слѣду, какъ они сюда пошли... фонарь нарочно припасенъ былъ у меня, чтобы смотрѣть за ними. Все слышалъ я, какъ они здѣсь переговаривались: брательникъ не хотѣлъ тебя убить... хотѣлъ опять уйти отсель... весь дрожалъ дрожалъ передъ такимъ дѣломъ... родителемъ тебя приговаривалъ... Какъ ты во снѣ чуть не клясть его сталъ, такъ и тутъ... онъ не далъ тебя убить вотъ этому окаянному (*указываетъ на Леонида Константиновича*): отецъ, говоритъ, онъ мой... И у меня-то душа надсѣлась слушамши... Нѣтъ, батюшка, радльщикъ, сынъ онъ твой, прости ты его, помилуй!.. (*Кланяется въ ноги отцу*).

Михайло. — Батюшка, прости!.. грѣхи попутали... Все вонъ онъ... дьяволъ сомуцалъ... да деньги, проклятыя...

Маремьяна. — Ахъ онъ, онъ... Говорила ли я тебѣ, отецъ: проклятыя онъ... погубятъ наши всѣ души...

Степанъ Ѳедоровъ. — Да!.. да!.. Нѣтъ добра въ чужой корысти... (*Быстро вынимаетъ изъ-за пазухи бумажникъ*). Вотъ онъ, вотъ... дьявольское это искушеніе! Мишанка, на моей душѣ также много грѣховъ изъ-за этихъ денегъ... Прощу я тебя, коли вмѣстѣ со мной эти деньги свезешь къ Кузьмѣ Ѳедотычу, отдашь ихъ, да и награды не возьмешь, что онъ будетъ давать...

Михайло. — Батюшка, родной! ненадо мнѣ ничего; пропадай онъ совсѣмъ!

Степанъ Ѳедоровъ. — Да будешь ты мнѣ попрежнему сыномъ послушливымъ, да покорливымъ, станешь жить да работать и вина въ ротъ брать не станешь... И то, что прогулялъ, заплачу за тебя, коли Кузьма Ѳедотычъ не простить...

Михайло. — Радльщикъ, все буду дѣлать, что прикажешь, только отыми отъ своего сердца злобу супротивъ меня...

Степанъ Ѳедоровъ. — Ну, слава тебѣ, Господи!.. Легче на душѣ... Алѣха, закладай скорѣе лошадей, чтобъ и духу этихъ денегъ проклятыхъ въ моемъ домѣ не было.

Маремьяна. — Ну, слава тебѣ, Отцу небесному! Старикъ, благослови Мишанку-то...

Алексѣй (*клянется*). — Батюшка! ужь сними скорѣй, на радостяхъ, всю вину его съ его души...

Степанъ Ѳедоровъ. — Господь его простить... Помогаетесь о моей-то душѣ: самъ неменьше его нагрѣшилъ съ этими деньгами проклятыми...

Михайло. — Батюшка! по конецъ жизни твоей вѣрный слуга буду, Матушка, радильница... Батюшка, брательникъ, ровно изъ аду вы меня вытащили. (*Бросается ко всѣмъ на шею*).

Татьяна (*Михайль*). — Батюшка, Мишанушка, родной муженёкъ!.. (*впшася къ нему на шею*). И въ отдыгъ не пойдешь... (*Кланяется въ ноги Степану Ѳедорову*). Прости ты и меня нагрѣшницу...

Степанъ Ѳедоровъ. — Ну, Господь съ тобой! (*Весело*). О салопахъ-то позабудь...

Татьяна. — Ну ихъ, не въ жисть ненадо!

Алексѣй (*съ слезами*). — Вотъ-такъ весело! А что жь намъ съ этимъ французомъ-то дѣлать? (*Всѣ оборачиваются назадъ, но Леонидъ Константиновичъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, оставленный безъ вниманія, скрылся*).

Алексѣй. — Улизнулъ!.. Да вѣдь ворота-то заперты, а руки-то я ему крѣпко скрутилъ — не уйдетъ.

Степанъ Ѳедоровъ. — Да ну его! Отпусти его на радостяхъ...

Маремьяна. — Да, отпустите, Богъ съ нимъ!

Алексѣй. — Я ему только, французу кургузому, дорогу покажу по-русскому, чтобъ помнилъ.

Михайло. — А тутъ, батюшка, поскорѣй и вхать... А Алѣшунка, брательникъ, всѣхъ насъ умнѣе: онъ мнѣ дѣло говорилъ, что та только и жисть, коли родительской заповѣди слушаешь да изъ родительской воли не выходишь, да своимъ трудамъ живешь, а не чужимъ — вотъ такъ и есть...

Алексѣй (*машетъ рукой*). — Ну, ну, отстань! Ну, что!.. Все прошло. Подемъ лучше лошадей закладывать...

(*Занавѣсъ опускается*).

АЛЕКСѢЙ ПОТѢХНИНЪ.

Киевша.

10-го января 1855.

ПРАЗДНИКЪ РИМА.

Quousque tandem...

Врагъ побѣжденъ, взятъ островъ Моца,
Со славою рать пришла назадъ;
Блеститъ въ огняхъ дворецъ Нерона;
Пируетъ семихолмный градъ.

Весь день въ аренахъ длились игры;
Умолкъ недавно циркъ ревъ;
Спать, пересытись, львы и тигры
На искаженныхъ трупахъ дѣвъ.

Въ прозрачномъ свѣтитса туманъ
Палатъ и храмовъ длинный рядъ;
Вдоль пышныхъ улицъ христіане,
Смолой облитые, горятъ.

Безъ усталы несется мимо
Толпы веселой крикъ и смѣхъ...
Велколѣпнень праздникъ Рима
И грозень гулъ его утѣхъ.

Средь бурнаго людскаго вала
Стоялъ, на шумной площади,
Одинъ пришлецъ у пьедестала
Волчили, зылантой въ мѣди.

Угрюмый, не дѣля ихъ гѣра,
Презрѣнный варварь, онъ глядѣлъ,
Какъ тѣшилась столица міра,
Взявъ властью міръ себѣ въ удѣлъ.

Онъ слушалъ оргій дикій грохотъ,
И съ буйнымъ кликомъ праздника
Его сливался злобный хохотъ
И полувнятные слова :

«Ты правъ ! Воздвигнулъ градъ свой рѣчный
«Не даромъ ты; дай воли ходъ,
«Ликуй въ свирѣности безпечной!
«Ты правъ, неистовый народъ !

«Да, требуй крови ты, какъ хлѣба,
«Свершай, съ безстрашной жаждой зла,
«Въ виду поруганнаго Неба,
«Свои ты звѣрскія дѣла !

«Свой лютой перъ купилъ ты златомъ —
«Тебѣ и завтра онъ готовъ;
«Ликуй, смѣлый развратъ развратомъ;
«Въ лазури этой нѣтъ боговъ !»

И звѣздъ безмятежныхъ проносится хоръ,
И смотритъ на Рима блестящій позоръ,
И смотритъ, свой путь продолжая,
На темную степь, на безбрежный просторъ,
На дебри далекаго края.

Тамъ странныя рати куда-то спѣшать
На тощихъ коняхъ, безъ щита и безъ латы,
Проходить чрезъ глушь и тѣснины,
Проходить чрезъ доли, средь топей и блатъ,
Плынуть чрезъ рѣчныя стремнины.

Идетъ въ неизвѣстный, кровавый походъ
Уродливый, злой, безыменный народъ;
Несется онъ, куча за кучей,
Въ предѣлъ изъ предѣла, впередъ и впередъ,
Густой, безконечною тучей.

Блаженствуй, Римъ ! пируй по праву
Ты отъ зари и до зари,
Со всей земли, себя въ забаву,
Дань безошадную бери;

И въ буйствѣ власти безъ предѣла
Бросай рабовъ когтямъ звѣрей...
Пируй! Тебѣ какое дѣло
До тѣхъ безвѣстныхъ дикарей?...

*
*
*

Пируйте, гордыя державы,
Владыки западной страны:
Увѣнчаны вы блескомъ славы,
Богатствомъ вы надѣлены.

Успѣшны были ваши брани,
Вы африканскій взяли край;
Шлетъ Индія свои вамъ дани,
Свои вамъ дани шлетъ Китай.

Шумить разгульная тревога;
Вамъ длинный праздникъ золь и рьянъ;
На немъ грѣховъ свершилось много
И много пало христіанъ.

Всегда утѣха вамъ готова,
Вамъ гибель ближнихъ не уронъ;
На смерть идущіе вамъ снова
Свой завтра принесутъ поклонъ.

Пируйте смѣло, тѣшьте, Римы!
Зачѣмъ скрывать вамъ свой развратъ?
Всемощны вы, вы невредимы,
Вамъ нѣтъ судей, вамъ нѣтъ преградъ.

И видать лишь хоры небесныхъ свѣтилъ,
Смотря на безумье заносчивыхъ силъ,
На грѣхъ, грабежи и пожары,
Какихъ шлетъ вамъ Богъ неизвѣстныхъ Атилъ,
Какія тяжелыя кары.

КАРОЛИНА ПАРЛОВА.

Санктпетербургъ.
Январь 1838 г.

* * *

Люблю я васъ, младыя дѣвы,
Люблю грусть жизненной весны,
Мечты неясныя влѣты,
Еще невѣдающей Еввы
Люблю таинственные сны.

Я помню ихъ! Въ душѣ лѣтливой
Всѣ помнимъ мы упрямый бредъ,
Всѣ помнимъ мы восторгъ свой лживый,
И сердца помысль горделивый,
И горе внутреннихъ побѣдъ.

У всѣхъ, средь жизненной пелены,
Была мечта одна и та жъ;
Но мы, познавъ земныя доли,
Мы, въ концѣ смолкла жажда боли
И присмирѣла сердца блажь,

Мы, въ концѣ нынѣ силы мало,
Чтобъ настоящее нести,
Мы опускаемъ покрывало
На все, что душу возмозвало,
И шепчемъ тихое «прости!»

К. ПАВЛОВА.

ЕВРОНЕЙСКІЕ НЕГРЫ.

РОМАНЪ Ф. В. ГАКЛЕНДЕРА.

Часть вторая.

I.

Баронъ Брандъ.

Молодой графъ Форбахъ сканчиваетъ свой туалетъ, а между-тѣмъ, Артуръ пишетъ акварельную копію съ портрета его бабушки. Въ залѣ, прилегающей къ кабинету, баронъ Брандъ кушаетъ шоколадъ и читаетъ французскую газету.

— Благодарю васъ, милый Эриксенъ, сказалъ графъ, подойдя къ мольберту живописца: — сходство удивительное.

— Не благодарите графъ; вѣдь я у васъ еще въ долгу за пару превосходныхъ пистолетовъ, которые вы мнѣ подарили. Они составляютъ украшеніе моей коллекціи.

— У меня для васъ приготовлено еще ружье. Жаль, что я прежде не зналъ вашей страсти къ старинному оружію: у меня было въ рукахъ много рѣдкихъ вещей.

— Но, пожалуйста, графъ, одѣвайтесь скорѣе: баронъ Брандъ ждетъ васъ.

— Ничего, онъ занялся газетами; притомъ же онъ добрякъ, кета и чудакъ.

Живописецъ посмотрѣлъ на двери.

— Не бойтесь, въ залѣ ничего не слышно отсюда, я обратилъ на это обстоятельство особенное вниманіе: двери очень-плотны, а портьеры съ обѣихъ сторонъ дверей изъ самой плотной матеріи, такъ-что я нигдѣ хоть одинъ уголокъ, гдѣ могу говорить, не опасаясь, что подслушаютъ лавен, чего я терпѣть не могу.

— Давно вы знакомы съ барономъ? спросилъ живописецъ.

— Съ полгода. Я не люблю заводить новыхъ знакомствъ; но онъ привезъ изъ Виртемберга кипу рекомендательныхъ писемъ отъ моихъ друзей и, кромѣ того, забавляетъ своимъ жеманствомъ; впрочемъ, онъ добродушенъ, чрезвычайно-хорошо образованъ, много видѣлъ и превосходный разскащикъ; притомъ же, я съ нимъ не церемонюсь, ухожу отъ него въ другую комнату, какъ видите, и даже уѣзжаю: онъ ни мало не претендуетъ.

— Я заговорилъ о немъ по воспоминанію объ одномъ случаѣ, который разскажу послѣ, чтобъ теперь не задерживать васъ, вѣдь вы спѣшите. Но скажите, есть у него состояніе?

— Судя по его расходамъ, очень-большое. Однажды я встрѣтилъ его въ конторѣ вашего батюшки; кассиръ низко ему раскланывался, а это хорошій барометръ. Однако, нужно сказать съ нимъ хоть слова два до отъѣзда.

Графъ вышелъ въ залу. Брандъ сидѣлъ въ прежнемъ положеніи, читая объявленія въ газетѣ.

— Извините, любезный баронъ, что я не могу посидѣть съ вами: черезъ полчаса мнѣ нужно ѣхать на службу, а прежде надобно еще написать письмо.

— Ничего, сказалъ Брандъ:—я здѣсь занялся объявленіями. Вообразите, какой-то фабрикантъ публикуетъ, будто у него продается *soeuf de rose*.

— Это ужасно! сказалъ графъ, улыбаясь:—а впрочемъ, мы вамъ предсказывали. Потомъ онъ открылъ одну изъ многочисленныхъ конторокъ своего письменнаго стола, взялъ тетрадку почтовой бумаги и ушелъ опять въ кабинетъ.

Брандъ опустилъ газету и осмотрѣлся. Лицо его оживилось, глаза засверкали. Онъ осторожно приподнялся, безъ малѣйшаго шороха, подкрался къ письменному столу, какъ тѣнь, окинувъ его быстрымъ взглядомъ, замѣтилъ печать въ золотой оправѣ съ большимъ изумрудомъ, внимательно рассмотрѣлъ ее и спряталъ въ карманъ, потомъ неслышными шагами возвратился, осторожно опустился въ кресла и опять взялъ газету.

Черезъ двѣ минуты вошелъ изъ кабинета камердинеръ, зажегъ свѣчу, взялъ съ письменнаго стола сургучъ и началъ чего-то искать. Потомъ съ разстроеннымъ лицомъ осмотрѣлъ полъ у стола и, не находя затерявшейся вещи, пошелъ въ кабинетъ.

— Нѣтъ, печать должна быть тамъ, на столѣ. Я вчера печаталъ ею, она осталась тамъ, послышался голосъ графа.

И, въ сопровожденіи камердинера, графъ вошелъ въ залу.

— Эта публикація—глупое шарлатанство, сказалъ баронъ: — я напрасно пугался: по безграмотному слогу видно, что это соеиг de rose годится только для подмастерьевъ.

— Я очень-радъ, что вы успокоились, разсѣянно и почти съ досадою отвѣчалъ хозяинъ, проходя къ столу, и началъ искать печати. Печати не было нигдѣ.

— Кто нынче утромъ убиралъ въ этой комнатѣ? спросилъ онъ сердитымъ голосомъ.

— Йоганнъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ камердинеръ.

— Опять Йоганнъ! Когда жъ это кончится?

— Ваше сіятельство, у него хорошія рекомендаціи; я самъ никогда его ни въ чемъ дурномъ не замѣчалъ, а смотрѣлъ за нимъ въ оба глаза.

— Но вѣдь въ эти пять или шесть мѣсяцевъ, какъ только онъ поступилъ, каждый день что-нибудь пропадаетъ.

— Точно такъ.

— Не подозрѣваете ли вы кого другаго, Карла или Георга?

— Боже сохрани, какъ можно, ваше сіятельство!

— Слѣдовательно подозрѣніе падаетъ на Йоганна. Надобно положить этому конецъ.

— Ваше сіятельство, уличить его нельзя.

— И не нужно. Я не хочу его губить. Выдайте ему жалованье за мѣсяцъ впередъ, скажите, что онъ мнѣ больше не нуженъ, и пожалуйте, дайте порядочный аттестатъ. Безъ явной улики я не хочу ему вредить, но терпѣть гадостей въ домѣ невозможно.

Графъ сказалъ послѣднія слова съ такою горячностью, что даже баронъ почелъ нужнымъ оставить размышленія о соеиг de rose и подойти къ нему.

— Чтѣ такое случилось, любезный графъ? сказалъ онъ, многодомъ поправляя передъ зеркаломъ воротнички и волосы.

— Я недоволенъ однимъ изъ моихъ людей и, къ сожалѣнію, долженъ отказать ему отъ мѣста. Вообще, трудно найти порядочнаго лакея.

— Еще бы! зѣвая, отвѣчалъ баронъ.—Но кстати, ко мнѣ третьягодня приходилъ человекъ, котораго я хорошо знаю: онъ служилъ у меня въ Виртембергѣ и теперь ищетъ мѣста. Если хотите, я пришлю его къ вамъ.

— По вашей рекомендаціи я прийму его съ удовольствіемъ. Пусть онъ явится къ моему камердинеру. Ахъ, уже безъ четверти одиннадцать! Мнѣ пора вѣхать, а письмо не запечатано. Баронъ, у меня пропала печать; одолжите мнѣ одинъ изъ вашихъ брелоковъ.

— Но знаете ли, графъ, у меня на этихъ брелокахъ вырѣзаны ка-баллетическія надписи, которыя приносятъ счастье посылающему и несчастье получающему письмо, важно отвѣчалъ онъ.

— Не-уже-ли вы суевѣрны, баронъ? Впрочемъ, я не буду жалѣть, если вашъ талисманъ принесетъ несчастье той, которой посылается письмо: это гадкая старуха, которая исполняетъ мнѣ различныя порученія.

— Въ такомъ случаѣ, пожалуй, отвѣчалъ баронъ и передалъ графу одинъ изъ своихъ брелоковъ.—Но, въ замѣнъ услуги, вы довезете меня до дворцовой площади.

— Прекрасно! Надѣвайте же вашъ плащъ, я сейчасъ выйду на крыльцо, отвѣчалъ хозяинъ и, воротившись въ кабинетъ, сказалъ Артуру:

— Любезный другъ, если вы не хотите оторваться отъ работы, въ этомъ ящикѣ найдете вы сигары. Но я прошу васъ, когда отправитесь домой, бросить это письмо въ ящикъ городской почты. Мнѣ ужъ некогда, а я не хочу, чтобъ прислуга видѣла адресъ. Письмо очень-нужное и секретное.

— Это мнѣ по дорогѣ, сказалъ Артуръ, взглянувъ на адресъ: — быть-можетъ, я самъ занесу его, чтобъ не задержали на почтѣ.

— Я хочу распредѣлять свои благодѣянія поровну между прекраснымъ и непрекраснымъ поломъ, сказалъ, смѣясь, баронъ, усѣвшись въ экипажъ съ Форбахомъ. — Нашедши мѣсто бѣдному лакею, хочу присесть мѣсто горничной. Не можете ли вы рекомендовать ее куда-нибудь?

— Молода и хороша она? шутливо спросилъ графъ.

— Вы заставляете меня краснѣть. Не молода и не хороша, но бѣдна, честна, прекрасно умѣетъ одѣвать и даже говорить по-французски.

— Хорошо, я буду помнить; но вотъ мы ужъ на площади.

Поблагодаривъ графа, Брандъ пошелъ къ дому президента полиціи, гдѣ помѣщалось и главное управленіе городской полиціи. По дорогѣ, завернувъ въ одинъ изъ пустыхъ переулковъ, онъ бросилъ украденную печать въ отверстіе, сдѣланное на троттуарѣ подъ жолобомъ для стока воды, потомъ зашелъ въ магазинъ эстамповъ, бывший напротивъ дома полицейской управы, и, рассматривая гравюры, нѣсколько минутъ наблюдалъ за тѣмъ, что происходило на противоположной сторонѣ улицы; наконецъ, сдѣлавъ непріятную гримасу, отправился домой, переодевшись изъ пальто во фракъ, велѣлъ подать свой экипажъ и поѣхалъ опять къ дому полицейской управы.

По лѣстницѣ главнаго входа, дверь налѣво вела въ канцелярію, направо—въ квартиру президента полиціи. Баронъ позвонилъ у правой двери и спросилъ, принимаетъ ли мадамъ президентша. Лакей ввелъ его въ залу и пошелъ доложить своей госпожѣ.

При входѣ президентши, Брандъ съ восхищеніемъ любовался на ея портретъ, висѣвшій надъ софою, и важная, довольно-плотная и свѣжая дама, еще неоставившая притязаній на красоту, не могла не сознаться въ душѣ, что баронъ прекрасный молодой человекъ.

— Очень-давно не имѣлъ я счастья быть у васъ, и долженъ объяснить, почему осмѣлялся нынче беспокоить васъ своимъ посѣщеніемъ, началъ баронъ.

— Очень-давно! Помилуйте, баронъ, вы были у насъ на прошлой недѣлѣ. Августа! сказала она вошедшей дочери: — ты вѣрно помнишь, когда былъ у насъ баронъ въ послѣдній разъ? Эти слова были произнесены тономъ, который очень-ясно намекалъ барону, что Августа интересуется имъ.

— Въ четверкъ, мамá, отвѣчала, слегка краснѣя, Августа, хорошенькая девятнадцатилѣтняя блондинка.

— Боже мой, какъ медленно тянулось для меня это время! отвѣчалъ баронъ, бросая скромный, но пѣжный взглядъ на дѣвушку.

— Но дѣйствительно мы рады были бы видѣть васъ у себя чаще, любезно продолжала президентша.

Небольшая пауза, послѣдовавшая затѣмъ, была съ пользою употреблена барономъ: онъ опять успѣлъ, будто озирая комнату, остановить взглядъ на дѣвушкѣ.

— Я долженъ объяснить вамъ цѣль моего посѣщенія, сказалъ Брандъ президентшѣ: — вчера мы держали пари съ молодымъ Форбахомъ. Онъ утверждалъ, что на послѣднемъ придворномъ балѣ вы были въ уборѣ изъ розовыхъ камелій; я, напротивъ, твердо помнилъ, что на васъ были бѣлыя камелии. Я спѣшилъ къ вамъ рѣшить этотъ споръ, но графъ предупредилъ меня; проѣзжая мимо вашего дома съ четверть часа назадъ, я видѣлъ слугу его на этой лѣстницѣ. Конечно, онъ присылалъ его съ запискою о нашемъ пари...

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, онъ не присылалъ къ намъ. Но какіе шулуны нынѣшніе молодые люди! Возможно ли держать подобныя пари? съ шутливою строгостью отвѣчала президентша, восхищенная мыслью, что ея нарядъ можетъ еще заинтересовать молодѣжь.

— Быть-можетъ, Форбахъ присылалъ къ папа, замѣтила дочь.

— Это интересно узнать, сказала мать: — попроси его сюда, Августа; ему будетъ очень-пріятно видѣть барона.

Черезъ минуту Августа возвратилась въ гостиную вмѣстѣ съ отцомъ. Президентъ полиціи былъ худощавый старикъ невысокаго роста, съ длиннымъ носомъ и сѣрыми глазами, которымъ онъ старался придать выраженіе озабоченности и прощительности.

— Очень-радъ васъ видѣть, баронъ, сказалъ онъ, протягивая руку гостю, который съ величайшимъ уваженіемъ кланялся ему.

— Я хотѣла спросить тебя о случаѣ, очень-интересномъ для меня, перебила жена: — баронъ увѣренъ, что у насъ былъ слуга молодого графа Форбаха.

— Нѣтъ, отвѣчалъ президентъ: — почему же вамъ такъ вздумалось, баронъ?

— Я видѣлъ слугу въ его ливреѣ на вашемъ крыльцѣ.

— А! правда лакей былъ, и галуны и канты у этого лакея были такіе же, какъ на ливреѣ Форбаховъ, но самая ливрея не темнозеленая, какъ у Форбаховъ, а темносиняя. Ошибиться легко, и вы ошиблись.

— Отъ кого же былъ этотъ лакей? спросила президентша.

— Здѣсь ни у кого нѣтъ темносиней ливреи съ такими галунами и кантами, какъ у Форбаховъ, прибавилъ баронъ: — это меня удивляетъ.

— Да вы едва-ли знаете господина, у котораго слуги носятъ такую ливрею, замѣтилъ президентъ: — это нѣкто Армфельдъ, чудакъ, незнакомый ни съ кѣмъ въ городѣ.

— О, нѣтъ! я слышалъ его имя по случайному обстоятельству, отвѣчалъ баронъ: — онъ дѣйствительно ужасный оригиналъ.

— Что жъ въ немъ особеннаго? спросила любопытная хозяйка.

— Вообразите, онъ помѣшался на томъ, что его обокрадутъ и зарѣжутъ. Каждую ночь онъ обходитъ весь домъ раза четыре, въ-сопровожденіи вооруженныхъ лакеевъ, и самъ вооруженный съ головы до ногъ. Спитъ онъ съ пистолетами и саблею. И вообразите, его боязнь такъ сильна, что наконецъ заражаетъ его прислугу. У меня однажды былъ лакей, который прежде служилъ у него. Несчастный малый боялся вечеромъ оставаться одинъ въ комнатѣ. Я былъ принужденъ отпустить его, потому-что часто среди ночи онъ поднималъ на ноги весь домъ своими глупыми криками. Онъ въ-теченіе какого-нибудь мѣсяца увѣрилъ всю остальную прислугу, будто-бы существуетъ здѣсь какая-то шайка воровъ, имѣющая правильную организацію и очень-опасная. Еслибъ его оставить въ домѣ, онъ рѣшительно всѣхъ сдѣлалъ бы такими же нелѣпыми трусами, какъ самъ. Его невозможно было урезонить въ томъ, что подобныя шайки невозможны при благоустроенной и удивительно-проницательной полиціи, какою можетъ похвалиться нашъ городъ, благодаря господину президенту.

— Да, да, совершенно та же исторія, задумчиво сказалъ про-себя хозяинъ.

Брандъ не показалъ виду, что заинтересованъ этими словами; напротивъ, онъ удвоилъ свою внимательность къ Августу, и можно было

думать, что онъ сидитъ здѣсь именно затѣмъ, чтобъ нашептывать ей комплименты.

— Что ты говоришь? Расскажи пожалуйста; мнѣ очень-любопытно, сказала хозяйка мужу.

— То же самое, что сейчасъ рассказалъ баронъ. Слуга Армфельдъ, приходившій нынче, толковалъ моему секретарю о шайкѣ воровъ, будто-бы существующей въ нашемъ городѣ, и обѣщался открыть ее, съ условіемъ, чтобъ ему дали двѣ тысячи талеровъ.

Брандъ былъ совершенно занятъ разговоромъ съ Августой.

— Ну что жъ ты? продолжала спрашивать президентша.

— Мнѣ показалось это невѣроятно; надобно будетъ пообдумать, чтобъ не насмѣшить людей своимъ легковѣріемъ. Лакею велѣли придти завтра, а предварительно взяли отъ него записку, въ которой означено его имя и сказано, гдѣ можно найдти его, не тревожа Армфельда, потому-что лакей хочетъ, чтобъ это оставалось въ-тайнѣ отъ его господина. Вотъ и записка, если хочешь взглянуть.

Онъ вынулъ записку и подалъ женѣ. Президентша, прочитавъ ее, сказала:

— Ну да, видно, что это глупость. Посмотрите, баронъ... Да вы, кажется, не слушали?

— Я былъ увѣренъ, что это вздоръ, слѣдствіе вздорныхъ фантазій, которыми набиваетъ голову своей прислугѣ Армфельдъ. И, небрежно взглянувъ на записку, онъ передалъ ее хозяйкѣ.

— Другъ мой, не давай серьезнаго хода этимъ пустякамъ, чтобъ надъ тобою не стали смѣяться, повторила хозяйка, перечитывая записку.

— Ваше превосходительство, секретари дожидаются у васъ въ кабинетѣ, доложилъ вошедшій слуга.

— Извините меня, баронъ: служба не терпитъ промедленія, сказалъ хозяинъ, вставая. — До пріятнаго свиданія. Не забывайте насъ.

Президентша небрежно бросила на полъ записку, оставленную въ ее рукахъ торопливо-ушедшимъ мужемъ.

— Во что бы ни стало, мнѣ нужно завладѣть этою запискою, подумалъ баронъ и продолжалъ говорить любезности Августѣ и толковать о свѣтскихъ новостяхъ съ ее матерью.

— Госпожа Вольфонъ; прикажете принять? доложилъ хозяйкѣ лакей.

— Проси въ залу; я выйду къ ней одна, чтобъ скорѣе кончился этотъ несносный визитъ. Васъ я не отпускаю, баронъ, прибавила она ласковымъ голосомъ.

Оставшись наединѣ съ Августомъ, Брандъ подумалъ: «Теперь можно обдѣлать все превосходно; стоитъ только затуманить глаза этой дѣвочки. Пустимся же въ чувствительныя объясненія».

И онъ взглянулъ на нее съ такою нѣжностью, что дѣвушка вспыхнула и поняла необходимость начать разговоръ, какой бы те ни было, все-равно, лишь бы не тотъ, какого она теперь боялась, хотя и желала.

— Вы забыли о вашемъ парнѣ съ Форбахомъ, сказала она:—вы должны проиграть его: мамâ была на балѣ съ розовою камелією, какъ говорилъ Форбахъ.

— О, я зналъ это, фрейлейнъ Августа! я зналъ, на чьей дивной головкѣ была бѣлая камелія. Я спорилъ съ нимъ только длатого, чтобъ говорить о вашемъ семействѣ, о вашей матушкѣ, о... о васъ, фрейлейнъ Августа, не возбуждая подозрѣній. Могъ ли я забыть, что бѣлая камелія была на васъ?

— Дâ, сказала она, опуская глаза.

— Во время послѣдней кадрили упалъ листокъ этой камеліи, и я... видѣлъ, что онъ упалъ, договорилъ онъ, какъ бы поправляя неосторожно-начатую фразу; по смыслъ этой прерванной фразы былъ ясенъ: «и я поднялъ этотъ листокъ и храню его».

Августа покраснѣла; грудь ея тяжело дышала.

— О, какъ мучителенъ былъ для меня тотъ вечеръ! Я стоялъ далеко отъ васъ; меня терзала зависть... поймите мои страданія, Августа! проговорилъ онъ прерывающимся голосомъ и взялъ ея руку. Дѣвушка вздрогнула и смутилась. Онъ поцаловалъ нѣсколько разъ ея руку; она могла только сказать: «Боже мой, оставьте меня!» — «Нѣтъ, мы будемъ неразлучны навѣки, шепнулъ онъ и поцаловалъ похолодѣвшія отъ волненія губы Августы. «Теперь, я твой, ты моя! Но пусть наши клятвы будутъ на нѣсколько времени тайною для другихъ. Мы скоро соединимся передъ лицомъ свѣта, Августа!»

Въ это время послышались въ сосѣдней комнатѣ шаги и кашель президентши. Свѣтская и опытная дама, оставивъ дочь съ молодымъ человѣкомъ, котораго прочла ей въ женни, понимала, что необходимо предупредить о своемъ возвращеніи. И дѣйствительно, когда она вошла въ комнату, баронъ рассказывалъ Августѣ уморительный анекдотъ о томъ, какъ вчера, послѣ спектакля, какая-то дама сѣла въ чужую карету и замѣтила это только на половинѣ дороги, а какъ между-тѣмъ, сердилась настоящая госпожа кареты цѣлый часъ, не находя своего экипажа.

Черезъ нѣсколько минутъ Брандъ простился съ президентомъ, осыпанный увѣреніями заботливой матери, что онъ въ нѣз домѣ всегда самый пріятный гость.

II.

Посѣщеніе.

Между-тѣмъ Артуръ Эриксенъ окончилъ свою акварель и взялъ письмо Форбаха, чтобъ отдать его на городскую почту, или доставить прямо по адресу. Адресъ былъ: «Г-жѣ Беккеръ, на каналѣ, домъ подъ № 8-мъ». — «На каналѣ», подумалъ живописецъ: «это мнѣ по дорогѣ; графу нужно, чтобъ письмо было доставлено поскорѣе, занесу же его самъ. На каналѣ дома старые, съ темными длинными корридорами, и мнѣ пріятно побывать въ такомъ оригинальномъ лабиринтѣ». Артуръ вышелъ въ переднюю. Тамъ камердинеръ разговаривалъ съ Йоганиомъ, слугою, котораго велѣлъ отпустить графъ.

— Это мнѣ большое несчастіе, говорилъ слуга: — въ аттестатѣ мало утѣшенія: каждый скажетъ, что безъ причины графъ не прогонитъ человека. А что жъ я сдѣлалъ? Какая за мною вина?

— Вины тебѣ никакой и не говорить. Но что жъ дѣлать? если господину не нравится бородавка на лицѣ у слуги или его походка, ему не запретить отослать слугу, на то онъ господинъ. Что дѣлать? такъ графу угодно.

— А мнѣ терпѣть нужду? Тяжело оставаться безъ мѣста семейному человеку. А кто теперь меня возьметъ? Скажутъ: если прогнали, такъ вѣрно негодай.

— Я не могу тебѣ пособить; остается тебѣ одно средство, да и то едва-ли поможетъ: попроси кого-нибудь изъ пріателей графа, чтобъ заповѣдать за тебя слово.

Лажей вздохнулъ и, махнувъ рукой, ушелъ. На Артура тяжело подействовала эта сцена и онъ сошелъ съ крыльца въ неприятномъ расположеніи духа.

Черезъ десять минутъ наемный экипажъ привезъ его на каналѣ и молодой человекъ пустился по темнымъ лѣстницамъ дома, подъ № 8-мъ, отыскивать г-жу Беккеръ. Счастье помогло ему скоро найти ее: всего только двои дверей отворялъ онъ не-впопадъ, и получалъ грубый отвѣтъ «не здѣсь, дальше» отъ грязныхъ женщинъ, кричавшихъ на грязныхъ ребятшекъ, воавшихся по полу, и только два раза обдавало его изъ этихъ дверей душною, тяжелою атмосферою. Третья дверь была та, которой онъ искалъ, и вошедши въ комнату, онъ уви-

дѣлъ пожилую женщину, которая низко поклонилась ему, какъ чело-
вѣку не бѣдному, судя по жесту. «Я вдова Беккеръ. Покорнѣйше
прошу садиться».

— Не беспокойтесь, я только хочу передать вамъ письмо.

— Вѣроятно, вамъ рекомендовали мои услуги? сказала она, отвра-
тительно улыбаясь.

— Нисколько. Вотъ вамъ письмо отъ графа Форбаха.

— Ахъ, очень-рада! Какой прекрасный молодой человекъ графъ
Форбахъ, милый, благородный молодой человекъ! Только суровъ въ
обращеніи, требователенъ; но мною всегда онъ оставался доволенъ,
увѣрю васъ.

Эриксенъ съ любопытствомъ всматривался въ ея лицо, представляв-
шее странную смѣсь сладости, хитрости и корыстолюбія.

— Чѣмъ же я могу вамъ служить? повторяла старуха.

— Рѣшительно ничѣмъ, отвѣчалъ съ досадою живописецъ. Прочти-
те письмо, и вы сами увидите, я вовсе не желаю вашихъ услугъ.

— Безъ очковъ я вблизи ничего не вижу, сказала старуха, опу-
ская руку въ карманъ, и вооруживъ носъ очками, взяла письмо и,
какъ опытная женщина, прежде всего взглянула на печать. Увидѣвъ
странный вензель, она съ изумленіемъ сказала:—«Какъ? это отъ гра-
фа Форбаха, говорите вы? Печать знакомая, но только не графа
Форбаха.»

— Не знаю, онъ мнѣ отдалъ письмо съ этою печатью.

— Дѣло очень-трудное; но печать такого рода, что я должна упо-
требить тутъ всѣ усилія, сказала старуха, прочитавъ письмо. — Онъ
пишетъ, что не пожалѣетъ денегъ; эта печать такое приказаніе, ко-
торое важнѣе всякихъ денегъ. Буду стараться изъ всѣхъ силъ, только
успѣха трудно надѣяться, дѣло совсѣмъ-невозможное. Но не могу ли
я и вамъ...

— Я вамъ отдалъ письмо, прощайте же, сказалъ Артуръ, разо-
содованный навазчивостью старухи, и пошелъ къ двери. Несмотря на
его нелюбезность, г-жа Беккеръ проводила его съ улыбкою и по-
клонами.

«Это просто невозможное дѣло!» повторяла про-себя старуха, остав-
шись одна». А надобно постараться; противъ этой печати ничего
не скажешь, хоть и знаешь, что труды пропадутъ понапрасну. Съ
этой Кларою Штайгеръ никакъ не сговоришь, да и съ отцомъ ея, ста-
рымъ дуракомъ, тоже. Чего, еще и забраться къ нимъ трудно: дога-
даются, въ двери не пустятъ. Съ какой же стороны подойти къ нимъ,
чтобъ не догадались? Да, вотъ, вѣдь и позабыла: старуха Вундель—

сосѣдка ихъ, вѣдь живетъ изъ дверей въ двери, въ одноѣмъ этажѣ. Надо было зайти къ ней: можетъ-быть, и удастся познакомиться съ глухими этими нищими».

Съ досадою на себя, сѣлъ Артуръ въ экипажъ, которому велѣлъ подождать у воротъ. «Я не предполагалъ, чтобъ дѣло шло о вовлеченіи въ бѣдну еще невинной жертвы» думалъ онъ. «Какія гнусныя интриги и происки начнутся теперь! Зачѣмъ я передалъ это письмо? Но вѣдь завтра, все-равно, получила бы она его отъ почтальюна. Да, гадкія дѣла дѣлаются иногда на свѣтѣ!»

Онъ велѣлъ ѣхать въ Кирпичную Улицу и остановился у дома, гдѣ жилъ Штайгеръ. Артуръ шелъ къ нему совѣтоваться о рисункахъ для переводимаго старикомъ романа. Но почему же онъ выбралъ для своего посѣщенія именно этотъ часъ, когда, по словамъ отца, Клара возвращается домой? У него былъ предлогъ: Штайгеръ говорилъ, что отъ двѣнадцати до часа отдыхаетъ; потому, говорилъ себѣ Эриксенъ, я не могу выбрать другаго времени, чтобъ не помѣшать ему работать.

— Посмотрите-ка, какой гость идетъ къ Штайгерамъ, сказала вдова Вундель дочерямъ, увидѣвъ Эриксена въ полурастворенную дверь.

— Да вѣдь Клары нѣтъ дома, отвѣчала старшая дочь.

— Да вѣдь ты не то думаешь, глупая; видишь, какое у него солидное лицо. Такой человѣкъ не станетъ волочиться за танцовщицами. Вотъ сама услышишь, зачѣмъ онъ идетъ; а я ужъ впередъ знаю: къ старику Штайгеру онъ идетъ, требовать, чтобъ тотъ расплатился ему по какому-нибудь долгу. А знаешь, вѣдь онъ долженъ опять здѣсь пройти.

— Я вынесу на лѣстницу книги, будто обметать пылъ съ нихъ, тотчасъ же сказала догадливая старшая дочь.

— Ступай, ступай, только прежде причешись хорошенько, отвѣчала заботливая мать, видимо-довольная понятливостью дочери.

Артуръ вошелъ въ комнаты, которыя украшались присутствіемъ любимой дѣвушки, съ твердымъ намѣреніемъ видѣть все въ розовомъ свѣтѣ; но тѣмъ не менѣе первая изъ этихъ комнатъ, гдѣ не нашелъ онъ никого, показала ему бѣдна; дѣйствительно, вся мебель ея состояла изъ кровати старика и ветхаго стула. Слѣдующую комнату, гдѣ проводила цѣлый день вся семья, мы ужъ видѣли, но вечеромъ, и должны, къ сожалѣнію, сказать, что дневной свѣтъ, тускло-проходившій черезъ полузамерзшія окна, не открывалъ въ ней новыхъ красотъ. Одно только можно было замѣтить въ похвалу темной комнаты: въ ней было теперь теплѣе, нежели вчера, потому-что маленькая сестра Клары варила въ печи картофель, на который съ апетитомъ поглядывалъ малютка-братъ. Самъ Штайгеръ сидѣлъ, по обыкновенію, за столомъ у

окна и писалъ. Услышавъ шаги, онъ приподнялъ голову и радостно пожалъ руку гостю.

— Я сдержалъ свое обѣщаніе, какъ видите, сказалъ Эриксенъ: — и даже былъ бы у васъ раньше, но хотѣлъ дать вамъ время обдумать, какія сцены мы должны выбрать для рисунковъ.

— Да, я ужъ составилъ списокъ; просмотрите его; покорнѣе прошу садиться. Выборъ сценъ сдѣлать легко; трудно будетъ вамъ только, не имѣя предъ глазами живыхъ людей, создавать типы лицъ, которыя играютъ роль въ романѣ.

— Вы думаете? сказалъ, улыбаясь, живописецъ: — но я вамъ скажу, что если черныхъ негровъ здѣсь нѣтъ, то—есть множество людей, которые въ своемъ родѣ тоже плантаторы и торговцы неграми. Напримеръ, хоть нашъ почтеннѣйшій пріятель, г. Блафферъ. Знаете ли, хорошо было бы изобразить его на нашихъ рисункахъ. Жаль только, что онъ не согласится.

— Да, это было бы недурно, сказалъ переводчикъ. — Но просмотрите списокъ мѣстъ, которыя мнѣ показались заслуживающими рисунковъ.

Они начали говорить о дѣлѣ, которое послужило Артуру предлогомъ для визита. Дѣти, сначала дичившіяся гостя, потому—что не привыкли видѣть посѣтителей, мало—по—малу ободрились и, ставъ за спиною отца, съ любопытствомъ разсматривали живописца съ ногъ до головы; такъ прошло минутъ десять. Вдругъ мальчикъ захопалъ въ ладоши и закричалъ: «Ахъ, вотъ и Клара идетъ! сейчасъ будемъ обѣдать!» Его сестра, будучи ужъ умнѣе, побѣжала на лѣстницу предупредить Клару, что у нихъ сидитъ какой—то незнакомый гость.

Артуръ чувствовалъ, что его сердце забилось сильнѣе. Какъ она пріиметъ его посѣщеніе? Не разсердится ли, что ослушался ея? Вѣдь она говорила ему, что не хочетъ, чтобъ онъ бывалъ у нихъ въ квартирѣ. Но Эриксенъ надѣялся, что уговоритъ ее извинить его непослушаніе.

— Какъ же зовутъ его? послышался за дверью голосъ Клары.

— Я не знаю, отвѣчала дѣвочка.

Клара въ изумленіи остановилась на порогѣ, увидѣвъ Артура.

— Это моя старшая дочь, Клара, рекомендую; — сказалъ добродушный старикъ: — можетъ—быть, вы ее ужъ и знаете: она танцуетъ на театрѣ.

Артуръ проговорилъ какія—то несовсѣмъ—связныя слова и поклонился.

Дѣвушка, возвращавшаяся съ репетиціи, разгорѣвшаяся отъ танцевъ, вслыхнувшая и смутившаяся отъ нечаянной встрѣчи, была чудно—хороша.

— Клара, рекомендую тебѣ г. Эриксона, живописца, пользующагося общимъ уваженіемъ за свой прекрасный талантъ. Мы познакомимся у Блаффера, который просилъ г. Эриксона иллюстрировать мой переводъ и онъ зашелъ ко мнѣ поговорить объ этомъ дѣлѣ.

Клара взглянула на живописца; онъ не могъ рѣшить: радости или огорченія было больше въ глазахъ ея. — Я очень-рада видѣть васъ у батюшки, г. Эриксенъ, сказала она: — ему такъ рѣдко случается говорить съ людьми, которые могутъ сочувствовать его понятіямъ, что для него, конечно, очень-пріятно ваше посѣщеніе.

— Клара, кушанье готово, накрывайте на столъ, давайте обѣдать! закричалъ неугомонный мальчикъ.

— Извините, г. Штайгеръ, что я задержалъ вашъ обѣдъ, сказалъ Артуръ, взявъ шляпу: — но я избралъ этотъ часъ потому, что онъ посвящается вамъ отдыху.

— Я не смѣю предлагать вамъ раздѣлить нашъ обѣдъ, потому-что онъ... слишкомъ простъ, можно оказать скудеиъ; но вы, вѣроятно, кушаете гораздо-позже, и не откажетесь хотя посидѣть вмѣстѣ съ нами, пока мы обѣдаемъ, сказалъ старикъ.

Артуръ, конечно, согласился, потому-что ему хотѣлось поговорить съ Кларою. И это желаніе удалось послѣ обѣда. Мальчикъ, понявшій изъ разговоровъ, что новый гость умѣетъ рисовать картинки, началъ требовать, чтобъ онъ нарисовалъ ему змѣю. Молодой живописецъ съ удовольствіемъ взялъ карандашъ, чтобъ имѣть предлогъ продолжать свой визитъ. Старикъ-отецъ черезъ нѣсколько минутъ задремалъ, утомленный утреннею работою. Клара должна была иногда подходить къ окну, у котораго сидѣлъ Артуръ, чтобъ останавливать дѣтей, которыя могли беспокоить посѣтителя.

— Клара, вы недовольны тѣмъ, что я здѣсь? сказалъ Артуръ, замѣтивъ, что теперь можетъ говорить свободно.

— Я знала, что это будетъ, отвѣчала Клара.

— Но вы думали, что это будетъ не такъ скоро. И я не нарушилъ бы вашего запрещенія быть у васъ; но я долженъ былъ посѣтить вашего батюшку по дѣлу, о которомъ онъ говорилъ вамъ.

— Да, знакомство съ вами уже начинаетъ приносить мнѣ огорченіе. Мои подруги замѣтили, что вы иногда дожидаетесь меня на театральномъ подъѣздѣ, когда мы садимся въ карету послѣ спектакля, и жестоко смѣются надо мною, даже обижаютъ меня; вѣдь за мною этого прежде не замѣчали; я держала себя такъ, чтобъ нельзя было подумать ничего такого. Теперь говорить, что я притворица, что я хуже всѣхъ. Да, вижу я, начинаетъ сбываться то, что предсказывалъ

миѣ нашъ лакей. Онъ товарищъ батюшки по школѣ, и любитъ меня. Когда онъ однажды замѣтилъ васъ, онъ привезъ меня домой послѣднюю, высадивъ по домамъ всѣхъ; отослалъ карету, остался со мною на лѣстницѣ и долго, долго говорилъ миѣ, что изъ этого будетъ. Дѣ, онъ говорилъ правду: вотъ ужъ его слова сбываются. «Сначала» говорилъ онъ, «вы будете поджидать меня на улицѣ, и не такъ часто, потомъ чаще, и наконецъ каждый день». Это такъ и было. «Потомъ» говорилъ онъ, «вы подѣ какимъ-нибудь предлогомъ проникнете въ нашу квартиру — и потомъ... потомъ я буду много плакать, вѣчно плакать». Боже мой, защити меня!

И, закрывъ лицо руками, бѣдная дѣвушка ушла въ другую комнату и долго плакала. Артуръ, взволнованный словами ея, въ которыхъ такъ много было правды, задумчиво опустилъ голову на столъ, и малютка, братъ Клары, пользуясь тѣмъ, что гость выпустилъ изъ-подъ руки бумагу, схватилъ этотъ листъ съ огромною, страшною змѣею и началъ кричать и прыгать отъ восторга, что ему нарисовали такую славную змѣю. Отецъ проснулся на этотъ шумъ, и долженъ былъ любоваться на удивительную змѣю.

Живописецъ простился съ добродушнымъ старикомъ и, сходя по лѣстницѣ, думалъ: «При первомъ же посѣщеніи — заставить плакать и нарисовать змѣю — дурные предвѣщанія! Впрочемъ, что за вздоръ, можно ли быть такъ суевѣрну?»

А пока Артуръ сидѣлъ у Штайгера, дѣвица Эмилиа Вундель долго занималась на лѣстницѣ выбиваніемъ платья и книгъ, но молодой человекъ не являлся на лѣстницѣ. Наконецъ пришла домой Клара, и тогда дѣвица Эмилиа покинула свою позицію и, хлопнувъ дверью, проворчала: «Ну, да! жди вотъ! Извѣстная исторія! А старая дура (это относилось къ заботливой матери) выдумала, что не къ ней, а къ ея отцу! Ну, Клара, хороша же ты! Я, признаюсь, всегда отъ тебя этого ожидала. Сначала все дѣлала потихоньку, а теперь бросила всякій стыдъ! Да и чего ждать отъ танцовщицы?»

III.

РЕПЕТИЦІЯ ЖИВЫХЪ КАРТИНЪ.

Г. Эриксенъ, отецъ Артура, разослалъ отъ имени своего и своей супруги къ избраннымъ знакомымъ приглашенія участвовать въ живыхъ картинахъ. Въ кругу этихъ знакомыхъ дѣлую недѣлю господствовало невообразимое волненіе. «Получу я приглашеніе, или нѣтъ?» твердили про-себя десятки болѣе или менѣе прекрасныхъ (по собственному миѣнію)

дѣвицъ. «Не-уже-ли они осмѣлятся не пригласить моихъ дочерей?» твердили про-себя десятки болѣе или менѣе почтенныхъ (по общему мнѣнію) дамъ. Въ городѣ давно ужъ не было живыхъ картинъ; г-жа Эриксенъ возстановляла это прекрасное изобрѣтеніе, и общее желаніе получить приглашеніе свидѣтельствовало, что она угадала духъ и потребности современнаго человѣчества и, подобно всѣмъ людямъ, угадывающимъ эти потребности, необыкновенно возвеличилась въ глазахъ общества. Сколько визитовъ было сдѣлано ей въ-теченіе недѣли, предшествовавшей окончательному составленію списка приглашаемыхъ! Сколько отцовъ и братьевъ являлось, по приказанію матерей, жень и дочерей, въ ея ложъ! Она испила полную чашу торжествъ.

Только Артуръ иногда возмущалъ ее своими замѣчаніями, что нельзя давать роли въ живыхъ картинахъ дочери такого-то важнаго сановника, потому-что она очень-дурна; и надобно пригласить къ участию дочь такого-то, далеко не столь важнаго чиновника, потому-что она—диво античной красоты. Но эти безразсудныя мнѣнія были безъ жалости отвергаемы. Важна была ужъ и та уступка, что г-жа Эриксенъ согласилась взять костюмы изъ театра. Впрочемъ, необходимость этой уступки была вынуждена желаніемъ пригласить дочерей какой-то необыкновенно-скупой дамы, которая прямо сказала, что не можетъ трагиться на костюмы.

Вотъ насталъ и день первой репетиціи. Въ залѣ были сдѣланы нужныя приготовленія. Хозяйка важно сидѣла на софѣ; вокругъ нея собралась вся семья, кромѣ мужа, который сказалъ, что ему некогда: его сердце не лежало къ великосвѣтскимъ затѣямъ жены, которая не считала нужнымъ обращать вниманіе на его предрасудки.

Всѣ молчали; только въ сторонѣ Альфонсъ вполголоса жаловался, по обыкновенію, Артуру на свою жену, которая не хочетъ заниматься ни хозяйствомъ, ни дѣтьми.

Репетиція была назначена въ три часа. Теперь была ужъ половина третьяго. Вошелъ слуга и подаль хозяйкѣ два письма. Г-жа Эриксенъ, прочитавъ одно, передала Артуру. Записка эта была слѣдующаго содержанія:

«Любезная madame Erichsen! Вы знали, какое удовольствіе доставило моимъ дочерямъ ваше доброе приглашеніе участвовать въ живыхъ картинахъ, и для меня было чрезвычайно-трудно рѣшиться отклонить это предложеніе, дѣлающее мнѣ столько чести. Я не сомнѣваюсь, что, при участіи въ этихъ картинахъ такихъ прекрасныхъ особъ, какъ супруга доктора Больца, вамъ будетъ легко замѣститъ роли, предназначавшіяся моимъ дочерямъ, которыя незнакомы и не бу-

дуть знакомы съ г-жею Больць, потому и не могутъ являться передъ обществомъ вмѣстѣ съ этою прекрасною особою. Это, конечно, насколько не можетъ поколебать дружбы, которую всегда питала къ вамъ ваша

«Альбертина Вассеръ.»

— Ты жестоко огорчаешь меня, Артуръ, сказала мать: — я никакъ не воображала, что ты пошлешь приглашеніе докторшѣ.

— Почему жь, матушка? Безъ нея наши картины лишались бы лучшаго украшенія. Ея черты такъ правильны и выразительны, она такъ граціозна...

— Но ты видишь, что надѣлалъ твой необдуманный поступокъ.

— Но, матушка, г-жа Больць бываетъ у васъ, вы также бываете у нея съ визитами: почему жь нельзя было пригласить ее?

— Артуръ! не-уже-ли ты не понимаешь, что она только тернина въ нашемъ обществѣ, но не принадлежитъ къ нему? Какая дама, какая дѣвица изъ высшаго общества согласится являться вмѣстѣ съ докторшею Больць, какъ бы съ равною себѣ? Ты непростительнѣйшимъ образомъ нарушилъ приличія свѣта. Я не знаю, что мнѣ теперь дѣлать. Ты убиваешь меня, Артуръ!

— Матушка, г-жа Больць пріѣдетъ черезъ нѣсколько минутъ...

— Я не хочу дѣлать скандала; она не получитъ отказа. Но ты долженъ устроить такъ, чтобъ она участвовала только въ одной или двухъ сценахъ съ людьми изъ того же круга, къ которому принадлежитъ. Эти сцены потомъ будутъ исключены изъ окончательной программы, по излишеству. Не противорѣчь, Артуръ, иначе невозможно. Ты самъ виноватъ, да, ты много виноватъ передо мною. Теперь, Альфонсъ, прошу васъ прочесть эту записку, продолжала мать семейства, передавая другое письмо зятю.

Альфонсъ, пожимая плечами, прочиталъ:

«Милая Шарлотта! мы получили твое приглашеніе, но не можемъ принять его; твой зять, Альфонсъ, имѣлъ непріятность съ своимъ сыномъ, и хотя мой сынъ былъ совершенно-правъ, Альфонсъ не хотѣлъ признаться въ этомъ. Мнѣ очень-жаль, что я должна писать это тебѣ...

«Преданная тебѣ попрежнему

Луиза Н.»

— Я вамъ скажу, матушка, въ чемъ дѣло. Съ недѣлю назадъ, на одномъ балѣ сынъ вашей пріятельницы, протанцовавъ съ Марианною двѣ кадрили подрядъ, ангажировалъ ее на третью. Я сказалъ ему, что это не принято въ свѣтѣ и можетъ обратить вниманіе всѣхъ. Онъ рассѣрдился...

— И сказалъ очень-дерзко, что подозрѣвать могутъ только женщину, которая сама подаетъ причины къ подозрѣнiямъ, прибавилъ старшій братъ жены Альфонса, Эдуардъ. — Это нагло съ его стороны, а между-тѣмъ Марiанна продолжала говорить съ нимъ, хотя знала, какъ онъ отвѣчалъ ей мужу.

— Не прикажете ли мнѣ ссориться со всѣми, кто не нравится моему мужу? сказала Марiанна. — Матушка не позволитъ никому tyrannить меня.

Семейная сцена начиналась, какъ видимъ, довольно-грозиымъ образомъ. Но какую удивительную власть имѣютъ надъ собою благовоспитанные люди! лакей доложилъ о прїѣздѣ одного изъ приглашенныхъ на репетицію семействъ — и лица всѣхъ приняли самое мирное, свѣтлое, любезное выраженiе. Мать раздвинула брови, предвѣщавшiя жаркую битву съ Альфонсомъ за обиженную дочь; дочь нѣжно склонилась къ матери и устремила на мужа взглядъ, какого требуютъ отъ нѣжной жены приличiя свѣта; Альфонсъ сѣлъ подлѣ нея и обнялъ рукою ея талю; Эдуардъ и его жена расположились соответственно общему тону картины, и когда вошли прїѣзжавшiе гости, семейство Эриксоновъ представляло восхитительную «живую картину» домашняго тихаго, невозмутительнаго счастья.

Зага быстро наполнилась приглашенными. Репетиция началась. Много было довольныхъ своими ролями, были и недовольныя, но вообще дѣло шло благополучно, пока не дошло до послѣдней и главной картины — винтергалтерова «Декамерона». Всѣ роли были розданы Артуру такъ, какъ назначила мать; въ одномъ только не могъ побѣдить своихъ художественныхъ требованiй молодой живописецъ: онъ хотѣлъ, чтобъ «царицею» въ этой превосходной картинѣ была действительно красавица, и, размѣтивъ всѣхъ остальныхъ дѣвицъ и дамъ, которымъ были назначены роли въ «Декамеронѣ», взялъ за руку докторшу Больцъ и посадилъ ее на кресла, поставленныя для «царицы Декамерона». Шопотъ пронесся между всѣми присутствующими; многiя изъ участвовавшихъ въ «Декамеронѣ» важныхъ дамъ сдѣлали гримасы; двѣ мамъ, строго-соблюдавшiя законы приличiя, шепнули своимъ чахлымъ дочерямъ, чтобъ онѣ пожаловались на трудность позъ, назначенныхъ имъ, и оставили свои мѣста. Артуръ это предвидѣлъ и попросилъ другихъ, болѣе красивыхъ, дѣвицъ занять поквнутыя мѣста. Картина была арранжирована действительно-очаровательно, и всѣ, кто не считалъ себя обиженнымъ, предвѣщали ей величайшiй успѣхъ. Но обиженныя предпочтенiемъ какой-то докторши ихъ дочерямъ или имъ самимъ, были жестоко скандализованы и почти вслухъ всѣмъ высказывали свое недовольствiе.

Наконецъ всё разъѣхались, увѣря хозяйку дома, что вечеръ будетъ для нея величайшимъ торжествомъ и что они въ восторгѣ отъ удивительнаго вкуса, съ которымъ выбраны и арранжированы картины.

Но эти похвалы, у однихъ искреннія, у другихъ, обидѣвшихся честью, предназначенною для простой докторши, не могли заставить хозяйку забыть о скандалѣ, какой надѣлала роль этой докторши въ «Декамеронѣ», и, когда гости разъѣхались, она заперлась въ своемъ будуарѣ, чтобъ подумать, нѣтъ ли какой-нибудь возможности поправить это дѣло.

IV.

Лисья Нора.

Мы уже упоминали о мрачномъ и живописномъ домѣ, въ которомъ помѣщалась гостинница «Лисья Нора». Кварталь, къ которому принадлежалъ этотъ домъ, былъ однимъ изъ самыхъ старыхъ въ городѣ и находился вблизи главнаго рынка. Дома его стояли когда-то отдѣльно другъ отъ друга, но мало-по-малу соединились въ одну громадную массу различными пристройками. По-мѣрѣ-надобности были въ нихъ устроиваемы различные корридоры, надстроивались цѣлые этажи, пробивались стѣны, закладывались прежніе входы и двери — все это безъ всякаго плана и порядка, такъ-что изъ квартала образовался наконецъ истинный лабиринтъ, найти дорогу въ которомъ могъ только человекъ очень къ нему привыкшій; кто же не былъ постояннымъ посѣтителемъ этихъ перепутавшихся дворовъ, лѣстницъ и корридоровъ, заблуждался въ нихъ. За-то людямъ привыкшимъ представляли они легкую возможность скрываться отъ всякихъ поисковъ и преслѣдованій. Полиція строго наблюдала за этимъ опаснымъ кварталомъ; но сами полицейскіе говорили, что поиски ихъ почти всегда бываютъ бесполезны, потому-что кварталъ имѣетъ нѣсколько тайныхъ входовъ, черезъ которые можно выпускать людей и уносить вещи, когда бываетъ въ томъ надобность. Средоточіемъ всего квартала была огромная гостинница «Лисья Нора», названіе которой перешло и на весь кварталъ.

Мы войдемъ въ буфетъ этой гостинницы — обширную комнату, которая отдѣляется отъ входа съ улицы длиннымъ корридоромъ. За прилавкомъ сидитъ старуха, исправляющая должность и буфетчицы и, вмѣстѣ, швейцара. Подлѣ того мѣста, гдѣ стоитъ ея стулъ, висятъ изъ стѣны нѣсколько шнурковъ; нныя изъ нихъ проведены просто къ колокольчикамъ въ кухню и служительскія комнаты; назначеніе другихъ важнѣе. Такъ, между-прочимъ, стѣнитъ только дернуть за одинъ шнурокъ —

и замкнется кранъ въ главной газовой трубѣ, черезъ нѣсколько секундъ всѣ газовые рожки въ домѣ погаснутъ, и тогда, пусть полиція ищетъ въ темнотѣ, кого ей угодно и что ей угодно.

За однимъ изъ длинныхъ столовъ сидѣли въ буфетѣ четыре человека. Трое жарко разговаривали между собою, а четвертый, высокій мужчина лѣтъ тридцати, сидѣвшій нѣсколько поодаль отъ нихъ, дремалъ, прислонясь головою къ стѣнѣ. Костюмъ его мало говорилъ въ его пользу: сѣрая куртка была затаскана; подошвы на сапогахъ едва держались; но черты лица его были правильны, черные волоса и густая черная борода заботливо причесаны.

Изъ трехъ разговаривавшихъ одинъ, рыжеволосый, облокотившійся на столъ обѣими руками, былъ одѣтъ бѣдно, но чисто; его грубое лицо было не лишено пріятности. Другой, съ претензіями на изящество въ одеждѣ и манерахъ, былъ худощавъ и съ тонкими чертами лица. Онъ, откинувшись къ спинкѣ скамьи, курилъ сигару и искусно выпускалъ ея дымъ правильными струями. У третьяго, одѣтаго лучше всѣхъ, въ богатой ливреѣ, выраженіе лица было чрезвычайно-непріятно; безпрестанно приглаживая рукою взъерошенные волоса, онъ что-то рассказывалъ своимъ собесѣдникамъ, совершенно перегнувшись надъ столомъ.

За другимъ столомъ, недалеко отъ этихъ мужчинъ, сидѣли двѣ женщины; одна, лѣтъ тридцати, полная брюнетка съ наглымъ лицомъ, была арфистка; другая, лѣтъ около двадцати, блондинка, застѣнчивая и робкая, держала на колѣняхъ гитару. Обѣ онѣ только-что кончили обѣдъ и тарелки съ остатками супа стояли еще передъ ними на столѣ.

Мужчина въ ливреѣ, допивъ стаканъ, закричалъ буфетчицѣ:

— Ну, старуха, давай еще вина!

— Прежде давай деньги, отвѣчала старуха, не вставая.

— Деньги? сказалъ онъ съ натянутымъ смѣхомъ: — да у меня больше нѣтъ; давай въ кредитъ.

— Какой тебѣ кредитъ, ты и такъ ужъ много задолжалъ.

— Ахъ ты старая вѣдьма! да я тебя...

— Послушай, не заводи драки; вѣдь твои дѣла несомнѣнно-хороши: слѣдствіе объ убитомъ старикѣ не кончилось, еще можешь попасться, сказалъ курившій сигару.

— Не боюсь я! отвѣчалъ лакей, однакожь, тотчасъ же перемѣнивъ тонъ, прибавилъ: — ну, старуха, не хочешь давать въ кредитъ, возьми въ залогъ часы.

Онъ пошелъ къ прилавку и мимоходомъ, нагнувшись, хотѣлъ поцаловать младшую изъ двѣухекъ. Она едва могла оттолкнуть его руку

и шепнула своей подругѣ : « Уйдемъ отсюда скорѣе, Нанетта, они обидятъ насъ ».

— Есть у тебя деньги? спросила старшая.

— Еще остается два гульдена.

— Такъ можно взять здѣсь комнату.

Съ этими словами брюнетка подошла къ старухѣ и что-то сказала ей. Старуха подала Нанеттѣ ключъ и свѣчку. Взявъ арфу и гитару, дѣвушки пошли сначала по корридору, потомъ по лѣстницѣ внизъ, потомъ по другому корридору и наконецъ дошли до своего номера, довольно-большой комнаты, единственною мѣбелю которой была кровать съ тюфякомъ, безъ простыни, и два-три стула.

— Неслишкомъ-уютно, сказала старшая изъ дѣвушекъ : — но мнѣ такія помѣщенія не въ диковинку. А тебѣ ?

— Здѣсь страшно, отвѣчала блондинка : — я никогда не ночевала въ такихъ пустыхъ комнатахъ.

— Милая моя, со мною, пожалуйста, не жеманься, притворяться передо мною ненужно, я дѣвушка простая, не взыскательная. И вотъ тебѣ доказательство : я тебя не допрашивала, какъ и зачѣмъ ты попала ко мнѣ и отчего ты такъ дрожала.

— Вы меня спасли, благодарю васъ. Но безопасны ли мы здѣсь ?

— Безопасны ли ? это смотря по тому, о какихъ опасностяхъ ты говоришь. Скажи же мнѣ, кто ты такая? Вѣдь ты еще ничего не сказывала мнѣ. Я тебѣ дала гитару и взяла тебя съ собою, потому-что жаль было тебя. Ты вся дрожала и умоляла дать тебѣ приютъ. Вѣрно, ты бѣжала откуда-нибудь ?

— Бѣжала, отвѣчала младшая дѣвушка смущеннымъ голосомъ.

— Ты, кажется, прозябла? ты дрожишь? Прилягъ на постель, прикройся, и когда согрѣешься, тогда и рассказывай.

— Какъ же мы запремъ дверь? замка нѣтъ, боязливо сказала младшая дѣвушка.

— Въ этихъ комнатахъ нѣтъ замковъ и запирается нельзя.

— Боже мой, какъ это страшно !

— Страшно или нѣтъ, нечего дѣлать, ложись, отвѣчала Нанетта и, накрывъ свою подругу толстымъ и грязнымъ одеяломъ, придвинула къ постели свой стулъ такъ, что могла положить голову на подушку.— Ну, рассказывай же, какими судьбами попала ты въ пустой сарай, гдѣ я вчера ночевала ?

— Я прибѣжала туда изъ сосѣдняго городка Наумбурга. Я осталась сиротою по десятому году и жила у тетки, которая выучила меня шить

и стряпать кушанье, такъ-что на шестнадцатомъ году я могла поступить въ няньки къ одному купцу, у котораго была жена, ужь немолодая, и маленькая дочь.

— Неочень же предусмотрительна была твоя тетка, замѣтила слушательница.

— Но вѣдь онъ во всемъ городѣ пользовался славой человѣка самыхъ строгихъ правилъ.

— Такіе-то лицезѣры бываютъ часто самыми гадкими людьми.

— Да, онъ былъ дурной человѣкъ; но я этого не понимала и долго не догадывалась, чего онъ отъ меня хочетъ. Я очень любила его маленькую дочку и онъ всегда любовался, какъ я за нею ухаживала. Жена у него была больная и каждое лѣто ѣздила на воды...

— Значить, когда пришло лѣто, ты осталась одна съ нимъ въ домѣ?

— Да. Сначала я не понимала, какія у него мысли. Теперь я вижу, что онъ давно нѣтъ на умѣ что-то недоброе. На другой вечеръ послѣ того, какъ жена уѣхала, онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату...

— Ну, дальше хоть и не рассказывай: исторія известная. Гдѣ жь, въ-самомъ-дѣлѣ, такой слабой дѣвушкѣ, какъ ты, противиться...

— Нѣтъ, я прогнала его; но онъ, уходя, сказалъ, что даетъ мнѣ полчаса времени на размышленіе; что если черезъ полчаса моя дверь не отворится для него, то мнѣ будетъ плохо. Я молилась всю ночь. Поутру онъ не показалъ мнѣ и виду, что помнитъ о вчерашнемъ. Я повела гулять его дочь. А когда воротилась, онъ съ кухаркою былъ ужь въ моей комнатѣ, заставилъ меня отпереть мой сундукъ, и тамъ нашлось множество вещей, которыя были не мои и которыхъ я туда не клала. Онъ сказалъ, что прогоняетъ меня изъ дому, какъ воровку.

Брюнетка, пристально посматрѣвъ на дѣвушку, задумчиво проговорила:

— Ну да, ты не лжешь. Съ моею сестрою было почти то же самое, или еще хуже: онъ пригрозилъ ей полиціей, тюрьмою—и бѣдняжка покорилась ему.

— Онъ сказалъ мнѣ, что не хочетъ подвергать меня позору и велѣлъ мнѣ уйдти изъ города, потому-что, когда узнаетъ полиція, то меня накажутъ за воровство. Я пошла изъ города, какъ сумасшедшая, не знала куда мнѣ дѣться, и все шла цѣлый день, пока вошла, чтобъ хоть немного отдохнуть, въ тотъ сарай, гдѣ была ты.

— Въ твоей исторіи нѣтъ ничего особеннаго; такія вещи случаются нерѣдко. Надобно и мнѣ рассказать тебѣ свои приключенія, сказала аристократка. — Когда умеръ батюшка, насъ осталось четыре сестры; шатую, о которой я ужь говорила, не считаю: она была тогда

пристроена, хоть послѣ и умерла чуть не на улицѣ. Мы всѣ четыре были дѣвушки красивыя; я съ той поры совсѣмъ перемѣнилась, стало-быть, могу сказать это безъ хвастовства. Мы пришли къ тѣткѣ совѣтоваться, какъ намъ быть. Она говоритъ: «Работайте, безъ хлѣба не будете, только держите себя честно». Я поступила къ фабриканту. Скоро до меня дошли о немъ дурные слухи и я приготовилась дать отпоръ. И правду сказать, онъ съѣлъ отъ меня двѣ пощечины; только, разумѣется, мнѣ послѣ этого не приходилось оставаться на фабрикѣ. Что жъ ты думаешь, сначала мнѣ показалось, будто все къ лучшему; нашелся добрый человекъ, который сказалъ, что у меня хорошій голосъ и что я могу опредѣлиться въ хористки на театр. Надобно тебѣ сказать, что пѣть я немного умѣла. Я опредѣлилась. Только, черезъ мѣсяцъ я узнала, что и здѣсь то же самое, что на фабрикѣ. Долго я боролась, наконецъ выбилась изъ силъ и стала не лучше другихъ. Затѣмъ содержатель театра обанкрутился, и мы всѣ остались ни при чемъ. Жалованье за два мѣсяца было намъ не уплачено. Я взяла въ уплату арфу — и вотъ промышляю, какъ видишь; теперь я ко всему привыкла, кажется, и живу весело. А все-таки иной разъ куда-какъ тяжело бываетъ! Да и умереть придется гдѣ-нибудь подъ заборомъ.

Обѣ дѣвушки долго молчали, думая каждая о своемъ.

— Что жъ мнѣ теперь дѣлать? сказала съ отчаяніемъ младшая.

— Ты говоришь, что ты честная дѣвушка; въ такомъ случаѣ, рѣшительно не знаю; развѣ только одно: оставайся со мною и броди по улицамъ и трактирамъ; я тебя выучу брать на гитарѣ нѣсколько аккордовъ, выучу пѣть три-четыре романса и ты будешь помогать мнѣ; а если ты отстанешь отъ меня, то попадешь на самую дурную дорогу. Ты на меня что-то странно поглядѣла. Тебѣ, вѣрно, кажется, что хуже той дороги, по которой я иду, и не бываетъ? Ошибаешься, моя милая. Тѣ ли еще бываетъ на свѣтѣ, когда дѣвушка остается одна, безъ всякой защиты. Я тебѣ зла не желаю, а иной разъ могу и защитить. Такъ оставайся же со мною, чтобъ не было тебѣ хуже. А потомъ, когда поосмотримся, можно будетъ что-нибудь придумать; а теперь пора спать.

Она кое-какъ улеглась подлѣ своей подруги и скоро заснула. Но робкая блондинка не могла принудить себя сомкнуть глаза: ей зашуганному воображенію представлялись всевозможные ужасы и время показалось ей безконечно-длинно. Но вотъ бьютъ часы. Только десять; Боже, ночь только еще начинается! Что будетъ со мною въ этой комнатѣ, безъ замка, въ домѣ, наполненномъ людьми, непривычными це-

ремониться? думала она. Въ корридорѣ послышались тихіе шаги. Тутъ молодая дѣвушка не могла побѣдить своего трепета и разбудила подругу:

— Слушай, къ намъ кто-то крадется! шепнула она.

— Это женскіе шаги, отвѣчала равнодушнымъ тономъ арестка, прислушавшись: — ничего, не бойся.

Дверь заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ и полоса свѣта озарила комнату.

— Нанетта, ты здѣсь? спросилъ охрипый голосъ.

— Ахъ, это ты! отвѣчала арестка. — Не бойся, это старуха буетчица, шепнула она дѣвущкѣ. — Ну, зачѣмъ ты пожаловала къ намъ? продолжала она, обращаясь къ старухѣ.

— Онъ самъ здѣсь и хочеть поговорить съ твоею подругою.

— Что ты, старуха, съ ума сошла? изумленнымъ голосомъ сказала арестка: — моя подруга только съ нынѣшняго дня въ этомъ городѣ и никто здѣсь ея не знаетъ.

— Ну, видно, онъ знаетъ, холодно отвѣчала старуха. — Одѣвайся же, красавица, да иди со мною.

— Кто это зоветъ меня и что со мною будетъ? Я боюсь; спаси меня! шептала блондинка.

— Кто онъ — узнаешь сама, когда будетъ нужно; ослушаться его невозможно. Иди скорѣе. Увидишь, что и бояться нечего, если ни въ чемъ не виновата передъ нимъ; а если виновата, отъ него не уйдешь. Ступай же за старухою. Арестка оправила волоса и платье своей подруги, и почти насильно вывела ее за руку въ корридоръ.

Колѣни несчастной дѣвушки дрожали; она часто должна была опираться объ стѣну, чтобъ не упасть; старуха поминутно останавливалась, дожидаясь ея.

— Не бойся, милая, твердила она: — вѣрно, ничего дурнаго онъ тебѣ не сдѣлаетъ; вѣдь ты первый разъ въ нашемъ домѣ, ни съ кѣмъ не знакома?

— Ни съ кѣмъ, ни съ кѣмъ, повторяла дѣвушка.

— Ну, такъ нечего и бояться. Только ужъ рѣшительно не понимаю, зачѣмъ ты ему понадобилась.

Долго шли онѣ, то спускаясь, то поднимаясь по лѣстницамъ, изъ одного корридора въ другой, перешли черезъ дворъ, потомъ опять поднялись по лѣстницѣ, прошли черезъ корридоръ и наконецъ остановились передъ дверью. Старуха постучала три раза. Дверь въ тотъ же мигъ отворилась и старуха втолкнула дѣвушку въ ярко-освѣщенную комнату, оставшись сама въ корридорѣ.

Высокій мужчина, ходившій взадъ и впередъ по комнатѣ, указалъ

дѣвушка ступь , потомъ сложилъ руки на груди и началъ снова про-
таживаться, не обращая на нее никакого вниманія.

Тотъ , для свиданія съ которымъ была призвана дѣвушка , занять
былъ другою сценою, въ другой комнатѣ, которая отдѣлялась отъ пер-
вой темнымъ кабинетомъ.

Эта вторая комната , огромная и высокая , была очень-чиста и до-
вольно-хорошо мѣблирована. Окна и двери ея всѣ были закрыты занавѣ-
сами, которыя спускались отъ нозолоченнаго карниза до самаго пола.
Въ одномъ углу былъ огромный каминъ , въ которомъ вывали дрова.
Подлѣ него стоялъ старинный дубовый столъ, украшенный рѣзбою; у
стола старинныя большія кресла. Насупротивъ стола толпились силь-
ные , крѣпкіе люди и въ кругу ихъ стоялъ тотъ лакей , котораго мы
видѣли въ буфетѣ. Онъ былъ блѣденъ и корчился отъ страха.

Глаза всѣхъ были неподвижно устремлены къ столу, за которымъ,
опершись на спинку кресла , стоялъ молодой , стройный человекъ до-
вольно-высокаго роста ; его гибкіе , мускулистые члены изобличали
чрезвычайную физическую силу; онъ былъ въ охотничьемъ костюмѣ и
его сапоги съ длинными шпорами , забрызганные грязью , показывали,
что онъ прискакалъ сюда верхомъ и издалека. За поясомъ у него ви-
сѣлъ кинжалъ въ богатой оправѣ. Лицо этого человека было правильно
и приятно, но смугло, какъ у цыгана, длинные волосы черны, какъ
смоль, и странную противоположность этому составляли его голубые
глаза. Одна рука его, какъ мы сказали, опиралась на спинку кресла,
другая играла рукояткою кинжала.

— Я не люблю осуждать , не выслушавъ оправданья. Говори же,
что можешь сказать въ извиненіе себѣ? Или пусть говорятъ каждый
взъ васъ, кто можетъ чѣмъ-нибудь извинить его, произнесъ онъ своимъ
звучнымъ и пріятнымъ голосомъ.

Лакей сдѣлалъ только нѣсколько движеній челюстями , какъ-бы да-
вился словами или икалъ, и робко озирался на окружавшихъ, которые
отворачивались отъ него.

— Говори же самъ, если не хотятъ другіе.

— Что я могу сказать? произнесъ , наконецъ , жалкимъ голосомъ
лакей : — если я виноватъ въ смерти старика, который не иѣшалъ
намъ, то накажите, но пожалуйте меня хоть сколько-нибудь.

— Если ты хочешь пощады , сказалъ молодой человекъ : — такъ
будь же прямодушенъ ; какъ ты ни подлѣ , я пощажу тебя , если ты
сознаешься въ томъ, чѣмъ еще провинился передъ нами.

— Чѣмъ же я провинился еще? Лопни мои глаза, провались я на
шѣсть, если я чѣмъ виноватъ передъ вами.

— Не иги, говори все, въ чемъ виновать, или тебѣ будетъ дурно, повторилъ строгимъ голосомъ молодой человекъ.

— Чего вы отъ меня требуете? Я ничего не знаю.

— Ничего не знаешь?

— Ничего.

— Такъ буду же говорить я за тебя. Помните ли всѣ вы, здѣсь присутствующіе, что я вамъ уже давно говорилъ объ этомъ человекѣ? Вы упростили меня, иначе его не было бы на свѣтѣ полгода назадъ. Припомните жь это. Сознаешься ли хоть теперь? продолжалъ онъ, обращаясь къ лакею и смягчая голосъ.

— Не въ чемъ сознаваться мнѣ.

— Такъ я долженъ говорить за тебя. Я случайно узналъ, что этотъ человекъ былъ у директора полиціи.

Эти слова подѣйствовали и на обвиненнаго и на всѣхъ присутствовавшихъ, какъ ударъ грома. Они всѣ встрепенулись; онъ затрясся еще болѣе прежняго и поспѣлъ.

— Дѣ, онъ былъ у директора полиціи, объявилъ ему, что знаетъ тайку опасныхъ людей и предлагалъ открыть ихъ пріюты, если ему дадутъ двѣ тысячи гульденовъ; но директоръ, вы знаете, человекъ умный, почелъ его слова неправдоподобными и велѣлъ ему предоставить доказательства. Видите, я забочусь о васъ, потому-что узналъ его продѣлку въ тотъ же день. Ваша жизнь висѣла на волоскѣ — только ваша, потому-что я безопасенъ: вѣдь я не существую въ вашемъ кругу, являюсь только изрѣдка, случайно, чтобъ награждать и наказывать. Дѣ, вы были въ опасности; потому-что секретарь директора не былъ такъ безпеченъ, какъ его почтенный начальникъ, и велѣлъ полицейскому агенту наблюдать за донощикомъ и людьми, съ которыми онъ видится. Но я навелъ его на другіе слѣды, и онъ теперь слѣдитъ за людьми неприкосновенными къ нашимъ дѣламъ. — Что, правду я сказалъ? сознаешься теперь?

— Это ошибка! Пощадите меня, я этого не дѣлалъ, вы ошиблись.

Видѣто отвѣта, молодой человекъ вынулъ изъ кармана лѣсть бумаги, развернулъ его и спокойно сказалъ: «Эта бумага тебѣ знакома?» Явлей опустилъ голову.

— Взгляните, его ли рукою это писано, продолжалъ онъ, отдавая бумагу другимъ.

— Дѣ, его рука, сказали всѣ.

— Вы помните, какъ наказываются подобные люди. Возьмите жь его.

Напрасны были крики, рыданія, сопротивленіе осужденнаго: его вывели въ дверь, противоположную той, за которою была комната, гдѣ

дождалась рѣшенія свой участи блондинка. Всѣ ушли. Въ комнатѣ остался только молодой человѣкъ. Черезъ минуту былъ введенъ къ нему другой изъ видѣнныхъ нами въ буфетѣ гостей, черноволосый мужчина съ добродушнымъ и красивымъ лицомъ.

— Что скажешь, Йозефъ? Попалъ въ бѣду? Я тебѣ всегда говорилъ, что горячность—твой врагъ. Какъ же можно, сейчасъ за ружье да и стрѣлять?

— Что жъ было дѣлать? Онъ самъ былъ виноватъ. Вѣдь я любилъ жену. Опредѣлился я къ нему лѣсовщикомъ, хотѣлъ бросить всѣ эти дѣла, жить честнымъ трудомъ, и жилъ, благодаря вашей милости: вы мнѣ и на обзаведеніе дали и сами меня одобрили, когда увидѣли, что я въ-самомъ-дѣлѣ честно жить хочу. Да сталъ онъ меня посылать въ другіе участки; по цѣлымъ недѣлямъ я жены не видалъ. А тутъ слухи до меня дошли... Разъ иду домой, и самъ увидѣлъ: выходитъ онъ изъ моей избы. Какъ тутъ удержалъ? Ружье было заряжено... ну, я и выстрѣлилъ. Разумѣется, промаху не далъ. Теперь опять негдѣ мнѣ искать убѣжища, кромѣ какъ у васъ.

— Твое дѣло устроено. Ты показанъ ухажившимъ въ Америку. Вотъ тебѣ новый паспортъ, теперь ты совершенно-другое лицо: Францъ Карнеръ; мѣсто тебѣ также приискано. Ступай съ этимъ письмомъ къ барону Бранду, онъ тебя рекомендовалъ уже молодому графу Форбаху.

— Благодарю васъ. Какія же мои обязанности?

— Ты долженъ присматриваться ко всему и доносить обо всемъ. Но въ-особенности долженъ ты подружиться съ прислугою въ домѣ стараго графа и разузнавать, что тамъ дѣлается. Прощай. Завтра рано поутру приготовить приличное платье для него! продолжалъ молодой человѣкъ, обернувшись къ дверямъ въ сосѣднюю комнату. — Позовите сюда дѣвушку, которая дожидается въ залѣ.

Черноволосый человѣкъ вышелъ и была введена дѣвушка, все еще блѣдная и не совсѣмъ-оправившаяся отъ испуга.

— Подойди сюда, не бойся ничего, ласково сказалъ молодой человѣкъ. Отвѣчай на мои вопросы. Правда ли, что ты только нынче встрѣтилась съ арфисткою, и прежде не бывала никогда въ этомъ городѣ? Правда ли, что ты убѣжала изъ города, гдѣ жила, потому-что была уличена въ кражѣ?

— Все правда; но я не воровка; меня обвинили несправедливо.

— Знаю; но все-равно, ты осталась безъ пріюта, безъ куска хлѣба. У тебя только и покровителей, что арфистка Нанетта. Правится тебѣ ея судьба? А если ты останешься съ нею, будешь дѣлать то же, что она.

Бѣдная дѣвушка зарыдала.

— Если тебѣ тяжело и подумать объ этомъ, тебѣ придется: опредѣлять тебя въ хорошее, богатое семейство, съ порядочнымъ жалованьемъ. Въдъ ты умѣешь говорить пофранцузски? Тебя опредѣлятъ горничною къ знатной дамѣ. Завтра тебѣ дадутъ хорошее платье, адресъ этой дамы и записку о томъ, что отъ тебя требуется. Въ этой запискѣ будетъ сказано, подъ какимъ именемъ ты должна къ ней явиться, потому-что прежнее твое имя замарано этой исторіей о воровствѣ. Тамъ будетъ также означено, въ какой домъ и къ какому господину должна ты являться каждую недѣлю, чтобъ отвѣчать на его вопросы, напримѣръ о томъ, гдѣ бываетъ твоя новая госпожа, съ кѣмъ ведетъ переписку, кто бываетъ у ней, и тому подобное. Этотъ господинъ будетъ иногда давать тебѣ порученія: ты ихъ должна выполнять. Согласна?

Бѣдная дѣвушка вздохнула и ничего не отвѣчала.

— Эти условія тебѣ тяжелы? Но услугъ даромъ никто не оказываетъ. Для тебя дѣлаютъ много, отъ тебя требуютъ пустяковъ. Но главное, тебѣ остается одинъ выборъ: или принять мои условія, или жить съ аресткою и раздѣлять ея жалкую судьбу. Говори же, что ты выбираешь? Хочешь возвратиться къ аресткѣ?

— О, нѣтъ, нѣтъ!

— Значитъ, согласна на мои условія. Иди же въ эту дверь, тамъ найдешь ты женщину, которая дастъ тебѣ на ночь хорошую и безопасную комнату, а завтра поутру одѣнетъ тебя и ты отправишься по этому адресу.

Дѣвушка ушла. Молодой человѣкъ надѣлъ плащъ и шляпу съ широкими полями, придавилъ пружину въ стѣнѣ у каминна и скрылся въ растворившуюся дверь.

V.

Бухгалтеръ.

Въ домѣ книгопродавца Блаффера, кромѣ прилично-убранныхъ комнатъ перваго этажа, гдѣ помѣщался магазинъ и жилъ самъ хозяинъ, было еще нѣсколько комнатъ во второмъ этажѣ. Одну изъ нихъ занималъ бухгалтеръ, другую—мальчикъ, служившій при магазинѣ, третью—недавно-нанятая кухарка.

Бухгалтеръ лежалъ въ своей комнатѣ на диванѣ, закинувъ руки подъ голову. Онъ, казалось, былъ въ раздраженномъ состояніи духа,

мрачно смотрѣлъ въ потолокъ и угрюмо молчалъ, курия наспросу. Мальчикъ сидѣлъ подлѣ него, уныло повѣсивъ носъ.

— Стало-быть, все кончено, г. Бейль? сказалъ онъ, послѣ долгой паузы.

— Тебѣ тутъ мало убытку, юноша, отвѣчалъ Бейль: — на мое мѣсто скоро сѣднется новый конторщикъ, который, пожалуй, будетъ къ тебѣ ласковѣй, нежели я.

— Ласковѣй онъ, положимъ, будетъ, но не будетъ меня такъ любить, какъ вы. Да скажите, что такое случилось между вами и хозяиномъ?

— Какъ бы тебѣ растолковать это, птенецъ? Вѣдь ты глупъ, ничего не понимаешь. Однако здѣсь жарко, перейдемъ въ другую комнату, я тебѣ постараюсь рассказать пояснѣе.

— Такъ идти въ мою комнату?

— Нѣтъ, въ другую.

— Гдѣ жила моя сестра?

— Ну да, вотъ какой умица: сообразилъ!

Съ этими словами Бейль привсталъ и поправилъ нагорѣвшую свѣчу. Онъ стоялъ лицомъ къ свѣту, и теперь было видно, какъ блѣдно и изнурено было лицо его. Черные длинные волосы, о которыхъ всегда такъ заботился Бейль, въ беспорядкѣ нависли на глаза его, горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ.

— Ну, идемъ же, сказалъ онъ мальчику.

Они перешли въ сосѣднюю комнату, почти совершенно-пустую. Бейль сѣлъ на ящикъ для упаковки книгъ, мальчикъ сталъ подлѣ него, пристально смотря ему въ глаза и дожидаясь разсказа.

— Боже мой! Вѣдь надобно же человѣку родиться такимъ дуракомъ! сердито проговорилъ Бейль: — ну можно ли такъ привязаться къ дѣвушкѣ, которая не хочетъ и глядѣть на глупца! Да этому и вѣрить нельзя.

— Нѣтъ, я этому вѣрю, робко сказалъ мальчикъ.

— Ну, чему же ты вѣришь, юноша?

— Тому, что вы любите сестру мою.

— Да что толку въ моей любви? Хозяинъ велѣлъ смазливой дѣвушкѣ перейти жить внизъ; онъ, видишь ли, хочетъ доставить ей безбѣдную жизнь — понялъ? А глупецъ, напримѣръ, хоть бы я, который только тѣмъ и жилъ, что любовался на эту дѣвушку, думалъ какъ бы жениться на ней, этотъ глупецъ осмѣливается замѣтить, что нехорошо такъ поступать съ бѣдною дѣвушкой. Ну, конечно, ему велѣтъ убираться

изъ дома, куда самъ знаетъ. Ну, понялъ, Августъ? Да, чувствую теперь, что съ ума сойти не трудная штука!

— Вы говорите ужасно-сердито, сказалъ Августъ.

— Не понялъ, такъ погоди, штенецъ, все поймешь, когда при-смотришься къ тому, что дѣлается на свѣтѣ.

Бейль замолчалъ, погрузившись въ глубокое, тяжелое раздумье.

— Послушай, Августъ, сказалъ онъ наконецъ тихо, безъ всякаго отбѣга всегдашней насмѣшки въ голосъ: — я хотѣлъ уйти отсюда завтра поутру; но теперь чувствую, что не могу ночевать съ нею и съ нимъ подъ одною кровлею. Я сейчасъ уйду отсюда.

— Куда жь вы пойдете въ такую темную ночь?

— Не беспокойся: я найду себѣ убѣжище отъ всякихъ непріятностей.

— Да не-уже-ли въ-самомъ-дѣлѣ вы уйдете сейчасъ? Вѣдь ужъ ночь и, посмотрите, какая темная.

— Нужды нѣтъ. Отправляюсь я безъ долгихъ сборовъ, какъ видишь. Богатства мои остаются здѣсь: наслѣдуй ихъ, штенецъ. Жаль только, что наслѣдство неслишкомъ-велико: двѣ пары старыхъ сапоговъ да поношеное бѣлье. Были у меня часы, да заложены; если неберешь денегъ, выкупи ихъ; а вотъ, пожалуйста, передай сестрѣ—пусть носить на память обо мнѣ. Ну, прости же, мой милый. Вѣдь я тебя въ-самомъ-дѣлѣ любилъ: ты похожъ на нее. Обними меня, поцалуй и прости.

Онъ поцаловалъ въ лобъ мальчика, испуганнаго странными его словами, и пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

Все въ домѣ было тихо. Но едва дотелъ Бейль до половины лѣстницы, какъ остановился и прижался къ стѣнѣ, увидѣвъ свѣтъ въ корридорѣ нижняго этажа. Блафферъ, съ свѣчю въ рукахъ, возвращался въ свою комнату. Его длинное худощавое лицо улыбалось. Когда дверь комнаты, въ которой была спальня книгопродавца, затворилась за нимъ, Бейль осторожно сошелъ внизъ и неслышными шагами пробрался къ комнатѣ, изъ которой вышелъ хозяинъ: туда, какъ зналъ Бейль, была переведена Мари, сестра Августа. Дѣвушка сидѣла и плакала, закрывъ лицо руками.

— Такъ, я зналъ, что вы здѣсь, тихо сказалъ Бейль.

— Не упрекайте меня, рыдая сказала она.

— Развѣ негдѣ было ужъ искать убѣжища?

— Я давно искала себѣ мѣста, но гдѣ найти? Кто возьметъ служанку безъ рекомендаціи?

— А по-моему, можно было бы найти убѣжище отъ его преслѣдованій.

— Гдѣ же?

— Не дальше, какъ въ каналѣ. А если ты боялась одна искать этого убѣжища, я былъ бы тебѣ товарищемъ. Одно только пожатіе руки твоей въ послѣднюю минуту—и я былъ бы счастливъ, умирая вмѣстѣ съ тобою. Но, поздно теперь говорить объ этомъ. Я пришелъ проститься съ вами, Мари. Простите же, Мари; дай Богъ, чтобъ ваша участь была счастливѣе, нежели была до-сихъ-поръ. Въ послѣдній разъ дайте мнѣ вашу руку, и онъ схватилъ и осыпалъ поцалуями руку ея. — Простите; вспоминайте иногда обо мнѣ. Въ васъ было все мое счастье; оно погибло. Простите же, простите, Мари...

И онъ поспѣшными шагами ушелъ. Она упала на постель, рыдая.

Черезъ двѣ минуты молодой человекъ стоялъ ужъ у канала. Мѣсто это было пустынно, особенно теперь, въ темную, холодную ночь. Онъ оперся о рѣшетку канала и устремилъ глаза въ глубину, гдѣ плескала вода о камни набережной, и тихо звали его къ себѣ плещущія волны, обѣщая покой и отдыхъ... Вся прошедшая жизнь припомнилась ему въ послѣдній часъ... Грустна и тяжела была эта жизнь, да пора разстаться съ нею... Онъ оглянулся, чтобъ проститься съ міромъ.

Въ двухъ шагахъ отъ себя увидѣлъ онъ изумленными глазами человѣческую фигуру, которая пристально смотрѣла на него. Онъ невольно содрогнулся.

— Долго вы заставляете ждать! насмѣшливо сказала эта фигура:— я жду: какъ-то броситесь въ воду.

— Кто вы? Зачѣмъ вы здѣсь? проговорилъ смущенный Бейль.

— Кто я — вамъ нѣтъ нужды знать; довольно того, что я люблю смотрѣть на человѣческія глупости. Ну, бросайтесь же скорѣе!

— Уйдите отсюда, наглець! Вы издѣваетесь надъ несчастіемъ.

— Не надъ несчастіемъ, а надъ глупостью. Скажите, что вамъ за охота топиться?

— Вѣрно, у меня есть причины быть недовольною жизнью, если я рѣшился разстаться съ нею.

— Очень можетъ-быть; но бросаться въ канаву все-таки глупо. И вотъ вамъ доказательство, что вы сами понимаете, какъ это глупо: вѣдь я васъ не держу, а при мнѣ вы не хотите топиться, значить, вы сами стыдитесь своего намѣренія. Предупреждаю же васъ, что не уйду отсюда, пока не уйдете вы; предупреждаю также, что буду слѣдить за вами. Идите же, вы видите, что теперь топиться вамъ неудобно на моихъ глазахъ.

Въ голосѣ этого незнакомца была такая холодная повелительность,

его глаза такъ неподвижно устремлены были на бѣднаго, разстроеннаго самоубійцу, что онъ совершенно упалъ духомъ, не находилъ въ себѣ силы противиться ему и уныло пошелъ по улицѣ, ведущей отъ канала въ центръ города.

VI.

Вечеръ наканунѣ Рождества.

Комната почтенной вдовы Вундель едва-едва освѣщена тусклымъ огаркомъ тоненькой свѣчи; въ комнатѣ холодно: печь была не топлена весь день; столъ покрытъ грубою и ветхою скатертью; вмѣсто обыкновеннаго сытнаго ужина, стоитъ на немъ только полуразбитая миса съ варенымъ картофелемъ. Чтò это значить? Уже-ли почтенная вдова терпитъ горькую нужду? Нѣтъ; вслушаемся въ ея разговоръ съ дочерью: онъ разсѣетъ столь прискорбное предположеніе.

— Ну, Эмилія, говоритъ она старшей дочери:— клади поскорѣ дрова въ печь, сбрось эти лохмотья и гадкій картофель: довольно мы намерзлись, довольно насидѣлись съ кислымъ лицомъ для стараго дурака, теперь можно будетъ и покутить! Да, надобно поскорѣ накрывать на столъ: старуха Беккеръ, вѣрно, сейчасъ прійдетъ и надобно поужинать съ нею, пока не воротилась твоя глупая сестрица, при которой мы все связаны. А впрочемъ, спасибо старому дураку: въдѣ четыре гульдена на полу не поднимешь.

«Старый дуракъ», которому благодарна г-жа Вундель, членъ общества вспоможенія бѣднымъ, который нѣсколько разъ въ годъ посѣщаетъ, въ числѣ другихъ неимущихъ, и почтенную вдову, получающую пособіе отъ благотворительнаго общества. Его визиты дѣлаются всегда въ извѣстное время, и г-жа Вундель каждый разъ дѣлаетъ въ своемъ домохозяйствѣ необходимыя измѣненія на тотъ день, чтобъ явиться вполнѣ бѣдною и нуждающеюся въ пособіи. И лишь только онъ ушелъ изъ комнаты, какъ г-жа Вундель отдала старшей своей дочери приказанія, намъ слышанныя.

Жарко запылала печь; на столѣ явилась хорошая скатерть, прекрасная закуска и три стакана.

— А гдѣ жъ вино, матушка? спросила Эмилія:— надобно сходить купить его.

— Не безпокойся: наша гостыя принесетъ такую вещицу, которая повкуснѣ вина, съ довольною улыбкою сказала мать.

Въ-самомъ-дѣлѣ фрау Беккеръ, вошедшая черезъ нѣсколько минутъ, вынула изъ-подъ теплой мантильи бутылку съ ароматическою эссен-

цією для пунша; кипятокъ былъ готовъ и, послѣ обыкновенныхъ лобызаній, милая гостыя расположилась за столомъ съ радужными хозяйками.

— А вѣдь я къ вамъ не вовсе безъ дѣла, сказала фрау Беккеръ, когда крѣпкій пуншъ расположилъ честную компанію къ откровенности: — есть у меня одно хорошее дѣльце, да не знаю, какъ его устроить. Хочу посоветоваться съ вами, фрау Вундель, какъ доброй моей пріятельницей.

— Что жъ такое? съ любопытствомъ спросила вдова.

— Видите ли, есть нѣкто Штайгеръ; онъ, кажется, занимается сочиненіями...

— Знаю, знаю Штайгера!

— Знаете? поворила Беккеръ съ притворнымъ изумленіемъ.

— Какъ не знать! онъ живетъ съ нами изъ дверей въ двери.

— Ахъ, какъ это хорошо! Ну, такъ у него есть дочь, танцовщица.

— Не говорите! Прегадкая дѣвчонка! Поднимаетъ носъ такъ, что ни на что не похоже!

— Значитъ, завела себѣ богатаго любезнаго?

— Кѣтъ, прежде мы не замѣчали. Недавно только сталъ ходить, будто-бы къ отцу ея... ну, да мы понимаемъ эти штуки—молодой человекъ и, по всѣмъ признакамъ, не бѣдный. Это, знаете, не мое дѣло: я не люблю вѣшиваться въ чужія дѣла, не сплетница какая-нибудь; но случалось, вовсе не-хотя, видѣть, какъ онъ прощается съ нею на порогѣ: не десять, а развѣ сто разъ подаетъ у нея руку — такая безстыдная!

— Ну, если только руку подаетъ, такъ плоха надежда на мое дѣло. Я прележась, сомнѣвалась только, какъ до нея добраться, а теперь вижу, что она, пожалуй, прогонитъ. Жаль! была бы выгода.

— Безъ денегъ ничего нельзя сдѣлать, сказала Вундель, подумавъ нѣсколько минутъ:—а если за деньгами не будетъ остановки, я для васъ, по дружбѣ, готова хлопотать.

— Кто мнѣ поручилъ эту комиссію, не пожалѣть двухъ золотыхъ.

— Хорошо; но, кромѣ-того, впередъ, на расходы, нужно талера четыре. Если они теперь будутъ у меня въ рукахъ, я завтра же начну хлопотать, и черезъ два-три дня скажу вамъ: «все готово; во столько-то часовъ присылайте карету за нашею красавицею» — согласны?

Фрау Беккеръ положила на столъ четыре талера, допила свой стаканъ и стала собираться домой.

— Матушка, ты взялась за дѣло, котораго не сдѣлаешь, сказала Эмилиа, когда гостя ушла.

— Не бойся, моя милая, сдѣлаю. Ты еще молода, недогадлива, отъчала почтенная вдова. — Знаешь Луизу, которая работаетъ въ модномъ магазинѣ, на углу Крѣпостной Улицы?

— Знаю; ну такъ что жь?

— Ахъ, ты, глупая! все еще не поняла? Да вѣдь она очень-похожа на Клару и ростомъ, и волосами, даже и лицомъ. Я посажу ее въ карету, время назначу поздно вечеромъ — вотъ тебѣ и все! Не разберутъ!

Пока этотъ дружескій разговоръ происходилъ у вдовы Вундель, Штайгеры съ нетерпѣніемъ дожидались Артура, обѣщавшагося провести у нихъ вечеръ наканунѣ Рождества, потому-что они приготовили маленькую ёлку. Блафферъ теперь платилъ старику втрое-больше прежняго, и Штайгеры могли сберечь нѣсколько талеровъ, чтобъ доставить удовольствіе дѣтямъ. Было ужъ около десяти часовъ, и дѣти, несмотря на все любопытство, возбужденное въ нихъ ёлкою, едва удерживались отъ дремоты, а живописецъ все еще не приходилъ. Но вотъ послышались на гѣстяницѣ торопливые шаги. — «Это онъ!» сказала про себя Клара.

Артуръ вошелъ въ комнату. «Ахъ, какъ долго мы тебя ждали!» закричалъ маленькій Карлъ, бросаясь обнимать его.

— Да, ужъ поздно, сказала Клара.

— Мы думали, что вамъ нельзя будетъ прійти, добавилъ отецъ.

— Я былъ задержанъ дома и съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты своего освобожденія отъ скучнаго общества. Извините меня, что я заставлялъ дожидаться, сказалъ живописецъ.

Клара ушла въ другую комнату, гдѣ была приготовлена ёлка, чтобъ зажечь свѣчи. Артуръ пошелъ въ слѣдъ за нею, кивнувъ головою Штайгеру и показавъ рукою на свои карманы, наполненные игрушками.

— Вы сердитесь на меня, Клара? сказалъ онъ дѣвушка, взявъ ее руку.

— Вы знаете, что этого не можетъ быть. Но я тороплюсь... и рука ее дрожала: — не мѣшайте мнѣ. Мы поговоримъ съ вами послѣ. Вѣтъ теперь все готово. Идите же и не оглядывайтесь; приведите дѣтей.

— Да намъ нужно поговорить. Но что значить: «не оглядывайтесь?» — развѣ и для меня здѣсь приготовлено что-нибудь?

— Увидимъ, увидимъ. Идите же за дѣтьми!

Ненужно описывать восторга дѣтей при видѣ ярко-освѣщенной бланки и игрушекъ. Но и старикъ Штайгеръ былъ пріятно изумленъ, найдши для себя, кромѣ теплаго плафрона, приготовленнаго дочерью, ящикъ сигаръ и янтарный мунштукъ, принесенные Артуромъ. — «А вотъ и для васъ. Это работала Клара», сказалъ онъ, показывая молодому человѣку на порт-сигаръ, вышитый золотомъ.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, фрейлейнъ Клара? сказалъ онъ, лѣжно взглянувъ на нее.

Она стояла, грустно опустивъ глаза, печально думая о безразсудности чувства, котораго не могла побѣдить, хотя и понимала всю невозможность счастья, понимала, какая бездна раздѣляетъ ее отъ Артура.

Молодой человѣкъ прочиталъ эти мысли на лицѣ ея, и не въ первый разъ онъ читалъ ихъ на ея лицѣ. «Уже-ли въ-самомъ-дѣлѣ я откажусь отъ ея любви потому только, что она бѣдна, а я богатъ? Нѣтъ, кто уважаетъ меня, долженъ уважать и... жену мою!» и странно показалось ему это слово, какъ-будто онъ и не думалъ о томъ. «Нѣтъ, я не пожертвую нашимъ счастьемъ предубѣжденіямъ! Она будетъ моею женою!» Рѣшимость и восторгъ блеснули въ глазахъ его.

— Какъ прекрасенъ вашъ подарокъ! сказалъ онъ, лѣжно взглянувъ на нее. — Отгадайте, чтѣ я подарю вамъ? Вы приготовили мнѣ сюрпризъ, и я также прошу васъ, закройте на минуту глаза.

— Закрой же глаза, Клара, сказалъ старикъ: — сдѣлай угожденіе г. Эриксену.

— Пожалуй, улыбаясь сказала дѣвушка, и поблѣднѣла, смущенная выразительнымъ тономъ, съ которымъ произнесъ Артуръ свое желаніе.

Живописецъ взялъ ея руку и надѣлъ на дрожащій палецъ перстень. Она думала: «какъ холоденъ, какъ тяжелъ былъ этотъ перстень». Она, въ смущеніи, открыла глаза—Боже мой, на рукѣ ея не перстень, а простое, гладкое золотое кольцо безъ всякихъ украшеній... Чтѣ это значитъ? Съ изумленіемъ взглянулъ на Артура и старикъ Штайгеръ; Клара почувствовала, что голова ея кружится; она должна была опереться рукою о столъ.

Артуръ также былъ блѣденъ и взволнованъ.

— Вы спрашиваете: чтѣ это значитъ? проговорилъ онъ:—это значитъ, что я безпредѣльно люблю Клару и никто, кромѣ Клары, не будетъ моею женою!

Этимъ хотѣли бы мы кончить главу; но должно прибавить, что старикъ Штайгеръ, несмотря на всю свою радость, сказалъ, полагивая

головою, что очень-трудно будетъ Артуру получить отъ своихъ родителей согласіе на этотъ бракъ. Но его сомнѣнія были заглушены радостью молодыхъ людей, которые теперь могли громко говорить о своей любви.

VII.

Ночной гость.

Легко представить себѣ, въ какомъ радостномъ, восторженномъ состояніи духа шелъ домой Артуръ. Онъ не замѣчалъ ни вѣтра, который довольно-сильно дулъ ему въ лицо, ни дождя, который несло на него этимъ вѣтромъ. Голова его такъ горѣла, что онъ снялъ шляпу, чтобъ нѣсколько прохладить ее. «Милый, милый Артуръ!» звучалъ въ ушахъ его голосъ Клары... Счастливецъ подходилъ уже къ двери своего дома, вынулъ ключъ и, поднявъ глаза, чтобъ отыскать замокъ, увидѣлъ человѣка, стоявшаго прислонясь спиною къ столбу фонаря, который былъ въ двухъ шагахъ отъ крыльца. Человѣкъ этотъ, по видимому, чего-то дожидался, и когда Артуръ посмотрѣлъ на него, хотѣлъ спрятаться за столбъ. Но было уже поздно.

— Кто это? И что ему нужно? громко спросилъ Артуръ, подвигаясь къ фонарю.

— Это я, г. Эриксенъ. Вы не узнаете меня? отвѣчалъ человѣкъ, стоявшій у фонаря, также дѣлая шагъ впередъ и выходя на свѣтъ.

— Боже мой! это вы, г. Бейль? Какими судьбами я встрѣчаю васъ здѣсь?

— Я ждалъ васъ, г. Эриксенъ. Ждалъ и вчера, и третьего дня, но каждый разъ, какъ вы подходили, я робѣлъ и прятался; а теперь вы шли съ такою веселою осанкою, напѣвали такимъ веселымъ голосомъ какую-то арію, что я нѣсколько ободрился и, какъ видите, не убѣжалъ.

— Такъ вамъ нужно видѣться со мною? Почему жъ не пришли вы ко мнѣ прямо, днемъ, когда я бываю дома?

— Если вы позволите мнѣ войти съ вами въ комнату и посмотрите на меня при огнѣ, то сами увидите, почему я не могъ прийти днемъ.

— Такъ идите же скорѣй: я чувствую, что на дворѣ холодно, весело сказалъ Артуръ, отпирая дверь, и повелъ бывшаго конторщика въ свою комнату. Въ каминѣ былъ приготовленъ огонь, на столѣ горѣли двѣ свѣчи, и Артуръ, взглянувъ на костюмъ своего спутника,

понять, почему онъ не явился къ нему днемъ. Бейль хотѣлъ говорить, но Артуръ перервалъ его:

— Отложимъ на минуту объясненія; я вижу, что съ вами случилось что-то особенное; но прежде всякихъ разговоровъ мы должны переѣхать платье, потому-что мы оба сильно пострадали отъ дождя. Пойдемъ же въ спальню, тамъ найдется бѣлье и для васъ.

Гость началъ-было отказываться, но Артуръ заставилъ его смѣнить отсырѣвшее отъ дождя платье и черезъ двѣ минуты Бейль сидѣлъ у каминна въ покойномъ шлафроктѣ, съ прекрасною сигарою и стаканомъ кофе.

— Хороша иногда бываетъ жизнь! сказалъ онъ, вздыхая: — тяжело оторваться отъ нея. Теперь я не понимаю, какъ можетъ человѣкъ рѣшиться добровольно прекратить свою жизнь.

— Вы говорите такъ, будто-бы васъ обольщала мысль о самоубійствѣ, сказалъ Артуръ.

— Да, она обольщала меня, и вы не осудите мое отчаянiе, если узнаете, какимъ испытанiямъ я подвергся. И Бейль разсказалъ исторiю того, чтѣ случилось съ нимъ въ послѣднiе дни.

— Кто жъ былъ этотъ загадочный мужчина, остановившiй васъ въ послѣднюю минуту?

— Не знаю до-сихъ-поръ; но мнѣ кажется, что онъ продолжаетъ наблюдать за мною.

— Это мечта вашего воображенiя.

— Нѣтъ; мнѣ казалось нѣсколько разъ, когда я ходилъ по городу ночью, что кто-то повсюду слѣдитъ за мною; мнѣ слышались шаги за спиной. Но оставимъ это. Разстроенный появленiемъ его у канала, я всю ночь бродилъ по улицамъ, и къ утру увидѣлъ, что забрелъ въ отдаленный бѣдный проулокъ, гдѣ живетъ одинъ изъ моихъ земляковъ, нищiй переплетчикъ, которому я оказывалъ нѣкоторыя услуги. Я не зналъ, куда приклонить голову и зашелъ просить пристанища у него.

— Почему жъ вы не пришли въ ту же ночь ко мнѣ? Вы знаете, что я принималъ въ судьбѣ вашей самое живое участiе?

— Что дѣлать! Бѣдняки недоувѣрчивы.

— Продолжайте же вашъ разсказъ.

— Теперь я вижу, что ошибался: вы на самомъ дѣлѣ принимаете во мнѣ участiе, мнѣ здѣсь отрадно и легко; а у переплетчика мнѣ было очень-тяжело, хотя и онъ принималъ меня чрезвычайно-радушно. Я помогалъ ему въ работѣ, какъ умѣлъ. Еслибъ вы посмотрѣли,

какъ живутъ эти бѣдняки! Вся семья въ одной комнатѣ, сырой и мрачной; спать на тюфякахъ изъ гнилой соломы или на ветхомъ дрявомъ коврѣ... У меня въ карманѣ былъ талеръ и мы на него утопали въ роскоши два дня; хозяйка моя съ дѣтьми ѣли до-сыта...

— Я васъ попрошу навѣстить это семейство и передать имъ небольшое пособіе, сказалъ Артуръ. — Но вы утомлены и взволнованы, пора отдохнуть. Постель для васъ готова.

Крѣпко уснулъ бѣдный Бейль, и на другое утро казалось ему сномъ, когда онъ увидѣлъ себя въ чистой, теплой, хорошо-мѣблированной комнатѣ, и на столикѣ ужъ былъ приготовленъ для него стаканъ ароматическаго кофе.

— Знаете ли, что я придумалъ, г. Бейль? сказалъ Артуръ, входя къ своему гостю: — когда вы оправитесь отъ своихъ злоключеній — до того времени, разумеется, вы должны жить здѣсь — когда отдохнете и успокоитесь, я поговорю о васъ батюшкѣ: быть-можетъ, онъ найдетъ для васъ мѣсто въ своей конторѣ. Вѣдь вы прекрасно знаете бухгалтерію; въ этомъ отдавалъ вамъ справедливость самъ Блафферъ. Знаете, это было бы превосходная вещь даже и въ томъ отношеніи, что Блафферъ, приходя въ контору батюшки, сталъ бы кланяться вамъ. Но это послѣ. Теперь надобно позаботиться о вашемъ туалетѣ. А вотъ и парикмахеръ, который приведетъ въ порядокъ ваши ужасные волосы и усы. Я между-тѣмъ нѣсколько поработаю.

Едва Бейль успѣлъ кончить свой туалетъ и посмотреть въ зеркало, причѣмъ остался доволенъ эффектомъ своихъ прекрасныхъ усовъ, какъ у подъѣзда остановилась карета и въ комнату вошли Данквартъ и баронъ фон-Брандъ. Обижавшись нѣсколькими фразами съ Артуромъ, у котораго былъ въ первый разъ, Данквартъ сказалъ:

— Я къ вамъ по важному дѣлу, г. Эриксенъ. Миѣ поручено... но позвольте, у меня записано, я найду эту записку, иначе перепутаю: у меня столько дѣлъ, что невозможно всего припомнить.

Онъ началъ пересматривать листы своей записной книжки. Между-тѣмъ Брандъ спросилъ Артура: «Кто этотъ молодой человѣкъ съ черными усами, котораго мы встрѣтили въ вашей залѣ? У него такое выразительное и пріятное, хотя и не красивое лицо».

— Это г. Бейль, превосходный человѣкъ, которому я искренно желаю добра.

— Кто же онъ такой?

— Теперь нельзя сказать вамъ ничего объ этомъ; но онъ можетъ быть прекраснымъ секретаремъ, бухгалтеромъ, гувернёромъ. Онъ ищетъ себѣ одно изъ этихъ мѣстъ.

— И вы рекомендуете его?

— Да, я ручаюсь за него, какъ за самого себя.

— Хорошо, мы объ этомъ подумаемъ; я нуждаюсь въ честномъ и акуратномъ человѣкѣ. Скажите ему, чтобъ онъ зашелъ ко мнѣ послѣ-завтра, въ семь часовъ вечера. — Данквартъ, нашавъ вы наконецъ замѣтку, которой искали?

— О! давно нашелъ; но мнѣ попалась другая замѣтка, очень-интересная и относящаяся къ вамъ, баронъ; къ-сожалѣнію, она набросана слишкомъ-наскоро, и я не могу теперь хорошенько припомнить ея смысла. У меня написано: «герцогиня спрашивала о баронѣ Брандѣ и о...» дальше я могу разобрать только слово «полиція» или что-то подобное. Это что-нибудь не такъ. Какое отношеніе между вами и полиціею? Впрочемъ, не мѣшайте, я подумаю и вспомню... Ахъ! вспомнилъ: она спрашивала, справедливъ ли слухъ, будто вы женитесь на дочери директора полиціи.

— Какая негѣтность! съ досадою сказалъ Брандъ:—какъ это глупо, что холостой человѣкъ не можетъ показать носа въ домъ, гдѣ есть дѣвица, чтобъ не придумали вздорныхъ исторій о сватовствѣ и тому подобномъ! Увѣрьте герцогиню отъ моего имени, что это неправда.

— Я такъ скажу ей. До свиданія, г. Эриксенъ — и разсѣянный Данквартъ, совершенно забывъ о порученіи, по которому пріѣхалъ, всталъ и хотѣлъ протянуть руку хозяину, но, сообразивъ, что Артуръ просто живописецъ и болѣе ничего, тотчасъ же отдернулъ ее назадъ и, важно поклонившись, пошелъ изъ комнаты виѣстѣ съ Брандомъ.

Но едва сѣлъ онъ въ карету, какъ вспомнилъ о своемъ дѣлѣ, и лакей его, вернувшись въ комнату, сказалъ, что г. Данквартъ покорѣйше проситъ г. Эриксона на минуту выйти къ нему, по важному дѣлу.

Эта неделикатная просьба раздражила молодого человѣка; но, желая до послѣдней крайности исполнить обязанности вѣжливаго хозяина относительно человѣка, который въ первый разъ посѣтилъ его, Артуръ вышелъ на гѣстницу.

— Любезный другъ, сказалъ тономъ прокровительства Данквартъ:— я пріѣзжалъ къ вамъ по слѣдующему дѣлу: вы знаете, какимъ вѣсомъ пользуется при дворѣ герцогиня; она видѣла портретъ молодого графа Форбаха, сдѣланный вами, и находитъ вашъ талантъ заслуживающимъ поощренія, желаетъ, чтобъ вы написали портретъ сына ея. Вы понимаете, какъ лестно подобное порученіе. Но герцогиня желаетъ прежде видѣть еще опытъ вашего искусства въ портретной живописи, и вы

должны, для пробы, сдѣлать портретъ кого-нибудь изъ близко-знакомыхъ ей людей. Вы можете поэтому написать мой портретъ. Я заѣду къ вамъ на-дняхъ съ этой цѣлю.

— Не беспокойтесь завѣзжать ко мнѣ, я сдѣлаю вашъ портретъ на память, сухо сказалъ Артуръ, выведенный изъ терпѣнія высококомѣрнымъ тономъ Данкварта.

— Смотрите же, любезнѣйшій другъ, постарайтесь уловить сходство: отъ этого зависить ваша художническая карьера. До свиданья, любезный другъ.

VIII.

Новый годъ.

Графъ Форбахъ, дежурный флигель-адъютантъ, сидѣлъ у окна въ адъютантской комнатѣ и пристально смотрѣлъ на два окна противоположной части зданія. Лицо его выражало и ожиданіе и досаду. Чувства эти будутъ совершенно понятны, если мы скажемъ, что окна, на которыя смотрѣлъ онъ, были окна комнаты фрейлины Евгении Сальмъ, которая была принята къ двору, съ недѣлю назадъ, и своею красотою произвела чрезвычайно-сильное впечатлѣніе на молодого графа; и если прибавимъ къ этому, что, несмотря на пламенное ожиданіе графа, ни разу не промелькнулъ передъ окнами профиль прекрасной фрейлины.

Наконецъ Форбахъ съ досады отвернулся отъ окна и раскрылъ какую-то книгу, но чрезъ пять минутъ взялъ бинокль и опять принялся за свои наблюденія. Подъ окномъ раздался громкій смѣхъ.

— А, майоръ, это ты! сказалъ, вздрогнувъ, Форбахъ: — если ты идешь усладить скуку моего одиночества, это очень мило съ твоей стороны.

— Но я, быть-можетъ, помѣшаю твоимъ созерцаніямъ... шутя отвѣчалъ майоръ Сальмъ.

— Какимъ созерцаніямъ? Я взялъ бинокль, чтобъ рассмотреть, ты ли это идешь по двору...

— И замѣтилъ меня только тогда, какъ я былъ ужъ подъ-носомъ у тебя! Не проведешь, мой другъ! Я знаю, на чьи окна ты засматриваешься.

— Что жъ, еслибъ и такъ? Все-таки я заслуживаю состраданія, а не насмѣшки. Она ни разу не показывалась у окна.

— И ты думаешь теперь о моей кузинѣ, выражаясь словами Гёте:

Мнѣ до нея, какъ до звѣзды
Небесной, далеко...

— Пожалуйста оставь шутки! Чувство, подѣ влияніемъ котораго те-
перь я нахожусь, глубоко, неизгладимо.

— Вотъ что! Это говоришь ты мнѣ подружески или оѣціально,
какъ родственнику Евгениі фон-Сальмъ?

— Какъ своему другу и какъ ея родственнику. Но ты все шутишь,
а я говорю очень-серьёзно.

— Да, и моя жена замѣтила, что ты влюбленъ въ Евгению. Но я
долженъ предупредить тебя: герцога Альфредъ волочится за мою ку-
зину.

— И она благосклонно принимаетъ его любезности?

— Этого я не скажу. Но, во всякомъ случаѣ, будь остороженъ и
рѣшителенъ. Я буду помогать тебѣ и — пойми всю важность моей
услуги — нынче же доставлю тебѣ случай провести вечеръ съ моею
кузиной. Она будетъ вечеромъ у насъ, и никого не будетъ кромѣ ея.
Съ восьми до десяти часовъ мы, то-есть я, жена и кузина, будемъ
бесѣдовать втроемъ, если ты не будешь четвертымъ въ нашемъ обществѣ.

— О! буду, непременно буду! Ты мой благодѣтель!

— Приятно встрѣчать признательныхъ людей въ нашемъ неблаго-
дарномъ вѣкѣ. До свиданія. Жду тебя въ восемь часовъ.

Мгновенно измѣнилось въ молодомъ человѣкѣ расположеніе духа.
Онъ сидѣлъ погруженный въ самыя сладкія, самыя чистыя мечты;
и если что-нибудь беспокоило его, то развѣ одно только: время тая-
лось безконечно; онъ безпрестанно поглядывалъ на часы: прошло, быть-
можетъ, полчаса со времени разговора съ майоромъ, хотя Форбаху ка-
залось, что онъ ждетъ уже два, три часа, когда вошелъ камерди-
неръ и, подавая ему письмо, сказалъ: «Это принесено вашимъ чело-
вѣкомъ, котораго я оставилъ дожидаться, не будетъ ли какихъ при-
казаній.»

Адресъ былъ написанъ женскою рукою, незнакомою графою; грубо
вырѣзанная печать съ буквою Б. также была неизвѣстна ему. Зѣвая,
молодой человѣкъ началъ читать:

«Ваше сіятельство,

«Невѣроятныхъ трудовъ стоило мнѣ исполнить порученіе, милостиво
«возложенное на меня вашимъ сіятельствомъ. Но я не щадяла ни хло-
«потъ, ни издержекъ, и теперь имѣю счастье уведомить васъ о бла-
«гополучномъ окончаніи этого труднаго дѣла, которымъ будьте довольны
«и ваше сіятельство и вашъ безконечно-уважаемый мною другъ.»

«Нынѣшній день балетъ кончается въ восемь часовъ, а спектакль «будетъ продолжаться до десяти; потому отецъ не будетъ ничего подозревать, если она останется два часа въ пріятномъ обществѣ. Ваше сіятельство будете ждать ее въ каретѣ у театральнаго подъѣзда ровно «въ восемь часовъ».

«Прошу передать вашему высокоуважаемому другу, что я не жалѣла никакихъ трудовъ для исполненія его приказанія

«Ваша преданнѣйшая слуга Э. Бекеръ».

«Какъ быстро переменяются человѣческія мысли!» подумалъ Форбахъ, небрежно бросая письмо на столъ: «какъ недавно еще меня занимала эта прихоть, а теперь... теперь, ни за что въ мірѣ! Даже мысль объ этой шалости кажется мнѣ оскорбительною для моей любви. Надобно послать сказать, что я не могу быть на театральной площади въ нынѣшній вечеръ, и послать старухѣ Бекеръ побольше денегъ, чтобъ развязаться съ этою глупою интригою».

Онъ велѣлъ позвать своего лакея и, запечатавъ нѣсколько банковыхъ билетовъ, сказалъ ему:

— Отнеси этотъ пакетъ по адресу и скажи толстой старухѣ, которой ты долженъ отдать его въ собственныя руки, что нынѣ вечеромъ я занятъ и прошу оставить начатое дѣло.

«Какая легкомысленная дѣвушка эта Клара Штайгеръ!» продолжалъ думать молодой человѣкъ, когда лакей ушелъ: «а еще говорили, что она самыхъ строгихъ правилъ! Ну, разужьется, и я былъ глупъ, что заинтересовался этимъ. Противъ денегъ не устояла, какъ и надобно было ожидать. Обыкновенная, глупая интрига—и больше ничего. Старуха конечно, жетъ, говоря, что ей стоило большихъ трудовъ устроить это дѣло. Но о какомъ «высокоуважаемомъ другѣ моемъ» она упоминаетъ въ письмѣ? Ну, да: объ Эриксеѣ. Вѣдь онъ самъ занесъ мое письмо старухѣ.»

Но вотъ бьетъ пять часовъ: пришло время смѣняться съ дежурства и Форбахъ поскакалъ домой, чтобъ переодѣться къ обѣду: онъ былъ приглашенъ къ герцогинѣ, о которой съ такимъ благоговѣніемъ говорилъ Данквартъ. Герцогиня дѣйствительно пользовалась огромнымъ вѣсомъ при дворѣ, и не явиться къ ея столу, получивъ приглашеніе, было невозможно, хотя Форбахъ съ трепетомъ думалъ о томъ, что обѣдъ у герцогини назначенъ въ шесть часовъ, а въ восемь часовъ Евгенія фон-Сальмъ будетъ въ домѣ своего родственника, гдѣ онъ можетъ говорить съ нею наединѣ.

Но, къ восторгу молодаго человѣка, обѣдъ шелъ очень быстро; вотъ уже послѣднее блюдо; Форбахъ посмотрѣлъ на часы: только семь,

слѣдовательно у него не будетъ потеряно ни одной минуты изъ драгоценнаго времени. — Вдругъ герцогиня сказала съ благосклонною улыбкою:

— Графъ Форбахъ! я васъ прошу быть моимъ партнёромъ въ вистъ. Альфредъ, который обыкновенно бываетъ четвертымъ въ нашей партіи съ г. обергофмаршаломъ и министромъ двора, отказывается, говоря, что ему необходимо быть гдѣ-то по важному дѣлу. Я полагаюсь на вашу любезность.

— Счастливецъ! шепнулъ Форбаху другой адъютантъ, сидѣвшій подлѣ него: — дорого я далъ бы, чтобъ быть на вашемъ мѣстѣ!

Форбахъ не могъ отказаться: отецъ его чрезвычайно дорожилъ добрымъ расположеніемъ герцогини, и теперь съ улыбкою благодарилъ ее за вниманіе къ его сыну. Сыну оставалось только почтительно поклониться.

— Мы не задержимъ васъ долго, любезно прибавила хозяйка: — г. обергофмейстеръ свободенъ только до половины одиннадцатаго; мы съиграемъ не болѣе шести робберовъ.

«Шесть робберовъ! до половины одиннадцатаго! А Евгенія будетъ у майора только до десяти!» думалъ молодой человекъ, проклиная свою несчастную судьбу.

IX.

Марки герцога Альфреда.

Грустно стоялъ у окна Форбахъ, дожидаясь, пока составится партія виста. Онъ видѣлъ, какъ подали къ крыльцу карету молодого герцога Альфреда. Ревнивое предчувствіе заставило его приложить ухо къ стеклу, и онъ ясно слышалъ, какъ лакей, захлопнувъ дверь, закричалъ: «къ майору фон-Сальму!» Какое мученіе для влюбленнаго юноши! Соперникъ заставилъ его сѣсть за ломберный столъ, на свое мѣсто, и будетъ въ душѣ хотеть надъ нимъ, любезничая съ дѣвушкою, за любовь которой Форбахъ съ радостью отдалъ бы все! И не-уже-ли герцогъ Альфредъ питаетъ къ ней серьезное чувство? не-уже-ли онъ ухаживаетъ за нею съ намѣреніемъискать ея руки? Нѣтъ; разстояніе между нимъ и дѣвушкою, у которой нѣтъ ни знатнаго имени, ни огромнаго состоянія, слишкомъ-велико. Онъ просто волочитъ ся отъ скуки, или чтобъ похвастаться побѣдою. Возможно ли такъ легкомысленно, такъ жестоко играть счастіемъ и добрымъ именемъ дѣвушки!

Всѣ эти размысленія были совершенно-справедливы. Форбахъ забывалъ только, что онъ самъ поступалъ подобнымъ образомъ, хотя

бы, напримѣръ, нѣсколько дней назадъ, преслѣдуя бѣдную дѣвушку, имя которой до-сихъ-поръ было такъ же чисто, какъ имя Евгеніи фон-Сальмъ.

Но мысли его были прерваны лакеемъ, который доложилъ, что герцогиня изволяетъ его дожидаться. Тяжело вздохнувъ, Форбахъ отправился къ своему мѣсту за карточнымъ столомъ. Какъ партнѣръ герцогини, онъ сѣлъ на то мѣсто, гдѣ обыкновенно сидѣлъ ея сынъ, его соперникъ. Едва онъ опустился на стулъ, какъ камердинеръ герцога Альфреда протянулъ руку, чтобъ принять со стола марки, приготовленныя для герцога.

— Оставьте марки, съ улыбкою сказала ему герцогиня: — я знаю, что Альфредъ дорожитъ ими; но, передавая свое мѣсто, онъ, конечно, тѣмъ самымъ передалъ и свои марки графу.

Камердинеръ смутился и отошелъ къ дверямъ.

— Ваша свѣтлость, извините мое любопытство, сказалъ обергоф-маршалъ: — развѣ въ этихъ маркахъ есть что-нибудь особенное, что герцогъ такъ бережетъ ихъ?

— Онѣ, вѣроятно, подарены ему на память; но въ нихъ, кажется, нѣтъ ничего особеннаго. Простыя золотыя марки довольно-тонкой работы. Помните, продолжала герцогиня, обращаясь къ министру двора: — у нашего покойнаго гофмейстера, стариннаго селадона, были золотыя марки, въ которыя клалъ онъ сантиментальныя записочки? Это подавало случай къ разнымъ забавнымъ толкамъ. Однако, начинаемъ игру.

У Форбаха родилось подозрѣніе: что, если герцогъ Альфредъ также получаетъ и передаетъ въ своихъ маркахъ записки? Онъ осторожно началъ перебирать ихъ, одну за другою, въ интервалы сдачи, и на одной изъ нихъ онъ дѣйствительно ошупалъ шарнеръ. «Открывать ее или нѣтъ?» думалъ онъ. «Нечестно разузнавать чужія тайны; но герцогъ самъ интригуетъ противъ меня; теперь ясно, что ему обязанъ я честью оставаться здѣсь, чтобъ не мѣшать ему. Противъ коварнаго врага позволительны военныя хитрости. И чего жъ я хочу? Я хочу только удостовѣриться, не занялъ ли въ сердцѣ фон-Сальмъ того мѣста, которое надѣялся занять я. Если такъ, я уступлю ему поле битвы. Я хочу только избавиться отъ мучительнаго сомнѣнія». Успокоивъ свою совѣсть этимъ объясненіемъ, онъ воспользовался первою очередью сдавать карты, уронилъ ихъ себѣ на колѣни, вмѣстѣ съ ними сдвинулъ рукою подозрительную марку и, нагнувшись, чтобъ собрать карты, раскрылъ ее подъ столомъ. Въ маркѣ была вложена записка. Теперь оставалось прочесть ее такъ, чтобъ никто того не замѣтилъ — дѣло трудное, и

четверть часа, которая прошла, пока представился къ тому случай, была мучительна для молодого ревниваца. Но вотъ кончился робберъ и герцогиня попросила своего партнера сосчитать, сколько они проиграли.

— Просмотрите этотъ расчетъ, сказала она, подавая ему клочекъ бумаги: — тутъ должна быть ошибка, но я не могу найти ее.

Дѣломъ одной секунды было для Форбаха, приподнявъ счетъ, наложить на него отысканную записку, прочесть ее и опять спрятать въ рукѣ.

— Дѣ, сказалъ онъ: — ваша свѣтлость ошиблись; вмѣсто четырехъ онѣровъ записано въ одномъ мѣстѣ два. Мы проиграли менѣе, нежели ожидали ваша свѣтлость.

Въ запискѣ онъ прочелъ:

«Докладъ. Въ одиннадцать часовъ вечера. Четвертая дверь изъ голубой галереи».

Вѣсть кончилась. «Я буду въ назначенномъ мѣстѣ», думалъ Форбахъ, усѣвшись на софу въ углу комнаты: «голубая галерея мнѣ хорошо знакома. Но что, если камердинеръ знаетъ объ этой запискѣ? Нѣтъ, ясно, что эти загадочные доклады ведутся безъ его посредничества. Иначе не къ чему было бы прибѣгать къ маркамъ: онъ передалъ бы герцогу записку прямо въ руки. Дѣ, я буду въ голубой галереѣ».

Около одиннадцати часовъ общество стало разѣзжаться, потому что герцогиня не любила сидѣть долго. Форбахъ простился и, выйдя на крыльцо, отослалъ домой свой экипажъ, сказавъ, что придетъ домой пѣшкомъ.

Комнаты, занимаемыя герцогинею, находились въ той же части зданія, гдѣ жили фрейлины. Голубая галерея, соединявшая это крыло съ главнымъ корпусомъ, однимъ концомъ примыкала къ дежурной комнатѣ едигель-адъютантовъ; поэтому молодой графъ, возвратясь черезъ другое крыльцо, безъ всякихъ затрудненій дошелъ до этой галереи, теперь слабо-освѣщенной нѣсколькими лампами. Комнаты, двери которыхъ выходили въ галерею, были назначены для прислуги во время большихъ придворныхъ съѣздовъ, а въ остальное время, какъ и теперь, оставались пусты. Форбахъ слегка постучался въ четвертую дверь.

Тотчасъ же послышались въ комнатѣ шаги и ручка двери повернулась. Графъ смѣло вошелъ въ комнату; у двери встрѣтила его дѣвушка. При видѣ незнакомаго лица, она испугалась и хотѣла вскрикнуть, но графъ удержалъ ее, спокойно приложивъ палецъ къ губамъ и тихо, но твердо сказавъ: «Не кричать! пугаться нечего». Потомъ онъ затворилъ

дверь, заперъ ее на ключъ и подошелъ къ дѣвушкѣ, которая стояла полумертвая отъ испуга.

«Что за странное приключеніе!» думалъ графъ, осматривая ее съ головы до ногъ: «не просто ли это rendez-vous? Но нѣтъ, къ чему жъ въ запискѣ было бы сказано «докладъ»? И притомъ, эта дѣвушка, по всему вѣроятію, горничная, кажется, очень-скромна и боязлива. Нѣтъ, здѣсь кроется что-нибудь другое. Удастся ли мнѣ вывѣдать, что именно?»

— Не бойтесь, мой другъ, сказалъ онъ: — вы ждали не меня?

— Нѣтъ, не васъ, боязливо отвѣчала дѣвушка.

— Тотъ, кого вы ждали, не могъ прійти и поручилъ мнѣ говорить съ вами. Что вы хотѣли ему сказать?

Дѣвушка молчала, не доверяя словамъ его.

— Пожалуй, скажу вамъ опредѣленіе, чтобы успокоить васъ. Я пришелъ вмѣсто герцога Альфреда. Ну, что жъ вы мнѣ скажете?

— Я сама ничего не говорю; я только отвѣчаю на вопросы, проговорила дѣвушка.

«Дѣло принимаетъ очень-трудный оборотъ», подумалъ графъ: «какъ начать мнѣ свои расспросы, не давая замѣтить, что герцогъ ничего не рассказывалъ мнѣ, не давалъ мнѣ никакой инструкціи? Попробуемъ, однако. Видно, что она горничная. Начнемъ наудачу».

— Что дѣлаетъ теперь ваша госпожа?

— Фрейлейнъ изволитъ почивать.

«Ого, дѣло идетъ на-лад!» подумалъ Форбахъ: «вотъ я ужъ узналъ, что она служитъ горничною у какой-то дѣвицы».

— Какъ и гдѣ провела она нынѣшній вечеръ? спросилъ онъ громко.

— Фрейлейнъ, послѣ обѣда, часовъ въ восемь, поѣхала къ г. фон-Сальму и воротилась домой вполночь одиннадцатаго.

— Какъ? вскричалъ изумленный Форбахъ: — стало-быть, вы рассказываете о фрейлейнѣ фон-Сальмъ? Такъ вы служите горничною у ш-ше фон-Сальмъ?

— Вы меня обманули, вы не посланы отъ герцога Альфреда, вскричала, въ свою очередь, дѣвушка, испугавшись болѣе прежняго.

— Ну, да, онъ вовсе не посылалъ меня; но, слава Богу, что я здѣсь! Теперь я знаю, о чемъ должно васъ расспрашивать; но я требую отвѣтовъ полныхъ и вѣрныхъ, требую—слышите ли? Говорите же, вы ужъ доносили о ней и прежде? Такъ вы измѣняете своей госпожѣ? И вамъ не совѣстно дѣлать такую гнусную вещь—измѣнять этому ангелу! О, какъ это безчестно!

Дѣвушка сначала оцѣпенѣла отъ изумленія при этихъ словахъ, потомъ зарыдала и проговорила:

— Кто жь вы? вы, вѣрно, графъ Форбахъ?

— Ну, да; почему жь вы это угадали?

— Фрейлейнъ часто говоритъ о графѣ Форбахѣ, и я знаю, что онъ ее любитъ. Это я слышала отъ многихъ изъ нашей прислуги, и г-жа фон-Сальмъ, жена майора, при мнѣ говорила ей это. А я вижу по вашимъ словамъ, что вы любите фрейлейнъ, потому я догадалась. Помогите же мнѣ, спасите меня! рыдая, продолжала она и упала къ ногамъ его.

— Что это значитъ? сказалъ Форбахъ, отступая на шагъ.

— Меня опредѣлили къ ней подъ этимъ условіемъ, чтобъ я доносила о ней; меня принуждаютъ доносить о такой доброй, ласковой госпожѣ—это ужасно! Помогите мнѣ, скажите мнѣ, что мнѣ дѣлать!

Теперь читатель, конечно, узналъ въ горничной ту самую дѣвушку, которая ночевала въ Лисей Норѣ подъ покровительствомъ арестки Нанетты.

— Кто жь васъ принуждаетъ доносить? кто опредѣлилъ васъ подъ такимъ условіемъ? какъ это случилось? спрашивалъ графъ.

— Я пришла въ этотъ городъ одинокая, не знала, гдѣ найдти пріютъ и кусокъ хлѣба... начала дѣвушка, но вдругъ остановилась, съ трепетомъ обративъ глаза на дверь.

Въ галереѣ слышались шаги.

— Это герцогъ Альфредъ! шепнула она.

— Не бойтесь, тихо сказалъ Форбахъ, становясь передъ свѣчемъ, чтобъ свѣтъ ея не падалъ на замочную скважину.

Шаги приближались. Подошедшій человекъ нѣсколько разъ стукнулъ въ дверь, подавая знакъ, чтобъ отворили. Но дверь не отворялась, и онъ, дожидаясь съ минуту, пошелъ прочь, съ досадою ворча какія-то невнятные слова.

— Опасность миновалась, сказалъ графъ, когда шаги совершенно затихли въ отдаленіи. — Продолжайте вашъ рассказъ.

Дѣвушка пересказала коротко то, что мы ужъ знаемъ, умолчавъ, однако, подробности о мѣстѣ, въ которомъ видѣла она неизвѣстнаго человека. — Я во всякомъ случаѣ обязана ему благодарностью, сказала она: — его условія тяжелы, но онъ спасъ меня отъ участи, которая была бы еще тяжеле. Не требуйте же, чтобъ я выдавала его на погребъ.

— И однакожъ, выдавали вы свою госпожу, которая также добра къ вамъ? сказалъ графъ.

— Пожалуйте меня, я была въ крайности! проговорила дѣвушка, закрывая лицо руками: — но повѣрьте, я говорила о ней только ме-

лочи, изъ которыхъ нельзя было извлечь ничего. Меня и такъ каждый разъ упрекали, что я не умѣю отвѣчать ни на одинъ важный вопросъ. Тотъ, вмѣсто котораго вы пришли, требовалъ, чтобъ я хвалила его своей госпожѣ. Я этого не дѣлала, потому—что знаю его дурныя мысли. Я не такая дурная дѣвушка, какъ вамъ можетъ казаться. Я говорила только то, что могла бы сказать всякому, не вреда своей госпожѣ. Нѣтъ, я не выдамъ ее никому, ни даже вамъ, хотя, впрочемъ, вы и сами не станете вывѣдывать о ней у меня.

— Почему жъ я не стану вывѣдывать?

— Потому—что она сама, вѣрно, сказала бы вамъ, если вы захотите что знать.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? съ улыбкою сказалъ восхищенный Форбахъ.

— Но возвратимся къ дѣлу. Что жъ было послѣ того, какъ вы имѣли ночью разговоръ съ этимъ человѣкомъ, имени котораго не знаете и который обѣщался доставить вамъ мѣсто?

— На слѣдующее утро мнѣ дали приличное платье, дали также инструкцію, какъ я должна отвѣчать на вопросы о моей прежней жизни, посадили меня въ карету, привезли въ какой-то домъ, гдѣ я должна была сидѣть въ передней, куда и принесли мнѣ письмо къ одному знатному господину. Я отправилась къ нему, и онъ ужъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ фрейлейнъ фон-Сальмъ.

— Кто жъ такой этотъ господинъ, котораго вы называете знатнымъ?

— Баронъ фон-Брандъ.

— Странно! сказалъ Форбахъ:—объ этомъ надобно подумать. Чтобъ не возбуждать никакихъ подозрѣній, продолжайте исполнять обязанности, возложенныя на васъ человѣкомъ, съ которымъ говорили вы ночью. Я увѣренъ, что вы не измѣните своей госпожѣ. Если потребуютъ отъ васъ чего-нибудь болѣе-важнаго, не удовольствуются невинными сплетнями, которыми отдѣлывались вы до-сихъ-поръ, уведомяте объ этомъ меня: тогда мы посмотримъ, что намъ дѣлать. До-тѣхъ-поръ будемъ выжидать; быть-можетъ, я успѣю открыть нити этой интриги. Я вѣрю вамъ, не обманите же моей довѣренности, не измѣните вашей госпожѣ. Прощайте.

Тихо прошелъ Форбахъ по знакомымъ галереямъ, взялъ въ адъютантской комнатѣ свой плащъ и задумчиво поѣхалъ домой. Болѣе всего страннымъ казалось ему, что въ этой загадочной исторіи замѣшано имя барона Бранда. «Возможно ли» думалъ Форбахъ: «чтобъ пустота и легкомысленность были въ немъ только маскою, за которою скрывается такая удивительная энергія, такой могущественный умъ?» Но пусть это

такъ ; съ какою же цѣлью быть ему въ союзѣ противъ Еленѣи де-Сальмъ?... Впрочемъ, послѣднее легко объяснить тѣмъ, что онъ друженъ съ герцогомъ и старается сблизиться съ нею еще короче. Но нѣтъ, мои подозрѣнія противъ барона неосновательны: онъ могъ рекомендовать горничную, ничего не зная объ интригахъ ; онъ могъ быть обманутъ. Однакожъ, иные находятъ, что баронъ лицо сомнительное и подозрительное. Не далѣе, какъ нынче, гофмаршалъ говорилъ, что не считаетъ его истиннымъ аристократомъ. Потому... кто это?... да, Артуръ, рассказывалъ мнѣ, что также подозрѣваетъ барона въ загадочныхъ похищенiяхъ. Надобно обдумать и разузнать».

II. ОСНОВЬЯНЕНКО.

Матеріалы для исторіи украинской литературы.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Предлж. — Дѣтство и потеря зрѣнія. — Варсана Скворода. — Поступленіе въ монахи. — Возвращеніе и первая жизнь въ свѣтѣ.

Григорій Ѳеодоровичъ Квитка родился въ 1778 или 1779 году, 18-го ноября ⁽¹⁾.

Мѣсторожденіе его подгородное харьковское село *Осно́ва*, принадлежавшее издавна фамиліи Долецъ-Захаржевскихъ, а потомъ перешедшее во владѣніе фамиліи Квитокъ. Отъ имени этого села, о которомъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, произошелъ (въ 1833 году, впервые) псевдонимъ *Основьяненко*. Читатель увидитъ изъ нашей статьи, что Григорій Ѳеодоровичъ Квитка имѣлъ еще другіе псевдонимы, но мы удержимъ вездѣ имя «Основьяненко», такъ-какъ большинству читателей онъ болѣе извѣстенъ подъ этимъ именемъ.

⁽¹⁾ По словамъ И. И. Срезневскаго, въ его *письмѣ къ редактору «Москвитянина»* (1843 года, ч. IV, стр. 501—504), также въ его статьѣ: *о кончинѣ Г. Ѳ. Квитки*, въ 33 № за 1843 г. «Прибавленій къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», Квитка родился въ 1779 году. К. М. Сементовскій, въ статьѣ: *Г. Ѳ. Квитка* въ «Москвитянинѣ» 1843 г. часть V, стр. 411—426, говоритъ, что Квитка родился *въ 1778 году*; то же говоритъ и надпись на могильномъ памятникѣ. Объ Основьяненкѣ печатныхъ извѣстій мы нашли вообще очень-мало. Кромѣ названныхъ здѣсь небольшихъ очерковъ его жизни, вышедшихъ въ видѣ некрологовъ по его смерти, мы можемъ еще указать статью о немъ въ «Иллюстраціи» 1846 года, часть III, № 46, стр. 725, въ большой статьѣ П. М. Сементовскаго: *Харьковъ*, причемъ (на стр. 227) приложенъ его портретъ.
Т. СIII. — Отд. II.

Родъ Квитокъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи Слободской Украины. Основьяненко, въ статьѣ своей о Харьковѣ и его исторіи ⁽²⁾, выводитъ его нѣсколько романтически изъ Придѣпровской Украины, заставляя маленькаго героя-сироту, красиваго, какъ цвѣточекъ, по-малороссійски *квітка*, послѣ долгихъ походовъ, понасть на берега трехъ степныхъ рѣчекъ, гдѣ въ то время возникалъ городокъ Харьковъ. Въ дѣтописяхъ слободскихъ полковъ имя Квитокъ встрѣчается впервые въ 1666 году. Въ 1703 году полковникомъ Харьковскаго Полка былъ *Григорій Семеновичъ Квитка*, прадѣдъ нашего писателя, который неуспѣшно заботился объ укрѣпленіи Харькова отъ набѣговъ татаръ, строилъ въ немъ новыя зданія ⁽³⁾, помѣщалъ толпы переселенцевъ, которые тогда стекались подъ знамена слободскихъ полковъ.

Сынъ этого харьковскаго полковника *Иванъ Григорьевичъ Квитка*, дѣдъ писателя, въ 1743 году, 22-го ноября, грамотою императрицы Елисаветы Петровны, посланною на его имя въ Изюмскій Слободской Полкъ, пожалованъ въ званіе полковника этого полка.

Изюмскій полковникъ, Иванъ Григорьевичъ Квитка, скончался въ 1754 году, 14-го февраля. Сынъ его, *Федоръ Ивановичъ Квитка*, отецъ нашего автора, упоминается И. Вернетомъ ⁽⁴⁾ какъ радушный хозяинъ. «Я (говоритъ Вернетъ) не видалъ старика. ему подобнаго любезностью характера, рѣдкою простотою нравовъ и искусствомъ, шутя, сказать полезныя истины и отиѣннымъ даромъ приноровливаться ко всякому возрасту». Эти навивныя слова довольно-ясно изображаютъ отца Основьяненка. Такой человекъ не могъ не имѣть вліянія на первые годы жизни сына. Крошѣ нашего автора, у Федора Ивановича Квитки и

треть; наконецъ въ «Литературной Газетѣ» 1843 года, № 35, нѣсколько словъ о немъ въ *некролозі*, и прекрасная статья о дѣтствѣ Квитки, въ томъ же году, въ «Литературной Газетѣ», № 37: *Воспоминанія о Г. Ф. Квиткѣ*, А. А. Корсуна.

⁽¹⁾ Въ «Молодикѣ» альманахѣ И. Бецкаго, за 1843 годъ, ч. I, стр. 7, въ статьѣ подъ именемъ: *Основаніе Харькова, старинное преданіе*.

⁽²⁾ Со словъ Н. Ю. Квитки, бывшаго съ Основьяненкомъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Н. Ю. Квитка бывалъ часто въ домѣ Основьяненка, и ему мы обязаны многими извѣстіями въ нашей статьѣ.

⁽³⁾ «Украинскій Вѣстникъ» 1817 г., ч. VIII, стр. 184, въ статьѣ: *Мысли о Харьковѣ*. Эта статья сопровождается подписью: *Основа, Иванъ Вернетъ*, и надписью: *поселяю другу моему, Григорію Федоровичу Квиткѣ*.

жены его, *Марьи Васильевны Пидловской*, по словамъ Н. Ю. Квитки, очень-образованной, но гордой, самолюбивой и суровой женщины, о которой мы болѣе не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, были еще другія дѣти. Старшій сынъ, *Андрей Федоровичъ*, былъ до конца жизни въ числѣ первыхъ харьковскихъ магнатовъ. Около двадцати-пяти лѣтъ сряду онъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ окрестностяхъ и въ городѣ его иначе не называли, какъ «Андрей Федоровичъ» и всякъ уже зналъ при этомъ имени, о комъ идетъ рѣчь. Онъ, по словамъ М. А. Коростовцевой, имѣлъ счастье принимать въ Основѣ покойнаго императора Александра; смоляныя бочки горѣли на всемъ разстояніи дороги отъ Харькова до Основы. Императоръ, войдя въ великолѣпный домъ Основы, съ оранжереями, бронзой, зеркалами и мраморомъ, спросилъ съ улыбкой: *Не во дворцѣ ли я?* (5). Три сестры Квитки, А. Ф., по замужствѣ, были: *Марья Федоровна Зарудная*, въ домѣ которой, на Екатеринославской Улицѣ, противъ Дмитріевской Церкви, впоследствии жилъ онъ; *Елизавета Федоровна Смирницкая* и *Праксovia Федоровна Булавинская*. Отецъ Основляненка скоро умеръ; мать еще жила въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Братъ его, Андрей Федоровичъ, скончался вскорѣ по смерти нашего автора (послѣ 1843 года). Авторъ нашъ, съ первыхъ дней жизни оказался ребенкомъ тощимъ и слабымъ. Скоро показались въ немъ признаки сильной золотухи. Эта болѣзнь такъ развилась въ малютѣ, что онъ потерялъ зрѣніе и до пятилѣтняго возраста оставался слѣпымъ (6). Исцѣленіе его, по словамъ одного изъ названныхъ нами некрологовъ, произошло во время пѣзданіи его съ матерью въ селѣдній Озернянскій Монастырь на бого-

(5) Садъ Основы, гдѣ теперь бѣгаютъ свѣрые кролики, гдѣ устроены гимнастическіе аппараты, дорожки, усыпанные оранжевыми пескомъ, дугъ передъ домомъ, и собраніе оранжерейныхъ растений и деревьевъ, растущихъ на воздухѣ, не найдутъ себѣ соперниковъ во всемъ околѣткѣ, какъ дѣйствительно рѣдкое явленіе въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ вообще неглижируютъ роскошною украинскою флорою. Въ двухъ мѣстахъ съ балкона, черезъ просвѣты деревьевъ, видѣнъ Харьковъ. Побывши на Основѣ, мы поняли любовь нашего автора къ своему родному уголку.

(6) Г. Корсунъ, въ статьѣ *Воспоминанія о Г. Ф. Квиткѣ* (на стр. 767) говоритъ: «На рукахъ еще кормилицы, сдѣлался у него на глазу ячмень; кормилица сорвала прыщикъ, золотуха бросилась въ оба глаза и совершенно ослѣпила бѣдное дитя. Пособія медиковъ, знахарей и знахарокъ принесли одну пользу: оставили цѣлыми глаза, но не исцѣлили слѣпоты.»

мольб (7). Этотъ случай оставилъ глубокіе слѣды въ душѣ ребенка и впоследствии, вмѣстѣ съ другими событіями, въ-особенности же вслѣдствіе семейныхъ припадковъ, вызвалъ довольно-замѣчательное событіе въ жизни Основляненка, именно: поступленіе его, на двадцать-третьемъ году, въ монастырь. Чтобы объяснить эту рѣшимость въ молодомъ чело­вѣкѣ того времени, бросимъ взглядъ на состояніе въ тѣ дни харьковскаго общества. Нашъ разсказъ частью основанъ на печатныхъ свидѣтельствахъ и частью на словесныхъ преданіяхъ; послѣднія вносимъ въ надеждѣ, что болѣе-вѣрные источники могутъ подтвердить или отвергнуть ихъ, и поэтому не ручаемся за ихъ достоверность.

Харьковъ, обстроенный при Императрицѣ Екатерицѣ II-й, представлялъ общество совершенно-патріархальное, въ духѣ старосвѣтскихъ украинскихъ преданій. Университетъ еще не былъ открытъ. О литературѣ не было и помину. Помѣщики сосѣднихъ и дальнихъ деревень пріѣзжали въ губернской городъ на торги и на ярмарки, запастись привозными съ сѣвера и юга товарами; другіе ѣздили по дѣламъ службы или по тяжбынымъ дѣламъ, которыхъ было въ то время, по словамъ Нарѣжнаго, *безъ числа*. Высшее ученое мѣсто въ Харьковѣ былъ «Духовный Коллегіумъ», имѣвшій очень-ограниченный кругъ дѣйствія. Въ Харьковѣ и окрестныхъ уѣздахъ, незадолго до рожденія нашего автора, появилось лицо, которому суждено было оставить глубокий слѣдъ въ умахъ современниковъ. Это былъ оригинальный и причудливый, туземный странствующій философъ, «Украинскій Діогенъ», какъ его называли тогда, и «Украинскій Ломоносовъ», какъ его называли позже, *Григорій Варсана-Сковорода* (8). По его духовнымъ наставленіямъ, многіе возлагали на себя обѣтъ монастырскій.

(7) Г. Корсунъ разсказываетъ это такъ: «Дитячю еще онъ пробуждался при утреннемъ звонѣ и, со слезами, бывало, просился въ церковь. Няня понесетъ его туда, и онъ выстоитъ всю службу, несмотря на продолжительность ея, и плачетъ, если не застанетъ начала». И далѣе: «Когда внесли его въ озерянскую церковь, малютка вдругъ спросилъ: Какой это образъ, маменька?—Развѣ ты видишь?—Мнѣ свѣтло! отвѣтилъ онъ, и такъ излечился.»

(8) Сочиненій о немъ, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ и сборникахъ, такъ мало, что мы для любопытствующихъ приводимъ здѣсь ихъ исчисленіе, въ надеждѣ скоро представить о немъ полную характеристику: 1) «Украинскій Вѣстникъ» 1817 года, въ Сѣтѣмъ, статья безъ подписи: *Сковорода, украинскій философъ*; 2) «Отечественныя Записки» 1823 года, часть XVI, стр. 96 и 249, статья, заимствованная изъ біографіи, сочиненной ученикомъ его *М. И. К—скимъ*, подъ именемъ: *Сковоро-*

Сковорода появлялся во многих домахъ въ Харьковѣ. Его до-сихъ-поръ еще помнятъ немногіе старожилы, бывшіе тогда дѣтьми. Онъ бывалъ, между-прочимъ, и въ домѣ *Квитокъ*. Нашъ авторъ могъ видѣть его, будучи мальчикомъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, послѣ того, какъ онъ неожиданно забавился отъ слѣпоты. Молва о Сковородѣ затронула мысли ребенка. Двѣнадцати лѣтъ уже, какъ увидимъ ниже, онъ открыто пожелалъ оставить свѣтъ для стѣнъ монастырскихъ. Въ семейной жизни Квитокъ были также преданія, способствовавшія этому направленію. Въ недавно-изданной книгѣ: *Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, Москва, 1852 года* (на стр. 11-й) сдѣлана выписка изъ «Фамильной лѣтописи Квитокъ», гдѣ говорится, что сестра извѣстнаго *Юсафа Горленка*, бѣлгородскаго епископа въ прошломъ вѣкѣ, была замужемъ за дѣдомъ нашего автора, изюмскимъ полковникомъ *Иваномъ Григорьевичемъ Квиткомъ*. Изъ этой же выписки, между-прочимъ, видно, какъ горячо любилъ этотъ высоко-

да; 3) *Утренняя Звѣзда*, «Харьковскій Сборникъ», 1834 года, гдѣ статья о немъ *И. И. Срезневскаго*; при ней приложенъ *портретъ Сковороды*; 4) Сковорода встрѣчается, еще въ повѣсти *И. И. Срезневскаго Майоръ* въ «Московскомъ Наблюдателѣ»; 5) «Телескопъ», изд. *Н. Надеждиннаго*, за 1835 годъ, часть XXVI, стр. 3, статья: *Григорій Варсавя Сковорода*, историко-критическій очеркъ, заимствованный изъ нѣмецкой рукописи: «Gregor Skoworoda's Lebenswandel und Wirkungskreis, oder historisch-critische Würdigung seiner Schriften, als Beitrag zu einer Geschichte der Slavischen Volksweisheit, in Briefen an I. G. Görtes»; 6) «Bulletin du Nord», журналъ, издававшійся въ Москвѣ «*T. Laveau*», за 1828 г., томъ 3, 9 сентября, стр. 149, статья г. *Снегирева*, подъ именемъ *Gregoire Savitsch Skoworoda, philosophe de l'Ukraine*; 7) *Исторія философіи архимандрита Гавриила*. Казань. 1840 г., ч. V, статья: *Сковорода*; 8) «Москвитянинъ» за 1842 г., ч. VI, статья: *Преддверіе Сковороды*; 9) «Молодикъ», *Украинскій Сборникъ Бецакаго* за 1844 г., стр. 229, статья *В. Н. Каразина*, *Письмо къ издателю, съ приложеніемъ писемъ Сковороды* и статья *И. И. Срезневскаго Письма Сковороды*; 10) Есть еще незначительныя статьи о Сковородѣ въ «Иллюстраціи» 1847 г., гдѣ снова приложенъ его портретъ, копія почтеннаго при «*Утренней Звѣздѣ*» и въ журналѣ: «*Jahrbücher für Slavische Litteratur, von Jordan*»; наконецъ въ «*Инвалидѣ*» за 1854 г. № 94, 28-го апрѣля, приложено одно изъ неизданныхъ стихотвореній Сковороды, въ статьѣ *В. Аскоченскаго: Русскій Композиторъ Ведделевъ*, которое начинается словами: «Ахъ, счастье, счастье бѣдное, злое!»—*Три пльни Сковороды* помѣщены еще въ «*Телескопѣ*» 1831 г., ч. VI, стр. 578—583,

чтительнѣйшими жителями епископъ сводѣтъ родственниковъ. Здѣсь упоминается, что онъ стоялъ на Основѣ съ іюня по августъ 1751 года. «Въ 1754 году съ Иваномъ Ивановичемъ Квиткою, отпра- вившимся ходатайствовать въ Москвѣ о возвращеніи Квиткою вѣ- щей Артемовки, отнятаго княземъ Трубецкимъ, преосвященный послалъ просительныя письма къ преосвященному Платону». Наконецъ, на мы- слѣ нашего автора имѣлъ сильное вліяніе еще другой примѣръ: посва- щеніе въ санъ монашескій друга отца его, артиллеріи поручика *Бл- лезцова*, бывшаго, подъ именемъ Палладія, настоятелемъ Курскаго Монастыря (9). Но главный примѣръ былъ пребываніе въ монастырѣ роднаго дяди его, іеродіакона Наркиза, бывшаго потомъ настоятелемъ Куряжскаго Монастыря, куда поступилъ и нашъ авторъ (10).

Такія преданія и примѣры наполняли жизнь тихой семьи въ Основѣ, когда ребенокъ, ищущій отъ разстройства зрѣнія, на пятнадцатнмъ возрастѣ сталъ присматриваться и прислушиваться къ окружающему. Жизнь его текла невесело. Учился онъ кое-какъ, или почти совсѣмъ не учился (11). Объ этомъ онъ говоритъ въ любопытномъ, нежданномъ письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ 15-го марта 1839 г. изъ Основы, слѣ- дующее: «Я и родился въ то время, когда образованіе не шло далеко, да и мѣсто не доставляло къ тому удобствъ; притомъ же, болѣзнь съ дѣтства, желаніе не быть въ свѣтѣ, а, быть-можетъ, и безмечность и лѣность, свойственныя тогдашнему возрасту — все это было причиною, что я нерадѣлъ о будущемъ и уклонялся даже отъ того, что было подъ рукою и чему могъ бы научиться. Выучась ставить каракульки, я положилъ, что, умѣя и такъ писать, для меня довольно; въ даль- нѣйшія премудрости не пускался, и о именительныхъ, родительныхъ и прочихъ, какъ-то: о глаголахъ, междомѣтіяхъ, не могъ слушать тер- пѣливо! Съ такими познаніями писатели «не бываютъ». Молодость, страсти, обстоятельства, служба заставляли писать; но какъ? Я въ это не входилъ. *Еже писалъ, писалъ!*...»

(9) К. М. Семеновскій, «Москвитянинъ» 1843 года, статья Г. Θ. *Квитка*.

(10) «Ист. Стат. Опис. Хар. Епархіи» стр. 71.

(11) По словамъ г. Семеновскаго, въ статьѣ *Харьмовъ*, его училъ на Основѣ монахъ Куряжскаго Преображенскаго Монастыря, подъ ру- ководствомъ самого архимандрита. «Наркизь Квитка» замѣчаетъ г. Семен- товскій, «самъ старался развить въ ребенкѣ желаніе поступить въ мона- стырь, такъ-какъ, самая школа, гдѣ онъ учился, была при монастырѣ, и, по окончаніи уроковъ, всѣ дѣти должны были присутствовать при бого- служеніи».

Склонный къ молитвѣ и уединенію, Освобявляеко на двѣдцѣтѣмъ году изъявлялъ непрѣмное желаніе поступить въ монастырь. Однакожь, до четырнадцатилѣтняго возраста, по неотступной просьбѣ отца и матери, оставался въ домъ родителей, въ Основѣ. По совѣту врачей, для укрѣпленія здоровья и разсвѣтлѣнія, онъ былъ опредѣленъ, въ 1793 году, 11-го декабря, вахмистромъ въ Лейб-Гвардіи Конный Полкъ (12); но черезъ годъ уже, 1794 году, по слабости здоровья (а, можетъ-быть, и по особымъ соображеніямъ родныхъ малороссійскаго барченка, выросшаго подъ теплымъ кровомъ родительскимъ), онъ перечислялся въ гражданскую службу, гдѣ и состоялъ, по 13 октября 1796 года *не у дѣла* при Департаментѣ Герольдіи. Надъ этимъ онъ впоследствии самъ трунилъ, придумавъ для одного изъ своихъ псевдонимовъ подпись: *Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣла коллежскій протоколнстикъ, имѣющій хожденіе по тяжбынымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ* (13). Шестнадцати лѣтъ онъ снова перешелъ въ военную службу и опредѣлился ротмистромъ въ Сѣверскій Карабинерный Полкъ (14). Указомъ Императора Павла I отъ 5 января 1797 года, онъ опредѣленъ въ Харьковскій Кирасирскій Полкъ, уже въ чинѣ ротмистра, причѣмъ также велѣно ему явиться въ этотъ полкъ къ сроку (15). Это было въ 1797 году. Жизнь дома, среди воспоминаній печальнаго и болѣзненнаго дѣтства, опять возымѣла на него сильное вліяніе. Принтеры семейства и тогдашняго времени увлекли его душу, и безъ того настроенную къ уединенію. Онъ достигъ желанной цѣли и, на двѣдцѣ-

(12) Въ Указѣ Императрицы Екатерины II, отъ 3-го мая 1794 г., найденномъ нами, сказано: «Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы Григорія Квитка, который Намъ въ Лейбъ-Гвардіи вахмистромъ служилъ, для его, оказанной къ службѣ нашей ревности и прилежности въ Наши отъ арміи въ капитаны пожаловали и учредили». — Замѣтимъ, что Квитка никогда не былъ въ Петербургѣ.

(13) «Вѣстникъ Европы», изд. Михайломъ Каченовскимъ. Москва, 1820 г., статьи *Письма къ Лужницкому старцу*.

(14) Въ Указѣ Императрицы Екатерины II, отъ 18-го октября 1796 г., предписывается: «Капитану Сѣверскаго Карабинернаго Полка Григорію Квитка слѣдовать къ этому полку и явиться въ срокъ». Найденный нами указъ выданъ изъ Государственной Военной Коллегіи.

(15) Съ этими официальными свѣдѣніями совершенно несогласны показанія г. Сементовскаго, въ его статьѣ (на стр. 397, 2-й столбецъ), вѣроятно, взятая изъ неточныхъ источниковъ.

третьемъ году, послѣ женитьбы старшаго брата, поступилъ въ *Курляжскій монастырь* послушникомъ, гдѣ и оставался, съ промежутками (когда переселялся гостить въ Основу), около четырехъ лѣтъ ⁽¹⁶⁾.

Посмотримъ теперь на мѣсто, куда перешелъ нашъ авторъ.

Курляжскій Преображенскій Монастырь находится въ восьми верстахъ отъ Харькова, по дорогѣ въ Полтаву и Кіевъ. Мѣстность его очень живописна ⁽¹⁷⁾. На возвышенности, окруженной съ трехъ сторонъ садами и одинокими кучами деревьевъ, изъ станціи Ольшаной, онъ видѣнъ за восемь верстъ. Обрывы горы на западной и сѣверо-западной сторонахъ его, покрытые зеленью, дикими и картинными. Самую же лучшую особенность его мѣстности составляютъ ключи, бьющіе изъ кремнистыхъ реберъ горы, водою холодною, чистою, легкою и здоровою. Встарину, вплоть отъ Харькова до Куряжа, былъ глухой, непроходимый лѣсъ. Разнообразилъ эту мѣстность одни сѣнные покосы по берегамъ сосѣднихъ рѣчекъ. Пасѣка, надъ рѣчку Куряжью, тамъ, гдѣ теперь монастырь, была единственнымъ жильемъ въ округности. Она послужила къ выбору мѣста для постройки монастыря, который и возникъ въ концѣ XVII вѣка ⁽¹⁸⁾.

Въ годъ поступления нашего автора въ число монастырской братіи, харьковская епархія изъята была изъ вѣдомства бѣлгородскаго духовнаго правленія, и назначенъ былъ особый епископъ, въ санъ котораго вскорѣ и избранъ *Христофоръ Сулима*, бывшій на этомъ мѣстѣ съ 1799 года по свою кончину, до 1813 года. Близость монастыря къ Харькову была всегда причиною, что тамошніе епископы избирали его любимымъ мѣстомъ для своихъ поѣздокъ въ окрестности. Епископъ Сулима тотчасъ замѣтилъ молодаго послушника и часто бралъ его съ собою изъ монастыря въ городъ. Старожилы харьковскіе до-сихъ-поръ помнятъ, какъ Основьяненко, въ черномъ, смиренномъ нарядѣ, ѣздилъ, стоя на запяткахъ, за каретою любимаго паствою преосвященнаго ⁽¹⁹⁾. Срокъ испытанія прошелъ; но какъ ни желалъ молодой послушникъ остаться въ монастырѣ, какъ онъ ни боролся съ просьбами отца и матери, здоровье не позволило ему принять

⁽¹⁶⁾ По словамъ г. Сементовскаго, *семь лѣтъ*; но это не вѣрно, по прямому вычисленію.

⁽¹⁷⁾ Подробно описанъ въ «Очеркахъ Россіи» *Пасека*, часть IV, стр. 148—158.

⁽¹⁸⁾ «Историко-статистическое описаніе Харьковской Епархіи» стр. 53—80, статья: *Курляжскій Монастырь*.

⁽¹⁹⁾ Со словъ Н. К. М.

постриженія, и онъ возвратился въ домъ родителей. По словамъ г. Корсуна, Основьяненко, стянувшій грудь свою ремнемъ послушника и отроштившій бороду, въ самомъ разгарѣ юности и страстей, не могъ долго противиться просьбамъ отца. Отецъ его началъ видимо ослабѣвать и близиться къ гробу. Основьяненко слѣдуя убѣжденіямъ его, снова отдалъ свои силы свѣту, трудамъ и заботамъ на пользу ближнихъ, на пользу родины и роднаго просвѣщенія. Рассказываютъ о немъ анекдотъ. Подъ конецъ своего пребыванія въ монастырѣ, онъ бралъ на себя самыя трудныя работы: ходилъ, между-прочимъ, за монастырскими лошадьми, а лошадей онъ боялся всю жизнь. ⁽²⁰⁾ Силы постоянно измѣняли ему. Однажды повезъ онъ на парѣ воловъ продавать въ Харьковъ сдѣланныя на монастырскомъ рабочемъ дворѣ бочки. Была осень и страшная грязь наполняла харьковскія улицы. На рыночной площади возъ покачулся и засѣлъ по ось въ грязь. Напрасно Основьяненко хлопоталъ надъ нимъ; мальчишки сбѣжались кругомъ, узнали молодого человѣка и стали кричать: «Квитка, Квитка!» онъ махнулъ рукою, бросилъ возъ на улицѣ и возвратился на Основу. Съ той поры онъ уже не думалъ объ удаленіи отъ свѣта. ⁽²¹⁾ Но впечатлѣнія долгой жизни въ монастырѣ, на прекрасной, живописной мѣстности, въ уединеніи и молитвѣ, остались надолго въ душѣ Основьяненка, и всю жизнь отзывались въ лучшихъ его сочиненіяхъ. Сюда относится большая часть элегическихъ повѣстей Основьяненка, гдѣ добрыя, свѣжія, полныя любви личности его простонародныхъ героевъ и героинь согрѣты этою простодушною, прямою религіозностію, каковы его знаменитыя повѣсти: *Маруся*, *Божьи дѣти*, *Сердечная Оксана* и *Ганнуся*. Кроме отдѣльныхъ мѣстъ въ повѣстяхъ, у него есть и статьи церковно-историческаго содержанія, каковы: *Краткое описаніе жизни преосвященнаго Иосафа Блгородскаго. Кіевъ 1836 года*, и статья: *О святой мученицѣ Александрѣ царицѣ* ⁽²²⁾. Мы разбираемъ все это, потому-что до-сихъ-поръ надъ этимъ не останавливался еще ни одинъ изъ некрологовъ Основьяненка. А событіе, изложенное нами, одно изъ интереснѣйшихъ въ многообразной жизни нашего автора.

⁽²⁰⁾ По словамъ г. Корсуна, онъ «со всею строгостію исполнять монастырскій уставъ». По словамъ же Н. Ю. Квитки, въ комнагѣ молодого послушника стояло привезенное пмѣ туда фортепяно, висѣла на стѣнѣ флейта, и будущій писатель сочинялъ музыкальные, духовные концерты для пѣнія.

⁽²¹⁾ Со словъ Д. С. Левшина.

⁽²²⁾ Напечатана въ «Звѣздочкѣ» 1843 г., часть VII, стр. 1—14.

По выходе из монастыря, Основляенко нагдо-по-цому охоту приглядывалъ къ свѣту. Сперва, впрочемъ, онъ собожъ во многихъ мѣстахъ отшельникъ; ходилъ въ Основѣ съ церковными ключами, благовѣщалъ къ обѣднѣ по праздникамъ и, по словамъ Н. Ю. Квитки, большую часть времени проводилъ въ молитвѣ. До конца жизни во его комнатѣ стоялъ аналой съ молитвенникомъ и постоянно теплился лампадка. Здоровье нашего автора совершенно поправилось. Онъ открытъ и, хотя вскорѣ, приготовляя домашній фейерверкъ, отъ взрыва пороха, опалилъ себѣ лицо и глаза, отчего осталась на всю жизнь, съ синеватыми пятнами на лбу и потерялъ лѣвый глазъ⁽²³⁾. началъ появляться въ обществѣ, котораго вначалѣ, по возвращеніи въ свѣтъ, дичился. Играя на флейтѣ, просиживалъ онъ тогда по цѣлымъ ночамъ во тѣни сада, въ Основѣ...

Наконецъ молодость взяла свое. Врожденная землякамъ его веселость вылезла и въ жемъ. Это двойственное направленіе образовало въ немъ охоту нахвально и веселаго комизма съ строгою, высоко-религіозною нравственностью. Онъ недолго оставался празднымъ. Въ промежутокъ 1804 и 1806 года, по словамъ г. Корсуна, онъ занимался музыкою и игралъ у себя на домашнемъ театрѣ, причемъ обыкновенно выбиралъ себѣ роли самыя веселыя и трудныя. Раздававшаяся вѣсуть о нарядности омончѣнн вызвала окончательно его изъ бездѣйствія. По словамъ Н. Ю. Квитки, онъ подвергся тогда уже сатиры одного бойкаго пересмѣшника, кольнувшего его за непостоянство характера довольно-злою эпиграмою. Въ 1806 году онъ снова, и въ послѣдній уже разъ, опредѣлился на военную службу, по Провіантной Комиссіи, въ пѣхотнѣ Харьковской Губерніи, и оставался здѣсь годъ. Въ 1807 году онъ вышелъ въ отставку.

II.

Исторія. — Основаніе Университета. — Первый театр. — Женитьба. — Актриса Григорьевна.

Харьковъ въ это время совершенно преобразился. Причиною тому было основаніе высшаго учебнаго заведенія, которое оживило и освѣтило цѣлый край. Въ 1805 году 18-го января въ Харьковѣ открытъ

(23) Вообще Основляенко имѣлъ какую-то особенную страсть къ огню. Въ письмѣ къ намъ изъ Таганрога, отъ 10-го апрѣля 1864 г., г. Корсунъ пишетъ: «Еще слово. Квитка любилъ зажигать самъ свѣчи. Зажигать, бывало, спичку да и поидеть съ нею по свѣчамъ». Онъ говорилъ: «Пусть мой биографъ не забудетъ этой странности...»

Университетѣ. Первая мысль о немъ принадлежитъ Василію Назаровичу *Каразиму*. О Каразинѣ писали очень-мало и потому скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. У читателей, вѣроятно, въ памяти, какъ, еще два года назадъ, въ одномъ московскомъ изданіи его смѣшивали съ Карамзиннымъ. На удивленіе при его имени одного изъ московскихъ студентовъ, въ тридцатыхъ годахъ, Каразинъ отвѣтилъ: «Э! вы, кажется, меня смѣшиваете съ Карамзиннымъ: между нами одна только маленькая разница, въ буквѣ *мыслете!*»

Каразинъ происходитъ отъ господарскаго молдавскаго рода Каразинъ, переселившася, вмѣстѣ съ другими фамиліями, въ слободскіе полки, въ 1711 году. Онъ родился въ 1773 году, 30-го января. Учился онъ сначала въ кременчугскомъ, а потомъ въ харьковскомъ частныхъ пансіонахъ; на 18-мъ году уѣхалъ въ Петербургъ и сталъ посѣщать лекціи Горнаго Корпуса. Пользуясь свободою, которая тогда предоставлялась молодымъ гвардейскимъ офицерамъ отлучаться, когда пожелають, изъ столицы, онъ предпринялъ рядъ поѣздокъ и осматрѣлъ многія губерніи; потомъ онъ затѣялъ путешествіе за границу; оно, однако, не состоялось. Онъ задумалъ бѣжать и бѣжалъ; но былъ задержанъ въ Ковно. Это случилось въ царствованіе Императора Павла. Государь преслалъ молодого бѣглеца и опредѣлилъ его къ гражданскимъ дѣламъ, въ Канцелярію Медицинской Коллегии. Въ формулярномъ спискѣ Каразина, находящемся нынѣ въ нашихъ рукахъ, вмѣстѣ съ собственноручными его «Записками, съ 1820 года» по которымъ мы вскорѣ постараемся представить о немъ подробную характеристику, говорится: «*Въ 1800 году, за собраніе матеріаловъ по исторіи медицины въ Россіи, также и по исторіи финансовъ, награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора*». Далѣе: «*Въ 1801 году, за труды, кои были извѣстны лично блаженной памяти государю императору Александру Благословенному, пожалованъ черезъ чинъ, въ коллежскіе совѣтники*»; — «*Въ тотъ же день награжденъ богатѣмъ перстнемъ*»; — «*За продолженіе оказанныхъ трудовъ удостоенъ, въ разное время, нѣсколькихъ, весьма милостивыхъ, собственноручныхъ рескриптовъ его величества*»; «*Въ томъ же году избранъ, отъ Слободско-Украинскаго Дворянства, депутатомъ для испрошенія у престола подтвержденія привилегій сей губерніи*». — *Въ 1802 году, сентября 8-го, при образованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, высочайше опредѣленъ правителемъ дѣлъ Главнаго Правленія Училищъ, и наконецъ: «Въ обоихъ сихъ званіяхъ подалъ мысль слободско-украинскому дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета, который высочайше и утверждёнъ въ 1803».* — «Послуживъ орудіемъ

къ пожертвованію на оный изъ двухъ губерній 618-ти тысячъ рублей серебромъ, уклонился отъ высочайшей награды за сей подвигъ» — и «продолжая дѣятельно участвовать въ устройствѣ всего, принадлежавшаго къ упомянутому университету, по надобности художниковъ въ Харьковѣ, доставилъ туда 32 семейства иностранныхъ мастеровъ, на собственномъ иждивеніи». Такъ говорить неизданный до нынѣ формулярный списокъ...

Подвигъ Каразина въ основаніи университета былъ тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что почти всѣ тѣ лица, которыхъ онъ въ двадцати-осьмидневный отпускъ свой въ Харьковъ, являсь среди дворянскаго собранія, силою слова и на колѣняхъ (такъ разсказываютъ очевидцы) умолили подписаться на открытіе высшаго ученаго заведенія для края, были тогда еще очень-далеки отъ подобныхъ мыслей. Одна рѣчь Каразина, сказанная при этомъ дворянамъ, вызвала на мѣстѣ подписку до ста тысячъ руб. серебромъ ⁽²⁴⁾. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ, въ обществѣ, при насъ, объ этой рѣчи и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ въ собраніи престарѣлыхъ дворянъ тридцатилѣтнимъ ораторомъ, который съ своими учеными замыслами и надеждами былъ такъ новъ для глазъ мирнаго края. Семейство Квитокъ осталось также нечуждо въ приношеніяхъ пособій для открытія университета. Основьяненко всю жизнь съ восторгомъ говорилъ объ этой заслугѣ Каразина, и въ статьѣ своей «Харьковъ» ⁽²⁵⁾ упоминаетъ съ увлеченіемъ о дѣлѣ, которое *сдѣлалось полезнымъ не только краю, но и отечеству*. Университетъ былъ открытъ. Профессора и слушатели наполнили зданіе, бывшее до того времени дворцомъ, въ которомъ останавливалась И. Екатерина II, въ свою поѣздку на югъ. Въ Харьковѣ также явились вызванные изъ-за границы Каразинымъ типографщики, переплетчики, часовыхъ дѣлъ мастера, столяры, рѣзчики, слѣсаря, каретники и кузнецы. Харьковъ преобразился, и скоро новая умственная жизнь, возникшая въ центрѣ сѣверной Украины, на отживающихъ остаткахъ

⁽²⁴⁾ Напечатана въ «Молодикѣ», на 1844 годъ ч. 5, стр. 245, подъ именемъ: «Рѣчь, говоренная, августа 31 дня, въ собраніи харьковскаго дворянства, депутатомъ его, В. Н. Каразинымъ, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе въ Харьковѣ Университета». Тутъ же напечатана любопытная копія съ протоколовъ дворянства и купечества, предъ основаніемъ въ Харьковѣ Университета, 1802 года, октября 1-го, стр. 271.

⁽²⁵⁾ «Современникъ», 1840 года, № XX-я, стр. 123.

старого общества, соединила въ тѣсный кругъ семью молодыхъ профессоровъ и, подъ предводительствомъ Основьяненка, положила начало мѣстной литературѣ. Скоро въ Харьковѣ появилось разомъ два журнала, полные любви къ просвѣщенію и общей русской отчуждѣ.

За недостаткомъ болѣе-подробныхъ матеріаловъ для обрисовки тогдашняго «новаго общества», приведемъ найденное нами. Прежде всего представляется вопросъ: какъ развивалось, до университета, то поколѣніе, которое явилось потомъ дѣятелемъ въ литературѣ? Помѣщики того времени имѣли обыкновеніе брать для своихъ дѣтей учителей на домъ. Жизнь Сквороды оставляетъ намъ примѣры этого ученія. Но мы нашли еще одинъ любопытный документъ, который сообщаемъ здѣсь воцѣпъ, чтобъ показать, среди какого міра явилось умственное движеніе края. Этотъ документъ называется: *Условіе помѣщика съ учителемъ* за сорокъ лѣтъ назадъ (напечатанъ въ 1844 году, въ «Молодикѣ» на 1844 г., стр. 226—228). Вотъ онъ цѣликомъ изъ черноваго, писаннаго рукою нанимавшаго учителя; сохраняемъ правописаніе чтобъ показать, какъ двинулось у насъ на югѣ просвѣщеніе, въ эти полвѣка:

«1800 года, Октября 7-го дня, я ниже подъ писавшійся прусской націе *Фридрихъ Лотъ* обо вязалъ ся съимъ контрактомъ отвступленія моего въ должность жить годъ вдомѣ харковского уезда у господина помещика подполковника К* — обучать зимніе мѣсяци дѣтей ево нѣмецкому языку Граматическимъ правиламъ читать и писать и нпжихъ классовъ Ареметики и за синомъ его К*: иметь неуспиное смотреніе за поведенемъ ево и доставлять всякое ему благонравіе какъ воспитанію благородному дитяти принадлежитъ безъ малейшаго упущенія вестъ себя всегда трезво и добпорядочно какъ чесному человѣку принадлежитъ быть для хорошова примеру впротивномъ же случае за несмотреніе мое или пянство и худые поступки повиненъ я Лотъ отвѣчать по законамъ и по прохождене зимнихъ месяцевъ мне Лоту за его синомъ, уже болея несмотреть и детей не учить, а вступитъ мне вдолжность *Садовничію*. И старатца здѣлать два аглицкия сада завестъ теплици цветники и парники крития алей ранжирею и огородни пересаживать деревья и делать прививки колеровки и отводи самымъ искуснимъ образомъ но сей должности старатца не леностею делать приобретения разнія размноженію фруктовыхъ деревьевъ, даби неуспинымъ раченіемъ моимъ и трудами заслужитъ могъ себѣ пахвалу и награжде каква-жъ до садоваго искусства потребни будутъ инструменти и матеріали тоже потребное число людей рабочихъ онъ К* долженъ по требованію моему дать мнѣ и определить учениковъ двухъ особую комнату для отапливанія которой на каждую недѣлю по возу.

дровъ для услуги жонѣ моей дѣвчонку или жемцину какую на шѣхъ одѣждѣ а только на жонѣхъ харчахъ, которыя мне долгу получитьъ вгодѣ отъ егоче К* пшеница пять и ржи четыре, крупъ одну, пшека одну, гороху одну, овса двѣ четверти, всего четырнадцать четвертей; масла коровьево пудъ, масла поanova ведро, сала свинова два пуда, соли два пуда, свѣчнова сала топленого пудъ, уксусу ведро, наливки два ведра, горичаво вина три ведра, солонины четыре пуда, вицины пудъ, свѣ-жаво мяса шесть пудъ и пристойное число крошева и свекли квашеной, и годоваго жалованья сто двадцать рублей, за первую половину получить впередъ года, а за вторую при окончаніи онаго, и паспортъ своей вручить мнѣ ему К*; буде же я хотя окажуся въ силѣ должностейъ *незначущихъ и незначительныхъ*, то вольно ему меня отпустить, за-плати за тотъ термелъ мнѣ жалованье, что я проживу въ его провин-цію, а прочее все то, что я заслужу...»

Жизнь такихъ учителей превосходно описана въ романѣ Основья-менка «Пашъ Халаявскій». Авторъ нашъ, какъ не безъ основанія по-этому думаемъ, въ первое время, вѣроятно, прошелъ черезъ руки такого же учителя. Было въ Харьковѣ еще два-три жалкіе частные пансіона; но ихъ не стоитъ и упоминать. Всѣ они были заведены прусскими или французскими эмигрантами, и только доставляли способъ наживать-ся учредителямъ. А теперь сыновья помѣщиковъ, послѣ долгихъ до-машнихъ проводовъ и домашнихъ слезъ, стали снаряжаться въ дорогу и наполнили мало-по-малу харьковскія аудиторіи. Мушкетеры, какъ сту-денты, такъ и профессора, надѣвали только въ большіе праздники. На лекціи являлись въ чемъ попало. Желтые фраки и синіе брюки, го-лубые сюртуки и чудовищные жилеты, фуражки необыкновенныхъ цвѣ-товъ и разнѣровъ, палки и трубки въ карманахъ — все это являлось въ аудиторіи.

Съ первыхъ же годовъ Университетъ обогатился замѣчательными профессорами. По ходатайству Каразина, изъ-за границы приглашены были, между-прочимъ, знаменитые *Лалласъ* и *Фисте*; они совсѣмъ готовы были переселиться въ Россію; дѣло не состоялось по неболь-шимъ средствамъ Университета. Славный европейскій библіографъ *Брюле* также соглашался переѣхать на югъ Россіи, что мы недавно узна-ли изъ письма перваго харьковского попечителя, *Северина Осиповича Потоцкаго*, къ Каразину, которое хранится въ числѣ автографовъ въ Публичной Библіотекѣ (26). Попечитель, о которомъ до-сихъ-поръ

(26) См. «Отчетъ Публичной Библіотеки за 1862 годъ» въ описаніи новыхъ приобрѣтеній, по части автографовъ и рукописей, стр. 40.

съ восторгомъ говорить тѣ, которымъ памятна старина харьковская, горячо любилъ прекрасное молодое общество студентовъ. Опредѣленные имъ профессора оправдывали его вниманіе ⁽²⁷⁾. Представляемъ здѣсь нѣхъ краткую характеристику, для полноты нашего очерка, тѣмъ болѣе, что только при пособіи нѣхъ явилось литературное движеніе въ Харьковѣ, въ степной глуши. Любимѣйшимъ изъ профессоровъ былъ *Иванъ Степановичъ Рижскій*, профессоръ русской словесности. Онъ написалъ «Риторику» и «Введеніе въ кругъ изящной словесности». Частная жизнь этого суроваго педагога и оратора подавала поводъ острымъ языкамъ издѣваться надъ нимъ; и однажды, когда онъ, съ поэтическимъ жаромъ, своею цвѣтистою фразеологіею, объяснялъ ученикамъ красоты поэмы *Модная жена* Дмитріева и сказалъ о *реми-воми мужь*, что онъ съѣлъ въ экипажѣ, запыхтѣлъ и двинулся въ путь—громкій хохотъ аудиторіи покрывалъ его рѣчь, потому что добрый старый профессоръ здѣсь рассказывалъ собственную жизнь. Однакъ изъ учениковъ его говорилъ намъ, что, несмотря на это, однако, Рижскаго всѣ почитали, и когда онъ умеръ, въ 1840 году, то въ университетской залѣ, въ торжественномъ собраніи, ему сказано было самое

(²⁷) Въ «Жур. Мин. II. Просвѣщенія», 1855 г. іюль. V Отд. — напечатана статья профессора Харьковскаго Университета г. Рославскаго-Петровскаго: *Объ ученой дѣятельности Харьковскаго Университета въ первое десятилѣтіе его существованія*. Здѣсь онъ говоритъ о празднествѣ открытія этого Университета 17-го января 1806 года: «Трехдневная иллюминація, роскошное угощеніе публики, великолѣпная ораторія, сопровождавшая это торжество, составляли необыкновенное событіе въ дѣтописяхъ скромной жизни тогдашняго Харькова; и многіе изъ украсившихъ старожиловъ доселѣ живо вспоминаютъ, какъ о вѣщнемъ блескѣ праздника, такъ и о произнесенныхъ краснорѣчивыхъ рѣчахъ, между прочимъ, о рѣчи ученаго попечителя, графа Северина Осиповича Потоцкаго, и въ-особенности о прекрасно-придуманной эмблематической апотеозѣ императора Александра I, въ которой соединены были воспоминанія классическія съ дѣйствительностью. Въ храмѣ славы, воздвигнутомъ въ іоническомъ стилѣ, возвышалась прозрачная картина, изображавшая императора въ марсовомъ одѣваніи, подающимъ руку Аполлону.» Изъ профессоровъ Университета, авторъ называетъ: профессора *Россійской словесности, краснорѣчія и поэзіи*, занимавшаго эту кафедру съ учрежденія Университета по 1811 году. Рижскій читалъ лекціи по Блѣру, Баттѣ и Эшенбургу, употребляя въ первый годъ по четыре, а потомъ по шести часовъ въ недѣлю на чтеніе риторики, причемъ занималъ слушателей разборами эстетическими лучшихъ отечественныхъ писателей. По словамъ автора, «молодые люди

теплое надгробное слово. Другимъ любимцемъ студентовъ былъ *Шадъ*, по 1817 годъ профессоръ философіи, выписанный изъ Марбурга. Онъ былъ женатъ на трехъ женахъ, страстно любилъ музыку и малороссійскія наливки, и любимой дочери своей, ученой красавицѣ, далъ имя дочери Цицерона, Туллиі. Красавицу Туллию студенты воспѣвали въ стихахъ и прозѣ; печальную судьбу ея въ гувернанткахъ, чѣмъ она была впоследствии, по выѣздѣ отца ея, 1817 году, за границу, до-сихъ-поръ помнятъ многіе. Шадъ оставилъ по смерти любопытное и рѣдкое сочиненіе «*Selbstbiographie*» въ трехъ томахъ. Кафедрѣ словесности, послѣ смерти Рижскаго, занялъ Иванъ Евсѣевъичъ Срезневскій, отецъ нынѣшняго академика и профессора въ Санктпетербургскомъ Университетѣ. Трудолюбіемъ и добросовѣстностью онъ снискалъ у слушателей ту же любовь, какую пользовался его предшественникъ, Рижскій, и вмѣстѣ съ Разумникомъ Тимофеевичемъ Гонорскимъ (воспитанникомъ 1-го Педагогическаго Института, заброшеннымъ въ уѣздное училище и неожиданно-призваннымъ въ адъюнкты Харьковскаго Университета, когда его замѣтила инспекція харьковскихъ училищъ) вмѣстѣ

выходили изъ Университета съ многостороннимъ и вмѣстѣ основательнымъ образованіемъ. Любопытно, между-прочимъ, что тѣсная связь всеобщей исторіи съ естественными науками, недавно нашедшая между нашими соотечественниками ревностнаго поборника въ покойномъ нынѣ, московскомъ профессорѣ Грановскомъ, понята была Харьковскимъ Университетомъ въ то время, когда и на западѣ Европы еще мало обращали на нее вниманія. Въ 1808 году, по случаю перваго выпуска студентовъ, лучшіе воспитанники уже читали свои сочиненія передъ публикою. Сколько видно по спискамъ рѣчей и сочиненій, приведенныхъ авторомъ, харьковскіе профессора уже тогда давали литературный отгвѣнокъ обществу Университета. *Рижскій* писалъ о изящныхъ наукахъ, о познаніи, свойственномъ воображенію, о славянскомъ языкѣ въ-древности и наконецъ о томъ, что «внимательное упражненіе въ Россійскомъ словѣ внушаетъ любовь къ Отечеству». За нимъ слѣдомъ шли: *Успенскій*, *Стойковичъ*, *Шадъ*, *Баллень-де-Балю*, *Умлауфъ*, *Шумлянскій*, *Гизе*, *Осиновскій* (профессоръ философіи), *Делавинъ*, *Тимковский*, *Паки-де-Савиньп*, *Борзенковъ*, *Дюгуровъ* и *Ив. Срезневскій*, авторъ сочиненія: «О происхожденіи и причинахъ различія дарованій въ людяхъ». Въ 1806 г. *Рижскій* издалъ уже: «Введеніе въ кругъ Словесности» и «Опытъ Риторикъ». Кромѣ трудовъ кабинетныхъ, профессора ѣздили по окрестнымъ степямъ и селамъ, изслѣдуя рѣки, озера, азролиты, флору и бытъ общественный мѣстнаго края. Въ концѣ 1810 года Харьковское Общество уже носило задатки зрѣлаго учено-литературнаго міра...

съ Александромъ Васильевичемъ Склабовскимъ ⁽²⁸⁾, Евграфомъ Филомаентскимъ и Петромъ Петровичемъ Гулакомъ-Артемовскимъ ⁽²⁹⁾, положилъ основаніе литературной дѣятельности въ Харьковѣ. Эта дѣятельность развернулась въ изданіи разомъ нѣсколькихъ журналовъ и газеты, при университетской типографіи, заведенной Каразинымъ, гдѣ потомъ печатались почти всѣ малороссійскія книги. Въ этихъ журналахъ участвовали всѣ пишущіе тогдашніе профессора. Тутъ же явился впервые и Основьяненко, подъ собственнымъ именемъ Квитки. Множество стихотвореній И. Е. Срезневскаго, его переводы псалмовъ и стансы разбросаны также по этимъ журналамъ. Когда онъ умеръ, въ 1819 году, одинъ изъ студентовъ, учениковъ его, Райдаровскій, подошелъ ко гробу, съ прощальнымъ стихотвореніемъ, и сказалъ :

Съ благоговѣніемъ и ужасомъ сердечнымъ,
Я приближаюсь къ гробу твоему!

хотѣлъ прочесть еще нѣсколько строфъ изъ прощальнаго слова, и занялся горькими слезами, въ присутствіи множества свидѣтелей печальной церемоніи. Упомянемъ еще одну извѣстность Харьковскаго Университета. Это былъ профессоръ греческой и французской словесности, Балень де-Балю, «*membre de l'Académie des Inscriptions de Paris*» у котораго была хорошенькая дочь—также предметъ элегій и нѣжныхъ стансовъ молодыхъ его слушателей, именемъ Аспазія. Но—увы! дочь постоянно болѣе привлекала вниманіе сердецъ университетскаго юношества, чѣмъ лекціи славнаго *membre de l'Académie des Inscriptions de Paris*. У Балень де-Балю иногда бывали только... три слушателя. Таковъ былъ въ первое время кругъ преподавателей новаго Университета. Число слушателей скоро возросло до 200. Дешевизна жизни студентовъ, которымъ домосѣды-родители присылали мало денегъ, была въ то время замѣчательна. Квартира со столомъ и прислугою, не далеко отъ центра города, стоила не болѣе 200 р. ассигнаціями въ годъ. Эта дешовая жизнь студентовъ имѣла тѣ послѣдствія, что, напримѣръ, въ Университетѣ считался въ числѣ слушателей, въ продолженіе чуть не пятнадцати лѣтъ, нѣкто Сила Абрамычъ Цыпуринъ, который долженъ былъ, незадолго до нашихъ дней, оставить Универ-

(28) Скончался въ 1831 г., отъ холеры, въ Петербургѣ, гдѣ былъ начальникомъ отдѣленія въ Департаментѣ Удѣловъ.

(29) Приглашенъ, около 1812 г., въ Университетъ читать польскую словесность и всеобщую исторію; въ послѣдствіи сдѣлался извѣстенъ стихотвореніями на малороссійскомъ языкѣ.

ситетъ, неконча курса потому только, что вышелъ законъ, предписывавшій студентамъ оставаться въ одномъ курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ.

Начальство харьковское старалось исподоволь доставить городу развлечения. Заведенъ былъ «дворянскій клубъ» въ домъ Черкесова, потомъ въ домъ Заруднаго. Содержатель его, бывшій фехтовальный учитель при Университетѣ, Ле-дюкъ, одинъ изъ наполеоновскихъ гвардейцевъ 1812 года, бился изо всѣхъ силъ о поддержаніи веселостей этого собранія. Танцовали тутъ до упаду, и главную роль въ экоссезахъ, полонезахъ и à la gresque играла студенческая молодежь. Здѣсь же началъ появляться, уже какъ свѣтскій человѣкъ, и Основьяненко. Сперва онъ былъ простымъ гостемъ, потомъ однимъ изъ членовъ-распорядителей, а наконецъ *директоромъ танцевальнаго клуба*. Вообще, гдѣ возникало что-нибудь новое и нужно было дать толчокъ, являлся Основьяненко. Такъ вскорѣ онъ далъ прочное значеніе харьковскому театру, позднѣе основалъ *Институтъ для дѣвиць*, а въ промежуткахъ своихъ хлопотъ о театрѣ и объ Институтѣ, сталъ издавать первый харьковскій журналъ. Скажемъ обо всемъ этомъ подробнѣе.

Выйдя въ отставку, въ 1807 году, онъ оставался въ бездѣйствіи до 1812 года. Въ Харьковѣ, въ началѣ 1812 года, возникъ правильный и постоянный городской театръ. Онъ помѣщался тогда на площади, противъ нынѣшняго Дворянскаго Собранія. Директоромъ театра вскорѣ явился Основьяненко и сохранялъ это званіе до 1816 года. Имѣя обыкновеніе горячо и страстно браться за всякое дѣло, онъ до-того увлекся театромъ, что чуть даже не женился на одной изъ его актрисъ, извѣстной тогдашней красавицѣ и львицѣ Преженковской, но былъ остановленъ своею матерью. Въ 1841 году, онъ напечаталъ любопытную «Исторію харьковскаго театра, отъ старинныхъ временъ»⁽³⁰⁾. Заимствуемъ изъ этой статьи главныя черты. Еще въ 1780 году въ Харьковѣ давались представленія, нѣчто въ родѣ балетовъ, отставнымъ петербургскаго театра дансѣромъ Иванцкимъ. Потомъ, на временныхъ подмосткахъ, красовалась какая-то «малыришна»⁽³¹⁾ и «Лизка». Новый правитель губерніи съ 1789 года, Кишѣнскій, все оживилъ и возродилъ. Театръ также былъ устроенъ и открытъ въ особомъ зданіи. Любопытны дѣны тогдашнихъ спектаклей. Самъ театръ былъ открытъ въ мѣсяцъ, на сумму 100 руб. асс., собранную по подпискѣ. Потомъ учредили родъ абонемента. Ложа, въ этомъ абоне-

⁽³⁰⁾ «Лит. Газета» 1841 г., № 114 и 115.

⁽³¹⁾ Дочь маляра.

ментъ, на годъ стоила 50 р. асс., кресло на годъ 10 р. асс. Театръ открытъ пьесю Княжнина «Безъ объѣду, домой ѣду». Все шло хорошо. Скоро аѣши объявили, что будетъ играть *нѣкто* господинъ Москвичевъ. Публика повалила въ театръ. Новый дебютантъ долженъ былъ явиться въ пьесѣ «Трубочистъ князь, князь Трубочистъ». Первый выходъ его состоялъ въ томъ, что трубочистъ проваливается на сцену, въ трубу камина, и поетъ веселый куплетъ. Москвичевъ провалился, открылъ ротъ и замолчалъ... Онъ хотѣлъ въ ту минуту провалиться сквозь землю! Передъ нимъ, въ креслахъ партера, какъ разъ въ первомъ ряду, сидѣлъ заѣзжій орловскій губернаторъ, который на то время былъ приглашенъ въ театръ; а Москвичевъ былъ не кто иной, какъ бѣглый орловскій сержантъ, покинувшій мѣсто службы «изъ любви къ искусству!» Губернаторъ зналъ его лично еще въ Орлѣ, гдѣ онъ игралъ въ домашнихъ спектакляхъ въ казармахъ, и захотѣлъ поддержать своего знакома. «Не робѣй, Дмитрій! не робѣй!» сказалъ онъ изъ креселъ громко, и Москвичевъ искусно донгралъ свою роль. Послѣ театра старый и новый начальники Москвичева условились, и онъ тутъ же былъ зачисленъ въ харьковскую труппу актѣровъ. Между прочимъ, Основьяненко рассказываетъ, что этотъ Москвичевъ позволялъ себѣ на сценѣ любопытныя вольности, вызывавшія обыкновенно громкія одобренія. Иногда неожиданно онъ вклеивалъ въ роль разныя имена, а прогос. Напримѣръ, онъ пѣлъ:

Я вамъ, дѣтушки, помѣга —
У Карнова денегъ многа!

Или :

Я вамъ, дѣтушки, помѣга —
У Манухина денегъ многа!

Названные по имени сидѣли въ театрѣ, отмалчивались, причемъ Москвичевъ переходилъ къ другимъ, или развязывали кошельки, вынимали ассигнаціи, а иногда и цѣлкомъ бросали на сцену кошельки, полныя цѣлковыхъ. Москвичевъ принималъ бросаемое, какъ теперь принимаютъ букеты, низко раскланывался и начиналъ опять играть. Любопытныя воспоминанія нашего автора кончаются свѣдѣніями объ учителѣ танцованія Штейнѣ, который содержалъ театръ съ 1816 года. У этого Штейна явился впервые робкій, застѣчивый дебютантъ изъ Курской Губерніи, игравшій до того времени въ Полтавѣ, имя котораго было Щепкипъ... По словамъ Н. Ю. Квитки, его появленію въ Харьковѣ предшествовала аѣра Штейна, который сформировалъ труппу изъ пятнадцати крестьянскихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, показалъ ихъ въ Ко-

ренной Ярмаркѣ и уступилъ извѣстному богачу Каменскому, за 30,000 р. асс. Щепкинъ, по его же словамъ, появлялся сперва въ драматъ и трагедіяхъ, гдѣ игралъ роли принцевъ и графовъ. Основьяненко однажды за кулисами поймалъ его и сказалъ ему: «Эхъ, братъ Щепкинъ! играй въ комедіяхъ: изъ твоихъ оижмъ и министерства постоянно выглядываютъ мольтеровскіе Жокрисы!» Эти слова были многозначительны для будущности великаго комика. М. С. Щепкинъ намъ замѣтилъ, между-прочимъ, что въ драмѣ «Желѣзная Маска» онъ исподоволь въ Харьковѣ сыгралъ всѣ роли, отъ часоваго, лакея, офицера и до герцоговъ. Не игралъ только самой Маски... Любопытенъ одинъ случай во время его жизни у Штейна. Щепкина отпустили въ Москву посмотреть тамошній театръ. Онъ прожилъ въ Москвѣ день, побывалъ въ театрѣ, взглянулъ на тогдашнюю игру и тогдашнихъ актёровъ, и явился къ человѣку, который его привезъ въ Москву. «Отпустите меня уже домой!»—«Какъ, такъ скоро? Чтѣ за причина?»—«Да надо ѣхать домой: прожился совсѣмъ; дорого въ Москвѣ!» И онъ, по словамъ Основьяненка, уѣхалъ въ Харьковъ, не сочтя долгомъ болѣе всматриваться въ игру московскихъ актёровъ.—М. С. Щепкинъ говорилъ намъ, что это нѣсколько неточно, если ему не измѣняетъ память; потому что въ Москвѣ тогда были люди, отъ которыхъ онъ много приобрѣлъ въ своемъ сценическомъ развитіи. Самъ М. С. Щепкинъ занялъ въ труппѣ Штейна мѣсто послѣ комика Угарова, о которомъ онъ отзывался съ большою похвалою и который тогда уѣхалъ въ Екатеринославль. По словамъ знаменитаго артиста, Квитка своею изворотливостью способствовалъ тому, что опера Котляревскаго «Наталка-Полтавка» поставлена впервые въ Харьковѣ. Она, безъ цензуры, сперва дана была въ Полтавѣ, по личному разрѣшенію Г. Г. Рѣпина. Щепкинъ хотѣлъ ее дать въ свой бенефисъ въ Харьковѣ. Квитка сказалъ ему: «Назначьте какую-нибудь старинную пьесу, а передъ самымъ днемъ бенефиса сошлитесь на нездоровье какого-нибудь актёра и просите официально дать, за поспѣшностью Наталку Полтавку, пьесу, уже разрѣшенную для Полтавы». Пьеса была дана.

Званіе директора театра Основьяненко бросилъ, по случаю занятій по Институту, но любовь къ сценѣ осталась въ немъ навсегда и выказалась впоследствии не одинъ разъ въ его литературныхъ трудахъ для сцены. Штейнъ содержалъ театръ съ 1816 по 1827 годъ, когда передалъ его Млатковскому. Млатковскій былъ послѣднею знаменитостью въ числѣ старинныхъ харьковскихъ антрепренёровъ.

Въ это время, съ легкой руки Каразина, вошло въ моду заводить разныя общества съ благотворительною цѣлью. Въ 1814 году Кара-

зину учредилъ, Высочайше потомъ одобренное, «Филотехническое Общество». Что жъ это было за общество? Въ брошюркѣ, изданной въ 1811 году ⁽³²⁾, разсматриваетъ Каразинъ незавидное, грубое, первобытное направленіе южнаго хозяйства и предлагаетъ землякамъ завести центральное учрежденіе для «распространенія разумныхъ познаній о лучшихъ сторонахъ сельской промышленности» и «для заведенія и распространенія образцовыхъ хозяйственныхъ фермъ и фабрикъ». Онъ написалъ «Уставъ Общества», дворяне его подписали, а учредителю предложили мѣсто правителя дѣлъ. Общество начало дѣйствія съ успѣхомъ, подъ руководствомъ Каразина, который не переставалъ подавать проектъ за проектомъ, и всѣхъ поднималъ на ноги ⁽³³⁾.

Успѣхъ «Филотехническаго Общества» вызвалъ у дворянъ мысль основать «Благотворительное Общество», нѣчто въ родѣ Петербургскаго Общества Посѣщенія Бѣдныхъ ⁽³⁴⁾. Какъ успѣшны были занятія этого Общества, видно изъ того, что уже на первыхъ порахъ оно положило основаніе и основало на свой счетъ «Институтъ для обра-

⁽³²⁾ Мысли объ учрежденіи, въ полуденныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи, Общества, подъ названіемъ Филотехническаго, въ пользу домоводства сихъ губерній. Харьковъ. Въ универс. типографіи. 1811 г., 32 стр. Также двѣ брошюры читанныхъ Каразиннымъ рѣчей, въ 1811 и 1813 г.: *О пользѣ просвѣщенія въ домоводствѣ и о необходимости усилить домоводство*, гдѣ высказано много и теперь любопытныхъ мыслей.

⁽³³⁾ Спустя двадцать лѣтъ послѣ этого, онъ встрѣтился въ Москвѣ съ знаменитымъ Гумбольдтомъ и привелъ его въ восторгъ планомъ устройства во всѣхъ государствахъ цѣпи обсерваторій. Въ наши дни этотъ планъ приводится въ исполненіе...

⁽³⁴⁾ По словамъ Н. Ю. Квитки, это Общество помѣщалось тогда въ домѣ Оотіева, за рѣкою Харьковомъ, противъ нынѣшняго дома Задонскаго, въ зданіи низенькомъ, въ два окна. Члены вносили по 25 р. асс. въ годъ. Набиралась въ классы этого Общества дѣвочки съ моекъ и просто съ улицы. Иные вмѣсто денегъ вносили хлѣбъ, муку, холстъ. На десять дѣвочекъ всѣхъ классовъ былъ сперва гимназическій учитель, безъ жалованья. Скоро стали сюда поступать просьбы и отъ бѣдныхъ дворянъ о помѣщеніи ихъ дѣтей. Заведеніе разрослось и было переведено въ домъ нынѣшней Палаты Государственныхъ Имуществъ, съ куполомъ, украсившись надписью: «Харьковскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ *Общества Благотворенія*». Когда Институтъ перешелъ подъ вѣдѣніе Императрицы Маріи Феодоровны, два послѣднія слова на вывѣскѣ были стерты. Наконецъ, былъ купленъ на пожертвованныя Демидовымъ 20,000 р. асс., у полковницы Шарановой, домъ на Екатеринославской Улицѣ.

зованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ». Первая мысль объ учрежденіи этого Института принадлежала, по словамъ г. Срезневскаго (35), Основьяненкѣ, который былъ въ то же время ревностѣйшимъ членомъ и правителемъ дѣлъ Благотворительнаго Общества, и даже литературное, или печатное поприще свое началъ статью, въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1816 года, объ этомъ Институтѣ. Общество Благотворенія, направляемое въ своихъ дѣйствіяхъ вліяніемъ Основьяненка, собрало значительную сумму общихъ приношеній, и Институтъ для дѣвицъ былъ открытъ въ 1812 году, черезъ семь лѣтъ послѣ открытія Университета и черезъ годъ по открытіи Филотехническаго Общества. Актъ на открытіе Института подписанъ въ одинъ день съ актомъ объ ополченіи, 27-го іюля 1812 года. На Квитку возложено было открыть Институтъ 10-го сентября, что онъ и исполнилъ въ то время, какъ непріятель занималъ Москву... Основьяненкѣ вѣрено было главное управление дѣлами Института, на который онъ, по словамъ г. Срезневскаго, «принесъ въ жертву почти все достояніе свое». Вскорѣ, по ходатайству Основьяненка, блаженной памяти императрица Марія Феодоровна приняла Харьковскій Институтъ подъ свое покровительство. Это было въ 1818 (36).

Вотъ что говорить К. М. Семеновскій объ участіи Основьяненка въ этомъ дѣлѣ:

«Оставаясь въ званіи правителя дѣлъ Общества Благотворенія, Г. Ф. Квитка оказалъ краю услугу, которой одной достаточно было бы для сохраненія памяти о немъ. Однимъ изъ попеченій Общества было доставленіе воспитанія юношеству бѣдныхъ семействъ...

«Дѣти мужескаго пола опредѣляемы были, на вѣдвеніи общества, въ пансіонъ при губернской гимназій; для воспитанія же дѣвицъ, ни въ Харьковской, ни въ сосѣднихъ губерніяхъ, не существовало еще тогда общественныхъ учебныхъ заведеній. Квиткѣ принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи такого заведенія въ Харьковѣ; его же заботливости, трудамъ и жертвамъ принадлежитъ и осуществленіе этой мысли. По его старанію открытъ Институтъ, гдѣ должны были получать воспитаніе изъ каждаго уѣзда Харьковской Губерніи, по двѣ дѣвицы благороднаго происхожденія, изъ бѣднѣйшихъ семействъ, чтобы потомъ, въ свою очередь,

(35) По словамъ И. И. Срезневскаго, въ «Харьк. Губ. Вѣдомостяхъ», 1843 г., № 33, въ статьѣ *О кончинѣ Г. Ф. Квитки*, стр. 299.

(36) Подробности объ этомъ находятся въ статьѣ *Велихова*, напечатанной въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1840 г., № 159, и «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» того же года, № 26.

быть наставниками и учительницами дочерей достаточных помѣщиковъ. Скоро туда были помѣшаемы и дочери помѣщиковъ, на ихъ собственномъ иждивеніи и насчетъ казны Императрицы Маріи Ѳеодоровны».

Когда Институтъ, по представленію Квитки, уже избраннаго въ 1817 году предводителемъ дворянства Харьковскаго Уѣзда, поступилъ въ число казенныхъ заведеній, учредителю его поручено составить «Совѣтъ» для управленія Институтомъ. Въ январѣ 1818 года Основьяненко, по выборамъ, утвержденъ членомъ Институтскаго Совѣта и оставался въ этой должности до мая 1821 года. Н. Ю. Квитка говоритъ, что въ 1816 году Основьяненко сочинилъ «Кадриль» для встрѣчи возвращавшихся въ Харьковъ изъ Парижа войскъ. Здѣсь, между-прочимъ, былъ хоръ, гдѣ дѣвочки пѣли:

Милости просимъ, гости желанны,
Лавры пожавши, къ намъ отдохнуть!

Позже, его же стараніями, открыты въ Харьковѣ: Кадетскій Корпусъ, переведенный потомъ въ Полтаву, и Публичная Библиотека при Университѣ. Основьяненко въ нѣкоторыхъ изъ незаданныхъ писемъ своихъ, въ 1839 году, съ восторгомъ воспоминаетъ объ этомъ времени и о заслуженномъ торжествѣ своемъ. Харьковскій Институтъ имѣлъ еще особенно-благое значеніе для нашего автора. Черезъ отношенія къ нему, онъ узналъ одну изъ достойнѣйшихъ его классныхъ дамъ, на которой вскорѣ и женился. Свадьбѣ предшествовала самая страстная любовь, которой, по словамъ М. С. Щенкина, отвѣчали неменѣе-нѣжно и пылко⁽⁸⁷⁾. Супруга имѣла такое важное значеніе въ литературной жизни Основьяненка, что мы постараемся подробнѣе, словами его же собственной корреспонденціи, обрисовать ее. Около 1818 года, изъ Петербурга пріѣхала въ Харьковъ на мѣсто классной дамы одна изъ пепиньерокъ Екатерининскаго Института. Тогда Основьяненкѣ было уже *подъ-сорокъ лѣтъ*. Черезъ два года по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, около 1821 года, классная дама вышла за Основьяненка замужъ и осчастливила его, по собствен-

(87) Около 1814—1815 г., по словамъ Н. Ю. Квитки, Основьяненко ѣздилъ въ Москву, по семейному дѣлу А. М. Зарудной съ А. Г. Хитровою, ея внучкою, которую она обошла какъ-то въ дѣлѣжъ имѣнія. Поѣздка обошлась нашему автору что-то очень-дорого, говорятъ не менѣе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, и была очень-мало вознаграждена домою въ 3,000 руб. сер. Эта поѣздка явно отразилась въ «Письмахъ Повиухина» два года спустя.

нымъ его словамъ, на всю жизнь ⁽³⁸⁾. Это была знаменитая и почтенная Анна Григорьевна, которой имя такъ часто встрѣчается въ «посвященіяхъ повѣстей» ея мужа, которая принимала участіе во всѣхъ заботахъ и трудахъ нашего автора, лелѣла жизнь его, выслушивала и поправляла его сочиненія, смотрѣла на его литературную судьбу, какъ на свою собственную, на его сочиненія, какъ на что-то сверхъестественное, и когда не стало на свѣтъ ея стараго друга, она бросила свѣтъ и «съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда могла за нимъ сойти въ могилу».

Вотъ какъ о ней говоритъ самъ Основьяненко, въ письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ 8-го февраля 1839 года: «Мой собственный цензоръ и критикъ мой безпристрастный, Анна Григорьевна, находитъ, что «Ширая любовь» интереснѣе «Маруси» ⁽³⁹⁾. Не знаю, какъ въ свое время посудите; но я ей вѣрю; что было бы безъ ея руководства? Если занесусь, она меня притянетъ; если опускаюсь низко, она велитъ вылезти, или оставить и приподняться; она-то въ пору меня останавливаетъ въ разговорахъ, въ описаніи дѣйствій... Она судьбой дана мнѣ въ награду, не знаю, за что, но только изъ того Института, который здѣсь учрежденъ! Она первая прибыла сюда классная дама и наградила меня собою за всѣ заботы мои объ Институтѣ! Жизнь моя коловратна; когда-нибудь передамъ, хоть въ отрывкахъ, для любопытства». При этомъ письмѣ приложено письмо Анны Григорьевны къ П. А. Плетневу, отъ 1-го февраля 1839 года, въ которомъ, между прочимъ, она пишетъ: «Я — Вульфъ, первая, выпущенная въ 1817 году, и на другой же годъ изъ пенинверокъ отправленная, по волѣ императрицы Маріи Феодоровны, въ Харьковскій Институтъ, гдѣ, находясь два года, вышла замужъ за основателя и члена сего же заведенія, нынѣ извѣстнаго Грицька Основьяненка... Вы справедливо сказали, что я счастлива,

⁽³⁸⁾ Намъ неизвѣстно съ точностью время женитьбы Квитки; свѣдѣнія наши основаны на приводимыхъ здѣсь письмахъ жены его и на слѣдующемъ письмѣ г. *Вилламова*, изъ Гатчины, отъ 27-го сентября 1820 года, къ нашему автору: «Я имѣлъ счастье докладывать Государынѣ Императрицѣ, по доставленному отъ 11-го сего мѣсяца всеподданнѣйшему прошенію, о желаніи вашемъ сочетаться бракомъ съ классною дамою, дѣвицею Вульфъ; и Е. И. Величество изъявить изволила на то Высочайшее согласіе, со всемилостивѣйшимъ желаніемъ вамъ на сей союзъ благословенія Всевышняго и всякаго благополучія».

⁽³⁹⁾ Извѣстныя повѣсти Основьяненка, которыя тогда переводились имъ самимъ съ малороссійскаго для «Современника».

ибо какое благо въ мірѣ можетъ сравниться съ тѣмъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, которое я имѣю въ моемъ мужѣ-другѣ! О, какъ вы хорошо разгадали эту рѣдкую душу!» Другое письмо Анны Григорьевны къ П. А. Плетневу, отъ того же февраля 1839 года, еще любопытнѣе; въ немъ сохранены любопытныя свѣдѣнія о жизни Основьяненки въ первые годы его женитьбы. Вотъ оно: «Вы пишете, что я напомнила вамъ одну изъ счастливѣйшихъ эпохъ вашей жизни; эти слова воскресили и въ моей душѣ пріятнѣйшія воспоминанія юности моей, когда я, безпечная, веселая, думала, что весь свѣтъ заключается въ стѣнахъ институтскихъ и что быть пениньеркой есть такое счастье, съ которымъ ничто сравниться не можетъ, а вступить въ классныя дамы, чего я только тогда не ожидала, значило уже устроить свою судьбу навѣкъ. Но вотъ какъ судьба разрушила всѣ мои планы; мнѣ дали чинъ классной дамы, но съ какимъ пожертвованіемъ? Чтобы я ѣхала въ Харьковъ! И до-сихъ-поръ живо помню, какъ поразило меня это извѣстіе; и когда я уже увидала, что это неизбѣжно, что я должна разстаться съ Институтомъ и съ моими милыми подругами, я думала, что умру съ отчаянія! Остальное вамъ извѣстно; однакожь, вышедши замужъ, я не переставала мечтать о Петербургѣ и часто просила моего мужа найти какую-нибудь должность и переѣхать туда; но онъ, любя свою родину и привязанъ будучи къ своимъ роднымъ, никакъ на то не рѣшался! Такъ прошли годъ за годомъ; и вотъ я ужъ восемнадцать лѣтъ постоянная жительница Малороссіи... нѣтъ, двадцать, потому что два года была классною дамою. Первые десять лѣтъ жили мы въ самомъ городѣ, гдѣ и тогда я рѣдко бывала въ свѣтѣ; а вотъ восемь лѣтъ, какъ я веду жизнь совершенно-отшельническую, живя на Основѣ, которая тогда оживляется, когда кто изъ родныхъ пріѣдетъ, какъ прошедшее лѣто я провела съ милой и любезной т-ше Башуцкой»⁽⁴⁰⁾. Хлопоты по устройству Института не всегда приносили однѣ розы нашему автору; въ письмѣ отъ 26-го апрѣля 1839 года онъ говоритъ: «Вотъ мое чистосердечное сознание; никогда я не думалъ писать что-либо! Читанное не нравилось; а если встрѣчалось что-либо, сходствовавшее съ моимъ разумѣніемъ, я находилъ, что не съ той точки писавшій смотрѣлъ, не то замѣтилъ. Отдаленность отъ дѣйствователей и пребываніе въ здѣшней пустынѣ не лелѣяли дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждали во мнѣ охоты писать. Притомъ же занятія, пріятныя для души и сердца моего, обладали тогда мною въ высшей

⁽⁴⁰⁾ Марья Андреевна, дочь Андрея Ѳедоровича Квитки, роднаго брата Основьяненки.

степени... Я устраивалъ Институтъ — самая мысль, такъ новая для здѣшняго края; боролся съ мнѣніями, предрасудками, понятіями; прозавелъ, и въ награду увидѣлъ зависть, дѣйствующую противъ меня со всѣмъ ожесточеніемъ! Бросилъ всѣ мои труды и тутъ-то, посланному мнѣ Богомъ Анною Григорьевною побужденный, привался писать!»

Институтъ былъ, какъ читатель видѣлъ, причиною женитьбы нашего автора. Въ это время, по словамъ М. А. Коростовцевой, родственницы Основьяненка, нашъ авторъ жилъ у своей матери, въ ея домѣ на Екатеринославской Улицѣ, недалеко отъ Холодной Горы, противъ Дмитріевской Церкви. Институтъ былъ тогда тоже близко, тотчасъ за церковью, и Основьяненко со службы шелъ къ матери прямо черезъ калитку институтскаго сада. По словамъ Е. И. С—ой, бывшей тогда тоже сосѣдкою по квартирѣ Квитки, помѣщеніе нашего автора заключалось въ двухъ коннатахъ: большой, въ три окна во дворъ, и маленькой спальнѣ, въ одно окно, выходившее въ садъ.

Домъ, гдѣ онъ жилъ, принадлежалъ Кундиной. Въ этой квартирѣ три первые мѣсяца онъ провелъ и женатый; туда ему носили, между прочимъ, отъ матери, жившей по сосѣдству, въ домѣ дочери своей, чай, а обѣдалъ онъ съ матерью. Прибавимъ, что мать нашего автора была въ числѣ директриссъ Института. М. А. Ко—цева воспитывалась тогда въ домѣ матери Основьяненка, съ его сестрами. Она помнитъ, какъ Основьяненко постоянно обѣдалъ съ ними, шутилъ, рассказывалъ объ Институтѣ и шалуньяхъ-институткахъ; помнитъ его въ тогдашнемъ темномъ сюртукѣ, съ многочисленными, мелкими складками на талъи, въ *чунаркѣ*, какъ ее называли; помнитъ его умные, черные глаза, изъ которыхъ одинъ былъ полузакрытъ, и его доброе, кроткое лицо⁽⁴¹⁾.

Судя по приведеннымъ письмамъ Анны Григорьевны, онъ женился около 1821 года, слѣдовательно сорока лѣтъ отъ-роду. Въ это почти время начинается и его литературная карьера.

III.

Первые литературные вечера въ Харьковѣ. — Начало журналистики. — Украинская литература до Квитки. — Первые журналы.

Въ домѣ жены губернскаго прокурора Любовниковой, которую досихъ-поръ съ почтеніемъ вспоминаютъ бывшіе тогда студенты харьковскіе, стали собираться по вечерамъ *для чтенія*. Эти первые «лите-

(41) Нами пріобрѣтенъ фотографическій снимокъ съ портрета, писаннаго съ автора масляными красками во весь ростъ, въ эту счастливую пору.

ратурные вечера» собирали цвѣтъ тогдашняго харьковскаго ученаго и литературнаго свѣта, профессоровъ, студентовъ и всякихъ дилеттантовъ, словомъ, все мыслящее общество маленькаго городка, гдѣ тогда было не болѣе двѣнадцать тысячъ жителей. Здѣсь сталъ появляться, со своими малороссійскими анекдотами, игрою на флейтѣ и пьесами для фортепьяно, своего сочиненія, и будущій Основьяненко.

Вслѣдъ за вечерами Любовниковой, открылись литературныя чтенія у Гонорскаго, названнаго нами выше молодаго адъюнкта русской словесности. Основьяненко, появляясь здѣсь, уже не сидѣлъ молча, а позволялъ себѣ разсуждать о тогдашней русской литературѣ. Читалось, однако, тогда мало. Книги привозились въ Харьковъ, до 1805 года, московскими книгопродавцами, во время ярмарокъ. Помѣщики запасались букварями для дѣтей, кое-чѣмъ новымъ для себя, изъ фаланги «Псовыхъ охотниковъ», «Ружейныхъ егерей», «Домашнихъ аптекарей» и «Домашнихъ кухарокъ»; и затѣмъ временныя книжныя лавки опять скрывались изъ Харькова ⁽⁴²⁾. Тамъ, гдѣ теперь въ гостиномъ дворѣ извѣстная книжная лавка Апарина, возникла скоро постоянная, маленькая кладовая книгъ отъ московскаго магазина М. П. Глазунова ⁽⁴³⁾. Тогда болѣе шелъ въ продажу «Анахарсисъ». Однажды, это было около 1814 года, въ лавку вошелъ робкій молодой студентъ, Н. К. М — и, отъ котораго мы это слышали, и принесъ подъ-мышкою книгопродавцу толстую тетрадь, предлагая ее купить. Тетрадь была переводъ романа г. Кубуадоръ, подъ именемъ «Ужасы судьбы, или четыре несчастливца», романа sentimentalнаго и иѣжнаго, несмотря на заглавіе. Владѣтель магазина повернулъ въ рукахъ увѣсистую кипу листовъ, взглянулъ на молодаго автора и предложилъ ему за всѣ три тома: двадцать-пять рублей ассигнаціями. Таковы были тогдашнія харьковскія средства въ-отношеніи литературныхъ изданій! Одинъ шагъ уже оставался къ изданію журнала.

Украинская литература начинается народной *пѣсней* и *сказкой*. Гоголь говорилъ: «Пѣсня для малороссіянина все — и поэзія, и отцовская могила. Онѣ могутъ вполне назваться историческими, потому-что

Этотъ портретъ впервые нами опубликованъ при «Пантеонѣ», въ этомъ году. На портретѣ Квитка изображенъ съ уставомъ Института въ рукѣ, въ легкихъ бакенбардахъ и съ густыми волосами, что отличается отъ единственнаго его портрета, изданнаго при «Молодикѣ» г. Башиловымъ.

⁽⁴²⁾ Со словъ И. Т. Лисенкова, бывшаго прикащикомъ въ одной изъ книжныхъ лавокъ того времени.

⁽⁴³⁾ Брата петербургскаго книгопродавца И. П. Глазунова.

не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ, тогдашнему событію». Пѣсня — дневникъ украинца, лирическая лѣтопись, куда онъ вносилъ въ былые годы все, что чувствовалъ, мыслилъ и дѣлалъ. Украинская сказка — это украинская эпопея. Здѣсь все туземное, обыденное, едва-подернутое оттънкомъ фантастическимъ. Иногда залетаютъ сюда и стороны чуждой странѣ жизни, вымыслы иныхъ народовъ. Сказка степная говоритъ только о тѣхъ картинахъ и событіяхъ, которыя проходятъ передъ глазами простолюдина, которыя затрогиваютъ его творческую мыслительность, почти не отрывая его отъ домашнего порога, огорода, его вишневаго сада, стени, плуга и воловъ. Пѣсня и сказка украинскія составляли степную, ходячую лирику и эпосъ задолго до появленія книжной дѣятельности въ степяхъ. Печатная же украинская литература начинается, какъ и вездѣ, лѣтоисцами. Центромъ ея сперва явился Кіевъ — колыбель русской жизни; потомъ, съ началомъ XIX-го вѣка, ея средоточіе перешло въ Харьковъ, гдѣ былъ открытъ первый южно-русскій университетъ. Въ послѣдніе годы Кіевъ и Харьковъ нераздѣльно идутъ впереди литературной дѣятельности Украины...

Древнѣйшими памятниками степнаго нарѣчія были, съ XI-го вѣка, отрывки въ сказаніяхъ Нестора, Кирилла Туровскаго, «Слово о Полку Игоря», Ефрема Суріца, въ грамматахъ князей владимірскихъ и галицкихъ, и въ поученіи Владимира Мономаха. Позже это нарѣчіе является, въ смѣшеніи съ польскимъ и бѣлорусскимъ, въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, у Петра Могилы, Лазаря Барановича, Антонія Радзивиловскаго и въ переводахъ: Библіи докторомъ Скоринною и проповѣдей цареградскаго патріарха Каллиста. Организованнымъ является оно въ «Литовскомъ Статутѣ» и въ «Словарѣ» Памвы Беринды, въ «Гетманскихъ университетахъ» и полныхъ лѣтописяхъ, какова извѣстная лѣтопись Величко, недавно-изданная. Сюда же относятся: старинные акты Южной Руси, письма Мазепы къ дочери Кочубея и два любопытные памятника: «Кроныка зъ лѣтописцевъ стародавнихъ, Феодосія Софоновича, игумена Михайловскаго Златоверхаго Монастыря въ Кіевѣ, 1672—81 года», упоминаемая г. Бодянскимъ въ «Ученыхъ Запискахъ» Московскаго Университета, 1834 г., ч. VI, стр. 287—313, въ превосходной статьѣ подъ псевдонимомъ: *Мастакъ*, и «Изборникъ Святослава», составленный кіевскимъ дьякомъ Иоанномъ. Эта литература, впрочемъ, оставалась еще совершенно-чуждою народу и не могла имѣть никакого вліянія на появленіе послѣдующихъ украинскихъ поэтовъ и литераторовъ. Со времени Петра-Великаго украинское нарѣчіе начинаетъ выработываться подъ рукою ученыхъ. Проповѣдники начѣла XVIII-го вѣка были почти все малороссы, переселившіеся съ юга въ наши столицы. Ме-

летій Смотрицкій, коренной украинець, былъ первый русскій грамматикъ. Другой грамматикъ Павловскій, въ 1818 году, издалъ: «Грамматку малороссійскаго нарѣчїа», гдѣ (на стр. 90 — 93) помѣстилъ цѣлый разсказъ поукраински отрывокъ изъ исторїи нѣкоего малороссіянина. Въ это же почти время раздались въ печати и первые звуки собственно-литературнаго украинскаго языка: то былъ извѣстный авторъ «Энеиды, вывороченной наизнанку», Котляревскій. Въ «Перелюбованной Энеидѣ», писанной въ 1798, 1808 и 1809 годахъ и изданной вполнѣ уже въ 1842 году, хотя для насъ заключается порядочная частица снотворности и воды, господствуетъ, тѣмъ неменѣе, чистый малороссійскій языкъ «*puritatis legitimaе*», какииъ впоследствии писалъ рѣдкїи изъ южно-русскихъ писателей, не исключая и Квитки, писавшаго на смѣшанномъ харьковскомъ нарѣчїи. Вслѣдъ за «Энеидою» Котляревскій написалъ двѣ оперетки: «Натайка-Полтавка» и «Москаль-Чаривникъ», обѣ изданныя только въ 1838—1841 годахъ, въ «Украинскомъ Сборникѣ» г. Срезневскаго. Между Котляревскимъ и собирателями украинской старины, рядъ которыхъ открылъ въ 1819 году князь Н. А. Цертелевъ, является въ одно время съ Основаєннєнкомъ Гулакъ-Артемовскій, авторъ пьесъ: «Твардовскій», «Тюхтїй та Чванькò», «Солопїй та Хївря, або горохъ при дорози», «Панъ та собака», «Батько та сынъ», и переводовъ изъ Гёте: «Рыбакъ» и одъ Горация, названнаго имъ «Гараською»... О Квиткѣ скажется подробно въ нашей статьѣ. Здѣсь назовемъ его современниковъ и преемниковъ, чтобъ вполнѣ очертить нашу рамку украинской литературы, въ средѣ которой онъ появился въ 1816 году. Князь Цертелевъ издалъ въ 1819 году «Старинныя малороссійскїя пѣсни». За нимъ М. А. Максимовичъ, въ 1824 году, издалъ также «Малороссійскїя пѣсни», которыхъ продолженіемъ служили впоследствии другіе сборники его пѣсенъ и нѣсколько томовъ его сборника «Кїевлянипъ». Вслѣдъ за Максимовичемъ выступилъ другой ученый, П. И. Срезневскій, съ «Украинскимъ Сборникомъ», «Украинскими Былями» и любопытнѣйшимъ изданіемъ своимъ, составляющимъ теперь рѣдкость: «Малороссійская и Запорожская Старина». Въ последнее время, въ числѣ собирателей украинской старины, стоитъ имя А. Л. Метлинскаго, извѣстнаго болѣе по псевдониму *Амеросїя Могила*, который издалъ свои «Думки та Пѣсни», «Южно-Русскій Сборникъ» и недавно прекрасный и обширнѣйшїиъ сборникъ «Народныхъ южно-русскихъ пѣсенъ». Наконецъ, къ числу собирателей степной народности мы должны отнести г. Аознасьева, издавашаго недавно въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ» нѣсколько варіантовъ южно-русскихъ думъ, г. Лукашевича, К. Сементовскаго и автора двухъ замѣчательныхъ диссертаций по русской литературѣ въ

Харьковскомъ Университетѣ Н. К—ова. Въ числѣ иностранцевъ, трудившихся надъ украинскою стариною, стоятъ имена: въ Галиціи—Вацлава въ Олеска, Жеготы Паули, Лозинскаго, Левидкаго и Ваглевича. Послеъ этихъ именъ мы должны назвать украинскихъ писателей собственно-литературнаго характера, повѣствователей и драматурговъ. Но читатель напрасно бы искалъ ихъ въ памяти лицъ, слѣдившихъ за степною поэзіей. Мы не будемъ рекомендовать ему ни Василя Нарѣжнаго, писавшаго о Малороссіи, хотя этого автора съ его «Бурсакомъ», гдѣ героини носятъ имена греческія, ставили въ родоначальники бурсаковъ Гоголя въ «Вітѣ» и «Тарасѣ Бульбѣ», а повѣсть «Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ» въ родоначальницы повѣсти «О томъ, какъ Иванъ Иванычъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ», потому только развѣ, что въ обѣихъ есть «по два Ивана» и «по страсти къ тяжбамъ». У г. Кукольника тоже есть романъ, гдѣ на сценѣ «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова» и тоже страсть къ сутяжничеству... Въ подобномъ сходствѣ наконецъ можно упрекнуть и «Героя нашего времени» съ «Рыцаремъ нашего времени» Карамзина. Не будемъ рекомендовать читателю и Ореста Сомова, писавшаго въ тридцатыхъ годахъ подъ именемъ *Порфирія Байскаго*, автора повѣстей: «Юродивый», «Гайдамакъ», «Русалка», «Оборотень», «Ночлегъ Гайдамаковъ», «Сватовство», «Живой въ обители блаженства вѣчнаго», «Кіевскія Вѣдьмы», «Недосозданіе» и «Недобрый глазъ». Это все невинная и давно-забытая старина. Въ одно время съ Сомовымъ явился другой украинскій романистъ Петръ Голота, написавшій, съ 1832 года, романы: «Иванъ Мазепа», «Наливайко» и «Хмѣльницкіе», и вслѣдъ за нимъ г. Александръ Кузьмичъ и позднѣйшіе повѣствователи и стихотворцы: Корсунъ, Петренко, Писаревскій, Кореницкій, Шерепера, Забѣлла и Боровиковскій. Болѣе замѣтно выдался изъ среды послѣдней эпохи харьковско-полтавской литературы Евгений Гребенка. Мы должны указать еще на Маркевича, автора «Украинскихъ Мелодій», на Бодянскаго, который, подъ псевдонимомъ *Запорожца Иськи Материнки*, въ 1833 году, издалъ первый опытъ пересказыванія, только помалороссійски, степныхъ сказокъ; и наконецъ на г. Кирилла Топѣли, который, послеъ автора «Думъ», рано сошедшаго съ литературнаго поприща, едва-ли не болѣе другихъ украинскихъ поэтовъ говорить сердцу.

Но, при страстномъ желаніи посѣтителей вечеровъ у Любовниковой и Гонорскаго, изданіе это долго не осуществлялось. Наконецъ, журналъ—гордость маленькаго городка—въ началѣ 1846 года вышелъ, и Основьяненко въ немъ съ первыхъ же поръ является, прямо, *однимъ изъ издателей*. Остановивши нѣсколько-долѣе надъ этими временемъ

и его лицами, имѣвшими сильное вліяніе на послѣдующую дѣятельность Основьяненка.

Журналъ, который сталъ выходить при харьковской типографіи, назывался «Украинскій Вѣстникъ». Онъ выходилъ, въ шестнадцатую долю листа, въ 1816, 1817 и 1818 годахъ, и составляетъ теперь для самыхъ библіомановъ *библиографическую рѣдкость*. Редакторами его были Евграфъ Филомаентскій и Разумникъ Тимофеевичъ Гонорскій. Въ концѣ четвертой и послѣдней части этого журнала за первый годъ, при извѣстіи объ изданіи его въ слѣдующемъ году, въ главѣ двухъ этихъ издателей, подписался и Основьяненко настоящимъ своимъ именемъ: *Григорій Квитка*.

Подъ редакцію Основьяненка и двухъ другихъ издателей «Украинскій Вѣстникъ» тотчасъ сталъ на твердую ногу. Мы пересмотрѣли его. Здѣсь, кромѣ общихъ тогдашнему времени произведеній въ родѣ «Осенней прогулки въ день моего ангела», печатались и дѣльныя статьи ученаго содержания: «Введеніе въ исторію Малороссіи» (1818 г., VII ч. 260 стр. и VIII 73 стр.), «О Малой Россіи», соч. М. Грибовскаго (1816 г. I ч.), «Гетманъ Хмѣльницкій», «Сковорода» (1817 г. VI ч., 106 стр.) и статьи критическія: «Живописная проза» и «О гармоніи слова», одного изъ издателей его, Р. Т. Гонорскаго. Основьяненко печаталъ здѣсь, за подписью *Григорія Квитки*, отчеты о Благотворительномъ Обществѣ и объ Институтѣ, и статьи юмористическія, производившія въ Харьковѣ фуроръ, подъ псевдонимомъ *Фалалея Повинухина*. Въ отчетахъ объ Институтѣ Основьяненко вдохновляется дѣломъ рукъ своихъ и безпрестанно приводитъ громкія слова: «Россіянки, прекрасныя дщери отчизны, кѣмъ Россы рождены, кѣмъ Россы плѣнны!» Въ письмахъ Фалалея Повинухина, мѣшая русскій языкъ съ французскимъ, начиная ихъ словами: «пардонъ, месіе; миль пардонъ!» прибавляя: «же ву мерси!» авторъ жалуется на свою жену, которая будто-бы только рядится, да раздѣжаетъ по театрамъ; жалуется на сосѣдей, которые будто-бы узнали уже его роковое имя и хотятъ его поколотить; проситъ черезъ журналъ выслать ему француза-учителя; становится, по желанію учителя, изъ Фалалея, *Фалурденомъ Повинухинымъ*; объявляетъ, что учитель, выстѣ съ ящиками, привезъ изъ Харькова и *мадамъ*; что учитель съ мадамою везутъ его въ Москву; что въ Тулѣ его хватаютъ за долги, что онъ угощаетъ квартальнаго; за неоплаченный счетъ завтрака, попадаетъ въ маркѣры и, наконецъ, въ нахлѣбники къ одному помѣщику, гдѣ ему, впрочемъ, хорошо, потому-что тамъ его встрѣтило все готовое: столъ, вино и баня. Въ 1817 г., въ V-й части «Вѣстника» Основьяненко напечаталъ письмо

къ редакторамъ, гдѣ говорятъ: «Почтенные сотрудники! я получалъ на выборахъ должность предводителя дворянства, поэтому отказываюсь отъ участія въ журналѣ; самымъ издателемъ убѣдило меня быть *только горячайшее желаніе пользы краю*, тогда—какъ я несъ лишь званіе издателя и не имѣлъ способностей не только писать, но и быть полезнымъ въ вашихъ совѣщаніяхъ! Прошу передѣлывать дальнѣйшія мои статьи объ Институтѣ, о чемъ просить побуждаетъ меня также не слава *прослыть мастеромъ слова!*» Но недолго блаженствовали издатели на лаврахъ... Въ Харьковѣ основался другой журналъ — совершенная противоположность «Украинскому Вѣстнику», журналъ, подъ названіемъ «Харьковскій Демокритъ, тысяча первый журналъ», издаваемый Василюемъ Масловичемъ. Въ эпиграфѣ его стоитъ :

Журналовъ тысяча, а книги ни одной...

На сколько первый журналъ былъ строгъ и ученъ, на столько второй былъ веселъ и шутивъ, смѣялся надъ ученостью, и на всякую важную и строгую вещь писалъ пародіи. Самые мѣсяцы, въ которые онъ издавался (а такихъ было всего шесть, потому—что уже въ концѣ шестаго, на послѣдней страничкѣ, стояла меланхолическая строчка: *кончина Демокрита*), самые мѣсяцы на заглавныхъ листахъ его носили особыя имена, напримѣръ: *Аи, ай, ай! мѣсяць май—тепель, да холодень!* Здѣсь печатались плохія описанія города Харькова въ стихахъ. Издатели «Украинскаго Вѣстника», преклонивъ оружіе, сами стали въ ряды сотрудниковъ веселаго «Демокрита» и его редактора, который, впрочемъ, былъ старѣе ихъ всѣхъ, носилъ парикъ и очки. Между—прочимъ, Основьяненко появился здѣсь съ стихотвореніями, подъ которыми вездѣ стоитъ полная его подпись *Григорій Квитка*. Эти стихотворенія «Воззваніе къ женщинамъ» и искусные «Двойные акrostихи» любопытны тѣмъ—болѣе, что ихъ писалъ будущій веселый авторъ украинскихъ повѣстей и писалъ почти на сороковомъ году жизни.

Вотъ отрывки напечатанныхъ и неупоминаемыхъ ни однимъ изъ его біографовъ стихотвореній Основьяненка:

Воззваніе къ женщинамъ.

Волосы сѣдѣютъ,
Зубы ужъ падуть;
Душеньки, прощайте,
Не могу любить!
Обожалъ я Машу,
Катъ строишь куръ,

Чуть не застрѣлся —
Надю, какъ узналъ! (Январь, 1816 годъ, стр. 50—61).

Не хочу.

Люди добрые, винюся!
 Вѣрите, право, не шучу!
 Передъ всѣми признаюся,
 Что жениться я хочу!
 Женщинъ много въ бѣломъ свѣтѣ,
 Я тотчасъ жену сыщу;
 Маша, ты одна въ предметъ,
 Согласишься ль? Не хочу! (Стр. 112—114).

Много именъ отвѣчаетъ ему на вопросы словомъ *не хочу!* пока, наконецъ, онъ самъ догадывается и заключаетъ :

Коль никто идти не хочетъ —
 Такъ и я ужь не хочу!

Въ мартовской книгѣ «Демокрита» напечатано стихотвореніе его «Мнѣ». Но любопытнѣе всего его двойные акrostихи. Вотъ образчикъ одного изъ нихъ (118 стр.), гдѣ имя акrostиха составляется и въ началѣ и въ концѣ:

Надя.

На толь тебя узналъ, чтобы отдаться въ плѣмъ?
 Ахъ! страстію горю часа ужь два!
 Другихъ оставилъ я, исполнить чтобъ обрядъ!
 Я долженъ же спросить, любимъ ли я?

Въ числѣ рукописныхъ, оставшихся послѣ его смерти, стихотвореній, назовемъ «Мой разговоръ съ Ванькою, въ день моего рожденія» и басню «Осель и Звѣри», гдѣ мы нашли, между-прочимъ, такой звуко-подражательный стихъ:

Рогами быкъ бока бодалъ...

Н. Ю. Квитка доставилъ намъ, въ числѣ другихъ бумагъ покойнаго, еще два неизданныя стихотворенія Основьяненко: «Посвященіе альбома», будто бы переводъ изъ Горация, подъ которымъ стоитъ подпись *5 января 1816 года, Кяхта*; и «Прибавленіе къ посвященію альбома». Вотъ начало этой сентиментальной старины:

Т. СШ. — Отд. II.

3

ПОСВЯЩЕНІЕ АЛЬБОМА.

(Переводъ изъ Горация).

«Твой кумъ

Привыкъ всегда безъ дальнихъ думъ,

Что въ сердцѣ зародится,

Тотчасъ и изъяснится,

И правду рѣжетъ завсегда.

Примѣромъ — скажемъ съ позволенья,

Прекрасна ты, ей-Богу, безъ сравненья!

Ну правда вить!... а правда не бѣда!

И если бы случилось —

Не онъ... О! нѣтъ, не онъ, а какъ бы такъ сказать,

Что сердце бы его въ тебя влюбилось;

Не будетъ онъ молчать!

Хотя не скажетъ, такъ напишетъ,

Что сердце все его тобою дышетъ.

Ну! вотъ твой кумъ каковъ! и т. д.

Но любопытнѣе всего этого доставленный намъ Н. Ю. Квиткомъ «Маршъ», сочиненный Основьяненко и подаренный въ 1817 г. Натальѣ Гавриловнѣ Раевской, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ⁽⁴⁴⁾. Музыка «Марша», по отзыву знатоковъ въ этомъ дѣлѣ, облачаетъ также и музыкальное дарованіе Основьяненко. Объяснительный же текстъ къ печальному маршу напоминаетъ Фалалея Повинухина. Вотъ его подстрочныя поясненія, которыя надобно цѣть:

«Получается жестокое повелѣніе гусарамъ ѣхать; у прекрасныхъ сердца трепещутъ; вздохи, увѣренія, клятвы, и прочее, какъ водится; прощайте, не забудьте насъ, а мы васъ никогда! Колокольчикъ; уѣхали; стенанія, плачь, грусть вѣчная, до перваго собранія, какъ обыкновенно бываетъ у женщинъ, не прогнѣвайтесь!»

⁽⁴⁴⁾ Эта привязанность высказалась впоследствии довольно-оригинально. Нашъ авторъ, будучи въ слободѣ Липцахъ, гдѣ нынче станція подъ Харьковомъ и гдѣ происходитъ дѣйствіе его повѣсти: «Солдатскій портретъ», услышалъ въ Сельской Расправѣ устный процессъ поселянина съ поселянкою. Первый, между-прочимъ, воскликнулъ послѣдней: «Нѣтъ уже, *Наталко*, воля твоя, а ты неправа, что завладѣла моимъ огородомъ въ Липцахъ!» Довольно было Основьяненко имени Наталки, чтобъ своимъ авторитетомъ въ Сельской Расправѣ повернуть дѣло въ пользу поселянки. — (Со словъ Н. Ю. Квитки).

Внизу нотъ, на рукописи «Марша», сдѣлана приписка рукою женщины: «Чаще это случается съ мужчинами!» По словамъ Н. Ю. Квитки, авторъ нашъ сочинилъ тогда еще «Пѣсню», съ музыкой для двѣнадцати охотниковъ своего брата, которымъ придумалъ еще и особаго устройства двѣнадцать же роговъ, съ клапанами, въ родѣ кларнета. Онъ въ это время уже подтрунивалъ надъ своимъ прошлымъ и домашнимъ пѣвчимъ его знатнаго брата распѣвали комическую пѣсню, также его сочиненія, въ которой читатель узнаетъ его самого:

Прійшовъ Гриць, зажурывсь,
Та и въ ченци постригсь.
Грицю, Грицю, до Маруси;
Заразь, заразь приберуся!
Грицю, Грицю, до роботы;
Въ Гриця порваны чоботы!
Грицю, Грицю, роби хлибъ;
Аххи, аххи — щось охрипъ⁽⁴⁵⁾!

«Харьковскій Демокритъ» прекратился въ началѣ своемъ (въ 1816 году); «Украинскій Вѣстникъ» пересталъ выходить въ началѣ 1820 года. Въ промежутокъ же этого времени выходили, при той же университетской типографіи (1817 по 1818 г.): «Харьковскія извѣстія, листы въ четырехъ отдѣленіяхъ». Это было родъ газеты, гдѣ помещались внутреннія происшествія, заграничныя новости, смѣсь и объявленія. Этой газеты нѣтъ возможности нигдѣ достать; ея нѣтъ даже въ «Публичной Библіотекѣ», въ Петербургѣ. Намъ однажды случайно попался разрозненный ея экземпляръ и, сколько помнится, тамъ были статьи объ Институтѣ, о которомъ постоянно въ то время, надо замѣтить, писалъ одинъ только Основьяненко. Не знаемъ, кто былъ издателемъ этой газеты. Въ 1824, 1825 и 1826 годахъ выходилъ еще въ Харьковѣ, при Университетѣ: «Украинскій Журналь», издание А. Слабовскаго. Здѣсь уже господствовала строгая наука, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Основьяненко здѣсь не участвовалъ.

IV.

Переходъ въ «Вѣстникъ Европы». — Новые псевдонимы. — Комедія. — Замѣствованъ ли изъ нея «Ревизоръ» Гоголя? — Первые повѣсти.

Женившись, авторъ нашъ, по прекращеніи «Украинскаго Вѣстника», перенесъ свои труды въ «Вѣстникъ Европы», журналъ, издававшійся

⁽⁴⁵⁾ Любопытно, что эта пѣсня стала теперь народною и г. Метлинскій внесъ ее, по ошибкѣ, въ новое изданіе свое: «Южно-русскія пѣсни» 1854 г.

въ Москвѣ Каченовскимъ. Здѣсь онъ участвовалъ съ 1820 по 1824 годъ, продолжая печатать свои юмористическія письма, подъ псевдонимомъ *Фалалея Повинужина*, и подъ другими псевдонимами; главное лицо, къ которому обращались эти письма, былъ *Лужницкій Старецъ*, псевдонимъ, нынѣ разгаданный.

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1818 года напечатана статья «Записки Лужницкаго Старца», съ подписью *Малые Лужники*. Тутъ же, въ другой статьѣ, въ письмѣ: *Къ господамъ издателямъ Украинскаго Вѣстника*, Лужницкій Старецъ оспариваетъ мнѣніе этого журнала, будто-бы ходившая тогда по Москвѣ рукопись «Записка о достопамятностяхъ Москвы» принадлежала историографу Карамзину, потому только, что доставлена въ печать Карамзинимъ. Авторъ называетъ себя здѣсь братомъ *Московского бродяги*. Такимъ-образомъ Лужницкій Старецъ самъ обратилъ на себя вниманіе «Украинскаго Вѣстника». Г. Гаевскій въ статьѣ «Дельвигъ» ⁽⁴⁶⁾, говоритъ: «Дельвигъ жилъ ⁽⁴⁷⁾ на одной квартирѣ съ покойнымъ П. Л. Яковлевымъ, братомъ лицейскаго товарища Дельвига М. Л. Яковлева, писавшимъ подъ псевдонимомъ *Лужницкаго Старца* ⁽⁴⁸⁾. П. Л. Яковлевъ, старше Дельвига только двумя годами, былъ очень-друженъ съ его лицейскими товарищами и пріятелями, которые собирались у нихъ довольно-часто; а эти пріятели, какъ читатель знаетъ, были: Пушкинъ, Баратынскій и другіе, дорогія нашей литературѣ имена». Въ ноябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1820 г. (стр. 157) мы нашли письмо къ редактору, за подписью *П. Як...* 23 ноября 1820 года. Здѣсь Лужницкій Старецъ нѣсколько выглянулъ изъ-за своего псевдонима. Въ этомъ же году въ «Вѣстникѣ Европѣ» появился и Основьяпенко. Нѣкоторое сочувствіе между «Вѣстникомъ Европы» и «Украинскимъ Вѣстникомъ», надо замѣтить, выразилось уже тотчасъ по прекращеніи послѣдняго, въ 1819 году. Дозакательствомъ этому служить, между-прочимъ, напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1820 году, съ примѣчаніемъ редактора: «Письмо въ Украинскій Вѣстникъ», уже прекратившійся, куда оно собственно и назначалось, изъ Камчатки, за подписью *Людмила Рикордъ* ⁽⁴⁹⁾. Это было начало любопытнѣйшей корреспонденціи о нравахъ и обычаяхъ

⁽⁴⁶⁾ «Современникъ», 1854 г., № 1. Критика, стр. 5.

⁽⁴⁷⁾ Около 1818 г.

⁽⁴⁸⁾ Н. С. Тихонравовъ показывалъ намъ цѣлую книжку, изданную въ тѣ времена *Лужницкимъ Старцемъ*, замѣтивъ, что подъ именемъ этого старца писали многіе, въ томъ числѣ гг. Каченовскій и Погодинъ.

⁽⁴⁹⁾ Супруга покойнаго адмирала.

неизвестнаго далекаго края ⁽⁵⁰⁾. «Украинскій Вѣстникъ» получался въ тогдашней Камчаткѣ. Имя Вернета, въ немъ участвовавшаго, первое обратило на себя вниманіе П. И. Рикорда и его супруги. Приѣхавъ въ скоромъ времени изъ Камчатки въ Харьковъ, по освобожденіи Головина изъ плѣна японскаго, знаменитый морякъ прежде всего пустился отыскивать квартиру харьковскаго литератора. Онъ нашелъ желанную квартиру и отворилъ дверь. Былъ вечеръ, и Иванъ Филипповичъ Вернетъ сидѣлъ въ потемкахъ. Заслышавъ гостя, хозяинъ бросился зажигать свѣчу, но П. И. Рикордъ послѣ первыхъ привѣтствій объявилъ, что при свѣчѣ гость и хозяинъ могутъ разочароваться другъ въ другъ, что лучше всего бесѣдовать въ потемкахъ. Это понравилось Вернету; онъ проговорилъ около часу съ камчатскимъ гостемъ и разстался съ нимъ, не выдавъ его въ лицо, потому-что П. И. Рикордъ на другой же день, оставилъ уже Харьковъ ⁽⁵¹⁾.

Приведемъ кстатѣ другой анекдотъ о Вернетѣ. Одинъ изъ знавшихъ Вернета, между-прочимъ, рассказывалъ намъ, что послѣдній постоянно, не только въ своихъ печатныхъ статьяхъ, что мы отчасти знаемъ, но и въ разговорѣ, употреблялъ высокопарныя фразы и цитаты изъ древнихъ греческихъ и римскихъ авторовъ. И что жъ? Однажды подглядели за нимъ и нашли, что на донышкѣ фуражки Вернета выписаны были мелкимъ почеркомъ всѣ до одной фразы, которыми онъ забрасывалъ удивленныхъ слушателей...

Въ 5-мъ № «Вѣстника Европы», за мартъ, явился Основьяненко съ статьею «Письма къ Лужницкому Старцу», за подписью «Аверьянцъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжбынымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ». А ниже: «Марта 4-го дня. Сыромятники». Псевдонимъ напоминаетъ первую службу Основьяненко, его состояніе не у дѣлъ при Департаментѣ Герольдіи, а самое письмо напоминаетъ письма Фалалея Повинухина. Письмо начинается словами: «Уже пять мѣсяцевъ были мы въ тѣхъ мысляхъ, что вы, мужъ почтеннѣйшій, посылаете свои статьи къ Миносу. Жена моя, бывъ увѣрена, что вы скончались, подавала милостыню бѣднымъ за упокой души вашей; сынъ мой ѣздилъ даже на Ваганьково Кладбище отыскать могилу вашу, а досужій нашъ пивта, г. Пустьяковскій, читалъ намъ надгробіе Лужницкому Старцу!» Далѣе

⁽⁵⁰⁾ «Вѣстникъ Европы», 1820 г. Июль, (стр. 248—265).

⁽⁵¹⁾ Этотъ анекдотъ рассказанъ нѣсколько-иначе, нежели мы слышали отъ самого Рикорда, и въ статьѣ «Современника»: *И. В. Вернетъ* (1847 № 1).

Аверьянъ Любопытный просить писать и не унывать духомъ, если Старца одолѣли Ничтовичи и Тараторины, и заключаетъ: «Вспомните, что вытерпѣлъ другъ вашъ отъ бродягъ, преслѣдовавшихъ его въ Лужникахъ, за Москвою-рѣкою.» На это Лужницкій Старецъ сдѣлалъ подъ статью примѣчаніе, гдѣ говоритъ, что, вѣроятно, Аверьянъ Любопытный писалъ къ нему или «въ день именинъ жены своей, или выигравъ тяжebное дѣло, или взыскавъ по ненадежному обязательству» и обѣщаетъ ему отвѣчать. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ апрѣля того же года, Лужницкій Старецъ началъ снова свою корреспонденцію и письма адресовалъ *Аверьяну Любопытному*. Съ мая Основьяненко писалъ къ нему подъ псевдонимами: 1—19 и А**. *Шестериковъ, городъ Т.* (52). Въ 1821 г. въ «Вѣстникѣ Европѣ», въ 5-мъ №, подъ «Письмами къ Лужницкому Старцу» стоитъ уже имя *Юноша Бѣлаго Города*. Эти письма мы считаемъ также письмами Основьяненко: ихъ тонъ рѣшительно одинъ съ письмами Фалалея Повинухина, а новый псевдонимъ, вѣроятно, придуманъ авторомъ по случаю поѣздки въ ближній къ Харькову Бѣлгородъ, гдѣ находится могила упомянутого нами выше родственника фамиліи Квитокъ, епископа Іоасафа Горленко. Въ 1822 г. въ «Вѣстникѣ Европы» «Письма къ Лужницкому Старцу» наконецъ являются прямо уже съ подписью Фалалея Повинухина. Здѣсь, между-прочимъ, болтливый авторъ описываетъ свою свадьбу съ *Евдокией Григорьевной*, въ имени которой нельзя не узнать супруги автора, Анны Григорьевны, а обитаемый имъ городъ называетъ: *Хар.....* Наконецъ, въ томъ же году, въ «Вѣстникѣ Европы» помещены пять «Малороссійскихъ анекдотовъ», перемѣшанныхъ съ малороссійскими фразами, анекдотовъ безъ подписи, но которые смѣло можно отнести къ перу Основьяненко. Кромѣ автора «Писемъ Фалалея Повинухина» и «Юноша Бѣлаго Города» въ то время никто не могъ дать этимъ извѣстнѣйшимъ украинскимъ анекдотамъ такой редакціи; да притомъ они прямо относятся къ *Слободской Украинѣ*, то-есть, къ Харькову и его области, что видно изъ перваго разсказа, и при жизни Основьяненка были конькомъ въ его оригинальныхъ импровизаціяхъ, въ маленькомъ домашнемъ кругу, среди веселыхъ, невзыскательныхъ знакомыхъ (53).

(52) Объ этихъ псевдонимахъ мы слышали отъ г. В. К. Предположеніе наше о вѣроятности такого показанія подтверждается словами: *городъ Т.*, то-есть Тула, гдѣ нашъ авторъ былъ около этого времени по дѣламъ.

(53) Можно было бы думать, что авторомъ этихъ анекдотовъ былъ

Съ этой поры начинается новая эра въ жизни Основьяненка, вы-
званная появленіе его комедій и повѣстей около 1830 года, и потому
мы остановимся на ней нѣсколько долѣе. Въ этотъ періодъ, именно съ
1827 года, нашъ авторъ является уже съ явными требованіями ли-
тературнаго мѣста, достигаетъ его и становится извѣстенъ, хотя не-
много поздно, именно почти на *пятьдесятъ-пятомъ году своей жизни*.
Замѣтимъ, что злые языки, однако, не сразу дали ходъ извѣстности
нашего автора; пасквили и эпиграммы изрѣдка пускали въ него свои
жа́ла, и даже самъ Каразинъ не удержался, чтобъ не пустить въ ходъ
о немъ довольно-бѣдаго куплета, который, по словамъ г. К., начи-
нался такъ:

Былъ монахомъ, былъ актѣромъ,
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ!

Позже, другое четверостишіе обошло далеко околотокъ. Вотъ оно:

Не надвлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный вѣкъ;
Актеръ, поэтъ и засѣдатель —
Одинъ и тотъ же человѣкъ!

Замѣтимъ, что эти эпиграммы очень-дѣйствовали на мирную и роб-
кую природу нашего автора.

До 1827 года, когда Основьяненко написалъ комедію «Пріѣзжіи изъ
столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ», напечатанную только въ
1840 году, и до появленія его повѣстей на малороссійскомъ языкѣ,
впервые, съ псевдонимомъ *Основьяненко*, первая его повѣсть «Харь-
ковская Ганнуся» напечатана въ 1832 году въ «Телескопѣ» г. На-
деждина ⁽⁵⁴⁾, безъ всякаго намѣка на имя Основьяненка и съ под-
писью переводчика, г. Погодина ⁽⁵⁵⁾.

П. П. Гулакъ-Артемовскій; во послѣдній намъ сказалъ, что эти анекдо-
ты ему не принадлежатъ. Наконецъ наши соображенія подтверждаетъ
Снегиревъ въ письмѣ своемъ къ нему, отъ 10 октября, 1831 г., гдѣ прямо
говоритъ: «Анекдоты ваши изъ малороссійскихъ пословицъ (въ «Вѣстникѣ
Европы») я читалъ...» и т. д.

⁽⁵⁴⁾ Вслѣдъ за нею, съ именемъ *Основьяненко*, явился *Солдатскій
Портретъ* въ 1833 г. въ «Утренней Звѣздѣ». Замѣчательно, «что мѣ-
щанка-бублейница», *Пібчи́ха*, выведенная въ Ганнуся, жива донынѣ.
Она обитаетъ близъ Воскресенской Церкви, въ Харьковѣ, ужь въ званіи
купчихи, въ собственномъ двухъэтажномъ домѣ, съ деревяннымъ верхомъ
и обижается при одномъ имени Основьяненка.

⁽⁵⁵⁾ Издатель «Телескопа» въ примѣчаніи къ повѣсти этой, говоритъ:

Слѣпой и болѣзненный въ дѣтствѣ, безпрестанно мѣнявшій въ молодости военный мундиръ на канцелярское перо и канцелярское перо на военный мундиръ; четыре года монахъ, затворникъ, въ самые лучшіе, свѣжіе годы жизни; дѣятельный членъ Благотворительнаго Общества и директоръ странствующей труппы актёровъ; основатель Института для дѣвицъ и издатель перваго украинскаго журнала; директоръ танцевальнаго клуба и авторъ юмористическихъ остроумныхъ писемъ, подъ забраломъ нѣсколькихъ псевдонимовъ — и въ то же время авторъ строгихъ отчетовъ о любимомъ Институтѣ, авторъ сладенькихъ и плохихъ стихотвореній, гдѣ воспѣвались Маша, Лизы, Нади и Кати, наконецъ музыкантъ и предводитель дворянства—сколько разнообразія и сколько пережитыхъ противоположностей! (56).

Изъ приведенныхъ выше писемъ мы видѣли, что первыя десять лѣтъ супружеской жизни Основьяненка протекли въ городѣ, откуда онъ

повѣсть доставлена при слѣдующей запискѣ : «Я получалъ отъ почтеннаго русскаго писателя, живущаго въ Малороссіи, двѣ повѣсти съ лестнымъ для меня правомъ : пересказать ихъ по-своему. Я долженъ былъ сократить ихъ слишкомъ втрое! Слѣдовательно автора должно благодарить за изобрѣтеніе и расположеніе, а за рассказъ отвѣтственность падаетъ на меня.—*М. Погодинъ*». По послѣдующему изданію *Ганюси*, оказалось, что г. Погодинъ былъ въ этомъ дѣлѣ только переводчикомъ, сократившимъ повѣсть во многомъ напрасно.

(56) Въ письмѣ къ *Н. Ю. Квиткѣ*, отъ 26 мая 1829 г., изъ Основы онъ пишетъ : «Намъ деньги нужны — о! нужны! зѣло нужны!» Въ другомъ отъ 22 ноября, говорить : «Анна Григорьевна все еще не оправилась и ходитъ завязавши глаза ; у нея была, не вамъ кажучи «бешха»—да бабѹся отшпала. А чи нема писенѣкъ, заунывныхъ или смѣшныхъ? Еслибъ можно съ нотами, очень бы одолжили!» Мы имѣемъ въ рукахъ черновую бумагу, писанную рукою нашего автора, сдѣлку покойнаго Основьяненка и его брата съ *Г-номъ 7-го класса чиновникомъ, Матвѣемъ Андреевичемъ Байковымъ*, отъ 1 мая 1829 г., о продажѣ послѣднему ихъ имѣнія въ Зміевскомъ Уѣздѣ, въ селѣ Гуляйполѣ, заключающагося въ 50-ти валичныхъ крестьянскихъ душахъ мужскаго пола, земли 372-хъ десятинахъ, лѣсу 112 десятинахъ съ садомъ, селитряныхъ буртахъ, съ посудой, вѣтряною мельницею и постоялымъ дворомъ». За это имѣніе г. Байковъ долженъ былъ заплатить 40,000 р. асс. г. Квиткѣ (Григорію), тысячу при подписаніи условія, 10,000 не далѣе 1-го сентября того же года, еще 10,000 не позже 1-го іюля 1830 г., и наконецъ остальные 20,000 р. въ особо-установленный срокъ. Это было съ-тѣхъ-поръ единственное достояніе нашего автора.

мало выѣзжалъ. Анна Григорьевна звала его не разъ въ Петербургъ, но онъ, любя свою родину и родныхъ, никакъ не рѣшался. Бышая мечтательная, кроткая, нѣжная институтка, посланная въ подруги нашему автору, первая возбудила въ немъ охоту стать вполне «литературною личностью». Основьяненко видѣлъ въ себѣ всѣ залоговѣ для достиженія этой цѣли; но много лѣтъ еще прошло, пока онъ рѣшился и получилъ возможность ее достигнуть. Главною помѣхою были, какъ онъ самъ говорилъ, «отдаленность отъ дѣйствователей и пребываніе въ здѣшней пустынѣ, которая не дѣлала дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждала охоты писать.» Бездѣтность до конца жизни еще болѣе набрасывала печальный оттѣнокъ на домашнюю жизнь супруговъ...

Любопытно остановиться нѣсколько на упомянутой выше комедіи: «Пріѣзжіи изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ». На заглавномъ листѣ, въ «Репертуарѣ», гдѣ она была напечатана въ 1840 году, сказано: *писано въ 1827 году.* Что это такое? Не-уже-ли худо-скрытое, или, еще хуже-обнаруженное соперничество автора съ Гоголемъ, который въ самомъ отрочествѣ своего дарованія былъ выше всего, написаннаго впоследствии Квиткою? Насъ, да и не насъ однихъ, занялъ этотъ вопросъ и мы его, по-возможности, прослѣдили. Мы сличали эту комедію съ «Ревизоромъ» Гоголя и нашли точно нѣкоторое вѣднѣе сходство между обѣими комедіями. Ниже будетъ, въ своемъ мѣстѣ, приведено объ этой пьесѣ письмо Основьяненко; здѣсь скажемъ наши соображенія, тѣмъ болѣе необходимыя, что около 1840 года не мало толковали о ней въ-отношеніи къ «Ревизору». Основьяненко написалъ свою комедію около 1827—1828 годовъ. Въ архивѣ Московскаго Ценсурнаго Комитета она записана подъ № 602-мъ. Въ редакціи «Репертуара» сохранился отъ рукописи ея, затерянной въ типографіи, заглавный листокъ на синей бумагѣ, въ четвертку, съ печатью Комитета и слѣдующею подписью: *Печатать позволяется. Москва, 1828 года, октября 18-го дня. Въ должности предсѣдателя Московскаго Ценсурнаго Комитета, Сергій Аксаковъ, № 602.* Рукопись тогда же была послана на сцену въ Петербургъ, ходила тамъ по рукамъ, ходила по Москвѣ и возвратилась, въ тридцатыхъ годахъ, въ Харьковъ. Напечатана она въ 1840 году; но еще въ 1836 г. вызвала слѣдующее любопытное обстоятельство. Узнавъ по слухамъ о содержаніи «Ревизора», Основьяненко пришелъ въ негодованіе, съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать его появленія въ печати, и когда первый экземпляръ комедіи Гоголя былъ полученъ въ Харьковѣ, онъ созвалъ пріятелей въ домъ свой, прочелъ сперва свою комедію, по процензированной тетрадкѣ, а потомъ и «Ревизора». Гости ахнули и сказали въ одинъ голосъ

что комедія Гоголя цѣликомъ взята изъ его сюжета, и по плану, и по характерамъ, и даже по частной обстановкѣ. Мы прочли объ комедіи. Дѣйствительно: сходства нельзя отрицать съ нѣкоторой стороны, даже можно, пожалуй, полагать, что Гоголь читалъ въ рукописи комедію Основьяненко до написанія своего «Ревизора». Но это сходство только мнимое. Комедія Основьяненка скучна, растанута, написана вялымъ языкомъ, а по художественности характеровъ и мастерскому языку пьесы Гоголя не можетъ быть даже упомянута при имени «Ревизора». Эта, однакожъ, встрѣча двухъ авторовъ на одномъ сюжетѣ, и даже почти на одной формѣ сюжета, во всякомъ случаѣ вещь любопытная. Гоголь въ своей «Авторской Исповѣди», говоритъ прямо, что сюжеты «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» ему переданы Пушкинымъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Гоголя, въ 1851 году, въ одномъ извѣстномъ семействѣ, въ Москвѣ у А**, произошелъ такой разговоръ. Одинъ изъ гостей спросилъ у Гоголя, бывшаго здѣсь, получилъ ли онъ посланное ему въ Остенде собраніе провинціальныхъ анекдотовъ о балагурахъ—солдатахъ и о солдатской медицинѣ? Гоголь отвѣтилъ, что получилъ и при этомъ прибавилъ: «Въ последнее время мною, на вызовъ, получено не мало подобныхъ посылокъ; между-прочимъ, я приобрѣлъ изъ Петербурга довольно-любопытную характеристику тамошнихъ меломановъ!» Тутъ разговоръ зашелъ о сюжетахъ вообще, и Гоголь чистосердечно объявилъ, что мысль «Ревизора» передана ему Пушкинымъ, съ которымъ едва не было подобнаго же событія во время его поѣздки, за матеріалами для исторіи Пугачева, въ Оренбургъ⁽⁵⁷⁾. Пушкинъ прибавилъ Гоголю, что подобная исторія случилась и съ Свинымъ, редакторомъ первыхъ «Отечественныхъ Записокъ». Разсказъ Гоголя о Свинымъ дополнилъ при этомъ г. Бо—ий, прибавившій, что Свинымъ, въ свою поѣздку въ Бессарабію, гдѣ, съ карандашомъ въ рукахъ и записною книгою, останавливался передъ каждымъ камешкомъ и говорилъ съ каждою торговкою, былъ также принятъ за ревизора и послужилъ причиною любопытнѣйшей мистификаціи, которая увлекла его до-того, что онъ самъ заблудился, вообразилъ себя дѣйствительнымъ ревизоромъ и кончилъ тѣмъ, что сталъ принимать просьбы. Все это, едва не

(57) Именно, услужливый знакомый, въ одномъ изъ городовъ, куда долженъ былъ заѣхать Пушкинъ, опередилъ поэта письмомъ къ градоначальнику, гдѣ было сказано: «Пушкинъ ѣдетъ къ вамъ за матеріалами, но вы на это не смотрите; онъ скрывается, а навѣрно ѣдетъ васъ ревизовать!». Можно вообразить, какой пріемъ Пушкину сдѣлали вслѣдствіе такого письма.

кончилось для него очень и очень-печально. Изъ всего этого можно заключить одно, именно: что Основьяненко и Гоголь задумали планъ комедіи по сюжету, *который былъ передъ тѣмъ вызванъ не однимъ подобнымъ событіемъ* въ Россіи и даже въ ея литературномъ кругу ⁽⁵⁸⁾. Самое примѣненіе сюжета къ сценѣ у каждаго также не могло и вылиться, кажется, въ другой формѣ, какъ они написали. Событѣемъ читателю пробѣжать пьесу Основьяненка; несмотря на тяжелый слогъ и растянutosть, она въ этомъ случаѣ довольно-любопытна. Здѣсь также дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ переводятъ мнимаго ревизора; мнимый ревизоръ также мальчишка, некончившій ученія и ненадежный въ службѣ. Другія лица здѣсь также: и судья (Спальникъ, отъ слова *спать*) и почтовый экспедиторъ (Печаталкинъ), который, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу; и смотритель уѣздныхъ училищъ (Ученосѣтовъ) и частный приставъ (Шаринъ), напоминающій Держиморду, и, наконецъ, *двѣ пріятныя дамы*, сестра городничаго, Трусликина, и племянница его, которыя также влюбляются въ «милашку ревизора». Здѣсь также вся кутерьма происходитъ отъ полученнаго городничимъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города; чиновники также представляются ревизору, и тотъ у нихъ занимаетъ деньги, отъ 27 р. 80 к. асс. до 500 р. асс., значительнаго куша, взятаго у городничаго. Здѣсь также, какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о *храмѣ изящества*, и о томъ, какъ *печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль!* Наконецъ, при развязкѣ, также происходитъ, по словамъ Основьяненка, *нѣмая сцена*, и всѣхъ, какъ громомъ, поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ, настоящемъ, какъ видно, ревизорѣ: *Вотъ бумаги отъ губернатора, съ жандармомъ присланныя!* Въ-заключеніе представляемъ, какъ образчикъ лучшихъ мѣстъ въ скучной и растянутой комедіи, любопытную выписку изъ «Пріѣзжаго изъ столицы», письма къ городничему отъ губернскаго чиновника. Вотъ оно:

(58) Г. Сушковъ въ III томѣ «Раута» на 1854 г., (стр. 321), говорить: «А многіе ли изъ читателей слышали о *Пріѣзжемъ*, какъ о предшественникѣ, если ужъ не родоначальникѣ «Ревизора»?—и далѣе на (стр. 383-й): «Квитка въ этой суматохѣ многое подмѣтлѣ до Ревизора и донесъ ему о разныхъ безпорядкахъ въ губерніи къ свѣдѣнію». Въ «Литературной Газетѣ» 1843 г. (№ 35) въ Некрологѣ (на стр. 650) также замѣчено сродство «Ревизора» съ этою пьесой и сказано: «Пріѣзжій» до 1840 г., ходилъ по Малороссіи въ рукописи, хотя представленъ вовсе не былъ.

«Почтенный благодѣтель, Ома Омичъ! Имѣю честь поздравить васъ съ наступленіемъ теплой погоды и пріятныхъ дней, и чрезъ сіе напомнить, что скоро близится время третнему отъ васъ окладу. При семъ прошу, вмѣсто положенной мнѣ по штату провизіи, доставлять деньгами, по справочнымъ цѣнамъ... Это будетъ круглѣе и, по нынѣшнимъ неприятымъ временамъ, осторожнѣе! При семъ извѣщаю васъ, что его превосходительство получилъ кое-какія бумаги изъ Петербурга; но еще онѣ къ намъ не переданы, и потому мнѣ неизвѣстно ихъ содержаніе; а когда узнаю — сообщу! При семъ спѣшу васъ увѣдомить: держите ухо остро! Черезъ вашъ городъ поѣдетъ важная и знатная особа; но кто? неизвѣстно! Губернаторъ съ нимъ съ аттенцію... Онъ — яко бы въ Крымъ; но имѣйте предосторожность! Выѣзжаетъ завтра и, по расчету, будетъ вмѣстѣ съ симъ письмомъ!»

Развязка пьесы у Основьяненка отличается отъ гоголевой; ревизоръ, увезши прекрасную даму, самъ ловится на собственномъ приказаніи: не выпускать никого изъ города, и попадаетъ въ тюрьму. Предлагаемъ, въ заключеніе, письмо къ намъ С. Т. Аксакова, процензуровавшаго, какъ мы сказали, эту пьесу Квитки—въ 1827 году ⁽⁵⁹⁾.

«Очень охотно отвѣчаю на вашъ вопросъ, относительно комедіи *Г-на Квитки: «Пріѣзжій изъ столицы»*. Она точно была одобрена мною къ напечатанью, 26 лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ другими комедіями того же автора, а именно: «Дворянскіе выборы», «Вторые дворянскіе выборы», «Турецкая шаль», «Шельменко» и «Странница или Саннамбулка» ⁽⁶⁰⁾. Я даже не зналъ, что «Пріѣзжій изъ Столицы» былъ напечатанъ, и теперь не помню въ подробности его содержанія; но могу васъ смѣло увѣрить, что «Ревизоръ» не могъ быть писанъ подъ вліяніемъ этой пьесы, потому что «Ревизоръ» былъ напечатанъ прежде, чѣмъ Гоголь узналъ о существованіи комедіи г. Квитки. Я спрашивалъ Гоголя (около 1840 года): знаетъ ли онъ эту комедію? И онъ отвѣчалъ мнѣ, что слышалъ о ней, но не читалъ. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи издавна, съ разными варіаціями, и что одно и то же происшествіе подало мысль написать комедію обоимъ авто-

⁽⁵⁹⁾ Письмо Загоскина къ Основьяненку о томъ же почти предметѣ приводится ниже, въ общей корреспонденціи. Это письмо смутило и спугало болѣе всего Квитку, тѣмъ болѣе, что при этомъ Загоскинъ, какъ директоръ московскаго театра, отказалъ ему въ 1836 г. въ постановкѣ «Пріѣзжаго» единственно за сходство съ «Ревизоромъ».

⁽⁶⁰⁾ Участь пьесъ: «Турецкая Шаль» и «Сопнамбулка» намъ неизвѣстна; онѣ не были ни въ печати, ни на сценѣ. Изъ послѣдней только взять, кажется, сюжетъ, въ повѣсти Основьяненка: *Маргарита Прокофьевна*.

рамъ. Я не былъ знакомъ лично съ Григорьемъ Федоровичемъ Квяткою, но мы нѣсколько лѣтъ переписывались по поводу его комедій. Я слышалъ, что жизнь этого человѣка была богата разными интересными происшествіями и любопытными переходами въ противоположныя обстоятельства и положенія».

Въ-заключеніе, не можемъ не пожалѣть, что самый нелѣпый слухъ, самое ничтожное обстоятельство даетъ иногда къ грубѣйшимъ сплетнямъ... Служба поглощала грустныя сѣтованія нашего автора на уединенную жизнь въ провинціи и давала ему средства разсѣяться, среди хлопотъ и постоянныхъ неизмѣнныхъ занятій. Съ 1817 года онъ былъ избранъ въ дворянскіе предводители Харьковскаго Уѣзда и пробылъ въ этомъ званіи четыре трехлѣтія, по 1829 г. Въ концѣ этого срока дворянство поднесло ему торжественную благодарность, въ видѣ форменнаго акта, написаннаго въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Въ промежуткахъ, между служебными занятіями, Основьяненко устраивалъ въ знакомыхъ домахъ домашніе спектакли, иногда самъ игралъ на этихъ театрахъ, писалъ для нихъ ноты, игралъ на фортепьяно и флейтѣ, и подь-конецъ игралъ на ней, какъ говорить, очень-недурно. Вскорѣ принялся онъ писать другую комедію, которая, какъ ближайшая къ его тогдашнему служебному поприщу, избѣгла участи долго-ненапечатанной своей предшественницы и вышла въ свѣтъ подъ именемъ: «Дворянскіе выборы». За нею слѣдовалъ «Шельменко-денщикъ», имѣвшій большой успѣхъ. Въ 1832 году, именно въ годъ выхода въ свѣтъ съ именемъ г. Погодина, первой малороссійской повѣсти Основьяненко, онъ былъ избранъ совѣстнымъ судьей Харькова, и оставался въ этой должности девять лѣтъ, до 1840 года. Успѣхъ первой попытки ободрялъ его и вслѣдъ за нею, съ 1834 года, появились два тома его извѣстныхъ «Малороссійскихъ повѣстей, разсказанныхъ Грицькомъ Основьяненкомъ». Въ статьѣ о сочиненіяхъ своихъ («Москвитянинъ» 1849 г. № 20) онъ говоритъ:

«Написавъ нѣсколько повѣстей на малороссійскомъ языкѣ, я, по обычаю добрыхъ земляковъ моихъ, кромѣ своего настоящаго прозвища, принимать другое, или по имени отца, напримѣръ, Петрѣнко, Василенко, или по мѣсту жительства — напримѣръ, Зайчѣнко, Боровѣнко (такая ужъ у нихъ натура!) взялъ себѣ прозвище по мѣсту жительства; живу въ *Осноть*, и такъ да буду *Основьяненко*, и пошелъ такъ писаться!»⁽⁶¹⁾.

⁽⁶¹⁾ Псевдонимъ *Грицько Основьяненко* появился впервые въ альманахахъ «Утренняя Звѣзда» въ Харьковѣ, въ 1833 г., подь повѣстью

Успѣхъ этихъ первыхъ повѣстей былъ рѣдкій. Вслѣдъ за тѣмъ Основьяненко напечаталъ отдѣльно нѣсколько брошюрокъ, изъ которыхъ замѣчательны: оперетка «Сватанье на Гончаровкѣ» и «Листы до любезныхъ земляковъ» — родъ поучительныхъ посланій, на малороссійскомъ языкѣ, къ простонародію. За послѣднее произведеніе авторъ удостоился благодарности отъ правительства. Извѣстность украинскаго рассказчика вскорѣ дошла до Петербурга. Журналы, черезъ книгопродавцовъ, стали наперерывъ просить его сотрудничества. Жуковскій, въ проѣздъ свой черезъ Харьковъ, замѣтилъ Основьяненка, ободрилъ его совѣтомъ — писать и писать болѣе, выбирая сюжеты изъ окружающей его жизни, и привезъ переводъ нѣсколькихъ его повѣстей въ подарокъ «Современнику», издававшемуся тогда П. А. Плетневымъ. По поводу этого завязалась у Основьяненка переписка съ г. Плетневымъ и постоянное сотрудничество въ «Современникѣ». Съ 1838 по 1843 годъ (годъ своей смерти), Основьяненко напечаталъ въ «Современникѣ» цѣлый рядъ повѣстей, отрывковъ изъ романа, рассказовъ, очерковъ и воспоминаній, и собственные переводы на русскій языкъ почти всѣхъ своихъ малороссійскихъ повѣстей. Съ 1839 года, онъ является сотрудникомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ напечаталъ половину романа «Панъ Халаявскій» и историческую монографію «Головатый», которая пополняетъ другія подобныя же статьи автора: «Преданія о Гаркѣшѣ», извѣстномъ украинскомъ разбойникѣ, «Татарскіе набѣги на Харьковъ». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатана еще въ 1843 году повѣсть Основьяненка «Двѣнадцатый годъ въ провинціи».

ГРИГОРІЙ ДАНИЛЕВСКІЙ.

«Солдатскій патреть» и двумя легкими очерками: «Украинское утро» и «Супайка до пана издателя».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

IV (*).

ПОСЛАНИЕ ВЪ РОССИИ ГРАФА КАРЛЕЙЛЕА.

Во второй половинѣ XVII-го столѣтія вышло въ свѣтъ, на англійскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Реляціи», описаніе трехъ миссій, совершенныхъ посломъ англійскаго короля Карла II, графомъ Карлейлемъ, къ дворамъ русскому, шведскому и датскому. Неоднократныя, на разныхъ языкахъ и вскорѣ одно за другимъ послѣдовавшія изданія этой «Реляціи» доказываютъ, что она возбудила общее любопытство и нашла между современниками многихъ читателей. Въ настоящее время эта книга сдѣлалась, во всѣхъ ея изданіяхъ, чрезвычайно-рѣдкою и даже о годахъ этихъ изданій, какъ и о самомъ сочинителѣ, идетъ давній споръ, донынѣ еще окончательно-нерѣшенный. Подобно большей части библиографическихъ распрій, и этотъ споръ возникъ преимущественно оттого, что участники въ немъ основывали свое мнѣніе на чужихъ словахъ, или совсѣмъ не видавъ книги, или видѣвъ ее лишь въ одной изъ различныхъ ея формъ, то-есть, въ одномъ какомъ-нибудь изданіи. Богатые матеріалы нашей Императорской Публичной Библіотеки, которая соединяетъ въ себѣ, быть-можетъ, одна въ мірѣ, *есть* изданія «Реляціи», даютъ намъ возможность произнести и наше слово въ этомъ, довольно-запутанномъ дѣлѣ.

(*) Первые три статьи напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1854 года, томъ ХCV (№ 8), ХCVI (№ 10) и ХCVII (№ 12).

Прежде всего замѣтимъ, что для библиографа, съ его точки зрѣнія и по самому его призванію, не существуетъ на свѣтѣ книгъ *маловажной*. Какъ энтомологъ обязанъ вводить въ кругъ своихъ изслѣдованій и самое, повидимому, незначительное насѣкомое, мало кѣмъ замѣчаемое, еще менѣе кого занимающее; такъ и посвятившій себя книжному знанію не можетъ пропускать безъ вниманія даже такихъ сочиненій, которыхъ рѣдко кто удостоитъ личнаго своего знакомства: оба должны добросовѣстно нести свою, въ такихъ случаяхъ не всегда благодарную повинность на службу тѣмъ, кому случайно понадобилось бы когда-нибудь свѣдѣніе объ этихъ мелкихъ предметахъ. Но книга, о которой теперь идетъ рѣчь, отнюдь не принадлежитъ къ числу «мелкихъ насѣкомыхъ» и, напротивъ, вполне заслуживаетъ ближайшаго изслѣдованія по самому ея внутреннему достоинству. Скажемъ болѣе: за исключеніемъ развѣ извѣстныхъ путешествій Олеарія и Майербера, ни одно изъ многочисленныхъ иностранныхъ сочиненій XVII-го вѣка о Россіи не можетъ равняться интересомъ съ «Реляціею» о трехъ мѣсяцахъ графа Карлейля, которой почти три четверти (въ англійскомъ изданіи изъ 461 страницы—331) имѣютъ предметомъ наше отечество. Содержаніе этой книги обнимаетъ переѣзды посольства отъ Архангельска до Москвы и обратно отъ Москвы до границы нашей съ Лифляндіею, принадлежавшею въ то время Швеціи; отчетъ, почти изо дня въ день, о ходѣ веденныхъ Карлейлемъ дипломатическихъ переговоровъ, со всѣми произнесенными при томъ рѣчами и обѣщанными нотами; наконецъ, географическое и въ-особенности этнографическое описаніе тогдашней «Московіи». Представляя далѣе немаловажныя данныя для исторіи европейской торговли вообще, «Реляція» изображаетъ состояніе, приемы и, такъ-сказать, обрядность нашего двора въ ту эпоху, когда, послѣ препятствій, воздвигнутыхъ внутренними смутами и ухищреніями Ганзы, онъ начиналъ самостоятельно дѣйствовать въ торговой политикѣ. Все это написано умнымъ и искуснымъ перомъ и представляетъ много дѣльныхъ и мѣткихъ наблюденій, хотя общій тонъ разсказа перѣдко переходитъ въ колкости и сарказмы, свойственные національной заносчивости автора. Что касается самого сего автора, то, независимо отъ вышеупомянутаго спора о его личности, то-есть, о его фамиліи, все содержаніе «Реляціи» доказываетъ, что она составлена человѣкомъ высокообразованнымъ, коротко-знакомымъ и съ древними классиками и съ новѣйшими той эпохи писателями о Россіи, какъ-то Олеаріемъ и другими, притомъ по бумагамъ самого графа Карлейля и подъ его наблюденіемъ, лицомъ, которое было въ свѣтѣ посла и постоянно при немъ находилось. Есть даже мнѣніе, что Карлейль хотѣлъ этою книгою разъ-

яснить и оправдать передъ соотечественниками свой образъ дѣйствія во время миссіи, которой окончательный результатъ не могъ, какъ мы увидимъ ниже, быть для нихъ пріятенъ (1).

Послѣ всего сказаннаго нельзя не удивляться, что до-сихъ-поръ у насъ такъ мало еще было обращено вниманія на столь важный для знакомства съ Россією XVII-го вѣка матеріалъ. Карлейлево путешествіе не переведено на русскій языкъ и даже почти совсѣмъ еще не тронута отечественными изслѣдователями. Причину этого должно, можетъ-быть, искать наиболѣе въ рѣдкости самой книги, которая не была введена ни въ одинъ изъ позднѣйшихъ общихъ сборниковъ, болѣе или менѣе каждому доступныхъ. Кое-что изъ ея содержанія мы встрѣчаемъ только въ одномъ старинномъ журналѣ и въ одной, тоже совсѣмъ уже новѣйшей, книгѣ, именно въ «Вѣстникѣ Европы» за 1805-й годъ и въ сочиненіи покойнаго В. Н. Берха: «Царствованіе царя Алексѣя Михайловича», изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1831 году. Въ «Вѣстникѣ» помѣщена (часть XX, стр. 118—133 и 223—229) небольшая статья, подъ заглавіемъ «Пышность Двора Царскаго въ XVII-мъ вѣкѣ», гдѣ неизвѣстный авторъ (подписавшійся буквою Д.) выбралъ изъ «Реляціи» и размѣстилъ между свѣдѣніями, заимствованными еще и изъ разныхъ другихъ путешественниковъ, нѣкоторые анекдоты и черты о приѣмѣ Карлейля при московскомъ дворѣ; но въ этой статьѣ, предназначавшейся лишь для легкаго чтенія, предметъ ея нисколько не разработанъ и даже едва очерченъ. Въ сочиненіи г. Берха содержаніе «Реляціи» представлено съ болѣею подробностью, но все-еще очень-неполно и недостаточно, частью же и до-того неточно, что автору приписаны иногда вещи, совсѣмъ въ ней небывалыя и позволяющія предпологать, что г. Берхъ не вездѣ понималъ текстъ французскаго изданія, бывшаго у него подъ-рукою (2). Съ другой стороны, у Аделунга, котораго заслуги въ литературѣ русской исторіи, при всѣхъ недостаткахъ и частыхъ погрѣшностяхъ извѣстнаго большаго его сочиненія (3), не-

(1) Въ своемъ мѣстѣ мы приведемъ и документъ, свидѣтельствующій о томъ, что книга эта была отобрана къ печати самимъ Карлейлемъ.

(2) О Карлейлѣ есть еще маленькая статья въ вышедшемъ въ Санкт-Петербургѣ, въ 1847 году, VI-мъ томѣ «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря». Но она вся выбрана, мѣстами отъ слова до слова, изъ книги г. Берха и составитель ея, очевидно, не пользовался никакими другими источниками.

(3) Kritisch-Literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700. St.-Petersburg und Leipzig, 1846.

оспоримы, статья о Карлейлѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которыя авторъ только, такъ-сказать, указывалъ, но которыхъ не успѣлъ окончательно обработать. Оттого въ сочиненіи этомъ, изданномъ уже послѣ его смерти, сказанная статья является въ совершенно-несоответствующемъ прочимъ видѣ и, на двухъ всего страницахъ своихъ, представляетъ цѣлый рядъ неточностей и ошибокъ.

Нижеслѣдующее обзорніе «Реляціи» о миссіяхъ графа Карлейля раздѣляется на двѣ части. Въ *первой* мы представимъ краткое, но, по возможности, отчетливое обзорніе того, что относится до путешествія посла по Россіи, дѣланныхъ ему приѣмовъ, дипломатическихъ его переговоровъ и проч., не касаясь, однакожъ, собственно описанія Россіи, что потребовало бы перевода почти половины книги и далеко вышло бы за предѣлы бібліографической статьи. Во *второй* части мы займемся разысканіями о различныхъ изданіяхъ и переводахъ «Реляціи», равно какъ и о ея авторѣ.

Въ первой части мы, сверхъ-того, попытаемся сличить показанія «Реляціи» съ описаніями вѣзда Карлейля въ Москву и бывшихъ ему тамъ встрѣчъ и приѣмовъ, найденными въ отечественныхъ нашихъ источникахъ. Эти описанія отысканы въ одномъ изъ столбцовъ Московскаго Разряднаго Архива и въ рукописномъ сборникѣ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и помѣщены въ издаваемыхъ по Высочайшему повелѣнію «Дворцовыхъ Разрядахъ» (томъ III, С.-Петербургъ, 1852, стр. 553—584). Чтобъ не прерывать нити разсказа, всѣ эти сличенія отнесены у насъ въ подстрочныя выноски.

Со времени открытія Ричардомъ Ченслеромъ (Chancellor), въ половинѣ XVI-го столѣтія, морскаго пути къ Архангельску, или, лучше сказать, къ монастырю св. Николая на бѣломорскомъ побережьи, около котораго впоследствии возникъ этотъ городъ, англичане пользовались въ семь портѣ и вообще въ Россіи полною свободою торговли, производя ее безъ платы таможенныхъ или другихъ какихъ-либо сборовъ. Особая компанія, образовавшаяся въ Лондонѣ для русскаго торгова, дѣйствовала на такомъ основаніи весьма-долго и конецъ ея привилегіямъ былъ положенъ только по случаю сматеній, предшествовавшихъ въ Англіи мученической смерти Карла I. Въ краткомъ и благочестивомъ царѣ Алексѣ Михайловичѣ эти событія возбудили такое отвращеніе къ англичанамъ, что онъ внезапно отнялъ у нихъ всѣ прежнія торговыя преимущества. Впоследствии времени, въ правительствѣ Кроувеля, прибывшему отъ него къ Архангельску съ многочисленнымъ торговымъ флотомъ посланнику Вильгельму Придо (Prideaux) хотя и разрѣшено было лично

прійхати въ Москву, но подь условіемъ : привезенные на корабляхъ товары продати не иначе, какъ въ самомъ Архангельскѣ, съ уплатою таможенныхъ пошлинъ, а оставшіеся нераспроданными вывезти всѣ обратно.

По возвращеніи англійскаго престола законному его наслѣднику въ лицѣ Карла II, у англчанъ ожили надежды приобрѣсти снова тѣ торговыя преимущества, которыми они прежде пользовались въ Россіи. Дѣйствительно, эти надежды казались тѣмъ сбыточнѣе, что упомянутому законному наслѣднику, въ бѣдственное для него время, царь Алексѣй Михайловичъ оказывалъ нѣсколько разъ денежное вспомошествованіе, а по возвращеніи ему престола прислалъ даже въ Лондонъ особое поздравительное посольство ⁽⁴⁾. При столь благопріятной, повидимому, перемѣнѣ обстоятельствъ, лондонскій кабинетъ успѣшилъ отвѣчать на царскій привѣтъ отправленіемъ въ Москву и своего посла, которому поручено было, вмѣстѣ съ изъявленіемъ благодарности царю, ходатайствовать о возобновленіи уничтоженныхъ торговыхъ привилегій. Выборъ для этой миссіи палъ на тридцати-четырехлѣтняго графа Карла Карлейля (Charles Earle of Carlisle, Viscount Howard of Morpeth, Baron Dacre of Gillesland) ⁽⁵⁾. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ ревностныхъ сподвижниковъ въ дѣлѣ возведенія на престолъ Карла II и, по свидѣтельству «Реляціи», былъ человекъ столько же красивый собою, сколько умный, прозорливый и исполненный достоинства и рѣшимости. Посольство его отличалось не только особенною многочисленностью, но и невиданнымъ прежде въ подобныхъ случаяхъ великолѣпіемъ. Свита состояла почти изъ восьмидесяти лицъ, не включая сюда восьми дворянъ посольства, шести пажей, двѣнадцати слугъ, духовника, хирурга, разныхъ толмачей, шести искусныхъ музыкантовъ, двухъ трубачей и многихъ мастеровыхъ ⁽⁶⁾, безъ которыхъ считали невозможнымъ обойтись въ путешествіи, особенно по «дикой Московіи». Посла сопровождали его супруга и семнадцатилѣтній старшій ихъ сынъ; при первой находилось шесть или семь дамъ и служанокъ. Кромѣ нужнаго багажа, взяты были съ собою бо-

⁽⁴⁾ Оно состояло изъ стольника князя П. С. Прозоровскаго, околицкаго А. Л. Ордина-Нащокина и дьяка Алмаза Иванова. См. *Арцыбашева* «Повѣствованіе о Россіи». Москва, 1843, т. III, стр. 149.

⁽⁵⁾ Въ нашихъ актахъ онъ называется князь Чарлусъ Говортъ или Говартъ.

⁽⁶⁾ Такъ значится въ англійскомъ и первомъ французскомъ изданіяхъ. Въ прочихъ сказано, что свиту составляло около 80-ти человекъ, ~~въ числѣ которыхъ~~ было 16 дворянъ, 6 пажей и пр. Тутъ названы еще особо швейцарь и конюхи.

гатыя ливреи для прислуги, каретныя лошади, кухонная посуда и даже постели и стулья. Все это дѣлалось, разумѣется, не для одного отданія полного и должнаго почета русскому царю, но еще болѣе для внушенія русскимъ высокаго мнѣнія о богатствѣ и значеніи англійскаго двора. Въ Англіи не имѣли еще тогда понятія о восточной роскоши, господствовавшей при московскомъ дворѣ и далеко оставившей за собою всѣ другія страны Европы. Необытныя массы серебра, золота, крупнѣйшаго жемчуга и драгоцѣннѣйшихъ камней, которые поразили потомъ членовъ посольства при первой аудіенціи въ чертогахъ царскихъ, привели ихъ всѣхъ въ совершенное изумленіе и, по словамъ нашего повѣствователя, «съ ними случилось то же, что бываетъ съ человѣкомъ, выходящимъ вдругъ изъ тьмы на свѣтъ въ солнечный день: глаза ихъ едва могли вынести это сіяніе и сами они совершенно растерялись при видѣ такого блеска и великолѣпія.»

Изъ Россіи Карлейль, по окончаніи возложеннаго на него дѣла, долженъ былъ проѣхать еще въ Швецію и Данію, для принесенія тамошнимъ дворамъ благодарности англійскаго за присланныя и отъ нихъ поздравительныя миссіи. Подъ перевозку посольства къ Архангельску снарядили два корабля: одинъ военный, 50-ти-пушечный (во второмъ изданіи сказано — 40-ка-пушечный), другой купеческій, въ 400 тоннъ. Послѣдній, съ частью свиты, отправился впередъ; но, выѣхавъ изъ Гревезанда 15-го іюля (по старому стилю, вездѣ употребленному въ «Реляціи»), 1663 года, онъ пробылъ въ пути, за противными вѣтрами и разными несчастіями, до 5-го сентября, тогда-какъ самъ посолъ, на военномъ кораблѣ, отправясь недѣлею позже, достигъ цѣли своего плаванія 19-го августа.

Торжественный въездъ Карлейля въ Архангельскъ происходилъ 23-го августа (?). Приѣмъ ему былъ сдѣланъ сначала со всевозможными почестами. На встрѣчу выѣхало множество лодокъ съ нѣсколькими сотнями вооруженныхъ солдатъ, а стоявшія на рейдѣ военныя и купеческія суда, англійскія и голландскія, салютовали пушечными выстрѣлами, что очень удивило русскихъ, которые въ то время знали изъ пушекъ только на войнѣ. Но когда посолъ, сойдя на берегъ, собрался идти далѣе, то назначенный къ нему приставомъ и привѣтствовавшій его рѣчью Иванъ Богдановичъ Милославскій (въ «Реляціи» полковникъ Богданъ) потребовалъ вдругъ правой руки, на что посолъ, съ своей

(?) Въ «Двинскомъ Лѣтописцѣ» сказано, что Карлейль прибылъ къ Архангельску 24 августа («Древн. Русск. Вивліоѳ.» , 2-е изданіе, ч. XVIII, стр. 32).

стороны, никакъ не соглашался, говоря, что онъ представитель своего монарха. Милославскій оперся на приказаніе воеводы и въ пересылкахъ съ симъ послѣднимъ, для отиѣны этого приказанія, протекло не мало времени, въ продолженіе котораго посолъ достигъ по-крайней-мѣрѣ того, что стоялъ съ покрытою, а приставъ съ обнаженною головою. «Впрочемъ (прибавляетъ нашъ повѣствователь), насъ содержали здѣсь (то-есть, въ Архангельскѣ) такъ роскошно, что не только не было повода къ жалобамъ, но все превосходило даже наши желанія. Иначе, конечно, и быть не слѣдовало послѣ того отличнаго приѣма, который былъ сдѣланъ его великобританскимъ величествомъ московскимъ посламъ, незадолго передъ тѣмъ возвратившимся въ Архангельскъ ⁽⁸⁾ и засвидѣтельствовавшимъ о великолѣпномъ ихъ содержаніи при англійскомъ дворѣ. Оттого и мы взаимно надѣялись на самое благопріятное пребываніе въ этомъ краѣ; но какъ москвитяне неслишкомъ точны на вѣжливости, то въ послѣдствіи намъ пришлось испытать нѣсколько такихъ встрѣчъ, гдѣ ожиданія наши далеко не оправдались.»

Изъ Архангельска посольство двинулось 12-го сентября. До Вологды оно шло вверхъ по Двинѣ и потомъ по Сухонѣ (Sueogna) на баркахъ (дощеникахъ), при помощи 300 человекъ, которые тянули ихъ бичевою. Такой способъ движенія не представлялъ, конечно, большой быстроты; но еще болѣе затруднилась поѣздка, когда, въ Устюгѣ, приставъ Милославскій внезапно заболѣлъ и умеръ, а въ то же время рѣка, отъ усилившейся стужи, начала покрываться льдомъ, который, для проложенія черезъ него пути баркамъ, часто приходилось прорубать. Все это вмѣстѣ замедлило прибытіе въ Вологду до 17-го октября, а здѣсь пришлось опять ждать около трехъ мѣсяцевъ, сперва новыхъ приставовъ изъ Москвы, потомъ окончательнаго установленія пути, который въ ту зиму сталъ очень-поздо. Во время пребыванія своего въ Вологдѣ наши путешественники, въ обществѣ проживавшихъ тамъ англійскихъ купцовъ, старались развлекать себя музыкою, разными домашними играми, танцами, охотою и катаньемъ на коньяхъ; причемъ не забывали изучать русскіе нравы и, между-прочимъ, такъ пристрастились къ нашей банѣ, что подъ-конецъ ходили въ нее уже не по надобности, а изъ одного

⁽⁸⁾ Карлейль пріѣхалъ въ Архангельскъ черезъ три дня послѣ выѣзда отсюда, возвратившагося изъ Лондона, князя Прозоровскаго. См. *Арцыбашева* «Повѣствованіе о Россіи», т. III, стр. 149. Въ «Двинскомъ Лѣтописцѣ» сказано, что Прозоровскій выѣхалъ изъ Архангельска къ Москвѣ 31 іюля («Др. Русс. Вивл.», ч. XVIII, стр. 32).

вслаждения. Въ рождественскій постъ всѣ члены посольства приобщались Св. Тайнъ въ домовой его церкви.

Ожиданные новые приставы: стольникъ Аванасій Ивановичъ Нестеровъ (Nestrol) и дьякъ Иванъ Давыдовъ ⁽⁹⁾ прибыли изъ Москвы 12-го декабря. Первый изъ нихъ былъ человекъ чрезвычайно-грубый, заносчивый и, по словамъ нашего повѣствователя, самый невѣжественный изъ всѣхъ, кого только случилось ему встрѣчать въ Россіи. Онъ началъ съ того, что содержаніе посольства, вмѣсто прежняго изобилія, ограничилъ до самой послѣдней крайности, а при сборахъ въ дальнѣйшій путь далъ всего не болѣе трехъ удобныхъ и пристойныхъ саней подъ самаго посла, его супругу и знатнѣйшихъ изъ ея дамъ; для всѣхъ же прочихъ велѣлъ отпустить простыя крестьянскія сани, или дровни, въ которыхъ могло сѣсть только по одному человѣку. Графъ Карлейль напрасно требовалъ чего-нибудь получше, по-крайней-мѣрѣ для нѣкоторыхъ дворянъ посольства; приставъ отвѣчалъ, что другихъ саней нѣтъ и не будетъ, такъ-что посолъ былъ поставленъ въ необходимость купить ихъ на собственный счетъ; причѣмъ наступившіе жестокіе морозы принудили каждого изъ свиты озаботиться также приобретеніемъ себѣ теплой одежды. Въ прибавку ко всѣмъ этимъ неприяностямъ, англичане очень оскорбились самымъ первымъ привѣтствіемъ Нестерова ихъ начальнику. «Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ (сказалъ онъ съ нахмуренными бровями, проговоривъ вслѣдъ за сими исполнѣ весь длинный титулъ своего монарха) очень-радъ, что вы, великій посолъ его британскаго величества, доѣхали сюда благополучно и велѣлъ намъ съ вашимъ превосходительствомъ ѣхать къ Москвѣ». «Точно (прибавляетъ сочинитель «Реляціи») будто-бы мало было ему сказать, что царь велѣлъ, подчиняя таиннѣ-образомъ этому поведѣнію и особу посла, а надо еще было назвать себя и своего товарища прежде посла, какъ-бы послѣдній составлялъ ихъ свиту.

Въ январѣ 1664 года посольство могло, наконецъ, оставить Вологду. Поклажа и часть свиты были отправлены впередъ, 7-го числа, на 60-ти саняхъ, а самъ посолъ съ остальными лицами, на 140 саняхъ, выѣхалъ 15-го. Перевадъ этотъ описывается въ «Реляціи» самыми печальными красками. Путь лежалъ черезъ Ярославль, Ростовъ и Троицу (Троицкій посадъ), и хотя ѣхали днемъ и ночью, но такъ-какъ лошадей перемѣняли только въ трехъ сказанныхъ мѣстахъ и притомъ часто

⁽⁹⁾ Въ «Дворцовыхъ Разрядахъ» названъ еще и третій : «Новгородецъ... сынъ Давыдовъ» (стр. 553).

безъ нужды останавливались, то страстиіе, требовавшее, по настоящему, не болѣе трехъ сутокъ, продлилось, посреди стужи и всѣхъ возможныхъ неудобствъ, три недѣли. Каждый лежалъ порознь въ своихъ саянахъ, на посланномъ въ нихъ тюфякѣ, закутанный въ одѣяла и шубы, съ бутылкою воды у бока, чтобы по-временамъ отогрѣваться добрымъ глоткомъ. Въ сибирскихъ степяхъ ничто не прерывало мрачнаго единообразія и многіе, за отсутствіемъ всякаго занятія и общества, проводили почти цѣлыя сутки во снѣ, такъ-что наконецъ посоль, для пробужденія своихъ людей, приказалъ трубачамъ трубить при вѣздѣ въ селенія и мѣстечки. Какъ на пути, кромѣ упомянутыхъ выше и еще Переславыя, не было другихъ городовъ и тѣмъ менѣе гостинницъ, то останавливались почти всегда въ грязныхъ и законченныхъ крестьянскихъ избахъ (wisbu), въ которыхъ, для очищенія ихъ сколько-нибудь отъ сирада и удлинной жары, приходилось сперва открывать все окна. Но хуже всего была пища, «потому-что (говоритъ авторъ «Реляціи») когда бы изготавить посольскіе повара что-либо сносное въ печахъ, служившихъ вѣствѣ и постелью крестьянской семьи, когда часто, за неимѣніемъ трубы, дымъ должно было выпускать въ окошко?» Только въ Ярославѣ, гдѣ наши путники остановились на четверо сутокъ, чтобы собраться съ новыми силами для дальнѣйшаго пути, и который показался имъ очень красивымъ городомъ, отлично угостили ихъ воевода и потомъ еще одинъ англійскій купецъ. Въ Троицкомъ посадѣ посольство, по случаю приготовления, устроившихся въ Москвѣ къ его приему, было задержано цѣлыя пять дней. Послу очень хотѣлось взглянуть тутъ на внутренность монастыря и на мощи св. Сергія. Ему отказали и въ томъ и въ другомъ.

За этимъ слѣдуютъ въ «Реляціи» подробности о новыхъ неудовольствіяхъ, встрѣченныхъ посольствомъ передъ вѣздомъ его въ столицу. Они такъ любопытны и вѣствѣ такъ характерны, что мы рѣшились выписать здѣсь подлинный рассказъ, съ нѣкоторыми небольшими лишь сокращеніями :

«По приѣздѣ, 3-го февраля, въ одну небольшую деревню, въ пяти верстахъ отъ Москвы, г. посоль приказалъ, для торжественнаго вѣзда въ столицу, приготовить свою карету. 4-го числа Нестеровъ, объявивъ намъ, что для сего назначенъ слѣдующій день, сказалъ, чтобъ мы были готовы къ девяти часамъ утра, или, по московскому счету, къ третьему часу дня. Въсѣдствіе того розданы были, кому надлежало, взятые съ собою парадныя ливреи, а посольскіе дворяне, съ своей стороны, прилично нарядились и всѣ мы были готовы къ назначенному часу; но вѣствѣ того, за исключеніемъ дальнѣйшаго приказанія изъ Москвы,

пробыли въ тревожномъ ожиданіи до четырехъ часовъ пополудни. А какъ его превосходительство еще съ утра отослалъ своихъ поваровъ въ Москву, для приготовления обѣда въ отведенномъ ему тамъ домѣ, то вышло, что мы, ожидая съ минуты на минуту повелѣнія тронуться, цѣлый день провели безъ пищи. Никто не понималъ причины этого безпорядка и самъ Нестеровъ очень тому дивился, стараясь насъ увѣрить, что, можетъ-быть, поръ заснулъ и никто не смѣетъ разбудить его. Наконецъ, въ четыре часа, за какихъ-нибудь полчаса до совершенныхъ потемокъ и когда мы совсѣмъ уже перестали ждать, прискакала гонцы съ приказомъ о выступленіи. Г. посолъ весьма сему изумился и отозвался Нестерову, что нигдѣ нѣтъ обычая принимать посланниковъ ночью. За всѣмъ тѣмъ, какъ приказаніе уже послѣдовало и всѣ мы, протояясь цѣлый день, нетерпѣливо желали освободиться изъ нашихъ пѣзъ, то его превосходительство рѣшился ѣхать и выказать свою пышность хоть бы во иракѣ ночномъ. Послѣ оказалось, что это замедленіе произошло противъ воли царя, который, въ намѣреніи видѣть все великолѣпіе нашего вѣзда, самъ, вмѣстѣ съ своею супругою, напрасно прождалъ насъ около четырехъ часовъ у городскихъ воротъ. Но виновники сего безпорядка были причиною и еще другаго, приключившагося вслѣдъ за нашимъ выѣздомъ и приведшаго его превосходительство въ величайшее негодованіе. Едва мы протѣхали половину пути и передъ нами сталъ уже видѣться городъ, какъ вдругъ пришло Нестерову новое приказаніе: отвести насъ на ночь въ одну деревушку влѣво отъ дороги, а самый вѣздъ отложить до слѣдующаго утра. Г. посолъ, при вѣсти о такомъ оскорбленіи, предусматривая, что оно накличетъ на него вездѣ насмѣшки, очень разгнѣвался и объявилъ, что не вѣдетъ въ Москву пока не получитъ надлежащаго удовлетворенія; причемъ тотчасъ велѣлъ замолчать своимъ трубачамъ, оглашавшимъ до-тѣхъ-поръ окрестные лѣса своимъ сладкозвучіемъ. Такимъ-образомъ этотъ день, въ который мы предполагали выказать наше богатство и пышность, сталъ для насъ днемъ поста, скуки и огорченій; этотъ день, въ который г. посолъ ожидалъ изъявленій тѣсной дружбы, связующей между собою оба двора, принесъ ему одна только знаки пренебреженія и непростительной надъ нимъ насмѣшки. Правда, что едва только г. посолъ прибылъ въ сказанную деревушку, какъ къ нему явился дьякъ Лукьянъ Голосовъ, съ такими извиненіями отъ имени царя, будто-бы гонцы, отправленные за посольствомъ, на дорогѣ заблудились, послѣ чего царь, не считая личнымъ, чтобы г. посолъ имѣлъ свой вѣздъ ночью порою, велѣлъ отложить его до слѣдующаго утра, для достойнѣйшаго его превосходительству приѣма. Но г. посолъ, свѣдавъ что все произошло только отъ

неоконченныхъ еще въ Москвѣ приготовленій къ его встрѣчѣ, слѣдственно сказка о заблудившихся подъ самую столицю гонцахъ — одинъ лишь предлогъ, нисколько симъ не удовольствовався и, напротивъ, присылку съ подобнымъ извиненіемъ простаго дьяка принялъ за новое для себя оскорбленіе, что и высказалъ прямо Голосову. Между тѣмъ, къ-счастью, изъ Москвы прислали назадъ нашихъ поваровъ и они, навезя съ собою разныхъ припасовъ, успѣли возстановить наши силы послѣ голоднаго дня. На слѣдующее утро (то-есть, 6-го февраля) г. посолъ, сомнѣваясь, исполнѣ ли и съ должною ли точностью Голосовъ передалъ словесный отзывъ его, приказалъ своему секретарю заготовить письмо, въ которомъ увѣдомлялъ царя о главныхъ обстоятельствахъ происшедшаго безпорядка, равно какъ и о рѣшимости своей не въѣзжать въ столицу пока виновники случившагося не будутъ наказаны (10). Но только-что это письмо было отправлено, какъ къ г. послу пріѣхалъ думный дьякъ Дементій Башмаковъ, съ обѣщаніемъ имени царя полного удовлетворенія, что и расположило его превосходительство отнѣнить прежнее свое намѣреніе. Вскорѣ затѣмъ воротился и толмачъ, возившій въ Москву письмо г. посла; онъ донесъ, что дьякъ Посольскаго Приказа Алмазь Ивановъ (Almaze), принявъ письмо, сказалъ, что съ отвѣтомъ на все, въ немъ содержащееся, поѣхалъ уже къ его превосходительству, отъ его царскаго величества, дьякъ Башмаковъ».

Такимъ-образомъ дѣло, наконецъ, устроилось и 6-го февраля посольство имѣло торжественный въѣздъ въ Москву (11). Передъ заставою его встрѣтили назначенные къ нему на время пребыванія въ столицѣ новые приставы : бояринъ Иванъ Аванасьевичъ Прончищевъ (Прон-

(10) Въ англійскомъ и во всѣхъ французскихъ изданіяхъ «Реляціи» это письмо выписано въ латинскомъ подлинникѣ. Царь названъ въ немъ «Imperator» — титулъ, который прежде давалъ ему въ своихъ грамотахъ и Кромвель.

(11) *Дворцовые Разряды* о всѣхъ описанныхъ здѣсь предъидущихъ недоразумѣніяхъ ничего не упоминаютъ, днемъ же въѣзда Карлейля въ Москву означаютъ не 6-е, а 7-е февраля — единственный, впрочемъ, случай, гдѣ они рознятся въ числахъ съ «Реляціею». Въ нихъ сказано только : «и февраля въ 7-й день Великій Государь.... указалъ тому послу съ подхожаго стану, изъ села Надпруднаго, итти къ Москвѣ»; послѣ чего подробно описана встрѣча посла, съ поименованіемъ всѣхъ находившихся при ней у разныхъ службъ чиновныхъ людей (стр. 553—556).

chissol) и дьякъ Григорій Козьмичъ (Cosmevitz, ¹³); но здѣсь родилась опять новая непріятность. Прончищевъ, остановясь въ своихъ саняхъ за нѣсколько шаговъ отъ посольскихъ, велѣлъ передать Карлейлю, что какъ онъ, Прончищевъ, присланъ его встрѣтить отъ царя, то послу и должно выйти изъ саней первому. Посолъ не соглашался, говоря, что онъ представляетъ особу своего короля. Прончищевъ, возражая, что и онъ тутъ въ лицѣ своего монарха, продолжалъ оставаться неподвижнымъ, «точно (прибавляетъ нашъ повѣствователь) будто-бы онъ, для изображенія величія своего государя, превратился въ статую.» Послѣ длиннаго и довольно-колкаго спора согласились наконецъ на томъ, чтобъ выйти изъ саней обонимъ въ одно время; но и тутъ Прончищевъ перехитрилъ посла: при выходѣ изъ саней, онъ велѣлъ своимъ слугамъ поддерживать себя подъ-мышку, такъ-что ноги его болтались еще на воздухѣ, когда Карлейль, не подозрѣвая хитрости, стоялъ уже на землѣ. ⁽¹³⁾.

Все это, вмѣстѣ съ разными другими обрядами встрѣчи, замедлило шествіе до того, что на-дворѣ совсѣмъ уже стемнѣлось. Въ ожиданіи, жители развели на улицахъ огни, а по сторонамъ посольской процессіи несли факелы. Стеченіе народа было такъ многочисленно, что онъ стоялъ даже на всѣхъ крышахъ. Самъ царь, пожелавъ, какъ хотѣлъ и наканунѣ, скрытно отъ другихъ видѣть въѣздъ, занявъ, съ царичею и дѣтьми своими, мѣсто близъ воротъ, которое освѣтили множествомъ восковыхъ свѣчъ в гдѣ, подъ какии-то предлогомъ, нарочно инуть на десять задержали весь поѣздъ.

Посольству былъ отведенъ большой каменный домъ, неподалеку отъ диканого дворца, одинъ изъ удобнѣйшихъ, какіе нашлись въ городѣ ⁽¹⁴⁾. Въ немъ всѣ комнаты были со сводами, всѣ окна съ желѣзными ставнями и всѣ двери тоже желѣзныя, и это дало поводъ чинамъ посольства говорить, что они живутъ истинно въ желѣзномъ вѣкѣ. Убранство

⁽¹³⁾ Дьякъ этотъ, у г. Берха (стр. 166) названный Федоромъ Козьмичемъ Елизаровымъ, былъ, по свидѣтельству *Дворцовыхъ Разрядовъ*, Григорій Богдановъ (стр. 556).

⁽¹³⁾ Этотъ анекдотъ въ *Дворцовыхъ Разрядахъ*, разумѣется, тоже умолчанъ. Они говорятъ лишь, что посолъ дорогою шелъ къ земляному валу и когда приблизился къ Ямской слободѣ, то Прончищевъ и Богдановъ встрѣтили его съ рѣчью отъ царя; послѣ чего отъ «встрѣчнаго мѣста» до посольскаго двора онъ ѣхалъ въ государевыхъ саняхъ (стр. 556).

⁽¹⁴⁾ «На Покровкѣ, на Давыдовскомъ дворѣ Николаева» (*Дворц. Разр.*, стр. 556).

дома не имѣло, впрочемъ, ничего наряднаго : на стѣнахъ обои въ сар-
жи или краснаго сукна, стулья замѣнялись скамьями и не было кроватей.
Для семи или восьми дворянъ отвели подъ спальню одну общую
залу и на возраженіе ихъ, что чины посольства не могутъ спать все
въ одной комнатѣ, какъ въ госпиталѣ, завѣдывавшій хозяйственнымъ
частью дьякъ Алмазь Ивановъ сталъ отшучиваться тѣмъ, что если
они будутъ спать все вмѣстѣ, то ихъ не унесутъ крысы. Для такой
предѣлки, подумали они, надобно, чтобъ каждая московская крыса была
величиною по-крайней-мѣрѣ съ двухъ бояръ ! Во всемъ остальномъ со-
держаніе чиновъ посольства въ Москвѣ было самое обильное и на столѣ
ихъ, при всей чрезвычайной дешевизнѣ тамъ припасовъ, отпускаемыхъ
ежедневно не менѣе 44-хъ рублей, или около 100 ефимковъ. Автора
«Релиціи» жалуется только на одно, именно, что, со вѣзда въ Москву
до первой аудіенціи у царя, ихъ держали какъ плѣнниковъ, не дозво-
ляли ни выходить изъ дома, ни принимать у себя иностранцевъ, да и
послѣ пускали ихъ со двора не иначе, какъ въ-сопровожденіи одного
или двухъ вооруженныхъ стрѣльцовъ изъ полусотни, постоянно стояв-
шей въ караулѣ у дверей, что, впрочемъ, они сами приписывали глав-
нѣйшее старанію правительства оградить ихъ отъ всякихъ непріятно-
стей и оскорбленій. Эти предосторожности не мѣшали, однакожъ, чи-
намъ посольства проводить время въ Москвѣ довольно-вріятно. Они
почасту осматривали городъ и еще чаще посѣщали Нѣмецкую Слободу,
гдѣ находили ласковый пріемъ, въ-особенности у жившихъ тамъ англи-
чанъ. Сверхъ-того, въ домѣ посольства, равно какъ и у разныхъ ино-
странныхъ, бывали большіе пиры, балы и, однажды, даже театральное
представленіе. Подъ конецъ зимы двѣнадцать человекъ изъ святыхъ за-
бавлялись на одной подгородной дачѣ, публично и въ присутствіи посла,
игромъ въ шары (*jeu de raquette*), а съ наступленіемъ весны начались
конскія скачки, игра на полѣ въ кольца и тому подобныя увеселенія.
Наконецъ чины посольства ѣздили еще осматривать находившійся въ по-
лупини отъ Москвы на озерѣ пловучій островъ (?), напоминавшій собою
древній Делось, и нѣкоторые даже приставали къ нему.

Торжественная аудіенція состоялась, послѣ нѣсколькихъ отсрочекъ,
11-го февраля. Утромъ того дня вытребованы были въ посольскій домъ
130 человекъ стрѣльцовъ и 60 саней для перевозки въ царскій дво-
рецъ подарковъ, назначенныхъ царю и царевичамъ, Алексію и
Феодору Алексѣевичамъ, отъ англійскаго короля, царицѣ отъ королевы
и еще царю отъ самого посла. Подарки короля и королевы состояли
изъ золотой и серебряной посуды, суконъ, бархата, парчей, столоваго
бѣлья, карманныхъ и стѣнныхъ часоовъ, ружья, принадлежавшаго лично

Карлу I-му, пары пистолетовъ, находившихся при его сынѣ, когда, послѣ своихъ несчастій, онъ въѣхалъ опять торжественно на конѣ въ Лондонъ, наконецъ шести пушекъ и большого количества олова и свинца ⁽¹⁵⁾. Посолъ, съ своей стороны, представилъ вызолоченные серебряные лаханъ, рукомойникъ и три блюда. При аудіенціи, какъ мы говорили уже, всѣ англичане пришли въ совершенное изумленіе отъ представившагося имъ великолѣпія. Царь сѣдѣлъ на тронѣ, къ которому вели семь или восемь ступеней, и «подобно блестящему солнцу, изливалъ отъ себя повсюду лучи многоцѣнный блеска». Вокругъ него все точно также сіяло и блестяло золотомъ, парчами, жемчугомъ и драгоценными камнями, и сѣдѣвшіе вдоль стѣнъ, на покрытыхъ коврами скамьяхъ, бояре, числомъ около двухъ сотъ, «являлись такимъ же числомъ лучей этого солнца, возвышавшагося надъ ними какъ-бы въ торжественной своей колесницѣ» ⁽¹⁶⁾. Словомъ, чинамъ посольства «въ объявленіи ихъ удивленія, а нѣкоторыхъ даже и страхѣ, казалось, что они посреди собранія не людей, а боговъ!» Приветственная рѣчь посла была произнесена на англійскомъ языкѣ и тутъ же передана царю на русскомъ. Въ отвѣтъ, царь спросилъ о здоровьѣ короля Карла II и «безутѣшной вдовы блаженного мученика Карла I». Потомъ посолъ началъ читать пространную рѣчь о настоящей цѣли своей миссіи. По мѣрѣ того, какъ Карлейль, держа въ рукахъ англійскій подлинникъ, прочитывалъ изъ него одинъ періодъ, толмачъ переводилъ его порусски. Въ этой довольно-длинной рѣчи посолъ, коснувшись сперва умерщвленія прежняго короля и постигшей его виновниковъ кары, перешелъ далѣе къ заслугамъ англичанъ по открытію бѣломорскаго пути и къ обоюднымъ выгодамъ возникшей отъ сего торговли и наконецъ заключилъ желаніемъ, чтобы все это продолжалось такъ и впредь.

Послѣ допущенія къ царской рукѣ и врученія подарковъ ⁽¹⁷⁾, по-

⁽¹⁵⁾ Изъ числа этихъ даровъ два кубка, лаханъ, сплошь-золоченая, круглая, съ изображеніемъ осады Аѳинъ, и къ ней рукомойникъ, также двѣ кружки и два подсвѣчника (все это вмѣстѣ въсомъ болѣе двухъ пудовъ), хранятся до-сихъ-поръ въ Московской Оружейной Палатѣ (См. Вельтмана «Московская Оруж. Палата», Москва, 1844, стр. 136).

⁽¹⁶⁾ «А при Государѣ въ то время были бояре, и околнчіе, и думные и ближніе люди, и столники, и дворяне большіе и стряпчіе, въ золотахъ и въ шапкахъ горлатныхъ. При царѣ жъ были рынды, въ бѣломъ платьѣ и около государя стояли съ топоры, столники» (четыре) и пр. (*Дворц. Разр.*, стр. 556 и 557).

⁽¹⁷⁾ «Великому государю его посла и королевскіе поминки (подарки)

солгъ возвратился въ домъ свой, куда въ слѣдъ за нимъ принесли придворный обѣдъ, приготовленный «по московски» и состоявшій по крайней-мѣрѣ изъ ста мясныхъ блюдъ, съ огромнымъ количествомъ меда, вина и водки. Замѣчательно, что столовое бѣлье и вся посуда за этимъ обѣдомъ были не отъ двора, а собственно посольскія. У самого Карлейля были позолоченныя, а у всѣхъ прочихъ простыя серебряныя тарелки, чѣмъ присутствовавшіе за столомъ русскіе сановники нѣсколько, повидимому, оскорбились. Одинъ изъ нихъ, распорядившійся столомъ ⁽¹⁸⁾ и имѣвшій при себѣ записку о порядкѣ, въ какомъ указано было пить здоровья, провозгласилъ первый тостъ въ честь царя и только уже второй въ честь короля англійскаго. «Несмотря на то (замѣчаетъ нашъ повѣствователь) послѣдній изъ сихъ тостовъ больше, кажется, полюбился боярину, потому-что посолъ тутъ же подарилъ ему серебряный вызолоченный кубокъ, изъ котораго пито было здоровье, а это такъ его восхитило, что остальные тосты онъ пилъ почти только мысленно и вскорѣ совсѣмъ исчезъ съ своимъ кубкомъ».

Еще до этой аудіенціи посолъ спрашивалъ у Прончищева: можетъ ли онъ представиться царицѣ и обоимъ царевичамъ, изъ которыхъ старшему, Алексѣю, было въ то время не болѣе десяти лѣтъ. Прончищевъ отозвался, что царица не принимаетъ иностранныхъ пословъ, и на возраженіе Карлейля, что въ Англійю послѣдніе царскіе послы имѣли частыя аудіенціи у королевы, ограничился отвѣтомъ, что при русскомъ дворѣ это не въ обычаѣ. Тотъ же самый отвѣтъ былъ и о царевичахъ, которые, говорилъ Прончищевъ, показываются только по достиженіи двѣнадцатилѣтняго возраста.

Черезъ два дня послѣ первой аудіенціи посолъ имѣлъ вторую, менѣе торжественную ⁽¹⁹⁾, при которой царь объявилъ, что, для переговоровъ съ нимъ о предметѣ его миссіи, назначено шесть изъ знатнѣйшихъ бояръ и думныхъ дворянъ ⁽²⁰⁾. Но прежде, чѣмъ перейти къ

объявлялъ околничей князь Данила Степановичъ Великаго — Гагинъ» (*Дворц. Разр.*, стр. 557).

⁽¹⁸⁾ «Отъ великаго государя къ послу съ столомъ посыланъ столникъ Никита Ивановъ сынъ Шереметевъ» (*Дворц. Разр.*, стр. 557).

⁽¹⁹⁾ Первая аудіенція была «въ Золотой въ Большой въ Грановитой Палатѣ», а эта вторая «въ Столовой Избѣ» (*Дворц. Разр.*, стр. 556 и 558).

⁽²⁰⁾ «А какъ посолъ у государя былъ и послѣ того указалъ государь ему быть у бояръ въ отвѣтъ, по прежнему посольскому обычаю, въ Золотой въ Отвѣтной Палатѣ. А въ отвѣтъ были бояре: бояринъ ближней и намѣстникъ астраханской князь Никита Ивановичъ Одоевской;

этимъ переговоры, начавшимся въ тотъ же день, то-есть 13-го февраля, мы опишемъ торжественный обѣдъ, данный царемъ послу и его свитѣ 19-го числа и здѣсь опять будемъ говорить собственными словами «Реляціи».

«При входѣ въ столовую залу, ту самую, гдѣ происходила первая наша аудіенція ⁽²¹⁾, глазамъ нашимъ представился прежде всего царь, сидящій на тронѣ, за особымъ столомъ, въ высокой шапкѣ изъ чернубурыхъ лисицъ. Но вмѣсто почестей и предупредительности, которыхъ мы ожидали для г. посла при этомъ торжественномъ случаѣ, съ нимъ, напротивъ, обошлись въ разныхъ отношеніяхъ очень необязательно и даже невѣжливо. Началось съ того, что царь не удостоилъ, при видѣ его, приподнять шапки и сядякъ ее только тогда уже, когда г. посолъ сѣлъ за столъ, послѣ чего онъ оставался съ непокрытою головою во весь обѣдъ, хотя чрезвычайно-коротко выстриженные у него волосы не закрывали даже ушей. Далѣе, царь не только не пригласилъ его превосходительство за свой столъ, но велѣлъ еще посадить очень-далеко отъ себя и притомъ по лѣвую руку, тогда-какъ главные бояре сядли по правую и гораздо къ нему ближе ⁽²²⁾. Впрочемъ, г. посолъ сядякъ за своимъ столомъ одинъ на цѣлой его сторонѣ, имѣя противъ себя царскаго столыника и думнаго дворянина. Рядомъ съ этимъ столомъ и возлѣ него посадили г. виконта (виконтъ Морпетъ, сынъ графа Карлейла) и вслѣдъ за тѣмъ всѣхъ не только дворянъ и пажей посольскихъ, но даже и служителей, по особому приказанію царя, желавшаго угостить насъ всѣхъ вмѣстѣ ⁽²³⁾. Занявъ такимъ-образомъ мѣста, мы съ пол-

бояринъ ближней и намѣстникъ тверской князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукаго (sic), околничей и намѣстникъ свіяжской Василей Семеновичъ Волинской, думной дворянинъ и намѣстникъ елатомской Иванъ Аванасьевичъ Прончищевъ, посолской думной дьякъ Алмазь Ивановъ» (*Дворц. Разр.*, стр. 560), слѣдственно всѣхъ было не шесть, а только пять.

⁽²¹⁾ Обѣдъ былъ дѣйствительно въ Грановитой Палатѣ (*Дворц. Разр.*, стр. 562).

⁽²²⁾ «Великій Государь сядякъ на своемъ мѣстѣ, въ бѣлой серебряной шубѣ, а бояре (князь Одоевской, князь Долгорукій, околничій Волинскій, думный дьякъ Алмазь Ивановъ, столыники и дворяне, да внимательные люди Федоръ да Давида Строгановы) ѣли въ большомъ столѣ, въ бѣлыхъ тафтяныхъ шубахъ» (*Дворц. Разр.*, стр. 564).

⁽²³⁾ «И посолъ, Великому Государю челомъ ударя, сѣлъ за столъ, въ лавкѣ подъ другимъ окномъ, чтѣ отъ Благовѣщенья; а сынъ его и ко-

туда ждали обѣда и покаместъ забавлялись разглядываньемъ стола посреди залы, который весь былъ обставленъ несметнымъ множествомъ золотой и серебряной посуды, въ томъ числѣ нѣкоторыми вещами очень-замѣчательными. Наконецъ стали приносить кушанье и на всѣхъ, подававшихъ его, были такія же высокія лисья шапки, какъ на царѣ. Подносили сперва ему, потомъ боярамъ и, въ заключеніе уже, г. послу съ его свитою. Первымъ блюдомъ была икра, а за нею слѣдовали кѣсіе-то очень-сладкіе супы и разнаго рода рыбы, частью запеченныя въ пирогахъ, частью вареныя и жареныя; мяса же, по случаю поста ⁽²⁴⁾, не было. Пить подавали прекрасное пиво, медъ бѣлый и красный, греческія и испанскія вина и немало водки. Прислуживали намъ, до послѣдняго, все люди сановные, какъ можно было заключить по ихъ одеждѣ ⁽²⁵⁾. Но очень-неудобно и непріятно было отсутствіе у всѣхъ, не исключая и г. посла, салфетокъ. Скатерть была такъ узка, что едва доходила до краевъ стола. Наконецъ въ дѣльный обѣдъ не перемѣняли тарелокъ и самъ г. посолъ долженъ былъ, даравшъ съ нами, довольствоваться одною. Вопреки, однакожъ, нашего опасенія, никого не приневоливали пить и только отъ поры до поры повторялись просьбы не забывать выкушать на здоровье царское. При началѣ обѣда въ залу было введено двѣнадцать тѣлохранителей, въ богатомъ одѣяніи, съ бердышами, которыхъ поставили близъ дверей, напротивъ царя, между-тѣмъ какъ два сановника, съ обнаженными мечами, стали по обѣ стороны трона и оставались тутъ очень-долго, до смѣны ихъ другими ⁽²⁶⁾. Когда, послѣ подачи множества блюдъ,

ролевскіе посолскіе чиновные люди сѣли за другимъ столомъ. А съ послѣмъ въ скань сѣли: столникъ Никита Ивановичъ Шереметевъ да думной дворянинъ Иванъ Аванасьевъ сынъ Прончищевъ» (*Дворц. Разр.*, стр. 563 и 564).

⁽²⁴⁾ Это былъ не постъ, а пятница сырной недѣли (*Дворц. Разр.*, стр. 561), въ которую, по уставамъ нашей церкви, также не ѣдятъ мяслага.

⁽²⁵⁾ «Посла жъ и сына его (князя Елизара, какъ онъ вездѣ тутъ названъ) потчивали столники: князь Иванъ князь Петровъ сынъ Коздовской да Григорей Бояшевъ. Торелки, и ложки и ножики раскладывалъ князь Яковъ князь Семеновъ сынъ Борятинской. А подносили на разныхъ блюдахъ подлючники» (*Дворц. Разр.*, стр. 564). Пить подносили посламъ два стольника и 27 стряпчихъ, а кушанье подавали стольникъ и 26 стряпчихъ (*тамъ же*, стр. 570 и 571).

⁽²⁶⁾ «При ведикомъ государѣ стояли съ меча: столникъ князь Петръ князь Ивановъ сынъ Прозоровской, князь Василей князь Петровъ сынъ болдинъ Прозоровской. На рундукахъ, отъ дверей по обѣ стороны, стоя-

начало уже темнѣть, то въ люстрахъ зажгли свѣчи ⁽²⁷⁾ и вскорѣ затѣмъ потребовали его превосходительство передъ царя. Г. посолъ, сойдя съ своего мѣста, сталъ противъ царя, лицомъ къ лицу, по другую сторону стола. Сначала они обмѣнялись другъ съ другомъ нѣсколькими тостами и первый, выпитый царемъ изъ большаго золотого или вызолоченнаго кубка, былъ слѣдующій: «Въ вѣчную память блаженному мученику Карлу I, который, послѣ претерпѣнныхъ имъ въ семь свѣтѣ страданій, несомнѣнно наслаждается теперь въ другомъ безконечную славою». Потомъ, выпивъ въ честь царствующаго короля, царь изъ собственныхъ рукъ передалъ кубокъ г. послу, который, въ свою очередь, провозгласилъ здоровье обоимъ царевичей. Тѣмъ временемъ между ними шла бесѣда частью о тогдашней войнѣ Россіи съ Польшею, а частью о цѣли настоящей миссіи г. посла, на которую онъ искусно умѣлъ склонить рѣчь. Тогда стали подавать десертъ, состоявшій весь изъ блиновъ, вафель и нѣсколькихъ другихъ мелкихъ, употребительныхъ въ этомъ краѣ печеній. Сверхъ-того внесли, въ видѣ украшенія, три деревца, изъ которыхъ поставили одно на царскій столъ, другое на боярскій и третье на посольскій; у всѣхъ трехъ вѣтки были обѣплены тѣстомъ и оконечности ихъ вызолочены. Царь пригласилъ г. посла возвратиться на свое мѣсто, чтобъ отвѣдать десерта. Спустя полчаса его превосходительство вышелъ изъ-за стола и опять поднялся къ царю, гдѣ они снова стали пить, на этотъ разъ вмѣстѣ уже съ посольскими дворянами, которымъ царь раздавалъ кубки съ виномъ изъ своихъ рукъ ⁽²⁸⁾. Г. посолъ, видя съ какою быстротою царь

ли жилцы, съ пратазаны и съ олебарды, въ терликахъ въ червчатыхъ да въ обьяринныхъ, по 12-ти человекъ на сторонѣ (*Дворц. Разр.*, стр. 565 и 566).

⁽²⁷⁾ Въ свѣчахъ «витыхъ и ручныхъ» сгорѣло всего воску «пудъ 37 гривенокъ съ полугривенкою» (*Дворц. Разр.*, стр. 579).

⁽²⁸⁾ Въ *Дворцовыхъ Разрѣдахъ* о тостахъ въ память Карлу I-му и въ честь царевичамъ ничего не упоминается и все это описано такъ: «Да въ столъ же великій государь пилъ чашу про братскую любовь Карлуса, короля англичскаго, двожди... и объявлялъ послу (стольникъ) князь Иванъ Троекуровъ, что великій государь извоилъ чашу пить о королевскомъ здоровьѣ; и посолъ Великому Государю билъ челомъ, вышелъ изъ за-стола. А послѣ того жаловалъ Великій Государь кубками бояръ, и околичихъ, и думнаго дьяка, и дворянъ, которые ѣли за столомъ, и посла, и сына его, и королевскихъ дворянъ и посольскихъ людей. Третью (sic) чашу пилъ посолъ про здоровье великаго государя, вышелъ изъ-за стола, а бояре въ то время выходили жъ» (стр. 572).

опораживааетъ большіе кубки и потому вообразивъ себѣ, что вино его величества слабѣе подаваемого намъ ⁽²⁹⁾, въ шутку сказалъ, что желалъ бы сдѣлаться на минуту кравчимъ его величества; на что царь, бывъ въ очень-веселомъ расположеніи духа, отвѣчалъ искреннимъ смѣхомъ. Все это такъ, однако, разгорячило царя, что у него напо- слѣдокъ пошла кровь носомъ и тогда г. посолъ почелъ приличнымъ ему откланяться. Весь нашъ пиръ, на которомъ было по меньшей мѣрѣ 500 блюдъ, продолжался около девяти часовъ ⁽³⁰⁾ и мы вернулись домой уже въ одиннадцать часовъ ночи».

Съ временемъ пребыванія миссіи въ Москвѣ совпали дни рожденія царя и потомъ англійскаго короля, также недѣля ваій и свѣтлое Христово воскресеніе. Въ «Реляціи» подробно описаны всѣ происходившія по этимъ случаямъ празднества. Въ день царскаго рожденія при-

⁽²⁹⁾ Быть-можетъ, что Карлейль въ этомъ случаѣ и не ошибался. Англійскій врачъ Самуилъ Коллинсъ, бывшій именно въ это время (1659—1667) лейб-медикомъ царя Алексѣя Михайловича и тоже присутствовавшій за даннымъ англійскому посольству обѣдомъ (*Дворц. Разр.*, стр. 571) въ сочиненіи своемъ: «The present state of Russia», London, 1671, пишетъ: «The Czar is temperate in his Diet, drinks very little wine, sometimes he drinks at meales a little Cinnamon water, or oyl of Cinnamon in his smal beer» (стр. 62). Книга Коллинса дважды переведена на русскій языкъ («Русскій Вѣстникъ», т. III, С.-Петербургъ, 1841, стр. 161 и 567 и «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов. Универс.», Засѣд. 26 янв. 1846, № 1); первый изъ этихъ переводовъ былъ сдѣланъ не съ англійскаго подлинника, а съ французскаго переложения, вышедшаго въ Парижѣ, въ 1679 году, подъ заглавіемъ: «Relation de l'estat présent de la Russie». Это переложеніе, а за нимъ и русскій переводъ несовсѣмъ точно передаютъ упомянутую англійскую фразу. Въ первомъ сказано: «Il (le Czar) est extrêmement sobre, il boit très-peu de vin et quelques fois il mesle de l'huile ou de l'eau de canelle dans sa petite bière» (стр. 78 и 79). Русскій переводчикъ выразилъ это такъ: «Царь чрезвычайно любитъ трезвость, пьетъ весьма-немного вина и иногда подмѣшиваетъ масло или коричневое вино въ пиво» (стр. 181). Второй переводъ сдѣланъ г. Кирѣевскимъ съ англійскаго подлинника и въ немъ сказано: «Царь умѣренъ въ пищѣ, пьетъ очень немного вина, иногда только пьетъ коричневую воду, или легкое пиво съ коричневымъ масломъ».

⁽³⁰⁾ Въ *Дворцовыхъ Разрѣдахъ* названы всѣ отпущенные въ этотъ день на обѣдъ кушанья, напитки и прочіе припасы и исчисленіе ихъ занимаетъ болѣе семи печатныхъ страницъ (571—579). Тутъ же перечислены и всѣ «подачи», бывшія послу съ его свитою (стр. 571 и 572).

слали отъ двора въ посольскій домъ большой обѣдъ, а въ день рожденія короля посольскій пригласилъ къ себѣ нѣсколько гостей, въ томъ числѣ посланнаго въ Англію князя П. С. Прозоровскаго; «но —привавляетъ «Реляція»—какъ свиданіе такого сановника съ иностраннымъ посломъ безъ особаго разрѣшенія царскаго виѣнилось бы почти въ государственное преступленіе, то его превосходительство долженъ былъ заблаговременно испросить это разрѣшеніе, да и достигъ его лишь съ большимъ затрудненіемъ. Такимъ-образомъ, несмотря на тѣсную дружбу, связывавшую обоихъ пословъ въ Англію, имъ только въ этомъ единственномъ случаѣ удалось виѣстѣ попить въ Россію». При торжествѣ въ недѣлю вай, одна изъ служанокъ графини Карлейль, захотѣвъ поближе увидѣть процесію, стала непосредственно за посломъ; царь, замѣтивъ ее и подумавъ, что она жена Карлейля, послалъ къ ней одного изъ бояръ съ привѣтствіемъ. Посольскій, отблагодаривъ за доброе намѣреніе, объяснилъ, однако, истину и тотчасъ отослалъ служанку со стыдомъ домой. Эта самая дѣвушка, которая, по выраженію «Реляціи», понесла вдругъ и столько почета и столько посрамленія, вскорѣ за тѣмъ обвѣнчалась въ Москвѣ съ однимъ изъ посольскихъ служителей.

Переговоры посла съ назначенными отъ Московскаго Кабинета боярами занимають въ «Реляціи» очень-много мѣста. Мы, съ нашей стороны, означимъ здѣсь только главную ихъ сущность.

Вначалѣ ихъ Карлейль коснулся-было опять происшедшаго при его вѣздѣ оскорбительнаго для него безпорядка, но комиссары, какъ называется бояръ «Реляціи», настойчиво уклонялись отъ всякаго дальнѣйшаго по сему предмету объясненія, говоря, что какъ заблудившіеся гонцы уже наказаны, то дѣло должно считать конченнымъ.

Обратясь за тѣмъ къ главному вопросу, о торговыхъ привилегіяхъ, комиссары утверждали, что онѣ были отняты у англичанъ по собственному желанію Карла I-го, отъ котораго, еще при его жизни, явился къ царю пѣкто Лука Нейтингель (Luc Nightingale) съ грамматами, удостоившими, что онъ одно изъ приближеннѣйшихъ къ королю лицъ и извѣщавшими о происшедшемъ въ Англію мятежѣ. Грамматы тѣ заключались просьбою короля наказать торгующихъ въ Россіи англійскихъ купцовъ, какъ тоже участвовавшихъ въ возстаніи противъ его власти. Далѣе предъявляемо было со стороны комиссаровъ, что англійская факторія ставила свои товары въ царскую казну, въ противность договору, не по тѣмъ цѣнамъ, какія были на нихъ въ Англію; что англійскіе купцы потасенно торговали контрабандою, какъ-то табакомъ, и, въ подрывъ пошлиннаго сбора, выдавали множество перекупныхъ, или даже

и совѣтъ-чужихъ товаровъ, за свои; что они, какъ единогласно жалуются русское купечество, захватили въ свои руки всю торговлю и такимъ-образомъ ежедневно обогащаются, тогда-какъ туземные торговцы все болѣе-и-болѣе отъ нихъ бѣднѣютъ; наконецъ, что тѣ англійскіе купцы, которымъ нѣкогда дарованы были привилегіи, давно уже всѣ перемерли и, слѣдственно, нынѣшніе не могутъ имѣть никакого на эти привилегіи притязанія.

Посолъ, съ своей стороны, возражалъ, что многіе изъ находившихся въ Россіи англичанъ оставались вѣрными своему законному королю и даже носили трауръ по его кончинѣ; что Нейтингель — разорившійся купецъ и гнусный обманщикъ, который не только не былъ близокъ къ особѣ покойнаго короля, но сдѣлался ему впервые извѣстенъ единственно по слухамъ о преступленіяхъ, совершенныхъ этимъ мошенникомъ въ Россіи, слѣдственно не могъ онъ привозить съ собою королевскихъ грамматъ, а если и привезъ, то онѣ были подложныя; что дѣны, по которымъ англичане ставили русскому правительству сукно, свинецъ, мѣдъ и прочія произведенія страны ихъ, всегда были ниже голландскихъ и гамбургскихъ; что когда эти товары предлагались въ царскую казну по дѣнамъ, въ Англій на нихъ существовавшимъ, то чиновники царскіе или совѣтъ отказывали въ ихъ пріемѣ, или выдавали деньги за поставленное не иначе, какъ при помощи значительныхъ имъ подарковъ, за многое же и донынѣ еще не заплачено; что едва-ли вѣроятно, чтобъ англичане производили запрещенный торгъ табакомъ, ибо, по заведенному отъ компаніи и утвержденному присягою всѣхъ ея членовъ порядку, находимый у кого-нибудь изъ нихъ табакъ тотчасъ подвергался сожженію, публично, въ присутствіи царскихъ подданныхъ, чему и бывали приѣзды; что, въ отвращеніе подложной продажи перекупныхъ или чужихъ товаровъ, факторіи строго запрещено было вести торгъ съ голландцами и гамбургцами и едва-ли можно указать хотя на одинъ случай такого рода; что жалобы на англичанъ со стороны нѣсколькихъ гостей (Goses), которые желали бы соединить всю торговлю въ однѣхъ своихъ рукахъ, очень-вѣроятны, но нѣтъ никакого правдоподобія, чтобы въ этихъ жалобахъ участвовало все купеческое и ремесленное сословіе, извлекавшее, напротивъ, отъ торговли съ англичанами большія для себя выгоды; что привилегіи дарованы были не порознь, на имя извѣстныхъ купцовъ, теперь уже умершихъ, а дѣломъ компаніи, все еще продолжающей свое существованіе; наконецъ, что бывшій въ Англій мятежъ и подлоги Нейтингеля не могутъ болѣе служить поводомъ къ отказу въ возстановленіи этихъ привилегій, такъ-какъ мятежъ теперь погашенъ, а подлоги обличены; къ ходатайству же о возобнов-

леніи прежнихъ преимуществъ Англійскій Кабинетъ побуждается совѣмъ не расчетами на какія-нибудь выгоды для короля, «который не затруднился бы, на здоровье возлюбленнаго своего брата, его царскаго величества, разстрѣливать ежегодно столько пороха, сколько составляетъ вся цѣнность этихъ преимуществъ», также и не видами на обогащеніе англійскихъ подданныхъ, которые всегда преимущественно старались стяжать себѣ въ Россіи честнымъ образомъ жизни общее уваженіе, если же и обогатились, то за сіе заслуживаютъ не зависти и укоризнъ, а благодарности жителей того края, куда они привлекли сокровища Европы и который въ-теченіе ста лѣтъ приобрѣлъ огромныя отъ англійской торговли выгоды. Цѣль короля, говорилъ посолъ, другая: онъ «видитъ въ прежнихъ привилегіяхъ древнюю основу той счастливой дружбы между двумя державами, которая такъ долго переходила отъ отца къ сыну; а поелику залогъ дружбы, какъ бы онъ малъ ни былъ, цѣнится выше жемчуга и брилліантовъ, то почелъ бы за большое для себя несчастіе утратить эти привилегіи, этотъ драгоцѣнный залогъ дружбы, столь успѣшно-сохраненный его предшественниками».

Сверхъ-того было очень-пространно разсуждаемо и даже родился родъ грамматическаго спора о томъ, что посолъ въ своихъ рѣчахъ называлъ царя *illustrissimus*, а англійскаго короля *serenissimus*. Карлейль прочелъ по этому случаю нашимъ боярамъ цѣлую диссертацию, наполненную ссылками на латинскихъ писателей. Требуя взаимно для своего короля испоконно-принадлежащаго ему титула «охранителя вѣры» (*Defender of the Faith*), онъ не упустилъ упомянуть, что въ грамматѣ королевской царь наименованъ *императоромъ*, «а это (прибавилъ Карлейль) выше всѣхъ титуловъ, какіе кѣмъ-либо изъ монарховъ давались русскому царю и вообще выше всѣхъ, какіе могутъ быть даны смертному послѣ Бога». Наконецъ, посолъ поставилъ еще на видъ, какъ оскорбленіе для своего двора, что комиссары, говоря о покойномъ англійскомъ королѣ, употребляютъ только выраженіе «славной памяти» (*Slavoramite*), тогда-какъ отца русскаго монарха называютъ «блаженныя памяти» (*Blagennioramite*).

Обозрѣвая общій ходъ происходившихъ между англійскимъ посломъ и нашими боярами переговоровъ, нельзя не прійти къ заключенію, что все это имѣло скорѣе видъ какихъ-то словопридрчивыхъ преній, чѣмъ истинныхъ дипломатическихъ негодіацій. Обѣ стороны, почти равно заносчивыя и щекотливыя, не скупились на колкости; каждая старалась болѣе выставить другую въ смѣшномъ видѣ, чѣмъ прямодушно опровергнуть и убѣдить ее; старалась, вмѣсто совокупнаго стремленія къ истинѣ и справедливости, изворачивать слова противника и, когда недо-

ставало доводовъ даже и такого рода, уклоняться отъ главнаго вопроса къ мелочамъ. Самъ повѣствователь нашъ, естественно отдавая вездѣ предпочтеніе своей сторонѣ, сознается, что между дѣломъ было много пустыхъ словопреній и взаимно-оскорбительныхъ разглагольствій. За ними терялось только время и каждый, разумѣется, оставался при своемъ.

Посоль, убѣдясь напоследокъ въ необходимости положить какой-нибудь конецъ дѣлу и вида, что ему не достигнуть сего съ комиссарами, рѣшился на всякой случай испросить себѣ частную аудіенцію у царя. Послѣ долгихъ доказательствъ со стороны бояръ, что при подобной аудіенціи отнюдь не должно говорить о дѣлахъ, и возраженій со стороны посла, что онъ именно для бесѣды о дѣлахъ и просить ее, эта аудіенція происходила 22-го апрѣля, въ собственной комнатѣ царя⁽³¹⁾, и длилась отъ десяти часовъ ночи до часа утра⁽³²⁾. Карлейль прочелъ тутъ опять очень-пространную рѣчь, у которой нельзя оспорить ни искусства, ни ораторскаго движенія. Начавъ отъ своего лица, онъ потомъ продолжалъ ее какъ-бы отъ лица своего монарха, обращающагося непосредственно къ царю. Рѣчь заключалась обѣщаніемъ посредничества между Россією и Польшою, если только Англія получитъ снова прежнія торговыя преимущества. Кончивъ чтеніе, Карлейль принесъ еще, словесно, очень-сильныя жалобы на клеветы, личныя оскорбленія и наговоры, претерпѣнные имъ отъ пристава Прончищева, который, прибавилъ онъ, есть главный врагъ добрыхъ отношеній между королею и его царскимъ величествомъ.

Отвѣтъ на рѣчь Карлейля последовалъ не лично отъ царя, а черезъ тѣхъ же комиссаровъ и притомъ не во время аудіенціи, а уже пять недѣль спустя, 27-го мая. Онъ длинно распространялся о второстепенныхъ или побочныхъ обстоятельствахъ, оправдывалъ Прончищева, гро-

(31) Въ царской «передней» (*Дворц. Разр.*, стр. 579).

(32) «Посоль поѣхалъ съ посольскаго двора въ городъ въ третьемъ часу ночи въ послѣдней чети» (*Дворц. Разр.*, стр. 580). О времени окончанія аудіенціи ничего не сказано и прибавлено только: «А медами царское величество не изволилъ посла жаловать, для того, что учинилось поздно и посла изволилъ отпустить» (*тамъ же*, стр. 583). Этимъ оканчивается въ *Дворцовыхъ Разрядахъ* извѣстіе о карлейлевомъ посольствѣ. Ни обоюдныхъ рѣчей, ни хода переговоровъ тутъ не помѣщено, такъ-какъ этотъ столбецъ заимствованъ изъ Разряднаго Архива; дипломатическія же дѣла вѣдались, по тогдашнему распределенію, не въ Разрядно, а въ Посольскомъ Приказѣ.

вилъ жалобами королю на нѣкоторыя колкія выраженія посла , а на главный вопросъ отвѣчалъ очень-коротко , и то какъ-бы мимоходомъ , что царь не можетъ возстановить торговыхъ привилегій во время продолжающейся съ Польшею и крымскими татарами войны; по окончаніи же ея не оставитъ англійской компаніи своею милостью. По полученіи этого уклончиваго отвѣта , посолъ сталъ настаивать о разрѣшеніи ему выѣхать изъ Россіи , но , за разными отсрочками , могъ допроситься прощальной аудіенціи не прежде 14-го іюня.

Пронесенная Карлейлемъ , при этой послѣдней его аудіенціи , прощальная рѣчь была , въ сравненіи съ прежними , очень-лаконическая и виѣсть довольно-дерзкая. «Поелику (говорилъ онъ , между-прочимъ) вашему царскому величеству не угодно было снизойти къ ходатайству , составлявшему предметъ настоящей моей миссіи , то величайшій за снѣгъ знакъ дружбы вашей къ моему монарху и виѣсть благоволенія ко мнѣ заключается въ дарованной мнѣ нынѣ милости откланяться вашему величеству , для возможно-скорѣйшаго отсюда выѣзда. Болѣе ничего не остается мнѣ просить у вашего величества , какъ дарованія и прочимъ подданнымъ моего монарха , по окончаніи ими дѣлъ своихъ , такого же дозволенія , а тѣмъ , которые принуждены еще будутъ здѣсь остаться , скорого правосудія , чего доселѣ не бывало». Отвѣтъ царя былъ въ другомъ , болѣе мягкосердечномъ духѣ , но еще короче посольской рѣчи. Отъѣзжавшій , что онъ сожалѣетъ о невозможности , въ которую поставленъ , силою обстоятельствъ , удовлетворить желанію короля , своего брата , царь просилъ отдать ему поклонъ , пожелалъ Карлейлю счастливаго пути и вручилъ ему грамоту свою къ Карлу II. Посолъ и вся его свита опять цаловали руку царя и , по возвращеніи ихъ домой , имъ опять принесли придворный обѣдъ.

Три дня спустя (17-го іюня) дьякъ Голосовъ привезъ послу и его свитѣ царскіе подарки , состоявшіе изъ дорогихъ собольихъ мѣховъ. Карлейль отказался принять ихъ. Долго объ этомъ спорили и наконецъ Голосовъ принужденъ былъ везти подарки назадъ , но въ сильномъ на то гнѣвѣ , ударяя себя въ грудь , кричалъ , что это неприимѣрная обида , которую царь вѣрно не снесетъ даромъ и что въ цѣломъ Русскомъ Царствѣ никогда ничего подобнаго не случалось. Равно и всѣ прочіе , кто видѣлъ , какъ подарки несли назадъ по улицамъ , не сомнѣвались , что царь накажетъ за такое неслыханное оскорбленіе и , быть-можетъ , сошлетъ даже все посольство въ Сибирь , «одну изъ восточныхъ областей Россіи , куда ссылаютъ преступниковъ для ловли соболей въ царскую каму» ; чины же посольства , хотя и поняли вполне побужденія своего начальника , горевали , что лишаются черезъ то доли въ

подаркахъ, составившихъ на часть посла до 2000, жены его до 1400 и ихъ сына до 1000 ефимковъ. Узнавъ о происшедшемъ, царь тотчасъ созвалъ свою Думу и, по ея опредѣленію, къ послу явился бояринъ Волынский, съ вопросомъ о причинахъ его отказа. Карлейль отвѣчалъ, что какъ несія его осталась безуспѣшною, то ему неприлично принимать милости царскія, безъ чего всякій даръ отъ его величества почелъ бы драгоценнымъ сокровищемъ и для себя лично и для своего семейства; но что, впрочемъ, онъ и теперь готовъ принять съ благодарностью каждый знакъ царскаго благоволенія, если только разсуждено будетъ снизойти къ его ходатайству. По такому отвѣту все дѣло кончилось возвращеніемъ тѣхъ подарковъ, которые представлены были царю лично отъ Карлейля и послѣдній, не показавъ никакого вида огорченія, отозвался, что благодарить его величество за присылку и принимаетъ ее отъ такого же чистаго сердца, какъ-бы и что-нибудь болѣе-дѣнное: «я (прибавилъ онъ) всегда буду хранить эти вещи у себя, потому-что онѣ мнѣли счастье находиться, хотя временно, въ обладаніи царскомъ».

Такимъ образомъ кончилось это пріятельное посольство, пробывшее въ Россіи (считая съ обратнымъ путемъ до шведской границы) цѣлый годъ.

Если и неоспоримо, что убійство Карла I возбудило въ царѣ Алексѣ Михайловичѣ чувство особеннаго нерасположенія къ англичанамъ, то трудно, однакожъ, допустить, чтобъ одно это событіе, выставленное предлогахъ отказа въ возобновленіи привилегій англійскихимъ купцамъ, было единственною и даже главною къ тому основою. Уничтоженіе привилегій послѣдовало еще за годъ до смерти англійскаго короля, а ссылка по этому обстоятельству на собственное будто бы его желаніе осталась недоказанною и вообще кажется не слишкомъ вѣроятною. Нѣкоторые полагаютъ, что ближайшею причиною и понесенныхъ Карлейлемъ неудовольствій, и окончательной его неудачи были собственная его заносчивость и безмѣрная щекотливость; но, при всей справедливости упрека ему въ томъ, должно замѣтить, что неудовольствія и придирки начались съ самой минуты пріѣзда посла въ Россію, когда онъ не имѣлъ еще случая выказать свое высокомеріе, а отсюда позволено заключить, что отказъ въ его ходатайствѣ былъ рѣшенъ уже заранѣе. Истинныхъ побужденій къ этому отказу едва-ли не должно искать въ другихъ обстоятельствахъ. Съ одной стороны русскіе не могли не завидовать огромнымъ прибылямъ англичанъ отъ безпошлинной торговли, считая ихъ, конечно, давно уже и съ презыткомъ вознагражденными за открытіе бѣломорскаго пути; съ другой стороны той общей неприязни, которую навлекли на себя эти иноземцы своею

національною холодною и надменною, способствовало еще соперничество хитрых голландцев, которые не щадили никакихъ средствъ присвоить себѣ монополію торговли въ Россіи. Они продавали свой товаръ дешевле англичанъ, клеветали на нихъ, щедро одаряли тѣхъ, отъ кого могли надѣяться полезнаго содѣйствія, и вносили въ царскую казну по 15-ти процентовъ съ цѣнности ввозимыхъ и отпускаемыхъ товаровъ. Такой сборъ тѣмъ былъ важнѣе для Россіи, что она въ то время вела войну почти со всѣми своими сосѣдями. Наконецъ, русскій дворъ домогался отъ Англіи займа въ три милліона рублей и отказъ Карла II въ этомъ требованіи, «которое, по выраженію посла его, едва-ли въ состояніи былъ бы выполнить величайшій монархъ въ мірѣ»⁽³³⁾, естественно еще болѣе предрасположилъ наше правительство противъ домогательства Лондонскаго Кабинета.

Посольство выѣхало изъ Москвы 24-го іюня 1664 года⁽³⁴⁾, сухимъ путемъ, на Ригу. При всей холодности разлуки и вопреки противному предсказанію Прончищева, нашимъ гостямъ оказаны были на возвратномъ ихъ шествіи, по собственному свидѣтельству «Реляціи», и всякій почетъ и все московское гостепріимство. Посла съ его свитой сопровождали, при выѣздѣ изъ столицы, цѣлый полкъ конницы, а далѣе два пристава: до Новгорода стольникъ Телепневъ и на всемъ пути непоименованный званіемъ Семенъ Аванасьевъ; сверхъ-того слѣдовало при нихъ сильное прикрытіе изъ стрѣльцовъ, которое признавалось необходимымъ при проѣздѣ черезъ край, разоренный и истощенный войною. Въ распоряженіе посольства отданы были двѣ, заложеныя шестериками кареты, тридцать небольшихъ крытыхъ повозокъ для чиновъ его и болѣе ста для поклажи; но большая часть свиты предпочтала ѣхать верхомъ, хотя имъ казались очень-неудобными высокія и жесткія сѣдла, походившія болѣе на станокъ или козлы (chevalet). Для избѣжанія неудобствъ, сопряженныхъ съ тѣсными и грязными избами, отъ двора дано еще было до самой границы достаточное количество палатокъ, которыя ѣхали всегда впередъ съ кухнею, такъ-что, по прибытіи на мѣста обѣдовъ и ночлеговъ, посольство находило уже палатки разбитыми и все для себя приготовленнымъ. Путешественники страдали сильно лишь отъ жары, отъ комаровъ и отъ невозможности, за неимѣ-

⁽³³⁾ Изъ одного мѣста «Реляціи» видно, что, по тогдашней цѣнности денегъ, англійскій фунтъ стерл. равнялся двумъ русскимъ рублямъ, слѣдственно 3 милліона руб. составили бы нынѣ около 9½ мил. руб. сер.

⁽³⁴⁾ А не 24 января 1665, какъ напечатано въ «Biographie universelle». Т. XX, Paris, 1817, p. 625.

ніемъ льда, охлаждать напитки. Съ перемежною лошадей только четырьмя: въ Твери, Вышнемъ Волочкѣ, Сольцахъ и Псковѣ, переѣзды дѣлались отъ 40 до 50 верстъ въ сутки; кромѣ-того, посольство проѣхало около 100 верстъ водою, изъ Бронницъ въ Новгородъ и оттуда въ Сольцы, большею-частью (прибавляетъ повѣствователь) Ильменемъ. Нѣкоторое неудовольствіе произошло единственно въ Твери. Когда посолъ прибылъ къ городской стѣнѣ и всѣ расположились въ своихъ палаткахъ, ворота были наглухо заперты и не растворились въ продолженіе двухсуточного пребыванія его подъ этимъ городомъ, «точно будто бы въ окрестномъ краѣ свирѣствовала чума». Приѣмомъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ авторъ «Реляціи» не можетъ довольно нахвалиться, и особенно угодили ему торжественностью встрѣчи и роскошью угощенія Новгородъ и Псковъ. Наканунѣ вѣзда въ этотъ послѣдній городъ, двѣ посольскія лошади зашли съ пастбища на соседнюю пашню, которой владѣлецъ, какой-то псковскій баринъ (*gentleman of Plesco*), тотчасъ захватилъ ихъ и упорно хотѣлъ задержать. Воевода, узнавъ о томъ, велѣлъ связать этого господина и прислалъ въ такомъ видѣ къ послу, съ просьбою даровать ему жизнь. По разнесшемуся между-тѣмъ слуху, что на дальнѣйшемъ пути поджидаетъ нашихъ путешественниковъ нѣсколько сотъ поляковъ, съ намѣреніемъ ихъ ограбить, тотъ же воевода далъ имъ конвой изъ 500 хорошо-вооруженныхъ людей, которые и провожали ихъ до самой границы.

Наконецъ, 22-го іюля, спустя мѣсяцъ по отъѣздѣ изъ Москвы, посольство прибыло въ городокъ Нейгаузенъ, составлявшій тогда границу между Россією и Лифляндією, то-есть шведскими владѣніями. Здѣсь наши путешественники простились съ московскими провожатыми; здѣсь и мы разстанемся съ ними на дальнѣйшемъ ихъ слѣдованіи къ миссіямъ въ Швецію и Данію. Прибавимъ только, что еще до возвращенія графа Карлейля въ Лондонъ, туда прибылъ отъ царя Алексѣя Михайловича стряпчій Михайло Головинъ⁽³⁵⁾, съ жалобами на поведеніе графа во время его посольства. Хотя, по словамъ «Реляціи», московскій посолъ былъ принятъ такъ холодно, «какъ приличествовало отечественному его климату», однако Карлейль получилъ приказаніе письменно объясниться противъ обвиненій московскаго двора. Оправданіе его, названное имъ «Апологією» и повторявшее существенныя обстоятельства пребыванія его въ Москвѣ, было вручено русскому посланнику. Вместе съ тѣмъ дано и личное письмо короля къ царю, съ изъясненіемъ, что англійскій дворъ имѣетъ въ настоящемъ случаѣ гораздо-бо-

(35) «Древняя Россійская Вивлюшка», изд. втор., Часть XVI, стр. 163.

гѣ причинъ къ справедливымъ жалобамъ, чѣмъ московскій, и что пока англичанамъ не будутъ возвращены отнятыя у нихъ преимущества, до тѣхъ-поръ король сохранитъ прежнее свое сомнѣнiе въ дѣйствительности многократныхъ изъясненій ему царской пріязни. Извѣстно, однакожь, что эта новая попытка, равно-какъ и другое, послѣдовавшее затѣмъ посольство въ Москву кавалера Гебдона (Hebdon), остались одинаково-безуспѣшными. Пренія исключительныя привилегіи англичанъ по торговлѣ въ Россіи не были уже никогда болѣе возстановлены.

Пересматривая сочиненія извѣстнѣйшихъ библиографовъ, мы нашли въ нихъ указанія на слѣдующія изданія «Реляціи»:

У *Штука* (36):

Англійское изданіе — London, 1669.

Французское — Amsterdam, 1672, 12°.

Другое французское — Amsterdam, 1700, 12°.

Нѣмецкое — Francfurt und Leipzig, 1701, 12°.

У *Мейнера* (37):

Французское изданіе — Amsterdam, 1672.

Онъ прибавляетъ, что, не имѣвъ въ рукахъ ни перваго англійскаго, ни перваго французскаго изданій, не можетъ означить и года ихъ выхода.

У *Буше* (38):

Англійское изданіе — London, 1659, 8°.

Французское — Rouen, Namr, 1672, 12°.

У *Бекманна* (39):

Англійское, приводимое имъ по *Буше* — London, 1659, 8°.

Другое англійское, по *Штуку* — London, 1669, 8°.

Французскія:

Amsterdam, J. Blaeu, 1670, 12°.

Ibid. 1672, 12°.

Ibid. 1700, 12°.

(36) *Stuck*, Verzeichniss von ältern und neuern Land- und Reisebeschreibungen. Halle, 1784—1785. №№ 261 und 2109.

(37) *Meiners*, Vergleichung des älteren und neueren Russlands. Leipzig, 1798. Bd. I, S. 26.

(38) *Boucher de la Richarderie*, Bibliothèque universelle des voyages. Paris, 1808. T. I, p. 408.

(39) *Beckmann*, Litteratur der älteren Reisebeschreibungen. Göttingen, 1809. Bd. II, S. 205—207.

Нѣмецкое — Frankfurt und Leipzig, 1701, 12°.

Самъ *Бекманнъ*, по собственнымъ его словамъ, видѣлъ изъ всѣхъ этихъ изданій только французское амстердамское 1672 года.

У *Уатта* ⁽⁴⁰⁾:

Англійское изданіе — London, 1669.

Въ *Biographie Universelle* ⁽⁴¹⁾:

Англійское изданіе — то же самое, что у *Уатта*.

Французскія и нѣмецкое — тѣ же, что у *Бекманна*.

У *Брюне* ⁽⁴²⁾:

Англійское изданіе — то же, что у *Уатта* и въ *Biographie Universelle*.

Французскія:

Rouen, Maurry, 1670, 12°.

Amsterdam, J. Blaeu, 1670, 12°.

Наконецъ у *Аделунга* ⁽⁴³⁾:

Англійскія:

London, 1668.

London, 1669.

Французскія:

Rouen, 1700, 12°.

Seconde édition, revue et corrigée, Amsterdam, 1672, 12°.

Amsterdam, 1700, 12°.

Нѣмецкое — какъ у всѣхъ другихъ.

Мы, съ нашей стороны, смѣемъ утверждать, что изъ числа всѣхъ поименованныхъ выше изданій англійскія 1659 (*Буше* и за нимъ *Бекманнъ*) и 1668 (*Аделунгъ*), равно-какъ и французское руанское 1700 года (*Аделунгъ*) никогда не существовали и доказываемъ это слѣдующимъ:

Вопервыхъ, посольство Карлейля было въ 1663—1664 годахъ, слѣдственно описаніе его не могло выйти въ 1659. Такое означеніе произошло у *Буше*, вообще довольно-поверхностнаго, очевидно, лишь

⁽⁴⁰⁾ *Watt*, Bibliotheca Britannica. Edinburgh, 1824, подъ словомъ *Carlisle*.

⁽⁴¹⁾ Paris, T. XX, 1817, p. 625. Статя о Карлейлѣ (подъ словомъ *Howard*) составлена въ этомъ сборникѣ известнымъ *Эяриэ* (Eyries).

⁽⁴²⁾ *Brunet*, Manuel du libraire et de l'amateur des livres. Paris, 1843. T. III, p. 389.

⁽⁴³⁾ *Adelung*, Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700. St.-Petersburg und Leipzig, 1846. Bd. II, S. 335—337.

отъ типографской опечатки въ одной цифрѣ, и именно *невозможный* 1659 годъ поставленъ въ его книгѣ вмѣсто 1669, то-есть *длѣйшимъ* года появленія въ свѣтъ англійскаго изданія. При всемъ томъ эту опечатку необдуманно повторилъ впоследствии *Бекманнъ*, а по авторитету *Бекманна* она перешла и въ нѣкоторыя новѣйшія, пользующіяся общою и заслуженною извѣстностью сочиненія, какъ напримѣръ: *Grässe*, Handbuch der allgemeinen Literärgeschichte, Leipzig, 1850 (Т. IV, стр. 1063) и его же *Grässe*, Das siebzehnte Jahrhundert in seinen Schriftstellern und ihren Werken, Leipzig, 1853 (стр. 187); также въ Fortsetzung und Ergänzungen zu *Jöchers* Gelehrten-Lexicon, angefangen von J. Ch. *Adelung* und fortgesetzt von H. W. *Rotermund*. 4-ter Bd., Bremen, 1813, S. 1710.

Вовторыхъ, указаніе на англійское изданіе 1668 года мы находимъ только у *Аделунга*, безъ всякой ссылки на источникъ, тогда-какъ у *всѣхъ другихъ*, въ томъ числѣ у *Уатта*, почитающагося авторитетомъ въ англійской библиографіи, первое (и единственное) англійское изданіе показано вышедшимъ въ 1669 году ⁽⁴⁴⁾. Замѣтимъ еще, что въ этомъ изданіи 1669 года не только не означено и нѣтъ никакихъ примѣтъ, чтобъ оно было *вторымъ*, но, напротивъ, слѣдующее въ немъ, за предисловіемъ, одобреніе этого описанія къ печати со стороны графа Карлейля, помѣченное 30-мъ ноябремъ 1668 года, не позволяетъ никакъ предполагать, чтобы книга, заключающая въ себѣ 461 страницу, могла быть набрана и отпечатана въ одинъ остававшійся мѣсяцъ того года; еще болѣе: чтобы та же самая книга, при тогдашнемъ состояніи книжной торговли, могла менѣе чѣмъ въ три мѣсяца (ценсурное разрѣшеніе на изданіи 1669 года подписано 26-го августа) потребовать новой перепечатки ⁽⁴⁵⁾.

Втретьихъ, французское руанское изданіе 1700 года, приводимое также *однимъ только* Аделунгомъ, есть явная ошибка. 1700 годъ

⁽⁴⁴⁾ Точно также и въ *Lowndes*, The bibliographer's Manual. London, 1828, стр. 349.

⁽⁴⁵⁾ Довѣряя всегда болѣе каталогамъ, списаннымъ съ книгъ въ натурѣ, чѣмъ библиографическимъ сочиненіямъ, гдѣ часто одинъ повторяетъ ошибки и даже вымыслы другаго, мы, для наведенія ближайшей справки объ англійскомъ изданіи, обращались къ печатнымъ каталогамъ Лондонской Королевской и Оксфордской Бодлеянской Библіотекъ, изъ которыхъ первый вышелъ въ 1820—1829 годахъ, а послѣдній въ 1843 году; но, къ изумленію нашему, въ лондонскомъ не оказалось *ни одного* изданія карлейлева посольства, а въ оксфордскомъ мы нашли только *французское* амстердамское изданіе 1672 года.

поставленъ здѣсь, по опечаткѣ, вмѣсто 1670: иначе какимъ же образомъ, означая *первое* французское изданіе подъ 1700 годомъ, Аделунгъ могъ бы, на той же самой страницѣ, назвать *второе*, «*revue et corrigée*», подъ 1672 ?

Что касается, наконецъ, до французскаго изданія: Rouen, Namr, 1672, то о немъ упоминаетъ одинъ лишь *Буше*, который, какъ мы уже сказали, отнюдь не принадлежитъ къ числу библиографовъ, пользующихся несомнѣннымъ авторитетомъ. Книга его обилуетъ множествомъ ошибокъ, доказательствомъ чему, ограничиваясь здѣсь собственно только Карлейлемъ, служатъ приведеніе имъ *невозможнаго* англійскаго изданія 1659 года и пропускъ всѣхъ прочихъ, *положительно-извѣстныхъ* французскихъ изданій. Вслѣдствіе того, пока не будетъ у насъ въ виду свидѣтельствъ болѣе-достоверныхъ, чѣмъ показаніе одного Буше, мы считаемъ себя въ-правѣ упомянутое руанское изданіе 1672 года отнести также къ числу не только *сомнительныхъ*, но и прямо — *несуществующихъ*.

За тѣмъ *есть прочія*, исчисленныя выше изданія, то-есть всѣ тѣ, которыя мы признаемъ несомнѣнно-существующими, находятся въ Императорской Публичной Библиотекѣ *на-лицо*.

Остается вопросъ: кѣмъ именно составлено было это описаніе посольства графа Карлейля?

«Der Bericht über die Gesandtschaftsreisen des Grafen Carlisle (пишетъ Аделунгъ т. II, стр. 335 и 336) wird häufig einem Landsmanne von ihm Namens Smith zugeschrieben».

Это «häufig» не должно принимать въ буквальный смыслъ. На Смита, какъ сочинителя «Реляціи», указываютъ всего только три автора, но и изъ нихъ положительно только одинъ, а два другіе отрицательно. Они говорятъ:

Штукъ: «Der Verfasser dieser Reisebeschreibung ist nicht Carlisle, sondern Smith» (№ 2109).

Meiners: «Coxe, I, 194, schreibt sie (то-есть «Реляцію») einem Engländer Smith zu. Vielleicht verwechselte er den Sir Thomas Smith, welchen der König Jacob von England 1604 an den Zaren Boris als Gesandten schickte, mit dem Verfasser der Gesandtschaftsgeschichte von Carlisle» (I, 26).

Beckmann: «Darin hat wenigstens Stuck gewiss geirret, dass er den Verfasser Smith nennet» (II, 205).

Итакъ первоначальнымъ источникомъ указанія на Смита, какъ автора «Реляціи», выставленъ *Коксъ*, изъ котораго, очевидно, заимствовалъ свое указаніе и *Штукъ*. Путешествіе *Кокса* по Польшѣ, Россіи,

Швеція и Даніи, вышедшее въ 1784 году на англійскомъ языкѣ ⁽⁴⁶⁾, имѣется въ Императорской Публичной Библиотекѣ и въ подлинникѣ и въ переводахъ нѣмецкомъ и французскомъ, а ссылка *Мейнерса* сдѣлана, какъ оказалось по справкѣ съ приводимою имъ страницей, на нѣмецкій переводъ ⁽⁴⁷⁾. Но каково было наше удивленіе, когда, сличвъ этотъ переводъ съ французскимъ, а потомъ и съ англійскимъ подлинникомъ, мы пришли постепенно къ тому неожиданному открытію, что все это дѣло взведено на *Кокса* совершенно безвинно — его нѣмецкимъ переводчикомъ. *Коксъ* въ сочиненіи своемъ говоритъ, между прочимъ, объ англичанахъ, которые въ разное время писали о Россіи и, въ подстрочной выноскѣ, перечисляютъ ихъ поименно. Эту выноску нѣмецкій переводчикъ передалъ такъ: «*Besonders der Kanzler Fletcher; Smith, der Verfasser der Nachricht von der Gesandtschaft des Lord Carlisle; Perry; Bruce etc.*» (I, 194). Но что стоитъ въ подлинникѣ? «*Chiefly Chancellor, Fletcher, Smith, the author of Lord Carlisle's Embassy, Perry, Bruce etc.*». Такимъ образомъ только отъ невнимательности къ знакамъ препинанія подлинника и невѣжественнаго ихъ смѣшенія, *четыре* изъ числа упомянутыхъ въ этомъ мѣстѣ подлинника писателей превратились, для нѣмцевъ, только въ *двухъ*; *Смитъ* сталъ у *Штука* и *Аделунга* сочинителемъ книги, написанной спустя шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ собственнаго его путешествія ⁽⁴⁸⁾, а *Мейнерсъ* и *Бекманнъ* почли нужнымъ очень-серьезно опровергать такое показаніе, которое родилось единственно подъ перомъ незнающаго переводчика! Какая величественная библиографическая путаница и на сколько умножается еще смѣшная ея сторона, если замѣтить, что французскій переводчикъ хотя и не впалъ въ одну изъ ошибокъ нѣмецкаго, то—есть *Смита* не смѣшалъ съ авторомъ «*Реляціи*», но *фамилію путешественника* *Ченслера* (Chancellor) точно также превра-

⁽⁴⁶⁾ *Coxe, Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. London, 1784. 3 vol. 4°.* Это первое изданіе есть вмѣстѣ и лучшее. Въ Публичной Библиотекѣ находятся и всѣ позднѣйшія.

⁽⁴⁷⁾ *Reise durch Polen, Russland, Schweden und Dänemark. Aus dem englischen von Joh. Pezzl. Zürich, 1785—1792. 3 Bde. 4°.*

⁽⁴⁸⁾ Книга, на которую указывалъ *Коксъ* въ англійскомъ подлинникѣ своего сочиненія есть: «*Voyage and entertainment in Russia, by Thomas Smith. London, 1605, 4°.* Эта книга, считающаяся еще болѣе рѣдкою, чѣмъ описаніе карлейлева посольства, недавно также приобрѣтена для нашей Публичной Библиотеки.

тѣмъ въ титулѣ Флечера ⁽⁴⁹⁾, бывшаго, правда, докторомъ правъ и посланникомъ королевы Елисаветы къ московскому двору, но никогда неносившаго званія *канцлера*.

Съ самыми книгами подъ рукою вопросъ о сочинителѣ «Реляціи» объясняется совсѣмъ—иначе и притомъ очень просто.

Англійское изданіе «Реляціи» посвящено графу Карлейлю, а французскія—его сыну, виконту Морпету. Подъ англійскимъ посвященіемъ сочинитель подписался только двумя начальными буквами: G. M. ⁽⁵⁰⁾; но подъ французскимъ вполне выписаны имя и фамилія, соответствующія симъ двумъ заглавнымъ буквамъ, именно: Guy Miegе. За тѣмъ самое посвященіе виконту Морпету перваго французскаго изданія (Амстердамъ, 1670) начинается такъ: «Après avoir dedié depuis peu cet ouvrage en Anglois à son Excellence Monseigneur le Comte de Carlisle, ce seroit de mauvaise grace de chercher maintenant pour cette Edition Française un autre Protecteur que vous Monseigneur. Et, puis que par la premiere Edition je me suis efforcé de rendre mes devoirs à Monseigneur vostre Pere, il estoit bien juste que par celle-cy je fisse aussi paroistre d'une façon particuliere le respect que j'ay pour vous» etc: Слѣдственно сочинителемъ и англійскаго и французскаго текста было одно и то же лицо и притомъ никто другой, какъ Guy Miegе—*Гвидо Миежъ*. Это еще болѣе подтверждается вступленіемъ къ измѣненному посвященію втораго французскаго (Amsterdam, 1672) изданія, гдѣ Миежъ говоритъ: «Bien que cet Ouvrage ait premierement parû en *Anglois*, sous les auspices de Monseigneur vôtre Pere; j'ai crû neantmoins que c'étoit du devoir et de la bienséance de vous dedier cette Edition en

⁽⁴⁹⁾ На французскій языкъ путешествіе *Кокса* переведено *Малле* (Mallet) и этотъ переводъ изданъ въ Женевѣ, дважды, въ 1786 и 1787 годахъ, отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Voyage en Pologne, Russie, Suède, Danemark», и одинъ разъ, въ 1786 году, въ составѣ «Nouveau Recueil de voyages au Nord», гдѣ путешествіе *Кокса* занимаетъ 2-й и 3-й томы. Выписка англійскаго автора и въ обоихъ отдѣльныхъ изданіяхъ (I, 232) и въ сборникѣ (I, 130) передана такъ: «tels que le *Chancelier* Fletcher, Smith, la relation de l'ambassade de Lord Carlisle, Perry, Bruce etc.»

⁽⁵⁰⁾ Гдѣ покойный Берхъ (а за нимъ и «Справочный Словарь»), вмѣсто этихъ *двухъ* буквъ, нашелъ *три*: «нѣкто G. M. T.», какъ онъ выразился (I, 163), остается для насъ загадкою, и тѣмъ еще страннѣйшею, что г. Берхъ пользовался не англійскимъ, а однимъ изъ французскихъ изданій, въ сихъ же послѣднихъ нигдѣ не употреблено ни двухъ, ни трехъ заглавныхъ буквъ, а, напротивъ (какъ мы говоримъ въ нашемъ текстѣ), имя и фамилія выписаны сполна.

François. Elle a cet avantage sur *l'Angloise*, qu'elle en est l'Original, et que pour n'avoir pas esté si précipitée elle en est beaucoup plus correcte, en fin qu'elle est couchée dans une Langue particulièrement chérie de toutes les Nations qui aiment la politesse». Этими же мѣстами опровергаются и два другія показанія Аделунга: 1) «Der Herausgeber dieser 2-ten französischen Ausgabe, Guy Miège» — нѣтъ, онъ былъ не просто издатель, но самый сочинитель, и не одного втораго, а и перваго французскаго, равно какъ также англійскаго изданія; 2) «Sagt in seiner Dedication an den Sohn des Grafen Carlisle dass die erste französische Ausgabe das Original gewesen sei» — нѣтъ, онъ, напротивъ, именно говорить, что первое изданіе вышло на англійскомъ языкѣ и что все сочиненіе только написано было первоначально пофранцузски и въ семь подлинникъ успѣло болѣе вылежаться.

Но кто же былъ этотъ Гвидо Миежъ, сопровождавшій графа Карлейля и потомъ составившій описаніе его путешествія? На вопросъ этотъ мы находимъ положительный отвѣтъ только у нѣмецкаго переводчика другаго миежева сочиненія: «О состояніи Великобританіи и Ирландіи»⁽⁵¹⁾. Въ предисловіи своемъ Гейнцельманнъ—фамилія переводчика—пишетъ: «Herr Guy Miège ist von Geburt ein Schweizer, der sich über 30 Jahre in England aufgehalten und wegen verschiedener in Englischer Sprache edirten Schriften, auch seiner hertzlichen Neigung halber, womit er jeder Zeit der protestantischen Succession in dem Hause Hannover zugethan gewesen, unter allen geschickten und treu gesinnten Engländern schon längst den Ruhm eines gelehrten und honnetten Mannes erworben hat». Дѣйствительно мы не только видимъ въ разныхъ библиографическихъ сборникахъ, но и имѣемъ въ самой нашей Библіотекѣ довольно-значительное число другихъ еще сочиненій того же Миежа, преимущественно по части лексикографіи, свидѣтельствующихъ, что онъ одинаково владѣлъ обоими языками, англійскимъ и французскимъ.

Гораздо-труднѣе рѣшить другую часть вопроса, то-есть въ какомъ качествѣ, или званіи, этотъ Миежъ находился при графѣ Карлейлѣ? Бекманнъ думаетъ (II, 205), что онъ могъ быть собесѣдникомъ, или компаньйономъ (Gesellschafter) при молодомъ виконтѣ Морпетѣ; но едва-ли позволено съ этимъ согласиться. Въ разныхъ мѣстахъ книги

(51) Нѣмецкій переводъ вышелъ подъ заглавіемъ: «Des Herrn Guy Miège Geist- und Weltlicher Staat von Gross-Britanien und Irland.» Leipzig, 1781. 4°.

самъ Міежь говорить, что имѣлъ честь не только совершить путешествіе съ графомъ Карлейлемъ, но и *быть употребленнымъ въ его negociation* («d'être employé dans sa négociation»), а въ англійскомъ заглавіи онъ назвался: «an Attendant on the Embassies». Сверхъ-того, при описаніи возвращенія посольства изъ Копенгагена въ Англию, Міежь говорить, что виконтъ Морпетъ поѣхалъ впередъ, взявъ съ собою, *кромя своей свиты* («outré sa suite»), четырехъ посольскихъ дворянъ; но какъ самъ Міежь остался при лицѣ посла, то это служить новымъ доказательствомъ, что онъ не принадлежалъ къ свитѣ его сына. Приведенная нами статья «Вѣстника Европы» называетъ Міежа, напротивъ, «секретаремъ посольства» (стр. 124); но и это несправедливо, потому-что въ «Реляціи» секретаремъ Карлейля положительно значится Марвель (Marvel), что повторено и въ нашихъ *Дворцовыхъ Разрядахъ* («Посольскій секретарь Андрей Марвель» стр. 571). Далѣе, хотя Міежь рассказываетъ, что отданный въ распоряженіе Карлейля, при выѣздѣ его изъ Англии, купеческій корабль былъ отправленъ впередъ «with twenty two of his Lordships Domesticks, of which number J was one»⁽⁵²⁾; однако ясно, что здѣсь слово «domestick» должно быть принимаемо не въ нынѣшнемъ значеніи слуги или лакея, а въ смыслѣ лица, причисленнаго къ посольству, или служащаго при посольствѣ, какъ, напримѣръ, теперь еще въ нашей административной отечественной терминологіи употребляется выраженіе «канцелярскій служитель». Впрочемъ, судя по имѣющимся въ виду современнымъ русскимъ источникамъ, должно, кажется, заключить, что Міежь принадлежалъ по-крайней-мѣрѣ не къ первостепеннымъ или высшимъ чинамъ посольства. Изъ собственнаго разсказа его мы знаемъ, что онъ участвовалъ въ торжественномъ обѣдѣ у царя, а между-тѣмъ *Дворцовые Разряды*, исчисляя, сверхъ самого посла и его сына, 16 *королевскихъ дворянъ*, которымъ при этомъ случаѣ были «подачи» (стр. 571), Міежа, или такого, котораго имя можно бы принять за невѣжественное его обезображеніе, не называютъ, развѣ почестъ за это имя, подобно какъ Крошвелова посла Придо (Prideaux) звали у насъ Придамскимъ⁽⁵³⁾, являющагося тутъ Гюмса⁽⁵⁴⁾.

⁽⁵²⁾ Во французскомъ текстѣ: «avec une vingtaine des Domestiques de Son Excellence, et je fus un de ce nombre.» Въ нѣмецкомъ переводѣ: «Bedienten».

⁽⁵³⁾ «Древняя Россійская Вивліоенка», изданіе второе, Москва, 1791. Ч. XVI, стр. 161.

⁽⁵⁴⁾ «Дворц. Разр.», стр. 572.

Т. III. — Ота. II.

Обращаемся теперь къ библиографическому обзорѣю книгъ находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ изданій и переводовъ «Релики». Цѣлю нашею при семъ будетъ охранить нашихъ послѣдователей отъ тѣхъ ошибокъ и несообразностей, въ которыя впали наши предшественники. Вотъ эти изданія, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ :

I) A Relation of Three Embassies from his Sacred Majestie Charles II to The Great Duke of Muscovie, The King of Sweden, and The King of Denmark. Performed by the Right Hon-ble the Earle of Carlisle in the Years 1663 et 1664. Written by an Attendant on the Embassies, and published with his L-ps Approbation. London, Printed for John Starkey at the Miter in Fleet-Street near Temple-Barr. 1669. In 8°. 14 нумерованныхъ и 461 стр.

Изъ нумерованныхъ страницъ четыре заняты посвященіемъ графу Карлейлю, пять предисловіемъ автора, десятка сперва указаніемъ оечатокъ, потомъ одобреніемъ Карлейля (отъ 30-го ноября 1668 года) слѣдующаго содержанія : «Having seen the Relation of my Embassies into Moscovy, Sweden, and Denmark, written by G. M. I⁽⁵⁵⁾ do hereby give him leave to print and publish the same»; и въ заключеніе пропускомъ цензора отъ 26-го марта 1669; наконецъ четыре остальные — оглавленіемъ, въ которомъ послѣднее указаніе, вмѣсто 435 стр., сдѣлано, ошибкою, на небывающую 535-ю.

Показываемаго *Лоундсомъ* (*Lowndes, The bibliographer's Manual*) портрета Карлейля, работы Фейтота (*Faithome*), при немъ экземпляръ не находится.

II) La relation de trois ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle, de la part du Serenissime et Tres-puissant Prince Charles II. Roy de la Grande Bretagne, vers leurs Serenissimes Majestés Alexey Michailovitz Czar et Grand Duc de Moscovie, Charles Roy de Suede, et Frederic III. Roy de Dannemarc et de Norvege, commentées en l'an 1663, et finies sur la fin de l'an 1664. A Amsterdam, chez Jean Blaeu. MDCLXX. In 12°. 18 нумерованныхъ (а не 10 н-

(55) Уже не это ли I, принятое ошибочно за T, составило третью главную букву г. Берха? Мы почти готовы были бы вѣрить такому превращенію личнаго именованія въ фамилію автора, еслибы въ «Исторіи Царя Алексѣя Михайловича» сдѣлана была ссылка на изданіе упомянутое, а не на французское; но такъ въ послѣднемъ нѣтъ ничего, что могло бы дать поводъ къ подобному недоразумѣнію, то третья буква г. Берха остается для насъ прежнею загадкою.

стовъ, или 20 стр. какъ означено у Бекманна, II, 206) и 434 стр.

Здѣсь изъ ненумерованныхъ страницъ пять заняты посвященіемъ виконту Морпету, восемь предисловіемъ и пять оглавленіемъ.

Наданіе это, или переводъ, если можно назвать его такимъ послѣ словъ Міежа, что книга написана итъ была первоначально пофранцузски, почти во всемъ сходствуетъ съ англійскимъ. Существенная разность только въ другомъ и другому лицу посвященію и въ заключительныхъ словахъ предисловія. Въ англійскомъ Міежъ говоритъ, что имѣетъ намѣреніе вскорѣ напечатать то же самое сочиненіе на французскомъ языкѣ, для чего и рукопись уже у него готова; а во французскомъ эта фраза замѣнена увѣреніемъ читателю въ безпристрастіи автора. Въ самомъ текстѣ хотя также встрѣчаются нѣкоторыя существенныя различія въ редакціи, особенно при началѣ, но содержаніе и планъ книги совершенно-одинаковы, какъ видно и изъ подробнаго оглавленія, буквально одного и того же въ обоихъ текстахъ. Бекманнъ, невадѣвншій этого изданія, смѣшиваетъ его, въ отношеніи къ измѣненному содержанію, съ вышедшимъ въ 1672 году и оттого выдастъ гораздо будто бы подробнѣйшимъ и точнѣйшимъ англійскаго текста (II, 206), чего на дѣлѣ совсѣмъ нѣтъ.

По случаю этого именно изданія мы пришли къ одному открытію, для насъ уже не новому, но которое все же можетъ привести въ отчаяніе каждаго добросовѣстнаго библиографа, указывая ему на игру судьбы, неизбежно-угрожающую его поприщу. Это открытіе состоитъ въ ошибкѣ, и притомъ *явной, грубой ошибкѣ* у классическаго, почитаемаго едва-ли не непогрѣшимымъ, патріарха современной библиографіи *Брюне*! Онъ говоритъ, что французское изданіе, о которомъ теперь идетъ рѣчь, *сдѣлано по руанскому* ⁽⁵⁶⁾, тогда-какъ дѣло было, напротивъ, наоборотъ, что мы увидимъ изъ слѣдующаго за симъ заглавія.

III) То же самое заглавіе, какъ и въ номерѣ II-мъ, съ прибавкою только словъ: «Sur l'imprimé à Amsterdam». A Rouen, chez L. Maugny. M. DC. LXX.

Это изданіе сходствуетъ съ предъидущимъ строка въ строку и буква въ букву; и еслибы не было нѣкоторой разности въ украшеніяхъ заглавныхъ буквъ и въ заставкахъ, то мы рѣшительно признали бы его за то, что у нѣмецъ называется «Titelauagabe», то-есть за оставшіеся экземпляры прежняго изданія, выпущенные съ новыми лишь заглавными и за немъ годомъ, озадачивающими сперва покупателя, а впоследствии и библиографа. Въ настоящемъ видѣ это изданіе пред-

(56) «Manuel du libraire etc. T. III, p. 389.

ставляет перепечатку (контрафакцію), сдѣланную, конечно, безъ вѣдома законнаго владѣльца, такъ-какъ, въ противномъ случаѣ, слѣдующее подъ № IV названо было бы не вторымъ, а третьимъ.

IV) То же самое заглавіе, съ тою только отмѣною, что въ концѣ, вмѣсто: Commencées en l'an 1663, et finies sur la fin de l'an 1664, напечатано: Commencés (sic) au mois de Juillet 1663 et finies au mois de Janvier 1665. За тѣмъ прибавлено: La Seconde Edition, revue (sic) et corrigée. A Amsterdam, chez Jean Blaeu. MDCLXXII. in 12°. 22 нумерованныхъ (6 посвященія, 3 предисловія и 13 оглавленія) и 382 стр.

Лучшее изданіе «Реляція», во многомъ самымъ авторомъ исправленное, дополненное и передѣланное противъ прежнихъ, но имѣющее въ глазахъ истиннаго библіофила менѣе цѣнности, оттого что оно—менѣе другихъ рѣдко.

Существенныя его различія отъ англійскаго и прежнихъ французскихъ слѣдующія:

а) Измѣненія въ редакціи французскаго посвященія (виконту Морпету), приведенныя уже нами выше, при разысканіяхъ объ имени автора.

б) Совѣтъ—другое предисловіе, въ которомъ авторъ говоритъ, что онъ старался быть по возможности краткимъ и въ это новое изданіе вмѣстять болѣе предметовъ и менѣе словъ.

в) Измѣненный планъ: въ прежнихъ изданіяхъ «описаніе Московіи» включено эпизодически въ томъ мѣстѣ, гдѣ разсказывается пребываніе посольства въ Архангельскѣ, а здѣсь оно отнесено, какъ-бы въ видѣ особаго или отдѣльнаго сочиненія, къ концу книги (стр. 313 — 382); напротивъ того, «Апология» Карлейля, которою упомянутыя изданія заканчиваются, помѣщена здѣсь прежде описанія (стр. 281 — 312) и пр.

г) Рѣчи Карлейля переданы: въ англійскомъ изданіи только на англійскомъ языкѣ; во французскихъ 1670 года на латинскомъ, съ французскимъ ихъ переводомъ, наконецъ въ настоящемъ, 1672 года, только на французскомъ.

д) Встрѣчаются также нѣкоторыя разности въ числовыхъ данныхъ, отчасти указанныя нами выше, при самомъ обзорѣнн разказа.

V) Les trois ambassades du Comte de Carlisle Ambassadeur de Charles II. Roy de la Grande Bretagne vers Alexey Michailovitz Czar et Grand Duc de Moscovie, Charles XI. Roy de Suede, et Frederic III. Roy de Danemarc et de Norvege, commencées au mois de Juillet 1663. et finies au mois de Janvier 1665. OÙ l'on voit quantité de choses remarquables touchant les opinions, les coutumes et le gouvernement

des peuples du Nord. A Amsterdam, chez Henry et Jean Boom, MDCC. In 12°.

Это изданіе относится къ № IV точно также, какъ № III къ № II. Такая же тождественность содержанія, такая же точность въ перепечаткѣ, строка въ строку и буква въ букву, такая же разность въ украшеніяхъ заглавныхъ буквъ и въ заставкахъ и—новый заглавный листъ съ другимъ годомъ. Тождественность содержанія простирается до—того, что въ предисловіи къ этому изданію о немъ говорится опять какъ о «seconde édition», хотя оно представляетъ между французскими вообще четвертое, а между амстердамскими въ—особенности третье. Изъ выписаннаго уже нами новаго заглавія видно, что въ немъ, сверхъ нѣкотораго измѣненія въ редакціи, прибавлено еще и заманчивое поясненіе содержанія книги. Заглавіе это напечатано красными и черными чернилами, что не встрѣчается въ прочихъ французскихъ изданіяхъ.

VI) Des Graffen von Carlile Nahmens Sr. Königl. Maj. von Gross-Britannien abgelegte Drey Gesandtschaftten, an Alexium Michaelowitz, Czaaren und Gross-Fürsten in Mosskau, etc., Carl den Eilfften, König in Schweden, etc. und Friedrich den Dritten, König in Dennemarck, etc. Sambt einer Curieuses Beschreibung des Landes Moscovien, in gleichen Liefllands und deren beyderseits Einwohner; aus dem Frantzösischen übersetzt, auch in der Beschreibung hin und wieder vermehret. Franckfurt und Leipzig, verlegt von Joh. Gabriel Ehrt. 1701. In 12°. 16 нумерованныхъ, занятыхъ посвященіемъ и предисловіемъ, и 737 страницъ.

Содержаніе этого перевода, теперь тоже чрезвычайно—рѣдкаго, и расположеніе въ немъ предметовъ доказываютъ, что онъ сдѣланъ съ французскаго изданія № IV-го или, можетъ—быть, тождественнаго съ этимъ послѣднимъ, № V-го. Посвященіе Гвидо Міежа виконту Морпету и его предисловіе выкинуты и замѣнены другими. Издатель, эрфуртскій книгопродавецъ, посвятилъ переводъ этотъ, неизвѣстно кѣмъ «по его просьбѣ» сдѣланный, альтенбургскому синдикку и главному сборщику податей Фрейслевену. Изъ этого посвященія, равно—какъ и изъ предисловія переводчика, видно, что ни сей послѣдній, ни издатель не знали о существованіи англійскаго изданія. Они говорятъ, что «Реляція» первоначально вышла въ свѣтъ на французскомъ языкѣ и не называютъ нигдѣ ея автора. Главнымъ поводомъ къ нѣмецкому переводу былъ, по словамъ ихъ, современный интересъ, приданный вновь этой книгѣ тогдашней войною Россіи съ Швеціею; цѣлью же его выпуска въ свѣтъ: «um die wöchentlichen Zeitungen desto besser zu verstehen». Упомянутыхъ въ заглавіи «дополненій къ подлиннику» мы, съ нашей стороны, не могли

забыть, а вдвое-большее число страниц произошло единственно от крупного и разгонистого шрифта.

Заглавный листъ нѣмецкаго перевода, оттиснутый красными и черными чернилами, имѣетъ ту особенность, что онъ переходитъ со страницы на страницу сплошь, то-есть съ оборотной стороны 1-й на лицевую 2-й.

Заключимъ нашу статью тѣмъ, что разсказъ Мисжа о торжественномъ приѣмѣ графа Карлейля при московскомъ дворѣ помѣщенъ также, впрочемъ, сокращенно и безъ разсѣянныхъ въ него вѣщанствъ, въ известномъ сборникѣ *Дюмона и Руссе* (Dumont et Roussel), издавшемъ въ Амстердамѣ, въ 1726 году, подъ заглавіемъ: «*Cogra universel diplomatique du droit des gens etc.*», гдѣ онъ занимаетъ стр. 648—654 II-го тома. По свидѣтельству *Бекманна* (II, 205) и *Аделунга* (I, 46 и II, 337), англійскій текстъ напечатанъ еще, кажется, однакожь, въ очень-краткой выборкѣ, въ первомъ изданіи гаррисовой (Harris) «*Navigantium atque Peregrinantium Bibliotheca*», вышедшей въ Лондонѣ въ 1705 году (Томъ II, стр. 177—213), подъ заглавіемъ: «*The Earl of Carlisle's Embassie from King Charles II to the Great Duke of Muscovy, and to the Kings of Sweden and Denmark, Anno 1663 and 1664.* Къ-сожалѣнію, мы не могли сами повѣрить этого показанія, потому-что *первое* изданіе Гарриса нѣтъ ни въ Императорской Публичной Библіотекѣ, ни въ другихъ главныхъ библіотекахъ петербургскихъ⁽⁵⁷⁾; въ нѣтъющемся же въ Публичной Библіотекѣ *четвертомъ* изданіи, London, 1764, карлейлева посольства не находится.

(57) Эрмитажной, Императорской Академіи Наукъ, Генеральнаго Штаба и Румянцеваго Музеума.

ВОСПОМИНАНІЕ

О ТИМОСѢ НИКОЛАЙЧѢ ГРАНОВСКОМЪ (*).

(Посвящено ученикамъ его).

Въ горькой утратѣ нѣтъ ничего утѣшительнаго, какъ воспоминаніе объ утраченномъ. Мы всѣ, любившіе покойнаго и такъ неожиданно-потерявшіе его, чувствуемъ, что потеря наша вознаграждена, и воспоминаніями о его жизни стараемся облегчить столько тяжелую для насъ мысль о его смерти. Намъ все хочется думать, что онъ еще съ нами, и что не смерть, а сонъ смежилъ его дѣки и связалъ на-время его языкъ.

Дорогая всѣмъ намъ память Т. Н. Грановскаго вызываетъ у насъ различныя воспоминанія. Каждому памятно и дорого въ немъ свое. Кто

(*) Читатели наши знаютъ уже изъ газетъ о горестной утратѣ, которую повесилъ Московскій Университетъ въ лицѣ профессора исторіи и декана филологическаго факультета, Т. Н. Грановскаго, скончавшагося 4-го октября на 43-мъ году отъ рожденія. Предлагаемое здѣсь «Воспоминаніе», получили мы отъ профессора Московскаго Университета П. Н. Кудрявцева, при слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. Вамъ уже извѣстна потеря, понесенная Московскимъ Университетомъ... Мы еще не въ состояніи оцѣнить всей великости такой потери; мы еще не успѣли собрать нашихъ мыслей... Было бы желательнѣе имѣть въручную біографію покойнаго и полную оцѣнку его профессорской и литературной дѣятельности; но на первое время приходится ограничиться лишь немногими свѣжими для насъ воспоминаніями. Я надѣюсь, впрочемъ, что вы не откажете дать имъ мѣсто въ вашемъ журналѣ, страницы котораго не разъ украшались историко-критическими статьями покойнаго...

«Примите увѣреніе и пр.»

не можетъ довольно наговориться о его профессорской дѣятельности; кто съ особенною любовью вспоминаетъ его задушевную бесѣду въ тѣсномъ дружескомъ кругу; тотъ задумывается надъ чувствительною потерю, которую понесло въ немъ цѣлое общество; тотъ, наконецъ, оплакиваетъ въ немъ просто человѣка, котораго нельзя было не любить, зная его лично. Любили же его всѣ мы—друзья, товарищи и ученики разныхъ возрастовъ и поколѣній, и потому всѣ мы охотно присоединяемъ наши голоса къ счастливому напоминанію о немъ стихомъ древняго поэта, которое какъ-будто само-собою сказалось во время застольной бесѣды, бывшей послѣ погребенія у одного изъ присутствовавшихъ—такъ оно шло къ покойному Грановскому:

Quis desiderio sit pudor, aut modus,
Tam cari capitis? (*).

Tam cari capitis! повторили мы въ одинъ голосъ вслѣдъ за говорившимъ. Лучше нельзя было выразить истины *нашего* чувства. Древній поэтъ, все-равно, какъ бы онъ ни назывался, нашелъ для него вѣрное слово и образъ. Въ ту минуту мы, въ-самомъ-дѣлѣ, не столько думали объ осиротѣвшей кафедрѣ профессора, еще менѣе хотѣли помнить о томъ, что оустьѣло столько видное мѣсто въ общественномъ кругу, сколько чувствовали отсутствіе между нами *дорогаго намъ человѣка*. Не находила себѣ отзыва самая нѣжная привязанность; не слыхала болѣе ни привѣта, ни отвѣта себѣ самая теплая симпатія, внушенная нашему чувству его же незабвенною личностью. Не было больше съ нами того, къ кому мы привязаны были нашею сердечною любовью! Какая же могла быть мѣра нашимъ слезамъ, или кто изъ насъ устыдился бы неумѣренной скорби о немъ — *tam cari capitis?*

Но надобно также дать мѣсто и мысли, или болѣе-отчетливому воспоминанію о достоинствахъ покойнаго. Онъ самъ училъ насъ повѣрять наши чувства сознательною мыслью. Да позволено же будетъ мнѣ, имѣвшему счастье быть ученикомъ его, а черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ и товарищемъ по кафедрѣ, сказать нѣсколько словъ въ объясненіе того обаятельнаго притяженія, которое онъ постоянно оказывалъ на всѣхъ окружающихъ. Я могу несовсѣмъ-точно выразить мои мысли о немъ, но думаю, что, во всякомъ случаѣ, онъ найдутъ себѣ вѣрный отголосокъ въ тѣхъ, которые дорожатъ его памятью. Передъ нами прошло

(*) Horat. Carm. Od. XXIV. Это напоминаніе принадлежитъ М. П. Погодину.

одно изъ тѣхъ прекрасныхъ жизненныхъ явленій, надъ которыми стоить задуматься въ поученіе самимъ себѣ. Чтобъ знать настоящую цѣну прекраснаго, надобно постараться дать себѣ отчетъ въ его привлекательныхъ свойствахъ. Пусть каждый, призванный къ тому, скажетъ о немъ свое мнѣніе. Чѣмъ разнообразнѣе будутъ сужденія, чѣмъ вѣрнѣе опредѣлится явленіе, тѣмъ больше понятіе о немъ выиграетъ въ истинѣ. Мы обязаны сдѣлать это ради самой памяти нашего Грановскаго.

У всѣхъ насъ въ свѣжей памяти увлекательная и въ то же время исполненная достоинства рѣчь профессора, въ которой онъ передавалъ намъ свои историческіе уроки. Въ ней заключалась тайна перваго очарованія для молодыхъ его слушателей. Онъ умѣлъ говорить ею лучшимъ, благороднѣйшимъ человѣческимъ чувствомъ; онъ дѣйствовалъ на свою аудиторію симпатически. Громкимъ и пышнымъ фразамъ не находилось мѣста въ его рѣчи; не пренебрегая живописнымъ выраженіемъ, онъ любилъ преимущественно вѣрное и жѣткое слово. И оно удавалось ему какъ—нельзя—болѣе. Всѣ ученики его согласны въ томъ, что фраза его отличалась удивительною оконченностью и легко укладывалась въ памяти, не нуждаясь въ повтореніи. Но тайна производимаго имъ дѣйствія заключалась не въ одной художественной рѣчи: всякій, слышавшій его на кафедрѣ, выносилъ съ собою какое-то новое возбужденіе къ лучшему, всякій располагался къ добру съ болѣею душевною силою. Въ отвѣтъ на его рѣчь отзывались въ душѣ каждаго самые чистые инстинкты человѣческой природы, и это не было только дѣйствіе его изящнаго слова, но и того глубокаго сочувствія, котораго самъ онъ исполненъ былъ ко всѣмъ великимъ явленіямъ исторической жизни. Рѣдкій историческій урокъ не переходилъ у него въ живое созерцаніе минувшихъ дѣлъ и событій. Ихъ поэзія всегда находила въ немъ готовый органъ себѣ. При великомъ историческомъ имени воодушевленіемъ загорались глаза его, и въ самомъ его голосѣ, тихомъ и въ то же время необыкновенно-благозвучномъ, всегда находились струны, которыя мгновенно передавали другимъ каждое движеніе его благородной души. Обаяніе было тѣмъ выше и полнѣе, что дѣйствовало не на одну только умственную сторону слушателя, но на все его нравственное существо. Кто не вовсе лишенъ былъ воспримчивости, тотъ не могъ противиться обаятельному дѣйствію симпатической рѣчи профессора.

Строго-систематическое, послѣдовательное изложеніе всего содержанія науки не было его дѣломъ. Въ узкія, тѣсныя рамки системы не любилъ онъ вводить прошлую жизнь человѣчества, какъ не умѣщается въ нихъ настоящее широкое ея развитіе. Въ своемъ изложеніи предмета онъ хотѣлъ быть вѣрнымъ самому историческому духу, вмѣсто

того, чтобъ заниматься разстановкою вѣкъ отдѣльныхъ явленій исторической жизни по мѣстамъ. Онъ любилъ соприкасаться съ самыми живыми сторонами исторіи. Великія эпохи, равно-какъ и великія историческія личности, въ-особенности влекли къ себѣ его вниманіе и долго привязывали къ себѣ его умственное и сердечное участіе. Такъ любилъ онъ останавливаться въ своихъ чтеніяхъ на многозначительной эпохѣ разложенія стараго римскаго общества и созданія новаго, христіанскаго. Живое сочувствіе къ высокому назначенію послѣдняго не исключало въ немъ трогательнаго участія въ трагической судьбѣ перваго. Такъ вѣчно-юный образъ Александра-Великаго притягивалъ его блестящими своимъ дѣломъ и высокою душевною доблестью, которой не могла совершенно помрачить никакія тѣни, хотя бы онъ и дѣйствительно нѣтъ мѣсто въ жизни македонскаго завоевателя. Аннибалу были отданы его симпатіи не столько ради великаго воинскаго генія карфагенскаго полководца, сколько ради рѣдкой силы его духа въ борьбѣ съ враждебною судьбою и ради его трагическаго характера. Лудовикъ IX всегда привлекалъ его къ себѣ своею нравственною красотой и безукоризненною чистотой своей свѣтлой души. Въ немъ узнавалъ онъ высшій идеалъ благороднѣйшихъ средневѣковыхъ стремленій, и потому такъ живо симпатизировалъ ему. Въ Бэконѣ Веруламскомъ высокій умъ и глубокая теоретическій смыслъ не заслоненъ былъ для него, какъ въ глазахъ многихъ другихъ, нѣкоторыми житейскими недостатками въ нравственномъ характерѣ англійскаго мыслителя, и наоборотъ, его блестящая умственная дѣятельность не могла замѣнить совершенно въ его пользу неподкупнаго суда нашего историка...

Но мы бы долго не кончили, еслибы хотѣли перечислить всѣ явленія исторической жизни, на которыя онъ отзывался своимъ сочувствіемъ. Большая часть изъ нихъ въ памяти его недавнихъ слушателей. Они хорошо знаютъ, какъ, проходя въ быстромъ очеркѣ темныя и безплодныя эпохи въ исторіи, умѣлъ онъ сосредоточивать свое и ихъ вниманіе на лучшихъ представителяхъ духа времени въ каждомъ историческомъ періодѣ, и какими вѣрными, полными жизненною силой чертами изображалъ ихъ передъ внимательною аудиторіею. Когда дѣло шло о великихъ историческихъ дѣтеляхъ, казалось, не медленное слово ученаго, а вѣрный рѣзецъ художника проводилъ ихъ отчетливо-ясные очерки. Оттого глубоко западали они въ воображеніи и не изглаживались послѣдующими разнообразными впечатлѣніями школы и жизни. Оттого, по выходѣ изъ школы, у многихъ рвалась крѣпкая сеть логически-выведенныхъ понятій, а начертанные имъ образы всецѣло оставались въ мысли. Но, сверхъ-того, эти образы такъ удачно были выбраны и

такъ вѣрно очерчены, что, говоря за самихъ себя, они въ то же время, можетъ-быть, еще краснорѣчивѣе говорили за цѣлое время, которому принадлежали. Слушатели выигрывали двойнѣй: въ поэтически-прекрасныхъ очеркахъ вставала передъ ними прошлая жизнь человѣчества.

Когда же подходили ближе къ профессору, чтобы попросить у него объясненія на разные вопросы, вызванные большею-частью его же чтеніями, тогда узнавали его и научались лучше цѣнить съ другой, неменѣе-замѣчательной стороны. Тутъ, въ простой бесѣдѣ съ глазу на глазъ, открывалось все необыкновенное богатство его литературнаго образованія въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Говоря о другомъ, надобно было бы употребить слово «эрудиція»; но къ нему это выраженіе не идетъ. Собранный имъ, посредствомъ чтенія и занятій многихъ лѣтъ, литературный запасъ вовсе не походилъ у него на тяжелую учебную арматуру, обременительную для памяти и нерѣдко отяготительную для самой науки. Онъ не любилъ наряжаться въ него, щеголять имъ внѣшнимъ образомъ, а между-тѣмъ зналъ ему цѣну и умѣлъ употреблять его въ дѣло. Въ своихъ урокахъ и историческихъ сочиненіяхъ онъ прямо давалъ готовый результатъ своего обширнаго знакомства съ литературою предмета, не наполняя ихъ множествомъ литературныхъ именъ и заглавій. Внѣшній аппаратъ науки и ея содержаніе сливались у него въ одно цѣлое; мысль его свободно располагала всѣмъ научнымъ матеріаломъ. Словомъ, онъ владелъ тайною *живаго* знанія. Кто стоялъ отъ него дальше, тотъ могъ, пожалуй, и не считать его ученымъ; кто жъ входилъ съ нимъ въ ближайшія сношенія по предмету науки, тотъ не могъ довольно удивиться неистощимости его знаній. Ему болѣе, чѣмъ кому-либо изъ насъ, принадлежала тайна художественной обработки науки, искусство формы, вмѣщающей въ себя много разнообразнаго матеріала и въ то же время скрывающей отъ глазъ внутреннѣе его спаян.

Относительно литературы предмета, съ нимъ почти равно могли совѣтоваться ученики и товарищи. Не было въ ней довольно-темнаго уголка, въ который бы онъ не успѣлъ заглянуть. Историческая литература Германіи, Франціи, Англіи были, казалось, въ полномъ его распоряженіи. Неудивительно: онъ обыкновенно проходилъ ихъ самъ, съ карандашомъ въ рукѣ. Такъ дѣлалъ онъ до послѣдняго дня своей жизни. Быстрое соображеніе и вѣрный взглядъ облегчали ему какъ чтеніе, такъ и отыску нерѣдко весьма-многогоминого сочиненія, между-тѣмъ, какъ счастливая память твердо хранила большую часть вѣтреннаго ей ученаго богатства. Стоило только затронуть любознательнымъ вопросомъ его ученые воспоминанія—и заглавія ученыхъ сочиненій вста-

вали въ его мысли одно за другимъ , какъ давно-знакомыя ему имена лицъ , съ которыми онъ связанъ былъ продолжительнымъ знакомствомъ. Заглавіе книги тотчасъ напоминало ему и самое направленіе автора. Навыкъ его въ оцѣнкѣ историческихъ сочиненій былъ такъ великъ , что часто по нѣсколькимъ страницамъ онъ могъ довольно-вѣрно опредѣлить характеръ и достоинство произведенія. Какъ-скоро книга разъ заняла его вниманіе , возбудила въ немъ интересъ , онъ не могъ оторваться отъ нея до конца. Но всегда-бдительный умъ нельзя было подкупить однимъ блескомъ изложенія. Недостатокъ основательности и строгой отчетливости не выкупался для него самыми яркими сторонами авторскаго таланта. Еще наканунѣ своей смерти , кончивъ чтеніе одной новой книги , которая въ высокой степени возбуждала его ученый интересъ , онъ такъ отозвался о ней : « Я бы не желалъ написать такой книги. Это легкомысленно ; такъ писать нельзя ». И , несмотря на то , онъ сознавался , что книга , впрочемъ , имѣетъ свои достоинства и можетъ произвести большой эффектъ въ читающей публикѣ.

Всѣмъ готовъ былъ онъ подѣлиться со всякимъ любознательнымъ слушателемъ , что самъ зналъ или думалъ о замѣчательныхъ явленіяхъ исторической литературы. Впрочемъ , литературный интересъ его далеко не ограничивался ея предѣлами. Онъ хотѣлъ полнаго человѣка и искалъ его во всей литературѣ , прошлой и современной. Поэтическіе памятники разныхъ временъ и народовъ были постояннымъ и любимымъ предметомъ его изученія. Онъ часто переходилъ къ нимъ отъ собственно-историческихъ занятій , глубоко понимая связь ихъ съ самою жизнью ; онъ имѣлъ обычай допрашиваться у нихъ многого , недосказаннаго исторіею. Въ тѣхъ случаяхъ , когда недостатокъ знанія того или другаго древняго языка мѣшалъ ему изучать произведенія въ подлинникѣ , онъ обращался къ переводамъ и искалъ лучшіе изъ нихъ въ разныхъ европейскихъ литературахъ. Какъ часто выражалъ онъ намъ свое глубокое сожалѣніе , что , по особеннымъ условіямъ своего образованія , онъ лишенъ былъ возможности читать въ подлинникѣ греческихъ писателей ! Но это не значить , чтобъ онъ не старался , всѣми зависящими отъ него средствами , пополнить недостатокъ непосредственнаго знакомства съ ними. Въ статьѣ о « Нифлунгахъ » видимъ мы образчикъ того , какъ умѣлъ онъ входить въ давно-забытые поэтическіе интересы и извлекать изъ нихъ тотъ самый жизненный духъ , которымъ они вѣкогда были созданы. По той же самой причинѣ всегда привлекала его къ себѣ современная литература вообще. Она служила ему указателемъ другихъ , болѣе-внутреннихъ сторонъ жизни , которыя большею-частью остаются недоступны для наблюденій историка. За недостаткомъ другихъ данныхъ , по ней

часто узнавалъ онъ присутствіе жизненныхъ силъ въ народѣ. Талантливый романистъ всегда былъ замѣченъ имъ и оцѣненъ по достоинству. Ни одна строка даровитаго писателя не была имъ пропущена, ни одинъ литературный вопросъ не ускользалъ отъ его вниманія. Его независимое мнѣніе обыкновенно предупреждало литературный судъ и высказывалось прямо и непринужденно.

Никогда, впрочемъ, совершенно не удовлетворяло его знакомство съ современностью черезъ призму поэтическихъ произведеній : онъ хотѣлъ полнѣйшаго и болѣе-положительнаго. Объ-руку съ изученіемъ идеальной стороны жизни шло у него знакомство съ дѣйствительнымъ бытомъ и состояніемъ общества. Онъ почерпалъ его обыкновенно изъ европейскихъ путешествій по вѣсьмъ странамъ Стараго и Новаго Міра. Надобно было удивляться, когда и какъ находилъ онъ довольно времени, чтобы побывать вездѣ. Каждый замѣчательный европейскій путешественникъ имѣлъ въ немъ незнаемаго, но тѣмъ не менѣе вѣрнаго спутника себѣ. Чего недоставало большимъ описаніямъ путешествій по разнымъ частямъ свѣта, или въ чемъ они отстали отъ современности, того искалъ онъ въ періодическихъ изданіяхъ. Впечатлѣнія его были такъ живы, что многіе его рассказы, заимствованные имъ у европейскихъ путешественниковъ, можно было принимать за истину непосредственнаго наблюденія. Его много занимали физическія особенности края и нравы его жителей, но болѣе всего—ихъ политическій и общественный бытъ вмѣстѣ съ предлагаемыми средствами для его усовершенствованія. Въ дѣлѣ знаній этого рода онъ всегда могъ подать добрый совѣтъ и указать желающему надежнаго современнаго руководителя. У себя въ кабинетѣ, безъ труда и усилій, лишь съ помощью умнаго выбора путешествій, дорожныхъ записокъ и другихъ повременныхъ извѣстій, устроилъ онъ нѣкотораго рода умственную обсерваторію, откуда наблюдалъ за движеніемъ современности въ разныхъ ея видахъ и направленіяхъ. Отъ этого никогда нельзя было привлечь его вниманіе одностороннимъ, исключительнымъ взглядомъ въ пользу или во вредъ той или другой народности : подобныя воззрѣнія вызывали у него лишь улыбку, которой смыслъ былъ довольно-понятенъ. Въ памяти его былъ такой огромный запасъ положительныхъ свѣдѣній, что нельзя было надѣяться сколько-нибудь занять его мысль односторонними сужденіями, которыя имѣютъ свой корень въ ограниченности понятій.

Вообще, съ какой бы стороны ни подходили къ профессору, во всемъ чувствовалось его умственное превосходство. Оно равно обнаруживалось и какъ знаніе и какъ сужденіе. Трудно было хотѣть помѣряться съ нимъ въ первомъ : потому—что запасъ знанія собирался имъ многіе годы

съ рѣдкимъ постоянствомъ и сдѣланъ былъ съ тою необыкновенною легкостью и быстротою, которыя всегда отличали его занятія. Какъ бы ни усильно спѣшили за нимъ, онъ былъ всегда впереди. Въ области науки, которой преимущественно посвящалъ онъ свои занятія, немного находилось новыхъ наблюдений и открытій, которыя были бы для него совершенною нечаянностью. Сколько разъ на извѣщеніе въ этомъ родѣ отвѣчалъ онъ намъ ссылкой на книгу, проложившую первый путь къ вновь-сдѣланному открытію! Повѣрку всегда можно было сдѣлать по его же указанію на полкахъ его библіотеки. Также мало доставалось кому встать неготовымъ его сужденіе. Вѣрный тактъ и твердо-установленный образъ мыслей, особенно въ послѣдніе годы жизни, замѣняли ему во многихъ случаяхъ необходимую подготовку. Всякое замѣчательное общественное явленіе оставляло свой слѣдъ въ его воспріимчивомъ умѣ и приводило въ движеніе его постоянно-бодрую и дѣятельную мысль. Въ своихъ сужденіяхъ о лицахъ онъ обыкновенно показывалъ много той великодушной снисходительности, которая лучше любитъ останавливаться на добрыхъ свойствахъ чловѣка, чѣмъ выставлять на видъ его дурныя стороны. Если были замѣтныя недостатки въ нравственномъ профилѣ того или другаго лица, онъ видѣлъ ихъ, можетъ-быть, лучше другихъ, но неохотно касался ихъ въ разговорѣ. Но какъ-скоро въ его присутствіи хотѣли представить эти самыя недостатки въ выгодномъ свѣтѣ и даже выдать ихъ за совершенство, онъ не считалъ себя болѣе обязаннымъ къ молчанію и энергически высказывалъ свое противорѣчіе. Ничто такъ не оскорбляло его нравственное чувство, какъ извращеніе понятій. Воспитывать чувство правды въ другихъ—было для него святою обязанностью не только на кафедрѣ, но и въ самой жизни. Молодыя, неиспорченныя сердца особенно-хорошо понимали это нравственное превосходство души его, и потому влеклись къ нему такимъ горячимъ сочувствіемъ.

Превосходство нравственное и умственное, соединенныя въ одномъ лицѣ, естественно внушаютъ, вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ, и нѣкоторое чувство робости. Таково въ-особенности бываетъ первое дѣйствіе высокихъ умственныхъ качествъ на умы юныя, неопытныя. Сознать разъ высокое умственное превосходство въ другомъ лицѣ, она останавливаются передъ нимъ въ невольномъ удивленіи и долго потомъ не рѣшаются войти съ нимъ въ ближайшія сношенія, хотя бы ожидали отъ того существеннѣйшей пользы для себя. Чувство весьма-понятное: необытность гораздо-менѣе можетъ защититься отъ него, чѣмъ самопадѣнная посредственность. Чѣмъ больше молодой умъ исполняется уваженія къ высокимъ умственнымъ достоинствамъ другаго лица, тѣмъ

больше смущается своего передъ нимъ безсилія. Онъ забываетъ даже о своей пользѣ и боится, какъ бы не оскорбить своимъ приближеніемъ то самое превосходство, которое уважаетъ и любитъ въ другомъ.

Многие изъ насъ испытали это чувство на себѣ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ покойному Грановскому; но оно держалось недолго. Оно забывалось особенно-неуменьство въ его ближайшемъ присутствіи — такъ много было ободрительнаго въ его взглядѣ на васъ, такъ много дружескаго въ его обращеніи съ вами. Если вы приносили съ собою хоть искру любви къ наукѣ, хотя робкое желаніе войти въ ея высшіе интересы, вы уже приобрѣли себѣ право на его доброе расположеніе. Вамъ стоило только заикнуться передъ нимъ о желаніи имѣть лучшія ученые пособія, какъ онъ уже готовъ былъ служить вамъ средствами своей библиотеки. По его книгамъ, какъ и изъ его уроковъ, учились многіа поколѣнія. Въ своемъ кабинетѣ онъ былъ какъ-то особенно-просто и исполненъ свѣсходительнаго вниманія къ вопросамъ и недоумѣніямъ, часто довольно-наивнымъ, любовательной юности. Простоту своего обращенія онъ доводилъ до такой степени, что именно въ его присутствіи забывалось чувство умственнаго его превосходства. Съ двухъ-трехъ разъ онъ умѣлъ внушить столько нравственнаго довѣрія къ себѣ, что самая необытная мысль высказывалась передъ нимъ безъ всякаго внутренняго принужденія. Передъ его дружески-благоклоннымъ взглядомъ и ободрительнымъ выраженіемъ какъ-будто исчезало различіе возрастовъ, ума, знанія, и окружающіе его молодые слушатели, несмотря на ихъ незрѣлость, казались сверстниками его — если не по уму, то по чувству. Ихъ поднимало и ободряло не чувство собственнаго достоинства, котораго, болышею-частью, еще не доставало, а самое это пребываніе въ сферѣ нравственной личности, умѣвшей встать до ихъ уровня, и соприкосновеніе съ нею въ предѣлахъ одной умственной области.

Изъ людей, знавшихъ лично профессора, не всѣ, конечно, но тѣмне очень-многіе имѣли случай испытать на себѣ его доброжелательную волю, или, по-крайней-мѣрѣ, быть свидѣтелями выраженія ея на другихъ. Она обнимала не только все, чего касались его симпатія, но часто простиралась и гораздо-дальше. Природное влеченіе къ добру онъ воспиталъ въ себѣ до живаго и дѣятельнаго начала. Чѣмъ только могъ, готовъ онъ былъ всегда содѣйствовать общеплезному дѣлу — именемъ, совѣтомъ, ходатайствомъ, наконецъ матеріальными средствами. Съ радостью привѣтствовалъ онъ всякій успѣшный трудъ, и между молодыми нашими учеными, которымъ приходилось издавать въ свѣтъ свои сочиненія, не одинъ произноситъ его имя съ глубокою признательностью.

Еще незадолго до его смерти, нѣсколько ученыхъ трудовъ было принято вновь по его указанію и возбужденію. Успѣхъ доброй книги, чье бы имя она ни носила на себѣ, радовалъ его не менѣе своего собственнаго. Рѣдко выступалъ онъ какъ критикъ, еще менѣе любилъ литературную полемику, но никогда не прочь былъ предпослать свое одобреніе полезному изданію, чтобъ облегчить обращеніе его въ публикѣ. Литераторы разныхъ направленій являлись къ нему предлагать чтеніе своихъ произведеній: если они не надѣялись заслужить полнаго его одобренія, то льстивались уже его благосклоннымъ вниманіемъ. И они большею-частью не ошибались въ расчетѣ; только совершенная бездарность истощала жѣру его благосклонности и дѣлала его крайне-не-терпѣливымъ.

Но трудъ, но усердіе къ дѣлу имѣли въ немъ самаго постояннаго и заботливаго доброжелателя. Сколько прошло мимо насъ молодыхъ людей, обойденныхъ несправедливою судьбою и встрѣтившихъ въ немъ готовую руку помощи! Онъ былъ счастливъ, если могъ устроить способнаго человѣка, вытащить его изъ грязи и дать ему приличное занятіе. Онъ былъ бы еще счастливѣе, еслибъ могъ еще болѣе увеличить кругъ своего благотѣльнаго дѣйствія. Впрочемъ, мы увѣрены, и безъ того найдется много людей, которые вспомнятъ о немъ со слезами искреннѣйшей благодарности. *Они* знаютъ, что онъ сдѣлалъ для нихъ, и, въ большей части случаевъ, едва-ли знаетъ еще кто другой, кромѣ нихъ самихъ.

Сосудъ былъ онъ знанія, добра и чести. Щедрою рукою расточалъ онъ ихъ вокругъ себя; мы же слали ему въ отвѣтъ нашу любовь и преданность. Другихъ даровъ мы не могли принести ему, столь-богато одаренному. Любовь наша усыпала послѣдній путь его цвѣтами; она плела ему вѣнки на гробъ—пусть ея же теплый лучъ сіяетъ вѣчно и надъ его могилою! И если земные плоды могутъ расти и на Божіей нивѣ, то пусть и на его могильной насыпи взойдутъ для насъ и принесутъ обильный плодъ сѣмена знанія, добра и чести!

И. КУДРЯВЦЕВЪ.

17 октября 1855.

III.

ПРОПИЛЕИ. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ. Книга IV. Москва. 1854.

Статья первая.

Мы еще живо помнимъ тотъ восторгъ, который, нѣсколько лѣтъ назадъ, возбудило въ образованной части нашей публики появленіе перваго тома «Пропилей». Г. Леонтьевъ угадалъ современность и потребность у насъ сборника статей по классической древности и тѣмъ оказалъ нашей литературѣ существенную, незабвенную услугу. Прекраснымъ и энергическимъ исполненіемъ этой счастливо-задуманной мысли онъ—скажемъ не обинуясь—принесъ нашей литературѣ несравненно болѣе пользы, чѣмъ всѣ другіе ученые, которые когда-либо были призваны распространять въ нашѣмъ отечествѣ свѣдѣнія о классической древности. По нашему убѣжденію, дѣятельность самыхъ знаменитыхъ предшественниковъ г. Леонтьева, не исключая самого Маттеи и другихъ ученыхъ, которыми такъ справедливо гордится столѣтній Московскій Университетъ, не имѣла такого плодотворнаго значенія и не принесла той пользы, которую приносить и общаетъ приносить въ будущемъ дѣятельность почтеннаго издателя «Пропилей», имѣющаго, кромѣ того, за собою много и другихъ ученыхъ заслугъ. Дѣятельность предшественниковъ г. Леонтьева ограничивалась тѣснымъ кругомъ университетской аудиторіи и выражалась въ сочиненіяхъ нерѣдко весьма-важныхъ для науки, но писанныхъ большею-частью не порусски и не для Россіи. Значеніе этихъ трудовъ для нашихъ соотечественниковъ даже въ свое время, во всякомъ случаѣ, не превышало того, какое имѣютъ для насъ отдѣльныя сочиненія изъ той громадной массы книгъ по классической филологіи, которая накопилась въ Европѣ со времени возрожденія наукъ. Пользоваться этими книгами можетъ всякій; но, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, по многимъ причинамъ, пользуются ими у насъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ специалистовъ, которыхъ можно пересчитать по пальцамъ, весьма-немногіе.

Т. СМ. — Отд. III.

1

Напротивъ, аудиторію сотрудниковъ «Прошлей», живо и современно заговорившихъ о классической древности на родномъ языкѣ, составляетъ вся обширная Россія, въ разныхъ концахъ которой теперь ужь довольно людей (и это лучше всего доказывается успѣхомъ разбираемаго нами сборника), сочувствующихъ изданію г. Леонтьева. Оставляя въ сторонѣ этихъ образованныхъ читателей, любознательному уму которыхъ «Прошлей» даютъ здоровую и давно-желанную пищу, мы не можемъ не замѣтить, что это прекрасное изданіе составляетъ рѣшительную потребность для того довольно-многочисленнаго у насъ класса людей, для которыхъ полное, по возможности, ознакомленіе съ классическою филологіею составляетъ нѣкоторымъ образомъ служебную обязанность. Мы разумѣемъ здѣсь гг. учителей нашихъ гимназій, занимающихся преподаваніемъ древнихъ языковъ. При своихъ основательныхъ познаніяхъ въ этихъ языкахъ, они не всегда имѣли достаточно средствъ идти въ своемъ изученіи древняго классическаго міра далѣе грамматики. Нѣтъ сомнѣнія, что филологическое направленіе, господствовавшее въ нашихъ училищахъ, принесло прекрасные плоды, но въ то же время должно сказать, что систематическое и вполне-современное преподаваніе такъ-называемыхъ реальныхъ наукъ, входящихъ въ составъ древней филологіи, только-что еще начинается въ нашемъ отечествѣ, и въ прежнее время на эту, безспорно, самую важную и привлекательную сторону филологіи у насъ не было обращено надлежащаго вниманія. Все преподаваніе этого предмета ограничивалось у насъ грамматикой и грамматическимъ толкованіемъ древнихъ авторовъ. Вотъ, безъ-сомнѣнія, одна изъ главныхъ причинъ того, что древняя филологія, несмотря на всѣ поощрительныя мѣры, не привилась къ нашей литературѣ и до-сихъ-поръ еще гораздо-менѣе, чѣмъ всякая другая наука, имѣетъ у насъ хорошихъ и вполне-приготовленныхъ дѣятелей. Не удовлетворяясь одною только грамматическою стороною филологіи, люди даровитые по-неволѣ обратились къ другимъ отраслямъ знанія. Много нужно терпѣнія, или, вѣрнѣе, апатіи, чтобъ цѣлую жизнь повторять зады и не переступить за тотъ предѣлъ, до котораго доходитъ хорошей ученикъ гимназій (1). Г. Леонтьеву, первому изъ нашихъ ученыхъ принадлежитъ честь осуществленія благой мысли ввести русскаго читателя путемъ широкимъ и привлекательнымъ въ храмъ классической, то-есть, греческой и римской древности, въ тотъ изящный и стройный міръ, въ которомъ человекъ впервые началъ жить почеловѣчески и наслаждаться жизнью, въ которомъ впер-

(1) Здѣсь, разумѣется, не идетъ рѣчь о современномъ, чрезвычайно-важномъ и интересномъ грамматическомъ направленіи филологіи, возникшемъ въ недавнее время въ Германіи и основанномъ на сравнительномъ языковеденіи, на изученіи индо-европейскихъ языковъ, преимущественно санскритскаго и древне-классическихъ. Это направленіе, по своей новості, далеко еще не вездѣ привилось къ наукѣ, даже въ самой Германіи.

вые начинало являться міросозерцаніе собственно-человѣческое и являлось со всею обаятельною свѣжестью первой цвѣтущей молодости ⁽²⁾.

За исключеніемъ нѣсколькихъ весьма-немногихъ книгъ и статей, въ которыхъ основательно были рассмотрѣны разныя стороны древне-классическаго быта, до самаго появленія «Пропилей» у насъ не было ничего замѣчательнаго по этой части. Г. Леонтьевъ умѣлъ соединить въ своемъ сборникѣ все лучшее, что можетъ представить въ настоящее время наша литература по части филологіи. Въ вышедшихъ до-сихъ-поръ четырехъ томахъ «Пропилей» читатели встрѣтятъ довольно именъ ученыхъ, уже прежде упрочившихъ себѣ почетную извѣстность въ нашей литературѣ. Рядомъ съ ними почти въ каждой книгѣ «Пропилей» являются новые дѣятели, изъ которыхъ многіе, можетъ-быть, никогда не взялись бы за перо безъ поощрительнаго содѣйствія г. Леонтьева.

«Пропилей» общають представить собою современемъ цѣлую энциклопедію реальныхъ наукъ по части древне-классической филологіи. Уже и теперь читатели этого прекраснаго сборника найдутъ асный, вполне-удовлетворительный и современный отвѣтъ на многіе вопросы, относящіеся къ этимъ наукамъ. А сколько въ то же время разбѣано въ четырехъ томахъ этого изданія библиографическихъ замѣтокъ, столь-драгоценныхъ для тѣхъ, которые желали бы спеціально заняться тѣмъ или другимъ вопросомъ и не всегда успѣшно могутъ осмотрѣться въ громадной массѣ филологическихъ книгъ!

Мы бы никогда не кончили, еслибъ вздумали вычислять здѣсь всю пользу, которую принесъ уже и, безъ-сомнѣнія, принесетъ еще въ будущемъ сборникъ г. Леонтьева. Не увлекаясь никакимъ пристрастіемъ и нисколько не преувеличивая дѣла, мы можемъ прямо и смѣло сказать, что такое изданіе, какъ «Пропилей», сдѣлало бы честь и гораздо-болѣе богатой литературѣ, чѣмъ наша.

Но, отдавая справедливость въ цѣломъ «Пропилеямъ» г. Леонтьева, критика можетъ остаться неудовлетворенною нѣкоторыми частностями. Желая отъ души прочнаго успѣха и постояннаго совершенствованія этому прекрасному изданію, позволимъ себѣ высказать безпристрастно нѣсколько замѣчаній, въ истинѣ и правотѣ которыхъ мы искренне убѣждены. Голословная похвала и простой панегирикъ мало, по нашему убѣжденію, приносятъ пользы. Изданіе г. Леонтьева, разумѣется, не можетъ быть безупречнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣтъ ничего особенно-страннаго въ томъ, что, при юности нашей ученой литературы, мы верѣдко замѣчаемъ въ дѣятеляхъ ея неправильность приемовъ, происходящую отъ неяснаго пониманія ея потребностей, отъ шаткости неустановившихся еще возрѣній и отъ бессознательнаго слѣдованія чужимъ статьямъ и книгамъ. Указывать на такую ненормальность —

(2) Слова предисловія къ I-му тому «Пропилей».

прямая обязанность здоровой и безпристрастной критики. Она должна ловить не столько отдельные ошибки и промахи, неизбежные почти при всякомъ трудѣ, сколько указывать на ложное направленіе, на неудачные приемы автора, на его софизмы и безплодные парадоксы, если таковыя окажутся. Внутренняя ихъ пустота не всякому бросается въ глаза и можетъ многихъ увлечь на ложный путь. Мы вообще готовы ратовать противъ стремленія къ оригинальности и парадоксальности особенно еще неопытныхъ и начинающихъ писателей. Наша литература далеко еще не приняла въ себя того богатства, которое представляетъ намъ современная наука. Прежде всего мы должны усвоить себѣ это богатство ⁽³⁾. Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ мы послѣдними являемся, какъ дѣтели въ наукѣ и должны воспользоваться выгодами нашего положенія. Мы имѣемъ передъ собою уже готовые результаты, которыхъ достигла наука на Западѣ, въ періодъ полного и всесторонняго своего развитія, и потому освобождены отъ необходимости идти путемъ ошибокъ и догадокъ.

Это, однако, еще не значитъ, чтобъ мы настаивали на рабскомъ слѣдованіи чужимъ статьямъ и книгамъ. Писатель даровитый и добросовѣстный съумѣетъ остаться оригинальнымъ даже и въ такомъ случаѣ, если онъ не дастъ много воли собственному своему воображенію. Онъ не будетъ принимать съ благодарностью первую попавшуюся ему мысль, но съумѣетъ отличить золото отъ мишуры. Въ-особенности эта оригинальность отразится въ самомъ изложеніи предмета, если только этотъ писатель постарается уяснить себѣ свое отношеніе къ русскому читателю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ требованіямъ нашей литературы. При настоящемъ состояніи нашей филологической литературы, или, сказать вѣрнѣе, при совершенномъ ея отсутствіи у насъ, ученыхъ, посвящающихъ свои труды этой отрасли знанія, находится, въ-отношеніи къ своимъ читателямъ, далеко не въ томъ положеніи, въ какомъ авторъ, дѣйствующій во всякой другой литературѣ, уже богатой многими однородными трудами, гдѣ вопросъ, составляющій его тѣму, былъ уже много разъ обсуженъ другими писателями. Нашъ ученый въ большей части случаевъ не можетъ опираться на предшествовавшіе труды, и потому изложеніе его должно быть всестороннее и ясное, основанное на добросовѣстномъ изученіи того вопроса, о которомъ онъ собирается бесѣдовать съ своими читателями. Притомъ наши писатели, назначающіе труды свои не для одного только тѣснаго кружка специалистовъ и желающихъ, чтобъ сочиненія ихъ не остались неразрѣзанными, должны

(3) Мы очень-рады, что совершенно сходимся въ этомъ убѣжденіи съ почтеннымъ издателемъ «Пропилей».—«Напи Пропилей (говоритъ онъ въ предисловіи къ I-му тому) хотятъ не исправлять господствующія понятія «и создавать новыя, а знакомить съ событіями, данными исторіею, и съ «воззрѣніями уже выработавшимися въ наукѣ.»

помнить, что русскій читатель не удовлетворяется ни туманнымъ или сухимъ и педантическимъ изложеніемъ, говорящимъ одними цитатами, ни бесплоднымъ, но въ то же время упорнымъ и настойчивымъ парадоксомъ, ни пышнымъ наборомъ пустыхъ словъ, въ которыхъ разводится и повторяется на тысячу ладовъ какая-нибудь микроскопическая мысль.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній, вызванныхъ, къ нашему сожалѣнію, нѣкоторыми статьями IV тома «Пропилей», обращаемся къ болѣе-спеціальному его разсмотрѣнію.

Онъ открывается началомъ «Иліады» въ переводѣ Жуковского. Уже одно это имя должно обратить на этотъ томъ вниманіе всѣхъ, сколько-нибудь интересующихся новостями русской литературы. Переводъ Гомера («Одиссеи» и части «Иліады») относится къ послѣднему періоду поэтической дѣятельности Жуковского. Знаменитый нашъ поэтъ приступилъ къ переводу «Иліады» (какъ мы узнаемъ изъ предисловія къ этому переводу, доставленнаго издателю «Пропилей» г. Б—ымъ), шестидесяти-лѣтнимъ старцемъ, въ то время, какъ онъ уже самъ чувствовалъ, что «не по лѣтамъ ему приниматься за такой долговременный трудъ»⁽⁴⁾. Нашъ поэтъ, какъ видно, имѣлъ твердое намѣреніе привести къ концу переводъ «Иліады»; но «сборы въ другую дорогу», по собственному выраженію Жуковского, педагогическій курсъ, который онъ готовилъ для своихъ дѣтей, и поэма «Странствующій Жидъ» часто отвлекали его отъ начатаго труда. Жуковский успѣлъ исполнить только малую часть предлагавшей ему работы, да и ту оставилъ въ видѣ неоконченнаго. Замѣчательно, что поэтъ нашъ началъ свой переводъ съ самой непривлекательной части «Иліады», съ такъ-называемаго «перечня кораблей» (*κατάλογος τῶν νεῶν*, пѣснь II, ст. 494), не потому, что этотъ отдѣлъ «Иліады», какъ думаетъ г. Б—въ, показался ему труднѣе остальныхъ, а скорѣе потому, что скучнѣе. Безъ-сомнѣнія, Жуковскому хотѣлось, чтобъ поэтическая его настроенность не была ничѣмъ прерываема при дальнѣйшей его работѣ. Замѣтимъ еще, что при передачѣ «Иліады» на русскій языкъ, Жуковский пользовался подстрочнымъ нѣмецкимъ переводомъ этого творенія, нарочно-сдѣланнымъ для него профессоромъ Финингеромъ, который, слѣдовательно, оказалъ нашему поэту такую же услугу, какую прежде, при переводѣ «Одиссеи», оказалъ ему другой ученый — Грасгофъ.

(4) Слова, поставленныя въ скобкахъ, принадлежатъ самому Жуковскому и взяты изъ приводимаго г. Б—ымъ письма его къ П. А. Плетневу. Замѣтимъ также, что переводъ «Иліады» началъ Жуковский 2/14 октября 1849 г., въ Баденъ-Баденѣ, какъ значится на черновой тетради покойника.

«Въ предлагаемомъ переводѣ (говорить г. Б-въ) читатель долженъ видѣть не болѣе, какъ начало большаго труда, которое авторъ едва выправилъ, и которое, слѣдовательно, еще не было приготовлено для печати». Эти слова, подтверждаемыя самымъ предлагаемымъ переводомъ «Иліады», въ которомъ, безъ-сомнѣнія, многое должно было явиться современемъ въ измѣненномъ видѣ, совершенно избавляютъ рецензента отъ обязанности указывать на его недостатки, происходяшіе оттого, что переводчикъ не успѣлъ дать окончательной отдѣлки своему произведенію. Этотъ трудъ, какъ и слѣдовало добросовѣстному издателю, принялъ на себя г. Леонтьевъ, указавъ въ переводѣ Жуковскаго на стихи неоконченныя или требующіе передѣлки. Нѣтъ сомнѣнія, что «Иліада» Жуковскаго въ оконченомъ своемъ видѣ не уступила бы своимъ извѣстнѣйшимъ его «Одиссеѣ», которая, несмотря на то, что не вездѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ ученой критики, тѣмъ не менѣе является намъ произведеніемъ художественнымъ.

Не безъ причины оставляя въ сторонѣ подробный разборъ отрывка изъ «Иліады», переданнаго Жуковскимъ, мы можемъ здѣсь только пожалѣть о томъ, что онъ не получилъ, въ своей молодости, тщательнаго классическаго образованія и такъ поздно обратился къ изученію греческой поэзіи, которая давно уже манила его къ себѣ, какъ истиннаго художника ⁽⁵⁾. Жуковскій свершилъ, повидимому, свое человѣческое и авторское поприще, которому положены извѣстные предѣлы самою природою. Виродолженіе цѣлага полувѣка онъ сіялъ незакатнымъ свѣтиломъ на горизонтѣ русской поэзіи и, по прекрасному выраженію одного извѣстнаго нашего писателя, много оставилъ намъ «нетлѣнныхъ словъ», равносильныхъ «благимъ дѣламъ». Судьба, такъ безжалостно похитившая у насъ Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, въ пору высшаго развитія ихъ таланта, по отношенію къ Жуковскому была, повидимому, милостивѣе къ русской литературѣ. Если, однако, мы обратимъ вниманіе на то, сколько еще могъ совершить Жуковскій для ознакомленія русскихъ читателей съ малоизвѣстнымъ у насъ, къ-сожалѣнію, міромъ греческой поэзіи, то невольно скажемъ, что онъ далеко не исполнилъ своего назначенія. Изъ писемъ Жуковскаго видно, до какой степени онъ находился подъ обаяніемъ неувядаемой красоты греческой поэзіи, и мы имѣемъ полное основаніе думать, что, при другихъ условіяхъ, вслѣдъ за переводомъ «Иліады», онъ обратился бы къ трагикамъ и другимъ греческимъ поэтамъ и подарилъ бы намъ литературу такими художественными созданіями, какихъ она, безъ-сомнѣнія, не скоро еще дождется.

Небольшой отрывокъ «Иліады» въ неоконченномъ переводѣ Жуковскаго не представляетъ намъ достаточнаго повода заговорить о томъ,

⁽⁵⁾ Такъ еще въ 1829 г. Жуковскій напечаталъ «Отрывки изъ Иліады» въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», альманахъ, изданномъ барономъ Дельвигомъ.

какъ слѣдуетъ или какъ не слѣдуетъ перелгать Гомера на русскій языкъ. Потому мы вовсе бы не коснулись этого современнаго въ нашей литературѣ вопроса, еслибъ насъ не вызвала къ тому прекрасная и живая статья г. Каткова, помѣщенная въ концѣ IV-го тома «Пропилей» (стр. 551—562), подъ заглавіемъ : «Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера на простонародный русскій языкъ».

Всѣ, хотя издали слѣдяшіе за ходомъ нашей литературы, легко поймутъ, что заставило г. Каткова заняться рѣшеніемъ этого вопроса. Дѣло идетъ о забытой еще попыткѣ г. Ордынскаго (имя котораго, впрочемъ, ни разу не упоминается авторомъ разбираемой статьи) породить Гомера съ нашимъ Киршею Даниловымъ и передать «Иліаду» языкомъ русскихъ пѣсней и сказокъ. На первый взглядъ такая мысль не лишена логическаго основанія, и еще недавно многимъ казалось, что подобная попытка, при переводѣ «Иліады» и «Одиссея» на русскій языкъ должна была имѣть успѣхъ и приблизиться къ характеру гомерическихъ рапсодій больше, чѣмъ какая-то чуждая имъ торжественность, которою отличается во многихъ мѣстахъ гнѣдичевъ переводъ «Иліады». Пѣсни Гомера—такъ разсуждали многіе—возникли не въ искусственной литературѣ, но на вольномъ просторѣ народной жизни. Потому переводить ихъ на книжный языкъ значило бы придавать имъ несвойственный характеръ; только языкъ природный, также безискусственный и незнающій книжныхъ правилъ могъ, казалось, служить для этой цѣли (стр. 557). Въ гомерическихъ пѣсняхъ, продолжали эти защитники ложнопонятой народности, высказывался народъ въ своемъ младенествѣ. Слово такого народа просто, безхитростно и порусски должно быть передаваемо такимъ же младенческимъ и наивнымъ словомъ. «Но вотъ, вмѣсто разсужденій (говоритъ г. Катковъ) является опытъ, вмѣсто словъ, дѣло, и каждый тотчасъ же чувствуетъ его несостоятельность».

Дѣйствительно, нужно признаться, что добросовѣстная, но неудавшаяся попытка г. Ордынскаго передать «Иліаду» на русскій простонародный языкъ произвела на всѣхъ непріятное впечатлѣніе; но въ то же время это чувство у большей части читателей оставалось смутнымъ и немногіе могли отдать себѣ въ немъ отчетъ. Это-то смутное чувство г. Катковъ взялся уяснить своимъ читателямъ. Строгимъ и зрѣлымъ анализомъ вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, онъ приводитъ ихъ къ сознательному пониманію причинъ, по которымъ упомянутый трудъ г. Ордынскаго не могъ имѣть успѣха.

Для того, чтобъ дать нашимъ читателямъ понятіе о живости изложенія, которою отличается статья г. Каткова, приведемъ изъ нея небольшой отрывокъ:

«Вы хотите переводить (говоритъ авторъ) Гомера на русскій языкъ. Въ добрый часъ!.. Но вы разсуждаете такъ : гомерическія пѣсни суть пѣсни народныя, простыя, а потому и порусски слѣдуетъ передавать ихъ языкомъ народнымъ и простымъ. Начавъ разсуждать, не хватайтесь

же тотчас за дѣло, а продолжайте рассуждать до конца — и посмотрите, что выйдетъ. Простота! Но что такое простота? Есть много простыхъ вещей, какъ есть много, напримѣръ, бѣлыхъ вещей: и снѣгъ бѣлъ, и полотно бѣло, и бумага бѣла, и мало ли что еще бѣло! Но, благодаря бѣлизнѣ, вы не будете же смѣшивать совершенно разнородныхъ вещей. Народность! Но развѣ древне-греческая народность и нынѣ благополучно поживающая русская народность — одно и то же? Петръ есть человѣкъ, и Иванъ есть человѣкъ: слѣдуетъ ли, что Петръ и Иванъ одинъ и тотъ же человѣкъ? Греческая народность сама по себѣ, а русская народность — сама по себѣ, и смѣшать ихъ еще неслѣбѣ, чѣмъ смѣшать Петра съ Иваномъ. Рассуждая такимъ образомъ, вы усомнитесь въ своемъ начинаніи и не будете перелагать греческую народность на русскую. Ужъ лучше покажите намъ Гомера въ какомънибудь неопредѣленномъ костюмѣ, нежели въ кафтанѣ удалаго русскаго ямщика; пусть ужъ лучше старый рапсодъ будетъ представляться намъ неясно, въ туманѣ, чѣмъ жалкимъ образомъ кривляться передъ нами и корчить нашего пріятеля казака Киришу Данилова. Пусть ужъ лучше онъ вовсе намъ не показывается, да лишь не показывается въ такомъ видѣ».

Далѣе авторъ, какъ и слѣдуетъ, поддерживаетъ ту мысль, что всякое произведеніе чужой литературы, тѣмъ болѣе литературы изящной, должно быть передаваемо языкомъ литературнымъ, который, принявъ въ себя «всѣ стикхи жизни народа, образованный всѣми впечатлѣніями его духовной производительности, есть самое лучшее выраженіе народности». Но рядомъ съ этимъ литературнымъ языкомъ живутъ въ народной рѣчи обыкновенно еще нѣсколько другихъ, слова и складъ которыхъ по какой-нибудь причинѣ еще не вошли въ него, а исключительно принадлежать какой-либо мѣстности или обществу разряда, и потому имѣютъ «спеціальное значеніе, именно значеніе той среды, въ которой употребляются». Такія реченія и обороты не могутъ быть употребляемы для выраженія общаго понятія или для перевода съ чужаго языка — не могутъ, потому-что за ними, какъ тѣнь, слѣдитъ ихъ индивидуальное и мѣстное значеніе.

Изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, что между языкомъ литературнымъ и народнымъ существуетъ нѣчто, препятствующее взаимному ихъ родственному сближенію; напротивъ, литературный языкъ, какъ лучшее и полное выраженіе народности, находится и долженъ находиться съ нею въ неразрывной связи; другими словами: литературный языкъ не долженъ чуждаться языка народнаго: онъ даже долженъ быть народнымъ языкомъ, ибо иначе онъ будетъ языкомъ мертвымъ. Живой языкъ не можетъ остановиться въ своемъ развитіи и источникъ, изъ котораго онъ почерпаетъ элементы своего развитія и жизни, есть языкъ народный. «Литература должна питаться всѣми притоками рѣчи своего народа. Всякая форма народной рѣчи можетъ быть принята въ нее, но съ толкомъ, художественнымъ тактомъ и, главное, не безъ нужды. Литературѣ принадлежитъ въ языкѣ все, за исключеніемъ лишь того,

что раз навсегда исключено из нея». Этимъ художественнымъ тактомъ, котораго авторъ справедливо требуетъ отъ переводчика Гомера, долженъ быть надѣленъ всякій писатель. Отсутствие этого такта неприятно поражаетъ читателя, не только въ произведеніяхъ такъ-называемой изящной словесности, но и во всѣхъ прочихъ видахъ литературы.

При переводѣ какого-нибудь произведенія съ одного языка на другой, справедливо замѣчаетъ г. Катковъ, нужно прежде всего заботиться о томъ, чтобы это произведеніе въ реченіяхъ и формахъ чуждаго языка оставалось тѣмъ же самымъ, чѣмъ было въ реченіяхъ и формахъ роднаго языка. Замѣтимъ, впрочемъ, что исполнить въ точности это требованіе невозможно. Если одна народность, какъ справедливо доказываетъ авторъ, не можетъ замѣнить другую, то изъ этого прежде всего слѣдуетъ, что никакой переводъ не можетъ вполнѣ замѣнить подлинника. Можно передать общее значеніе подлинника, но не частности его, проникнутыя народностью той литературы, которой онъ принадлежитъ. Чѣмъ болѣе внесено въ литературное произведеніе элементовъ народности, тѣмъ неудобнѣе оно для перевода на чужой языкъ. Возьмемъ для примѣра Гоголя, бѣльшая часть сочиненій котораго, по означенной причинѣ, никогда не можетъ быть вполнѣ усвоена никакой иностранной литературѣ.

Но если одна народность никогда не можетъ вполнѣ замѣнить другой, то тѣмъ менѣе эта послѣдняя можетъ быть замѣнена такъ-называемую простонародностью чуждой ей во всѣхъ отношеніяхъ націи. «Смѣшивать простонародность съ народностью» говоритъ г. Катковъ: «большая ошибка». «Простонародность, по мѣткому его выраженію, есть *отслѣдъ* народности; она возникаетъ съ осложненіемъ народнаго быта, и есть какъ бы оборотная сторона образованія и развитія». Изъ этого вѣрнаго опредѣленія еще болѣе открывается вся несостоятельность мнѣнія о возможности удачно передать «Иліаду» или «Одиссею» на русскую простонародную рѣчь. Если простонародность возможна только при извѣстной степени образованія, какъ его контрастъ и оборотная сторона, то она, разумѣется, есть нѣчто совершенно-чуждое гомерическому вѣку и его поэзіи. Нельзя же дѣйствительно думать, что въ гомерическій вѣкъ могла существовать въ греческомъ обществѣ простонародность и находить себѣ выраженіе въ языкѣ. Потому попытка передать гомерическія раисодія языкомъ русскихъ сказокъ и пѣсень необходимо должна была совершенно исказить подлинникъ.

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать то мѣсто, изъ статьи г. Каткова, въ которомъ онъ еще разъ превосходно опредѣляетъ народность и отношеніе ея къ простонародности:

«По мѣрѣ развитія образованія, внутренній инстинктъ, законъ народнаго слова переселяется въ языкъ литературный. Силы народа идутъ на

тѣ созиданія, къ которымъ призываетъ его исторія; народность выражается въ исторической дѣятельности, въ проявленіяхъ существенныхъ и важныхъ для цѣлаго міра, для человѣчества. Великія цѣли знанія, искусства и жизни, овладѣвая дѣятельностью народа, овладѣваютъ мало по малу, по мѣрѣ своей зрѣлости, тайною его слова. Народность восходитъ на степень цивилизаціи и все, упорно коснѣющее за чертою образованія, превращается въ такъ-называемую простонародность. Напрасно приписываютъ простонародной рѣчи, въ этомъ смыслѣ, признакъ живости, которая будто бы, при всей грубости этой рѣчи, составляетъ ея отличие отъ книжнаго слова; напротивъ, простонародная безграмотная рѣчь внутренне мертва; она плетется и выжета безъ творческой силы, безъ производительнаго инстинкта и даже безъ смысла. Все то въ народѣ, что отказалось войти въ его цивилизацію, тѣмъ самымъ лишилось силы и очарованія жизни» (6).

Отдѣльные слѣды такой простонародности встрѣчаются во всякой литературѣ, даже въ періодъ высшаго ея развитія. Гораций, цѣлую жизнь свою ратовавшій за изящество, называетъ такія нелитературныя формы рѣчи *слѣдами деревни*, или *деревенщиною* (*vestigia ruris*) (7). Поставить опредѣленную грань между языками народнымъ и простонароднымъ можетъ только писатель-художникъ; только онъ одинъ можетъ открыть себѣ всѣ источники живаго слова и съ пользою прислушиваться къ народной рѣчи. «Истинно-живое слово, гдѣ бы ни было услышано, въ какомъ бы окруженіи ни являлось, будетъ тотчасъ же усвоено художникомъ, и хотя бы ни разу еще не было оно употреблено въ литературной рѣчи, мѣсто ему въ ней готово».

Показавъ всю странность и незаконность попытки передать Гомера на простонародный русскій языкъ, г. Катковъ естественно долженъ былъ обратиться къ вопросу: какъ же слѣдуетъ переводить «Иліаду» и «Одиссею»? какому способу перевода должно отдать преимущество? Авторъ, по нашему мнѣнію, совершенно-справедливо уклонился отъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ. Никакія правила, никакая теорія не образуютъ переводчика-художника, если этотъ переводчикъ не надѣленъ отъ природы художественнымъ тактомъ. Жуковскому, при его незнаніи греческаго языка, красоты и складъ гомерическаго эпоса, даже сквозь безобразную грудю словъ, въ подстрочномъ переводѣ Грасгофа и Финшгера, свѣтились гораздо-ярче, чѣмъ многимъ другимъ переводчикамъ Гомера, въ потѣ лица и во всеоружіи грамматикъ и лексиконовъ

(6) Къ простонароднымъ, нелитературнымъ словамъ, которыя вслѣдъ затѣмъ приводить авторъ, напр. *шпилюмечь*, *провоожжателься* и пр., можно, кажется, съ полнымъ правомъ отнести и слово *выкормочекъ*, встрѣченное нами въ переводѣ одного мѣста изъ Горация. «Проп.» IV, стр. 108, примѣч. 1.

(7) Horat. Epist. II, 1, ст. 157.

трудившимся надъ подлинникомъ «Иліады» и «Одиссеи». Для вполнѣ-удовлетворительнаго перевода греческихъ и всякихъ другихъ повтовъ недостаточно грамматическое пониманіе подлинника: необходимо его художественное пониманіе. Лучшимъ переводчикомъ древнихъ классиковъ, конечно будетъ тотъ, кто соединитъ въ себѣ эти два условія. Но скоро ли мы дождемся такого переводчика?...

Уклоняясь отъ желанія руководить своими совѣтами будущихъ русскихъ переводчиковъ Гомера, авторъ, однако, находитъ, что славянская примѣсь при передачѣ гомерическаго эпоса на русскій языкъ нисколько не исказитъ подлинника и не повредитъ дѣлу. Онъ находитъ, что славянизмы въ гнѣдичевомъ переводѣ («Иліады»), нерѣдко производятъ весьма-счастливый эффектъ. Мы и въ томъ вполнѣ согласны съ г. Катковымъ, хотя и не можемъ не замѣтить, что эта мысль находится какъ-бы въ противорѣчій съ тѣмъ, что было высказано имъ въ другомъ мѣстѣ статьи. Славянизмы, какъ отжившія формы языка, еще болѣе, чѣмъ слова, принадлежація исключительно какой-либо мѣстности или общественному разряду, имѣютъ у насъ специальное значеніе, именно, значеніе той среды, въ которой употребляются. Авторъ говоритъ: «Гомерическія пѣсни должны были во многомъ имѣть для грека образованной эпохи характеръ архаическій, старинный, отчасти именно такой, какой имѣетъ для насъ языкъ славянскій». Въ этихъ словахъ г. Каткова мы видимъ требованіе, чтобъ въ переводѣ гомерическихъ пѣсней отражался не первобытный ихъ характеръ, а тотъ, въ какомъ онъ являлся позднѣйшимъ грекамъ — мысль едва-ли справедливая. Кромѣ-того, мы могли бы отвѣтить на нее словами самого же автора, примѣнивъ ихъ къ настоящему случаю, именно: греческая старина сама-по-себѣ, а русская сама-по-себѣ; тѣмъ болѣе та сторона этой древности, о которой идетъ рѣчь. Мы остановились на этомъ противорѣчій съ цѣлью подтвердить еще разъ высказанную нами выше мысль о томъ, что если не всегда, то относительно многихъ литературныхъ произведеній никакой переводъ не можетъ вполнѣ замѣнить подлинника.

Впрочемъ, это единственная недомолвка, въ которой можно упрекнуть автора. Небольшая, но прекрасная статья его вообще отличается строгою послѣдовательностью мысли и ясностью изложенія. Это одна изъ тѣхъ руководительныхъ статей, въ которыхъ, при быстрой смѣнѣ и шаткости эстетическихъ воззрѣній, такъ нуждается русская литература.

Вслѣдъ за знаменитымъ именемъ Жуковскаго, читатель IV-го тома «Пропилей» встрѣтитъ почтенное, хотя и не столь народное имя русскаго ученаго, также преждевременно погибшаго для нашей литературы: мы говоримъ о Д. Л. Крюковѣ. Нелишнимъ считаемъ сообщить здѣсь предварительно нѣсколько біографическихъ подробностей объ этомъ

замѣчательномъ челоувѣкѣ ⁽⁸⁾. Дмитрій Львовичъ Крюковъ, докторъ философіи, бывшій ординарнымъ профессоромъ римской словесности въ Московскомъ Университетѣ, родился въ Казани въ 1809 году. Отецъ его, преподаватель рисованія въ Казанскомъ Университетѣ, несмотря на свое ограниченное состояніе, рѣшился воспитывать своего сына дома и далъ ему возможность пользоваться уроками лучшихъ казанскихъ преподавателей. Въ 1824 году Крюковъ вступилъ въ Казанскій Университетъ по Словесному Отдѣленію и, по окончаніи курса, въ 1827 г., удостоенъ степени кандидата. Въ это время Крюковъ своими дарованіями и успѣхами въ наукахъ обратилъ на себя вниманіе начальства, такъ-что когда, въ 1828 г., Казанскій Университетъ долженъ былъ представить нѣсколько молодыхъ людей изъ числа лучшихъ своихъ воспитанниковъ для поступленія въ новоучреждавшійся тогда Профессорскій Институтъ, то выборъ палъ, между другими, и на Крюкова. Въ Дерптѣ, подъ руководствомъ Моргенштерна, Франке и Нейе, Крюковъ до того усовершенствовалъ себя въ знаніи древнихъ языковъ, что могъ, въ 1832 г., выдержать экзаменъ на степень доктора философіи, написать и защитить при этомъ случаѣ диссертацию: *In Taciti Agricolam observatio-nes*. Въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ другими стипендіатами перваго Профессорскаго Института, Крюковъ былъ отправленъ за границу, гдѣ посѣщалъ лекціи въ Берлинскомъ Университетѣ. Графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, зоркому вниманію котораго и горячему сочувствію къ дѣлу русскаго просвѣщенія, Московскій Университетъ обязавъ самую цвѣтущую порою своего существованія и самыми даровитыми своими профессорами, обратилъ свое вниманіе на молодаго Крюкова, по возвращеніи его изъ-за границы. Графъ предложилъ ему катедру римской словесности и древностей въ Московскомъ Университетѣ, которую Крюковъ и занималъ до самой своей смерти. Онъ скончался въ Москвѣ 5-го марта 1845 г., имѣя 35 лѣтъ отъ-роду. Крюковъ (говорить его біографъ) имѣлъ необыкновенное вліяніе на своихъ слушателей, но ранняя смерть этого ученаго не позволила ему занять своими сочиненіями то мѣсто въ наукѣ, которое соотвѣтствовало бы его необыкновеннымъ дарованіямъ.

Главный ученый трудъ покойнаго Крюкова былъ изданъ имъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ, въ 1842 г., подъ псевдонимомъ доктора Пеллегрино ⁽⁹⁾. Теперь это сочиненіе является въ сборникѣ г. Ле-

⁽⁸⁾ Заимствуемъ ихъ изъ «Біографическаго Словаря профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета». Біографія Крюкова, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ является въ этомъ изданіи и написана г. Леонтьевымъ.

⁽⁹⁾ *Andeutungen über den ursprünglichen Religionsunterschied der römischen Patricier und Plebejer*. Укажемъ здѣсь кстати на другія сочиненія Крюкова. Кромѣ упомянутой докторской диссертации, онъ издалъ:

онтьева подъ заглавіемъ : «Мысли о первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи». Оно служитъ доказательствомъ замѣчательной эрудиціи покойнаго Крюкова, но въ то же время — скажемъ прямо, не увлекаясь излишнимъ въ настоящемъ случаѣ пристрастіемъ къ личности автора — поражаетъ читателя своими странностями и не выдерживаетъ строгой критики. При помѣщеніи этой статьи въ своемъ сборникѣ, г. Леонтьевъ, очевидно, не столько имѣлъ въ виду пользу или удовольствіе читателей «Пропилей», сколько уваженіе къ памяти г. Крюкова, бывшаго своего наставника. Строгий и вполне-безпристрастный разборъ этой статьи необходимъ, по нашему мнѣнію, тѣмъ болѣе, что она легко можетъ увлечь на ложный путь своими парадоксами людей неопытныхъ ⁽¹⁰⁾. Но предварительно позволимъ себѣ еще нѣсколько замѣчаній, непрямо-относящихся къ дѣлу.

«Когда я, сынъ Италин (говоритъ про себя въ одномъ мѣстѣ своихъ сатиръ Гораціи, Сат. I, X, ст. 31), кропалъ еще греческіе стихи, то Квиринъ (Ромулъ), явившись мнѣ послѣ полуночи, когда сны такъ правдивы, отклонилъ меня отъ этого занятія слѣдующими словами : Желаніе твое умножать собою огромную толпу греческихъ поэтовъ такъ же нелѣпо, какъ мысль носить дрова въ лѣсъ».

Эти слова умнаго Гораціи невольно приходятъ мнѣ на память всякій разъ, когда я беру въ руки сочиненіе русскаго ученаго, написанное не порусски. И чѣмъ болѣе авторъ является даровитымъ и ученымъ, тѣмъ болѣе становится жаль, что онъ не принялъ къ сердцу пользы и нужды нашей бѣдной русскаго литературы и вздумалъ «носить дрова въ лѣсъ». Позволяю себѣ повторить здѣсь то, что уже прежде высказано было мною на ту же тему въ одномъ изъ нашихъ повременныхъ изданій ⁽¹¹⁾.

1) «Тацита Агриколу». Москва. 1837 и 2) рѣчь : «de Q. Curtii Rufi actate», говоренную на университетскомъ актѣ 1836 г. Въ «Москвитянинѣ» 1841 г. онъ помѣстилъ двѣ статьи : «О трагическомъ характерѣ исторіи Тацита» и «Нѣсколько словъ въ дѣлѣ драматическаго искусства по поводу игры г. Каратыгина». См. «Биограф. Словарь» и пр., ч. I, стр. 441. Въ этомъ спискѣ не поименована біографія Цицерона, начатая Крюковымъ и оконченная, уже послѣ смерти автора, г. Шестаковымъ.

⁽¹⁰⁾ Что и случилось уже, наприм. съ г. Ю. Базомъ, авторомъ только-что появившейся въ свѣтъ книжки, подъ заглавіемъ : «Полигенизмъ древнихъ Грековъ» и пр. Санктпетербургъ. 1855. Несмотря на слова предисловія къ этому сочиненію о томъ, что авторъ «считалъ нужнымъ исключить изъ него всѣ сомнительныя предположенія, догадки и толкованія, съ ихъ доводами и доказательствами, и довольствоваться одними несомнѣнными результатами новѣйшихъ изслѣдованій», въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой книжки (напр. на стр. 135) мы встрѣчаемъ повтореніе парадоксовъ г. Крюкова. Нелишнимъ считаемъ прибавить при этомъ, что обзорную римской религіи посвящено въ сочиненіи г. Базы съ небольшимъ 20 стр.

⁽¹¹⁾ «Московскія Вѣд.» 1851 года, № 107.

«Древне-классическая филологія имѣетъ еще очень-мало хорошихъ представителей въ нашей литературѣ. Потому всякій, хорошо-приготовленный писатель, который посвятитъ себя этой отрасли знанія, принесетъ, сравнительно, гораздо-болѣе пользы и оставитъ по себѣ лучшую память, нежели тотъ изъ русскихъ ученыхъ, который захочетъ провѣденіями своими умножать огромныя средства чужеземной учености, гдѣ и безъ того ужъ можно собрать цѣлыя бібліотеки специальныхъ изслѣдованій по каждому болѣе или менѣе занимательному вопросу изъ области классической древности. По нашему мнѣнію, въ настоящее время русскій ученый тогда только можетъ имѣть разумное основаніе писать на какомъ-нибудь иностранномъ языкѣ, когда онъ надѣется своими трудами подвинуть впередъ какую-нибудь отрасль знанія, или сказать новое слово въ наукѣ; а въ противномъ случаѣ ему предстоитъ, хотя болѣе-скромное, но въ то же время гораздо-болѣе полезное и благодарное поприще трудиться для пользы своей отечественной словесности». Читатель видитъ изъ этихъ словъ, что мы нисколько не возстаемъ безусловно противъ желанія нашихъ ученыхъ писать не порусски. Въ извѣстныхъ случаяхъ мы готовы признать даже необходимость предпочесть своему родному языку языкъ иностранный. Такъ, напримеръ, мы искренно желаемъ, чтобъ г. Леонтьевъ скорѣе исполнилъ обѣщаніе, высказанное имъ въ разбираемомъ томѣ «Прописей», издать на латинскомъ языкѣ свое изслѣдованіе о древностяхъ Танаиса, потому-что оно представляетъ для науки нѣсколько новыхъ данныхъ, которыя, безъ сомнѣнія, обратятъ на себя вниманіе западныхъ археологовъ. Можетъ показаться на первый взглядъ, что приведенныя нами выше слова не идутъ и къ сочиненію г. Крюкова, потому-что оно также говоритъ новое слово въ наукѣ, но дѣло въ томъ, что это новое слово является намъ въ разбираемомъ сочиненіи очень-неудачнымъ и, какъ мы увидимъ, ничѣмъ неоправданнымъ парадоксомъ. Разумѣется, что такого рода сочиненія не составляютъ большаго приобрѣтенія и для русской ученой литературы.

Прежде всего насъ удивило въ сочиненіи г. Крюкова то, что, предлагая новую теорію для объясненія борьбы между патриціями и плебеями, онъ не почелъ нужнымъ показать несостоятельность господствующаго въ наше время взгляда на этотъ вопросъ и тѣмъ оправдать необходимость или, по-крайней-мѣрѣ, логическую законность собственнаго своего труда. Онъ даже не упоминаетъ о предшествовавшихъ попыткахъ уяснить этотъ вопросъ и прямо приступаетъ къ дѣлу. Для насъ непонятно, что, прилежно собравъ, въ самомъ началѣ своего труда (Примѣч. I) различныя, болѣею-частью никуда негодныя объясненія древнихъ писателей о происхожденіи патриціевъ и плебеевъ и придавая безусловную вѣру этимъ свидѣтельствамъ, нашъ авторъ не обратилъ никакого вниманія на изслѣдованія новѣйшихъ ученыхъ относительно этого предмета. Теперь всѣ, кажется, уже давно согласны въ

того, что современная наука далеко опередила слабыя усилія греческих и римскихъ изыскателей уяснить древнѣйшій періодъ римской исторіи. Кто же въ наше время вѣрить Діонисію Галикарнасскому, Плутарху и другимъ подобнымъ писателямъ, по словамъ которыхъ Ромулъ отдѣлялъ въ своемъ государствѣ знатныхъ отъ незнатныхъ, и что такимъ образомъ возникли патриціи и плебей? Вопросъ о происхожденіи этихъ двухъ враждебныхъ одно другому сословіи есть именно одинъ изъ блестящихъ результатовъ, добытыхъ критическимъ умомъ Нибура. Не воля одного лица, и притомъ нисколько-неисторическаго, а самый ходъ римской исторіи вызвалъ къ жизни и борьбѣ эти два сословія. Плебей, какъ теперь несомнѣнно доказано, образовались мало-по-малу изъ покоренныхъ народовъ, часть которыхъ царя имѣли обыкновеніе переселять въ Римъ. Такъ, напримѣръ, Туллъ Гостилій переселилъ въ Римъ жителей города Alba Longa. Подобнымъ же образомъ и Анкъ Марціи увеличилъ народонаселеніе своего города. Всѣ такіе переселенцы хотя и входили въ составъ римскаго народа, но не получали правъ гражданства. Они не были принимаемы въ трибы и въ курии, не имѣли первоначально никакого голоса въ народныхъ собраніяхъ, не принимали никакого участія въ государственномъ управленіи и до самаго закона канулеева (до 309 года города) не имѣли *connubium*, то есть права родниться посредствомъ браковъ съ настоящими, первоначальными гражданами Рима. Это запрещеніе ясно было высказано въ XII-ти таблицахъ. Такимъ образомъ эти переселенцы должны были образовать собою особенное сословіе людей свободныхъ и лично-независимыхъ, но въ то же время немѣвшихъ почти никакихъ политическихъ правъ. И эти люди образовали собою отдѣльный классъ римскаго народа, названный *plebs*, а съ другой стороны, въ противоположность ему, изъ римскихъ гражданъ, раздѣленныхъ на трибы и курии, возникло высшее государственное сословіе патриціевъ. Изъ сказаннаго видно, что плебей составились не изъ оборванной, голодной толпы, какъ полагали древніе историки; напротивъ, между ними было много людей, которые отличались богатствомъ, происхожденіемъ и въ былое время играли у себя на родинѣ значительную роль. Несмотря на то, въ Римѣ они не получили никакихъ политическихъ правъ, и патриціи старались держать ихъ отъ себя какъ можно дальше. Вообще они смотрѣли на плебеевъ, какъ на побѣжденныхъ и своихъ подданныхъ. Таково было первоначально отношеніе этихъ двухъ классовъ римскаго народа. Но мало-по-малу сословіе плебеевъ окрепло, почувствовало свое значеніе, и тогда это отношеніе должно было показаться ему неестественнымъ и обиднымъ. Плебей потребовали себѣ тѣхъ же правъ, которыми пользовались патриціи; возникла политическая борьба, и изъ римской исторіи извѣстно, съ какими успѣхомъ плебей уничтожали, одну за другою, преграды, противопоставленныя имъ ихъ соперниками.

Мы изложили, по-возможности кратко, вопросъ о причинахъ борьбы

между патриціями и плебеями ⁽¹²⁾. Если изъ массы сказокъ, называемой древнѣйшимъ періодомъ исторіи Рима, можно добыть какіе-нибудь проблески исторической истины, то именно этотъ вопросъ, по своей ясности, занимаетъ между ними первое мѣсто. Но покойный Крюковъ, незавѣстно почему, не удовольствовался этимъ простымъ и, какъ намъ кажется, совершенно-правильнымъ рѣшеніемъ вопроса. По мнѣнію его, совершенно-излишнему и ничѣмъ неподтверждаемому, причина борьбы между патриціями и плебеями была нисколько не политическая, а религіозная. Мнѣніе это находится, какъ мы видимъ, въ совершенномъ противорѣчій съ общепринатымъ взглядомъ въ наукѣ. Посмотримъ теперь на тѣ доводы, которыми нашъ авторъ старается оправдать свой парадоксъ. Главныя положенія, на основаніи которыхъ г. Крюковъ рѣшился построить свою теорію, находятся въ небольшомъ введении, предпосланномъ его сочиненію. Уже здѣсь рѣзко высказывается полное отсутствіе критики, вообще составляющее характеръ разбираемой нами статьи.

Для того, чтобъ уяснить это небывалое религіозное различіе между патриціями и плебеями, г. Крюковъ, естественно, счелъ необходимымъ напередъ доказать, что въ Римѣ, въ начальный періодъ его политическаго быта, существовали два, совершенно-отличныя одно отъ другаго, поклоненія. Для этого онъ собралъ нѣсколько показаній древнихъ авторовъ, изъ которыхъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, видно, что первобытная римская религія отличалась простотою и несложностью какъ въ идеѣ, такъ и въ своихъ атрибутахъ. Изъ свидѣтельствъ древнихъ писателей, которыхъ мы не намѣрены оспаривать, дѣйствительно открывается, что идолы боговъ не составляли вначалѣ существенной принадлежности римскаго культа. Такъ Сервій, древній схоластъ Виргилія, утверждаетъ (ad Aen. I, 504), что было время, когда въ римскихъ храмахъ не существовало еще никакихъ изображеній боговъ. Юстинъ говоритъ, что вначалѣ римляне поклонялись своимъ богамъ подъ символомъ копья, а простодушный Плутархъ присовокупляетъ ко всему этому (Numa, VIII), что Нума запретилъ римлянамъ представлять боговъ въ образѣ людей или животныхъ. Между всѣми подобными свидѣтельствами особенное наше вниманіе должно обратить на себя показаніе знаменитаго Варрона Резтинскаго, который безспорно принадлежалъ къ лучшимъ изыскателямъ римской старины. «Болѣе 150 лѣтъ (а не 170, какъ вездѣ значится у г. Крюкова), говоритъ Варронъ, почитали римляне боговъ безъ всякихъ изображеній».

Прямой и исключительно-возможный выводъ изъ всѣхъ этихъ сви-

(12) Подробности этого вопроса см. у W. A. Becker: Handbuch der röm. Alterthümer. Leipzig, 1844. Ч. II, стр. 133 и слѣд. Niebuhr: Röm. Gesch. стр. 366 (3 издание) — и Wachsmuth: Gesch. der politischen Parteien des Alterthums. Braunschweig, 1853, стр. 171 и слѣд.

дательствъ—тогь, что идолы первоначально не имѣли мѣста въ римскихъ храмахъ. Нашъ авторъ, однако, не довольствуется этимъ простымъ выводомъ. Вопервыхъ, г. Крюковъ видитъ почему-то въ этихъ показаніяхъ доказательство существованія въ древнемъ Римѣ двухъ различныхъ поклоненій, а затѣмъ основываетъ собственное свое мнѣніе, которое мы сейчасъ представимъ, на обвиненіи названныхъ нами писателей въ недомолвкѣ того, что такъ необходимо для оправданія этого страннаго мнѣнія. «Стало-быть (говоритъ г. Крюковъ на стр. 4-й, выписавъ напередъ приведенныя выше свидетельства) уже древніе принимали два совершенно-различныя поклоненія въ древнемъ Римѣ, изъ которыхъ одно было символическое, а другое анерономорфическое. Но извѣстія ихъ потому уже невѣрны, что они, хотя и принимаютъ существованіе этихъ двухъ поклоненій, но послѣдовательно, одно за другимъ, а не одновременно».

Въ этомъ разногласіи нашего автора съ древними писателями мы рѣшительно принимаемъ сторону послѣднихъ. Удивляемся, какимъ образомъ г. Крюковъ рѣшился построить свою теорію объ одновременномъ существованіи въ древнемъ Римѣ символическаго и анерономорфическаго поклоненій на отрицаніи вѣрности единогласнаго показанія древнихъ писателей, и не имѣя ни одного свидетельства древности для оправданія собственного своего взгляда. Еслибъ авторъ взглянулъ на этотъ предметъ съ должнымъ вниманіемъ, онъ увидѣлъ бы, что символизмъ и затѣмъ анерономорфизмъ составляютъ естественный и необходимо-послѣдовательный характеръ въ развитіи всѣхъ религій древности, принадлежностью которыхъ были идолы. Здѣсь, разумѣется, идетъ рѣчь не о философскомъ символизмѣ, котораго странно искать въ какой бы то ни было древней религій, въ первую пору ея существованія, а о томъ символизмѣ, который возникаетъ изъ полного отсутствія искусства или техники въ народѣ, только-что начинающемъ свое политическое существованіе. Такое явленіе мы находимъ и въ самой Греціи. И тамъ, по словамъ Павзанія (VII, 22), которые совершенно напоминаютъ собою свидетельство Варрона, было время, когда «божескія почести воздавались, вѣсто истукановъ, необдѣланнымъ камнямъ (*ἀργυρί λιθοί*)». Дѣйствительно, греки, за совершеннымъ отсутствіемъ техники, долгое время поклонялись своимъ богамъ подъ видомъ грубыхъ камней, столбовъ, пирамидъ и другихъ незатѣйливыхъ символическихъ формъ, обдѣлка которыхъ не требовала никакого искусства. Павзаній, во время путешествія своего по Греціи, видѣлъ много подобныхъ символическихъ знаковъ, и усилія очеловѣчить этотъ простой матеріалъ являются намъ, какъ извѣстно, въ греческой пластикѣ первымъ шагомъ къ дальнѣйшему ея развитію ⁽¹³⁾.

(13) Болѣе-подробное изложеніе этого вопроса можно найти въ статьѣ: о ператикѣ въ древнемъ греческомъ искусствѣ. «Проп.» кн. I, стр. 7. Т. III. — Отд. III.

То же самое мы видимъ и у римлянъ, съ тѣмъ только различіемъ, что искусство свое, равно—какъ и литературу, они получили извнѣ уже готовыми. До времени же этого иноземнаго вліянія и у нихъ существовали различные символическіе знаки, которые замѣняли идола боговъ и потомъ долгое время хранились, какъ святыня, въ храмахъ Италіи.

Къ этому разряду памятниковъ римской старины, безъ—сомнѣнія, должно отнести трости и сосуды, которые хранились въ Лавиніумѣ (о нихъ нашъ авторъ говоритъ на стр. 16), а также *hastae Martiae*, то есть марсовы копья и анциліи (Gell. Noct. Att. IV, 6), которые можно было видѣть въ самомъ Римѣ, въ *regin*. Много такихъ священныхъ остатковъ старины хранилось также въ святилищѣ храма Весты, которое было доступно только верховнымъ жрецамъ и весталкамъ.

Свидѣтельство Варрона о томъ, что такой безобразный культъ господствовалъ въ Римѣ въ первые 150 лѣтъ его существованія, кажется намъ, заслуживаетъ полной вѣры, ибо оно совпадаетъ съ воцареніемъ въ Римѣ этрусскихъ царей. Хотя латиняне, среди которыхъ возникъ Римъ, и принадлежали къ тиррено-пелазгическому племени и, кромѣ—того, по преданію, принимаемому многими, этруски вошли, вмѣстѣ съ сабинянами, въ составъ римскаго народа при самомъ его началѣ, однако, тѣмъ неменѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что рѣшительное вліяніе этрусской цивилизаціи на Римъ началось не ранѣе царствованія Тарквинія Приска. Только съ этого времени Римъ постепенно началъ выходить изъ ничтожества въ—отношеніи къ своему внѣшнему виду и храмы его стали наполняться деревянными и глиняными идолами работы этрусскихъ художниковъ, или, вѣрнѣе, ремесленниковъ. Уже спустя долгое время, эти идола замѣнились другими, изъ болѣе—цѣннаго матеріала. Вообще римляне долгое время были невнимательны къ внѣшности своихъ храмовъ, и *практичность* ихъ, ставившая на первый планъ все полезное и исключавшая художественное, если только оно не примѣнялось къ практической цѣли, нигдѣ, можетъ—быть, не выразилась такъ рѣзко, какъ въ медленномъ развитіи у нихъ образовательныхъ художествъ. Потому не только во время царей, но и въ періодъ республики римляне гораздо—болѣе обращали вниманія на свои водопроводы и дороги, чѣмъ на пластику и живопись. Только впоследствии, со времени покоренія римлянами Южной Италіи, или Великой Греціи, римскіе храмы стали наполняться статуями боговъ болѣе или менѣе замѣчательными въ художественномъ отношеніи и завезенными въ Римъ въ видѣ военной добычи. Съ этими произведеніями греческаго искусства мало имѣли общаго въ художественномъ отношеніи глиняные этрусскіе идола (*dii fictiles Etruscorum*), составившіе, со времени Тарквинія Приска, необходимую принадлежность римскихъ храмовъ (14).

(14) См. O. Müller: Handbuch der Archäologie der Kunst. II Ausg.

Сказаннаго, кажется, достаточно для того, чтобъ видѣть, что авторъ совершенно-ошибочно принялъ двѣ различныя эпохи одного и того же римскаго культа за два отдѣльныя, одновременно, по его мнѣнію, существовавшія поклоненія. Мы видимъ, что теорія автора, построенная единственно на его недоумѣніи, распадается при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней критики. Будемъ, однако, слѣдить за нимъ далѣе. Убѣжденный въ существованіи въ древнемъ Римѣ двухъ религій, г. Крюковъ объявляетъ первую изъ нихъ, то-есть символическую, патриційскою, или, что, по его мнѣнію, то же, квинтскою, а вторую, то-есть анеропоморфическую—этрусскою, или плебейскою⁽¹⁵⁾. Вообще, этрусскій элементъ считаетъ онъ преобладающимъ въ плебейской общинѣ. «Единство патриціанскихъ родовъ (говоритъ онъ, стр. 2), въ противоположность плебеймъ было, какъ кажется, не внѣшнее, но скорѣе внутреннее и духовное. Оно было, по всему вѣроятію, основано на родствѣ религіозномъ. Объ этомъ можно заключить частью изъ замкнутости патриціанской общины, частью изъ способа принятія въ нее. Принятіе совершалось посредствомъ кооптаціи (здѣсь авторъ ссылается на Тита Ливія IV, 4); но такъ-какъ этотъ актъ былъ въ употребленіи при принятіи въ какую бы то ни было жреческую общину, то отсюда мы, безъ-сомнѣнія, въ-правѣ предполагать совершенное единство религій. Оттого-то Канулей и говоритъ у Ливія, что патриціи, происходя отъ чужихъ народовъ, получаютъ благородство не по роду, не по крови, но единственно посредствомъ кооптаціи. Особенность патриціевъ въ противоположность къ плебеймъ — это ихъ религія. Мнѣніе наше подтверждаетъ вся исторія ихъ борьбы и преимущественно отказъ въ правѣ брака (*jus connubii*), въ правѣ, которое никакъ не могло быть дано плебеймъ, ибо, имѣя религіозное основаніе, оно должно было бы вести за собою совершенное слітіе патриціанскихъ и плебейскихъ обрядовъ поклоненія».

Всѣмъ этимъ парадоксамъ г. Крюкова не суждено, кажется, оставить по себѣ никакихъ слѣдовъ въ наукѣ. Мнѣніе свое о томъ, что патриціи образовали собою въ древнемъ Римѣ какую-то религіозную

Breslau, 1835, стр. 190. Такъ смотрѣли на этотъ предметъ и нѣкоторые писатели древности, напр. Тертуліанъ, слова котораго авторъ приводитъ въ примѣч. 15. Въ царствованіе Нумы, говоритъ Тертуліанъ, не было у римлянъ ни храмовъ (?), ни идоловъ. Религія ихъ въ это время была проста и бѣдна обрядами. *Nondum enim tunc ingenia Graecorum atque Tuscorum fingendis simulacris urbem inundaverant.*

⁽¹⁵⁾ «Впрочемъ (прибавляетъ авторъ стр. 3), такое различіе между религіею патриціевъ и плебеевъ существовало только въ древнѣйшій періодъ римской исторіи. Время позднѣйшее знало только одну государственную религію».

общину, въ которую не допускались плебеи, какъ люди, принадлежащие совершенно къ другому культу, авторъ основываетъ, какъ мы видели, на словахъ рѣчи трибуна Канулея о допущеніи плебеевъ къ консульству и къ бракамъ съ патриціями. Даже самое поверхностное разсмотрѣніе рѣчи Канулея показываетъ, что религія нисколько не была замѣтана въ это дѣло. Канулей, какъ видно изъ разсказа Ливія, послѣ неудавшейся попытки склонить на свою сторону консуловъ, перенесъ дѣло изъ Сената въ народное собраніе и жалуется въ своей рѣчи плебеямъ на то презрѣніе, которое оказываютъ этому сословію патриціи отказомъ въ *jus conubii*. Въ цѣлой рѣчи Канулея ни словомъ не упоминается о религіи, какъ препятствіи къ заключенію браковъ между патриціями и плебеями; и еслибъ дѣйствительно религія составляла въ этомъ случаѣ какое-нибудь препятствіе, то какой смыслъ имѣла бы эта рѣчь и цѣлый рядъ упрековъ, которыми Канулей осмыкаетъ патриціевъ?

Мы, признаемся, не придаемъ особеннаго историческаго значенія рѣчи Канулея и не основали бы нашего убѣжденія на этой риторической вставкѣ въ разсказъ Тита Ливія, показаніями котораго вообще должно пользоваться осторожно, потому-что онъ гораздо въ большей мѣрѣ хорошій разсказчикъ, чѣмъ писатель критическій. Но это еще не все. Дѣло въ томъ, что авторъ неправильно понялъ приводимое имъ мѣсто изъ рѣчи Канулея, и придалъ совершенно-произвольное значеніе слову *cooptatio*, которое послужило ему главнымъ доказательствомъ того, что патриціи составляли какую-то замкнутую религіозную общину. Приведемъ самыя слова Канулея. Онъ говоритъ, между-прочимъ, слѣдующее: «*Quid? hoc si polluit mobilitatem islam vestram, quam plerique oriundi ex Albanis et Sabinis non genere nec sanguine sed per cooptationem in patres habetis, aut ab regibus lecti aut post reges exactos jussu populi, sinceram servare privatis consiliis non poteratis nec ducendo ex plebe, neque vestras filias sororesque escubere sinendo e patribus?*» Здѣсь, какъ и вездѣ, слово *cooptatio* имѣетъ общее, а не исключительное религіозное значеніе (то-есть значеніе принятія въ жреческую общину), какое придалъ ему авторъ. Это слово, равно-какъ и глаголъ *cooptare*, безпрестанно употребляется римскими писателями тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о принятіи кого-нибудь въ какую бы то ни было общину, или сословіе, напримѣръ, тамъ, гдѣ говорится объ избраніи въ сенаторы, въ цензоры, въ авгуры, въ трибуны и т. д. Вмѣсто множества цитатъ, которыя мы могли бы привести въ доказательство справедливости такого общаго значенія этихъ выраженій, отсылаемъ читателей къ какому угодно хорошему латинскому лексикону, напримѣръ, къ лексикону Форчеллини, гдѣ они найдутъ подъ означенными словами много примѣровъ, несомнѣнно-говорящихъ противъ мнѣнія г. Крюкова. Наконецъ замѣтимъ еще, что въ несчастномъ выраженіи *cooptatio in patres*, которое ввело въ такое недоумѣніе автора, послѣднее слово

означаетъ въ настоящемъ случаѣ вовсе не патриціевъ, а сенаторовъ (16).

Такимъ-образомъ смыслъ приведенныхъ словъ Канулея совсѣмъ не тотъ, который придалъ имъ нашъ авторъ, а слѣдующій: «Если (говоритъ народный трибунъ, обращаясь къ патриціямъ) подобныя браки съ плебеями пятнаютъ вашу знатность, которую, однако, большая часть изъ васъ, ведущая свой родъ отъ албанцевъ и сабинянъ, приобрѣла не по своему происхожденію и не по узамъ крови, а вслѣдствіе того, что предки этой части патриціевъ были выбраны въ сенаторы или царями, или, по изгнаніи ихъ, по волѣ народа (17), то развѣ вы не могли бы частными мѣрами сохранить неприкосновенною эту вашу знатность, не женись на плебейкахъ и не позволяя вашимъ дочерямъ и сестрамъ выходить замужъ иначе, какъ только за патриціевъ? Ни одинъ плебей не нанесъ бы насилія дѣвушкамъ изъ патриційскаго рода: такія насилія позволяютъ себѣ только увлеченные страстью патриціи, и никто бы не заставилъ кого бы то ни было сядою заключить брачный договоръ. Но запрещать подобныя браки и закономъ уничтожать ихъ возможность — вотъ что обидно и позорно для плебеевъ» и т. д.

На первый взглядъ можетъ показаться, что мнѣнію автора благопріятствуютъ слова консуловъ, которыя Ливій приводитъ непосредственно передъ рѣчью Канулея (IV, 2, § 6). При подобныхъ смѣшанныхъ бракахъ, говорятъ консулы, дѣти не будутъ знать, къ какому они принадлежатъ роду и къ какимъ сакрамъ, и станутъ такимъ образомъ полупатриціями и полуплебеями. Вотъ слова подлинника: «ut qui natus sit ignoret, cujus sanguinis, quorum sacrorum sit; dimidius patrum sit,

(16) Это видно изъ словъ: «aut ab regibus lecti, aut post reges exacto jussu populi», потому-что принятія въ патриціискія куріи совершалось по приговору только курій, а не царей. То же показываетъ и слово *lecti*, ибо глаголъ *legere* — настоящее выраженіе объ избраніи въ сенаторы. Таковъ смыслъ этого выраженія и по мнѣнію Вейсенборна, послѣдняго издателя Тита Ливія (Leipzig, 1854).

(17) Родоначальники многихъ патриційскихъ фамилій, хочеть сказать этими словами Канулей, случайно попали въ сенаторы и тѣмъ ввели свое потомство въ сословіе патриціевъ, между-тѣмъ, какъ нимъ (то-есть этимъ родоначальникамъ), какъ чужестранцамъ (албанцамъ и сабинянамъ), сѣдовало бы вступить въ Римъ въ сословіе плебеевъ. Известно, что потомки римскихъ сенаторовъ дѣлались патриціями, и таково даже, по мнѣнію, весьма-распространенному въ древности, было происхожденіе этого сословія. Такъ напр. Ливій говоритъ (I, 8): «centam creat senatores (Romulus)... patres certe ab honore, patriciique progenies eorum appellati». Такое мнѣніе о происхожденіи патриціевъ, неотличающееся особенною вѣрностью, поддерживается, однако, и некоторыми новѣйшими учеными, напр. Рубино. См. *ergo Untersuchungen über röm. Verfassung*. I Th. стр. 183.

dimidius plebis». Говоря это, консулы, безъ-сомнѣнія, имѣютъ здѣсь въ виду постановленіе децемвиральнаго законодательства, которымъ, какъ мы ужъ видѣли, смѣшанные браки между патриціями и плебеями были запрещены и объявлены незаконными. Само-собой разумѣется, что на дѣтей, прижитыхъ въ такомъ *matrimonium injustum*, патриціи смотрѣли (по словамъ того же Ливія, въ началѣ 6-й главы, 4-й кн.) какъ на *incerta proles*, то-есть какъ на людей неизвѣстнаго происхожденія, которые не могли участвовать ни въ патриційскихъ *aspiciis*, ни въ *sacra*. Подъ послѣднимъ выраженіемъ здѣсь очевидно разумѣются *sacra privata*, то-есть *gentilicia*, а не *publica*, какъ ошибочно полагаетъ авторъ, потому-что эти *sacra publica* были въ Римѣ общими какъ для патриціевъ, такъ и для плебеевъ⁽¹⁸⁾. Удачный для плебеевъ исходъ этого спорнаго дѣла о *jus connubii* также не говоритъ въ пользу теоріи г. Крюкова. Извѣстно, что Сенатъ рѣшился наконецъ издать новый законъ, которымъ уничтожалось прежнее постановленіе касательно браковъ между патриціями и плебеями. Сенатъ долженъ былъ согласиться съ требованіемъ трибуновъ, потому-что извѣстному Риму грозила въ это время война и, кромѣ-того, патриціи надѣялись, что этою уступкою они отклонятъ плебеевъ отъ домогательства консульскаго званія⁽¹⁹⁾.

По теоріи автора, такая уступка со стороны патриціевъ должна была бы повлечь за собою цѣлую реформацію. Ничего подобнаго, однако, мы не видимъ въ религіи римлянъ, которая продолжала существовать на прежнихъ основаніяхъ. По-крайней-мѣрѣ ни одинъ древній авторъ ни словомъ не упоминаетъ о томъ, что предоставленіе плебеямъ *jus connubii* повлекло за собою какое-нибудь измѣненіе въ римскихъ религіозныхъ учрежденіяхъ. На чемъ же первоначально былъ основанъ отказъ патриціевъ въ этомъ *jus connubii*? Безъ-сомнѣнія, на тѣхъ же самыхъ причинахъ, по которымъ и у всѣхъ другихъ народовъ такъ-называемые неравные браки составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Вездѣ въ аристократическихъ гостинныхъ можно слышать и теперь

(18) Каждый родъ имѣлъ у римлянъ своихъ фамильныхъ боговъ. Каждый, принадлежавшій къ роду, имѣлъ не только право, но и обязанность участвовать въ этихъ *sacra privata*, или *gentilicia*. Для этой цѣли *gentes* (фамиліи) имѣли свои *sacella* (часовни) или приносили жертвы въ какомъ-нибудь общественномъ храмѣ. Объектомъ этого фамильнаго культа былъ почти всегда какой-нибудь герой, отъ котораго родъ велъ свое начало, или божество, считавшееся покровителемъ этого рода.

(19) Liv. *ibid.* Послѣдней цѣли они достигли только вполонину, потому-что хотя предложеніе о правѣ плебеевъ дѣлаться консулами и не было принято, но за-то патриціи должны были согласиться на учрежденіе новаго званія, именно, военныхъ трибуновъ съ консульскою властью (*tribuni militares consulari potestate*).

слово *mésailance*, заимствованное изъ лексикона того народа, который имѣлъ такое множество своихъ Канулеевъ. Итакъ, слова автора: «патриціи соединялись взаимными браками даже съ чуждыми племенами и отказывали въ этомъ правѣ только плебеямъ до самаго канулеева закона» объясняются очень-просто. Не споримъ, что между плебеями было много людей, которые не уступали своею знатностью патриціямъ, но въ Римѣ эти люди были знатны только по своимъ воспоминаніямъ, и нѣтъ ничего страннаго, что римскій патрицій не хотѣлъ выдавать дочь свою замужъ за челоуѣка, лишеннаго всѣхъ политическихъ правъ.

Отчего, спрашиваетъ вслѣдъ за этимъ авторъ (стр. 2), въ эту замкнутую общину патриціевъ принимались чужестранцы, даже цѣлыя массы иностранцевъ и не принимались плебей? Изъ примѣчанія автора къ этому мѣсту (примѣч. 44) видно, что, подъ цѣлою массою иностранцевъ, онъ разумѣлъ переселеніе въ Римъ сабинца Аппія Клавдія съ толпою своихъ друзей и домохадцевъ (*ἑταίρειαν δὲ καὶ δῦναμιν φίλων καὶ οἰκείων ἔχων*. Plut. Public.). Мы не стали бы спорить съ авторомъ въ томъ, что не только самъ Аппій Клавдій, но и его друзья, родичи (gentiles) и домохадцы были приняты въ Римъ въ сословіе патриціевъ, еслибъ этому не противорѣчила исторія. Извѣстно, что между многими отраслями фамиліи Аппія Клавдія существовали не только патриціискія (напримѣръ Клавдіи Нероны, Pulchri и т. д.), но и плебейскія отрасли, напримѣръ Клавдіи Марцеллы. Въ защиту одного изъ нихъ, Марка Клавдія Марцелла, приверженца Помпея, мы имѣемъ рѣчь Цицерона, наполненную непоумѣрною лестью Цезарю. Замѣтимъ, впрочемъ, что дѣло здѣсь не въ числѣ принятыхъ, а въ томъ, что примѣръ Аппія показываетъ намъ существованіе факта принятія знатныхъ иностранцевъ въ общину патриціевъ. Но чтò же необыкновеннаго въ этомъ фактѣ и какое отношеніе имѣетъ онъ къ плебеямъ? Аппій переселился въ Римъ добровольно, между-тѣмъ какъ на плебеевъ патриціи смотрѣли какъ на сословіе, происшедшее изъ народовъ побѣжденных и неполучившее одинаковыхъ правъ съ побѣдителями. Вотъ почему, какъ мы уже видѣли, плебей составили собою въ Римѣ массу народа, чуждую господствующему сословію и лишенную первоначально всѣхъ правъ и возможности принимать какое-либо участіе въ государственномъ управленіи. Желая, безъ всякаго, впрочемъ, достаточнаго повода, увеличить эту массу иностранцевъ, принятыхъ вмѣстѣ съ Аппіемъ Клавдіемъ въ число патриціевъ, авторъ приводитъ (въ томъ же примѣчаніи) свидѣтельство Діонисія (V, 40), изъ котораго видно, что, кромѣ друзей и родственниковъ, Аппій привелъ съ собою въ Римъ также множество кліентовъ, и затѣмъ прибавляетъ: «все это, какъ кажется, не иное чтò, какъ переселеніе одной партіи недовольныхъ патриціевъ». Какъ? неужели, по мнѣнію автора, и кліенты Аппія были приняты въ Римъ въ сословіе патриціевъ? Повѣрятъ ли читатели, что авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно и отвѣчаетъ такъ не по не-

досмотру, а потому, что такой странный ответ прямо вытекает из его теории. По этой теории, сабинцы Ании и его спутники не потому были приняты в господствующее сословие, что они были знатны или незнатны, а потому, что принадлежали к той же религии, которой держались патриции. Действительно, это принятие Ании в число патрициев, равно-какъ и предание о томъ, что то же самое случилось съ некоторыми изъ подданныхъ сабинскаго царя Тация, заставило нашего автора допустить въ концѣ своего разсужденія (стр. 47) тождество сабинской религии съ первоначальною квинтскою или патрицискою. «Мы признаемъ (говоритъ онъ), что сабины, какъ родственники по религии, принимали большое участіе въ развитіи квинтской вѣры». Какой же выводъ изъ всего этого? Тотъ, что всякому оборванному сабинскому простолыдину готово было мѣсто въ рядахъ римскихъ патрициевъ!

Мы коснулись здѣсь только главныхъ положеній автора, высказанныхъ имъ въ введеніи къ своему сочиненію, и показали всю непрочность матеріала, изъ котораго онъ вадумалъ перестроить развалины древнѣйшей римской исторіи. Но это введеніе заключаетъ въ себѣ, кроми-того, еще много частностей, которыя съ первыхъ уже строкъ поражаютъ читателя своею странностью. Къ такимъ странностямъ мы относимъ, напримѣръ, начальныя слова введенія: «Римскіе патриции говорятъ о себѣ, уже при первыхъ зачаткахъ Рима, какъ о племени, издревле осѣдомъ и живущемъ въ фамильномъ быту. Они ставятъ себя такимъ образомъ въ противоположность къ плебеямъ, чуждымъ всякихъ родовыхъ связей». Это мѣсто очень-темно, и его темнота происходитъ главнымъ образомъ, какъ намется, оттого, что самъ авторъ не постарался дать себѣ яснаго отчета въ словахъ своихъ. Мы недоумѣваемъ, какіе патриции сообщили нашему автору о томъ, что они были племенемъ издревле осѣдлымъ и живущимъ въ фамильномъ быту? Въ прилѣчаніи къ этому мѣсту г. Крюковъ прибавляетъ: «мы говоримъ «патриции», ибо всѣ источники римской исторіи образовались подъ ихъ вліяніемъ», и затѣмъ цитуетъ всѣ сказки объ основаніи Рима, приводимыя Діонисіемъ, Плутархомъ и Ливіемъ. Такъ вотъ какіе патрициевъ разумѣетъ нашъ авторъ! Онъ очевидно имѣлъ въ виду лѣтописъ великихъ жрецовъ (*Annales maximi*), которые, какъ извѣстно, долгое время были единственными историками Рима, и полагаемъ, что всѣ свои сказки названные писатели заимствовали изъ этого источника. Но кто же вѣритъ этому въ наше время? Жреческая лѣтопись, несмотря на всѣ свои недостатки, на всю свою ничтожность въ литературномъ отношеніи, была, однако, драгоценнымъ матеріаломъ, которымъ не стужали воспользоваться древніе историки, передавшіе намъ повѣсть о началѣ Рима. Еслибы это было иначе, то, вмѣсто историческаго эпоса, мы имѣли бы настоящую исторію этой эпохи Рима, или нечто похожее на исторію. Въ томъ-то и дѣло, что древніе историки не воспользо-

важнѣе, какъ слѣдуетъ, сухими и отрывочными, но тѣмъ неменѣе драгоценными замѣтками о римской старинѣ, которыя, будучи переданы лѣтописью, въ рукахъ болѣе-опытныхъ и критическихъ писателей легко могли воссоздаться въ вѣрную картину прошедшаго. Нѣкоторые ученые старались оправдать древнихъ историковъ тѣмъ, что жреческая лѣтопись погибла во время галльской катастрофы, и что они по этому не могли воспользоваться этимъ важнымъ историческимъ матеріаломъ. Впрочемъ, этотъ любопытный вопросъ требуетъ подробнаго разсмотрѣнія, которое мы отлагаемъ, за недостаткомъ мѣста, до другаго удобнаго случая. Возвращаемся къ словамъ автора и снова спросимъ: какъ понимать замѣчаніе его о томъ, что «патриціи были уже при первыхъ зачаткахъ Рима племенемъ *издревле осёдломъ* и живущимъ въ *фамильномъ быту*?» Въ какихъ мѣстахъ они были племенемъ *издревле осёдломъ*? Авторъ не опредѣляетъ намъ этого, и иной читатель можетъ съ полнымъ правомъ заключить изъ словъ его, что патриціи населяли Палатинскій Холмъ задолго до Ромула, который, по преданію, основалъ на немъ, вмѣстѣ съ албанскими выходцами, свое небольшое вначалѣ государство. Не-уже-ли таково дѣйствительно было мнѣніе автора? И что значить замѣчаніе: «патриціи уже *издревле* жили въ *фамильномъ быту* въ противоположность къ плебеямъ, чуждымъ всякихъ родовыхъ связей?»—то ян, что первоначальные патриціи происходили отъ какого-нибудь общаго родоначальника и всѣ находились между собою въ родственныхъ связяхъ? Авторъ, какъ кажется, дѣйствительно такъ представлялъ себѣ происхожденіе патриціевъ. Не находя поддержки для этого страннаго мнѣнія въ исторіи Рима, авторъ вздумалъ заимствовать свои доказательства для его оправданія изъ латинскаго языка. «Самый языкъ (говоритъ онъ) подтверждаетъ это мнѣніе; ибо, называя патриціевъ *ropulus*, онъ выражаетъ тѣмъ самымъ понятіе о такомъ обществѣ, которое выросло, наподобіе растенія, изъ одного зерна, между-тѣмъ, какъ подъ именемъ *plebs* разумѣетъ онъ массу людей, происшедшую чрезъ высшее приращеніе». Допустимъ, что слово *ropulus* первоначально относилось исключительно къ однимъ только патриціямъ; но откуда взялъ авторъ, что это слово *ropulus* значило когда-нибудь въ латинскомъ языкѣ *побѣгъ, отпрыскъ*, и что оно происходитъ отъ прошедшаго времени глагола *perulo* (*peruli*)? Такое производство, недопускаемое уже просодіею, совершенно напоминаетъ собою первые этимологическіе приемы только-что начинавшей науки, которые мы находимъ, наприимѣръ, у Макробія, Сервія, Феста и другихъ древнихъ грамматиковъ. Во всякомъ случаѣ, оно неудачнѣе даже старинныхъ производствъ слова *ropulus* отъ *polis*, *polis* и другихъ подобныхъ этимологическихъ рѣдкостей.

Вообще начальныя слова введенія такъ невразумительны и темны, что трудно съ точностью опредѣлить, какое представленіе имѣлъ авторъ о патриціяхъ и плебеяхъ. Положительно можно только сказать, что патриціи, по его мнѣнію, были первобытными жителями Рима. Но ка-

кой же смысл имѣютъ послѣ этого слова, которыми оканчивается первое примѣчаніе, а именно, что «городъ Римъ былъ первоначально го-родомъ рѣшительно плебейскимъ»? Если не всегда можно требовать особенной гениальности отъ автора даже и тогда, когда онъ рѣшается пересоздавать науку, то, во всякомъ случаѣ, можно и должно требовать отъ него, по-крайней-мѣрѣ, осмотрительности и вниманія къ своимъ словамъ.

Къ числу странностей введенія мы должны также отнести значеніе, произвольно-приданное авторомъ словамъ *квиритъ* и *квиритскій*, которыя вездѣ являются у него синонимами словъ: *патрицій* и *патриційскій* (20). Прежде чѣмъ придать этимъ словамъ такое исключительное значеніе, г. Крюкову слѣдовало бы привести на то достаточныя причины, но онъ не дѣлаетъ этого, по своему обыкновенію. Нашъ авторъ не обращаетъ даже никакого вниманія на то, что его объясненіе этихъ словъ находится въ совершенномъ противорѣчій съ показаніями тѣхъ самыхъ источниковъ, которыми онъ придаетъ такой вѣсъ. Такъ въ той же самой рѣчи Канулей, изъ которой онъ заимствовалъ главное свое доказательство предполагаемаго имъ различія въ первобытной религіи патриціевъ и плебеевъ, послѣдніе называются *квиритами*. Вотъ начало рѣчи, съ которою Канулей обратился къ плебеямъ въ народномъ собраніи: «*Quam-
to orege vos, Quirites, contempnent patres, quam indignos ducerent*» и проч. Нужно ли прибавлять, что здѣсь подъ *patres*, очевидно, разумѣются патриціи и противопологаются *квиритамъ-плебеямъ*?

Н. ВЛАГОВЪЩЕНСКІЙ.

(20) Мы еще возвратимся къ слову *Квиритъ*.

IV.

НОВЫЯ КНИГИ.

Стихотворенія Я. П. Полонскаго. Санктпетербургъ. 1855. 226 и VIII стр. Въ тип. И. Фишона.

Опредѣлить мѣсто г. Полонскому въ ряду русскихъ поэтовъ довольно-трудно: отличительныя особенности его музы не такъ рѣзки, какъ у другихъ. Мы можемъ, однакожъ, отмѣтить главное свойство его поэзіи: искренность, теплоту чувства, болѣе тихаго, нежели глубокаго, болѣе личнаго, нежели общечеловѣческаго. Граціозность образовъ у него преобладаетъ надъ глубиною ощущеній, музыка стиха надъ развитіемъ мысли, отдѣлка частностей надъ твердостью основанія; поэтъ скорѣе тронетъ, чѣмъ поразитъ или увлечетъ...

Въ особенную заслугу г. Полонскому поставимъ мы прежде всего отсутствіе въ его стихотвореніяхъ общихъ мѣстъ, давно-заученныхъ фразъ, избитыхъ, истертыхъ предметовъ пѣснопѣнія, обветшалыхъ чувствъ, полинялыхъ картинъ, запыленныхъ мыслей. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобъ поэтъ воспѣвалъ что-нибудь новое—нѣтъ, содержаніе его стихотвореній взято изъ окружающаго насъ, обыденнаго міра; но г. Полонскій придаетъ новый колоритъ этимъ предметамъ, освѣщаетъ ихъ новымъ свѣтомъ, смотритъ на нихъ иначе, нежели смотрѣли другіе. Онъ не повторяетъ того, что было уже столько разъ сказано и пересказано, не твердитъ того, что уже надоѣло слушать, чему перестали вѣрить. Попадаются у него, конечно, и новыя варьяціи на старую тѣму, но въ подобныхъ случаяхъ тѣмы этой почти не слышать за блистательными варьяціями... Впрочемъ, все дѣло въ томъ, какъ передать тѣму. Написалъ же Глинка для полнаго оркестра «Камаринскую», и какъ написалъ!

Въ новомъ собраніи стихотвореній г. Полонскаго помѣщены почти всѣ мелкія произведенія его, вышедшія прежде и недавно. Начиная съ 1844 года, когда появились его первыя стихотворенія, всего тридцать-двѣ пьесы, подъ общимъ названіемъ «Гаммы», г. Полонскій издалъ четыре книжки своихъ стиховъ: «Гаммы», «Собраніе стихотвореній», «Сазандаръ» и «Тифлисскія стихотворенія». Новое, пятое собраніе за-

ключаетъ въ себѣ всѣ лучшія произведенія, помѣщавшіяся въ первыхъ четырехъ книжкахъ. Соглашаясь, что всѣ стихотворенія, исключенныя авторомъ изъ новаго собранія, хотя и напечатанныя въ прежнихъ сборникахъ, были действительно слабы, мы пожалѣемъ только объ исключеніи одного изъ нихъ: *Кумирь* («Гаммы», стр. 40).

По нашему мнѣнію, г. Полонскій едва-ли имѣетъ соперниковъ въ произведеніяхъ чисто-лирическихъ, пѣсенныхъ, въ которыхъ форма, выраженіе играютъ главную роль. Его мелкія лирическія стихотворенія обыкновенно полны, ясны, законченны и особенно отличаются граціозностью. Многія изъ нихъ такъ и просятся быть переложенными на музыку. Къ этому отдѣлу принадлежатъ слѣдующія пьесы: «Разкажи волнѣ», въ которомъ волны говорятъ про красавицу, спящую вѣчно и непробудно на пескѣ моря, подъ бахромою изъ морскихъ травъ; «Качка въ бурю» — граціозное стихотвореніе, въ которомъ поэтъ описываетъ, какъ спокойно спалось ему во время сильной бури, когда кораблю грозила опасность, какъ снилось ему то качанье колыбели въ гѣта дѣтства, то другія, болѣе-отрадныя воспоминанія, въ годы молодости. Приводимъ окончательныя строфы:

Просыпаюсь... Что случилось?
 Что такое? Новый шквалъ? —
 «Плохо — стеньга обломилась,
 Рулевой упалъ.»

—
 Что же дѣлать? что могу я?
 И, ввѣряясь кораблю,
 Вновь я легъ и вновь дремлю я...
 Закачало — сплю.

—
 Снятся мнѣ: я свѣжъ и молодъ,
 Я влюбленъ, мечты кипятъ...
 Отъ зарн роскошный холодъ
 Проникаетъ въ садъ.

—
 Скоро ночь — темнѣють ели...
 Слышу ласково-живой
 Тихій лепетъ: «На качели
 Сядемъ, милый мой!»

—
 Стань ея полувоздушный
 Обвила моя рука,
 И качается послушно
 Зыбкая доска...

—
 Просыпаюсь... Что случилось?
 «Руль оторванъ; черезъ носъ

Вдоль волна перекадилась,
Унесенъ матросъ!»

—
Что же дѣлать? Будь что будетъ!
Въ руки Бога отдаюсь:
Если смерть меня разбудитъ —
Я не здѣсь проснусь!

Въ «Зимнемъ Пути» тѣ же достоинства. Холодной зимней ночью поэту мерещатся странные сны его дѣтства: стеклянные дворцы съ жаръ-птицами, золотыми плодами, ключами живой и мертвой воды. Это стихотвореніе написано въ 1844 году; ровно черезъ десять лѣтъ поэтъ написалъ другое, «Колокольчикъ», въ которомъ та же зимняя дорога, та же ночь, «смотрящая милліонами тусклыхъ очей» въ кибитку поэта; но мысль стихотворенія уже гораздо-глубже, талантъ его развился больше; онъ вѣрнѣе смотритъ на жизнь; ему снятся уже не одни дѣтскіе сны. Въ звонѣ колокольчика ему слышится сначала страстный голосъ, который поэтъ:

Ахъ когда-то, когда-то мой милый прійдетъ
Отдохнуть на груди у меня!
У меня ли не жизнь! Чуть заря на стеклѣ
Начинаетъ съ морозомъ лучами играть,
Самоваръ мой кипитъ на дубовомъ столѣ,
И трещитъ моя печь, озаряя въ углѣ
За цвѣтной занавѣской кровать.

Вдругъ картина перемѣняется: въ звонѣ колокольчика слышится уже грустный голосъ; пѣсня полна боязни и опасенія, что старый другъ можетъ войти неожиданно въ комнату, которая сдѣлалась и скучна, и тѣсна, и темна; голосъ поэтъ:

Что за жизнь! Полинялъ пестрый полога цвѣтъ;
Я больная брожу и не ѣду къ роднымъ;
Побранить меня нѣкому — милаго нѣтъ...
Лишь старуха ворчитъ, какъ приходитъ сосѣдъ,
Оттого, что мнѣ весело съ нимъ.

Нѣсколько похоже на «Колокольчикъ» стихотвореніе «Дорога»; только въ немъ поэтъ самъ груститъ о томъ, что у него нѣтъ пѣсни на черный день. Въ томъ же родѣ написаны пьесы: «Маска», «Въ глуши», гдѣ поэтъ находитъ красавицу и спрашиваетъ:

Для кого расцвѣла? для чего развилась?

«Весна», въ которомъ прекрасно выражено пробужденіе земныхъ силъ въ то время, когда человѣка клонитъ ко сну, потому-что нужда за-садила его за тяжелую работу; «Птичка», въ которомъ поэтъ, сказавъ, что птичка поэтъ «въ небесахъ, но не для неба, для земли, но не ради хлѣба», досадуетъ, что гордому сердцу приходится порой завидо-

вать долъ полевой птички; «Спасибо», въ которомъ поэтъ благодаритъ холодную женщину за то, что она вызвала, по-крайней-мѣрѣ, его сердце на борьбу и новыя раны, потому-что

Все же лучше буря жизни,
Чѣмъ могила и покой...

Лучшее изъ стихотвореній этого рода, по глубинѣ чувства, безъ-сомнѣ-нiя, «Затворница». Поэтъ говоритъ:

Въ одной знакомой улицѣ
Я помню старый домъ —
Съ высокой, темной лѣстницей,
Съ завѣшеннымъ окномъ.

Послѣ дома слѣдуетъ описанiе живущей въ немъ затворницы:

И что за чудо дѣвушка
Въ завѣтный часъ ночной
Меня встрѣчала блѣдная
Съ распущенной косой!

—
Какія рѣчи дѣтскiя
Она твердила мнѣ
О жизни неизвѣданной,
О дальней сторонѣ!

Въ рѣчахъ этихъ дѣйствительно много дѣтскаго: она проситъ поэта бѣжать отъ гордаго свѣта, «куда ей нѣтъ возврата, гдѣ нѣтъ людей прощающихъ»; но въ то же время сколько истиннаго чувства въ этихъ словахъ, во всемъ стихотворенiи!

Къ стихотворенiямъ этого же рода должно отнести еще одно: «Солнце и мѣсяцъ», написанное въ формѣ дѣтской сказки, хотя мысль въ немъ вовсе не дѣтская. Солнце, уставъ день-деньской бродить по небу, ложится отдыхать и проситъ мѣсяцъ обойти съ фонаремъ ночью земной край, посмотрѣть, что дѣлаютъ люди. Утромъ солнце спрашиваетъ мѣсяцъ, отчего онъ такъ блѣденъ, и прибавляетъ отъ себя:

Если ночь была спокойна —
Солнце весело взойдетъ.
Если жъ нѣтъ — взойдетъ въ туманѣ;
Вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня—
И дитя не поведетъ.

Второй родъ стихотворенiй г. Полонскаго состоитъ изъ пьесъ интимныхъ, личныхъ, въ которыхъ описывается какой-нибудь частный случай изъ жизни, изъ ощущенiй, изъ наблюденiй поэта. То напоминаетъ онъ, какъ ему въ младенчествѣ являлся ангелъ, съ грустью смотрѣвшiй на него, потому-что провидѣлъ грядущее (стих. *Ангель*); то цыганка поетъ ему свою страстную пѣсню, думая о томъ,

Кто-то завтра, соколы мой
 На груди моей развяжетъ
 Узель, стянутый тобой? (*Пѣсня Цыганки*);

то вспоминаетъ, какъ, на пароходѣ, его спутница желала, чтобъ поднялась буря, чтобъ успокоить бурю своей души (*Воспоминаніе*); то медлитъ признаніемъ въ любви, потому-что

Кто къ лицемѣрью привыкъ,
 Тому нужна привычка къ счастью;

то встрѣчается съ милымъ, но погибшимъ созданіемъ, которое проситъ его, ради Бога, не вспоминать о прошедшемъ (*Встрѣча*); то докторъ видя, что онъ блѣденъ, совѣтуетъ ему воздухъ и движеніе въ то время, какъ на него сердится вся семья, а въ темномъ углу, опушта голубые глаза, плачетъ блондинка; то прощается съ кѣмъ-то, говоря, что ему легче было лицемѣрить, чѣмъ вѣрить ей сердцу (*Прости*), или молча слушаетъ соловья въ часъ прощанья, вмѣсто того, чтобъ говорить о прошломъ (*Последній разговоръ*); то пишетъ письмо, *Къ ней*, ночью, сомнѣваясь, дойдетъ ли оно до нея нераспечатаннымъ, позволятъ ли, захочетъ ли она сама отвѣчать ему. Всѣ эти стихотворенія слабѣе пьесъ перваго рода.

Древній міръ немного далѣе г. Полонскому. Всего четыре стихотворенія относятся къ эпохѣ, въ которой г. Щербина нашелъ такой богатый родникъ вдохновенія: «Статуя», «У Аспазія», «Весталка», «Взятіе Мемфиса». Изъ нихъ *Весталка* проникнута истинною страстью; но лучшее стихотвореніе—*Статуя*, въ которомъ поэтъ говоритъ объ Элладѣ съ одушевленіемъ. Прекрасно также стихотвореніе «Факиръ». Въ этой пьесѣ звучными, гармоническими стихами обрисована Индія съ ея чудовищнымъ религіознымъ фанатизмомъ.

Но если г. Полонскій мало заимствовалъ у древнихъ, то еще менѣе взялъ у новѣйшихъ. Всего два стихотворенія заимствовано имъ у иностранныхъ поэтовъ и то одно изъ нихъ не переводъ, а подражаніе. Впрочемъ, оба они (*Изъ Гейне* и *Рыбакъ*, изъ Гёте) могли бы остаться въ портфель автора, вмѣстѣ съ четырьмя пьесами, которыя намъ рѣшительно не нравятся. Это: «Старушка», мысли которой мы не понимаемъ; пьеса, начинающаяся стихомъ: «Какъ Ромео, когда въ роскошномъ снѣ» и два стихотворенія: «Ночь въ горахъ Шотландіи» и «Мраморное сердце»; написанныя неизвѣстно какими разиѣромъ. Вотъ прииѣръ:

Ты назвала мое сердце
 Мраморнымъ сердцемъ...
 Знаешь ли —
 Тайно желая меня уколотъ,
 Ты похвалу мнѣ сказала,
 Бѣдный ребенокъ!

На эти quasi-стихи мы можем отвѣчать подобными же :

Эти короткія строки
Ты назвалъ стихами.
Знаешь ли —
Это не только не стихъ,
Даже и проза плохая,
Жалкая проза!

Слабы у него также послѣднія двадцать стихотвореній, слѣдующія за татарскими пѣснями, посвященными одному татарскому поэту (къ-чему эти посвященія?) и взятыя изъ *Сазандара* и *Тифлисскихъ стихотвореній*. Мѣстный колоритъ переданъ въ нихъ очень-вѣрно, но онъ не можетъ быть для насъ интересенъ. Эти стихотворенія легко могли бы быть исключены изъ книги г. Полонскаго, вмѣстѣ съ тремя пьесами въ томъ же родѣ, помѣщенными въ началѣ книги: «Имеретинъ», «На пути изъ-за Кавказа» и «Старый Сазандаръ». Въ послѣднемъ, впрочемъ, очень-хорошо передана грузинская философія стихами :

Пока у насъ довольно хлѣба,
И есть еще кувшинъ вина —
Не раздражай слезами неба
И знай — тоска твоя грушна.

Изъ этихъ грузинскихъ стихотвореній мы сохранили бы только одно «Агбаръ», въ которомъ прекрасно характеризуется вся дикость восточныхъ нравовъ. Не можемъ не замѣтить также г. Полонскому, что мы съ сильнымъ неудовольствіемъ встрѣтили въ его «Прогулкѣ по Тифлису» слѣдующій каламбуръ:

Въ Тифлисѣ просто нечему горѣть,
Здѣсь можно только загорѣть.

Такіе каламбуры, умѣстные въ водевиляхъ, недостойны поэзіи. Есть у г. Полонскаго и другіе недостатки въ стихахъ: неточныя эпитеты, изысканныя и иногда неправильныя выраженія, но онѣ такъ незначительны въ-сравненіи съ правильными и звучными стихами, что мы не считаемъ нужнымъ отмѣчать ихъ.

Вообще острота, иронія несвойственны таланту г. Полонскаго. Въ его тихой, немножко-грустной музѣ нѣтъ ничего сатирическаго, карающаго, ювеналовскаго. Во стѣ стихотвореніяхъ мы нашли только два ироническія, насмѣшливыя. Въ одномъ изъ нихъ (*Новый Лауръ*, сонетъ) поэтъ говоритъ одной дамѣ, вышедшей за богатаго дурака:

Не ты ли назвала его карикатурой?
Но, впрочемъ, Богъ съ тобой! Кажись ему женой,
Какъ ты до сей поры казалась мнѣ Лаурой!

Въ другомъ стихотвореніи, начинающемся стихомъ :

Вчера за васъ погибъ онъ на дуэли,

даже больше затаенной грусти, чѣмъ злобы. Мысль пьесы заключается въ слѣдующихъ стихахъ:

И жизнь, когда она казалась такъ ничтожна,
Что стоило ему за васъ ее отдать!

Назовемъ теперь еще девять очень-замѣчательныхъ стихотвореній, которыя не подходятъ ни къ одному изъ родовъ, названныхъ нами, и предметомъ которыхъ служатъ картины природы или общечеловѣческія чувства. Вотъ эти пьесы: «Переходъ черезъ Нѣманъ», «Жалоба», «Лунный свѣтъ», «Узникъ», «Бѣда-Проповѣдникъ», «Зари догорающей пламя», «О, подыми свое чело», «Уже надъ ельникомъ изъ-за вершинъ колючихъ» и «Смерть малютки». Разборъ этихъ пьесъ показалъ бы намъ много блестящихъ сторонъ дарованія г. Полонскаго, много прекрасныхъ, полныхъ чувства стиховъ, но мы уже и такъ вышли изъ предѣловъ библиографической статьи. Не можемъ, однакожъ, отказать себѣ въ удовольствіи привести, какъ намъ кажется, болѣе всѣхъ пречувствованное стихотвореніе: «Смерть малютки»:

Свою куклу раздѣла малютка
И покрыла ее лоскуткомъ;
А сама нарядалась, какъ кукла,
И не дѣтскимъ забылася сномъ.

И не видитъ малютка изъ гроба
Въ этотъ солнечный день, при свѣчахъ,
Какъ хороша ея маленький гробикъ
Подъ парчей золотой, въ цвѣтахъ.

А ужъ какъ бы она любовалась,
Еслибъ только могли разбудить!...
Милый другъ, будемъ плакать, какъ дѣти,
Чтобъ не дѣтское горе забыть!

Послѣ всего сказаннаго о г. Полонскомъ, считаемъ излишнимъ дѣлать общій выводъ о степени его дарованія, думая, что какъ приведенная нами выше отѣнка его поэтическихъ свойствъ, такъ и подробный разборъ лучшихъ пьесъ его достаточно объясняютъ значеніе его въ русской поэзіи и отличительныя свойства его таланта. Остается прибавить, что поэтъ, избравъ для себя однажды скромный путь, на которомъ онъ могъ сдѣлать и сдѣлалъ много хорошаго, шелъ по этомъ пути, не уклоняясь отъ однажды-избранной имъ цѣли, не стремился къ извѣстности, въ погоню за которой можно часто упасть очень низко, душой поднимаясь очень-высоко; не увлекался корыстными, непозитическими видами, не воспѣвалъ золотыхъ кумировъ и тельцовъ, не мѣнялъ своему назначенію, не маралъ фиگارетомъ, высокаго званія истиннаго поэта. За то ему и честь и слава!

АКТЪ восьмага выпуска студентовъ Главнаго Педагогическаго Института, 20-го июня 1855 года. Санктпетербургъ. 1855. Въ типографіи Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 22 и 40 стр.

Подъ этимъ заглавіемъ соединены въ одну брошюру: *Отчетъ о Главномъ Педагогическомъ Институтѣ съ 1853 по 1855 учебныя годы* и рѣчь экстраординарнаго профессора Института Ст. Ис. Лебедева, *О впечатлѣніи трагедіи древней и новой.*

Нынѣшній восьмой выпускъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института — первый выпускъ, состоящій изъ юношей, получившихъ начальное образованіе не въ самомъ Институтѣ, какъ было прежде, но поступившихъ въ него уже изъ среднихъ учебныхъ заведеній, свѣтскихъ и духовныхъ, *прямо на факультеты.* Выпускъ этотъ состоитъ изъ 28-ми человекъ, изъ которыхъ только три оставили Институтъ съ званіемъ младшихъ учителей гимназій, а прочіе 25 удостоены званія старшихъ учителей, и четыре изъ нихъ получили, сверхъ того, золотыя медали, а 10—серебряныя. Чтобы вполнѣ понять краснорѣчивое значеніе этихъ цифръ, надо принять въ соображеніе, что удостоиваются званія старшихъ учителей только тѣ студенты Института, которые на окончательномъ испытаніи получили во всѣхъ предметахъ отличныя отмѣтки и у кого, въ общемъ числѣ балловъ по главнымъ факультетскимъ предметамъ, среднее число не менѣе $4\frac{1}{2}$. Кто получить отмѣтку за поведеніе менѣе 5, или у кого по одному изъ главныхъ предметовъ отмѣтка 0 или 1, тотъ, хотя бы имѣлъ по всѣмъ предметамъ среднее число балловъ $4\frac{1}{2}$, не можетъ быть выпущенъ съ званіемъ старшаго учителя. Замѣтимъ также, что удостоенные этого званія 25 отличныхъ воспитанниковъ послѣдняго выпуска составляютъ *болѣе одной пятой части* общаго числа воспитанниковъ во всѣхъ четырехъ курсахъ Института. Прибавимъ къ этому, что изъ 94 студентовъ первыхъ трехъ курсовъ, на годичномъ испытаніи получили въ общемъ результатъ не менѣе $3\frac{1}{2}$ балловъ и переведены въ высшіе курсы—86 человекъ. Такимъ образомъ оказывается, что Главный Педагогическій Институтъ, имѣя 122 воспитанника, успѣлъ привести къ предполагаемой цѣли 111 воспитанниковъ! Результатъ блистательный, свидѣтельствующій о высококомъ развитіи системы воспитанія въ томъ учебномъ заведеніи, въ которомъ онъ достигнутъ. Подобный результатъ не можетъ не обратитъ на себя вниманія опытныхъ педагоговъ и, вѣроятно, возбудитъ въ нихъ желаніе изучить тѣ средства, которыми онъ достигнутъ. Эти средства должны, конечно, заключаться въ счастливомъ соединеніи наилучшаго метода преподаванія наукъ съ разумною системою воспитанія нравственнаго, потому-что, при современномъ весьма-удовлетворительно-разъясненномъ состояніи вопроса о методѣ преподаванія, большая часть неудачъ въ педагогической дѣятельности объясняется обыкновенно недостаточностью системъ нрав-

ственного воспитанія. Въ высшей бы степени интересно узнать тѣ подробности ежедневнаго внутренняго быта студентовъ Главнаго Педагогическаго Института, въ которыхъ выразилась такъ очевидно—оправданная опытомъ система нравственнаго воспитанія, упрочивающая въ юношахъ стремленіе къ серьезнымъ занятіямъ и позволяющая признавать полный успѣхъ образованія только при полномъ баллѣ (5) за поведеніе. Подобныхъ свѣдѣній нѣтъ, и мы не имѣемъ права искать въ разсматриваемомъ «Отчетѣ», читанномъ на актѣ; но лица, близкіе знакомы съ устройствомъ Главнаго Педагогическаго Института, вѣроятно, не захотятъ оставить неразрѣшеннымъ столь важный вопросъ, невозможно—представляющійся уму каждого опытнаго въ дѣлѣ воспитанія читателя «Отчета». Въ ожиданіи полнаго рѣшенія этого вопроса, представляемъ тѣ относящіяся къ нему факты, которые ученый секретарь, г. А. Смирновъ, изложилъ въ своемъ краткомъ очеркѣ состоянія Института съ 1853 по 1855 учебные годы.

«Всѣ обстоятельства жизни студентовъ (говоритъ онъ) предусмотрительно обсуждены и вся дѣятельность ихъ, учебная и домашняя, опредѣлена инструкціею до малѣйшихъ подробностей. На основаніи § 98 Устава, въ классахъ и репетиціонныхъ залахъ, для вѣщаго наблюденія за порядкомъ, назначены изъ студентовъ старшіе, въ помощь комнатнымъ надзирателямъ; для встрѣчи начальниковъ и посѣтителей учреждено между студентами специальныхъ (двухъ высшихъ) курсовъ дежурство. Такая регулярная и къ одной цѣли направленная дѣятельность молодыхъ людей не только предохраняетъ ихъ отъ безпорядковъ, проистекающихъ отъ случающагося иногда несчастьяго уклоненія молодыхъ людей съ прямого пути, когда они предоставляются самимъ себѣ, но существенно помогаетъ будущему назначенію педагоговъ: наука воспитанія у нихъ не остается въ теоріи, но входитъ въ жизнь съ ихъ же собственнаго примѣра. Для приученія студентовъ къ осмотрительности и наблюденію за самими собою, равно и къ принятымъ въ обществѣ правиламъ, заведены въ Институтѣ *кондуктныя списки*, въ которые вносится всякій значительный поступокъ ихъ, и желаніе сохранить доброе имя и честь незапятнанною предостерегаетъ ихъ болѣе всего отъ забвенія своихъ обязанностей. Кондуктныя списки, ежегодно, при окончательномъ сужденіи о переводахъ и *удостоеніи* (чего?) при выпускахъ, принимаются въ уваженіе и имѣютъ рѣшительное вліяніе на опредѣленіе достоинства студента» (29 стр.).

Этимъ простыми указаніями на *инструкцію*, на *комнатныхъ надзирателей* и на *кондуктныя списки* ограничиваются всѣ данныя «Отчета» о системѣ нравственнаго воспитанія въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Хотя вопросы о содержаніи этихъ инструкцій, о характерѣ дѣятельности комнатныхъ надзирателей и о способѣ веденія кондуктныхъ списковъ, безспорно, важнѣе и интереснѣе излагаемыхъ г-мъ Смирновымъ свѣдѣній о внѣшней, неотносящейся до Института дѣятельности профессоровъ и адъюнктовъ, о состояніи бібліотеки и прочихъ учебныхъ пособій Института и перечневаго исчисленія сотнч

заглавій пробныхъ лекцій, разсужденій и другихъ работъ студентовъ; но недостатокъ и избытокъ фактовъ того или другаго рода во всякомъ сочиненіи объясняется основною цѣлю труда, и если въ разсматриваемомъ «Отчетѣ» мы не находимъ объясненія средствъ, которыми достигнуты представленныя въ немъ результаты, то этиъ доказываются только, что составитель «Отчета» не имѣлъ въ виду подобнаго объясненія и руководился иными побужденіями. Основываясь на *заключеніи* «Отчета», можно опредѣлить эти побужденія желаніемъ, представить ясныя доказательства того, что Главный Педагогическій Институтъ въ послѣднее двухлѣтіе *сдѣлалъ ощутительные успѣхи въ своемъ стремленіи къ предназначенной ему цѣли.*

«Система устройства Института (говорить въ этомъ *заключеніи* г-нъ Смирновъ), какъ заведеніи спеціального, довершилась учрежденіемъ спеціальныхъ (историческаго и филологическаго) отдѣленій; преподаваніе учебныхъ предметовъ, опредѣленное печатными программами и учебными руководствами, достигло стройной соразмѣрности между объемомъ науки и временемъ учебныхъ курсовъ; самодѣтельность студентовъ въ разработываніи и изученіи избранныхъ ими по своимъ способностямъ наукъ, направляемая академиками и профессорами, принесла утѣшительные плоды, обѣщающіе въ молодыхъ педагогахъ полезныхъ дѣятелей на поприщѣ распространенія отечественнаго образованія. Усвоеніе ими надлежащаго метода въ учебныхъ занятіяхъ и ознакомленіе со всѣми лучшими твореніями въ области ученой литературы совершенно устранить потребность, въ прежнія времена столь ощутительную, посѣщать заграничныя университеты для довершенія своего образованія» (стр. 39).

Что касается до приложенной къ «Отчету»—рѣчи Ст. Ис. Лебедева «О впечатлѣніи трагедій древней и новой», то въ ней не слѣдуетъ искать ни краснорѣчія, ни новаго или глубокаго взгляда на предметъ: рѣчь эта, очевидно, если не плодъ импровизаціи, то плодъ труда къ сроку. Къ такому мнѣнію относительно слога «Рѣчи» привели насъ выраженія, подобныя слѣдующимъ:

«Въ настоящее собраніе мы сошлись, ММ. ГГ., *духовнымъ торжествомъ праздновать созрѣніе* для общественной дѣятельности предстоящихъ намъ юношей» (стр. 1).

«Онъ (Эврипидъ) видимо стремился раскрыть въ нихъ (въ своихъ трагедіяхъ) силу страсти въ жизни человѣка, *не рѣдко въ предѣлахъ семейнаго бытій(?)*, борьбу *ем(?)* съ обстоятельствами, служившими преградой къ дальнѣйшему *ем(?)* развитію, *одушевить представленіе древнѣйшихъ событій жмзменными началами(?)* современнаго *ему(?)* духа общественнаго и *вложить въ сердца людей обыкновенныя дмшатели(?)* ихъ(?) нахвреній и дѣйствій, стремленій и предиріятій» (стр. 5).

«Разрѣшеніе всѣхъ этихъ и подобныхъ недоумѣній *само собою* должно происходить и дѣйствительно совершается въ причинномъ, *внутреннемъ способъ, представляющемъ развитіе событій по законамъ естества*» (стр. 8).

Подобные недостатки въ слоgъ «Речи» мы объясняемъ послѣшностью работы; но нельзя причислить къ этому разряду тѣхъ простонародныхъ выраженій, которыя авторъ употребляетъ съ явнымъ пристрастиемъ къ нимъ, и которыя мы также считаемъ недостатками. Рассказывая, на примѣръ, содержаніе шекспирова «Макбета», г. Лебедевъ говоритъ: «Послѣднее предсказаніе Банко видимо *предель-щало безплодіе коронъ* Макбета и такъ неожиданно странною «своею поразило послѣдняго, что у него невольно вырвались слова «мольбы къ вѣщамъ, пополнить ихъ рѣчь темную и наконецъ *сожаленіе (?)*, когда онъ мгновенно исчезди, *какъ пузыри на водѣ (!)*, «оставивъ его въ недоумѣніи, которое, впрочемъ, *не должно продолжалось*. Посланные отъ короля, *въ задатокъ большихъ почестей (!)*, *поздравляютъ его* (короля?) *пожалованіемъ* въ таны «Кавдора.... Мрачный замыселъ зараждался въ его душѣ (въ душѣ «Макбета). Онъ овладѣваетъ всею существомъ *его (?)* и дѣлается «главнымъ двигателемъ всей послѣдующей дѣятельности Макбета. Правда, громадностію своею въ началѣ пугаетъ *онъ (?) его (?)*, непривычнаго къ большимъ злодѣяніямъ, *но цѣль-то оболстительна (!)* «и успѣхъ взору его много блистательнаго сулитъ, а взоръ подстрекаетъ руку» «Ей (леди Макбетъ) *по сердцу пришлось (!)* «предсказанное величіе» «А у страха глаза велики (!). Ему «(Макбету) *мерещилось* и на вечернемъ пиру, что Банко сидитъ за «столомъ на его мѣстѣ и биваетъ ему окровавленной головой» (стр. 14—17) и т. д.

Сущность мнѣнія г. Лебедева: *О впечатлѣніи трагедіи древней*, состоитъ въ томъ, будто древніе греческіе трагики, возбуждая въ зрителяхъ ужасъ и состраданіе, стремились постоянно «къ поддержанію въ народѣ религіознаго вѣрованія въ могущество надъ участію смертныхъ судьбы, отъ вліянія которой совершенно не изъяты были и сами безсмертные» (стр. 3). Въмѣстѣ съ этимъ авторъ сознается, правда, что «не у всѣхъ трагиковъ греческихъ выборъ и развитіе событій въ одинаковой степени соответствовали духу преданій и первоначальной цѣли трагедіи. Уклоненія въ этомъ отношеніи происходили (продолжаетъ онъ) вмѣстѣ съ *усиливавшимся стремленіемъ каждаго изъ послѣдующихъ писателей отдалить трагическое представленіе, какъ произведеніе искусства, отъ храмовыхъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій*, отъ мнѣологіи обратитъ его къ исторіи и приблизитъ наконецъ къ природѣ челоуѣка общественаго, даже къ быту современному для художника» (стр. 5). Но это... Вѣроятно, это ничего не доказываетъ, потому-что... у Эврипида, который менѣе своихъ предшественниковъ заботился о религіозной настроенности своихъ трагедій, есть одно произведеніе, *Ифигенія въ Авлидѣ*, которое «должно было усилить въ зрителяхъ вѣрованіе въ могущество судьбы»; а изъ *четырнадцати трагедій Софокла и Эсхи-*

ла—«въ восьми трагедіяхъ судьба неумолимо преслѣдуетъ свои жертвы!..» — *О впечатлѣніи трагедіи новой авторъ «Рѣчи» говоритъ:*

«У новаго человѣка судьба утратила прежнее свое значеніе. Изъ невольника онъ сталъ властелиномъ ея, свободнымъ въ выборѣ дѣятельности и самъ рѣшителемъ своей участи въ борьбѣ со страстями и обстоятельствами»... «Въ лучшихъ трагедіяхъ христіанскихъ художниковъ нерѣдко находимъ яркое изображеніе ужасающихъ зрѣлищъ, въ которыхъ жажда крови ближняго и наслажденіе убійствомъ по дикости своей не уступаютъ проявленію такой же потребности въ природѣ хищнаго звѣря. Но главная заслуга ихъ (?) въ представленіи такихъ событій, сверхъ художественной отдѣлки въ цѣломъ и въ частностяхъ, заключается въ умѣннѣ ихъ (?), хотъ вдали, показать незримое присутствіе недремлющаго и неодолимаго стража добра и правды въ жизни человѣка по христіанскому взгляду на нее» (стр. 10 и 11).

Еслибъ вы вздумали согласиться съ такимъ мнѣніемъ г. Лебедева о дидактической цѣли новой трагедіи, то онъ самъ не допуститъ васъ до этого: онъ самъ говоритъ далѣе, что «нѣтъ нужды художнику въ развязкѣ прибѣгать къ наградамъ и наказаніямъ, какъ велось за ложно-классическою школою писателей. То была крайность, временное заблужденіе, низводившее искусство на степень земской расправы» (стр. 11)...

Какимъ же образомъ новая трагедія *показываетъ незримое присутствіе недремлющаго и неодолимаго стража добра и правды, не прибѣгая въ развязкѣ къ наградамъ и наказаніямъ?*—«Истинный художникъ (отвѣчаетъ авторъ), не прибѣгая къ такой мѣрѣ, въ «обыкновенномъ (?) состояніи человѣка (когда онъ не испытываетъ ни наградъ, ни наказаній?) всегда находитъ много такихъ мгновеній, въ которыя онъ на себѣ испытываетъ дѣйствіе нравственнаго закона (не награду и не наказаніе?), чувствуетъ, какъ въ немъ самомъ «возвышается противникъ и побѣдитель преступныхъ его стремленій (вѣроятно, угрызеніе совѣсти — страшнѣйшее наказаніе) и мало по малу доводитъ до безсилія могучую и дѣлительную натуру (?). Чѣмъ ощутительнѣе вліяніе его (?) при всѣхъ ужасахъ зрѣлища и чѣмъ тоньше (?) однакожь освѣщено имъ (?) развитіе самаго мрачнаго дѣйствія (?), тѣмъ болѣе удовлетворяетъ трагедія высокому своему назначенію благотворно дѣйствовать на общество. Такое (?) впечатлѣніе производятъ первостепенныя трагедіи христіанскихъ временъ» (стр. 11).. Не знаемъ, для подтвержденія какой именно истины г. Лебедевъ рассказываетъ содержаніе двухъ трагедій Шекспира «Ричарда III» и «Макбета», которыя обѣ, какъ извѣстно, оканчиваются страданіями злодѣевъ.

Восточная война. Ея причины и послѣдствія. Переводъ съ французскаго. Москва. 1855. Въ тип. Г. Т. Волкова и комп. Въ 8-ю д. л. VIII и 118 стр.

Это одно изъ лучшихъ сочиненій о современной войнѣ и переведено безукоризненно. Вѣрность взгляда неизвѣстнаго автора оправдывается тѣмъ, что брошюра эта явилась почти въ самомъ началѣ войны, и до сихъ поръ ни одно событіе не стало въ противорѣчіе съ принятыми въ ней положеніями и даже предположеніями. Этотъ взглядъ можно опредѣлить изъ слѣдующихъ словъ автора :

«Вся отвѣтственность этой войны падаетъ на нѣсколькихъ государственныхъ мужей Англіи; между ними на первомъ планѣ лордъ Редклифъ и лордъ Пальмерстонъ; они ненавидятъ другъ друга, а въ тоже время общія ихъ усилія клонились къ тому, чтобы вовлечь въ войну свое отечество... Общественное мнѣніе Европы уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ осудило этихъ двухъ людей, которыхъ мы зовемъ на судъ потомства. Что же касается до англійскаго народа и правительства, мы и не намѣрены ихъ оправдывать. Менѣе чѣмъ въ полвѣка Англія пять разъ запятнала страницы своей Исторіи: въ 1807 году бомбардированіемъ Копенгагена; въ 1815 жестокостью своею съ Прометеемъ Св. Елены; въ 1819 продажей христіанскаго города Паргы Али-Янинскому Пашѣ; въ 1839 китайскою войною; въ 1849 насиліемъ противъ Греціи (стр. 110)... Мы скажемъ французскому правительству и народу: двусмысленность въ политикѣ оканчивается безсвязностью дѣйствій. Война иногда есть необходимость бѣдствій человѣческихъ. Иногда ее требуетъ цѣлый рядъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Она принимаетъ тогда форму несчастнаго и неизбѣжнаго слѣдствія, сдѣленія причинъ и дѣйствій; это можно приложить къ настоящему положенію Англіи и Россіи. Но очевидно, изъ всѣхъ изложенныхъ нами фактовъ, что этого нельзя приложить къ Франціи. Это также и не слѣдствіе революціоннаго бреда 1848 года. Это только случайное нашествіе ошибочныхъ идей и смѣлыхъ мнѣній, неоснованныхъ ни на выгодахъ страны, ни на ея чувствахъ (стр. 114)... Дѣло, за которое стоитъ Императоръ Русскій, право. Каковы бы ни были для него разочарованія въ дипломатическомъ кризисѣ, который мы считаемъ оконченнымъ съ тѣхъ поръ, какъ настоящій вопросъ преданъ судьбѣ оружія, мы не сомнѣваемся въ томъ, что онъ останется до конца вѣрнѣе принятому имъ относительно Востока — началу безкорыстія. Провидѣніе предопредѣлило Россіи играть превосходную роль, и для освѣщенія этой роли Императоръ Николай не увлечется военною славою и завоеваніями. Есть несравненно благороднѣйшія завоеванія, которыя Онъ можетъ совершить на Востокъ, на Западъ и въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. На Востокъ — Онъ долженъ былъ спасти Церковь и омыть стыдъ Европы XV вѣка, возобновляющійся, по крайней мѣрѣ отчасти, въ XIX столѣтіи; на Западъ — Онъ завоюетъ всѣ сочувствія, увлеченныя демагогами и Англію (стр. 116)... Подъ покровительствомъ Германіи, сердца Европы, долженъ бы былъ заключиться союзъ Франціи и Россіи. Въ этомъ — истинный залогъ всеобщаго мира, единственная, дѣйствительная и вѣрная гарантія противъ демона завоеванія и революцій, противъ вліянія эгоистической и наступательной вѣршей политики, которая сдѣлалась такою для отклоненія внутренняго кризиса и противъ политики, старающейся подчинить весь міръ законамъ своихъ частныхъ выгодъ» (стр. 118).

О званіи Генерала или о воспитаніи, образованіи, познаніяхъ и достоинствахъ, нужныхъ главнокомандующимъ и прочимъ офицерамъ для командованія арміями. Сочиненіе Л. Дюра-Ласаль. Перевелъ г. Сведерусъ. Санктпетербургъ. 1855. Въ тип. Штаба. Отд. Корп. Внутр. Стражи. Въ 8-ю д. л. 270 стр.

Сущность убъжденій Л. Дюра-Ласалья, вѣроятно, совпадетъ съ убъжденіемъ каждаго здравомыслящаго просвѣщенного читателя. «Величайшіе генералы всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ образовались (говорить онъ) съ помощію науки. Опытность нужна полководцу для того, чтобы онъ умѣлъ воспользоваться на практикѣ свѣдѣніями, приобретенными посредствомъ теоріи. Поэтому истинный генералъ долженъ соединять познанія съ военнымъ геніемъ, уроки прѣдшлагаго съ собственною опытностію и теорію съ практикой». Съ этими убъжденіями авторъ начертываетъ подробную программу физическаго и нравственнаго воспитанія, научнаго и практическаго образованія совершеннѣйшаго военачальника. Подобные идеалы необходимо плѣняютъ человѣка; поэтому нельзя безъ увлеченія читать книгу, которую г. Сведерусъ перевелъ правильнымъ русскимъ языкомъ, и которая, слѣдовательно, составляетъ не только полезное, но и пріятное чтеніе. Какъ обращикъ перевода, приводимъ нѣсколько строкъ изъ «Заключенія», дающихъ видѣть съ тѣмъ понятіемъ о взглядѣ автора на начальное воспитаніе, которому посвящена едва-ли не самая главная часть сочиненія:

«Слѣдуетъ (говоритъ авторъ), какъ можно ранѣе, а именно, при самомъ развитіи силъ тѣлесныхъ, стараться придать тѣлу всевозможную гибкость; умъ и сердце надобно образовать въ одно время: извѣстно, что чѣмъ моложе разсаживаемая деревья, тѣмъ болѣе вѣроятности довести ихъ до крѣпкаго и плодотворнаго состоянія. Хотя я и имѣлъ въ виду образованіе только военныхъ и главнокомандующихъ, однако по опыту считалъ необходимымъ совѣтовать, чтобы образованіе юности начиналось занятіями общими, и повторяю, что всякое специальное изученіе, неимѣющее основаніемъ общихъ свѣдѣній, будетъ уродливо, либо не превзойдетъ посредственности. И потому, по крайней мѣрѣ, до осмнадцати-лѣтняго возраста, я предлагалъ (продолжаетъ Л. Дюра-Ласаль) одинаковое образованіе, какъ для будущаго воина, такъ и для судьи, и разсмотрѣлъ всѣ военныя школы (во Франціи), гдѣ ограниченнымъ и специальнымъ преподаваніемъ образуютъ не будущихъ генераловъ, а только хорошихъ солдатъ, если только бластательныя способности, а иногда и геній не освободятся отъ этихъ, такъ сказать нравственныхъ племенокъ и сами собою не дойдутъ до того, до чего ихъ не допустили» (стр. 235).

Благодарны будутъ г. Сведерусу военные люди и за приложенный къ его переводу довольно-большой перечень французскимъ, нѣмецкимъ и русскимъ сочиненіямъ по военной исторіи, инженерному искусству, артиллеріи и математикѣ.

Петръ Горошкинъ. *Драматическое сочиненіе, основанное на истинныхъ военныхъ событіяхъ. 1854 года. Москва. Въ типографіи А. Семева. 1855. Въ 12-ю д. л. 34 стр.*

Геройскіе подвиги доблестныхъ защитниковъ Севастополя, въ которыхъ обнаруживается все богатство души русскаго чело-
вѣка, его терпѣніе, нѣжная привязанность къ родимъ, мо-
лодецкая удаля на службу и въ дѣль, преданность начальни-
камъ, любовь къ Царю и теплая вѣра въ Бога. Съ эпиграфомъ:
«За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадетъ». Мо-
сква. Въ типографіи Т. Т. Волкова и Комп. 1855. Въ 6-ю
д. л. 84 стр.

Разказы (.) десять тысячъ бомбъ самовидцевъ (?) Составилъ
Ѳ. Кузнецовъ. Москва. Въ типографіи М. Смирновой. 1855.
Въ 18-ю д. л. 34 стр.

Драматическое представленіе «Петръ Горошкинъ» писано въ ноябрѣ
1854. Оно вызвано официальными объявленіями о подвигахъ русскихъ
воиновъ въ сраженіи противъ турокъ, бывшемъ 4-го іюня 1854 за
р. Чолокошъ на границѣ Гуріи. Дѣйствіе этой пьесы заключается въ
томъ, что староста Архипъ читаетъ извѣстіе о благородной смерти
унтер-офицера Егерскаго Князя Воронцова Полка, Петра Горошкина,
а слушаютъ его чтеніе племянникъ этого храбраго унтер-офицера,
Алѣша, крестьянинъ Степанъ, пріютившій этого сиротку, жена его, дочь
ихъ, Паша, и отставной служивый, Наумычъ, живущій у нихъ же.
Петръ Горошкинъ дѣйствительно одинъ изъ героевъ нашей сева-
стопольской драмы, какъ извѣстно всѣмъ, кто слѣдилъ за ея кровавымъ
развитіемъ. Всѣ же другія лица—вымышленныя. Алѣша и Паша—до-
бронравныя дѣти, какія обыкновенно выводятся въ дѣтскихъ книжкахъ
не перваго разбора. Разговоры ихъ напоминаютъ блестящую Аркадію...

Слабость сюжета, безхарактерность дѣйствующихъ лицъ и невѣр-
ность ихъ языка не мѣшаютъ, однакожъ, этому «драматическому со-
чиненію» отличатся похвальнымъ патриотизмомъ.

Такой же патриотизмъ—по-крайней-мѣрѣ, пріятно такъ думать—
вызвалъ и «Геройскіе подвиги защитниковъ Севастополя». Это собра-
ніе «случаевъ изъ жизни въ осажденномъ Севастополѣ», перепечатан-
ныхъ, впрочемъ, почти единственно изъ «Вѣдомостей Московской Гор.
Полиціи». Всѣхъ случаевъ 35. Первый и второй «случай» говорятъ
о сметливости и предпріимчивости извѣстнаго матроса Кошки; въ видѣ
35-го «случая» помѣщена солдатская пѣсня экипажа черноморскаго
флота.

По-крайней-мѣрѣ изданіе «Геройскихъ подвиговъ» опротно и гра-
мотно, чего никакъ нельзя, къ-сожалѣнію, сказать о третьей изъ на-
званныхъ нами книгъ. Эти «Разказы десять тысячъ бомбъ очевидцевъ»

представляют листъ грязной бумаги, наполненный бессмысленными изречениями, въ родѣ того, что «французское ядро полетѣло въ конумень герцога Ришелье (sic), какъ будтобы съ цѣлью показать, что тотъ народъ, къ которому принадлежитъ одинъ изъ основателей Одессы, черезъ сорокъ лѣтъ пришелъ истреблять ее» — Понятно?

Патріотизмъ—святая дѣло; но жалко смотрѣть, когда подъ это благородное чувство поддѣлывается спекуляція. Чѣмъ выше предметъ, тѣмъ болѣе заслуживаютъ осужденія расчеты книгопромышленниковъ, устремленные на него съ чисто-торговою цѣлью.

Говоръ простаго человѣка. Написалъ А. Месковскій. (И. Пѣтушинцы). Санктпетербургъ. 1855. Въ тип. Эдуарда Веймара. Въ 12-ю д. л. 40 стр.

Г. Месковскій рассказываетъ аллегорическую исторію народа *Пѣтушинцевъ* слѣдующимъ языкомъ:

«Спихватились Пѣтушинцы, что отъ краснобаевъ, озорниковъ, да шелапаевъ какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока. Созвали свѣдущихъ людей, тѣ и рѣшили, что надо-молъ выбрать голову, по нашему Царя. — Стоило губить народъ и ломать голову, чтобы дойти до этого. У насъ всякій православный мужичекъ знаетъ, что безъ Царя быть нельзя. А они, вишь ты, образованными себя называютъ, а на великую силу это поняли. Кого же выбрать? Послали кличь народную, чтобы выбрать всегъ миромъ. Но кого же? Внука законнаго Царя не хотѣли; внука того Царя, котораго сами за двадцать лѣтъ выбрали, то же нѣтъ. Сметнуть, говорятъ Пѣтушинцы, что мы-де попусту дурили. А какъ они народъ хвастливый, то этакой попрекъ имъ погжъ вострый. Ну гдѣ же имъ голову найти? Краснобая не надо, озорника то же, а шелапая и по-давно, былъ у нихъ еще воевода славный, онъ ихъ только что изъ бѣды выручилъ. Такъ этотъ все же ни больше, ни меньше, какъ свой братъ. Сметнули Пѣтушинцы, что безъ законнаго Царя нельзя народомъ править. Думали и гадали, да и выбрали племянника своего прежняго Царя-вонтеля. Дядя-то имъ много добра сдѣлалъ, хотъ и драгъ ихъ какъ Сидорову козу. А племяннику то за что такой почетъ? За то, вишь ты, что племянникъ Царскій; все хотъ немножко, да закономъ пахнетъ. А то бы кажись не за что. Ростомъ-то онъ повыше дяди, это правда; а ума еще показать неудалось. Козлиную бородку свою показалъ онъ имъ раза два, да неудачно. Первый разъ осмѣяли какъ скомороха и простили. А второй разъ, хотъ то же насмѣшили такъ, что животники надорвали, а ему пришлось поплатиться» (стр. 33).

Начертаніе Древней Географіи и Исторія древнихъ Азіатскихъ и Африканскихъ Государствъ. Н. Зуева. Съ тремя картами. Санктпетербургъ. 1855. Въ тип. И. И. Глазунова и комп. Въ 8-ю д. л. 56 стр.

Г. Зуевъ старался, какъ онъ говоритъ, «представить въ предлагаемой учебной книгѣ опытъ соединенія прагматическаго и критическаго «изложенія Всеобщей Исторіи» (стр. 1). Написать прагматико-критическую исторію древнихъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ — мысль довольно-отважная, но желаніе выполнить эту широкую мысль въ скромныхъ рамкахъ учебника возбуждаетъ невольное подозрѣніе въ ясности идей г. Н. Зуева о прагматическомъ и критическомъ методахъ изложенія исторіи, съ одной стороны, и объ условіяхъ учебника, съ другой. Подозрѣніе это превращается въ очевидность при самомъ поверхностномъ взглядѣ на предлагаемую книжку, которая начинается суммъ перечневымъ опредѣленіемъ общихъ историческихъ терминовъ и въ которой древняя исторія Китая, Индіи, Бактріи, Ассирійско-Вавилонскаго и Мидійскаго Царствъ, исторія евреевъ, Царства Лидійскаго, исторія Финикіи и ихъ колоній, Египта и Царства Персидскаго изложены на 38 страницахъ. Дѣйствительно, книжка эта не удовлетворяетъ самому существенному требованію всякаго учебника — излагать науку въ формѣ, примѣненной къ разумѣнію учащихся, къ умственному развитію дѣтей. Кроме сбивчивости понятій и неточности выраженій, составляющихъ постоянный признакъ въ изложеніи «Начертанія», сочиненіе это исполнено такихъ отвлеченныхъ идей, которыя могутъ быть понятны только человѣку, уже хорошо-знакомому съ фактической исторіею.

Что касается до *прагматическаго и критическаго* элементовъ сочиненія г. Зуева, то въ безжизненномъ собраніи отрывочныхъ историческихъ фактовъ, составляющихъ сущность «Исторіи древнихъ Азіатскихъ и Африканскихъ Государствъ», мы не открыли никакихъ слѣдовъ прагматическаго изложенія; напротивъ, намъ рѣдко случалось въ самыхъ старинныхъ учебникахъ встрѣчать такой несвязный, чисто-перечневый разсказъ, какой ведетъ г. Зуевъ. Можетъ ли быть рѣчь о прагматическомъ методѣ тамъ, гдѣ исторія излагается какъ-бы скороговоркой:

«Псамметиху наследовалъ воинственный сынъ его Нехао; онъ *распространилъ свои завоеванія* (?) въ Сиріи и шель *далѣе* (куда?), но встрѣтилъ могущественнаго соперника въ Навуходонсорѣ, и на Евфратѣ, при Киркесіи (,) потерпѣлъ жестокое пораженіе, *вслѣдствіе котораго* (?) всѣ Египетскія завоеванія въ Сиріи были потеряны. *Нехао наследовалъ Псаммесъ* (кто кому наследовалъ?), за *нимъ* (?) слѣдовалъ Априй, противъ котораго возмущались (за что?) Египтяне. Чтобы усмирить возмущившихся, Априй послалъ (куда?) царедворца Амазиса; но лишь только онъ явился къ народу, раздались громкіе крики (какіе?), и (!) Амазисъ былъ избранъ царемъ, а Априй найденъ мертвымъ (отъ громкихъ криковъ?) въ своей постелѣ» (стр. 48).

Слѣды желанія г. Зуева внести критическій элементъ въ изложеніе «Исторіи древнихъ Азіатскихъ и Африканскихъ Государствъ» нахо-

Т. СШ. — Отд. IV. 2

димъ въ его сочиненіи въ томъ видѣ, въ какомъ встрѣчаются въ слояхъ земной коры слѣды допотопныхъ животныхъ, какъ мощныя части колоссальнаго цѣлага. Общія, въ неточныхъ выраженіяхъ высказанныя замѣчанія, хотя бы ихъ было и болѣе, нежели сколько встрѣчается въ «Начертаніи» — нисколько, конечно, не уясняютъ исторіи.

Лучшую часть труда г. Зуева составляютъ приложенныя къ книжкѣ три, правда, несовсѣмъ-отчетливыя географическія карты: 1) Древней Азіи, 2) Древней Греціи, Македоніи и малоазійскихъ греческихъ колоній и 3) Древней Италіи. Но 12-ть страницъ «Краткаго Обзорнія Древней Географіи» наполнены такимъ же сухимъ перечнемъ отрывочныхъ фактовъ, какими отличаются и прочія части книжки, посвященныя исторіи.

Гомеопатическая Позологія, или правила о приѣмахъ лекарствъ, съ краткимъ наставленіемъ для употребленія электричества, гальванизма и магнита. Сочиненіе доктора Яра. Переводъ съ французскаго. Издавъ А. Форбрикеръ. Москва. Въ тип. Александра Семенова. 1855. Въ 16-ю д. л. 98 стр.

Мы недавно говорили о гомеопатіи и высказали свое о ней мнѣніе. Вотъ еще книга, претендующая на полезность и даже на необходимость для вѣрующаго въ ганнеманово ученіе. Различныя правила, которыми руководствуются гомеопаты касательно величины приѣмовъ, ихъ повторенія и разведенія, поставляли авторовъ гомеопатическихъ руководствъ въ совершенную невозможность рѣшительно высказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Такая неопредѣленность не могла не имѣть вреднаго вліянія на распространеніе гомеопатіи. Новички чувствовали недостатокъ неопредѣленности тѣмъ сильнѣе, что въ Россіи вообще находится мало врачей-гомеопатовъ, съ которыми можно было бы совѣтоваться.

«Гомеопатическая Позологія» имѣетъ цѣлью дать возможно-полное изъясненіе упомянутаго недостатка и служить вѣрнымъ руководствомъ даже и непосвященному въ медицину.

Содержаніе этой книги слѣдующее: о гомеопатическомъ леченіи вообще, различіе въ разжиженіяхъ, о величинѣ приѣмовъ, о смѣшеніи лекарствъ. Кроме-того, въ особомъ прибавленіи находится наставленіе объ употребленіи электричества, гальванизма, месмеризма и магнита—наставленіе тѣмъ болѣе нужное, что изъ всѣхъ до-сихъ-поръ вышедшихъ на русское языкъ гомеопатическихъ руководствъ одно только («Домашній и дорожный лечебникъ Д. Каспари») упоминаетъ объ употребленіи магнита.

Le Guide de l'enfance ou cours pratique de langue française à l'usage des commençans (Руководство къ постепенному практическому изученію французскаго языка). Изданіе четвертое

безъ перемѣнъ. Москва. 1855. Въ тип. В. Готье. Въ 8-ю д. л., XVI, 115 и 26 стр.

Эта книга, служащая полезнымъ учебнымъ руководствомъ, не что иное, какъ переводъ нѣмецкаго сочиненія г-на Ренгартена (Wegweiser), сдѣланный г. Фирменомъ.

Права и обязанности домовладѣльцевъ, управляющихъ домами и жильцовъ, въ С. Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. Санктпетербургъ. 1855. Въ Типографіи Главнаго Штаба Е. И. В. по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ. Въ 8-ю д. л. 16, IV и 197 стр.

Въ «Предувѣдомленіи» къ этому руководству издатель объясняетъ значеніе своего труда:

«Права и обязанности домовладѣльцевъ и жильцовъ ихъ въ столицахъ и городахъ опредѣлены въ различныхъ книгахъ свода законовъ и въ тѣхъ мѣстныхъ постановленіяхъ правительства, которые хотя и не облечены формою закона, но тѣмъ не менѣе въ извѣстномъ кругѣ пользуются его силою, составляютъ основу дѣятельности тѣхъ, до кого относятся, и налагаютъ на нихъ отвѣтственность за неисполненіе предписаннаго. Чтобы доставить домовладѣльцамъ и жильцамъ ихъ легкій способъ вполнѣ узнать права, по симъ званіямъ ими дарованныя, и обязанности, закономъ и правительствомъ на нихъ возложенныя, устранивъ иногда неудобство, а часто и рѣшительную невозможность имѣть всегда подъ рукою полный сводъ законовъ и другія необходимыя постановленія, и тѣмъ самымъ отклонить отъ нихъ неблагопріятныя послѣдствія, возникающія по неведѣнію законовъ и опредѣленій начальства, я (говоритъ издатель) предположилъ собрать всѣ узаконенія и постановленія правительства до правъ и обязанностей вышеупомянутыхъ лицъ относящіяся, по возможности расположить ихъ въ систематическомъ порядкѣ и, составивъ, такимъ образомъ, одно цѣлое, издать въ видѣ отдѣльнаго практическаго руководства».

Благоразумный человекъ ни на минуту не усомнится въ благородной потребности знать свои права и обязанности; неблагоразумный, невѣжественнѣйшій изъ невѣждъ, не позаботившійся изучить свои права и обязанности, вѣроятно, уже наученъ печальнымъ опытомъ въ невыгодѣ такого страннаго пренебреженія къ одному изъ важнѣйшихъ знаній: поэтому мы не будемъ распространяться о пользѣ изданнаго нынѣ руководства для домовладѣльцевъ.

Что касается внутренняго достоинства этой книги, то она удовлетворяетъ главнѣйшимъ требованіямъ спеціальнаго юридическаго сборника. Въ нее вошли постановленія о недвижимыхъ имуществахъ городскихъ жителей, о наймѣ, залогѣ, о различныхъ родахъ отчужденія этихъ имуществъ; о постройкахъ и передѣлкахъ зданій; о содержаніи домовъ, дворовъ и улицъ, о предосторожностяхъ отъ пожаровъ, и о письменныхъ видахъ обывателей. Все это изложено текстомъ официальныхъ

источниковъ съ точными на нихъ указаніями при каждомъ параграфѣ, и расположено въ довольно-правильной системѣ. Кромѣ-того, присканіе извѣстныхъ правилъ облегчается оглавленіемъ, въ которомъ обозначено содержаніе каждаго изъ 665 параграфовъ, составляющихъ книгу. Къ руководству приложено нѣсколько формъ и таблицъ.

Изданіе исправное, красивое, даже роскошное.

Многіе искренно поблагодарятъ неизвѣстнаго автора за его полезный и добросовѣстный трудъ.

Наставленіе Дворникамъ. Правила, извлеченныя изъ Свода Законовъ и приказовъ г. Санктпетербургскаго Обер-Полиціймейстера. Санктпетербургъ. 1855. Въ тип. Главнаго Штаба Е. И. В. по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ. Въ 8-ю д. л. 15 стр.

Полезная книжка. Обязанности дворника довольно-многочисленны; отъ точнаго ихъ исполненія во многихъ отношеніяхъ зависитъ благосостояніе горожанъ; за неисполненіе этихъ обязанностей дворникъ подвергается иногда строгому наказанію; а между-тѣмъ, какъ трудно было ему безъ особаго «Наставленія» узнать всѣ свои обязанности, когда опредѣленія ихъ слѣдовало искать въ различныхъ томахъ «Свода Законовъ», въ «Уложеніи о наказаніяхъ» и въ многочисленныхъ «Приказахъ» мѣстнаго полицейскаго начальства! Въ вышедшей теперь книжкѣ обязанности нашего ближайшаго блюстителя порядка изложены въ 52-хъ параграфахъ, изъ которыхъ многіе, вѣроятно, не каждому извѣстны. Напримѣръ, въ §§ 7—10 говорится, что дворники обязаны «представлять немедленно въ Полицію людей, скупающихъ по домамъ бутылки, штофы, старое платье и прочее (?); должны строго наблюдать, чтобъ не ходили по дворамъ и въ домы татары съ халатами, платками и тому подобнымъ (?); они не должны дозволить входить въ домы и на дворы людямъ, торгующимъ алебастровыми бюстами, столиками, этажерками и тому подобными вещами (?), и они же наблюдаютъ, чтобы люди, занимающіеся собираніемъ негодныхъ тряпокъ, костей, бумаги и веревокъ на улицахъ и на дворахъ, не смѣли заниматься скупкою (?) стараго платья». § 17-й возлагаетъ на нихъ же обязанность: «отнюдь не дозволить ходить по тротуарамъ малярамъ съ красильными ушатами, ведрами и тому подобными (?) снарядами, а также въ запачканномъ и грязномъ платьѣ (?), равно какъ и трубочистамъ».

Русскіе простонародные рассказы. Опытъ изданія для народнаго чтенія. Сочиненіе Федора Русанова. Изданіе девятое. Москва. Въ типографіи Семена. 1855. Въ 18-ю д. л. 107 стр.

Эти рассказы напечатаны съ изданія 1853 года. Между-прочимъ, тутъ есть рассказъ и о подвигѣ Маріина во время пожара Московскаго Театра. Анекдотъ «Прохожіе» лучше было бы выкинуть.

ЖУРНАЛИСТИКА.

О журнальной полемикѣ, о критикѣ, о нападкахъ на нее, и доброе слово въ ея защиту.

Мы бы хотѣли видѣть человѣка, нечитавшаго нѣкоторое время русскихъ журналовъ; мы хотѣли бы обратить его вниманіе на послѣднія книжки всѣхъ безъ исключенія нашихъ періодическихъ изданій, а сами обратили бы вниманіе на этого удивленнаго человѣка. Онъ ждалъ бы — теперь вѣдь осень — безцеремоннаго нападенія одного журнала на другой за опечатку; онъ ждалъ бы двусмысленныхъ похвалъ извѣстнымъ авторамъ за то, что они напечатали свои повѣсти въ враждебномъ журналѣ; ждалъ бы глубокомысленныхъ разсужденій одного журнала о томъ, что другой такой-то журналъ очевидно падаетъ, потому-что въ немъ нѣтъ... ну хоть статей въ родѣ «Не люблю — не слушай, а лгать не мѣшай»; онъ ждалъ бы адовитыхъ выходокъ на редакторовъ по поводу повѣсти, въ родѣ булавочной головки... ждалъ бы всего, и нашелъ бы, конечно, все это, но въ гораздо-меньшей мѣрѣ... Слава Богу! Давно ли бойкіе наши критики вступались за честь батистовой рубашки, или цимермановской шляпы? Давно ли скромный трудъ ученаго называли скукой, а разсужденіе о манишкѣ — весельемъ? Давно ли потѣшникъ, который сегодня говорилъ одно, а завтра другое, назывался критикомъ? Давно ли господинъ, который любилъ одинъ процессъ писанія (въ наше время доходный, особенно при малочисленности литературныхъ талантовъ), давно ли такой господинъ, исписавшій горы бумаги, безъ цѣли, безъ внутренней необходимости писать и что-нибудь сказать или доказать, назывался литераторомъ? Давно ли все это было — скажите?

Отодвиньтесь немного отъ этого плачевнаго во многихъ отношеніяхъ періода нашей литературы и критики; умѣрьте свою горечь, если вы негодовали на такое положеніе дѣлъ, и поблагодарите судьбу, если вы не зарылись совершенно въ пылъ и дразни этого періода нашей журналистики!

По-мѣрѣ-того, какъ литературные вопросы мельчали, самодовольствіе начало выступать наружу, требуя себѣ законныхъ правъ на уваженіе; а журналы, чтобъ дать просторъ этому самодовольствію, завели у себя отдѣлъ «Журналистики» и начали безъ зазрѣнія совѣсти восхвалять тѣхъ, которые уже давно были довольны сами собою.

«Журналистика» была явленіемъ совершенно-новымъ для нашихъ литературныхъ самолюбій. Она шла наперекоръ прежней литературной рутинѣ и, какъ все новое, пріятно и непріятно дѣйствовала на литераторовъ. Прежде дѣлалось такъ: литераторъ, приготовившій къ пе-

чати романъ или томъ повѣстей, или ученое сочиненіе, давая въ журналъ отрывокъ, главу или отдѣльную повѣсть, напередъ задабривалъ его благосклонный отзывъ; книга выходила—и благосклонный отзывъ не замедлялъ являться. То было довольно-давно. Потомъ, когда журналы сдѣлались значительнѣе объемомъ, литературныя произведенія почти всѣ вмѣстились въ журналахъ, а отдѣльныхъ изданій выходило мало. Но литераторы и тутъ не проиграли: журналъ, въ которомъ печаталъ свои произведенія авторъ, всегда находилъ средства вознести *своего* автора при удобномъ случаѣ и безъ всякаго удобнаго случая. Слѣдовательно, и въ такомъ положеніи выигрывали и авторы и журналисты; самолюбіе не тревожилось, а ласкалось, если не всѣми, то непремѣнно однимъ, который и поднималъ тревогу чуть не на весь читающій міръ. Но вдругъ, когда журналы привыкли къ своимъ рутиннымъ предѣламъ и заключили въ нихъ всѣ литературныя и богатую часть самостоятельныхъ ученыхъ трудовъ— всѣ журналы начали *обозрѣвать* другъ друга... Шутка сказать! Журналъ обозрѣваетъ другой журналъ! Можно себѣ представить, какъ прилежно, усердно они устремили другъ на друга взоры. Часовой, который ходитъ на казанчѣ, не смотритъ такъ пристально на дымъ, вылетающій изъ трубы вѣтренной ему части, какъ обозрѣватель началъ обозрѣвать литераторовъ и сотрудниковъ, не проронитъ ли изъ нихъ кто-нибудь обмолвки, а редакція не пропуститъ ли опечатки. Но это бы еще ничего: это мелочи; а мелочи всякій легко замѣтитъ. Зло крылось не тамъ, а въ отношеніяхъ критики къ литературнымъ талантамъ. Тутъ журналистъ и литераторъ были поставлены въ такія странныя отношенія, что даже самъ г. Аполлонъ Григорьевъ, напечатавшій въ «Москвитиннѣ» большую статью объ отношеніи критики къ литературѣ, нескоро выяснилъ бы этотъ предметъ. Положенія между журналистами и литераторами возникли такія: или литераторъ (подлежащій критикѣ) вовсе не участвуетъ въ журналѣ, или, напротивъ, онъ исключительно участвуетъ въ одномъ этомъ журналѣ. Это два самыя простые положенія, которыя могли быть объяснены предубѣжденіемъ автора противъ одного журнала и любовью къ другому, любовью писателя къ одному изданію и нелюбовью къ другому, потому-что съ направленіемъ одного онъ согласенъ, съ направленіемъ другаго несогласенъ. Однимъ словомъ, какія бы ни были причины, но въ этомъ случаѣ онѣ не сложны, и слѣдствія ихъ легко могутъ быть объяснены. Похвалы критики въ этомъ случаѣ, или справедливыя, или пристрастныя, для читателя могутъ быть ясны. Повторяемъ: это положеніе самое простое. Но дѣла измѣнялись, когда авторъ, участвующій въ журналѣ, переходилъ въ другой журналъ; мнѣнія о писателѣ въ этомъ случаѣ начинали обыкновенно колебаться по причинамъ, о которыхъ публика никакъ не могла догадаться. Съ одной стороны писателя начинали больше хвалить, съ другой— начинались легкія гоненія, которыя кричали и кричали, по-мѣрѣ-того, какъ от-

ступничество автора дѣлалось невозвратнымъ. Во всѣхъ этихъ положеніяхъ авторамъ нужна была нѣкоторая самостоятельность и гордость, чтобы выносить хладнокровно, а, можетъ-быть, и съ презрѣніемъ подкопы непризнаннаго журнала подъ его репутацію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нашей журнальной жизни, авторъ долженъ былъ обладать нѣкоторою твердостью характера... Но что прикажете дѣлать тому, кто не обладаетъ этою силою характера въ достаточной степени, или кого, по добротѣ душевной, увлекаютъ многіе или даже всѣ журналы, который не имѣетъ твердости отказать одному, сказать прямо жесткое слово другому? Они должны участвовать во всѣхъ журналахъ! Это положеніе, самое выгодное для писателя, но въ то же время и самое безцвѣтное, ставить журнальныхъ обозрѣвателей просто въ-тупикъ. Всѣ теоріи, весь вкусъ, весь навыкъ писать рецензін дѣлаются здѣсь недостаточными, чтобы скрыть шаткость отзывовъ. Посудите сами, какъ тутъ быть. Писатель, котораго, напримѣръ, я намѣренъ разбирать во враждебномъ журналѣ написалъ, положимъ, дурную статью. Чтѣ долженъ я сказать?—что она дурна и что у автора мало таланта? Но этотъ авторъ пишетъ и въ моемъ журналѣ, и, отзываясь невыгодно о немъ, я бросаю подозрительный свѣтъ и на свой собственный журналъ. Я долженъ хвалить его? Но тогда авторъ, приобрѣтшій дурную привычку помѣщать свои статьи во всѣхъ журналахъ, пользуясь такою снисходительностью, будетъ помѣщать только дурныя статьи въ моемъ журналѣ, а всѣ лучшія во враждебномъ... Какъ быть? Вѣдь у насъ нѣтъ еще журнала, исключительно-критическаго. Мы нуждаемся въ стихахъ, мы нуждаемся въ повѣстяхъ, мы нуждаемся въ ученыхъ статьяхъ. Талантливые сотрудники извѣстны наперечетъ. Что жъ, если мы начнемъ прямо, добросовѣстно высказывать имъ въ глаза наше мнѣніе? Этакъ, пожалуй, они отойдутъ въ другой журналъ...

Такъ вотъ она, *искренность* нашей критики, о которой нѣкогда у насъ говорили, которою хотѣли уколоть другихъ и отвести отъ себя глаза, искренность, которой никто еще не послужилъ до-сихъ-поръ у насъ, да едва-ли и послужитъ при томъ положеніи, въ которое поставили себя всѣ журналы! Это наши язвы... Въ словахъ нашихъ нѣтъ ничего новаго для всѣхъ пишущихъ; но это, можетъ-быть, необходимо знать и публикѣ, чтобы умѣть цѣнить отзывы пристрастные и ни на чемъ неоснованные. Это наши язвы, говоримъ мы смѣло, и говоримъ не для того, чтобы повторять давно-сказанное и извѣстное, а для того, что нашей критикѣ, нужно искать какихъ-нибудь средствъ освободиться отъ этихъ путей, если она хочетъ стать въ прямыя отношенія къ искусству и литературѣ.

Какъ ни горестно такое положеніе вещей, но оно еще у насъ не дошло до того, до чего дошла критика въ Англїи. Мы еще младенцы въ-сравненіи съ тѣми доблестными мужами критики, которыхъ, напримѣръ, изображалъ намъ Теккерей. У насъ нѣтъ

мистеровъ Дулена и мистера Гуллена, которые пишутъ другъ противъ друга язвительныя статьи, а потомъ дружелюбно сходятся и потѣшаются надъ публикой. Одна часть публики вѣрить тому, что мистеръ Гуллень написалъ о мистерѣ Дуленѣ, а другая часть читаетъ съ восторгомъ статьи мистера Дулена о мистерѣ Гуленѣ. Мистеръ Дулень въ своей газетѣ «Разсвѣтъ», доказываетъ, что газета мистера Гулена «День» нигде не годится, а противникъ его точно то же говорить о немъ. Мистеръ Дулень начинаетъ новый номеръ своей газеты «Разсвѣтъ» такъ: «Въ прежніе годы знаменитые плуты, которымъ нужно было смастерить какое-нибудь злое дѣло, употребляли клятвопреступниковъ по ремеслу для исполненія того, за что они сами боялись взяться; такъ точно и извѣстный журналъ «День», нанимаетъ работниковъ того же разбора для распространенія клеветы» и проч. Мистеръ Гуллень отвѣчаетъ подобною же статьею; но за-то, когда встрѣтится съ своимъ соперникомъ, онъ дружелюбно распиваетъ съ нимъ бутылку вина, потѣшаясь надъ публикой, которая вѣрить всему печатному, и заботливо спрашиваетъ его о здоровьѣ мистриссъ Дулень.

Мы до этого еще не дожили: у насъ есть по-крайней-мѣрѣ искренность вражды, если не искренность критики; мы не дошли еще до такого гаерства надъ публикой — и слава Богу!

Но за-то журнальныя обозрѣнія, какъ нѣчто новое, хорошо необдуманное и вызванное лишь необходимостью защитить одинъ журналъ отъ нападокъ другаго, получили у насъ характеръ такой полемическій, что литературнаго въ нихъ замѣчалось мало. Начали съ того, что обратили самое сильное вниманіе на одну слабую сторону противника, на недостатки журнала, плохія статьи, плохіе стихи и такія же повѣсти. Когда такое пристрастное обозрѣніе сдѣлалось яснымъ для читателя, начали перебирать журналъ отъ доски до доски, нѣшая безразлично добро и зло. Такія обозрѣнія, по своему безразличію, не значили ничего; никакого результата изъ этихъ обозрѣній не выходило, и читатель долженъ былъ теряться въ догадкахъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, не-уже-ли каждая статья, каждый отдѣлъ журнала, хотя бы въ немъ не было ничего интереснаго и достойнаго вниманія, заслуживаютъ разбора, никѣмъ нетребуемаго, ни для кого непоучительнаго? Не нужно большой проницательности, чтобы сказать, что, при такомъ безразличіи въ выборѣ и разборѣ статей, обозрѣнія оставались безъ результата. Но что же дѣлать въ такомъ положеніи журнальныхъ отношеній, когда каждый справедливый и строгій разборъ можетъ быть заподозрѣнъ, какъ пристрастный, потому-что идетъ отъ *другаго журнала*? Нѣкоторые обозрѣватели, чтобы избѣгнуть этихъ недозрѣній, начинали даже писать однѣ похвалы. Но и похвалы, расточаемыя съ одною дѣлюю избѣгнуть пристрастной полемики, въ смыслѣ истинной критики, такъ же односторонни, какъ одни порицанія...

Очевидно, всё эти соображения, которые должна была принимать критика, отнюдь не были литературными, и вызваны одним фальшивым положением критиковъ. Вместо того, чтобы обратить вниманіе на то, что дѣйствительно достойно вниманія, и на объясненіе этого употребить свои усилія, критика очень-часто расточала свои силы на соображенія, отчасти житейскія, отчасти на личныя отношенія; и только тотъ, кто не былъ причастенъ журнальному дѣлу, или кто впервые являлся съ своимъ произведеніемъ, слѣдовательно, чуждый всякихъ отношеній къ журналамъ, и являлся не на страницахъ журнальныхъ, могъ ожидать, что ему произнесутъ судъ справедливый, по мѣрѣ силъ и способностей. При такомъ положеніи дѣлъ, авторы и критики сообщали обманывали публику; переплетенные между собою невидимыми для публики отношеніями, они печатно расточали другъ другу похвалы и порицанія, какъ-будто судъ такой былъ искренній и безпристрастный... На сколько такая критика обманула публику?

Но у критика были и достоинства, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить.

Возвратимся къ тому, съ чего начали. По мѣрѣ того, какъ литературная критика, вовлеченная журнальными обзорѣніями въ непроходимую сеть противорѣчій, пристрастныхъ мнѣній, отзывовъ, ядовитыхъ личныхъ придирокъ, мельчала, мы больше-и-больше удалялись отъ вопросовъ существенныхъ, вызываемыхъ потребностью литературы. Нѣкоторые найдутъ, можетъ-быть, приведенную нами причину ничтожною, а мы ставимъ ее очень-высоко. Условія и отношенія, такъ-сказать житейскія, въ литературѣ, связали критику по рукамъ и по ногамъ. Весь умъ начали употреблять только на то, какъ бы хоть подобіе истины сказать автору, не оскорбивъ его самолюбія. Критиковать у насъ, значитъ бранить, говорить тотъ, кого неположительно восхваляютъ въ критикѣ. Поэтому, журнальныя отношенія, о которыхъ сказано выше, заставили критиковъ напрягать весь умъ не на то, чтобы подумать о справедливой оцѣнкѣ, а на то, какъ бы обойтись съ авторомъ вѣжливо, или сдѣлать такую замѣтку, на которую авторъ не могъ бы разсердиться. Вопросы науки и литературы начали отодвигаться далѣе-и-далѣе, покрываемые тѣмъ пріятнымъ вечернимъ сумракомъ, который наводитъ дремоту и среди котораго всё предметы одинаково-хороши. Мы даже начали любоваться, какъ пріятны предметы, покрытые такимъ сумракомъ; мы находили нѣчто пріятное въ этомъ полумракѣ, который такъ полезенъ для глазъ; мы начинали бояться солнца, которое такъ безжалостно прогоняетъ туманы и заставляетъ человека трудиться и что-нибудь дѣлать. Впрочемъ, сдѣлаемъ и оговорку: не все же винить и критику; она все-таки не стояла ниже литературы во многихъ случаяхъ. Вѣдь и поэты наши, взявъ за образецъ художественность послѣдняго пушкинскаго періода,

доводили ее иногда до ничтожности картинъ, ничего и никому неговорящихъ, наши бельетристы, взявъ за образецъ повѣсть Гоголя, также низводили ее часто до дагерротипической, безцѣльной копировки обыденныхъ явленій общественной жизни; наши писатели, бравшіе сюжеты у сословій низшихъ, низводили эту работу до повѣствованій, въ которыхъ не было ни цѣли, ни мысли, ни природы, ни человѣка. Поэтому, хотя мы и строги къ нашей журнальной критикѣ, горькою необходимостью журнальныхъ отношеній поставленною въ положеніе весьма-невыгодное для безпристрастнаго человѣка, все-таки скажемъ, что повременамъ она старалась проговориться откровенною правдою. Конечно, эта правда относилась лишь къ нѣкоторымъ; все-таки, по-крайней-мѣрѣ, это были образцы того, какъ бы слѣдовало говорить о другихъ. И въ критикѣ и въ литературѣ, повторяемъ, несмотря на всю ложь положенія, все-таки были сѣмена добра, были явленія, за которыя нельзя не порадоваться.

Нынѣшняя журнальная осень обрадовала насъ еще больше. Какой журналъ ни раскроешь, въ каждомъ прочтешь нѣсколько строкъ благородныхъ, теплыхъ, полныхъ сознанія, что литература есть дѣло, а не гаерство; что гаерства никто и никогда не называлъ литературой; что каждый желалъ отъ нея не одного удовольствія, но и блага; что литературой должно заниматься серьезно, и понимать ее серьезно, какъ то дѣлалъ Пушкинъ; что литераторъ дѣлаетъ дѣло, служить службу отечеству, если обращается съ словомъ честно и строго, какъ того требовалъ Гоголь; что литераторъ почтенъ, если только онъ въ состояніи сказать о себѣ вѣстѣ съ Пушкинымъ:

Что чувства добрыя онъ лирой возбуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ онъ былъ полезенъ

и т. д. и т. д.

И все говорятъ на одинъ голосъ, все повторяютъ одно и то же! Мы считаемъ долгомъ отмѣтить такую перемену, какъ лучшее литературное явленіе послѣдняго времени, которое насъ радуетъ больше всѣхъ повѣстей, романовъ и ученыхъ статей. Мы намѣрены привести нѣсколько мѣстъ изъ нашихъ журналовъ, прежде чѣмъ поведемъ рѣчь дальше.

«Литература не должна наклоняться въ уровень съ обществомъ въ его темныхъ или сомнительныхъ явленіяхъ. Во что бы то ни стало, при какихъ бы обстоятельствахъ ни было, она должна ни на шагъ не отступать отъ своей цѣли — возвысить общество до своего идеала — идеала добра, свѣта, истины! иначе она потеряетъ все свое благотѣльное вліяніе и придетъ къ самымъ безотраднымъ результатамъ, потому что какъ бы много не извиняла литература, оправдываясь чѣмъ только можно въ такихъ случаяхъ оправдываться, общество будетъ всегда снисходительнѣе литературы къ самому себѣ, и такимъ образомъ, еслибъ искусство, переставъ служить истинѣ единой и вѣчной, начало служить истинѣ относительной—

идея добра и зла, нравственности и порока, смутно стала бы представляться... Какова бы ни была собственно русская литература и теперешняя ея дѣятельность, не забудемъ, что она во всей своей массѣ служить представительницею умственной жизни народа — *и будемъ больше уважать ее, будемъ служить ей осмотрительнѣе!* Не забудемъ, что всѣ тѣ, которые съ университетской или съ другой учебной скамейки унесли съ собою въ отдаленные и разнообразныя предѣлы отечества большую или меньшую частицу любви къ наукѣ, къ литературѣ, уваженія и довѣрія къ умственному труду — всѣ они слѣдятъ за нашею дѣятельностію; ищутъ въ ней разъясненія волнующихъ ихъ вопросовъ, поддержки своимъ благороднымъ убѣжденіямъ, оружія противъ невѣжества и закоснѣлости! И чѣмъ болѣе дадимъ мы здоровой и плодотворной пищи ихъ любознательности, ихъ благородной жаднѣ свѣта и истины, тѣмъ прочнѣе и долѣе удержатъ они въ сердцѣ своемъ любовь ко всему добру, справедливому и прекрасному, любовь, такъ безощадно охлаждаемую дѣйствительностію — и тѣмъ благотвѣннѣе будетъ въ свою очередь ихъ влияние на тотъ кругъ, въ сердцѣ котораго поставлены они судьбою дѣйствовать и морально первенствовать! Многое еще можно бы сказать о значеніи литераторовъ, литературы, журналистики, но довольно. Заключимъ тѣмъ начали: будемъ же осмотрительнѣе, какъ въ томъ, что мы пишемъ, такъ и въ томъ, что печатаемъ въ нашихъ журналахъ. Образованіе не забываетъ услугъ, ему оказываемыхъ, когда-нибудь намъ скажутъ спасибо...»

Это напечатано въ октябрьской книжкѣ «Современника». Въ томъ же самомъ мѣстѣ, написавшій приведенныя выше строки говорить, по поводу статьи г. Погодина, о новомъ изданіи сочиненій Пушкина и Гоголя :

«Между современными литераторами нѣтъ Пушкиныхъ и Гоголей, но настоящій фактъ не служитъ ли лучшимъ ручательствомъ, что всякая дѣятельность, отмѣченная стремленіемъ къ добру и правдѣ, любовью къ отечеству, къ его благоденствію, славѣ и просвѣщенію, не будетъ забыта. Сегодняшній день лучше вчерашняго, завтрашній будетъ лучше сегодняшняго и такимъ образомъ время дѣлаетъ свое дѣло. «Бодръѣе же въ путь!» Правдивое признаніе заслугъ, честь и благодарность ожидаютъ всякаго совѣстливаго труженика мысли. Но горе и стыдъ тѣмъ, кто приносятъ истину въ жертву корысти и самолюбію! Для нихъ нѣтъ впереди свѣта, не грѣтъ и не животворитъ ихъ надежда лучшаго будущаго, это лучшее — часть ихъ обличенія и позора! *Стыдъ осмѣ сплетничающимъ, клеветующимъ, барышничкающимъ*, обращающимъ благородное оружіе литератора — мысль и слово — въ орудіе личныхъ своихъ интересовъ и страстей».

Прекрасно сказано, и дай Богъ, чтобъ мы чаще слышали подобныя слова!

Вотъ чувства и мысли, которые были вызваны въ «Москвитиннѣ» новымъ изданіемъ сочиненій Пушкина и Гоголя :

«Здѣсь льется кровь, тамъ губить огонь, вездѣ падаютъ храбрые, принимая на свою грудь смертоносные удары враговъ отечества, сердца смущаются безпрестанно различными чувствами одно другаго тягостнѣе, страхъ объемлетъ душу, чѣмъ кончится это *Европейское Дѣйствіе*, которое открыло намъ сначала такой блистательный, великолѣпный кругозоръ, и обнялось вполнѣдствіи со всѣхъ сторонъ такими темными, непроницаемыми тучами... но вотъ объявлены въ газетахъ сочиненія Пушкина и Гоголя! Усталое вниманіе отвлекается невольнo отъ ужасовъ войны, къ любезнымъ страницамъ, перевертываются листы, какъ—будто сами собою, встаютъ знакомые, милые образы, смѣняются радующія взоръ картины, слышатся сладостные, родные звуки! Мы забылись, унеслись въ какую—то волшебную даль, насъ вспырынуло, кажется, живою водою, на сердцѣ стало легко и весело, тоска неизвѣстности исчезла, вѣрится въ добрый конецъ добраго начала, русское чувство торжествуетъ...

«Удивительная сила поэзіи! Удивительная сила таланта! Честь вамъ и слава и горячая благодарность отечества, воскликнулъ я недавно, обращаясь къ мужественнымъ защитникамъ Севастополя! Честь вамъ и слава и горячая благодарность отечества, воскликну я теперь, понимая нашихъ славныхъ витязей слова и мысли, являющихся передъ нами вновь съ заветными откровеніями своей души!

«Не даромъ получили и они почетное мѣсто въ русскихъ лѣтописяхъ! Побѣда досталась имъ также приступомъ, съ бою. Чего не испытали они при жизни! Сколько тяжелыхъ камней брошено въ ихъ безотвѣтныя могилы! Злое невѣжество старалось всѣми силами опозорить ихъ чистое имя, наложить свое черное клеймо на ихъ достойную память, и пламенную ихъ любовь, преданность къ добру и порядку вмѣнить чуть не въ преступное злоумышленіе (*).

«Да! тернистый путь вообще достался на землѣ поэту, художнику, ученому! Внутреннія ихъ борьбы тяжелѣе еще вѣшнихъ ударовъ, которыхъ примѣръ сейчасъ мы показали. Люди свѣтскіе, люди такъ называемые занятые, то есть служащіе дневи и злобѣ его, люди пресыщенные и упоенные, не имѣютъ понятія о тѣхъ нравственныхъ терзаніяхъ, которыми исполнена ихъ жизнь, хотя иногда, сознаемся, и по собственной винѣ, составляющей горшее мученіе. Толпа не можетъ вообразить, чего стоить имъ часто одно выраженіе, которое она называетъ счастливымъ! Съ какимъ усиліемъ вырывается изъ сердца звукъ, которымъ улаживается ея тонкій и взыскательный слухъ! Иной отшельникъ переживаетъ въ глубинѣ уединенной кельи всю жизнь своего народа, испытываетъ на себѣ всѣ его болѣзни, перечувствуетъ всѣ скорби — тяжело ему отыскивать въ вѣкахъ, по кровавымъ слѣдамъ, пути его уклоненій, и еще тяжелѣе видѣть между ними прямую дорогу, усыпаемую притомъ цвѣтами его послушнаго воображенія. Какое отчаяніе овладѣваетъ имъ повреме-

(*) Здѣсь разумѣется множество журнальныхъ и газетныхъ статей и толковъ по поводу сочиненій Пушкина, а въ—особенности Гоголя.

намъ, когда онъ видитъ невозможность противоѣствовать злу! Счастливы еще, что такія минуты для него не пропадаютъ даромъ, что дѣятельный слѣдъ ихъ обнаружится непременно въ его сочиненіяхъ и сдѣлается неизсякаемымъ источникомъ высшихъ наслажденій для отдаленныхъ потомковъ.

«Русская словесность особенно счастлива въ этомъ отношеніи. Жизнь Кантемира, Ломоносова, Фонъ Визина, Карамзина, Крылова, Пушкина, Гоголя и другихъ нашихъ писателей стараго и новаго времени, представляетъ много высокихъ явленій, кои, понятія и оцѣненныя умною исторіею, возсіяютъ ярко въ вѣнцѣ русской славы, не уступятъ въ блескѣ никакимъ другимъ государственнымъ заслугамъ и гражданскимъ доблестямъ, прежнимъ и нынѣшнимъ!»

«Но къ чему ихъ сравнивать? Они все для насъ равны, и все имѣютъ одинакое право на нашу благоговѣйную признательность, — въ церкви и на престолѣ, въ судѣ и на полчищѣ, въ избѣ и на каедрѣ, кто жизнью, кто смертію, кто годами, кто минутами, кто трудомъ, кто подвигомъ, кто постоянною службою. Пушкинъ намъ за то

любезенъ

Что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ онъ былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

«Намъ дорогъ также Нахимовъ, десять мѣсяцевъ ежеминутно живя-умиравшій и сраженный наконецъ роковою пулей въ своемъ родномъ Севастополѣ. Мы не нарадуемся на Иннокентія, который поетъ, дондеже есть, возбуждаетъ къ дѣятельности за правое и святое дѣло, прославляетъ добляхъ, утѣшаетъ скорбныхъ, призываетъ къ трудамъ усталыхъ, ободряетъ робкихъ, и на пагитяхъ смерти, несмотря ни на какія опасности, съѣштитъ съять вездѣ глаголы живота своими краснорѣчивыми устами. Незабвенъ для насъ Гоголь, пламенно алкавшій совершенствованія, и выставившій съ такою любовью, вѣрностію и силою наши заблужденія и злоупотребленія, да видя содрагаемся и исправляемся...»

Эти слова напечатаны въ № 12 «Москвитянина» и принадлежать г. Погодину. «Библіотека», которая долгое время жила такъ уединенно, нынче говоритъ вотъ что о значеніи литературы и ея интересахъ:

«Въ будущемъ году «Библіотека для Чтенія» постарается представить читателямъ своимъ отдѣльныя монографіи о замѣчательнѣйшихъ современныхъ представителяхъ отечественнаго искусства и науки, обращая главнымъ образомъ вниманіе на результаты, добытые каждымъ изъ этихъ дѣятелей (?). На первый случай сообщимъ, въ возможно-краткомъ изложеніи, вѣскольکو чертъ, подмѣченныхъ нами въ современномъ литературномъ движеніи; *можетъ быть нѣкоторыя замѣчанія наши пройдутъ не безъ пользы.*»

«Для того, чтобы новѣйшее искусство дѣйствовало плодотворнымъ образомъ на массу читателей, необходимо уловлять и выражать въ живыхъ образахъ интересъ времени: другими словами — необходимо углубить-

ея въ сознание этихъ интересовъ, и перенести въ поэзію тѣ жизненныя пружины, которыми двигается современный общественный бытъ нашъ. Стремленіе къ *такимъ отраднымъ для искусства* результатамъ встрѣчалось, иногда въ новѣйшихъ комедіяхъ, которыя пользовались, при появленіи своемъ, большимъ успѣхомъ именно потому, что представляли нѣсколько новыхъ чертъ мастерски подиѣченныхъ въ жизни. Сверхъ того, въ произведеніяхъ двухъ трехъ даровитыхъ современныхъ писателей есть *симпатическія* свойства, которыми можетъ быть объяснено ихъ вліяніе, и которыя слѣдуетъ изучить». (Стр. 30).

Въ другомъ мѣстѣ :

«Первый поэтический лепетъ нашъ, высказанный устами Пушкина, совмѣщалъ уже въ себѣ послѣднее слово современнаго ему западнаго искусства. Съ-тѣхъ-поръ литература наша сдѣлала огромный шагъ впередъ, все значеніе котораго вполне оцѣнится впоследствии. Но при такомъ вообще правильномъ ея движеніи, многія частности до того поражаютъ непріятно, что иногда невольнымъ образомъ приводятъ къ сомнѣнію, достроятся ли когда-нибудь огромное зданіе, надъ которымъ такъ много трудящихся. Самая непріятная черта заключается въ поверхностной разработкѣ сюжетовъ. Писатели не сознали еще волею той гармоніи, которой связана общая ихъ дѣятельность; силы ихъ, весьма часто тратятся попусту; основныя требованія искусства не вполне еще проникли въ массы, и вообще замѣтенъ недостатокъ въ основательномъ трудѣ. Не лежитъ ли на обязанности критики — сознать историческое значеніе минуты, и охранять здоровыя понятія объ искусствѣ при каждомъ новомъ случаѣ ихъ нарушенія, увлекаясь не новизной внѣшнихъ очерковъ, а новизной внутреннихъ данныхъ произведеній...» (Стр. 28),

«Послѣ такого исполна, каковъ былъ Пушкинъ, искусство не могло идти назадъ, а Гоголь двинулъ его по новому пути. Началась блестящая эра поэзіи дѣйствительности, стремящейся ко всестороннему раскрытію богатаго содержанія жизни. Только подъ условіемъ этого перерожденія могло продолжаться существованіе искусства, въ возможности котораго въ наше время усомнился даже величайшій изъ мыслителей Германіи. Но при новыхъ жизненныхъ началахъ поэзіи, *требованія отъ всякой художественной дѣятельности возросли* въ высокой степени. Вы касаетесь жизни—говорятъ поэту—такъ уразумѣйте ее, возвысьтесь надъ понятіями большинства, для того, чтобъ уловить именно ту сторону жизни, которая можетъ представить, въ данную минуту, наиболѣе интереса. Много глубокихъ истинъ, много сокровенныхъ для обыкновеннаго взгляда тайнъ хранятся въ этой могущественной, вѣчно-зеленѣющей, вѣчно-юной жизни... Окройте ихъ намъ, и мы уразумѣемъ высокое назначеніе искусства. Касаетесь ли вы сокрытыхъ временемъ скривалей исторіи — изучите все то, что *настоящее орелъ выработала наука*, и передайте намъ типическія черты давно-прошедшихъ событій съ такой силой и глубиной взгляда, чтобы они воскресли въ нашемъ пониманіи.»

Все это истины, конечно не новыя; но намъ пріятно было ихъ встрѣтить въ «Библіотекѣ»...

Всѣ чувства, выраженныя разными журналами по поводу разныхъ явленій жизни литературной и жизни общественной, говорятъ намъ, что журнальная критика желаетъ служить тому же, чему служить и искусство, желаетъ служить искренно, желаетъ принести посильную пользу. О, еслибъ голосъ этотъ остался надолго единственнымъ мотивомъ журнальныхъ споровъ и журнальныхъ отношеній! Мы не хотимъ вѣрить, что его опять заглушатъ, какъ нѣкогда, личныя отношенія, колкіе нелитературныя намеки и тѣ фальшивыя стремленія нашей литературы, о которыхъ мы нѣкогда говорили, но о которыхъ теперь и поминать не будемъ.

Отчего же пріятно намъ встрѣтить проявленіе этого неподдѣльнаго чувства, гдѣ бы мы его ни нашли: въ журналахъ ли, которые, можетъ-быть, къ намъ не благоволятъ, въ статьяхъ ли, которыя не хотѣли прямо смотрѣть на эти самыя желанія, такъ постоянно, такъ усердно высказываемыя «Отечеств. Записками» не разъ и не два? «Современникъ» говоритъ, что литература должна стоять выше обыденной жизни, что отъ писателя, кромѣ таланта, должно требовать образованія ума и сердца, что наша литература въ послѣднее время забыла объ идеалахъ, которые хотя и трудно найти въ обществѣ, но о которыхъ должны помнить писатели... И, Боже мой! сколько разъ пѣли мы на эту тѣму во все послѣднее время, въ нашихъ журнальныхъ обзорѣніяхъ! Но тогда намъ говорили, что мы критикуемъ *серьёзно*. Сколько разъ вызвана была критика прежде сказать то же самое по поводу различныхъ явленій нашей литературы!

«Случилось такъ (говоритъ критикъ «Современника»), что мы въ одно время прочли романъ Диккенса «Тяжелыя времена» и романъ Жоржа Занда «Лора». Романъ Диккенса превосходенъ; романъ Жоржъ Занда не болѣе, какъ посредственъ, и однакожъ, послѣдній пояснилъ намъ, чего не достаётъ въ первомъ, и мы откровенно скажемъ, что не желали бы, чтобъ вся литература состояла изъ однихъ такихъ романовъ, какъ романъ Диккенса... Есть нѣчто неотразимо обаятельное въ томъ вольномъ, безотчетномъ и безкорыстномъ стремленіи къ идеалу, неуловимому, непреодолимому, возвышенно и недостижимо прекрасному — стремленіи, которымъ проникнуть названный нами романъ французской писательницы! Пусть разумъ вашъ не всегда оправдываетъ автора, но ваше сердце невольно становится на его сторону, оно привязывается къ тѣмъ почти невозможнымъ въ дѣйствительности лицамъ, на которыхъ авторъ сосредоточилъ *симпатію* своей души».

Не то ли мы говорили въ свое время объ идеалахъ, по поводу разныхъ попытокъ нашихъ писателей ввести въ романъ, повѣсть или драму, лица *положительно*—прекрасныя? не то ли мы говорили о причинахъ *симпатіи* къ инымъ талантамъ, которые хотя и страдаютъ въ отношеніи художественномъ, за-то такъ сильно дѣйствуютъ на другую сторону нашей души—на сердце и его задушевыя желанія? Въ послѣд-

шее время у нас конечно въ самомъ сильномъ загонѣ была идеальная сторона произведеній, и все оттого, какое толкованіе было дано послѣднимъ произведеніямъ Пушкина и художественной манерѣ Гоголя. Но будемъ продолжать выписку :

«Нѣтъ! если необходимы и благотворны такіе романы, какъ романъ Диккенса, то не менѣе нужны и такіе романы, о которыхъ мы теперь говорили — романы идеализирующіе дѣйствительность, лишь бы идеализація была искренняя, исходящая изъ благородной и высокой природы автора, жаждущаго видѣть человѣка лучшимъ, чѣмъ онъ есть, и, въ тоскѣ неудовлетворенной жажды, создающаго прекрасные идеалы... Тонкій любитель искусства насладится превосходными характерами, мѣткой наблюдательностію въ романѣ Диккенса, отдастъ ему справедливость за счастливое сочетаніе съ достоинствами художественнаго произведенія полезной идеи; филантропъ громко похвалитъ его за эту идею; имѣющіе власть, можетъ быть, даже сдѣлаютъ, на основаніи ея, какое-нибудь улучшеніе въ общественномъ быту — но никогда не подѣйствуетъ подобное произведеніе на сердце, никогда оно не наполнитъ его сердца такимъ избыткомъ благородныхъ ощущеній и стремленій, такой горячей жаждой дѣятельности, какъ то произведеніе, которое въ идеальной сторонѣ человѣка видитъ не подспорье его матеріальному быту, но условіе, необходимое для ея человѣческаго существованія!...» (стр. 264).

Вопросъ объ идеалахъ — одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ въ нашемъ положеніи литературы и критики. У насъ, то-есть между произведеніями извѣстными послѣдняго времени, нѣтъ ни одной счастливой попытки въ этомъ отношеніи, и потому критикѣ весьма-трудно рѣшить этотъ вопросъ, и слова ея отзываются общими мѣстами. Однакожъ, слѣдя внимательно за многими прекрасными произведеніями нашихъ писателей, мы чувствуемъ въ нихъ недостатокъ этой сокровенной жилы, разносящей тепло и жизнь по всему организму произведенія.

Чѣмъ идеаламъ мы сочувствуемъ, тому мы сами симпатизируемъ; одно безъ другаго быть не можетъ, а все это обуславливается однимъ и тѣмъ же образованіемъ ума и сердца, одними и тѣми же стремленіями, и мы не разъ пальцами указывали на больныя въ этомъ отношеніи мѣста нѣкоторыхъ, очень-немногихъ, нашихъ писателей. Но тогда о насъ говорили, какъ о людяхъ непризнающихъ таланта, неумѣющихъ его цѣнить, непонимающихъ, что талантъ всюду и всегда, одинъ талантъ есть рычагъ прекрасныхъ произведеній. Дальнѣйшій ходъ литературы показалъ, что критика наша взгрустнулась о симпатическихъ талантахъ...

Съ удовольствіемъ видимъ, что и «Библіотека» требуетъ отъ литературы отраженія современной жизни, отъ критики — сознанія историческаго значенія минуты, отъ художественности — изученія не одного настоящаго, но и минувшаго быта, изученія всего, что «по настоящее время выработала наука», и воспроизведенія всего этого въ типическихъ

черта; отъ литературы требуетъ она единства направленія, котораго не находятъ—требуетъ, наконецъ, того, чего мы требовали не разъ, и на что указывали какъ на настоятельную потребность времени, говоря о стихотвореніяхъ нынѣшнихъ нашихъ поэтовъ, объ измелъчавшихъ типахъ, замѣнившихъ прежніе широко-задуманные сюжеты повѣстей, и о необходимости изученія исторіи нашими поэтами. Съ удовольствіемъ указываемъ на такую перемену, какъ на залогъ чего-нибудь лучшаго. Въ оное время въдъ «Библиотека» находила странными наши требованія!

Въ то время, какъ мы, пробѣгая послѣдніе книжки журналовъ и передлистывая критическія рецензіи, замѣчали въ нихъ такой поворотъ къ лучшему, намъ предстала новая статья г. Григорьева въ «Москвитинѣ» (№№ 13 и 14) о томъ же предметѣ, именно *Замычанія объ отношеніи современной критики къ искусству*. Крайній выводъ этой статьи весьма-печаленъ для петербургскихъ журналовъ, и все-таки скажемъ, что она исполнена желаніемъ добра, хотя и написана, по примѣру прежнихъ статей, *сгоряча*, какъ выражается самъ авторъ. Она хороша уже тѣмъ, что наводитъ разговоръ прямо на то, о чемъ слѣдуетъ говорить; а извѣстное дѣло, если начнешь вести разговоръ о чемъ слѣдуетъ, непремѣнно до чего-нибудь договоришься. Такъ случилось и съ г. Григорьевымъ. Статья составляетъ продолженіе начатаго имъ труда, по поводу произведеній г. Островскаго. На начало ея мы указали въ свое время; скажемъ, въ чемъ заключается продолженіе.

«Критика не сознаетъ того, что она должна дѣлать; критика петербургская упала, критика одряхлѣла»—вотъ единственный вопль, который читатель слышитъ, пробѣгая всю длинную статью, вопль, исторгнутый сознаніемъ, что критика наша «зады твердитъ»—и джетъ за двухъ, прибавимъ мы отъ себя. Статья г. Григорьева, какъ видитъ читатель, явилась очень-кстати, потому-что она говоритъ о томъ же, о чемъ и мы собирались говорить. Въмсто обыкновеннаго обзора статей, мы опять будемъ говорить о критикѣ, и потому считаемъ долгомъ попросить извиненія у читателя слѣдующими словами:

«Когда можно вести честную полемическую борьбу съ положеніями, т. е. когда положенія выходятъ на борьбу ясно обозначенныя, — тогда скучно толковать о томъ, что такая-то книжка таково-то журнала бѣдна содержаніемъ, и между тѣмъ вяло передавать это самое бѣдное содержаніе. Необходимость говорить о такомъ скудномъ содержаніи, вводить часто въ другую еще болѣе печальную необходимость — толковать какъ будто о дѣлѣ, о томъ, что въ сущности есть или невинное литературное бездѣлье, надъ которымъ слегка только можно посмѣяться въ назиданіе публики, а не авторовъ, вѣроятно увѣренныхъ въ важномъ значеніи подобнаго бездѣлья — или то, что подходитъ подъ пословицу: «на безрыбѣ и ракъ рыба», и что со стороны серьезной критики должно быть необходимо

краснорѣчивымъ молчаніемъ, — потому что толки придаютъ этому безрыбью совершенно незаслуженную значительность.»

Читатель чувствуетъ, что это говорить г. Григорьевъ — и чувство не обманываетъ читателя: дѣйствительно это говорить г. Григорьевъ, начиная свою статью. «Есть тому дѣлу причина» продолжаетъ онъ, что мы критику петербургскую называемъ дряхлою, а московскую — молодою. И какъ въ статьѣ г. Григорьева «положенія» начинаютъ довольно-ясно обозначаться, то мы и обратимъ на нихъ вниманіе, потому-что, вотъ уже нѣсколько лѣтъ мы не пропускаемъ ни одной статьи, гдѣ находимъ или новыя эстетическія положенія, или старыя, но высказанныя вновь, болѣе-ясно, болѣе-твердо. Итакъ къ дѣлу; скажемъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ г. Григорьеву, потому-что... «есть тому дѣлу причина».

«Начало ея (то есть, той одряхлѣвшей критики, противъ которой сражается г. Григорьевъ) въ «Молвѣ», издававшейся при «Телескопѣ», временное пристанище въ «Московскомъ Наблюдателѣ», довершеніе въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» впервые раздался ея голосъ, впервые брошены сѣмена того хорошаго и того дурнаго, что принесла она съ собою въ жизнь. Хорошее заключалось въ твердости эстетическихъ положеній, въ мысли о томъ, что искусство должно вѣрять условіями искусства, въ живомъ сочувствіи къ жизни и въ вѣрѣ въ то, что литература — отраженіе жизни. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» — разрушавшихъ въ имя этихъ убѣжденій множество авторитетовъ, стремившихся поставить все на надлежащее мѣсто, часто заносчивыхъ, опротивѣвшихъ въ своихъ сужденіяхъ, часто пристрастныхъ — были дороги молодость, страсть, увлеченіе, соединенныя съ рѣдкимъ эстетическимъ тактомъ. Но того ли требовали отъ литературы «Мечтанія», чего требовала потомъ порожденная ими критика? Литературныя мечтанія привѣтствовали зарождавшійся тогда, по ихъ мнѣнію, *народный* періодъ литературы, — *народность была ихъ конькомъ* (*). Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» та же критика заговорила туманнымъ абстрактнымъ языкомъ Гегеля, *осёдлала другаго коня — художественность*, во имя художественности ругала, немилосердно Завда и Шиллера, мечтала о примиреніяхъ съ дѣйствительностію, буквально принимая змѣеобразное положеніе учителя: *was ist-ist vernünftig*: адепты ея ходили какіе-то одурманенные, съ головою на изнанку, погружались въ *unendlichen Geist* Гете и т. д. Такою веревка она въ «Записки». Скоро сказывается сказка, но еще скорѣй дѣлалось дѣло. Заѣздили совсѣмъ бѣдную художественность — *осёдлали другаго коня*, коня быстрого, *паюсъ*. На паюсъ и доѣхали до сатурналіи и до тѣхъ положеній, что гвоздь, выкованный рукою чело-

(*) О томъ, какъ скудны и смутны были въ оны дни представленія о народности, основанныя преимущественно на псевдо-историческихъ романахъ — какъ малымъ довольствовались въ этомъ отношеніи — говорить нечего.

Примпч. Москвит.

вѣка, лучше и изящѣе лучшаго цвѣтка природы, что нужна многочисленная бельетристика, а не художественныя произведенія, что Татьяна виновата передъ судомъ совѣсти, не отдавшись Онѣгину. Которому же изъ историческихъ фазисовъ этой критики прикажете вы кадить, г. Новый Поэтъ (*)? Первому нельзя — *потому что наши требованія народности отъ литературы выросли, сравнительно съ требованіями эпохи историческихъ романовъ*; второму — смѣшно, потому что попадешь въ *Schöne Seelen*; — въ третьемъ вы сами разувѣрились, какъ это ясно свидѣтельствуется въ вашей же критикѣ многими статьями, въ которыхъ съ подобающимъ уваженіемъ говорятъ о старой литературѣ, возстановляются многіе легкомысленно разрушенныя авторитеты, осмѣиваются многія моральныя крайности. Присписать ли это апатіи, до которой уздили послѣдняго коня, другому ли чему, только — это такъ».

Такъ-таки и заѣздили этихъ трехъ лошадокъ!.. Полноте, г. Григорьевъ! сами вы развѣзжаете до-сихъ-поръ на этой троечкѣ, да еще похваливаете ее, да приговариваете: *по восьмъ по тремъ!*.. Лошадки добрыя, и развозятъ всѣхъ европейскихъ, а кстати тутъ же и нашихъ русскихъ критиковъ, лѣтъ пятьдесятъ, да и потомкамъ нашимъ послужать. Кто ѣздитъ въ одну лошадку, кто парой, а кто и тройкой — смотри въ какой путь собирается. Вы сами, когда ѣдете къ г. Фету, къ г. Майкову, къ г. Мею, садитесь на художественность и благополучно доѣзжаете, на одной изъ ней, къ вашимъ поэтамъ. Когда вы отправляетесь къ г. Островскому, вы припрягаете *народность*; къ Гоголю же вы не ѣздите иначе, какъ тройкой: тутъ и третій конь, паооооъ, вамъ нужень... Право, такъ.

Но оставимъ ваше же сравненіе, а будемъ разсуждать безъ помощи аллегорическихъ пегасовъ.

Начнемъ съ народности. Въ ряду эстетическихъ началъ, оживившихъ въ XIX вѣкѣ искусство, *народность* стоитъ на первомъ планѣ, и ею преимущественно проживалъ свой вѣкъ и держался романтизмъ, потому-что всѣ герои той эпохи, всѣ мертвецы, разбойники, всѣ сорви-головы, которыхъ выбирали въ дѣйствующія лица романовъ и драмъ, не могли долго занимать воображеніе, хотя они и держали его въ постоянномъ страхѣ. Это такъ справедливо, что даже у насъ Полевой — тотъ Полевой, который не понималъ «Бориса Годунова» — очень-ясно чувствовалъ, что романтическія народныя драмы, въ родѣ «Двумужницы» князя Шаховскаго, съ волжскими разбойниками и прочимъ романтическимъ снарядомъ — только одна порча вкуса... Полевой понималъ — Полевой, который, въ то же время не понималъ русской исторіи, и въ нашихъ

(*) Къ нему обращена рѣчь на этотъ разъ, потому-что Новый Поэтъ въ «Современникѣ» сдѣлалъ замѣчаніе г. Григорьеву насчетъ критиковъ, «которые бросаютъ камнями въ своего собрата, уже совершившаго свое дѣло».

сказках и богатырях, и въ «Словѣ о полку Игоревѣ» видѣлъ всё тоже, что западные критики видѣли въ сказаніяхъ о Сидѣ, и во всѣхъ легендахъ феодальныхъ временъ! Когда наша критика выросла дотого, что стала понимать «Бориса Годунова», мы стали смѣяться надъ Полевымъ, который, въ свою очередь, смѣялся надъ Шаховскимъ, который, тоже въ свою очередь, посмѣялся надъ кѣмъ-нибудь, хоть надъ Шишковымъ. Видите ли вы, какъ одно поколѣніе смѣется надъ другимъ, и говоритъ, что оно плохо понимало народность?.. Будемъ же очень-осторожны въ то время, когда съ нашего пера будетъ срывать такое выраженіе: «мы одни понимаемъ народность».

Потомъ XIX-й вѣкъ, въ числѣ величайшихъ своихъ трехъ поэтовъ: Байрона, Шиллера и Гёте, завѣщалъ намъ два эстетическихъ начала: художественности и паэоса, между которыми и раздѣлялась не только вся читающая публика, но и всѣ поэты, даже самъ нашъ Пушкинъ, сперва поклонникъ Байрона, потомъ Шекспира, оставившій въ поученіе потомству свое неизмѣнное уваженіе и къ художественности и къ паэосу. Въ свое время при выходѣ изданія сочиненій Пушкина, мы это замѣтили (*), а теперь не станемъ повторять словъ Пушкина, чтобъ не уходить далеко отъ предмета. Пушкинъ въ то время, когда писалъ свои послѣдніа, художественнѣйшіа произведенія, не отзывался иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ о другомъ великомъ поэтѣ, представителѣ паэоса XIX-го вѣка. Слѣдовательно, если таковъ былъ окончательный взглядъ на искусство Пушкина, нашего *народнаго* поэта, то не заслуживаетъ ли скорѣ похвалы, чѣмъ укора, критика, которая въ своихъ сужденіяхъ объ искусствѣ руководствовалась тѣмъ же взглядомъ? Переберите всѣ критики отъ 1847 до 1855 года—во всѣхъ статьяхъ вы замѣтите тѣ же три начала искусства, о которыхъ только-что нами сказано. Пока знакомились съ этими началами какъ съ чѣмъ-то новымъ (1830—1846), начала эти дѣйствовали разрушительно на всѣ принятыя прежде мнѣнія. Но такова судьба системъ. Романтизмъ безусловно уничтожалъ классицизмъ; понятіе о народности въ литературѣ, отдѣлившись отъ прочихъ составныхъ элементовъ романтической системы, начало преслѣдовать ихъ съ ожесточеніемъ; система художественности преслѣдовала прежнія одностороннія построенія системы народности, пока, наконецъ, паэосъ, найдя себѣ опоры въ величайшихъ умахъ и художникахъ, не объявилъ войны чистой художественности. Все это должно быть извѣстно всѣмъ, кто слѣдитъ за литературой и критикой. Это ожесточенное дѣйствіе системъ въ послѣднее время и у насъ и въ европейской литературѣ, благодаря исторической критикѣ (1846—1855), прекратилось. Шагъ огромный, который сдѣлала критика у насъ со времени смерти Пушкина—такой огромный, что резуль-

(*) «Отеч. Зап.» 1855 г. Апрель. Журналистика.

таты его вы сами замѣтите, если захотите ихъ замѣчать! Современныя писатели, у которыхъ прежде системы не находили ничего, потому-что писателя нельзя было подвести подъ правила системы, начали вновь получать то уваженіе, котораго они заслуживали. Какое бы добро ни оказалъ писатель родной словесности, оно ставилось на видъ, какъ главная заслуга; все остальное, что съ теченіемъ времени переставало заслуживать вниманіе, объяснялось историческими обстоятельствами, и писатель, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи оправдывался. Вамъ мало этихъ достоинствъ критики? Вы не находите въ ней никакихъ прочныхъ залоговъ того, что она доберется до истины, хотя она и избрала самый вѣрный для того путь? Не-уже-ли же вы хотите еще системы, какъ бы односторонняя и узка она ни была, но все-таки системы?.. Подъ вліяніемъ этой только критики можно было осуществить и собраніе матеріаловъ для біографіи Пушкина, и собраніе матеріаловъ для біографіи Гоголя; подъ вліяніемъ этой критики и образъ Пушкина началъ уясняться, точно такъ же, какъ и черты гоголевскаго направленія. А что дѣлалось, когда господствовали прежнія системы? То, что, напримѣръ, о Грибоедовѣ, у насъ нѣтъ почти ни одной строки, поясняющей личность автора, его трудъ надъ самимъ собою, и его переходъ отъ французскаго водевиля къ русской комедіи—нѣтъ ничего...

Но, конечно, вы понимаете, что мы говоримъ здѣсь не о собраніи матеріаловъ, ради собранія матеріаловъ, а о причинѣ, двигающей нашимъ нынѣшнимъ направленіемъ критики, которая въ одно и то же время высоко ставитъ и Мольера и Байрона, и Шиллера и Шекспира—крайности, которыхъ не хотѣла признать ни одна изъ предыдущихъ системъ. Этого вамъ мало для какихъ-нибудь десяти или восьми лѣтъ усилій критики? Мало вамъ того, что въ эти десять лѣтъ мы начали уважать и Сумарокова, не какъ поэта, а какъ человѣка общественнаго и карателя пороковъ, и Тредьяковскаго, какъ трудолюбиваго ученаго, и Княжнина, и Богдановича, и всѣхъ другихъ писателей XVIII и XIX вѣковъ, если только они чѣмъ-нибудь вышли изъ ряда посредственности и сдѣлали хоть какой-нибудь шагъ впередъ. Все это сдѣлала та дряхлая критика послѣднихъ десяти лѣтъ, съ которой вы такъ гордо не хотите даже спорить, съ которой вы не хотите даже говорить! А эта критика, поняла, что искусство движется не однимъ какимъ-нибудь началомъ, не однимъ сильнымъ увлеченіемъ восторга или сатиры, не однимъ спокойнымъ, юпитеровскимъ взглядомъ художника, не одними исключительно національными интересами, но и обще-человѣческими. Она сознала все это, и сознаніе это начала примѣнять къ дѣлу. Для этого она обратилась къ помощи исторіи, какъ лучшему средству уяснить себѣ тѣ понятія, которыя господствовали въ прежнія времена. Не обратилась ли она... къ преданію, какъ вы думаете?

Что жъ вы въ это время дѣлали?

Вы... вы то же самое дѣлали : вы хвалили у одного писателя художественность, у другого пафосъ, у третьяго истинность народности; требовали связи съ преданіемъ... а преданіе вѣдь исторія? Мы по-крайней-мѣрѣ, понимаемъ подъ этимъ—изученіе исторіи. Если вы дѣлали все то же, что и другіе, хотя, можетъ-быть, навыворотъ, то откуда такая гордость? Если въ вашихъ словахъ звучитъ то одна, то другая система, не въ правѣ ли мы спросить васъ: Колумбъ, гдѣ же твое яйцо?

«Слово нашего направленія есть уваженіе къ преданію, уваженіе ко всему до насъ сдѣланному, даже если смѣемъ такъ выразиться — восстановление связи между нашимъ временемъ и прошедшимъ, связи, на время легкомысленно нѣкоторыми разорванной. Вотъ съ этимъ—то разрывомъ и съ его представителями мы и боремся. Sapienti sat».

Что новаго сказали вы этими словами? И какъ ни лестно намъ при-мѣнить къ себѣ эпитетъ sapientis, но мы должны сказать: этого мало. Вѣдь та историческая, по-вашему, дряхлая критика, о которой мы упомянули, именно отличается уваженіемъ къ преданію, о которомъ вы говорите и которое она называетъ исторіей. Только она ведетъ преданіе не отъ одного «Домостроя» и Посошкова, но начинается его... издали, положимъ, хоть отъ трактатовъ о прекрасномъ Платона и Аристотеля. Вся разница между вашими словами, а ея дѣлами заключается въ томъ, что вы пока говорите голословно, а она уже дѣлаетъ свое дѣло, она восстанавливаетъ писателей, восстанавливаетъ бытъ, сколько позволяютъ средства науки и таланта. Вѣдь невозможнаго и требовать нельзя. Когда одинъ петербургскій журналъ, упрекая васъ въ томъ, что вы не оканчиваете статей, сказалъ о вашихъ статьяхъ:

«Задуманныя всегда широко, глубоко и добросовѣстно, онѣ имѣютъ видъ тѣхъ огромныхъ и хитрозадуманныхъ зданій, которыя такъ же прехотливо начаты, какъ и брошены, и съ безчисленными полусгнившими и почернѣвшими лѣсами представляютъ печальный видъ бесполезно прова-шаго труда и бесполезно погибшихъ матеріаловъ...»

Вы прекрасно отвѣчали:

«Сказано екладно и сравненіе блестящее — да вѣрно ли оно? Продолжая употребленное сравненіе, скажемъ, что архитектору могутъ помѣшать достроить зданіе недостатокъ кирпича и камня, постоянно ненастная погода и другія обстоятельства.....»

Отчего жъ вы не хотите допустить, что и петербургскимъ архитекторамъ могутъ мѣшать тѣ же обстоятельства: развѣ климатъ петербургскій лучше московскаго?

Вы развиваете свою идею о дряхлости нашей критики еще двумя слѣдующими доводами (два первые уже нами приведены):

«Вы спрашиваете: «что же послѣ этой (то—есть дряхлой, петербургской) критики сказала новаго заносчивая критика «Москвитянина»? Въ чемъ и гдѣ ея новое слово? Въ г—нѣ Островскомъ?...» Дѣ, пожалуй въ Островскомъ, какъ художникъ, мы отъ этого не отрицаемся. Вводить новое въ жизнь не критика, которой дѣло заключается въ разъясненіи новаго — а произведенія искусства. Глубоки въ этомъ отношеніи слова Гоголя въ его «Авторской исповѣди», на которыя мы желали бы обратить ваше вниманіе. А что Островскій новъ со всѣми своими достоинствами и недостатками, это ясно для публики, если не ясно для одряхлѣвшей критики. Мало ли что темно для критики? Критикъ, напримѣръ, и огромный по значенію въ общественной жизни и огромный же по значенію историческому купеческій классъ, классъ средній, классъ составляющій, такъ сказано, *цвѣтъ собственно народныхъ соковъ*, классъ въ которомъ, при многихъ можетъ быть комическихъ сторонахъ, *сохранились наибольше остатки народнаго быта* и развились притомъ на свободѣ, широко, вольно — критикъ этотъ классъ кажется мелкимъ!...»

Въ слѣдующемъ мѣстѣ вы доказываете, что наша критика дряхла потому, что не поняла *положительной стороны* произведеній Гоголя или не соглашалась съ нею :

«Нападокъ на «Римъ», на лирическія мѣста «Мертвыхъ Душъ», на мистицизмъ «Портрета», на суровый, аскетическій *идеализмъ* «Переписки», однимъ словомъ, на положительную сторону Гоголевскаго *идеализма* — въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ наберется весьма много, и притомъ въ тѣхъ же литературныхъ направленіяхъ, которыя превосходно цѣнили и тонко понимали отрицательную сторону этого *идеализма*...»

Заслуживъ г. Григорьевъ рѣшается разъяснить причину нападеній на положительную сторону произведеній Гоголя «до той очевидности, послѣ которой говорить будетъ не объ чемъ». Можно себя представить, какъ обрадовались мы такому разъясненію, котораго давно ждали. Чѣмъ яснѣе положенія, тѣмъ поучительнѣе съ ними спорить. Вотъ это разъясненіе :

«Понцемъ въ самомъ Гоголѣ этихъ причинъ — и возьмемъ для сей цѣли его «Римъ», невраящійся въ особенности той сторонѣ, для которой положительный идеализмъ Гоголя былъ оскорбителенъ. Главная идея Рима — сопоставленіе мишурной, хотя блестящей и мятущейся цивилизаціи, лицомъ къ лицу съ спокойнымъ, величавымъ жирою искусства, воспоминаній, простыхъ, но полныхъ красоты формъ жизни, сопоставленіе, при которомъ преимущество выходитъ явно и правильно на сторонѣ послѣдняго — торжество искусства надъ всѣми чудесами промышленности, простоты надъ блескомъ, спокойной тишины надъ вѣчнымъ шумомъ, чистой красоты надъ искусственностію.

«Съ такимъ содержаніемъ явился «Римъ» въ ту эпоху литературы, когда проповѣдывалось, что «гвоздь, выкованный человѣческими руками, лучше и дороже самого роскошнаго цвѣтка въ природѣ, что «лучше, еслибъ въ русской литературѣ было поменьше художественныхъ произ-

веденій, а побольше беллетристики», и другія недѣлости, всѣ выходявшія изъ одного взгляда, или лучше сказать, нанесенныя однимъ повѣтріемъ (*).

«Римъ былъ, кромѣ того, первымъ неожиданнымъ шагомъ Гоголя. До Рима — многимъ поклонникамъ его генія казалось, что онъ казнить невѣжество и другіе пороки передъ идеаломъ современно-образованнаго чловѣка, идеаломъ, который всѣмъ образованнымъ людямъ доступенъ и многимъ можетъ быть по плечу. Не хотѣли видѣть, что уже въ «Невскомъ Проспектѣ» проглядываетъ желчное негодование на мишуру и фальшь поверхностной образованности — не хотѣли видѣть, что Хлестаковъ есть одинъ изъ ея представителей, а Городничиха, мечтающая объ *амбре* — одна изъ ревностныхъ адептокъ прогресса, со стороны его комфорта и вышшняго блеска, не хотѣли ничего этого видѣть, писали тысячу повѣстей на тему борьбы развитыхъ и тонкихъ натуръ съ грубостью и невѣжествомъ окружающаго ихъ быта — и потому весьма непріятно были удивлены 1) тѣмъ, что Римъ, т. е. *величавое искусство, простота, воспоминанія* — поставленъ постомъ неизмѣримо выше Парижа, т. е. настоящаго, кипящаго тревожною жизнью цивилизаціи, 2) тѣмъ, что душа героя «Рима» не удовлетворилась жизнью, кипящей тревогой, газетными толками, роскошью комфорта и т. д. — а ожила напротивъ, только что вдохнула въ себя *воздухъ родныхъ воспоминаній, простато безъ искусственнаго быта и т. д.*

Не это непріятно удивило нынѣшнюю нашу критику, повторяемъ, а то, что Гоголь началъ сравнивать вещи, неудобосравнимыя... Достойно ли, напримѣръ, таланта Гоголя говорить, что великолѣпный генуэзскій дворецъ выше, по своей архитектурѣ, пяти-этажнаго парижскаго дома; что картина Рафаэли выше одного изъ тысячи иллюстрированныхъ изданій?... Но продолжаемъ:

(*) Вотъ еще одно изъ достоинствъ критики послѣдняго десятилѣтія! Теперь спросить, что лучше: беллетристика или произведенія художественныя, значить то же, что задать вопросы: что лучше, сапоги или шляпа, вещи крайне-необходимыя, но имѣющія совершенно-рѣзное назначеніе. Теперь, когда беллетристика, соединясь съ исторіею и науками нравственными и общественными, одѣлалась однимъ изъ элементовъ жизни, совершенно-самостоятельнымъ, навязывать ей ту же цѣль, которую имѣетъ художество, значить не понимать ея задачи. А сравнивать художество и беллетристику, значить, по ученію новой нашей критики, не понимать первыхъ правилъ эстетики, которая допускаетъ сравненіе между предметами однородными. Гоголь оттого и поверхностенъ въ своемъ «Римѣ», что въ Парижѣ онъ видѣлъ только беллетристику и комфортъ, а въ Римѣ искусство — тѣмъ поверхностенъ, что онъ могъ задать себѣ такой вопросъ и смотрѣть на міръ съ одной картинной стороны. На улицахъ, въ магазинахъ, въ общественныхъ собраніяхъ онъ смотрѣлъ только на переломы оцѣта и группировку зданій...

«Римъ» наконецъ такъ явно высказалъ точку зрѣнія великаго комика на родной нашъ русской бытъ, такъ оправдывалъ его во всѣхъ взводимыхъ на него клеветахъ въ томъ, что будто бы онъ чернить Россію. *Многие поразило тогда приложение Рима къ Москву, къ Руси вообще, полной воспоминаній прошедшаго, чистыхъ стремленій, невозмутимой семейной тишины...* Римъ, однимъ словомъ, служилъ прологомъ къ «Мертвымъ Душамъ» въ ихъ настоящемъ, русскомъ значеніи, а не въ томъ, которое хотѣли и хотятъ еще доселѣ придать имъ — забывая, одни по злобѣ, а другіе по тупоумію, что герой ихъ Чичиковъ — трагическая жертва стремленій къ комфорту, внѣшнему блеску, вообще къ тому, что на европейскомъ языкѣ зовется прогрессомъ (?); не обращая вниманія на могучую поэзію картинъ кореннаго быта, разбросанныхъ по всей повѣсти, на духъ цѣлаго.

«Sapienti sat, и мы полагаемъ, что слишкомъ очевидны причины вражды не только къ тому, что Гоголь высказывалъ въ «Римѣ», въ «Мертвыхъ Душахъ», въ видѣ предчувствій, какъ лирикъ, но и къ тому даже, что Островскій полагаетъ теперь уже съ полнымъ спокойствіемъ какъ драматургъ — ибо онъ продолжаетъ самостоятельно то, на чемъ остановился и по натурѣ своей (?) долженъ былъ остановиться Гоголь».

Вотъ послѣ этого, намъ дѣлается дѣйствительно-яснымъ многое, и мы на этотъ разъ можемъ сказать: sat! Въ одномъ сравненіи Рима и Москвы для насъ открывается такой далекій горизонтъ, что мы боимся утомить читателя слишкомъ-длинной статьёй... На этотъ разъ, однако, кой-что скажемъ.

Такъ вотъ источникъ, изъ котораго вы почерпаете вашу связь съ преданіемъ! «Римъ» Гоголя для васъ — и лѣтопись русская, и послѣднее слово, сказанное исторіею о нашемъ прошломъ! Не труденъ же и недалеко источникъ вашей критики! Не такъ, дѣйствительно, поступаетъ другая критика, которая осмотрительно, съ помощію исторіи, разсматриваетъ, одно за другимъ, явленія старины нашей и обдуманно старается прежде судить о каждомъ отдѣльно, нежели порѣшить все одною гипотезою, одною идеею, однимъ заранѣе составленнымъ выводомъ, или, если хотите, *предчувствіемъ*, хотя бы то было предчувствіемъ самого Гоголя. Дѣйствительно, эта критика очень-стара и никогда не рѣшится на такой юношескій пріемъ. Что Гоголь говоритъ о Римѣ, то вы приноравляете къ Москвѣ: смотрите, не попадите въ то же положеніе, въ которомъ былъ Полевой, когда мѣркой западной исторіи мѣралъ русскую: вѣдь вы надъ этимъ *невѣжествомъ* сибьетесь! А что въ критикѣ «Москвитинна» въ послѣдніе годы играютъ главную роль положенія, заимствованныя изъ «Рима», теперь это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и мы считаемъ долгомъ указать на фразы, которыя безпрестанно повторяются и служатъ уже фундаментами новыхъ зданій. Кто слѣдилъ за критикой «Москвитинна», тотъ съ нами согласится; а такъ-какъ эти фразы будутъ служить великимъ разъясненіемъ главнаго вопроса, то мы ихъ и считаемъ долгомъ привести.

Сказавъ о томъ великомъ впечатлѣніи, которое производятъ на принципіе знаменитые памятники римской живописи, архитектуры и скульптуры, Гоголь прибавляетъ :

«Какъ полно было у него всякій разъ на душѣ, когда возвращался онъ домой; какъ было различно это чувство, объятые спокойной торжественностію тишины, отъ тѣхъ тревожныхъ впечатлѣній, которыми *бессмысленно* наполнялась душа его въ Парижѣ, когда онъ возвращался домой усталый, утомленный, рѣдко будучи въ силахъ повѣрить итогу ихъ.

«Теперь ему казалось еще болѣе согласною съ этими внутренними сокровищами Рима его неприглядная, потемнѣвшая, запачканная наружность, такъ бранимая иностранцами. Ему бы неприятно было ѣхать послѣ всего этого на модную ул. лу съ блестящими магазинами, щеголеватостью людей и экипажей : это было бы тѣмъ-то развлекающимъ, святотатственнымъ. Ему лучше нравилась эта скромная тишина улицъ, это особенное выраженіе римскаго населенія... этотъ живой неторопящійся народъ, живописно и покойно расхаживающій по улицамъ, закинувъ полуплащъ, или набросивъ себѣ на плечо куртку, безъ тягостнаго выраженія въ лицахъ, которое такъ поражало его на синихъ блузахъ и на всемъ народонаселеніи Парижа. Тутъ самая нищета являлась въ какомъ-то свѣтломъ видѣ, беззаботная, незнакомая съ терзаніемъ и слезами (?), безопасно и живописно протягивавшая руку... Наконецъ это населеніе художниковъ, собравшихся со всѣхъ сторонъ свѣта, которые бросили здѣсь узенькіе лоскутки одѣяній европейскихъ и явились въ свободныхъ живописныхъ нарядахъ, ихъ величественныя осанистыя бороды, снятыя съ портретовъ Леонарда да Винчи и Тиціана, такъ непохожія на тѣ уродливыя, узкія бородки, которыя Французъ передѣлываетъ и стрижетъ себѣ по пяти разъ въ мѣсяцъ... Самые разговоры и мнѣнія, слышанныя на улицахъ, въ кафе, въ остеріяхъ, были вовсе противоположны и непохожи на тѣ, которые слышались ему въ городахъ Европы. Тутъ не было толковъ о понизившихся фондахъ, о камерныхъ преніяхъ, объ испанскихъ дѣлахъ: тутъ слышались рѣчи объ открытой недавно древней статуѣ, о достоинствѣ кисти великихъ мастеровъ, раздавались споры и разногласія о выставленномъ произведеніи новаго художника, толки о народныхъ праздникахъ, и наконецъ частные разговоры, въ которыхъ раскрывался человекъ, и которые вытѣснены изъ Европы скучными общественными толками и политическими мнѣніями, изгнавшими сердечное выраженіе съ лицъ...

«Такъ протекала жизнь его въ созерцаніяхъ природы, искусствъ и древностей. Среди этой жизни почувствовалъ онъ, болѣе нежели когда либо, желаніе поглубже проникнуть исторію Италіи, доселѣ ему извѣстную эпизодами, отрывками; безъ нея казалось ему неполно настоящее, и онъ жадно принялся за архивы, лѣтописи и записки... Читая, онъ еще болѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнѣй, былъ пораженъ величіемъ и блескомъ минувшей эпохи Италіи. Его изумляло такое быстрое, разнообразное развитіе челоѣка... И все это исчезло и прошло вдругъ, все застыло, какъ погаснувшая лава, и выброшено даже изъ памяти Европою, какъ старый и ненужный хламъ... Почувялъ онъ теперь, смутясь, Великій Перстъ, передъ нимъ же повергается въ прахъ нѣмѣющій чело-

вѣкъ, Великій Перстъ, начертывающей свыше всемірныя событія. Онъ вызвалъ изъ среды ея же гонимаго гражданина, бѣднаго Генуэзца, который одинъ убилъ свою отчизну, указавъ міру невѣдомую землю и другіе широкіе пути. Раздался всемірный горизонтъ, огромнымъ размахомъ закипѣли движенія Европы, повеселись вокругъ свѣта корабли, двинувъ могучія сѣверныя силы. Осталось пусто Средиземное Море; какъ обмелѣвшее рѣчное русло, обмелѣла обойденная Италія...

«Въ порывѣ душевной жалости готовъ онъ былъ даже лить слезы. Но утѣшительная, величественная мысль приходила сама къ нему въ душу, и чуялъ онъ другимъ высшимъ чутьемъ, что не умерла Италія, что слышится ея неотразимое вѣчное владычество надъ всѣмъ міромъ... Въ такія минуты онъ даже весьма часто задумывался надъ нынѣшнимъ значеніемъ римскаго народа. Онъ видѣлъ въ немъ матеріаль еще непочатой. Еще ни разу не игралъ онъ роли въ блестящую эпоху Италіи... Его не зацѣплялъ ходъ двигавшихся внутри и внѣ его интересовъ; его не коснулось образование и не взметнуло вихремъ сокрытыя въ немъ силы. Въ его природѣ заключалось что-то младенчески благородное. Эта гордость римскимъ именованъ, въ-слѣдствіе которой часть города, считая себя потомками древнихъ квинтовъ, никогда не вступала въ брачныя союзы съ другими. Эти черты характера, смѣшаннаго изъ добродушія и страстей, показывающія свѣтлую его натуру: никогда римлянинъ не забывалъ ни зла, ни добра, онъ или добрый или злой, или расточитель, или скряга; въ немъ добродѣтели и пороки въ своихъ самородныхъ слояхъ, и не смѣшались, какъ у образованнаго человѣка, въ неопредѣленные образы, у котораго всякихъ страстишекъ по немногу подъ верховнымъ начальствомъ эгонзма; эта невоздержность и порывъ, развернуться на всѣ деньги — замашка сильныхъ народовъ, все это имѣло для него значеніе. Эта свѣтлая, непритворная веселость, которой теперь нѣтъ у другихъ народовъ... Наконецъ народъ, въ которомъ живетъ чувство собственного достоинства, здѣсь онъ il popolo, а не чернь, и носить въ своей природѣ прямая начала времени первоначальныхъ квинтовъ; его не могли даже совратить наѣзды иностранцевъ, развратителей пребывающихъ въ бездѣйствіи націй, наѣзды, порождающіе по трактирамъ и дорогамъ презрѣннѣйшій классъ людей, по которымъ путешественникъ произноситъ часто сужденіе обо всемъ народѣ... Все это показывало ему стихіи народа сильнаго, непочатаго, для котораго какъ будто готовилось какое-то поприще впереди. Европейское просвѣщеніе какъ будто съ умысломъ не коснулось его и не водрузило въ грудь ему своего холоднаго усовершенствованія...»

Нужно ли послѣ этого объяснять приведенную выше цитату изъ статьи г. Григорьева о значеніи въ Россіи кучеческаго сословія? Нужно ли объяснять, почему многія лица комедій г. Островскаго, посѣщающія трактиры и живущія на большихъ дорогахъ, заразились цивилизаціей и испортились; почему лица, непосѣщающія трактировъ, уцѣлѣли отъ соблазна; почему Любимъ Торцовъ — сама «невоздержность и порывъ развернуться на всѣ деньги», есть великая натура; почему лица комедій не «въ узенькихъ лоскуточкахъ одѣяній европей-

снихъ» величавы; почему... Но вопросы, которые не требуютъ отвѣтовъ, не оберешься, если только допустить, какъ нѣкоторые, что Гоголь въ Римѣ изображалъ Москву.

Такіе историческіе выводы, такіа философскія уствозанія—для одряхлѣвшей критики непонятны. Она употребляетъ другіе приемы, болѣе скромные, для восстановленія связи съ преданіемъ — она изучаетъ источники, разсматриваетъ ихъ, и только по достаточномъ изученіи дѣлаетъ окончательные выводы. Она перебираетъ эпоху за эпохой, историческія лица, одно за другимъ; она видѣла, какъ великіе писатели, начавшіе разсуждать а ргіоі о судьбахъ народовъ, ошибались ужаснѣйшимъ образомъ, и потому

...старость ходитъ осторожно
И осммотрительно глядитъ.

Но если Гоголь не думалъ изображать Москву въ своемъ «Римѣ», или если онъ колебался въ своихъ выводахъ изъ русской исторіи и изъ осторожности перенесъ ихъ на римскую жизнь, то, полагаемъ, прямая обязанность критики, которая утверждаетъ, что «Римъ» — Москва, доказать историческими фактами и болѣе-подробными разсужденіями свои положенія. Въ этомъ, конечно, всѣ согласятся съ нами, потому-что желаніе это самое естественное.

Вотъ всѣ доводы, которыми московская критика громитъ насъ. Все остальное въ статьѣ или не касается до насъ, или заключаетъ въ себѣ нѣкоторые странныя требованія; напр. зачѣмъ мы не пишемъ новыхъ статей о Пушкинѣ и Гоголѣ. А можетъ-быть, и напишемъ! остается намъ отвѣтить. Вѣдь если васъ упрекнуть, зачѣмъ вы не пишете статей, вы ссылаетесь, напримѣръ, на ненастную погоду, а съ нашей стороны не хотите принять въ соображеніе ничего...

Теперь мы спросимъ васъ, въ свою очередь, не о томъ, что вы сказали новаго—новаго вы еще ничего не сказали, а пока только перебираете слова Гоголя — мы спросимъ васъ, въ свою очередь: какъ же вы, слѣдя за литературой, не замѣтили главнаго ея движенія, такъ-называемаго историческаго, которое значитъ то же, что и ваши слова «связь съ преданіемъ» — но значитъ въ несравненно — обширнѣйшихъ разкѣрахъ, нежели вашъ кругозоръ? Историческая критика безпристрастнѣе и снисходительнѣе вашей, которая не терпитъ всего, что только не вашего прихода. Но развѣ оттого, что взглядъ вашъ болѣе тѣсенъ — онъ ужъ непремѣнно и болѣе истиненъ? Какъ же вы увлеклись мелкими журнальными статьями и, обративъ вниманіе на то, на что не стоило обращать вниманія, когда разсматривался такой важный вопросъ, погрязнувъ въ тинѣ zweemerныхъ статейекъ — не замѣтили общаго колорита, общаго, самаго утѣшительнаго направленія нашей критики? Какъ же было не стать выше мелочной журнальной полемики, о которой мы сами

не можемъ говорить иначе, какъ съ негодованіемъ? Въ вашихъ глазахъ разоблачались старинныя несправедливыя приговоры о Кантемирѣ-Сумароковѣ, Тредьяковскомъ, Ломоносовѣ, Фонвизинѣ, о лирическихъ поэтахъ XVIII вѣка, о Карамзинѣ, Жуковскомъ и множествѣ иностран-ныхъ поэтовъ и литераторовъ, а вы спрашиваете: что дѣлала наша критика? въ вашихъ глазахъ восстанавлилась связь съ преданіемъ, а вы говорите, что это ваше новое слово! въ вашихъ глазахъ восстанавлиется трудолюбивыми изыскателями старинный нашъ общественный бытъ на основаніи русскихъ источниковъ, а вы понятіе о немъ почерпаете изъ «Рима» Гоголя! на вашихъ глазахъ улеглись и утикли прежде-воевавшія эстетическія системы, а по вашей миѣнью, онѣ съ 1846 года скрылись куда-то неизвѣстно! на вашихъ глазахъ печатаются критическія статьи о русскихъ лѣтописяхъ, о памятникахъ русской старины, статьи, написанныя людьми спеціальными, посвятившими всю жизнь свою изученію одного этого предмета, а вы не видите разницы между этими статьями и прежними, написанными историками-дилеттантами, или литераторами-дилеттантами исторіи, называете ихъ сатурналіями или вакханаліями, и продолжаете почерпать свои свѣдѣнія о старинѣ изъ статей поверхностныхъ! у васъ въ глазахъ дѣлаютъ дѣло, а вы, отворотясь, спрашиваете, почему никто ничего не дѣлаетъ? Понятно, почему вы и въ литературѣ никого, кромѣ г. Островскаго, не видѣли: вы отвернулись отъ общаго хода литературы и обратили вниманіе лишь на то, что служитъ *вашему паюосу*, а не паюосу критики 1844-го года — и вы достигли желаемой цѣли. Но прежде всего должно, мы полагаемъ, отыскивать добрую сторону каждаго явленія и потомъ уже, какъ на зло, указывать на дурную: вы же, замѣтивъ дурную сторону, не хотѣли видѣть хорошей. Вы сами подверглись ходу нашей критики, не замѣчая этого, и сами же бросаете въ нее камень! Вы желаете служить, въ одно и то же время, и преданію, и теоріи художественной, и теоріи паюоса, и не замѣчаете, что въ прежнее время вы не могли бы этого дѣлать безъ явнаго отступничества отъ той или другой эстетической системы; вы бросаете камень въ прежнія понятія о народности, упрекаете ихъ въ поверхностности, а когда въ вашихъ глазахъ родились новые приемы критики, хотя и неотличающіеся блескомъ, но прочныя, вы по приѣру прежней, бросились на апіорискія попытки, и не замѣтили, что на ряду съ вашими резсужденіями, идутъ другіе труды, болѣе-основательныя, болѣе-положительныя! Труды эти стремятся къ результатамъ не поверхностнымъ и оттого скоро достигаемымъ. Паюосъ, тотъ несчастный паюосъ, который доказывалъ, что «гвоздь, выкованный рукою человѣка, лучше и изящнѣе лучшаго цвѣтка природы», нашолъ въ васъ же, поборникъ художественности, величайшаго защитника, и вы, перефразируя эти слова такъ: «гвоздь, выкованный въ Москвѣ, лучше и изящнѣе лучшаго цвѣтка въ природѣ», примѣняете это пра-

вело ко всемъ вашимъ рецензіямъ о комедіяхъ г. Островскаго, и удивляется, что въ Петербургѣ не могутъ понять вашей теоріи художественности! Какъ прежній паюсъ, и вашъ создаетъ куширчиковъ...

Но довольно на этотъ разъ; если осталось еще что-нибудь намъ необъясненное, мы не заставимъ долго ждать отвѣта и при первомъ случаѣ готовы сказать доброе слово въ пользу той критики, съ которой г. Григорьевъ не хочетъ даже разсуждать и недостатки которой мы также хорошо видимъ, какъ и достоинства.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

I.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ (*)

1853 — 1855.

III. ЧЕРНОМОРСКІЙ ФЛОТЪ И НАЧАЛО ВОЙНЫ СЪ АНГЛІЕЙ И ФРАНЦІЕЙ.

Взятіе пароходовъ «Владиміръ» и «Бессарабія» двухъ непріятельскихъ пароходовъ. — Встрѣча русскаго фрегата «Флора» съ тремя турецкими пароходами. — Донесеніе генерал-адъютанта князя Меншикова объ истребленіи турецкой эскадры при Синопѣ. — Подробности синопской побѣды. — Упраздненіе постовъ на восточномъ берегу Чернаго Моря. — Безпримѣрный подвигъ греческаго подданнаго Саранто Фотія. — Письмо императора французовъ къ Его Императорскому Величеству, въ Божѣ почившему Государю Николаю Павловичу. — Отвѣтъ Государя Императора. — Нападеніе англо-французскаго флота на г. Одессу. — Подвиги студентовъ Одесскаго Ришельевскаго Лицея. — Бездѣйствіе флота, стоявшаго у Одессы и его удаленіе. — Послѣдствія бомбардированія Одессы и признательность иностранныхъ консуловъ за оказанное имъ покровительство. — Появленіе англо-французскаго флота въ виду Севастополя. — Англійскій пароходъ-фрегатъ «Тигръ». — Взятіе непріятельскихъ двухъ греческихъ судовъ. — Нападеніе на Редутъ-Кале. — Приближеніе непріятельскихъ пароходовъ къ Севастополю.

Государь Императоръ изволилъ получить отъ генерал-адъютанта князя Меншикова, отъ 7-го ноября 1853 года, донесеніе изъ Севастополя о взятіи пароходами «Владиміръ» и «Бессарабія» двухъ пароходовъ: одного египетскаго десяти-пушечнаго съ боа, и одного турецкаго пассажирскаго.

Подробности взятія пароходомъ «Владиміръ» египетскаго парохода «Первас-Бахри» заключаются въ слѣдующемъ:

Генерал-адъютантъ, вице-адмиралъ Корниловъ, обозрѣвъ турецкіе берега и не найдя тамъ непріятельскихъ судовъ, отправился на пароходъ «Владиміръ» къ эскадрѣ вице-адмирала Нахимова, крейсировавшей у береговъ Анатолиі.

(*) Извлечено изъ «Русскаго Инвалида».

На семь переходъ, 5-го ноября, съ разсвѣтомъ, «Владимиръ» увидѣлъ анатолійскій берегъ между портомъ Амастро и мысомъ Керемпе, и пароходный дымъ по направленію къ Севастополю, а вскорѣ и эскадру вице-адмирала Нахимова, въ разстояніи отдаленнаго сигнала. Генерал-адъютантъ, вице-адмиралъ Корниловъ приказалъ взять курсъ къ видимому пароходу, который сталъ часто перемѣнять свое направленіе, видимо стараясь избѣгнуть встрѣчи. Въ четверть десятаго часа былъ поднятъ на «Владимиръ» опознательный сигналъ, но отвѣта не было; потомъ поднятъ былъ рангоутъ и русский флагъ. Въ половинѣ десятаго часа преслѣдуемый пароходъ направился прямо на «Владимиръ» и поднялъ турецкій флагъ, но, пройдя небольшое разстояніе, опять перемѣнилъ курсъ. Скоро пароходы сблизились. Видя, что непріятель малосильнѣе парохода «Владимиръ», генерал-адъютантъ, вице-адмиралъ Корниловъ велѣлъ сперва пустить ядро ему передъ носъ; онъ отвѣчалъ залпомъ съ борта; тутъ приказано было начать пальбу, по мѣрѣ досяганія ядеръ; вскорѣ пароходы, идя борть о борть, сблизились такъ, что непріятельскія ядра и гранаты перелетали черезъ пароходъ «Владимиръ». Усмотрѣвъ, что непріятель не имѣетъ кормовыхъ орудій, такъ-что, держась у него за кормою, можно обить его и тѣмъ принудить къ сдачѣ, пароходъ «Владимиръ» расположился у него въ кильватерѣ. Непріятель для отвѣта приводилъ и, давъ залпъ, снова перемѣнялъ курсъ къ берегу. Этимъ путемъ бой продолжался три часа и кончился тѣмъ, что хотя пароходу «Владимиръ» и легче было бить людей и разрушать корпусъ непріятельскаго парохода, не неся съ своей стороны никакой потери—ибо ядра его и гранаты, когда онъ приводилъ для залпа, продолжали летать черезъ пароходъ—генерал-адъютантъ, вице-адмиралъ Корниловъ рѣшилъ положить конецъ дѣлу и подойти на картечный выстрѣлъ. Нѣсколько удачныхъ залповъ съ парохода «Владимиръ» произвели такое разрушеніе, что непріятельскій пароходъ сдался.

Онъ оказался въ 220 силъ, десяти-пушечный египетскій. Въ нѣмъ взято команды 134 человекъ; убито же: капитанъ, офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 19, а ранено 18. Корпусъ парохода избитъ до разрушенія. Съ нашей стороны потеря слѣдующая: убито: адъютантъ генерал-адъютанта, вице-адмирала Корнилова, лейтенантъ Желъзовъ, и одинъ горнистъ; ранено: одинъ унтер-офицеръ и два матроса. Приведеніе парохода въ состояніе слѣдовать за «Владимиромъ» заняло до четырехъ часовъ времени. На другой день онъ былъ благополучно приведенъ въ Севастополь.

Генерал-адъютантъ, вице-адмиралъ Корниловъ, доноси о семъ дѣлѣ, присовокупилъ: «Капитанъ, офицеры и команда парохода «Владимиръ» вели себя самымъ достойнымъ образомъ: капитан-лейтенантъ Бутаковъ распорядился, какъ на маневрахъ; дѣйствіе артиллеріею было и быстро, и мѣтко, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ разрушеніе, имъ произведенное на непріятельскомъ суднѣ. Состоявшіе при нѣмъ флаг-офицеры, князь Барятинскій, Желъзовъ, Добро-

водскій и Ильинскій, поощряли команду своимъ примеромъ: Желановъ былъ офицеръ, подававшій большую надежду».

Государь Императоръ, получивъ донесеніе о взятіи поминутаго египетскаго парохода, Высочайше повелѣтъ соизволилъ назвать его «Корниловымъ» и пожаловалъ: всѣмъ офицерамъ парохода «Владиміръ» слѣдующіе чины и, сверхъ того: командиру, капитан-лейтенанту Бутакову орденъ св. Георгія 4-й степени; лейтенанту Цопандопуло орденъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ, и капитан-лейтенанту князю Барятинскому золотую саблю за храбрость; нижнимъ чинамъ восемь знаковь отличія военнаго ордена и, сверхъ того; унтер-офицерамъ по 10-ти руб. и матросамъ по 5-ти рублей серебромъ.

Фрегатъ «Флора», слѣдуя изъ Севастополя, въ Сухумъ-Кале, былъ атакованъ 6 ноября, ночью, на высотѣ укрѣпленія Пидунда, тремя турецкими пароходами, изъ которыхъ, какъ послѣ оказалось, одинъ былъ вице-адмиральскій. Вѣтеръ былъ тихій и пароходы, подойдя къ носовой части фрегата, старались дѣйствовать по немъ продолжными выстрѣлами; но фрегатъ, искусно управляя рулемъ и парусами, обращая къ неприятелю лѣвый бортъ, и сильнымъ огнемъ изъ всѣхъ орудій заставилъ пароходы отойти и прекратить пальбу. Вскорѣ неприятель возобновилъ атаку, но фрегатъ повторилъ тотъ же маневръ и съ тѣмъ же успѣхомъ. На разсвѣтѣ фрегатъ усмотрѣлъ въ нѣсколькихъ миляхъ шкуну «Дротикъ». Два парохода пошли прямо на шкуну, а третій остался при фрегатѣ. Фрегатъ, желая отвлечь силъ врага, направился къ оставшемуся пароходу и открылъ по немъ мѣткій огонь; тогда остальные два парохода возвратились и снова втроемъ начали дѣйствовать противъ фрегата; но, получивъ значительныя поврежденія, въ девять часовъ утра бѣжали въ безпорядкѣ, ведя адмиральскій пароходъ на буксирѣ. Неприятельскіе пароходы были двухбатарейные и имѣли, кромѣ того, бомбическія орудія, и на томъ, который былъ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ, замѣчены люди, одѣтые поевропейски. Фрегатъ «Флора» получилъ два подводныя пробояны. Съ нашей стороны не было ни убитыхъ, ни раненыхъ. Государь Императоръ, получивъ донесеніе о семъ отличномъ дѣлѣ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: «привести командира фрегата «Флора», капитан-лейтенанта Скоробогатова въ слѣдующій чинъ; офицеровъ—къ наградамъ, всѣмъ благоволеніе, а нижнимъ чинамъ шесть георгиевскихъ крестовъ и по 1 руб. серебромъ».

28-го ноября, вечеромъ, получено Государемъ Императоромъ слѣдующее донесеніе отъ генерал-адъютанта князя Меншикова:

«Повелѣніе Вашего Императорскаго Величества черноморскимъ флотомъ, исполнено самымъ блистательнымъ образомъ. Первая турецкая эскадра, которая рѣшилась выйдти на бой, 18-го числа сего мѣсяца истреблена вице-адмираломъ Нахимовымъ. Командовавшій ею турецкій адмиралъ Османъ-Паша, раненный, взятъ въ плѣдъ и привезенъ въ Севастополь.

Неприятель былъ на синоискемъ рейдѣ, гдѣ, укрѣпленный береговыми батареями, принялъ сраженіе. При этомъ у него истреблено:

семь фрегатовъ, одинъ шлюпъ, два корвета, одинъ пароходъ и нѣсколько транспортовъ. Засимъ оставался еще одинъ пароходъ, который спасся по превосходной быстротѣ своей.

Эта эскадра, повидимому, была та самая, которая снаряжалась для овладѣнія Сухумомъ и содѣйствія горцамъ.

Наша потеря состоитъ: въ одномъ обер-офицерѣ, 33-хъ убитыхъ нижнихъ чинахъ и 230-ти раненыхъ.

Письменныхъ подробностей покуда не имѣю; но податель сего, адъютантъ мой, подполковникъ Сколковъ, въ-состояніи передать многа изъ нихъ изустно».

За достославный этотъ подвигъ Его Величеству благоугодно было всемиловѣйше пожаловать:

Ордена: начальнику 5-й Флотской Дивизіи, вице-адмиралу Нахиму — св. Георгія 2-го класса, генерал-адъютанту Корнилову — св. Владиміра 2-й степени; командующему 4-ю Флотской Дивизіею, контр-адмиралу Новосильскому — св. Георгія 3-го класса, контр-адмиралу Панфилову — св. Владиміра 3-й степени, командирамъ: кораблей «Парижъ», капитану 1-го ранга Истомину; «Ростиславъ» капитану 1-го ранга Кузнецову — чины контр-адмирала; «Императрица Марія», капитану 2-го ранга Барановскому; «Великій Князь Константинъ», капитану 2-го ранга Ергомышеву — чины капитана 1-го ранга; фрегатовъ: «Кулевчи», капитан-лейтенанту Будищеву, «Кагулъ», капитан-лейтенанту Спицину; пароходовъ: «Одесса», капитан-лейтенанту Керну, «Херсонесъ» капитан-лейтенанту Штофрегену — чины капитана 2-го ранга; старшему адъютанту 5-й Флотской Дивизіи, лейтенанту Острено — чинъ капитан-лейтенанта. 32-го Экипажа командиру корабля «Три Святителя», капитану 1-го ранга Кутрову — орденъ св. Владиміра 3-й степени. Командиру парохода «Крымъ», капитану 2-го ранга Протопопову — орденъ св. Анны 2-й степени. Адъютанту начальника Главнаго Морскаго Штаба, подполковнику Сколкову чинъ полковника, съ назначеніемъ флигел-адъютантомъ къ Его Величеству.

Старшимъ офицерамъ на каждомъ суднѣ — ордена св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, а нижнимъ чинамъ въ каждую роту по десяти знаковъ отличія военнаго ордена, и всѣмъ участвовавшимъ въ дѣлѣ годовое жалованье.

Въ нижеслѣдующемъ сообщаются нѣкоторыя болѣе-подробныя свѣдѣнія о побѣдѣ, одержанной при Синопѣ, собранныя съ изустныхъ разсказовъ:

Вице-адмиралъ Нахимовъ, крейсера у береговъ Анатолиі, усмотрѣлъ съ моря на синопскомъ рейдѣ отрядъ турецкихъ военныхъ судовъ. На другой день жестокой штормъ отъ W воспрепятствовалъ ему приблизиться къ Синопу. Немедленно былъ отправленъ въ Севастополь пароходъ «Бессарабія» съ извѣщеніемъ, что есть неприятельскія суда на синопскомъ рейдѣ.

По полученіи сего извѣстія, приказано было тремъ 120-ти-пушечнымъ кораблямъ: «Парижъ», «Великій Князь Константинъ» и «Три Святителя» идти, подъ флагомъ контр-адмирала Новосильскаго, на не-

ридіанъ Синопа, и соединиться съ вице-адмираломъ Нахимовымъ. Между-тѣмъ вице-адмиралъ Нахимовъ, съ тремя кораблями и бригомъ, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, произвелъ рекогносцировку синопскаго рейда и осмотрѣлъ расположеніе непріятельскаго отряда, состоявшаго изъ семи «фрегатовъ», одного шлюпа, двухъ корветовъ, двухъ транспортовъ и двухъ пароходовъ. Суда сіи были расположены дугообразно, по направленію берега, съ завезенными шпрингами, дабы при всякомъ вѣтрѣ составить одну линію. На берегу, противъ интерваловъ судовъ, устроено было пять батарей. Съ 15-го на 16-е число, присоединился контр-адмиралъ Новосильскій съ своимъ отрядомъ. Вице-адмиралъ Нахимовъ въ тотъ же день отдалъ приказъ по эскадрѣ, что, съ первымъ благопріятнымъ вѣтромъ, адмиралъ намѣренъ атаковать непріятеля двумя колоннами, изъ которыхъ правую поведетъ вице-адмиралъ Нахимовъ, имѣя флагъ свой на кораблѣ «Императрица Марія», за нимъ пойдутъ корабли: «Великій Князь Константинъ» и «Чесма». Лѣвой колоннѣ, подъ начальствомъ контр-адмирала Новосильскаго, состоятъ изъ кораблей: «Парижъ», «Три Святителя» и «Ростиславъ».

18-го числа, при тихомъ, попутномъ вѣтрѣ отъ ОНО, въ десятомъ часу утра, сигналомъ адмирала приказано было эскадрѣ приготовиться къ бою и идти на синопскій рейдъ. Корабли двухъ колоннъ подъ лиселями стали приближаться къ непріятелю, который, за господствующимъ туманомъ и дождемъ, открылся лишь въ полумили разстояніи. Вице-адмиралъ Нахимовъ, подойдя на разстояніе около 250-ти саженъ къ двумъ непріятельскимъ «фрегатамъ», на одномъ изъ которыхъ былъ усмотрѣнъ вице-адмиральскій флагъ и за кормою котораго на берегу была батарея изъ двѣнадцати орудій, бросилъ якорь со шпрингомъ. Корабль «Парижъ» сталъ на якорь въ то же время; остальные корабли, подходя, занимали назначенныя имъ мѣста по дистанціи. Едва адмиральскій корабль отдалъ якорь, какъ непріятель открылъ по нашимъ кораблямъ жестокой огонь со всѣхъ своихъ судовъ и батарей; выстрѣлы его наносили большой вредъ рангоуту, корабли тотчасъ же вытянули шпринги и непрерывнымъ, мѣткимъ огнемъ своихъ орудій стали поражать непріятеля; корабль «Великій Князь Константинъ» не болѣе какъ въ пять минутъ времени срылъ батарею, находившуюся подъ его выстрѣлами; непріятельскій «фрегатъ», стоявшій близъ оной, по которому онъ преимущественно дѣйствовалъ изъ бомбическихъ орудій нижняго дека, взлетѣлъ на воздухъ. Въ скоромъ времени послѣ того корабль «Парижъ» бомбами взорвалъ еще одинъ турецкій «фрегатъ». Черезъ часъ времени, отъ мѣткихъ выстрѣловъ нашихъ кораблей, огонь непріятельскій сталъ ослабѣвать; между-тѣмъ на корабляхъ «Императрица Марія» и «Три Святителя» непріятель перебилъ шпринги, но они имѣли на полубаркасахъ верпы съ кабельтовыми, которые и завезли подъ непріятельскими выстрѣлами.

Въ два часа огонь съ непріятельскихъ судовъ почти прекратился; три «фрегата», въ томъ числѣ адмиральскій, 74-хъ-пушечный, горѣли, а отъ двухъ, разбитыхъ выстрѣлами и затонувшихъ транспортовъ,

видѣлись только мачты. Турецкая часть города горѣла въ двухъ мѣстахъ; въ половинѣ третьяго часа, по сигналу адмирала, велѣно было прекратить бой и въ то же время былъ посланъ офицеръ парламентеромъ въ городъ, объявить мѣстному турецкому начальству, что если съ батарей или съ берега будетъ сдѣланъ хотя одинъ выстрѣлъ, то адмиралъ разрушитъ и выжжетъ городъ до основанія. Офицеръ ей, пробывъ около часа на берегу, не могъ отыскать не только мѣстныхъ начальствъ, но никого изъ турокъ: они разбѣжались по ближайшимъ деревнямъ,

Фрегаты «Кагуль» и «Кулевчи» находились при началѣ боя, по приказанію адмирала, на рейдѣ подъ парусами, дабы, въ случаѣ, еслибъ нѣкоторые непріятельскія суда задумали спастись бѣгствомъ, имъ въ томъ воспрепятствовать. Они присоединились къ флоту въ концѣ сраженія, и преимущественно дѣйствовали по корму и шлюпу, которые находились за кормою корабля «Ростиславъ».

17-го числа, немедленно по изготовленіи пароходовъ «Одесса», «Крымъ» и «Херсонесъ», генерал-адъютантъ Корниловъ отправился съ ними изъ Севастополя къ Синопу, къ эскадрѣ вице-адмирала Нахимова. 18-го числа, въ началѣ перваго часа, съ парохода «Одесса», на которомъ находился генерал-адъютантъ Корниловъ, увидѣвъ, чрезъ переясекъ, на которомъ расположенъ городъ Синоупъ, начало сраженія нашей эскадры, и пароходы стали употреблять всевозможныя усилія, чтобъ скорее достигнуть рейда; при прохожденіи мимо Мыса Синопскаго, открылся турецкій 20-ти-пушечный пароходъ—фрегатъ «Тамъ», который въ продолженіе боя успѣлъ развести пары и стараясь спастись бѣгствомъ отъ общаго пораженія. Генерал-адъютантъ Корниловъ приказалъ поднять на пароходѣ «Одесса» свой флагъ, и держать на переяску курса турецкаго парохода, который, замѣтивъ это, перемѣнилъ прежнее направленіе и пошелъ вдоль берега; когда пароходъ «Одесса» приблизился на разстояніе пушечнаго выстрѣла, то съ него открыли огонь; послѣ часовой перестрѣлки, къ величайшему сожалѣнію, убѣдились, что непріятельскій пароходъ имѣлъ преимущество въ ходѣ и, несмотря на то, что почти былъ вътрое сильнѣе парохода «Одесса», не рѣшился принять сраженія, а стараясь только уйти; когда онъ уже былъ внѣ пушечнаго выстрѣла, генерал-адъютантъ Корниловъ возвратился изъ погони къ эскадрѣ вице-адмирала Нахимова, приказавъ пароходамъ «Крымъ» и «Херсонесъ» слѣдовать за нимъ. Пароходамъ «Крымъ» и «Херсонесъ» велѣно сейчасъ же отбуксировать корабли изъ-подъ выстрѣловъ береговыхъ батарей, на случай, еслибъ непріятель задумалъ возобновить ночью стрѣльбу. Пароходу «Одесса» приказано было овладѣть и отвести отъ берега 50-ти-пушечный фрегатъ «Даміета», который оказался наимѣнѣе пострадавшимъ отъ нашихъ выстрѣловъ; на немъ оказалось около ста человекъ команды и болѣе пятидесяти человекъ раненыхъ. Командиръ и офицеры оставили фрегатъ въ началѣ дня, забравъ всѣ грѣбныя суда и стараясь спастись постыднымъ бѣгствомъ на берегъ.

Вечеромъ на горѣвшихъ судахъ, по мѣрѣ того, какъ распадались орудія, они палили дранми по рейду, но напоси, впрочемъ, почти ан-

нашего вѣра надѣмъ судамъ. Наконецъ, когда огонь достигалъ крыйт-камеръ, они влетали на воздухъ; горящія обломки падали на турецкую часть города и зажигали ее; около полуночи все пространство, обнесенное каменною стѣною, горѣло; часть города, обитаемая греками, осталась невредимою отъ пожара. 19-го числа, съ разсвѣтомъ, изъ двѣнадцати судовъ, составлявшихъ турецкую эскадру, остались на рейдѣ фрегатъ «Даміета», на бакштовѣ парохода «Одесса», шлюпъ и корветъ на мели, совершенно обитые, у южнаго берега бухты. При внимательномъ осмотрѣ оказалось, что фрегатъ «Даміета» имѣлъ семнадцать подводныхъ пробоинъ; вся подводная часть, рангоутъ и снасти до того повреждены, что безъ значительныхъ исправлений, потребавшихъ бы много времени, его невозможно было бы привести до Севастополя, и потому приказано было бросить его на берегъ и сжечь.

Гребнымъ судамъ фрегата «Кагулъ» велѣно было зажечь шлюпъ и корветъ. Офицеры, посланные для исполненія сего, нашли на шлюпѣ начальника турецкой эскадры Османъ-Пашу, ренегота въ правую ногу, командира фрегата, командира корвета и восемьдесятъ нижнихъ чиновъ. Турецкіе начальники и команда были взяты военно-пленнымъ и отведены: первые на пароходъ «Одесса», вторые на корабль «Чесма». Къ вечеру на рейдѣ сивохскомъ не было болѣе на водѣ ни одного турецкаго судна.

Лишь только прекратился бой, команды нашихъ кораблей, такъ славно дѣйствовавшія орудіями, принялись съ новымъ усердіемъ исправлять поврежденія, нанесенныя непріателемъ, которыхъ болѣею частью заключались въ рангоутъ и снастяхъ. Корабли, болѣе пострадавшіе въ своемъ вооруженіи, были: «Императрица Марія», «Три Святителя», «Великій Князь Константинъ» и «Ростиславъ».

Вся эскадра вице-адмирала Нахимова 20-го числа снялась съ якоря съ Сивопскаго Рейда; поврежденные корабли буксировали пароходы, а 22-го корабли: «Императрица Марія», «Три Святителя» и «Великій Князь Константинъ» прибыли на Севастопольскій Рейдъ.

По занятіи восточнаго берега Чернаго Моря, въ послѣднюю турецкую войну, правительство обратило особое вниманіе на прекращеніе гнусной продажи женщинъ и дѣтей, составлявшей главнѣйшій предметъ торговли кадказскихъ горцевъ съ турками.

Въ этихъ видахъ, на этомъ берегу возведены были между Геленцикомъ и Гаграми временные посты и учреждено постоянное крейсерство на лодкахъ особаго устройства, съ командами Азовскаго Назачьяго Войска; этою мѣрою, отважно исполняемою храбрыми казаками, достигалась доселѣ предположенная челоуколюбивая цѣль.

Нынѣ же, съ измѣненіемъ обстоятельствъ, въ которыхъ построены были эти посты, должно было принять въ соображеніе, что они, во свѣдѣнствѣ мѣстности, не имѣютъ сухопутнаго сообщенія и потому гарнизоны ихъ, оставаясь совершенно-отдѣльными отъ главныхъ силъ нашихъ, не могли принести никакой пользы въ общей системѣ предстоившихъ намъ дѣйствій.

По симъ уваженіямъ , поручено было генерал-адъютанту князю Меньшикову распорядиться упраздненіемъ этихъ постовъ и снятіемъ ихъ гарнизоновъ.

Князь Меньшиковъ исполнилъ это съ успѣхомъ , которымъ сопровождаются всѣ дѣйствія черноморскаго флота.

3-го марта 1854 года, отправлены изъ Геленчика:

Пароходы: имя на буксиръ:
«Молодецъ» гребныя суда.

Подъ флагомъ вице-адмирала
Серебрякова.

«Крымъ» транспортъ «Мамай».

Подъ флагомъ контр-адмирала
Панфилова.

«Одесса» — «Бзыбъ».

«Херсонесъ» — «Гостогай».

«Боецъ» — «Кодось».

«Могучій» — «Цемесь».

«Аргонавтъ» гребныя суда.

Слѣдуя вдоль кавказскаго берега, по мѣрѣ прохожденія постовъ, оставались суда для приѣма гарнизоновъ ; но , подходя къ навагинскому посту, усмотрѣны были два парохода : одинъ французскій , а другой англійскій. Нагрузка была приостановлена и приняты были мѣры для вступленія въ бой; но неприятельскіе пароходы держались поодаль, прошли мимо, и амбаркація продолжалась.

Между-тѣмъ , эти пароходы на высотѣ вельяминскаго поста остановили транспортъ «Бзыбъ», къ которому пристали два офицера и сдѣлали командиру (лейтенанту 44-го экипажа Чебышеву) слѣдующіе вопросы:

вопросы:

отвѣты:

Какіе именно пароходы видѣли у навагинскаго укрѣпленія?
Что они тамъ дѣлаютъ ?

Русскіе военные.

Тамъ адмиралъ , и онъ мнѣ не сообщаетъ своихъ намѣреній.

Мы.

Оттого, что такъ приказано.

Черкесы, или вы сжете посты?
Для чего вы сжете ?

Не знаю ; но полагаю, что съ моръ и близко.

Гдѣ вашъ флотъ ?

По полученіи сихъ отвѣтовъ , пароходы удалились , назвавъ себя «Могадоромъ» и «Самсономъ».

5-го числа вся экспедиція прибыла въ Новороссійскъ , гдѣ высадила на берегъ гарнизоны постовъ : навагинскаго, головинскаго , лазарева, Вельяминовскаго, тенгинскаго и новотроицкаго.

Бури воспрепятствовали эскадрѣ контр-адмирала Вукотича снятъ гарнизонъ Укрѣпленія Св. Духа. Перевозка онаго исполнена съ 9-го на 10-е число пароходомъ «Громоносецъ», съ которымъ посланъ былъ флигел-адъютантъ полковникъ Сколковъ.

Во всѣхъ означенныхъ постахъ сняты, кромѣ гарнизоновъ, числомъ до пяти тысячъ человекъ, всѣ семейства воинскихъ чиновъ, вольнопромышленники и большая часть казеннаго имущества; остальное имущество и строенія сожжены, а брустверы взорваны.

Такимъ-образомъ, боевые способы наши усилились значительнымъ числомъ войскъ, отборныхъ и испытанныхъ многолѣтнею службою среди непокорнаго края.

При упраздненіи въ началѣ марта нѣкоторыхъ постовъ на восточномъ берегу Чернаго Моря, гарнизонъ гагринскій оставленъ былъ въ этомъ пунктѣ, впредь до разъясненія дѣлъ въ Абхазіи; въ половинѣ же апрѣля мѣстное начальство признало дальнѣйшее удержаніе гагринскаго поста, по ходу обстоятельствъ, бесполезнымъ.

Греческій подданный, уроженецъ острова Идры, Саранто Фотія совершилъ при этомъ случаѣ подвигъ безпримѣрный: онъ вызвался безвозмездно на принадлежащемъ ему суднѣ «Св. Іоаннѣ» отправиться въ Гагры и вывезти оттуда гарнизонъ. Достохвальное усердіе его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Прибывъ, по назначенію, 19-го апрѣля, Саранто Фотія узналъ, что горцы въ значительныхъ силахъ обложили этотъ постъ еще 9-го числа, но, встрѣченные мужественною обороною гарнизона, ожидали появленія англо-французскихъ кораблей для рѣшительнаго нападенія.

Посаженію войскъ на суда погода не благопріятствовала; къ чему можно было приступить только 20-го числа, въ два часа пополудни, и, по недостатку гребныхъ судовъ, оно продолжалось до полуночи. Когда смерклось, горцы пытались на штурмъ, но были отбиты картечью; между-тѣмъ постепенно весь гарнизонъ былъ вывезенъ, кромѣ охотниковъ, оставшихся для заклепанія орудій и взрыва оборонительныхъ верковъ.

Отважное это дѣло, при угрожавшемъ натискѣ горцевъ, исполнено: поручиками Черноморскаго Линейнаго № 9-го батальона Богаевскимъ и Сезишевскимъ, Тифлискаго Артиллерійскаго Гарнизона поручикомъ Безручкинымъ, 33 человекъ нижнихъ чиновъ и бывшимъ на суднѣ «Св. Іоаннѣ» русскоподданнымъ грекомъ Павломъ Попандоло. Они открыли очередную пальбу изъ орудій, которыя заклепывались немедленно послѣ выстрѣла; въ то самое время начали поджигать строенія, въ которыхъ разложены были огнестрѣльные запасы; когда же огонь разгорѣлся, подожгли проводники къ минамъ, проведеннымъ подъ стѣны поста, и благополучно присоединились къ своимъ товарищамъ.

21-го апрѣля, съ судна «Св. Іоаннѣ» видны были послѣдствія взрывовъ и пожаровъ; горцы не смѣли приближаться къ развалинамъ, среди которыхъ продолжались разрывы бомбъ и гранатъ.

23-го числа, вечеромъ, гагринскій гарнизонъ доставленъ въ Керчь, въ числѣ 606 человекъ, съ церковною утварью и иконостасомъ, двумя когорновыми мортирами и полнымъ комплектомъ оружія и боевыхъ патроновъ.

При перестрѣлкахъ съ горцами и при самомъ упрямѣйшемъ поствѣ, не было у насъ никакой потери въ людяхъ.

Во все это время неприятельскія суда не показывались и не были встрѣчены судномъ «Св. Іоаннъ» ни при слѣдованіи его къ Гаграмъ, ни на обратномъ его пути.

Государя Императоръ, во всемилющивѣйшемъ вниманіи къ доблестному подвигу шкипера Фотія, соизволилъ пожаловать его награднымъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени и назначить какъ ему, такъ и всему экипажу судна «Св. Іоаннъ», денежныя награды.

Отъ 29-го января 1854 года императоръ французовъ оправдалъ письмо къ Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу, на которое въ Бозѣ почившій Государь отвѣчалъ немедленно. Предварительно изложенія военныхъ дѣйствій Англій и Франціи противъ Россіи, мы долгомъ считаемъ помѣстить эти письма, какъ важнѣйшіе документы настоящей войны.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА ФРАНЦУЗОВЪ.

Тюльерійскій Дворецъ, 29-го января 1854.

Государь!

Разногласіе, возникшее между Вашимъ Величествомъ и Портою Оттоманскою, достигло такой степени важности, что я считаю долгомъ самъ объяснять прямо Вашему Величеству, какое участіе Франція принимала въ семъ дѣлѣ и какія средства представляются мнѣ для устраненія опасностей, угрожающихъ спокойствію Европы.

Въ ночь, представленной, по повелѣнію Вашего Величества, моему Кабинету и Кабинету Королевы Викторіи, стараются доказать, что система понужденія, принятая морскими державами съ самаго начала, одна растравила вопросъ. Мнѣ же кажется, что вопросъ этотъ остался бы дѣломъ кабинетнымъ, еслибъ занятіе нинкествъ не превратило вдругъ переговоровъ въ дѣйствія. Между-тѣмъ, и по вступленіи войскъ Вашего Величества въ Валахію, мы приглашали Порту не считать этого занятія поводомъ къ войнѣ, свидѣтельствуя тѣмъ о крайнемъ желаніи нашемъ достигнуть примиренія. Согласившись съ Англіею, Австріею и Пруссіею, я предложилъ Вашему Величеству ноту, которая была бы удовлетворительна для обѣихъ сторахъ. Ваше Величество ее приняло; но лишь только получили мы сіе благопріятное извѣстіе, какъ Вашъ министръ, объяснительными къ ней примѣчаніями, уничтожилъ весь успѣхъ примиренія и воспрепятствовалъ намъ настаивать въ Константинополѣ на простомъ и безусловномъ принятіи ея. Порта, съ своей стороны, предложила сдѣлать въ преслѣтѣ ноты измѣненія, которыя, по итѣнію представителей четырехъ державъ въ Вѣнѣ, могли быть допущены. Они не были одобрены Вашимъ Величествомъ. Тогда Порта, оскорбленная въ своемъ достоинствѣ, угрожаемая въ своей независимости, отягощенная уже сдѣланными ею усиліями для противопоставленія войска арабамъ Вашего

Величества, предпочла объявленіе войны этому положенію нерѣшительному и унизительному. Она просила нашего пособія; дѣло ея казалось намъ справедливымъ. Эскадры англійская и французская получили приказаніе войти въ Босфоръ.

Мы приняли, въ отношеніи къ Турціи, положеніе покровительствующее, но не дѣйствующее. Мы не поощряли ея къ войнѣ. Мы безпрерывно подавали Султану совѣты о миролюбии и умѣренности, увѣренныя, что симъ средствомъ достигнемъ примиренія, и четыре державы вновь согласились представить Вашему Величеству другія предложенія. Ваше Величество, съ своей стороны, являя спокойствіе, порождаемое сознаніемъ своей силы, ограничивались какъ на лѣвомъ берегу Дуная, такъ и въ Азійи отраженіемъ нападенія турокъ, и съ умѣренностью, достойною Владыки великой Имперіи, объявили, что будете оставаться въ оборонительномъ положеніи. Итамъ дотогѣ мы были, могу сказать, внимательными зрителями военныхъ дѣйствій, но не принимали въ нихъ участія. Вдругъ синопское дѣло заставило насъ принять положеніе болѣе рѣшительное. Франція и Англія не считали полезнымъ посылать десантныя войска на помощь Турціи. Итамъ, ихъ флагъ не принималъ участія въ дѣлахъ, происходившихъ на сушѣ. Но на морѣ было иное. Три тысячи орудій при входѣ въ Босфоръ присутствіемъ своимъ довольно-громко говорили Турціи, что двѣ первенствующія морскія державы не дозволитъ ваваятъ на нее на морѣ. Синопское происшествіе было для насъ и оскорбительно и неожиданно. Независимо то, хотѣли ли турки или нѣтъ перевезти военные запасы на русскіе берега; дѣло въ томъ, что русскіе корабли напали на суда турецкія на водахъ Турціи, стоявшія спокойно въ турецкомъ портѣ. Она истребили ихъ, несмотря на обѣщаніе не вести войны наступательной, несмотря на близость нашихъ эскадръ. Въ этомъ случаѣ оскорбленіе нанесено было не политикѣ нашей, а нашей военной чести. Пушечные выстрѣлы Синопа грустно отзывались въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, которые въ Англіи и Франціи живо чувствуютъ національное достоинство. Воскликнули единогласно: «союзники наши должны быть уважаемы вездѣ, куда могутъ достигнуть наши выстрѣлы!» Посему дано было нашимъ эскадрамъ предписаніе войти въ Черное Море и, если нужно, силою препятствовать повторенію подобнаго событія. Посему послано было Санктпетербургскому Кабинету общее объявленіе съ извѣщеніемъ его: что если мы станемъ препятствовать туркамъ къ перенесенію наступательной войны на берега, принадлежащіе Россіи, то будемъ покровительствовать снабженію ихъ войскъ на ихъ собственной землѣ. Что же касается до русскаго флота, то, препятствуя ему въ плаваніи по Черному Морю, мы поставляемъ его въ иное положеніе; ибо надлежало на время продолженія войны сохранить залогъ, равносильный владѣніямъ турецкимъ, занятымъ русскими, и облегчить такимъ образомъ заключеніе войны, имѣя способъ къ обоюдному обмѣну.

Вотъ, Государь, точный ходъ и послѣдовательность событій. Ясно, что, по достиженіи ими сей степени, они должны привести или къ окончательному соглашенію, или къ рѣшительному разрыву.

Ваше Величество подали столько свидѣтельствъ попечительности своей о сохраненіи спокойствія Европы, содѣйствовали тому такъ могущественно своимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ противъ духа безпорядка, что я не сомнѣваюсь въ томъ, которую часть вы изберете изъ представленныхъ Вамъ на выборъ. Если Ваше Величество, подобно мнѣ, желаете миролюбиваго окончанія, этого можно достигнуть очень-просто: объявленіемъ, что немедленно будетъ заключено перемиріе, что дѣла пойдутъ своимъ дипломатическимъ порядкомъ, что всякое непріязненное дѣйствіе прекратится и что всѣ воюющія силы оставятъ тѣ мѣста, куда призваны были по поводу войны.

Итакъ, русскія войска вышли бы изъ княжествъ, а наша эскадра изъ Чернаго Моря. Такъ-какъ Ваше Величество предпочитаете вести переговоры прямо съ Турціею, то Вы назначили бы посла для заключенія съ уполномоченнымъ Султана конвенціи, которая потомъ будетъ представлена конференціи четырехъ державъ. Въ случаѣ принятія сего плана, въ которомъ мы съ Королевою Викторіею совершенно согласны, спокойствіе будетъ возобновлено и свѣтъ удовлетворенъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ семъ планѣ не заключается ничего такого, что не было бы достойно Вашего Величества, что могло бы оскорбить честь Вашу. Но когда, по причинамъ, которыя трудно понять, Ваше Величество будете отвѣчать отказомъ, тогда Франція, какъ и Англія, будетъ принуждена предоставить жребію оружія и случайностямъ войны рѣшеніе, котораго можно было теперь достигнуть разсудкомъ и справедливостью.

Не думайте, Ваше Величество, чтобъ въ моемъ сердцѣ была малѣйшая непріязненность: я питаю только тѣ чувства, которыя Ваше Величество выразили сами въ письмѣ ко мнѣ отъ 17-го января 1853 года: «Наши сношенія должны быть искренно-дружественныя и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненія порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и взаимной благопріязни. Эта программа достойна Государя, начертавшаго оную, и я не колеблюсь скажу, что пребылъ ей вѣренъ».

Прошу Ваше Величество вѣрить искренности моихъ чувствъ, и съ сими чувствами пребываю,

Государь,

Вашего Величества

добрый другъ

Наполеонъ.

Отвѣтъ Его Величества Государя Императора.

Санктпетербургъ. 28-го января (9-го февраля) 1854.

Государь!

Не могу лучше отвѣчать Вашему Величеству, какъ повтореніемъ словъ, сказанныхъ мною, которыми оканчивается ваше письмо: «Наши сношенія должны быть искренно-дружественныя и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненія порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и взаимной благопріязни». Принимая сію

программу, какъ я начерталъ оную Самъ, вы утверждаете, что пребывали ей вѣрны. Смѣю думать, и совѣсть меня въ томъ удостовѣряетъ, что я отъ ней не уклонялся; ибо въ дѣлѣ, раздѣляющемъ насъ, и возникшемъ не по моей винѣ, я всегда старался о сохраненіи благопріятныхъ сношеній съ Франціею, и съ величайшимъ раченіемъ избѣгалъ встрѣтиться на этомъ поприщѣ съ выгодами религіи, исповѣдуемой Вашимъ Величествомъ; дѣлалъ, для поддержанія мира, всѣ уступки въ формѣ и въ существѣ, какія только допускала честь моя, и, требуя для моихъ единовѣрцевъ въ Турціи утвержденія правъ и преимуществъ, пріобрѣтенныхъ для нихъ издавна цѣною русской крови, не искалъ ничего такого, что не истекало бы изъ трактатовъ. Еслибъ Порты была предоставлена самой себѣ, раздоръ, приводящій въ недоумѣніе Европу, давно былъ бы прекращенъ. Бѣдственное вліяніе одно тому воспрепятствовало. Возбуждая неосновательныя подозрѣнія, распалая фанатизмъ турокъ, представивъ правительству ихъ мои намѣренія и истинное значеніе моихъ требованій въ ложномъ видѣ, дали этому вопросу такіе обширные размѣры, что изъ него неминуемо должна была возникнуть война.

Ваше Величество позвольте мнѣ не распространяться въ подробности обь обстоятельствахъ, изложенныхъ въ Вашемъ письмѣ съ особенной вашей точки зрѣнія. Многія дѣйствія мои оцѣняются въ немъ, по моему мнѣнію, не во всей точности; многіе случаи, изложенные превратно, потребовали бы, для представленія ихъ въ надлежащемъ видѣ, по-крайней-мѣрѣ, какъ я ихъ понимаю, слишкомъ подробныхъ толкованій, несовѣстныхъ съ перепискою между царственными лицами. Такимъ образомъ Ваше Величество полагаете занятіе княжествъ виною быстрого превращенія переговоровъ въ дѣйствія. Но вы упускаете изъ виду, что этому занятію, еще только временному, предшествовалъ и преимущественно подалъ поводъ случай весьма важный—появленіе союзныхъ флотовъ вблизи Дарданеллъ, да и гораздо прежде того, когда Англія колебалась еще принять понудительное положеніе противъ Россіи, Ваше Величество предупредили ее отправленіемъ своего флота до Саламина. Это оскорбительное дѣйствіе возвѣщало, безспорно, малое ко мнѣ довѣріе. Оно должно было поощрить Турокъ и заранѣе препятствовать успѣху переговоровъ, показавъ имъ, что Франція и Англія готовы поддержать ихъ дѣло во всякомъ случаѣ. Такимъ же образомъ Ваше Величество говорите, что объяснительныя замѣчанія моего кабинета къ вѣнской нотѣ поставили Францію и Англію въ невозможность побуждать Порту къ принятію оной. Но Ваше Величество можете вспомнить, что наши замѣчанія не предшествовали отказу въ простомъ и безусловномъ принятіи ноты, а послѣдовали за нимъ; и я полагаю, что еслибъ сіи державы сколько-нибудь дѣйствительно желали сохраненія мира, онѣ должныствовали бы съ самаго начала содѣйствовать этому простому и безусловному принятію ноты, и не допускать со стороны Порты измѣненія того, что мы приняли безъ всякой перемѣны. Впрочемъ, еслибъ которое-либо изъ нашихъ замѣчаній могло подать поводъ къ затрудненіямъ, я сообщилъ въ Ольмюцѣ достаточное имъ поясненіе, которое Австрія и

Пруссія признала удовлетворительнымъ. Къ-неожиданно, между-тѣмъ временемъ, часть англо-французскаго флота вошла уже въ Дарданеллы, подъ предлогомъ охраненія жизни и собственности англійскихъ и французскихъ подданныхъ, а для входа всего флота, безъ нарушенія трактата 1841 года, надлежало, чтобъ оттоманское правительство объявило намъ войну. По моему мнѣнью, еслибъ Франція и Англія желали мира, какъ я, имъ слѣдовало, во что бы ни стало, препятствовать сему объявленію войны; или когда война уже была объявлена, употребить старанія, чтобъ она ограничивалась тѣсными предѣлами, которыми я желалъ оградить ее на Дунаѣ, чтобъ я не былъ насильно выведенъ изъ чисто-оборонительной системы, которую желалъ сохранять. Но съ той поры, какъ дозволили туркамъ напасть на азіатскія наши границы, захватить одинъ изъ пограничныхъ постовъ (даже до срока, назначеннаго для открытія военныхъ дѣйствій), обложить Ахалцыхъ и опустошить Армянскую Область; съ-тѣхъ-поръ, какъ дали турецкому флагу свободу перевозить на наши берега войска, оружіе и снаряды — можно ли было, по здравому смыслу, надѣяться, что мы спокойно будемъ ожидать послѣдствія такихъ покушеній? Не слѣдовало ли предполагать, что мы употребимъ всѣ средства для воспрепятствованія этому? Затѣмъ случилось синопское дѣло. Оно было неминуемымъ послѣдствіемъ положенія, принятаго обѣими державами, и это происшествіе, конечно, не могло имъ показаться *непредвидленнымъ*. Я объявилъ, что желаю оставаться въ оборонительномъ положеніи, но объявилъ это прежде, нежели вспыхнула война, доколѣ моя честь и мои выгоды это дозволяли, доколѣ война оставалась въ извѣстныхъ предѣлахъ. Все ли было сдѣлано для того, чтобъ эти предѣлы не были нарушены? Когда Ваше Величество, не довольствуясь быть зрителемъ, или даже посредникомъ, пожелали стать вооруженнымъ пособникомъ моихъ враговъ, тогда, Государь, было бы гораздо-прямѣе и достойнѣе васъ предупредить меня о томъ откровенно, объявивъ мнѣ войну. Тогда всякъ зналъ бы, что ему дѣлать. Но справедливое ли дѣло обвинять насъ въ событіи по совершеніи оного, когда сами ни комъ и образомъ его не предупреждали? Если пушечные выстрѣлы въ Синопѣ грустно отозвались въ сердца тѣхъ, кто во Франціи и Англіи живо чувствуетъ народное достоинство, не-ужели Ваше Величество думаете, что грозное присутствіе при входѣ въ Босфоръ трехъ тысячъ орудій, о которыхъ вы говорите, и вѣсть о входѣ ихъ въ Черное Море, не отозвались въ сердца народа, котораго честь я защищать обязанъ? Я узналъ отъ васъ впервые (ибо въ словесныхъ объявленіяхъ, сдѣланныхъ мнѣ здѣсь, этого сказано не было), что, покровительствуя снабженію припасами турецкихъ войскъ на собственной ихъ землѣ, обѣ державы рѣшились, *препятствовать нашему плаванію по Черному Морю*, то-есть, вѣроятно, снабженію припасами собственныхъ нашихъ береговъ. Предоставляю на судъ Вашего Величества, облегчается ли этимъ, какъ вы говорите, заключеніе мира, и дозволено ли мнѣ, при этомъ выборѣ одного изъ двухъ предложеній, не только разсуждать, но и помыслить на одно мгновеніе, о вашихъ предложеніяхъ перемирія, о не-

подлеженіи оставленіи князейъ и о вступленіи въ переговоры съ Портою для заключенія конвенціи, которая потомъ была бы представлена конференціи четырехъ державъ. Сами вы, Государь, еслибы вы были на моемъ мѣстѣ, не-уже-ли согласились бы принять такое положеніе? Могло ли бы чувство народной вѣсти вамъ то дозволить? Сильно отвѣчаю: нѣтъ! Итакъ дайте и мнѣ право мыслить такъ, какъ вы. На что бы Ваше Величество ни рѣшились, я не отступлю ни предъ какою угрозою. Довѣраю Богу и моему праву, и Россія, ругаясь въ томъ, вѣится въ 1854 году такою же, какъ была въ 1812-мъ.

Если, при всемъ томъ, Ваше Величество, съ меньшимъ равнодушіемъ къ моей вѣсти, возвратитесь чистосердечно къ нашей программѣ; если вы подадите мнѣ отъ сердца вашу руку, какъ я вамъ предлагаю свою въ эти послѣднія минуты, я охотно забуду все, что въ прошедшемъ могло бы быть для меня оскорбительнымъ. Тогда, Государь, не только тогда намъ можно будетъ вступить въ сужденія и, можетъ быть, согласиться. Пусть ваша флотъ ограничится удержаніемъ турокъ отъ доставленія новыхъ силъ на позоріище войны. Охотно обѣщаю, что амь нечего будетъ страшиться моихъ нападеній. Пусть они пришлютъ ко мнѣ уполномоченнаго для переговоровъ: я вступлю его съ надлежащимъ приличіемъ. Условія мои извѣстны въ Вѣнѣ. Вотъ единственное основаніе, на которомъ мнѣ позволено вести переговоры.

Прошу Ваше Величество адрить искренности нудастъ,
съ коими пребываю,

Государь,

вашего величества

добрый другъ

Николай.

Военныя дѣйствія Англій и Франціи противъ Россіи начались нападеніемъ на городъ Одессу. Командовавшій тамъ войсками генерал-адъютантъ Остенъ-Сакенъ 1-й представилъ военному министру, для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору, списокъ съ донесенія его главнокомандующему дѣйствующею арміею отъ 10-го сего апрѣля, о покушеніи, сдѣланномъ противъ Одессы соединенными англійскимъ и французскимъ флотами.

Военныя дѣйствія сихъ флотовъ открыты въ самый день страстной субботы; но они нисколько не остановили во всѣхъ церквахъ богослуженія: храмы были наполнены народомъ, который, какъ въ обыкновенное время, съ умиленіемъ возносилъ молитвы ко Всевышнему, и въ городѣ все селовіи отличались совершеннымъ спокойствіемъ.

Списокъ съ донесенія господину главнокомандующему дѣйствующею арміею, генерал-адъютанта барона Остенъ-Сакена 1-го отъ 10-го апрѣля 1854 г. № 280.

Вчерашній день непріятельская эскадра, въ числѣ шести трехдечныхъ, тринадцати двухдечныхъ линійныхъ кораблей и девяти паро-

ходовъ , подошла къ Одессѣ и стала на позиціи , правымъ флангомъ противъ батареи № 1, въ трехъ верстахъ отъ берега.

Около четырехъ часовъ пополудни, адмиралы Дундашъ и Гамеленъ, чрезъ парламентѣра, прислали ко мнѣ, на англійскомъ и французскомъ языкахъ, одинакого содержания, дерзкое, основанное на лжи, письмо, съ требованіемъ, чтобъ имъ выданы были находившіяся въ Одессѣ англійскія, французскія и русскія суда. Письмо это, какъ они и сами, вѣроятно, ожидали, оставлено мною безъ отвѣта.

Сегодня, въ шесть съ половиною часовъ утра, девять непріятельскихъ пароходовъ, изъ которыхъ одинъ 54-пушечный, и восемь, большею-частью 32-пушечные, пройдя внѣ выстрѣла мимо 1-й или правой батареи, атаковали постепенно остальные пять батарей, стрѣляя по-временамъ и въ городъ; наконецъ обратились всѣ на шестую, или лѣвую батарею, устроенную на оконечности практическаго мола, состоящую изъ четырехъ 24-фунтовыхъ пушекъ; къ пароходамъ присоединился потомъ и линійный 84-пушечный винтовой корабль.

Непріятель, пользуясь большимъ калибромъ своихъ орудій, въ-особенности 68 и 96-фунтовыми бомбическими пушками, не подходилъ на близкое разстояніе, и потому 4-я и 5-я наши батареи, болѣе-удаленныя, мало принимали участія въ бою, хотя находились подъ выстрѣлами; но 6-я или лѣвая батарея, подъ начальствомъ прапорщика Щеголева (*), сражалась сначала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, подъ перекрестными выстрѣлами непріятельскихъ судовъ, впродолженіе шести часовъ; въ послѣднее же время противъ болѣе 350 орудій. При-всемъ-томъ батарея замолчала и храбрый прапорщикъ Щеголевъ вывелъ прислугу только тогда, когда примыкающія къ тылу батареи, стояція въ гавани суда, и мерлоны батарей обѣяты были пламенемъ. Спокойствіе и самоотверженіе его передались прислугѣ, и передъ концомъ его подвига три непріятельскіе парохода были взяты на буксиръ.

Будучи самъ свидѣтелемъ столь рѣдкаго мужества, я, по власти, мнѣ данной, поздравилъ особенно-отличившихся нижнихъ чиновъ помянутой батареи кавалерами знака отличія военнаго ордена, и полагаю, что прапорщикъ Щеголевъ заслуживаетъ особую награду.

Между-тѣмъ непріятельскіе желѣзные пароходы, нетребующіе большой глубины, для окруженія практическаго мола, сверхъ чаянія, подходили близко къ берегу, и одинъ изъ нихъ отдѣлился даже къ предмѣстію «Пересыпь» съ гребными лодками, которыя конгревовыми ракетами зажигали наши суда на практической гавани и строенія на означенномъ предмѣстьѣ. Войска, на лодкахъ находившіяся, пытались сдѣлать высадку, но, встрѣченныя картечью изъ четырехъ полевыхъ орудій резервной № 14-го батареи 5-й Артиллерійской Дивизіи, подъ прикрытіемъ шести ротъ резервнаго и запаснаго батальоновъ Томскаго и резервнаго батальона Кольманскаго Егерскихъ Полковъ, поставленныхъ въ засадѣ, обращены въ бѣгство къ судамъ, и, преслѣдуемыя ядрами, понесли значительную потерю.

(*) Резервной № 14-го батареи 5-й Артиллерійской Дивизіи.

Вслѣдъ за симъ непріятельскіе линійные корабли отдѣлялись отъ линіи и подходили къ дачѣ генерала Лидерса, для открытія по ней огня, но, встрѣчаемые выстрѣлами изъ батарей № 1-го, 2-го и 3-го, перестрѣливались съ ними и отходили назадъ, что и повторяли нѣсколько разъ.

Бой продолжался около двѣнадцати часовъ, и въ седьмомъ часу вечера непріятельскій линійный корабль и пароходы потянулись съ лѣваго нашего фланга къ своей позиціи, а линійный корабль, стоявшій противъ 1-й, 2-й и 3-й батарей, отошелъ изъ-подъ выстрѣловъ.

Непріятельская артиллерія, несмотря на превосходство калибровъ, не имѣла удачи. Батареи наши, отлично-устроенныя, нисколько не потерпѣли, исключая 6-й. Убито всего у насъ нижнихъ чиновъ 4, ранено: состоящій по артиллеріи подполковникъ Мещерскій и нижнихъ чиновъ 45; контужено нижнихъ чиновъ 12.

Войска, участвовавшія въ бою и остававшіяся въ резервѣ, сражались за вѣру, Царя и честь Россіи, одушевлены были безстрашіемъ и примѣрнымъ усердіемъ.

Явившійся ко мнѣ за часъ до начатія боя, генерал-адъютантъ Анненковъ принималъ особенное участіе въ ходѣ дѣла и съ свойственною ему опытностію и распорядительностію былъ мнѣ весьма-полезенъ. Успѣху дѣла также много способствовали: начальникъ штаба 3-го Корпуса генерал-майоръ Тетеревиновъ, начальникъ постояннаго пѣшаго артиллерійскаго резерва генерал-майоръ Майдель, командующій одесскимъ гарнизономъ генерал-майоръ Корвинъ-Красинскій; командовавшій прибрежными батареями, командиръ резервной бригады 5-й Артиллерійской Дивизіи полковникъ Яновскій и командовавшій отрядомъ на Пересыпи, Украинскаго Егерскаго Полка майоръ Чемерзинъ. О прочихъ отличившихся я буду имѣть честь представить Вашей Свѣтлости по полученіи представленія отъ частныхъ начальниковъ.

Завтра должно ожидать новой атаки непріятеля. Я приказалъ снять мерлоны съ 4-й и 5-й батарей, стѣснявшія кругъ дѣйствія артиллеріи, и въ продолженіе ночи построить на Пересыпи брустверъ для четырехъ полевыхъ батарейныхъ орудій. Непріятель, вѣроятно, употребитъ всѣ свои силы; но я добросовѣстно прииму неравный бой въ день воскресенія Христа Спасителя.

Государь императоръ, по прочтеніи сего донесенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: прапорщика Щеголева произвестъ въ поручики и подвигъ его представить на обсужденіе Кавалерской Думы ордена Св. Георгія; нижнимъ же чинамъ, наиболѣе-отличившимся, дать еще десять знаковъ отличія военнаго ордена, кромѣ розданныхъ уже генерал-адъютантомъ барономъ Остенъ-Сакеномъ.

Во время бомбардированія Одессы англо-французскимъ флотомъ, сочувствіе къ правому дѣлу и негодованіе къ врагамъ вызвали даже юношей, едва-вышедшихъ изъ отроческаго возраста, студентовъ Ришельевскаго Лицея: Деминистра, Скоробогатова и Пуля, на совершеніе подвиговъ мужества и самоотверженія.

Деминистръ и Скоробогатовъ въ самомъ пылу боя неоднократно ходили на батарею № 6-го, на которую были сосредоточены выстрѣлы неприятельскихъ пароходовъ, и приносили генерал-адъютанту барону Остенъ-Сакену отъ прапорщика (нынѣ штабс-капитана) Щеголева необходимыя свѣдѣнія; студентъ же Пуль, видя, что крестьянинъ, везшій заряды на воловьемъ возѣ для батареи № 6-го (нынѣ Щеголевской), съ испуга бросилъ возъ и бѣжалъ, вскочилъ на возокъ и сквозь градъ летящихъ ядеръ, бомбъ и гранатной картечи, привезъ заряды по назначенію.

По докладѣ о семъ Государю Императору, Его Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ: студентовъ: Деминистра, Скоробогатова и Пуля записать на службу портупей-прапорщиками и Всемилостивѣйше пожаловалъ имъ знаки отличія военнаго ордена.

Въ-теченіе 11-го и 12-го чиселъ соединенные англійскій и французскій флоты не возобновляли покушеній своихъ противъ Одессы. 11-го числа ими предпринято было только обозрѣніе линіи нашихъ батарей посредствомъ одного французскаго парохода, но при этомъ пушенная съ одной изъ означенныхъ батарей бомба ударила въ руль парохода и оторвала привязанные къ нему барказы.

Въ дополненіе къ извѣстіямъ о непріязненномъ покушеніи соединенныхъ англійскаго и французскаго флотовъ противъ города Одессы, сообщаются два списка съ донесенія генерал-адъютанта барона Остенъ-Сакена 1-го къ главнокомандующему дѣйствующею арміею, отъ 13-го и 14-го апрѣля.

1) Донесеніе отъ 13-го апрѣля.

Сегодня англо-французскій флотъ не только ничего противъ Одессы не предпринималъ, но видить производимыя нами въ большомъ размѣрѣ работы и нисколько имъ не препятствуетъ.

Для меня непостижимо это бездѣйствіе, но, во всякомъ случаѣ, видимы благословенное Богомъ наше оружіе и правое наше дѣло. Отпоръ, данный непріятелю съ малыми средствами противъ огромной его артиллеріи и двѣнадцати-часовое тщетное усиліе сбить прибрежныя батареи не могли не произвести на него впечатлѣнія, тѣмъ сильнѣйшаго, что участвовавшія въ бою суда его болѣе или менѣе потеряли.

2) Донесеніе отъ 14-го апрѣля.

Слава Всевышнему!

Честь имѣю донести Вашей Свѣтлости, что англо-французская огромная эскадра удалилась отъ Одессы, нанеся ей и войскамъ Его Императорскаго Величества мало вреда и не смѣя приближаться къ батареямъ, послѣ отпора 10-го числа и наказанія парохода-фрегата, подошедшаго на пушечный выстрѣлъ, для обозрѣнія, 11-го числа.

Сегодня, въ восемь часовъ утра, снялись съ якоря и пошли, сколько можно замѣтить: три поврежденные парохода-фрегата и одинъ линійный корабль по направленію SW, а остальные суда — на SO.

Вице-адмиралъ Дундасъ прислалъ ко мнѣ на австрійскомъ купеческомъ суднѣ, стоявшемъ на рейдѣ, 49 вольныхъ русскихъ шкипе-

ровъ и матросовъ, при письмѣ, которое честь имѣю въ подлинникѣ представить Вашей Свѣтлости.

Во время нахождения передъ Одессою неприятеля, въ городѣ сохраненъ примѣрный порядокъ и, несмотря на много оставленныхъ жителями домовъ и нѣкоторыхъ незапертыми, не было ни одного неодобрительнаго случая.

Трогательно было видѣть усердіе жителей: подъ самымъ огнемъ громившей артиллеріи, нѣкоторые разносили солдатамъ съѣстные припасы, на ночь становились съ ружьями на берегу въ окрестностяхъ, для отраженія подѣзжавшихъ баркасовъ, и всѣ, безъ различія націй и вѣроисповѣданій, были проникнуты негодованіемъ на союзниковъ поклонниковъ луны, старавшихся разрушить домы гражданъ и поражавшихъ мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей. Полное сочувствіе ихъ правому дѣлу ясно выражалось. Тосканскій подданный Жижи-Моки, служащій боцманомъ въ карантинѣ тридцать лѣтъ, пріобрѣтшій общее уваженіе и любовь, выстроилъ, съ моего дозволенія, на свой счетъ, батарею, вооружаетъ ее шестью 24-фунтовыми пушками, служившими вмѣсто столбовъ и купленными имъ у города, будетъ дѣйствовать своею прислугою и принимаетъ присягу на подданство Россіи.

Начальники и войска одушевлены примѣрнымъ усердіемъ, безстрашіемъ и чувствомъ долга. Артиллерія покрыла себя новою славою: отсутствіе торопливости, полное спокойствіе, примѣрная стрѣльба, знаніе дѣла начальниковъ и офицеровъ (изъ которыхъ большая часть командовавшихъ батареями молодые офицеры, воспитанники корпусовъ), наконецъ безпримѣрный артиллерійскій подвигъ Шеголевской Батареи и ея начальника, показали врагамъ нашимъ, что суда ихъ, вооруженныя орудіями огромнаго калибра, не могутъ безнаказанно приблизиться къ прибрежнымъ нашимъ батареямъ.

Враги наши не могутъ не видѣть въ этомъ событіи воли Защитника правыхъ сердцемъ, проникнутыхъ пламенною преданностью къ Царю-Помазаннику Божію и любовью къ благочестивому отечеству.

Переводъ письма вице-адмирала Дундаса къ генерал-адъютанту барону Остенъ-Сакену 4-му.

Вице-адмиралъ Дундасъ имѣетъ честь увѣдомить Его Превосходительство Генерал-адъютанта Его Величества Императора Всероссийскаго, барона Остенъ-Сакена, что такъ-какъ соединенныя эскадры не желаютъ удерживать долѣе, чѣмъ было необходимо, небольшое число русскихъ купеческихъ матросовъ (всего 49 человекъ), захваченныхъ ими въ плѣнъ, то онъ передалъ ихъ австрійскому судну, съ тѣмъ, чтобъ они были имъ высажены въ Одессѣ.

J. W. Dundas.

Корабль Ея Британскаго Величества, «Британія»,
у Одессы, 12-го (24-го) апрѣля 1854 года.

Исправляющій должность новороссійскаго и бессарабскаго генерал-губернатора, генерал-адъютантъ Анненковъ 2-й довелъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, что во время бомбардированія

Одессы неприятельскими эскадрами 10-го числа сего мѣсяца, убито городскихъ обывателей трое (*) и ранено восемь; сожжено бомбами и конгревовыми ракетами въ предмѣстьи на Пересыпи четырнадцать небольшихъ обывательскихъ строеній, а въ самомъ городѣ повреждено пятьдесятъ—два каменные дома, которые всѣ принадлежатъ частнымъ лицамъ. Изъ нихъ наиболѣе потерпѣли: домъ князя Воронцова, смежный съ нимъ домъ, занимаемый генерал-губернаторскою канцелярією, и домъ М. А. Нарышкиной, находящійся на бульварѣ.

Свидѣтельствуя, что въ эти дни испытанія спокойствіе и порядокъ въ городѣ и окрестностяхъ его не были нарушены ни однимъ пресудительнымъ поступкомъ, генерал-адъютантъ Анненковъ представилъ полученное имъ, за общимъ подписаніемъ пребывающихъ въ Одессѣ иностранныхъ консуловъ, нижеслѣдующее письмо, въ которомъ они изъявляютъ мѣстному начальству искреннѣйшую признательность за оказанное всѣмъ иностранцамъ покровительство.

Одесса, 16-го (28-го) апрѣля 1854.

Копія съ письма проживающихъ въ г. Одессѣ иностранныхъ консуловъ къ г. исправляющему должность новороссійскаго и бессарабскаго генерал-губернатора.

Нижеподписавшіеся, генеральные консулы и консулы иностранныхъ державъ, пребывающіе въ Одессѣ, имѣвши честь вмѣстѣ съ вашимъ превосходительствомъ поднести его высокопревосходительству господину командиру 3-го Пѣхотнаго Корпуса, генерал-адъютанту барону Остенъ-Сакену, дань глубокой признательности, считаютъ долгомъ изъявить чувства равной благодарности вашему превосходительству и его превосходительству господину военному губернатору, генерал-лейтенанту Крузенштерну, за существенно-полезныя мѣры и отеческія заботы, которыми вы изволили оградить въ дни опасности семейства и имущества соотечественниковъ ихъ, поселившихся въ Одессѣ.

Въ падеждѣ, что ваше превосходительство не отвергнете выраженіе одушевляющихъ ихъ чувствъ, нижеподписавшіеся пользуются симъ случаемъ, дабы засвидѣтельствовать вашему превосходительству особенное ихъ уваженіе.

Подписали: *Чискини*, австрійскій консулъ.

Берцолезе, сардинскій генеральный консулъ.

Юнгъ, нидерландскій консулъ.

Этлингеръ, баварскій консулъ.

Батеръ и Рибасъ, испанскій и пармскій генеральный консулъ.

Нульецъ деи-Сан-Секондо, неаполитанскій и римскій генеральный консулъ.

Вилькинсъ, шведскій и норвежскій консулъ.

Менеръ, прусскій консулъ.

Графъ *Парро*, португальскій генеральный консулъ.

(*) Сынъ аптекарскаго ученика Алексѣй Филипповъ, отставной рядовой Автогъ Стройко и солдатка Софья Федосѣева.

Вмѣстѣ съ тѣмъ генерал-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ сообщилъ, что карантинъ, и въ-особенности пассажирскій кварталъ его, подверглись сильному огню непріятельской артиллеріи и что пассажиры выведены были въ другое помѣщеніе, въ пушечнаго выстрѣла, для спасенія ихъ отъ угрожавшей опасности.

Подобная предохранительная мѣра принята для шкиперовъ и корабельной прислуги купеческихъ судовъ какъ нейтральныхъ, такъ и враждебныхъ намъ державъ.

Дабы память недостойнаго покушенія англо-французскаго флота была сохранена, пробоины, сдѣланныя непріятельскими ядрами въ городскихъ строеніяхъ, означены черною краскою.

16-го апрѣля, утромъ, англо-французскій флотъ появлялся въ виду Севастополя въ слѣдующемъ составѣ:

Кораблей	{	трехдечныхъ	5
		двухдечныхъ	12
Фрегатовъ	{	парусныхъ	1
		винтовыхъ	1
Пароходовъ			9.

При закатѣ же солнца видны были на горизонтѣ подходившія къ флоту еще два трехмачтовые судна.

Въ-теченіе дня сближались съ Севастополемъ, на разстояніи отъ двухъ до трехъ миль, нѣсколько пароходовъ и подъ контр-адмиральскимъ флагомъ винтовой корабль, который долженъ быть «Агамемнонъ» съ адмираломъ Лейонсъ. Другихъ дѣйствій соединенные флоты до 18-го числа апрѣля не предпринимали.

Списокъ съ донесенія генерал-адъютанта барона Остенъ-Сакена главнокомандующему дѣйствующею арміею отъ 30-го апрѣля, за № 329-мъ.

Съ чувствомъ живѣйшей признательности къ Промыслу, вновь-благословившему оружіе Августѣйшаго Государя нашего, спѣшу имѣть счастье представить Вашей Свѣтлости флаги: кормовой и гюйсъ, съ сѣвшаго на мель и сдавагося англійскаго парохода-фрегата «Тигръ» въ 400 силъ, который, по неимѣнію средствъ къ снятію съ мели и приводу въ гавань въ-присутствіи подоспѣвшихъ къ нему на помощь другихъ двухъ непріятельскихъ пароходовъ, зажженъ и, вслѣдствіе-того, взорванъ на воздухъ.

Событіе это происходило въ слѣдующей послѣдовательности:

Помянутый пароходъ-фрегатъ, шедшій изъ окрестностей Севастополя, сегодня утромъ, при необыкновенно-густомъ туманѣ, сѣлъ на мель, подъ крутымъ берегомъ дачи Картаци, въ шести верстахъ на югъ отъ Одессы.

Подоспѣвшія во-время изъ колоніи Люстдорфъ, до прихода на помощь пароходу «Тигръ» двухъ другихъ непріятельскихъ пароходовъ, два орудія 2-й Батарейной Батареи 16-й Артиллерійской Бригады, подъ начальствомъ поручика Абакумова, съ прикрытіемъ изъ двухъ ротъ пѣхотнаго резервнаго батальона Днѣпровскаго и взвода Уланскаго Графа Никитина Полковъ, необыкновенно-мѣткими выстрѣлами

сдѣлали въ пароходѣ пробоины, оторвали ногу капитану и принудили фрегатъ къ сдачѣ. Выстрѣлы съ парохода ложились за батарею. Флагъ былъ спущенъ и лейтенантъ, принявшій начальство надъ фрегатомъ, пріѣхалъ ко мнѣ съ объявленіемъ экипажа военнопленнымъ.

По приказанію моему, экипажъ высаживался на берегъ на шлюпкахъ, клалъ оружіе и отправляемъ былъ въ карантинъ вмѣстѣ съ ранеными, число которыхъ простиралось до пяти человекъ.

Между-тѣмъ подошли отправленные изъ Одессы восемь орудій 2-й Батарейной Батареи 16-й Артиллерійской Бригады, четыре батарейныя орудія 10-й Артиллерійской Бригады, 2-я Легкая Батарея 16-й Артиллерійской Бригады, Конно-легкая № 11-го Батарея, подъ прикрытіемъ батальона Суздальскаго Пѣхотнаго, резервнаго батальона Украинскаго Егерскаго Полковъ, и дивизіона Уланскаго Эрц-Герцога Австрійскаго Карла-Фердинанда Полка. Не успѣли еще снять раненыхъ съ парохода «Тигръ», какъ показались въ туманѣ два другіе непріятельскіе парохода.

Не имѣя средствъ къ снятію съ мели сдвѣшагося фрегата и привести его въ гавань въ-присутствіи двухъ другихъ непріятельскихъ пароходовъ, тѣмъ болѣе, что могли прибыть новыя непріятельскія суда, я приказалъ тотчасъ, по снятіи пленныхъ съ фрегата, зажечь его выстрѣлами. Вслѣдъ затѣмъ два непріятельскіе парохода, подойдя на ближній выстрѣлъ батарейныхъ орудій, открыли огонь по нашимъ батареямъ.

Наши восемь батарейныхъ орудій 16-й Артиллерійской Бригады, подъ начальствомъ полковника Грановича, и четыре батарейныя орудія 10-й Резервной Бригады, подъ начальствомъ капитана Верховскаго, стрѣляли, въ продолженіе двухъ часовъ такъ вѣрно, что поврежденные непріятельскіе пароходы отступили и стали внѣ выстрѣла.

Бой прекратился около двухъ часовъ пополудни.

Взято нами въ плѣнъ:

Капитанъ фрегата Гриффордъ.

Офицеровъ 24

Гардемариновъ и матросовъ 201.

По словамъ пленныхъ, фрегатъ былъ вооруженъ шестнадцатью бомбическими пушками.

Окончательный взрывъ затопленнаго фрегата послѣдовалъ въ семь съ половиною часовъ вечера.

Дѣятельное участіе въ бою принимали: прибывшій въ Одессу, по дѣламъ службы, генерал-адъютантъ Кноррингъ, генерал-майоры: начальникъ штаба, Тетеревниковъ, начальникъ Пѣшаго Постояннаго Артиллерійскаго Резерва Майдель и командующій одесскимъ гарнизономъ Корвинъ-Красинскій.

Между прочими офицерами, были употребляемы мною во время боя: флигель-адъютанты Его Императорскаго Величества полковникъ Чебышевъ и капитанъ День.

Я прийму всевозможныя мѣры, чтобъ достать изъ моря неповрежденные пушки и затопленные снаряды».

26-го апреля из Новороссійска вышли два греческія судна, на которыя посажено было до 158 нижнихъ чиновъ Балаклавскаго Греческаго Батальйона, при восьми офицерахъ, для перевозки въ Крымъ. На тѣхъ же судахъ находились больные изъ новороссійскаго госпиталя и нѣсколько солдатскихъ семействъ. Суда эти, застигнутыя штилемъ среди моря, не имѣли возможности избѣгнуть встрѣченной непріятельской эскадры и были ею взяты. Большая часть больныхъ и солдатскія семейства отпущены и возвратились въ Новороссійскъ.

6-го мая, около полудня, прибыла передъ Редуть-Кале, со стороны Сухума, англо-французская эскадра, состоявшая изъ двухъ винтовыхъ 86-ти пушечныхъ кораблей и трехъ парашодовъ-фрегатовъ. Промѣривъ глубину моря, эскадра эта выстроилась въ боевой порядокъ на пушечный выстрѣлъ отъ берега и простояла въ этомъ положеніи около трехъ часовъ, ничего не предпринимая, за тѣмъ снялась и отплыла по направленію къ Батуму.

Съ упраздненіемъ постовъ средней и южной части восточнаго берега Чернаго Моря, въ Редуть-Кале временно сосредоточены были два Черноморскіе Ливійные № 9-го и 12-го батальйона, собственно для ускоренія перевозки во внутрь края значительныхъ запасовъ провіанта, свезеннаго въ эту открытую и вовсе-неукрѣпленную пристань. По успѣшномъ производствѣ этой операціи, начальствующій Гурійскимъ и Ахалцыхскимъ отрядами, генерал-лейтенантъ князь Андронниковъ, прибылъ лично 7-го числа въ Редуть-Кале съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать окончательныя распоряженія къ очищенію этого пункта. Въ тотъ же день, въ два часа пополудни, снова появилась передъ онымъ непріятельская эскадра, имѣя уже на буксирѣ до тридцати баркасовъ и выслала къ берегу парламентѣра съ письмомъ на французскомъ языкѣ, за подписью начальниковъ непріятельской эскадры: Лайонса (Lyons) и Шабанна (Chabannes). Письмо это заключало въ себѣ требованіе, чтобъ не позже какъ черезъ десять минутъ войска наши сдались военно-плѣнными. Дерзость эта оставлена безъ всякаго отвѣта и вслѣдъ за тѣмъ въ 4½ часа начали бомбардировать ничтожныя строевія Редуть-Кале. Трудъ былъ напрасный, ибо, по пораженію самого князя Андронникова, они были уже преданы пламени; войска же спокойно слѣдовали по дорогѣ къ посту Наджихви, гдѣ назначено было сборное мѣсто войскамъ дѣйствующаго отряда.

На разсвѣтъ 14-го іюля, въ виду Севастополя показался непріятельскій флотъ, въ числѣ: трехдечныхъ кораблей 3, двухдечныхъ 11, парашодовъ 7; всего 21.

Въ означенномъ числѣ кораблей было пять винтовыхъ, изъ которыхъ одинъ трехдечный, вѣроятно, французскій корабль *Монтебелло*.

Царовые корабли и парашоды буксировали парусныя суда. Впрочемъ, весь флотъ имѣлъ направленіе къ Мысу Лукуллу, исключая трехъ парашодовъ.

Эти три парашода приблизились къ батареямъ сѣвернаго берега; но когда одинъ изъ нихъ получилъ въ корму ядро, пущенное съ Волоховой Башни, они удалились и, направившись къ сѣверу, занимаемъ промѣрошъ у Мыса Лукулла, у котораго остановился и весь флотъ.

При закатѣ солнца, всѣ непріятельскія суда соединились и легли въ дрейфъ миляхъ въ двѣнадцать или четырнадцать отъ Севастополя. Такъ-какъ цѣлый день былъ штиль, то всѣ передвиженія непріятели производились парами и буксировкой.

IV. ИЗВѢСТІЯ СЪ БАЛТИЙСКАГО МОРЯ.

Нападеніе англо-французскаго флота на Энкесъ и Гангеудъ. — Уничтоженіе непріятельской батареи на островѣ Мошеръ. — Появленіе непріятельскихъ судовъ въ виду разныхъ пунктовъ Финляндіи. — Покушеніе непріятели на г. Гамле-Карлебу и Алаандскую Крѣпость. — Приближеніе англо-французскаго флота къ Кронштадту и другимъ пунктамъ Балтійскаго Моря. — Участь Алаандскихъ укрѣпленій. — Русскія канонерскія лодки отражаютъ непріятельскія паровыя суда. — Появленіе непріятельскаго флота у Красной Горки въ маѣ 1855 г. — Гангеудское дѣло. — Перестрѣлка съ англійскимъ фрегатомъ у деревни Кискуля. — Безуспѣшныя покушенія непріятели противъ разныхъ пунктовъ. — Дѣло при устьѣ Дамны. — Подробное описаніе бомбардированія Свеаборга. — Возвращеніе непріятельскаго флота къ Острову Наргену. — Бомбардированіе Балтійскаго Порта.

Отъ 8 и 9 мая 1854 получены донесенія командующаго войсками, въ Финляндіи расположенными, объ открытіи непріязненныхъ дѣйствій англо-французскимъ флотомъ въ Финскомъ Заливѣ, сопровождавшемся, благодаря Богу и храбрости нашихъ войскъ, новымъ успѣхомъ русскаго оружія.

Въ первомъ изъ своихъ рапортовъ генерал-лейтенантъ Рокасовскій доносилъ, что 8-го мая къ Гангеуду подошли и стали на якорь *семнадцать* двухдечныхъ винтовыхъ кораблей, а за день передъ тѣмъ, 7-го, приблизились къ проливу Витсандъ, между островомъ Гуль-э и берегомъ Гангеудскаго Полуострова у входа къ г. Энкесу, два винтовые фрегата и пароходъ, которые открыли огонь по батарее, устроенной отъ сказаннаго узкаго пролива Витсандъ.

Донесеніемъ отъ 9-го мая генерал-лейтенантъ Рокасовскій довелъ до свѣдѣнія Государя Императора, что флотъ непріятельскій, бросившій якорь противъ Гангеуда, ничего не предпринималъ; флотилія же, появившаяся близъ Энкеса, мужественно встрѣченная нашими войсками подъ начальствомъ командующаго абоскимъ и поюскимъ отрядами генерал-лейтенанта Рамзая, была отражена съ урономъ и не отважилась атаковать г. Энкесъ.

Подробности сего дѣла были слѣдующія:

Генерал-лейтенантъ Рамзай, получивъ 6 мая вечеромъ, посредствомъ телеграфа и лодмановъ, извѣстіе о движеніи трехъ непріятельскихъ судовъ вверхъ по Поюскому Заливу, немедленно принялъ надлежащія мѣры для наблюденія за оными. Съ сею цѣлью, между прочимъ, полувзводъ стрѣлковъ изъ Гренадерскаго Стрѣлковаго Батальона былъ выставленъ противъ того мѣста, гдѣ помянутый заливъ, на высотѣ станціи Лапвикъ, наиболѣе суживается. 7-го числа, въ 4-мъ часу пополудни, два непріятельскія парохода, изъ которыхъ

одинъ конструкціи шхуны, а другой винтовой фрегатъ, подошли совершенно-ошупью къ этому мѣсту, имѣя впереди 16-ти-весельный барказъ, для промѣра почти на каждомъ шагу глубины фарватера. Молодой офицеръ стрѣлковаго батальйона подпоручикъ Гюллингъ, начальству котораго ввѣренъ былъ этотъ наблюдательный постъ, искусво пользуясь мѣстностью лѣснаго берега, такъ хорошо скрылъ своихъ стрѣлковъ, что имъ удалось встрѣтить передній барказъ мѣткими выстрѣлами на разстояніи около 300 шаговъ; вслѣдствіе чего, какъ ясно было видно, барказъ возвратился съ помощью только двухъ веселъ.

Стрѣлки, ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, продолжали, на разстояніи не менѣе 700 шаговъ, стрѣлать по неприятельскимъ судамъ; причемъ, на каждомъ изъ нихъ, около десяти человекъ, изъ стоявшихъ на вантахъ и реяхъ, были поражены нашими пулами. Неприятель, отвѣчая на стрѣлковый огонь ядрами огромнаго калибра, шрапнелевыми гранатами и картечью, медленно продолжалъ свое движеніе до береговой батареи, устроенной противъ узкой части пролива Витсанда у Гуль-э, гдѣ и остановился подъ вечеръ, на дальнемъ разстояніи пушечнаго выстрѣла. Между-тѣмъ, генерал-лейтенантъ Рамзай сосредоточилъ 1-й батальйонъ Гренадерскаго Принца Фридриха Нидерландскаго Полка у Лапвикъ и усилилъ береговую батарею у Витсанда прибывшимъ, за нѣсколько часовъ предъ симъ, изъ г. Або, дивизиономъ батарейной № 1-го батареи 1-й Гренадерской Артиллерійской Бригады. 4-я рота 2-го батальйона помянутаго полка была назначена въ прикрытіе батареи, а 2-я гренадерская рота и рота Гренадерскаго Стрѣлковаго Батальйона разсыпались по обѣимъ сторонамъ оной; остальные двѣ роты 2-го батальйона того же полка, подъ начальствомъ полковаго командира, остались для охраненія г. Экнеса.

8-го, въ 5 часу утра, неприятель снова началъ свое наступательное движеніе; но мѣткими выстрѣлами береговой батареи, отъ которыхъ суда его получили значительныя поврежденія, былъ остановленъ около часа, послѣ чего, открывъ убійственный, самый учащенный огонь изъ всѣхъ орудій лѣваго борта обоихъ судовъ, совершенно-осыпалъ берегъ картечью. Батарея наша перешла тогда на особенно-выгодную для нея позицію у деревни Лексвалъ, и во 2-мъ часу пополудни возобновила свои дѣйствія. Неприятельскія суда, пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, остановились, и хотя были на разстояніи полуторы версты отъ Экнеса, но, потерпѣвъ сильный вредъ, не отважились атаковать городъ и отступили по направленію къ устью Поюскаго Залива.

По свидѣтельству генерал-лейтенанта Рамзая, стрѣлки и артиллерія особенно отличались въ этомъ дѣлѣ мѣткостью своихъ выстрѣловъ, начальники же частей, избирая выгодныя позиціи, много содѣйствовали успѣху оного; наконецъ казаки, при отрядѣ находившіеся, съ необыкновенною расторопностью и быстротою передавали приказанія и доставляли свѣдѣнія.

Понесенной неприятелемъ потери съ точностью опредѣлить невоз-

можно; но какъ суда его подвергались сосредоточенному и часто перекрестному огню, то надобно полагать, что уронъ его былъ чувствительный.

Благодаря благоразумной распорядительности частныхъ начальниковъ и умѣнью ихъ искусно пользоваться мѣстностью, потеря съ нашей стороны было весьма-незначительна: изъ офицеровъ, къ сожалѣнью, убитъ командиръ 2-го батальона Гренадерскаго Принца Фридриха Нидерландскаго Полка, майоръ Дергачевъ; изъ числа же нижнихъ чиновъ помянутаго полка убитъ 1 и раненъ 1; въ артиллеріи убито 2 человека, въ Стрѣлковомъ Батальонѣ тяжело раненъ 1 и контужено 3 человека нижнихъ чиновъ; артиллерійскихъ лошадей убито 3.

Послѣ отраженія непріятеля отъ Экнеса, генерал-лейтенантъ Ражай 8-го же числа направилъ часть своего отряда къ Гангеуду.

Послѣ отраженія англійской флотиліи отъ города Экнеса, непріятельскій флотъ, оставшіяся на якорѣ противъ Гангеуда и съ прибытіемъ французской эскадры усилившіяся до 26 судовъ, произвелъ 10-го мая нападеніе 6-ю пароходами на передовыя гангеудскія укрѣпленія: Густавъ-Вернъ, Густавъ-Адольтъ и Скандъ-Гольмъ. Несмотря на усиленный огонь непріятельской артиллеріи, изъ орудій весьма большаго калибра (68 и 96-ти фунт. ядрами и 3-хъ пуд. бомбами), гарнизонъ укрѣпленій, одушевляемый примѣромъ своего доблестнаго коменданта, подполковника Моллера, дѣйствовалъ съ такимъ хладнокровіемъ и мѣткостью, что атаковавшіе пароходы, послѣ пяти-часоваго боя, принуждены были отступить съ видными отъ нашихъ выстрѣловъ поврежденіями.

Съ нашей стороны, благодаря Бога, убитыхъ не было, а легко ранено 8-мъ человекъ нижнихъ чиновъ.

Генерал-лейтенантъ Рокасовскій довелъ присесть до свидѣнія Государя Императора, что, по засвидѣтельствуванію очевидца дѣла, командира 1-й бригады 1-й гренадерской дивизіи, генерал-майора Базина, достойный комендантъ Гангеуда, подполковникъ Моллеръ, мужествомъ и распорядительностью выше всякой похвалы, возбуждалъ въ своихъ подчиненныхъ истинное геройство.

Государь Императоръ, по прочтеніи сего донесенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: подполковника Моллера произвестъ въ генерал-майоры, а нижнихъ чиновъ пожаловалъ по три знака отличія военнаго ордена на батарею, и всѣмъ по рублю серебромъ.

12-го мая, генерал-майоръ Моллеръ, воспользовавшись бездѣйствіемъ непріятельской эскадры, вознамѣрился уничтожить батарею, которую непріятель возводилъ на островѣ Мошеръ, съ тѣмъ, чтобъ обстрѣливать укрѣпленія Густавъ-Вернъ и Мейерфельдъ. Для исполненія сего предпріятія вызваны были 30 охотниковъ изъ Гренадерскаго Принца Фридриха Нидерландскаго Полка, при одномъ офицерѣ и двухъ утѣро-офицерахъ. Къ той же командѣ присоединился еще штурманскій офицеръ съ гангеудскаго телеграфа. Команда эта сѣло перешла на островъ Мошеръ и, не найдя тамъ непріятеля, успѣшно разрушила начатую батарею, побросавъ въ море камни, дернъ и землю, изъ которыхъ она строилась.

Впродолженіе 13-го и 14-го мая, непріятельскій флотъ стоялъ еще передъ Гангеудомъ въ числѣ восемнадцати судовъ (изъ которыхъ два линійные корабли парусные и восемь винтовыхъ). До 16-го числа непріятель ничего ввоу не предпринималъ противъ нашихъ укрѣпленій, но ограничивался только отправленіемъ малыхъ судовъ для промѣровъ. Четыре судна отдѣлялись отъ означенной эскадры въ направленіи юго-восточномъ; другія суда непріятельскія показывались въ виду разныхъ пунктовъ Финляндіи, но къ берегу нигдѣ не приближались.

Отъ 27-го мая, начальникъ отряда, расположеннаго въ г. Ваза, генерал-майоръ фон-Вендтъ, донесъ о новомъ покушеніи непріятеля на финляндскіе берега.

26-го числа, въ три часа пополудни, покзались въ виду города Гамле-Карлебу два англійскіе парохода-фрегата; нѣсколько шлюбокъ приблизилось къ берегу для промѣровъ фарватера, а въ девять часовъ вечера спущены девять баркасовъ, шестнадцати и двадцативесельныхъ; на каждомъ было по одной пушкѣ. Одинъ изъ баркасовъ, подъ парламентарскимъ флагомъ, подошелъ къ самому берегу; бургомистръ, встрѣтившій прибывшаго на баркасѣ англійскаго офицера, на всѣ его разспросы и требованія объявилъ, что не можетъ допустить его ближе къ городу и не доволить истреблять суда или такъ-называемую военную контрабанду. Тогда англійскій офицеръ удалился, угрожая, что войдетъ въ городъ силою.

Дѣйствительно, въ исходѣ одиннадцатаго часа того же вечера всѣ девять непріятельскихъ баркасовъ двинулись къ берегу. Два орудія Подвижной Гарнизонной Артиллеріи, двѣ роты Финляндскаго Линійнаго № 12 батальона и до 100 вооруженныхъ городскихъ жителей, прикрытые мѣстностью и загородными постройками, встрѣтили непріятеля пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, на который отвѣчали съ баркасовъ тоже изъ пушекъ и ружей. Перестрѣлка продолжалась почти до полуночи. Наконецъ непріятель принужденъ былъ удалиться, потащивъ два поврежденные баркаса съ значительнымъ числомъ убитыхъ и раненыхъ и немногими уцѣлѣвшими гребцами; одинъ же баркасъ остался въ добычу побѣдителей, съ 22 матросами, которые и взяты въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ было четверо раненыхъ; остались въ баркасѣ тѣла убитаго офицера и пяти матросовъ; кромѣ того, нѣсколько другихъ брошено за бортъ во время перестрѣлки. Съ баркасовъ взяты: кормовой флагъ, одна мѣдная пушка большаго калибра, снаряды, ружья, пистолеты и другія принадлежности. По показанію плѣнныхъ, прочіе баркасы также потерпѣли немалыя поврежденія; одинъ изъ нихъ потопленъ. Съ нашей стороны, благодаря Бога, потеря была самая незначительная: легко ранено только четыре человѣка нижнихъ чиновъ.

Такимъ-образомъ городъ Гамле-Карлебу, которому угрожала участь, постигшая уже Брагештадтъ и Улеоборгъ, былъ спасенъ самою незначительною горстью войскъ, съ помощью храбрыхъ жителей. Замѣчательно притомъ, что войска эти подоспѣли туда изъ отдаленныхъ пунктовъ съ быстротою изумительною: роты Финляндскаго

Линейнаго № 12-го батальона, прибывшія отъ города Вазы въ двое сутокъ, сдѣлали 146 верстъ, изъ которыхъ 96 пѣшкомъ и 50 на подводкахъ; взводъ гарнизонной артиллеріи въ трои съ половиною сутки прошелъ отъ кирхшпила Нерписъ 230 верстъ.

Генерал-майоръ фон-Вендтъ, свидѣтельствуя о примѣрномъ мужествѣ, одушевлявшемъ офицеровъ, солдатъ и городскихъ жителей во время описаннаго дѣла, поименовалъ наиболѣе-отличившихся: командира Подвижной Батареи Гарнизонной Артиллеріи Финляндскаго Округа капитана Еркушенко, прикомандированнаго къ Финляндскому Линейному № 12-го батальону такового жъ № 8-го батальона майора Симанова 3-го, Донскаго Казачьяго № 28-го Полка сотника Лагутина и хорунжаго Клевцова, адъютанта 2-й бригады 22-й Пѣхотной Дивизіи штабс-капитана Яка, Финляндскаго Линейнаго № 12-го батальона поручиковъ: Гестрина и Левона. Изъ жителей города принимали особенное участіе: коммерціи-совѣтникъ Доннеръ, бургомистръ Росъ, коронный фохтъ Гольмъ, купецъ Чинцель и предводительствовавшій отрядомъ молодыхъ вооруженныхъ горожанъ отставной капитанъ Артемьевъ.

Командующій войсками, въ Финляндіи расположенными, донесъ отъ 13-го іюня, что непріятель сдѣлалъ покушеніе на Аландскую Крѣпость, но что оно было отражено съ совершеннымъ успѣхомъ.

9-го іюня, въ пять часовъ пополудни, подошли къ форту три непріятельскія судна (два 48-ми-пушечные паровые фрегата и одинъ паровой корветъ) и открыли сильный огонь по укрѣпленіямъ. Фортъ отвѣчалъ съ обонихъ этажей оборонительной казармы; вслѣдъ затѣмъ береговая батарея изъ четырехъ легкихъ орудій Аландскаго Артиллерійскаго Гарнизона, временно устроенная къ югу отъ форта, и прикрывавшія ее двѣ роты Гренадерскаго Стрѣльцоваго Батальона, мѣткимъ огнемъ своихъ орудій и штуцеровъ, успѣли отвлечь дѣйствіе непріятельскихъ судовъ отъ форта, причемъ однимъ выстрѣломъ съ батареи подбито колесо у парохода. Тогда непріятель, оставивъ укрѣпленія, обратился на береговую батарею.

Батарея эта дѣйствовала неослабно до восьми часовъ вечера, и только по разрушеніи мерлоновъ снялась съ позиціи. Стрѣлки же, разсыпанные на берегу по обѣимъ сторонамъ батареи, продолжали дѣйствовать на своихъ мѣстахъ до того самаго времени, когда непріятельскія суда, покинувъ батарею, снова обратились противъ форта. Пользуясь большимъ калибромъ своихъ орудій, непріятель остановился сначала на разстояніи тысячи сажень отъ нашихъ укрѣпленій и бросалъ трехпудовыя бомбы, 96-ти и 68-ти-фунтовыя ядра и конгревовыя ракеты. Комендантъ крѣпости, полковникъ Бодиско, счелъ напраснымъ тратить снаряды, отвѣчая непріятелю съ такого дальняго разстоянія, и приказалъ до времени приостановить огонь съ укрѣпленій. Но когда непріятельскія суда, съ намѣреніемъ сдѣлать проломъ въ боевой стѣнѣ форта, подошли ближе къ нему, тогда снова открытъ по нимъ огонь калеными ядрами, отъ которыхъ загорѣлся одинъ непріятельскій фрегатъ; у другаго же выстрѣломъ съ башни повреждена корма. Вслѣдствіе сего, непріятель принужденъ

былъ прекратить бой, и во второмъ часу утра отступилъ. Несмотря на сильную канонаду, продолжавшуюся болѣе девяти часовъ, ему не удалось сдѣлать въ крѣпости никакого важнаго поврежденія.

Потери наша въ этомъ дѣлѣ совершенно-незначительна: на временной батарее не было ни одного убитаго, а ранено двѣнадцать человекъ нижнихъ чиновъ; въ самомъ фортѣ убиты младшій ординаторъ аландскаго военного госпиталя лекаръ Бровковичъ, Финляндскаго Линейнаго № 10-го батальона аудиторъ коллежскій секретарь Соркинъ, и два человека нижнихъ чиновъ, а ранены три человека. Густой дымъ, наносимый вѣтромъ съ судовъ на батарею, не позволилъ опредѣлить даже приблизительно потерю непріятеля, которая, по всей вѣроятности, должна быть значительна.

Донся о семъ удачномъ дѣлѣ, аландскій комендантъ свидѣтельствовалъ о рѣдкомъ мужествѣ и хладнокровіи во время боя всѣхъ чиновъ вѣреннаго ему гарнизона, въ-особенности же о благоразумной распорядительности и стойкой оборонѣ начальствовавшего береговою батареею и стрѣлками, подполковника Фуругельма. Сверхъ-того, онъ поименовалъ изъ наиболѣе-отличившихся: артиллеріи подполковника Гранкина, аландскаго плац-майора подполковника Тамеландера, Финляндскаго Линейнаго № 10-го Батальона майора Клингштета, командира аландской инженерной команды капитана Краузольта, инженеръ штабс-капитана Теше, Финляндскаго Линейнаго № 10-го Батальона капитана Гранберга, командира полеваго дивизиона штабс-капитана Шветова (въ-особенности); а также передававшихъ приказанія коменданта, Донскаго Казачьяго № 28-го полка есаула Фомина и плац-адъютанта штабс-капитана Викберга.

13-го іюня непріятельская эскадра, въ числѣ около 30 вымпеловъ, появилась въ виду Сойкиной Горы, въ 80 верстахъ отъ Кронштадта; 14-го же числа приблизилась къ Красной Горкѣ; нѣсколько пароходовъ подходило даже къ Толбухину Маяку, но не замѣчено было, чтобъ непріятель намѣревался что-либо предпринять противъ Кронштадта, гдѣ приняты всѣ мѣры къ его встрѣчѣ.

Съ 17-го по 24-е число непріятель крейсировалъ въ разныхъ направленіяхъ отрядами, состоящими изъ различнаго числа судовъ. Въ виду Кронштадта стояла на якорѣ эскадра, которая 20-го іюня ушла къ западу, сдѣлавъ нѣсколько промѣровъ и подходя къ берегу въ разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ. 22-го числа приходили на видъ Сескаря 32 судна, стали на якорь и 23-го числа удалились. 29 судовъ нѣсколько времени стояли на якорѣ у Паркалаута. Изъ Ревеля видны были по временамъ непріятельскія суда, изъ которыхъ нѣкоторыя шли къ востоку, а другія къ западу.

20-го іюня непріятельскій пароходъ стрѣлялъ по телеграфной станціи у Паркалаута, причеиъ нѣсколько ядеръ попали въ телеграфный домъ, но никого не убили и не ранили. Этой станціей начальствуетъ прапорщикъ флотскихъ штурмановъ Маргасовъ 3-й, который, будучи два часа подъ огнемъ непріятеля, продолжалъ исполненіе своихъ обязанностей.

Съ 24-го іюня по 1-е іюля непріятельскій флотъ ничего не пред-

принималъ. Главная часть флота, состоявшая изъ 57 судовъ разныхъ ранговъ, находилась на якорѣ къ западу отъ мыса Паркалаутъ, а отдѣльные крейсера показывались въ виду Свеаборга, Ревеля, Балтійскаго Порта и въ другихъ мѣстахъ Финскаго Залива.

Съ 1-го по 7-е іюля непріятельскій флотъ, состоявшій изъ 65 судовъ разныхъ ранговъ, стоялъ на якорѣ къ западу отъ мыса Паркалаутъ и маяка Реншхеръ. Его команда посѣщала безлюдный островъ Треск-Энъ. Непріятельскіе крейсера были разбросаны по Финскому Заливу и показывались въ Ботническомъ; нѣкоторые изъ нихъ, подъ французскимъ флагомъ, стояли по нѣскольکو дней на якорѣ, на одномъ и томъ же мѣстѣ; другіе плавали, становились на мели, производили промѣръ, старались захватить рыбаковъ, а въ-особенности финляндскихъ лоцмановъ, но, благодаря Бога, ни одинъ изъ лоцмановъ не былъ захваченъ.

Вотъ дѣйствіа одного изъ нихъ: іюня 19, лоцманъ Седерлингъ плылъ на небольшой лодкѣ съ острова Реншхеръ; непріятельскій пароходъ началъ преслѣдовать лоцманскую лодку, стрѣляя по ней ядрами. Девять ядеръ пролетѣло надъ головою лоцмана, пароходъ быстро настигалъ лодку, но Седерлингъ, не теряя присутствія духа, убѣждалъ своихъ товарищей приложить послѣдніа усилія; въ это время пароходъ, ударившись о подводный камень, остановился. Немедленно съ парохода посланы были двѣ шлюпки преслѣдовать лоцмана; на шлюпкахъ былъ двойной комплектъ гребцовъ: одни гребли, а другіе стрѣляли изъ ружей. Пули летали кругомъ лоцманской лодки, но какъ она отлично лавировала, то скоро вышла у англичанъ на вѣтеръ. Лоцманъ, вздохнувъ свободно, схватилъ винтовку и сдѣлалъ по непріятелю два выстрѣла. Англичане отвѣчали ему залпами изъ ружей и затѣмъ прекратили погоню. Преслѣдованіе было на протяженіи семи верстъ. Пароходъ, простоявъ на мели нѣсколько часовъ, снялся и на другой день стрѣлялъ по телеграфу, таможенному дому и другимъ строеніямъ, какъ сказано выше. Іюля 3, въ Ревель слышна была канонада со стороны финляндскихъ шхеръ. Іюля 7, отъ непріятельскаго флота, расположеннаго у Паркалаута, отдѣлилась эскадра: трехдечный корабль парусный, два трехдечные винтовые корабли, двухдечныхъ кораблей три, девять кораблей двухдечныхъ винтовыхъ, фрегатъ парусный, винтовыхъ фрегатовъ два, бригъ, восемь пароходовъ, шесть транспортовъ, итого 33 вымпела; они взяли курсъ SO. Съ острова Юсари, лежащаго къ западу отъ мыса Паркалаутъ, получено телеграфическое извѣстіе: въ ночи 7-го іюля, сорокъ непріятельскихъ судовъ скрылись изъ виду на румбъ Вестъ. Эта эскадра скрылась изъ виду въ Гангеудѣ на румбъ SW.

Большая часть непріятельскаго флота находилась въ аландскихъ шхерахъ; нѣсколько судовъ держались въ виду Ревеля, а небольшое число крейсеровъ показывалось въ виду Свеаборга, Гангеуда, Либавы и пр. Суда эти занимались промѣромъ и по временамъ посылали небольшія вооруженныя команды на берегъ, но тамъ только, гдѣ не опасались встрѣтить ни войскъ, ни вооруженныхъ жителей. Слѣдани

таннхъ посѣщеній бывали обыкновенно снятыя со стѣнъ и брошенныя на полъ св. иконы, разбитыя стекла въ окнахъ, изломанная посуда и мебель, ободранныя стѣны и т. п. По мѣрѣ того, какъ ночи становились темнѣе, непріятельскіе крейсера дѣйствовали осторожнѣе и не рѣшались заходить въ восточныя части Финскаго Залива.

Іюля 10 во второмъ часу пополудни, показались семь непріятельскихъ судовъ въ проливѣ Энгезундъ въ аландскихъ шхерахъ; оттуда они вошли въ заливъ Лумпарнъ и бросили якорь. Въ четвертомъ часу отъ этой эскадры отдѣлились четыре парохода и подошли къ Бомарзунду на пушечный выстрѣлъ, но ядра съ одной изъ аландскихъ башенъ, съ временной батареи и форта заставили пароходы удалиться на прежнее мѣсто, далеко внѣ выстрѣловъ. Іюля 11 въ заливъ Лумпарнъ прибыло еще два фрегата. Въ этотъ день усмотрѣны на морѣ непріятельскія суда разныхъ ранговъ; изъ нихъ 26 вошли на плѣсъ Фэглефердъ, съ гребными судами и десантомъ на нихъ.

12 іюля англійская эскадра, расположенная въ заливѣ Лумпарнъ, безпрерывно посылала барказы для промѣра глубины этого залива.

Съ 13 по 21 іюля непріятельскій флотъ, находящійся въ виду Бомарзунда и состоящій изъ шестидесяти судовъ разныхъ ранговъ, ничего еще противъ аландскихъ укрѣпленій не предпринималъ.

Іюля 13 непріятельская эскадра, изъ девяти кораблей, двухъ фрегатъ и трехъ пароходовъ, расположилась на якорѣ по восточную сторону острова Наргена; отъ этой эскадры отдѣлялись и возвращались къ ней пароходы и фрегаты.

14 іюля, у Наргена стояли на якорѣ, подъ англійскими флагами синяго адмирала: три трехдечные корабли (изъ нихъ одинъ винтовой), пять двухдечныхъ винтовыхъ, винтовой фрегатъ, два пароходные шлюпа, небольшой трехмачтовый винтовой пароходъ, малый двухмачтовый желѣзный пароходъ и коммерческая шкуна, а равно двухдечный корабль, подъ французскимъ флагомъ, и коммерческая шкуна, подъ датскимъ флагомъ.

Гребныя суда съ этой эскадры содержали безпрерывное сообщеніе съ островомъ Наргеномъ, на которомъ непріятель поставилъ палатки. По 26 іюня эта эскадра находилась на одномъ и томъ же мѣстѣ; ея шлюпки занимались промѣромъ входа на ревелскій рейдъ.

Непріятельскіе крейсера: двухдечные винтовые корабли, фрегаты и пароходы, безпрестанно появлялись у Гангеуда, Паркалаута, Свеаборга, а 23 іюля видимы были съ Красной Горки.

Отъ Дагерорта, Спитгамна и Пакерорта получались по нѣскольку разъ въ день телеграфическія извѣстія: «на горизонтѣ ничего не видать».

Суда непріятельскаго флота, въ аландскихъ шхерахъ находившагося, содержали между собою сообщеніе посредствомъ небольшихъ пароходовъ. Два двухдечные корабли, стоявшіе въ заливѣ Лумпарнъ, спустили верхній рангоутъ, оставивъ однѣ мачты, вѣроятно, для того, чтобъ вѣрностные выстрѣлы менѣе наносили имъ вреда.

По 26 іюля, кромѣ промѣра глубины въ заливахъ и постановки на

мелюхъ и камняхъ лодманскихъ знаковъ, непріятель ничего противъ укрѣпленія не предпринималъ.

По 28 іюля непріятельская эскадра, находившаяся у острова Наргена, также никакихъ покушеній не дѣлала противъ ревальскихъ укрѣпленій. Число ея судовъ непрерывно измѣнилось отъ одиннадцати до пятнадцати, по причинѣ ухода и прихода отдѣльныхъ крейсеровъ, въ числѣ которыхъ большая часть пароходы; вообще движеніе крейсеровъ усилилось.

21-го іюля непріятельская эскадра, состоящая изъ паруснаго линійнаго корабля, трехъ большихъ паровыхъ корветовъ, парусныхъ брига и шхуны, стала на якорь противъ Шлустергова, между курландскимъ и свербскимъ берегами.

Отдѣльные крейсера были видимы около этого времени передъ Свеаборгомъ, Виндавой, Пакерортомъ, Паркалаутомъ и въ Рижскомъ Заливѣ, а 1 августа съ Паркалаута видна была крейсерающая эскадра, состоящая изъ винтоваго фрегата, 12 пароходовъ и бота.

Послѣднія извѣстія съ Аландскихъ Острововъ остановились на 27 числѣ іюля — днѣ прибытія французскаго высаднаго войска. Съ этого времени началось совершенное обложеніе тамошнихъ укрѣпленій, и съ моря и съ сухаго пути, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась возможность получать оттуда прямая и положительная свѣдѣнія. Только по слухамъ, доходившимъ до абоскаго губернатора черезъ жителей, извѣстно было, что непріятель, высадивъ на главный островъ до 10 т. войска, началъ строить батареи и громить наши укрѣпленія огнемъ многочисленной артиллеріи. Съ 31 іюля, ежедневно съ утра до ночи, слышна была на Аландѣ сильная и непрерывная канонада; но, по всѣмъ разсказамъ, укрѣпленія наши держались твердо, наносили даже вредъ судамъ непріятельскимъ и сбили одну батарею, устроенную французами у деревни Финсбю. Со 2 августа канонада замѣтно усилилась, а 4 числа вдругъ прекратилась, и вслѣдъ за тѣмъ разнеслась печальная молва, что фортъ аландскій взятъ непріателемъ.

Аландскія укрѣпленія состояли изъ оборонительной казармы, занимавшей восточную оконечность большаго острова у пролива Бомарзундъ, и трехъ башенъ, извѣстныхъ подъ литерами С, U и Z. Одиѣ эти отдѣльныя постройки составляли довершенную часть предполагавшейся крѣпости. Большая же, важнѣйшая часть оной была только начата, а многія другія и вовсе еще не возводились. Гарнизонъ состоялъ изъ одного Финляндскаго Линійнаго № 10 батальона, съ командою гарнизонной артиллеріи; кромѣ-того, къ нимъ присоединились двѣ роты Гренадерскаго Стрѣлковаго Батальона, подъ начальствомъ полковника Фуругельма, занимавшія до начала осады временно-устроенную къ югу отъ форта береговую батарею. Первыя свои усилія непріятель направилъ, какъ кажется, на башню С, лежащую къ западу отъ форта, и 2-го августа, послѣ усиленнаго бомбардированія, овладѣлъ ею. По свидѣтельству нѣкоторыхъ, храбрые защитники башни, лишившись наконецъ всякой возможности продолжать оборону, рѣшились на отчаянную вылазку и произвели смате-

ніе въ рядахъ непріятельскихъ войскъ, а потомъ взорвали башню, когда французы въ нее уже вошли.

3 августа непріятель обратился противъ другой башни U, находившейся къ сѣверу отъ главнаго форта, на мысъ Нордвикъ, и также овладѣлъ ею, причемъ потерпѣлъ значительный уронъ; 4-го же числа съ разсвѣта онъ устремилъ всѣ свои усилія, и съ моря и съ сухаго пути, противъ оборонительной казармы, которая была засыпана бомбами и ядрами. Наконецъ, около часа пополудни, непріятель занялъ и послѣднее укрѣпленіе. По слухамъ, комендантъ генерал-майоръ Бодиско и полковникъ Фуругельмъ съ частью гарнизона остались въ живыхъ и находятся въ плѣну. Непріятель, какъ говорятъ, былъ изумленъ стойкостью и продолжительностью обороны и, въ знакъ уваженія своего къ храбрымъ защитникамъ форта, оставилъ офицерамъ полусабли.

Вотъ все, что доселѣ извѣстно о печальномъ событіи, которое отгратить не было никакой возможности. Какъ ни прискорбна участь, постигшая аландскія укрѣпленія, выдвинутыя, такъ скасать, въ видѣ отдѣльнаго передоваго поста, однакожь и здѣсь имѣемъ мы то утѣшеніе, что войска русскія остались вѣрными своему долгу и чести. Мужественною защитою небольшого и недоконченнаго форта, въ теченіе восьми дней, противъ 58 судовъ союзнаго флота и десяти тысячъ сухопутнаго войска, гарнизонъ аландскій привелъ въ удивленіе даже непріятелей и геройски поддержалъ славу русскаго оружія.

10 августа пять непріятельскихъ паровыхъ судовъ, войдя въ абоскія шхеры, направились противъ 17-ти канонирскихъ лодокъ 2-го батальюна Западной Гребной Флотиліи, которыя съ нѣсколькими небольшими буксирными пароходами стояли у острова Рунсала, преграждая фарватеръ, идущій къ Або. Непріятель открылъ сильный огонь въ разстояніи болѣе 2000 сажень. Ядра его, гранаты и бомбы болшею-частью далеко перелетали черезъ лодки, которыя спокойно ожидали приближенія непріятеля на прицѣльный выстрѣлъ, и тогда уже начали сами пальбу. Перестрѣлка продолжалась болѣе 2½ часовъ и въ это время съ нашей стороны убито трое и ранено восемь человекъ нижнихъ чиновъ, и въ числѣ послѣднихъ 3 человека изъ Финскаго Морскаго Ополченія.

Непріятель удалился, имѣя одинъ изъ пароходовъ на буксирѣ, вследствие полученныхъ поврежденій.

Командиръ Западной Бригады Гребной Флотиліи, капитанъ 1-го ранга Акуловъ, донося объ этомъ дѣлѣ, отзывается съ особенною похвалою о хладнокровіи и распорядительности командира 2-го батальюна, капитан-лейтенанта Атрыганьева, также о всѣхъ офицерахъ и объ усердіи команды.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ объявить офицерамъ Монаршее благоволеніе и пожаловалъ нижнимъ чинамъ 12-ть знаковъ отличія военнаго ордена.

15-го мая 1855 года, вечеромъ, непріятельскій флотъ легъ на якорь у Долгаго Носа, близъ Красной Горки, въ числѣ 13-ти винтовыхъ кораблей, одного корвета, двухъ пароходовъ и семи канонирскихъ лодокъ.

24-го мая, въ 12 часовъ пополудни, англійскій фрегатъ «Казакъ» появился на Гангеудскомъ Рейдѣ и отправилъ къ берегу лодку, которая, причаливъ вблизи отъ телеграфа, высадила небольшую команду. Охранявшій это побережье, Гренадерскаго Его Величества Короля Прусскаго Полка прапорщикъ Сверчковъ, узнавъ заблаговременно о покушеніи непріятеля, поставилъ нѣсколько человекъ изъ своего отряда скрытно за строеніемъ противъ мѣста высадки, а часть другихъ съ унтер-офицеромъ Петромъ Павловымъ направилъ по морскому берегу, дабы отрѣзать англичанамъ путь отступленія. Непріятель, внезапно атакованный, защищался слабо и положилъ оружіе. Успѣхъ сего дѣла слѣдуетъ приписать хладнокровію и распорядительности прапорщика Сверчкова.

Потеря непріятельская заключается въ пяти убитыхъ; въ плѣнъ у него взято: 1 офицеръ, 1 докторъ, 1 гардемаринъ и 8 матросовъ (въ томъ числѣ 4 раненыхъ). Сверхъ того, наши захватили флагъ десантной лодки, взяли 7 ружей и 7 сабель; самая же лодка съ находившимся на ней орудіемъ затоплена.

На утро англійскій фрегатъ подошелъ къ Гангеуду и стрѣлялъ по строеніямъ онаго около полутора часа, но большаго вреда имъ не причинилъ.

26-го мая, около 3-хъ часовъ пополудни, англійскій трехмачтовый пароходъ-фрегатъ (высматривавшій, какъ полагаютъ должно, проходы между шхерами при Выборгскомъ Заливѣ), приблизился къ берегу у деревни Макслакъ, верстахъ въ 30-ти отъ Выборга. Встрѣченный здѣсь выстрѣлами нѣсколькихъ нашихъ полевыхъ орудій, непріятель началъ удаляться вдоль берега, мимо деревни Курки; но командующій отрядомъ въ Макслакѣ, Лейб-гвардіи Вольтскаго Резервнаго Полка полковникъ Энгманъ, съ двумя ротами того же полка и 4-мя орудіями Лейб-Гвардіи Резервной № 3-го Батареи, провожалъ непріятельское судно, слѣдуя береговою дорогою. Англійскій фрегатъ, дойдя до высотъ деревни Кискюля, остановился саженьхъ въ 400 отъ берега и началъ стрѣлять по деревнѣ. Тогда полковникъ Энгманъ, избравъ тутъ выгодную для своего отряда позицію, также открылъ изъ полевыхъ орудій огонь, несмотря на то, что непріятель стрѣлялъ залпами съ бортовъ. Въ 6 часовъ пополудни, судно, потерпѣвъ, вѣроятно, поврежденія, отошло изъ-подъ нашихъ выстрѣловъ, а вскорѣ потомъ и совершенно скрылось по направленію къ Трангзунду.

Эта попытка непріятеля, стоившая нашему отряду только двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ, никакого другаго вреда намъ не причинила.

8-го іюня, въ половинѣ девятого часа пополудни, непріятель высадился на островъ Котку, уничтожилъ тамъ телеграфъ и сжегъ нѣсколько казенныхъ домовъ. 9-го іюня непріятельскіе пароходы дѣлали промѣры на Ништадскомъ Рейдѣ.

9-го же іюня канонирскія непріятельскія лодки стрѣляли по ревелъ-

своей гавани, и не успев там сделать никакого вреда, возвратились съ острову Наргену.

10-го, въ три часа пополудни, одна канонирская лодка снова пошла къ Ревелю и, обмѣнявшись четырьмя выстрѣлами съ его укрѣпленіями, отступила.

10-го же, въ десять часовъ утра, непріятельскій фрегатъ приблизился къ батареямъ на островѣ Сандгамъ (лежащемъ къ востоку отъ Свеаборга, близъ берега твердой земли) и открылъ огонь. Батареи наши отвѣчали успѣшно, разбили одну шлюпку, которая вела фрегатъ и дѣлала промѣры, а въ самый фрегатъ всадили одну бомбу и нѣсколько ядеръ.

При этомъ у насъ убитъ одинъ матросъ 25-го экипажа, и легко ранены 4 человека.

Въ продолженіе времени съ 10-го по 15-е іюня, суда непріятельскаго флота произвели два безуспѣшныя покушенія противъ ближайшихъ къ С. Петербургу пунктовъ южнаго финляндскаго побережья.

10-го же іюня, въ четыре часа пополудни, появились противу деревни Макслаки два парохода-фрегата и стали на якорь внѣ нашихъ выстрѣловъ.

11-го числа, въ десять часовъ утра, канонирская лодка, имѣя на буксирѣ четыре шлюпки съ вооруженными людьми, направилась къ селенію Ромбетъ. Остановившись саженьхъ въ 300 отъ берега, суда эти открыли огонь по ближайшему лѣсу, вѣроятно, въ-предположеніи, что тамъ укрываются наши войска, которыя въ то время стояли за селеніемъ Макслаксомъ, въ полной готовности ударить на непріятеля, еслибъ онъ покусился на высадку. Въ одиннадцать часовъ утра пальба была прекращена.

12-го іюня, къ вечеру, непріятельская флотилія перешла къ сѣверной оконечности острова Ревон-Саари, а 13-го, къ полудню, приблизилась къ Біорк-Э; здѣсь отдѣлилась отъ фрегатомъ канонирская лодка и, подойдя на 80 сажень къ берегу, сдѣлала шесть безуспѣшныхъ выстрѣловъ по тамошнему телеграфу. Несмотря на близость непріятеля, состоящій при этомъ телеграфѣ Корпуса Флотскихъ Штурмановъ прапорщикъ Марченко спокойно продолжалъ начатый сигналъ.

Въ оба означенные дня убитыхъ и раненыхъ у насъ не было.

14-го іюня, одинъ пароходъ съ двумя канонирскими лодками отдѣлился отъ эскадры, стоящей на сѣверномъ кронштадтскомъ фарватерѣ, и сталъ близъ устья рѣки Сестры (невдалекѣ отъ сестро-рѣцкаго оружейнаго завода) въ 600 саженьхъ отъ берега, лодки же приблизились на 400 сажень и стали по обѣ стороны впереди парохода. Около трехъ часовъ пополудни непріятель началъ обстрѣливать берегъ, и послѣ канонады, продолжавшейся около часа, суда снялись съ якоря и присоединились къ своей эскадрѣ; при этомъ случаѣ съ нашей стороны раненъ подпрапорщикъ Гренадерскаго Короля Фридриха Вильгельма III Полка Шустеръ; кромѣ этого, непріятельскій огонь никакого вреда намъ не причинилъ.

Съ 15-го по 21-е іюня, непріятельскій флотъ, стоявшій впереди Кронштадта, ограничивался посылкою канонирскихъ лодокъ, для пре-

слѣдованія финскихъ лайбъ, которыя неосторожно отдѣлялись отъ берега, и для порчи телеграфовъ. Изъ числа этихъ поисковъ, одинъ былъ произведенъ 20-го іюня противъ судовъ, стоявшихъ у деревни Большой Ижорской въ (10 верстахъ отъ Ораніенбаума) и красногорскаго телеграфа.

20-го іюня, въ два часа ночи, двѣ канонирскія лодки, отдѣлившись отъ непріятельскаго флота, появились противъ села Большаго Ижорскаго и начали стрѣлять по четыремъ, стоявшимъ въ нѣкоторомъ удаленіи отъ берега судамъ. Потопивъ одно изъ нихъ, лодки временно присоединились къ своей эскадрѣ, и потомъ, въ семь часовъ утра, направились къ Красной Горкѣ, выславъ впередъ шлюпку для промѣровъ и, вѣроятно, для покушенія противъ красногорскаго телеграфа. Находившійся при немъ караулъ отъ 4-й роты Лейб-гвардіи Измайловскаго Резервнаго Полка, укрывшись въ ложементъ, подпустилъ шлюпку на ближній ружейный выстрѣлъ и, сбѣланнымъ внезапно залпомъ, принудилъ ее отойти къ лодкамъ, которыя въ то время открыли огонь по телеграфу и лѣсу, и сбѣлали болѣе 300 выстрѣловъ. Отъ этой пальбы загорѣлся лѣсъ, находившійся за селеніемъ, и пробиты полки и стѣны въ казармѣ прислуги, состоящей при телеграфѣ.

Между-тѣмъ, по тревогѣ прибыли къ селенію Красной Горкѣ двѣ роты Лейб-гвардіи Измайловскаго Полка, съ двумя орудіями, и расположились скрытно за селеніемъ. Начальствовавшій артиллерією подпоручикъ Сорока, выждавъ благоприятную минуту, сбѣлалъ три выстрѣла, чѣмъ заставилъ лодки ослабить навремя огонь и отступить, вѣроятно, по причинѣ полученныхъ ими поврежденій.

Въ одиннадцать и три четверти часовъ утра канонада прекратилась; непріятель значительнаго вреда намъ не причинилъ; вся наша потеря состояла въ одномъ контуженномъ артиллеристѣ.

Съ 21-го іюня по 3-е іюля отдѣльныя суда непріятельскаго флота продолжали появляться у различныхъ пунктовъ балтійскаго побережья, производя нападенія на беззащитные города, гдѣ не было ни войскъ, ни укрѣпленій; такимъ образомъ Ништадтъ и Раумо были бомбардированы съ судовъ, подошедшихъ подъ переговорнымъ флагомъ, а Ловиза подверглась сильной канонадѣ и пожару.

Затѣмъ дѣйствія союзниковъ противъ укрѣпленныхъ или занятыхъ нашими войсками пунктовъ ограничивались наблюденіемъ; тамъ же, гдѣ противники рѣшались употребить открытую силу, они встрѣчали мужественный отпоръ.

Такимъ образомъ была отражена попытка на Трангзундъ (близъ Выборга), 1-го іюля сего года, частью нашихъ сухопутныхъ войскъ и отрядомъ фотилии канонирскихъ лодокъ, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Рудакова 2-го.

Подробности этого дѣла были слѣдующія:

1-го іюля, въ началѣ одиннадцатаго часа пополудни, подошли къ Трангзунду одинъ англійскій фрегатъ, одинъ корветъ и одна канонирская лодка. Два первые, оставшись неподалеку отъ Кирконеми, послали впередъ канонирскую лодку съ семью вооруженными барка-

сами, изъ которъхъ на каждомъ было неменѣе 100 человекъ. Вся эта флотилія въ исходѣ десятаго часа медленно приблизилась къ острову Равенсари.

Разсыпанные здѣсь штуцерные отъ 3-го Учебно-Карабинернаго Полка встрѣтили противника мѣткимъ и убійственнымъ огнемъ; въ то же время открыта была пальба съ парохода «Тосна» и нашихъ канонирскихъ лодокъ, стоявшихъ поперегъ пролива. Дѣйствіемъ одной изъ этихъ лодокъ (№ 8) пробить большой баркасъ, который быстро началъ погружаться въ воду и, почти затонувшій, отведенъ на буксиръ къ фрегату; остальные суда также къ нему присоединились.

Вслѣдъ затѣмъ была открыта непріателемъ усиленная канонада съ фрегата и лодки по острову Равенсари, а съ баркасовъ бросали туда же конгревовы ракеты. Всѣ снаряды ложились большею-частью въ лѣсу, не причиняя значительнаго вреда.

Къ десяти часамъ вечера канонада прекратилась; непріатель, не отважившись на вылазку, отошелъ къ Кирконеми и, по исправленіи поврежденій, 3-го июля удалился. Потеря его, по слухамъ, простиралась до 50-ти убитыми и ранеными.

Нашъ уронъ состоялъ: изъ одного убитаго штуцернаго 3-го Учебнаго Карабинернаго Полка; ранеными: Гренадерскаго Сапернаго Батальона прапорщика Стральмона, одного рядоваго карабинера и изъ 25-го Флотскаго Экипажа одного унтер-офицера и шести рядовыхъ.

Впродолженіе этого дѣла войска наши отличались большимъ хладнокровіемъ и мужествомъ; экипажъ канонирскихъ лодокъ дѣйствовалъ, какъ на ученьѣ. Распорядившій обороною, капитанъ 2-го ранга Рудаковъ, отозвался также съ большею похвалою о находившихся на островѣ Равенсари двухъ ротахъ С. Петербургскаго Ополченія.

8-го (20-го) июля появились у Фридрихсгама англійскіе: фрегатъ, пароходъ, корветъ и канонирская лодка, которые 9-го (21-го) въ десять часовъ утра, выстроившись въ линію, открыли непрерывную канонаду по береговымъ батареямъ нашимъ, но, встрѣченные сильнѣмъ артиллерійскимъ и штуцернымъ огнемъ, принуждены были отступить послѣ двухчасоваго боя.

Сообщая о семъ, генерал-адъютантъ Бергъ свидѣтельствуетъ о благоразумной распорядительности начальствующаго въ Фридрихсгамѣ подполковника Тавастерна, равно-какъ о мужествѣ артиллеріи и стрѣлковъ, дѣйствовавшихъ противъ непріателя.

24-го июля вечеромъ, два винтовые непріательскіе парохода стали на якорь близъ Домеснеса (между Ригою и Виндавою).

На другой день, въ седьмомъ часу утра, непріатель открылъ огонь по находившейся на берегу, для починки, оснащенной лодкѣ, и, спустивъ гребныя суда, успѣлъ зажечь какъ ее, такъ и ближайшій кордонный домъ. Затѣмъ съ лодокъ, стоявшихъ въ полуверстѣ отъ берега, высадилось еще двѣсти человекъ, вооруженныхъ штуцерами. Часть этого десанта была оставлена въ резервѣ близъ берега, а остальные направились къ мызѣ.

Въ это время къ мѣсту высадки прибылъ изъ Дондангена конный резервъ этого участка береговой линіи, подъ командою Уланскаго

Генерал-Адъютанта Князя Чернышева Полка, полковника Штакельберга, который скрылъ свой отрядъ за высотой и ожидалъ приближенія непріателя. Англичане, дойдя до трехъ ближайшихъ къ берегу строеній, начали поджигать ихъ; завидѣвъ это, наши казаки и башкиры выскакали на высоту и, выстроившись лавою, понеслись на непріателя. Передовая цѣпь наступавшаго десанта, приведенная въ смятеніе этою неожиданною и смѣлою атакою, бросилась бѣгомъ къ своему резерву, который произвелъ залпъ, и не выждавъ атаки, поспѣшилъ къ лодкамъ, открывшимъ картечный огонь. Тогда полковникъ Штакельбергъ, спѣшивъ большую часть своей команды, поставилъ ее скрытно за изгородями и приказалъ стрѣлять по лодкамъ, что и заставило ихъ отойти къ пароходамъ. Последніе приблизились въ это время къ берегу и весьма-сильно обстрѣливали его въ теченіе четырехъ часовъ.

Уронъ непріателя опредѣлить трудно, но онъ долженъ быть значителенъ, судя по безпорядочному отступленію людей къ судамъ, которыя потомъ проходили въ разстояніи пятидесяти сажень отъ изгороди, за которою стояли спѣшенные казаки. У насъ, благодаря распорядительности полковника Штакельберга и быстротѣ нападенія, потеря состоитъ всего изъ одного раненаго казака.

29-го іюля, въ 4 часа пополуночи, два непріательскія паровыя судна показались въ виду Дюнаминде. Изъ нихъ большой англійскій корветъ (*) въ 5½ часовъ утра открылъ огонь, направляя свои выстрѣлы сперва на Магнусольмскую, а потомъ на Форт-Кометскую батареи. Вскорѣ замѣтивъ, что 12 нашихъ канонирскихъ лодокъ выходятъ изъ устья Двины и выстраиваются лѣвѣе Форт-Кометской батареи, корветъ обратилъ преимущественно на нихъ огонь свой. Въ то же время, шедшій подъ контр-адмиральскимъ флагомъ, вслѣдъ за корветомъ, 84-пушечный корабль, сталъ лѣвѣе помянутой батареи и также началъ пальбу по ней и по флотиліи.

Въ 5 часовъ 50 минутъ пополуночи, лодки наши выстроились и начали дѣйствіе. Несмотря на то, что выстрѣлы съ береговыхъ батарей удерживали непріательскія суда въ значительномъ разстояніи отъ флотиліи (примѣрно, на 1000 саж.), ядра и бомбы ложились между лодками и перелетали черезъ нихъ.

Въ 6¼ часовъ утра, командиръ Рижскаго Батальона Гребной Флотиліи, капитан-лейтенантъ Истомино, замѣтивъ, что корабль и корветъ сильно обстрѣливали Форт-Кометскую Батарею, приказалъ начать наступленіе исключительно на корабль. Командиры лодокъ смѣло повели ихъ впередъ, несмотря на то, что корабль повернулся къ нимъ всѣмъ бортомъ и, ворочаясь на шпрингахъ, открылъ, вмѣстѣ съ корветомъ, сильнѣйшую канонаду.

Въ 6½ часовъ, лодка № 15-го, бывшая подъ командою квартирмейстера Степана Аншики, получила подводную съ правой стороны

(*) По неимѣнію на семь корветъ бѣлой полосы невозможно было опредѣлить числа его орудій.

въ кормовую часть пробойну; тѣмъ не менѣе экипажъ оной продолжалъ дѣйствовать изъ орудій, задрывая въ то же время пробойну. Капитан-лейтенантъ Истоминъ, прибывъ къ лодкѣ на вельботѣ и усмотрѣвъ, что въ трюмѣ до $1\frac{1}{2}$ фута воды и что ее едва успѣвали отливать, приказалъ лодкѣ сей отойти въ Двину и прижаться къ отмели, что и было благополучно исполнено.

Въ шесть часовъ сорокъ минутъ, бомба перешибла весло на лодкѣ, которую командовалъ мичманъ Бокалягинъ. Флотилія наша, продолжая между-тѣмъ наступленіе, остановилась приблизительно на разстояніи 600 сажень отъ корабля; лодки вышли въ это время изъ-за отмели и были на глубинѣ 13 фут. Въ эту минуту прапорщикъ Морской Артиллеріи Юзетовичъ, выдавшись съ своею лодкою № 10-го изъ линіи батальона, такъ удачно пустилъ бомбу, что непріятельскій корабль тотчасъ отдалъ шпрингъ и началъ, отстрѣливаясь, отступать вмѣстѣ съ корветомъ.

Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ, противникъ, прекративъ огонь, удалился отъ нашихъ батарей и флотилии на довольно-большое разстояніе, а въ десять часовъ ушелъ въ море и скрылся изъ виду.

Должно полагать, что, во время перестрѣлки съ нашею флотиліею и батареями, непріятельскія суда потерпѣли поврежденія, ибо, кромѣ удачнаго выстрѣла, сдѣланнаго съ канонирской лодки № 10-го, послѣ седьмага выстрѣла съ Форт-Кометской батареи, корветъ мгновенно повернулся и спустилъ баркасъ.

По прекращеніи канонады, на кораблѣ спустили съ боканцевъ катеръ, который держался подъ кормою около часа времени.

Въ четвертомъ часу пополудни, тѣ же непріятельскія суда стали снова приближаться къ устью рѣки Двины. Съ четырехъ часовъ и до восьми, суда эти стрѣляли по придвинскимъ батареямъ и произвели нѣсколько выстрѣловъ по берегу. Огонь атакующаго сосредоточенъ былъ преимущественно на Форт-Кометскую Батарею, въ которую стрѣляли по-временамъ даже залпами, съ разстоянія, приблизительно, до 1100 сажень.

Въ $8\frac{1}{2}$ часовъ пополудни корабль и корветъ скрылись изъ виду.

Канонирская флотилія, не выходящая послѣ полудня въ заливъ, вечеромъ не участвовала въ дѣлѣ.

Несмотря на довольно-сильную канонаду, у насъ не было ни потерь, ни поврежденій въ укрѣпленіяхъ.

Подробное описаніе бомбардированія Свеаборга, представленное генерал-адъютантомъ Бергомъ.

Непріятельскій флотъ, сосредоточенный въ виду Гельсингфорса и Свеаборга и состоявшій изъ десяти кораблей, семи фрегатомъ, семи парусныхъ, двухъ корветовъ, одного брига, четырехъ судовъ особой конструкции, шестнадцати бомбардъ, двадцати-пяти канонирскихъ лодокъ, двухъ яхтъ и трехъ транспортовъ, къ 28-му числу іюля занялъ позицію между островами Грохара и Реншеромъ, параллельно крѣпости, имѣя отдѣльно на правомъ флангѣ, у Острова Стура-Міель-Э

(противъ Сандгама) два 80-пушечные винтовые лигѣйные корабли и одинъ 31-пушечный фрегатъ.

Боевая линия всѣхъ этихъ судовъ находилась въ разстояніи отъ трехъ до четырехъ верстъ отъ вѣшной линии свеаборгскихъ укрѣпленій; нѣсколько впереди прочихъ стояли суда особой конструкціи, за ними бомбарды и канонирскія лодки, построенныя въ двѣ линіи, а позади ихъ, вѣ всякой достигаемости самыхъ дальнихъ выстрѣловъ крѣпости, большія суда.

Съ этого, столь дальняго разстоянія, открытъ былъ, 28-го іюля, въ семь съ четвертью часовъ утра, неприятелемъ съ канонирскихъ лодокъ, бомбардъ и судовъ особой конструкціи огонь, направленный первоначально довольно-равномѣрно на всѣ противолежащія батареи крѣпости: форты Вестер-Свартъ и Лонгернъ, корабль «Иезекииль» и часть батарей праваго фланга, то-есть Николаевскую, на Островѣ Рентанъ, Ульрикасборгскую и Земляную № 1-го.

На нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ усилія противника обращены были противъ Острова Друмс-Э: два неприятельскіе фрегата и одинъ корветъ, ставъ на якорь въ бухтѣ у югозападной части этого острова, въ разстояніи менѣе версты отъ берега, открыли пальбу сначала по телеграфу, а потомъ перекрестно по острову, стрѣляя непрерывными залпами.

Во время канонады, атакующій нѣсколько разъ посылалъ гребныя суда съ десантомъ для занятія Друмс-Э, но, встрѣчаемый мѣткимъ штуцернымъ и ружейнымъ огнемъ изъ-за ложементовъ, устроенныхъ по берегу, долженъ былъ не безъ потери возвратиться назадъ. Въ два часа пополудни неприятельскія суда, прекративъ огонь по острову, удалились за Островъ Міельк-Э.

Съ десяти часовъ утра, послѣ перваго вспыхнушаго на Островѣ Лилла-Остер-Сварт-Э пожара, центръ нашей оборонительной линіи, то-есть крѣпость Свеаборгъ, сдѣлался преимущественно цѣлью неприятельскихъ выстрѣловъ. Не имѣя возможности одержать рѣшительно никакого успѣха противъ нашихъ укрѣпленій и батарей, атакующій явно предположилъ воспользоваться дальностью полета своихъ снарядовъ и, по возможности, не подвергаясь нашимъ выстрѣламъ, разгромить и сжечь зданія внутри крѣпости, къ чему находившіяся тамъ деревянныя строенія и огромныя трехэтажныя дома безъ сводовъ представляли ему полную возможность.

Угадывая это намѣреніе, я уже сначала боя приказалъ отвѣчать съ нашихъ батарей только лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда неприятельскія суда, представлявшія собою весьма-малую цѣль, приблизятся на такое разстояніе, съ котораго дѣйствіе нашихъ выстрѣловъ можетъ нанести имъ рѣшительный ударъ.

Приказаніе это было исполнено съ тѣмъ достохвальнымъ хладнокровіемъ, которое отличаетъ истинно-хорошую артиллерію, и съ такимъ успѣхомъ, что стоило только какому-либо изъ дѣйствующихъ по крѣпости судовъ выдвинуться впередъ изъ занимаемой ими боевой линіи, чтобъ быть принужденнымъ мѣткими выстрѣлами съ нашихъ укрѣпленій съ поспѣшностью отходить назадъ. Поднимаемые въ этихъ

случаяхъ на поврежденныхъ судахъ черные флаги, пароходъ, отво-
дившій ихъ на буксирѣ, и, наконецъ, множество обломковъ, плавав-
шихъ въ различныхъ мѣстахъ, свидѣтельствовали о томъ, что каждое
приближеніе къ крѣпости обходилось противнику не безъ потерь и
поврежденій.

Между-тѣмъ, вскорѣ послѣ открытія непріателемъ огня, значитель-
ный пожаръ распространился въ крѣпости и, несмотря на усиленное
дѣйствіе пожарныхъ командъ, не прекращался, поддерживаемый без-
прерывнымъ бомбардированіемъ въ продолженіе дня и метаніемъ ракетъ
во время ночи.

Едва только загоралось гдѣ-либо зданіе, атакующій тотчасъ же
усиливалъ огонь по этому направленію, но, благодаря присутствію
духа и распорядительности исправляющаго должность свеаборгскаго
коменданта, генерал-лейтенанта Сорокина и помощника его, генерал-
майора Алексѣева, отстояны нами провіантскіе запасы сухопутнаго
вѣдомства, куртинный и четырехъ-этажный офицерскіе флигели.

Пороховые погреба, несмотря на постоянно-сыпавшіяся на нихъ
бомбы, выдержали до конца, за исключеніемъ четырехъ небольшихъ
запасовъ чиненыхъ бомбъ, помѣщенныхъ на Густавс-Вердѣ въ старинныхъ
складахъ шведской конструкціи. 28-го іюля, въ исходѣ двѣ-
надцатаго часа дня, разрывъ непріательской бомбы съ зажигатель-
нымъ составомъ сообщилъ огонь одному изъ таковыхъ складовъ; это
мгновенно передалось остальнымъ, находившимся не въ дальнемъ
разстояніи, и такимъ образомъ всѣ четыре склада почти одновременно
взлетѣли на воздухъ. По особой милости Божіей, вредъ, причиненный
этими взрывами, состоялъ только въ одномъ убитомъ и трехъ раненыхъ
нижнихъ чинахъ.

Жестокое бомбардированіе крѣпости продолжалось непрерывно въ-
теченіе цѣлыхъ сутокъ; къ ночи 28-го оно нѣсколько ослабѣло, но
потомъ возобновилось съ новою силою, причемъ непріатель, въ про-
межуткахъ между бомбами, пускалъ непрерывно ракеты, въ намѣ-
реніи поддерживать и распространять ими повсемѣстный пожаръ.

Во время этого бомбардированія противникъ старался приблизиться
къ прилежащимъ къ крѣпости островамъ Скансланду и Кунгсголь-
менъ съ одной стороны, а также къ укрѣпленію Лонгернъ, Нико-
лаевской Батарей и кораблю «Иезекииль» съ другой стороны, но по-
стоянно былъ удерживаемъ мѣткими выстрѣлами означенныхъ бата-
рей и корабля; причемъ укрѣпленіе на островѣ Скансландѣ дѣйстви-
вало въ-особенности успѣшно, не допуская канонирскія лодки при-
близиться для обстрѣливанія праваго фланга Цистернской Батареи.

Корабль «Россія», поставленный противъ Густавс-Вердскаго Про-
лива, для продольнаго его обстрѣливанія, по положенію своему, уча-
ствовалъ въ бою только небольшою частью своихъ орудій, а между-
тѣмъ, находясь на продолженіи выстрѣловъ, направляемыхъ съ раз-
личныхъ сторонъ на крѣпость и островъ Скансландъ, получилъ много
пробойнъ: навѣсными непріательскими снарядами самага большаго
калибра пробивались его деки; бомбы разрывало внутри корабля и
одна изъ нихъ проникла почти до кройт-камеры; спасеніемъ своимъ

отъ взрыва корабль исключительно обязанъ распорядительности командира своего, капитана 1-го ранга Поплонскаго и присутствію духа Корпуса Морской Артиллеріи подпоручика Попова, посланнаго для осмотра кройт-камеры и загасившаго огонь, съ помощью находившейся тамъ прислуги, тотчасъ же послѣ взрыва бомбы.

На лѣвомъ нашемъ флангѣ, одновременно съ открытіемъ дѣйствія по крѣпости, стоявшіе противъ острова Сандгама два винтовые корабля и фрегатъ приблизились къ южнымъ батареямъ этого острова на разстояніи около двухъ верстѣ и, двигаясь параллельно онымъ, открыли по нимъ, равно-какъ и стоявшимъ поблизости пяти канонирскимъ лодкамъ 1-го батальона самую усиленную пальбу. Батарея № 3-го, какъ находившаяся въ срединѣ атакованнаго пространства, была осыпаема неприятельскими снарядами, но отвѣчала столь дѣятельно и мѣтко, что неприятельскія суда, 28-го около полудня, должны были прекратить канонаду и стать внѣ нашихъ выстрѣловъ, причемъ одинъ изъ винтовыхъ кораблей взялъ на буксиръ другой; оба они не принимали болѣе участія въ боѣ, и по 30-е июля включительно производили исправленіе своихъ поврежденій; обломки отъ этихъ судовъ даже приплывали къ нашимъ батареямъ.

Наступившая ночь не прекратила дѣйствій, напротивъ, пользуясь темнотою, неприятель вооружилъ, построенную имъ заранѣе въ-теченіе ночи съ 27-го на 28-е июля, на небольшомъ скалистомъ островѣ Лонгерѣ (находившемся въ его позиціи), мортирную батарею, и ночью на 29-е число открылъ съ нея пальбу, усиливъ въ то же время бомбардированіе съ своихъ судовъ. Отъ дѣйствія ихъ загорѣлись на укрѣпленіи Стура-Остер-Сварт-Э портовые зданія со всѣми принадлежащими къ нимъ мастерскими и складами.

29-го, въ десятомъ часу утра, занялась крыша на капонирѣ въ Густав-Вердѣ, гдѣ хранились бомбы и заряды. Видя близкую опасность для Цистериской Батареи и всего густав-вердскаго укрѣпленія, генерал-лейтенантъ Сорокинъ вызвалъ охотниковъ для тушенія пожара. Всѣ офицеры, находившіеся въ это время у Цистериской Батареи, первые подали примѣръ готовности, за ними послѣдовали нижніе чины и, несмотря на огонь, направленный въ это время преимущественно на капониръ, пожаръ скоро былъ потушенъ. Первый вскочившій на крышу для тушенія огня былъ фейерверкеръ артиллерійскаго гарнизона Михѣевъ.

Во весь день 29-го числа усиленное бомбардированіе не прекращалось ни на минуту, и лишь къ ночи ослабѣвая постепенно, совершенно окончилось къ пяти часамъ утра.

Въ-теченіе ночи съ 29-го на 30-е число пускаемы были съ неприятельскаго флота конгревовы ракеты въ крѣпость и прилегающія къ ней укрѣпленія, но безъ большаго успѣха.

Во второй день боя, 29-го числа, дѣйствіе неприятеля на правомъ нашемъ флангѣ ограничивалось канонадою по острову Друмс-Э, продолжавшеюся съ восьмага часа утра до девяти вечера, которая возобновлена была потомъ 31-го числа въ три часа пополудни. Дѣйствіемъ

ея неприятель повредилъ телеграфъ и неоднократно зажигалъ лѣсъ, но пожаръ тотчасъ же былъ прекращаемъ.

На лѣвомъ же флангѣ нашей оборонительной линіи неприятель, отбитый 28-го отъ острова Сандгама, не дѣлалъ болѣе никакихъ покушеній и наши батареи ограничивались нѣсколькими выстрѣлами противъ шлюпокъ, производившихъ промѣры или пускавшихъ ракеты въ людей, работавшихъ на укрѣпленіяхъ.

30-го іюля днемъ противникъ занимался увеличеніемъ своей мортирной батареи на скалѣ Лонгеръ, а въ ночь бросалъ ракеты на острова Кунгсгольменъ и Скандландъ, не причинивъ ими, впрочемъ, никакого вреда.

31-го числа неприятель поднималъ свои гребныя суда, а послѣ полудня срылъ свою мортирную батарею, 1-го же августа въ восемь часовъ утра снялся съ якоря и отступилъ по направленію къ югу.

Большія неприятельскія суда: корабли, фрегаты и пароходы, по значительности представляемой ими цѣли, не дѣйствовали противъ крѣпости, тщательно избѣгая поврежденій; канонирскія лодки, участвовавшія въ бою, старались безпрестанно перемѣнять мѣста, при помощи своего винтового двигателя.

Все это и было причиною, что, кромѣ нѣкоторыхъ пожаровъ, которымъ невозможно было воспрепятствовать, вредъ, вообще нанесенный двухсуточнымъ усиленнымъ бомбардированьемъ крѣпостнымъ веркамъ и батареямъ, оказался вообще ничтожнымъ.

По приблизительному и самому умѣренному разсчету, неприятель направилъ на островъ Друмс-Э около тысячи выстрѣловъ, на Свеаборгъ и прилегающія къ этой крѣпости береговыя батареи Гельсингфорса до семнадцати тысячъ, и на Сандгамъ свыше трехъ тысячъ выстрѣловъ.

При такомъ количествѣ выпущенныхъ снарядовъ, потеря наша въ людяхъ весьма-ограниченна: убито: нижнихъ чиновъ 44; ранено: штаб-офицеровъ 2, обер-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 110. Изъ числа контуженныхъ какъ гг. офицеры, такъ и нижніе чины частью вовсе не оставляли фронта, частью же возвратились на службу.

Эту столь ограниченную потерю въ людяхъ я приписываю благоумной распорядительности гг. частныхъ начальниковъ, воспользовавшихся имѣвшимися въ крѣпости прикрытіями, а на островахъ — естественными и заблаговременно-устроенными завалами для защиты порученныхъ имъ частей отъ выстрѣловъ неприятеля.

Кромѣ исчисленной уже потери гарнизона, на кораблѣ «Россія» убито: 11 нижнихъ чиновъ, ранено и контужено: обер-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 88; на кораблѣ «Иезекиль» одинъ матросъ.

Донося объ этомъ, я долгомъ считаю выразить, что вѣрными мнѣ войска Его Императорскаго Величества, отъ начальниковъ до послѣдняго солдата, исполнили свою обязанность съ тою стойкостью и мужествомъ, которыя всегда отличали русское войско.

Вмѣстѣ съ этимъ поставлю священнѣйшею обязанностью назвать преимущественно отличившихся своимъ хладнокровіемъ и распорядительностью въ эти два дня усиленнаго бомбардированія крѣпости и

атаки нашей позиціи: начальникъ центра, праваго и лѣваго фланговъ, гг. генерал-лейтенантовъ: Сорокина, Рамзая и Гильденштуббе, начальника артиллеріи вѣтренныхъ миѣ войскъ, свиты Его Величества генерал-майора Баранцова и завѣдывающаго морскою частью въ Финляндіи контр-адмирала Шихманова, а также поименовать тѣхъ, которые миѣ были представлены этими главнѣйшими моими помощниками, какъ оказавшіе особенное отличие, а именно:

— Генерал-лейтенантомъ Сорокинымъ: генерал-майоры Алексѣевъ и Костинъ; начальники укрѣпленій, полковники: Гриппенбергъ и Брякилевъ; подполковники: Кронгольмъ и Магнушевскій; майоры: Ладо, Гекстремъ и смотритель госпиталя Баженовъ; капитан-лейтенантъ Петровскій, артиллеріи капитанъ Вестермаркъ, командиръ Инженерной Команды Морской Строительной Части, капитанъ Мартыновъ, плац-адъютантъ, капитанъ Якобсонъ, 1-го Запаснаго Сапернаго Батальйона штабс-капитанъ Кренке, полевые инженеры: штабс-капитанъ Верещинскій и поручикъ Павловъ.

— Генерал-лейтенантомъ Рамзаемъ: Гренадерскаго Стрѣльковаго Батальйона полковникъ Люра, 2-го Резервнаго Гренадерскаго Полка майоръ Гольмъ и капитанъ 1-го ранга Ирецкій.

— Генерал-лейтенантомъ Гильденштуббе: контр-адмиралъ Нордманъ, командиръ Карабинернаго Барклая-де-Толли Полка полковникъ фон-Постъ и того же полка полковникъ Ламони и майоръ Пахачевъ, капитан-лейтенанты: Есауловъ и Шеле, Генеральнаго Штаба капитанъ Лео, инженер-капитанъ Квистъ, штабс-капитанъ Гребнеръ, лейтенанты: Бракель, Пальфельдъ, Ермолаевъ, капитанъ морской артиллеріи Антипенко и мичманъ Деливронъ.

— Контр-адмираломъ Шихмановымъ: капитаны 1-го ранга Поплонскій и Бровцынъ, капитаны 2-го ранга: Токмачевъ и Акуловъ и лейтенантъ Можайскій.

Въ эти дни дѣятельной борьбы съ непріателемъ, главными и самыми неутомимыми моими сотрудниками, черезъ посредство которыхъ дѣлались всѣ распоряженія и принимались необходимыя предусмотрительныя мѣры, были: состоящій въ должности начальника штаба, генерал-лейтенантъ Норденстамъ и управляющій Нюландскою Губерніею, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лангешельдъ.

Вмѣстѣ съ ними я обязанъ назвать отлично исполнившихъ даваемые мною порученія: Гвардейскаго Генеральнаго Штаба полковника Минквица, начальника инженеровъ, полковника Грунта, адъютантовъ моихъ: подполковника Юшкова, штабс-капитана графа Армфельдта, гвардіи поручика Костіандера и поручика Бернова, а также состоящихъ при миѣ: флигель-адъютанта Черткова, камер-юнкера графа Сиверса и инженер-капитана Форселлеса, равно-какъ инженер-полковника Брандта, Гвардейскаго Генеральнаго Штаба штабс-капитана Альфтана и капитана Девеля.

Особо отличились также во время боя хладнокровіемъ и мѣткостью стрѣльбы съ порученныхъ имъ батарей, командиры: Николаевской Батареи — капитан-лейтенантъ Гревенсъ и укрѣпленія Лонгеръ — капитанъ Теслевъ.

Въ-заключеніе не могу не упомянуть съ особою похвалою о состоящемъ при мнѣ для порученій Генеральнаго Штаба капитанъ Берновъ и дежурномъ штаб-офицеръ, полковникъ Глѣбовъ.

1-го августа, къ тремъ часамъ пополудни пришли отъ Свеаборга къ острову Наргену, при трехъ адмиралахъ : десять непріятельскихъ кораблей, восемь фрегатовъ, одинъ корветъ, четырнадцать пароходовъ, двадцать-четыре канонирскихъ лодокъ, семнадцать бомбардъ, два транспорта, одинъ ботикъ и поврежденный фрегатъ безъ бушприта, на буксиръ парохода.

4-го августа, въ девять часовъ утра, отъ непріятельскаго флота, стоящаго у острова Наргена, два фрегата направились къ Балтійскому Порту и открыли по оному бомбардированіе, продолжавшееся около часа. Послѣ сего непріятель ушелъ въ море, не причинивъ намъ никакого вреда.

У. ИЗВѢСТІЯ СЪ БѢЛАГО МОРЯ И ИЗЪ КАМЧАТКИ.

Появленіе непріятельскихъ фрегатовъ у Сѣверной Двины. — Встрѣча непріятельскихъ крейсеровъ съ русскими судами. — Приближеніе непріятельскаго фрегата къ Мудьюгскому Острову и взятіе русскихъ купеческихъ судовъ. — Удаленіе непріятельской эскадры отъ устья Сѣверной Двины. — Бомбардированіе Соловецкаго Монастыря. — Появленіе непріятеля въ Онежскомъ Заливѣ. — Бомбардированіе г. Колы. — Дѣйствія непріятельскаго флота на Бѣломъ въ 1855 году. — Приближеніе непріятеля къ Соловецкому Острову и дѣйствія на Заяцкомъ Островѣ. — Нападеніе на с. Ламцу и другіе пункты. — Нападеніе англо-французовъ на Петропавловскій Портъ.

14-го іюня 1854 г., три непріятельскіе фрегата, изъ которыхъ одинъ парусный и два винтовые, подошли къ бару Сѣверной Двины и стали на якорь въ трехъ съ половиною верстахъ отъ бара. Они остановили кольскаго крестьянина Андрея Ильина, который шелъ отъ мурманскаго берега на своей кочьмарѣ съ грузомъ трески, отняли у него рыбу, потопили кочьмару, а самого отпустили. Когда же онъ хотѣлъ взять съ собою нѣсколько хлѣба, то не дозволили ему этого. Затѣмъ непріятель отправилъ къ берегу вооруженный барказъ съ десантомъ; но, усмотрѣвъ на берегу наши войска, барказъ поспѣшно возвратился. Помянутыя суда, по величинѣ своей, не могли перейти баръ.

Непріятельскіе крейсера остановили, во второй половинѣ іюня, возвращавшіяся съ промысловъ суда : «Михаилъ Архангелъ» (шкиперъ Ракитинъ) и «Св. Николай» (шкиперъ Чумичевъ), но отважные корабельщики воспользовались первымъ благопріятнымъ случаемъ и, при попутномъ вѣтрѣ, ушли отъ преслѣдованія непріятеля и прибыли благополучно въ Архангельскъ; причемъ Чумичевъ, вмѣсто парусовъ, взятыхъ у него англичанами, поднялъ три рогожи.

17-го іюня, крестьянинъ Чухчинъ, смѣло пройдя подъ непріятельскими ядрами, доставилъ благополучно въ Архангельскъ на своемъ

небольшомъ судѣ снятыхъ имъ съ Моржовскаго Маяка офицера, команду и освѣтительные припасы.

22-го іюня винтовой непріятельскій фрегатъ подошелъ къ Мудьюгскому Острову; противъ самаго маяка, и послалъ шесть вооруженныхъ шлюпокъ дѣлать промѣръ. Непритель былъ встрѣченъ огнемъ двухъ полевыхъ орудій, подѣ начальствомъ прапорщика Балдина, и ружейной пальбой команды канонирскихъ лодокъ, подѣ начальствомъ лейтенанта Тверитинова. Тогда фрегатъ открылъ огонь, но ядра его или не долетали, или перелетали черезъ нашихъ людей. Одно ядро попало въ маякъ. Вскорѣ непритель удалился. Съ нашей стороны не было ни убитыхъ, ни раненыхъ.

Непритель взялъ купеческія суда: шкуну «Волга» (скиперъ Антоновъ), двѣ ладьи крестьянина Ситкина и мѣщанина Ломова, и и ладью «Св. Николай» крестьянина Корнопосова. Суда эти большею частью были нагружены мукой. Нѣкоторыхъ изъ людей, бывшихъ на этихъ судахъ, непритель отпустилъ. Шкуна «Волга», принадлежавшая кемскому мѣщанину Василью Антонову, шла въ Норвегію и имѣла свидѣтельство норвежскаго консула, но Англичане отравили ее въ Англію, объявивъ корабельщику, что свидѣтельство написано на простой, а не на гербовой бумагѣ и потому недействительно, и что притомъ шкуна такъ изящно построена, что можетъ быть военнымъ судномъ.

Послѣ неудачнаго покушенія непріятеля 22-го іюня на Мудьюгскій Островъ и уничтоженія поставленныхъ имъ промѣрныхъ знаковъ, непріятельскія суда ничего не предпринимали и 24-го числа удалились отъ острова. 25-го іюня доставлена въ Архангельскъ и записана по порту въ приходъ пятивесельная шлюпка, принадлежавшая одному изъ англійскихъ военныхъ судовъ. Шлюпку эту 18-го числа выбросило на Мудьюгскій Островъ. Вѣроятно, она та самая, которую видѣли наканунѣ съ маяка, когда она съ трудомъ выгребала противъ сильнаго вѣтра и скрылась въ мрачности при нашедшемъ шквалѣ. На шлюпкѣ былъ тогда офицеръ, возвращавшійся съ осмотра купеческихъ судовъ.

Устье Сѣверной Двины оставлено непріятельскою эскадрою; поставленные ею промѣрные знаки сняты канонирскими лодками и крестьянами. Іюня 26-го дня, непріятельскій винтовой фрегатъ сталъ на якорь противъ села Сюзьмы, бросилъ въ него двѣ бомбы, изъ которыхъ одна упала въ домъ крестьянина Смѣтанина и произвела пожаръ, который былъ, однако, вскорѣ потушенъ; потомъ фрегатъ, снявшись съ якоря, ушелъ въ море по направленію къ острову Соsnowцу, гдѣ находились и другія англійскія суда; къ нимъ 27-го іюня присоединился транспортный бригъ, нагруженный каменнымъ углемъ.

6-го іюля, въ четвертомъ часу пополудни, два непріятельскіе парохода (одинъ изъ нихъ «Миранда»), подойдя къ Соловецкому Монастырю, открыли по немъ канонаду ядрами и бомбами. Въ пятомъ часу канонада замолкла, и къ монастырю явился парламентёръ съ требованьемъ безусловной сдачи какъ монастыря, такъ и команды, въ немъ находящейся. Настоятель монастыря, архимандритъ Алек-

сандръ, отказался исполнить требованіе непріятеля, и на другой день, въ восемь часовъ утра, непріятельскіе пароходы возобновили бомбардированіе монастыря и продолжали непрерывно дѣйствовать по нему до пяти часовъ пополудни.

Несмотря на десятичасовое бомбардированіе, убитыхъ и раненыхъ въ монастырѣ не оказалось; только деревянная гостинница, построенная внѣ монастырскихъ стѣнъ, пробита ядрами во многихъ мѣстахъ; зданія же, находящіяся внутри древнихъ стѣнъ монастыря, не имѣли никакихъ важныхъ поврежденій.

Въ дополненіе къ этому извѣстію полагаемъ, что для русскихъ читателей будетъ приятно и вмѣстѣ съ тѣмъ назидательно прочесть донесеніе объ означенномъ событіи самого настоятеля монастыря, архимандрита Александра, который, бывъ въ этомъ случаѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, описалъ происшествіе во всей подробности, въ духѣ христіанскаго благочестія и смиренія.

Донесеніе Святѣйшему Синоду настоятеля стаеропниальнаго Соловецкаго Монастыря, архимандрита Александра, отъ 10 іюля 1854 года.

Имѣю честь Святѣйшему Правительствующему Синоду почтительнѣйше довести о нападеніи англичанъ на уединенную Соловецкую Обитель.

Предшествующія обстоятельства сего событія были слѣдующія:

Мы имѣли уже достовѣрные слухи, что англичане хотятъ прійти къ нашему монастырю. Оттого приняты были у насъ заблаговременно всѣ мѣры предосторожности и приготоуленія къ оборонѣ, если послѣдуетъ нападеніе отъ непріятеля.

Сего іюля 6-го числа, въ восьмомъ часу до полудня, сторожа съ башни монастырской увидѣли два судна непріятельскія, которыя, подойдя къ монастырю на десять верстъ, остановились на якорѣ; я тотчасъ, по отслуженіи молебна Божіей Матери и преподобнымъ соловецкимъ, сдѣлалъ крестный ходъ вокругъ монастыря по стѣнѣ, съ чудотворными иконами, сказалъ должное увѣщаніе нижнимъ чинамъ и всѣмъ другимъ, живущимъ въ монастырѣ для Богомоленія, стать храбро за вѣру и св. обитель, всѣхъ воодушевилъ и предался въ волю Божію. Суда непріятельскія, простоявъ на якоряхъ около пяти часовъ, снялись и поплыли при сильномъ попутномъ вѣтрѣ, какъ-будто въ г. Кемь; въ то время я и завѣдывающій инвалидною командою прапорщикъ Никоновичъ, отправились верхомъ, взявъ два трехфунтовыхъ орудія, съ охотниками нижнихъ чиновъ, богомольцевъ и послушниковъ, по острову, слѣдить непріятеля за лѣсомъ. Хотя и была ужъ батарея сдѣлана за два дня предъ тѣмъ, но мы хотѣли еще зашиту устроить, ѣздили и ходили по острову около четырехъ часовъ, какъ вдругъ увидѣли, что два трехмачтовые фрегата съ архимедовыми машинами, съ орудіями на каждомъ около шестидесяти, тѣ самыя, которые удалялись въ море, подходятъ прямо къ монастырю; я и прапорщикъ Никоновичъ отправились въ монастырь, а фейерверкеръ артиллерійскій, съ двумя орудіями, да два унтер-офицера и

десять рядовыхъ инвалидовъ, съ охотниками, которымъ ружья выданы были: часть изъ монастырскаго арсенала, а часть изъ крестьянскихъ—остались въ батарее, въ такомъ положеніи, что ихъ и незамѣтно; непріятельское судно стало противъ самой батареи и пустило ядро въ монастырь, въ св. ворота, но не попало, а въ стѣну, и стало продолжать бомбардировку съ одного судна, а другое, въ недалекомъ разстояніи, стало на якорь; по третьемъ выстрѣлѣ, сдѣланъ выстрѣлъ съ нашей батареи изъ двухъ орудій трехфунтовыхъ такъ мѣтко и удачно, что отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ сдѣлалось поврежденіе въ непріятельскомъ суднѣ (и говорятъ, что при этомъ еще раненъ одинъ англичанинъ), которое, пустивъ около тридцати выстрѣловъ, удалилось къ другому судну, неподалеку отъ берега, стало на якорь, и тутъ же, въ глазахъ нашихъ, производило починку.

Ночь съ 6-го на 7-е число всѣ въ монастырѣ провели спокойно на молитвѣ и на стражѣ.

На другой день, седьмого числа, наканунѣ праздника Казанскія Божія Матери, поутру, въ началѣ шестаго часа, при концѣ утрени, въ Соборной Преображенія Господня Церкви, прислана съ парохода—фрегата, именуемаго «Брискъ», на гребномъ парламентѣрскомъ суднѣ подъ бѣлымъ флагомъ, депеша, на англійскомъ языкѣ, съ другою, переведенною съ нея на русскій, на которой подпись значитъ слѣдующая: «6-го (18) іюля, Эрасмусъ Оманней, капитанъ фрегата ея великобританскаго величества и главнокомандующій эскадрою на Бѣломъ Морѣ», и проч., и проч. и проч. Въ ней онъ, объявляя, что монастырь принялъ на себя характеръ военной крѣпости и дѣлана шестаго числа пальба на англійскій флагъ, предложилъ за это, во удовлетвореніе, кондиціи въ четырехъ пунктахъ, требуя, чтобъ комендантъ гарнизона лично (полагая, что у насъ есть комендантъ) самъ отдалъ свою шпагу чрезъ три часа, и безусловно весь гарнизонъ съ пушками, оружіемъ и проч. — чрезъ шесть часовъ, и что, въ случаѣ нападенія на парламентѣрскій флагъ, бомбардированіе монастыря немедленно послѣдуетъ. На конвертѣ этой депеши написано порусски слѣдующее: «По дѣламъ ея великобританской величества, его высокоблагородію, главному офицеру по военной части. Соловецкой».

По распечатаніи депеши, узнавъ грозное содержаніе ея, сдѣланъ былъ, нимало не медля, за подписью «Соловецкій Монастырь», письменный отвѣтъ, съ отказомъ въ требованіи непріятеля, и о бывшей пальбѣ изъяснено, что отъ Соловецкаго Монастыря началась она уже послѣ открытія съ парохода пальбы ядрами, и тогда уже необходимость заставила монастырь обороняться. Отвѣтъ посланъ на суднѣ съ живущимъ для богомоленія отставнымъ коллежскимъ ассесоромъ Соколовымъ, при полученіи котораго объявлено ему, что за отказомъ начнется бомбардированіе и монастырь совсѣмъ будетъ разоренъ, и при этомъ высалятся находящіеся на пароходѣ русскіе плѣнные. Соколовъ на это отвѣчалъ, что безъ согласія архимандрита принять плѣнныхъ на берегъ не можно; но они повторили, что это сдѣлаютъ, однакожь не высадили никого, вѣроятно потому, что видѣли изъ лѣса

выглядывающихъ охотниковъ съ ружьями, которые дѣйствительно поставлены были для того, чтобъ, подъ предлогомъ плѣнныхъ, не высадили своихъ стрѣлковъ.

Неудовлетворенный непріятель въ его желаніяхъ, началъ изготавляться къ нападенію на монастырь, и, разведя пары, въ три четверти восьмого часа утра 7-го числа открылъ съ двухъ судовъ канонаду ужасную, продолжавшуюся девять съ четвертью часовъ ядрами, бомбами, гранатами, картечью, 3-пудовыми, 96-фунтовыми, 36-фунтовыми и 24-фунтовыми калеными ядрами.

Съ нашей стороны отстрѣливались, съ монастырской стѣны, присланными изъ Архангельска, по распоряженію господина военного губернатора, восьмью пушками шести-фунтового калибра и монастырскими изъ батареи двумя орудіями.

Между-тѣмъ въ трехъ церквахъ монастыря производилось богослуженіе для испрошенія у Господа Бога противъ враговъ помощи. Сдѣлали изъ Соборной Преображенія Господня Церкви вторичный крестный ходъ съ чудотворными иконами вокругъ монастыря по крѣпостной стѣнѣ, подъ деревянною крышею ея, въ то время, когда происходила яростная пальба изъ двухъ судовъ въ одно мѣсто, и видимо самъ Господь поборалъ по насъ: пробивало крышу ядрами, въ виду крестнаго хода, но никому вреда не причинило; всѣ со слезами и радостью шли по стѣнѣ, а по окончаніи хода еще посланъ былъ монахъ съ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери для обнесенія по стѣнѣ, чтобъ находящіяся на ней у пушекъ и для разныхъ другихъ работъ люди могли приложиться къ образу Царицы Небесной. По крестномъ ходѣ я со всею братіею находился безвыходно въ церкви св. угодниковъ Божіихъ Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, выходя для нужныхъ распоряженій на малое время; пѣли молебныя пѣнія: Преображенію Господню, Божіей Матери, Святителю Николаю Чудотворцу, Преподобнымъ Отцамъ Зосимѣ и Савватію, Святителю Филиппу, до самаго прекращенія пальбы, которая, продолжаясь девять съ четвертью часовъ, кончилась въ пять часовъ; въ оба боевые дня изъ людей монастыря не было ни одного ни убитаго, ни раненаго, хотя они, по усердію своему, подъ ядрами исполняли свое дѣло внутри и внѣ монастыря, по стѣнѣ и крѣпостной крышѣ, которая только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробита непріятельскими ядрами, сдѣлавшими небольшія пробойны.

Великое заступленіе и ходатайство предъ Богомъ соловецкихъ чудотворцевъ о св. обители! Всѣ безчеловѣчныя усилія непріятеля, хлопившіяся къ тому, чтобъ совершенное нанести разрушеніе ей своими страшными снарядами, посрамлены; обитель остается въ цѣлости и поврежденія оказались самыя незначительныя, могущія быть исправленными въ нѣсколько часовъ; нигдѣ возгоренія отъ снарядовъ не было, а гдѣ огонь и показывался, тамъ въ то же время легко утушили его накидкою войлоковъ, смоченныхъ водою, и малыми заливыми брандспойтами, разставленными по крѣпостной стѣнѣ.

Повреждена состоящая за монастыремъ огромная деревянная гостиница двухъэтажная, которая бываетъ занимаема въ лѣтнее время

пріѣзжими богомольцами; но и ее, стоящую на открытомъ мѣстѣ, безъ защиты, непріятель не могъ ни зажечь, ни разрушить калеными ядрами.

Хотя мы и полагали, что на другой день, то-есть 8-го числа, непріятель начнетъ опять бомбардированіе, но этого, благодареніе Господу Богу, недопустившему вредить св. обители, не случилось. Ибо непріятель, за безуспѣшностью своихъ усилій къ разрушенію ея, ушелъ 8-го числа поутру въ седьмомъ часу съ обоими судами, и мы, воздавъ Всевышнему благодареніе, при трехдневномъ постѣ — сухояденіи и крестномъ ходѣ по стѣнѣ, остаемся до сего времени въ совершенномъ спокойствіи.

Церквей внутри ничто нимало не коснулось, хотя непріятель стараясь мѣтить въ нихъ и въ куполы церковные; это видно изъ того, что на Никольской Церкви сдѣланъ небольшой проломъ и сорванъ желѣзный листъ снарядомъ, который вылетѣлъ изъ пролома, не причинивъ другаго вреда; да въ кладбищенской церкви, находящейся за монастыремъ, есть знакъ, что ядро навывлетъ прошло сквозь стѣну церковную и вырвало немного кирпича. Непріятель пускалъ бомбы и въ часовни, которыя въ противной сторонѣ отъ монастыря въ близкомъ разстояніи отъ берега, но оныя не попадали.

При возвращеніи своемъ отъ монастыря въ море, непріятель обезславилъ себя и святотатствомъ: дошелъ до острова, именуемаго Заяцкимъ (на которомъ имѣется деревянная церковь во имя Св. Апостола Андрея Первозваннаго, построенная по повелѣнію Петра Великаго, въ бытность его величества въ Соловецкомъ Монастырѣ), сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ и, остановившись, сошелъ на островъ, прямо устремился въ церковь, разрубилъ двери топоромъ, разломалъ кружку, рассыпалъ мѣдные деньги по полу, растворилъ Царскія врата, раскрылъ Св. Жертвенникъ и, уходя, взялъ три колокольчика въ четырнадцать фунтовъ и снялъ съ Иконы Матери Божіей два крестика, повѣшенные за нѣсколько дней предъ тѣмъ богомольцами, и отправился къ Архангельску или Онегѣ; при этой церкви живутъ двое стариковъ изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, любящихъ пустынную жизнь, имѣющихъ присмотръ за церковью и строеніемъ; они неподалеку отъ церкви сидѣли въ каменной горѣ и видѣли все происходившее.

Достоинно удивленія, что: а) при сильной канонадѣ, по всему монастырю падали цѣлыя и кусками бомбы и картечи и не только не ранило никого изъ людей, ни даже малыхъ птичекъ, чаекъ, еще оперившихся, которыя на землѣ по всему монастырю сидѣли; а не мало бомбъ падало въ Св. Озеро за монастыремъ, иныя же найдены неразорвавшимися, и б) послѣдній выстрѣлъ былъ въ монастырь 7-го числа въ пять часовъ, когда колоколъ возвѣстилъ, что наступаетъ время молитвы Заступницѣ Усердной нашего любезнаго отечества, въ день празднованія Казанской Иконѣ Божіей Матери, и бомба пролетѣла насквозь повыше Лика Божіей Матери, Знаменія Пресвятыя Богородицы. Икона эта въ большомъ видѣ, отличной древней живописи, надъ западными дверями, при входѣ въ большой холодный соборъ времени Святителя Филиппа; эту рану благоволила Царица Не-

бесная принять въ образѣ своемъ за насъ , какъ Сынъ Ея за весь міръ, и мы, кончивши вечернюю молитву, начали по всѣмъ церквамъ всенощную, а на другой день, 8-го числа, отслуживши раннюю литургію по всѣмъ церквамъ, опять сдѣлали крестный ходъ по стѣнѣ, и въ то время сталъ сниматься съ якоря въ очахъ нашихъ непріятель; но окончаніи крестнаго хода отслужили на дворѣ предъ поразвѣною иконою Божіей Матери соборно молебень и я читалъ со слезами акаѳистъ Божіей Матери и всѣ люди на колѣняхъ молились и плакали отъ избытка чувствъ радости.

Осмѣливаюсь смиреннѣйше просить Святѣйшій Синодъ: а) чтобъ дозволено было пробойну на иконѣ Божіей Матери, Знаменія Пресвятыя Богородицы, оставить навсегда, задѣлавъ легкимъ чѣмъ-нибудь, а подъ иконою сдѣлать надпись, означающую событіе; б) и въ другихъ мѣстахъ пробойны означить черными красками; в) ежегодно совершать: 7-го числа іюля строгій постъ, а 8-го числа крестный ходъ вокругъ монастыря по стѣнѣ и служить молебень предъ поразвѣною иконою Божіей Матери, предъ дверьми большаго собора; г) ежедневно на литургіи, по маломъ входѣ послѣ тропарей, пѣть кондакъ Божіей Матери: «Неимамы иныя помощи»; а по окончаніи литургіи: «Подъ твою милость», кромѣ великихъ господскихъ праздниковъ, и д) изъ ядеръ и бомбъ, набросанныхъ въ монастырь и внѣ его, которыя собраны въ большомъ количествѣ и еще собираются, сдѣлать въ Святыхъ Воротахъ пирамиду съ надписью приличною и поставить тутъ же тѣ два маленькія монастырскія орудія, которыя въ оба дня выдержали нападеніе. При этихъ орудіяхъ, какъ и при пирамидѣ изъ ядеръ, если благословить Святѣйшій Синодъ, сдѣлаю приличную надпись.

Депеша капитана англійскаго фрегата «Брискъ», Омманя:

Part of the British squadron stationed in the White Sea having arrived in this anchorage to day and the undersigned finding that the Monastery of Solovetskoi has assumed the character of a Military fortress by harbouring a garrison of troops belonging to the Imperial Russian government and that the said force has fired upon the Flag of Her Britannic Majesty's Naval forces: the Commander of the British squadron before proceeding to exact reparation upon an establishment possessing the character of Sanctity, offers the following conditions.

1-st The unconditional surrender of the whole garrison quartered on the island of «Solovetskoi» including cannon, arms, colors and munitions of War.

2-d Should any act of aggression be committed against the Flag of Truce by which these conditions are conveyed, the bombardment of the Monastery will immediately follow.

3-d Unless the Commandant of the garrison personally delivers up his sword, on board Her Majesty's steam ship «Brisk» in the space of three hours after these conditions are conveyed, it will be understood that they are not accepted and the bombardment must necessarily follow.

4—d The garrison will lay down their arms and surrender themselves prisoners of War on the island of Pesi in Solovetskoi bay in the space of six hours after the receipt of these terms.

Given on board Her Britannic Majesty's steam ship: «Brisk» in Solovetskoi Roads, this 18—th day of Juli 1854.

Erasmus Ommaney.

Captain of Her Britannic Majesty's ship «Eurydice» and Senior Naval Officer in command of Her Britannic Majesty's squadron in the White Sea.

Переводъ ().*

Надписано: Erasmus Ommaney.

Часть Эскадрона Ея Великобританской Величества, раставливаннаго въ Бѣломъ Морѣ, кидавшая якорь сегодня 6 (18) дня іюли мѣсяца 1854 года, и нижеподписавшіеся находившіи что монастырь Соловѣцкаго приняла на себя характера военной крѣпости, имѣя при себя гарнизона солдатъ Его Императорской Величества Государа Всероссийскаго, и что эти солдаты сегодняшней день полили на англійской флагъ, Капитанъ Командующій Эскадрона передъ тѣмъ чтобы начать требовать удовлетвореніе отъ заведенія свѣтаго характера, предлагаетъ слѣдующіи кондиціи:

1) Безусловной уступку цѣлаго гарнизона, находившіеся на островѣ Соловѣцкаго, вмѣсти со всѣми пушками, оружіями, флагами, и военными припасами.

2) Вслучаѣ *какаго не будь* нападеніи на Парламентаго флагъ, съ которомъ сія бумага передана, въ такомъ случаѣ бомбардированіе монастыря немедленно послѣдить.

3) Если Коммандантъ гарнизона не передаетъ самъ, свою шпагу на военномъ пароходѣ Е. В. В. «Брискъ» не позже какъ черезъ трехъ часовъ, послѣ полученій сія бумаги, то будетъ понято, что сіи кондиціи отказаны и въ такомъ случаѣ бомбардированіе монастыря долженъ немедленно послѣдовать.

4) Весь гарнизонъ со всѣми оружіями сдаваться долженъ какъ военныя плѣнники на Островѣ «Пези» въ Соловѣцкой бухтѣ не позже какъ черезъ шесть часовъ послѣ полученіи сія бумаги.

Дано, при Соловѣцкой на военномъ пароходѣ «Брискъ», Е. В. В. сего 6 (18) дня іюли мѣсяца 1854 года.

Подписано *Эразмусъ Омманей*, капитанъ фрегата Е. В. В. «Юридисей», и Главной Командующій Эскадрона въ Бѣломъ Морѣ, и проч. и проч.

Прекративъ пальбу по Соловецкому Монастырю, пароходы снялись съ якоря и отправились въ Онежскій Заливъ. Тамъ они появились, 8—го іюля, близъ деревни Лямицкой, а 9—го іюля послали десантъ на островъ Кій (въ 15—ти верстахъ отъ Онеги), сожгли таможенный

(*) Переводъ этотъ, сдѣланный на англійской эскадрѣ и присланный самимъ капитаномъ оной въ Соловецкій Монастырь, съ подлинною депешю на англійскомъ языкѣ, помѣщается здѣсь съ буквальной точностью.

домъ и другія, примыкающія къ нему строенія, вошли въ монастырь, сняли мѣдный съ колокольни колоколъ и увезли его на пароходъ «Миранда», вмѣстѣ съ разными вещами, захваченными въ таможенномъ домѣ.

Послѣ дѣйствій непріятеля при Соловецкомъ Монастырѣ и на островѣ Кіѣ, тѣ же два его парохода, которые тамъ были, появились 10-го іюля на восточномъ берегу Онежскаго Залива у сел. Пушлахта, и также, какъ въ другихъ мѣстахъ, отправили въ село гребное судно, съ командою требовать разныхъ припасовъ. Получивъ отказъ, непріятель на другой день, 11-го числа, прибѣгъ къ насилію: отрядъ болѣе, чѣмъ изъ ста человекъ, на тринадцати гребныхъ судахъ, съ восьмью орудіями, приблизился къ селу, открылъ пальбу и потомъ вышелъ на берегъ. Въ деревни находилось только 23 крестьянина; но всѣ они были вооружены; при нихъ случились одинъ унтер-офицеръ и одинъ рядовой, поступившіе изъ отставки вторично на службу; предводительствовалъ этою ратью губернской секретарь Волковъ, помощникъ холмогорскаго окружнаго начальника Государственныхъ Имуществъ. Храбрецы наши встрѣтили непріятеля выстрѣлами, и хотя не могли ему воспрепятствовать выйти на берегъ, но, отступая шагъ за шагомъ къ лѣсу, положили на мѣстѣ пять враговъ и нѣсколькихъ ранили, а сами не потеряли ни одного человека. Отрядъ непріятельскій, не смѣя преслѣдовать крестьянъ, спѣшилъ подобрать тѣла убитыхъ и отступилъ къ своимъ судамъ; но, въ отмщеніе за встрѣченное отъ поселянъ сопротивленіе, сжегъ все село, состоявшее изъ 40 дворовъ, съ деревянною церковью, со всѣмъ церковнымъ и крестьянскимъ имуществомъ.

Совершивъ этотъ новый подвигъ, непріятельскіе пароходы удалились въ море, и на пути сожгли еще три крестьянскія лодки съ хлѣбомъ.

По 25-е іюля непріятель находился у острова Сосновца, останавливалъ и осматривалъ проходившія мимо суда и бралъ съ нихъ все по произволу, въ противность увѣреній, что торговые грузы, предназначенные въ Норвегію, будутъ неприкосновенны. Вслѣдствіе такого образа дѣйствій, архангельскіе поморцы не рѣшились везти хлѣбъ въ Норвегію, безъ обезпеченія ихъ судовъ ручательствомъ хозяевъ груза; и изъ хозяевъ, даже англійскіе подданные не согласились на это условіе, не довѣряя слову своихъ соотечественниковъ, крейсировавшихъ въ Бѣломъ Морѣ.

Англійскій паровой фрегатъ «Миранда», приблизившись, 9-го августа утромъ, къ г. Колѣ, занимался два дня промѣрами въ Кольской Губѣ, а 10-го числа вечеромъ выслалъ къ берегу шлюпку подъ перговорнымъ флагомъ, съ требованіемъ безусловной сдачи города, «укрѣпленій» и «гарнизона»; въ противномъ же случаѣ угрожалъ городу истребленіемъ. Въ Колѣ никакихъ укрѣпленій не было, а весь гарнизонъ состоялъ изъ пятидесяти человекъ инвалидной команды. Присланный туда съ временнымъ порученіемъ отъ архангельскаго военнаго губернатора адъютантъ его, лейтенантъ Бруннеръ, собравъ инвалидную команду и нѣсколько стрѣлковъ изъ жителей,

отвѣчалъ словесно на требованіе непріятеля рѣзительнымъ отказомъ, и приготовился отразить всякую попытку англичанъ выйти на берегъ.

11-го числа, съ разсвѣта, непріятель началъ осипать городъ бомбами и калеными ядрами. Нижняя часть города вскорѣ загорѣлась; а какъ она состояла исключительно изъ деревянныхъ домовъ, тѣсно и неправильно-расположенныхъ, притомъ съ бревенчатою мостовою, то и не было никакой возможности остановить распространеніе пламени. Въ короткое время сгорѣло: девяносто—два дома, двѣ церкви, соляной, винный и хлѣбный магазины; но верхняя часть города, въ которой находятся присутственные жѣста, а также Верховская Слободка, остались невредимы, несмотря на продолжительное бомбардированіе, прекратившееся только въ десять часовъ вечера. На другой день, въ одиннадцать часовъ утра, англійскій фрегатъ ушелъ въ море.

При этомъ новомъ нападеніи непріятеля, съ нашей стороны не было ни одного ни убитаго, ни раненаго. Все казенное имущество и суммы были благовременно изъ города вывезены; частная собственность также большею частью спасена.

Утромъ 16-го іюня сего года англійскій пароходъ подошелъ къ Соловецкому Острову и, простоявъ здѣсь до вечера, 17-го числа ушелъ въ море безъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ монастыря; только на близлежащемъ Заяцкомъ Островѣ англичане подстрѣлили 12 барановъ и взяли ихъ на пароходъ. Препровожденная къ г. военному губернатору адмиралу Хрушову копія съ донесенія о семъ архимандрита Соловецкаго Монастыря, отъ 18-го іюня № 18, сообщается ниже, вслѣдъ за сими извѣстіями.

Іюня 18-го усмотрѣны были два парохода близъ острововъ Кузовыхъ, въ 30 верстахъ отъ г. Кеми, и одинъ катеръ у острова Колловара, въ 20 верстахъ отъ города. Команда съ этого катера, числомъ до 30 человекъ, выйдя на островъ, старалась захватить оленей, принадлежащихъ кемскимъ жителямъ и отправляемыхъ туда ежегодно для пастбища. Чтобъ воспрепятствовать этому грабежу, кемскіе граждане, въ числѣ 20 человекъ, вооружившись ружьями, отправились къ острову; но непріятель, вѣроятно, замѣтивъ движеніе нашихъ, поспѣшилъ удалиться на катеръ, а вскорѣ и пароходы ушли въ море по направленію къ г. Онегѣ; на островѣ же Колловарѣ, какъ можно было догадаться по признакамъ, непріятелемъ убиты и захвачены только два оленя.

Одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ 27-го минувшаго іюня, въ шесть часовъ вечера, подошелъ къ прибрежному селенію Онежскаго Уѣзда Лямцѣ и, остановившись въ 400 саженахъ отъ берега, отправилъ къ селенію четыре гребныя судна, подъ бѣлымъ и краснымъ флагами, съ значительнымъ числомъ людей.

Крестьяне этой деревни, въ числѣ 34-хъ человекъ, подъ руководствомъ поступившаго изъ отставныхъ на вторичную службу, ридова-

го Изырбаева, съ приближеніемъ гребныхъ судовъ, открыл по нимъ огонь изъ ружей, и тѣмъ принудили ихъ возвратиться къ пароходу.

Вслѣдъ за симъ пароходъ открылъ огонь по деревнѣ и крестьянамъ ядрами, картечью, гранатами и ракетами. Послѣ трехчасовой стрѣльбы, онъ снова отправилъ къ берегу два гребныхъ судна съ десантомъ, который, однакожь, крестьяне не допустили выйдти на берегъ, и суда вторично возвратились къ пароходу, который послѣ этого обстрѣливалъ берегъ цѣлую ночь, а въ 6 часовъ утра ушелъ въ море.

Въ отраженіи непріятеля отъ Лямцы, кромѣ тамошнихъ жителей, принимали участіе бывший тамъ въ это время архангельскій мѣщанинъ Александръ Лысковъ и мѣстный священникъ Петръ Лысковъ, ободрившіи крестьянъ словомъ своимъ, а изъ послѣднихъ наиболее отличились Совершаевъ и Изюмовъ.

Несмотря на столь продолжительное бомбардированіе, изъ числа защищавшихъ Лямцу, раненъ только одинъ крестьянинъ Изюмовъ; селеніе пострадало весьма-мало и жители понесли самые незначительные убытки: ибо бомбы, гранаты и ракеты остались большею частью неразорванными. Крестьяне, послѣ ухода непріятеля, успѣли собрать до 50 бомбъ.

Трехмачтовый англійскій пароходъ, 2-го сего іюля, появился у Кій-Острова, находящагося въ Онежскомъ Заливѣ, въ 15 верстахъ отъ г. Онеги. Спущенные съ парохода: барказъ, вооруженный двумя орудіями, и двѣ небольшія лодки, съ командою до 50 человекъ, подойдя къ стоявшимъ у острова ладьямъ конторы онежскаго лѣснаго торгова, забрали съ нихъ разныя вещи и одежду; потомъ, нагрузивъ ими, а также досками и дровами, принадлежавшее Крестному Монастырю старое небольшое судно, отправились къ пароходу, который съ этою добычею и ушелъ въ море.

Копія съ донесенія архимандрита Ставропільскаго Первокласснаго Монастыря Александра къ архангельскому военному губернатору адмиралу Хрущову.

Сего іюня мѣсяца 15-го числа, вечеромъ, прибылъ линійный винтовой корабль большого калибра изъ Океана, прошелъ по-за островъ Соловецкій съ сѣверной стороны, и на восточной сталъ на якорь 16-го числа, утромъ въ 6-ть часовъ, разстояніемъ отъ монастыря 14 версть.

Распоряженія нами были сдѣланы слѣдующія: завѣдывающей военною командою при Соловецкомъ Монастырѣ штабс-капитанъ Степановъ отправился съ 5-ю орудіями лѣсомъ къ берегу, гдѣ остановился корабль, поручилъ тамъ завѣдывать оными фейерверкеру Рыкову, а самъ возвратился въ монастырь; тогда я отправился туда же. Непріятель, въ 4 часа пополудни, перешелъ на другое мѣсто и бросилъ якорь съ южной стороны острова, разстояніемъ отъ онаго въ 5 верстахъ, въ самомъ виду монастыря на чистомъ мѣстѣ, и занялъ Заяцкій Островъ, гдѣ, въ церкви Св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ прошломъ году, англичане разрубили двери. Тамъ находится гостиница и другія строенія, за которыми надзоръ имѣютъ два рясофор-

ные послушника изъ отставныхъ солдатъ. Англичане простояли близъ острова болѣе сутокъ, а 17 числа, въ 6 часовъ пополудни, снялись съ якоря и ушли, какъ-будто въ г. Кемь или село Шую.

По уходѣ непріятельскаго корабля, я отправился на островъ Заяцкій узнать, что тамъ происходило, гдѣ нашелъ своихъ старцевъ обоихъ невредимыхъ и здоровыхъ, которые сообщили мнѣ слѣдующія подробности :

а) На островъ выходило множество англичанъ — большею частью офицеровъ: между ними одинъ только зналъ порусски. Съ однимъ изъ нашихъ старцевъ обращались ласково, а другой, изъ чухонъ, недавно принявшій Вѣру Православную, говорить не умѣетъ хорошо порусски и глухъ, этого они не трогали ; б) Спрашивали : тотъ ли у васъ архимандритъ, что прошлый годъ былъ ; в) Сколько въ монастырѣ войска и орудій, и когда старецъ показалъ малое количество, то они, улыбаясь, говорили ему, что имъ все известно, сколько чего въ монастырѣ есть ; г) Осматривали все въ церкви и строеніяхъ, но не было нигдѣ ничего имъ взять ; д) На этомъ островѣ было 12 барановъ и одинъ козелъ ; барановъ всѣхъ англичане перестрѣляли, что и намъ видно было, и взяли на корабль, а козла пожалѣли за ласковое съ ними его обращеніе, но хотѣли также взять ; е) Написали записку на англійскомъ языкѣ, вручили старцу Мемнону и приказали ему отдать архимандриту ; ж) Приказали объявить архимандриту, чтобъ имъ непремѣнно прислалъ на мясо быковъ, которыхъ они видѣли на Соловецкомъ Островѣ ; а если не пришлетъ, то и сами заберутъ, и чтобъ имъ отвѣтъ былъ на это чрезъ три дня, потому-что къ этому времени они обратно будутъ на Заяцкій Островъ.

Старецъ Мемнонъ осмѣлился имъ сказать: «Какъ вамъ не грѣхъ «нападать на Святыню! Вамъ слава будетъ, когда вы города будете «брать, а не монастырь ; я и самъ солдатомъ былъ, и въ Парижѣ «былъ, и города бралъ, а церковей мы не касались». Переводчикъ всѣмъ офицерамъ разсказалъ замѣчаніе старца, всѣ они молчали; только переводчикъ сказалъ старцу: «Мнѣ жалъ васъ; Россія добрая, «я у васъ по городамъ многимъ бывалъ и въ Кіевѣ и въ пещерахъ «былъ; что жъ намъ дѣлать!... Мы дѣйствуемъ какъ намъ приказано».

Англичане во все время нахождения на островѣ занимались снятіемъ плана съ Соловецкаго Монастыря. Мѣсто было вполне для того удобное, оттуда все въ виду.

О чемъ честь имѣю почтительнѣйше донести Вашему Высокопревосходительству, съ присовокупленіемъ, что таковое же донесеніе сдѣлано мною сего числа Святѣйшему Синоду, съ представленіемъ подлинной записки, оставленной англичанами для передачи мнѣ.

Подходившій 17-го іюня къ Заяцкому Острову англійскій пароходъ снова прибылъ туда, вмѣстѣ съ французскимъ пароходомъ, 21-го числа. Донесеніе о трехдневномъ пребываніи непріятеля у острова, представленное адмиралу Хрущову архимандритомъ Соловецкаго Монастыря, помѣщено ниже сего.

Отдѣльныя суда непріятельскаго флота, попрежнему появляясь у прибрежныхъ, по большей-части оставленныхъ жителями селеній,

открывали по нимъ канонаду; такимъ образомъ, послѣ сильной пальбы, сожжена деревна Стрѣльная изъ пяти дворовъ и поселокъ Мегра изъ шести дворовъ.

Попытки противника удалиться даже на небольшое разстояніе отъ берега были неудачны; такъ, 13-го іюля, крестьяне селенія Нижней Золотницы встрѣтили ружейною пальбою гребное судно, поднимавшееся по рѣкѣ Золотницѣ и заставили его отойти къ пароходу, который вслѣдъ за тѣмъ открылъ огонь по селенію.

Донесеніе настоятеля ставропигіальнаго первокласснаго монастыря архимандрита Александра архангельскаго военному губернатору адмиралу Хрущеву, отъ 25-го іюня за № 20-мъ.

Въ дополненіе донесенія моего Вашему Высокопревосходительству, отъ 18-го сего іюня за № 18-мъ, о появленіи англичанъ около Соловецкой Обители, долгомъ имѣю почтительнѣйше симъ вторично донести.

Сего іюня 21-го числа англійскій винтовой корабль возвратился къ Заяцкому Острову въ пять часовъ пополудни, а за нимъ скоро прибылъ одинъ пароходъ французскій; оба они бросили якорь въ пяти верстахъ отъ монастыря и сошли на оный островъ, гдѣ командиръ англійскаго судна спросилъ находящагося тамъ при церкви сторожемъ рясофорнаго послушника Мемнона: «какой отвѣтъ далъ архимандритъ на изъявленное требованіе о присылкѣ воловъ?» Старецъ отвѣчалъ: «Не даетъ». Англичане, поговоривъ что-то между собою, взяли его на свою маленькую шлюпку, перевезли на нашъ Соловецкій Островъ, и велѣли объявить мнѣ, что если я не явлюсь на другой день, 22-го іюня, къ нимъ на судно, или же не дамъ требованнаго, то они сами заберутъ и воловъ и коровъ. Оставя въ монастырѣ старца Мемнона, я на другой день отправилъ его и приказалъ объявить англичанамъ: чтобъ они прислали ко мнѣ переводчика только съ четырьмя гребцами, а я выѣду за сто сажень отъ берега для переговоровъ, и рѣшился отправиться, чтобъ или спасти обитель, или же сдѣлать свое дѣло, за которое всегда былъ бы спокоенъ совѣстью. Взявъ съ собою намѣстника моего, дабы онъ былъ свидѣлемъ на переговорахъ, я отправился въ восемь часовъ утра на шлюпкѣ подъ бѣлымъ флагомъ съ семью лучшими гребцами, и по прибытіи къ острову, остановясь на разстояніи ста сажень, увидѣлъ плывущую неприятельскую шлюпку съ бѣлымъ флагомъ и на ней человѣкъ пятнадцать. Посему я, вышедши съ намѣстникомъ на берегъ, послалъ свою шлюпку навстрѣчу англичанамъ съ объявленіемъ, чтобъ было у нихъ только четыре гребца, а пятый переводчикъ, и что только при такомъ условіи буду имѣть съ ними переговоры. Послѣ сего объявленія, изъ плывшей къ острову шлюпки, одинъ англичанинъ сошелъ въ мою шлюпку, а прочіе пристали поблизости къ маленькому острову. Пріѣхавшій ко мнѣ англичанинъ сказалъ, что онъ не переводчикъ, а офицеръ англійскій — Антонъ, знающій немного порусски. Разговоръ шелъ о томъ, чтобъ дать имъ воловъ. Я отвѣчалъ: воловъ у меня нѣтъ, а есть коровы, и тѣ молокомъ своимъ

кормить монашествующих, коимъ по закону нашему возбраняется употреблять въ пищу мясное, и что если они силою захотятъ брать коровъ, то пока успѣютъ сдѣлать высадку на берегъ, я велю перестрѣлять коровъ и бросить ихъ въ море. Затѣмъ я выставилъ ему на видъ прошлогоднее бомбардированіе обители, которая была и будетъ пристанищемъ для ихъ же націи и другихъ враждебныхъ народовъ, во время плаванія по торговлѣ. На сіе англичанинъ такъ выразился: «Начальникъ эскадры два раза виноватъ, во первыхъ за-то, что вздумалъ открыть огонь, хотя и оправдывается, что яко бы вы первые стали на него стрѣлять, а во вторыхъ, что стрѣлялъ долго и не могъ взять монастыря. Онъ не заслуживаетъ похвалы». И въ заключеніе выразился нескромно о прошлогодничномъ начальникѣ эскадры. Я сказалъ ему при этомъ, что мы, имѣя надежду на ходатайство за обитель святыхъ предъ Богомъ, вѣруемъ, что никакая сила не одолѣетъ Святыни; убѣдилъ его ходатайствовать предъ своимъ командиромъ, чтобъ онъ не требовалъ отъ меня воловъ или коровъ, и онъ обѣщался просить; но, разставаясь со мною, сказалъ: «Мы отсюда уйдемъ теперь, а черезъ три недѣли явится здѣсь сильный флотъ, гдѣ будетъ нашъ главный начальникъ, на такомъ кораблѣ, что отъ одного взгляда будете страшиться; вы должны тогда прибыть къ нему съ бѣлымъ флагомъ для испрошенія милости монастырю». Съ тѣмъ мои гребцы и отвезли его обратно. Упомянутыя неприятельскія два судна, простоявъ близъ монастыря 21-го, 22-го и 23-го числа, снялись съ якорей и поплыли по островамъ охотиться и грабить бѣдныхъ пловцовъ. 24-го іюня я снова отправился самъ на Заяцкій Островъ узнать, что тамъ дѣлали англичане и французы, и засталъ обонхъ своихъ старичковъ здоровыми; при уходѣ, французы взяли у нихъ пѣтуха и дрова, которыя были зимою туда доставлены изъ монастыря на цѣлый годъ.

Когда, во время разговора, я помянулъ офицеру англійскому о похищеніи барановъ монастырскихъ, то онъ отвѣчалъ: «Мы за нихъ давали деньги вашимъ старичкамъ, но они не взяли, а время стоитъ военное, и мы должны брать». Послѣ сего я сталъ просить отпустить взятое въ виду монастыря суденко съ сельдами, одного бѣднаго крестьянина, который теперь горько плачетъ. Офицеръ обѣщался выполнить мою просьбу, но не исполнилъ, а только оставлено англичанами шесть боченковъ сельдей на острову, и велѣно передать крестьянину; судно же и все прочее они увезли.

Теперь въ обители, окруженной строгою блокадою, каждый день видны проходящіе мимо пароходы; но мы, съ своей стороны, пребывая въ молитвахъ, возлагаемъ всю надежду на Божию Матерь, заступницу бѣдствующихъ.

При нападеніи неприятеля на селеніе Мегру, шесть человекъ крестьянъ съ морскаго побережья встрѣтили противника ружейною пальбою и въ теченіе 4-хъ часовъ не дозволяли ему ни выйти на берегъ, ни захватить стоявшіе поблизости карбасы. Наконецъ, однакожь неприятель ворвался въ селеніе, сжегъ тамъ три дома, двѣ бани, два амбара, нѣсколько стоявшихъ поблизости судовъ и лодокъ; по-

томъ, возвращаясь на пароходъ, выбилъ въ уцѣлѣвшихъ домахъ оконныя рамы и унесъ съ собою все, что могъ.

Утромъ 22-го іюня, одинъ двухмачтовый англійскій пароходъ сталъ до 200 сажень отъ сел. Сюзумы и, сдѣлавъ по оному девять пушечныхъ выстрѣловъ, послалъ туда три гребныя судна съ вооруженными людьми. Пользуясь своею многочисленностью, непріятель занялъ селеніе, вломился въ церковь, взялъ въ ней Евангеліе, нѣсколько образовъ и изломалъ царскія врата; въ крестьянскихъ же домахъ захватилъ нѣкоторыя вещи и забралъ мелкій скотъ и живность; въ домѣ сельскаго управленія—два образа были имъ сняты и изрублены на части.

23-го іюля, когда утренній туманъ разсѣялся, съ Мудьюгскаго Маяка замѣченъ былъ французскій трехмачтовый пароходъ близъ Никольской Косы, къ сѣверу отъ Желѣзныхъ Воротъ. Пароходъ этотъ, ставъ на якорь, отправилъ на косу гребное судно, съ намѣреніемъ, какъ въ послѣдствіи оказалось, налиться водою изъ находящихся тамъ колодезевъ. По первой тревогѣ собрались сюда люди расположенныхъ поблизости воинскихъ командъ, подъ начальствомъ подпоручика 2-го Архангелогородскаго Батальона Ковецкаго, и когда непріятель подошелъ по Никольской Косѣ къ Желѣзнымъ Воротамъ, цѣпь наша, сдѣлавъ по немъ нѣсколько выстрѣловъ, заставила его поспѣшно удалиться на пароходъ. Тогда съ сего послѣдняго были посланы четыре гребныя судна, которыя, однако, замѣтивъ, что къ нашей цѣпи приближается подрывленіе, направленное капитанъ-лейтенантомъ Огильви, отступили. Вслѣдъ за симъ пароходъ открылъ ядрами и гранатами пальбу, продолжавшуюся около двухъ часовъ, но никакого вреда намъ не причинилъ.

Въ восемь часовъ вечера одно непріятельское гребное судно пристало къ Никольской Косѣ; бывшіе на оной люди, вышли на берегъ, зажгли остатки никольской деревянной башни и три крестьянскія рыбацкія избушки. На слѣдующій день около полудня пароходъ ушелъ въ море.

Камчатскій военный губернаторъ, контр-адмиралъ Завойко, донесъ объ успѣшномъ отраженіи нападенія англо-французовъ на Петропавловскій Портъ въ августѣ 1854 года.

Въ половинѣ іюля получены были въ Камчаткѣ первыя извѣстія о разрывѣ Россіи съ Англією и Францією и немедленно приступлено къ приготовленіямъ для обороны города, на случай нападенія непріятельскихъ судовъ, крейсирующихъ въ Восточномъ Океанѣ. Для сего находившіеся въ портѣ фрегатъ «Аврора» и транспортъ «Двина» поставлены въ Петропавловской Губѣ, въ удобномъ мѣстѣ; на берегу устроено семь земляныхъ батарей.

Кромѣ матросовъ и небольшой команды солдатъ, вооружены были гражданскіе чиновники и нѣкоторые изъ жителей.

17-го августа англійскій пароходъ «Вираго», подъ адмиральскимъ флагомъ, вошелъ въ Авачинскую Губу, для осмотра мѣстности, а

18-го числа къ нему присоединились еще 5 судовъ: англійскіе фрегаты: «Президентъ» (52 орудія) и «Пикъ» (44 оруд.), и французскіе фрегаты: «Ла-Форть» (60 оруд.) и «Эвридика» (32 оруд.) и бригъ «Облигадо» (18 оруд.).

19-го числа непріятель посылалъ шлюпку для промѣра и бросилъ нѣсколько бомбъ, а 20-го приготовился къ рѣшительному дѣйствію. Подойдя ближе къ берегу, онъ открылъ сильный огонь преимущественно противъ батарей № 1-го (командиръ лейтенантъ Гавриловъ) и № 4-го (командиръ мичманъ Поповъ), которыя восьмью орудіями отвѣчали 80 непріятельскимъ. Лейтенантъ Гавриловъ былъ вскорѣ раненъ; его замѣнилъ подпоручикъ Губаревъ. Вскорѣ большая часть прислуги батареи № 1-го была переранена, орудія подбиты и оставшіеся люди переведены на батарею № 2-го. Тогда непріятель высадилъ 600 чел. противъ батареи № 4-го, на которой мичманъ Поповъ имѣлъ всего три орудія, одного гардемарина и 28 нижнихъ чиновъ. Заклепавъ орудія, Поповъ отступилъ къ батарее № 2-го. Но тутъ собравшійся отрядъ нашихъ матросовъ, замѣтивъ смятеніе въ непріятельскихъ рядахъ, бросился самъ впередъ и опрокинулъ французовъ, которые бѣжали къ своимъ шлюпкамъ и въ величайшемъ безпорядкѣ отвалили отъ берега.

Между-тѣмъ непріятельскій пароходъ два раза становился противъ фрегата «Аврора» и начиналъ бросать бомбы; но мѣткіе выстрѣлы нашего фрегата принуждали противника оба раза уходить. Тогда весь огонь трехъ непріятельскихъ фрегатъ и парохода обратился противъ батареи № 2-го, бывшей подъ начальствомъ лейтенанта князя МаксUTOва 3-го. Болѣе восьми часовъ 11 нашихъ орудій выдерживали дѣйствіе 80-ти непріятельскихъ. Князь МаксUTOвъ распорядился хладнокровно, какъ на ученьи. Нѣсколько гребныхъ судовъ подходило и къ батарее № 3-го, но одно изъ нихъ было потоплено, а прочія удалились. Ночь прекратила бой.

Поврежденія, нанесенныя непріятелю, должны быть весьма-значительны; ибо впродолженіе трехъ дней онъ исправлялъ свои суда. Въ то же время и съ нашей стороны возобновлялись батареи. 24-го числа бой начался снова. Пароходъ подвелъ непріятельскіе фрегаты ближе къ берегу и поставилъ ихъ противъ батарей № 3-го и 7-го, на которыхъ командовали лейтенантъ князь МаксUTOвъ 2-й и капитан-лейтенантъ Коралловъ. Вскорѣ командиры обѣихъ батарей были ранены, орудія подбиты и станки засыпаны землею. Тогда непріятель опять предпринялъ высадку на берегъ: отрядъ изъ 650-ти человекъ устремился на Никольскую Гору, съ сѣверной стороны города, противъ батареи № 6-ю (поручика Гезехуса). Два раза непріятель бросался къ этой батарее, но былъ отражаемъ картечью. Между-тѣмъ, нѣсколько отрядовъ матросовъ, подъ начальствомъ лейтенанта Анкудинова, мичмана Можайскаго, поручика Кошелева, прапорщика Жилина, лейтенанта Пилкина и мичмана Фесуна, всего 347 человекъ, стремительно ударили въ штыки. Непріятель не выдержалъ нападенія; несмотря на храбрость своихъ офицеровъ, враги наши бѣжали въ безпорядкѣ по гребню Никольской Горы прямо къ обрывамъ

и побросали ружья и знамя. Одна часть людей была сброшена съ крутаго оврага и погибла, другая достигла шлюпокъ, провожаемая нашими ружейными выстрѣлами.

25-го и 26-го августа непріятель хоронилъ въ Тарьинской Губѣ убитыхъ и исправлялъ поврежденія, а 27-го числа вышелъ въ море. Онъ потерялъ, кромѣ убитыхъ и раненыхъ на судахъ, еще около 300 человекъ. Въ числѣ убитыхъ найдено на берегу четыре офицера; въ плѣнъ взято четыре человекъ.

Съ нашей стороны потеря состояла въ убитыхъ 37-ми нижнихъ чинахъ, раненыхъ: 3-хъ офицерахъ и 75-ти нижнихъ чинахъ, всего 115 человекъ. Изъ числа офицеровъ князь Максудовъ 2-й раненъ смертельно. Поврежденія на судахъ нашихъ были незначительны. Въ городѣ сгорѣлъ рыбный сарай; ядрами повреждено 8 домовъ и 5 разныхъ другихъ строеній.

II.

ОБОЗРѢНІЕ

ДВІЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОПОДАТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА СЕНТЯБРЬ 1855 ГОДА.

I. Учрежденія.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія :

Объ учрежденіи Квартирной Комиссіи въ м. Немировѣ, Подольской Губерніи, принадлежащемъ графу Потоцкому, подъ предѣтельствомъ владѣльца мѣстечка.

О дарованіи главнокомандующимъ арміями права награждать на полѣ сраженія отличившихся и орденомъ св. Станислава всѣхъ степеней, исключая первой, соблюдая закономъ установленную постепенность.

Объ упраздненіи должности старшаго помощника директора Императорскаго Ботаническаго Сада и о переименованіи младшаго помощника того же директора въ консерваторы растений.

О причисленіи Общества Попечительнаго о Тюремахъ и существующаго при ономъ Комитета для разбора нищихъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, съ назначеніемъ министра президентомъ сего Общества.

Объ учрежденіи Военныхъ Академій.

О формѣ воспитанниковъ Императорскаго Училища Правовѣднія.

Объ отвесеніи должности старшаго ревизора при Путевомъ Дворѣ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги къ IX, а должности старшаго ревизора при той дорогѣ, равно какъ должностей таможенныхъ экспедиторовъ при Варшавскомъ Почтамтѣ — къ X классу.

Относительно преимуществъ севастопольскаго гарнизона.

О присвоеніи учителямъ учрежденной въ крѣпости Мальчикѣ особой школы для обученія русскому языку дѣтей кабардинцевъ, тѣхъ же самыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, которыми пользуются учителя школъ, учрежденныхъ на черноморской береговой линіи.

О предоставленіи нѣкоторыхъ правъ директорамъ Коммиссаріатскаго, Кораблестроительнаго и Артиллерійскаго Департаментовъ Морскаго Министерства.

Объ установленіи особой должности консультанта при леченіи грудныхъ болѣзней у воспитанниковъ и воспитаницъ санктпетербургскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи, для изслѣдованія признаковъ означенныхъ болѣзней посредствомъ стетоскопа.

О присоединеніи мечей ко всѣмъ орденамъ, жалуемымъ за военные подвиги противъ непріятеля.

Объ измѣненіи въ формѣ одежды первыхъ и вторыхъ чиновъ Высочайшаго Двора, церемоніймейстеровъ и состоящихъ въ званіи камергеровъ и камер-юнкеровъ, а равно чиновниковъ Министерства Императорскаго Двора, имѣющихъ мундиры военного покроя.

Объ удостоеніи врачей орденами съ мечами.

О считаніи 22 числа августа днемъ присутственнымъ.

Высочайше утвержденъ дополнительный штатъ Счетнаго Отдѣленія Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

II. Уставы о повинностяхъ.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о крестьянахъ, уклонившихся отъ поступления въ ополченіе.

III. Уставы казеннаго управленія.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія :

О разрѣшеніи вывоза иностранной серебряной монеты за границу.

О дозволеніи ввоза вина изъ великороссійскихъ губерній въ Новороссійскій Край.

IV. Законы о состояніяхъ.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе: объ исключеніи изъ вѣдомствъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій сыновей офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ означеннаго вѣдомства, происходящихъ изъ нижнихъ чиновъ.

V. Законы гражданскіе.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о распространеніи установленнаго 737 ст. X Том. Зак. Гражд. для военнослужащихъ, за границею находящихся, правила совершенія актовъ, на время настоящей войны, на всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, служащихъ въ войскахъ, приведенныхъ въ военное положеніе, находящихся въ предѣлахъ государства, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ судебныхъ мѣстъ съ крѣпостною частью.

VI. Уставы государственнаго благоустройства.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія:

Объ отпускѣ жителямъ м. Омыка (Волынской Губерніи Дубенскаго Уѣзда), пострадавшимъ отъ пожара, въ ссуду изъ Государственнаго Казначейства 4126 р. 33 $\frac{1}{3}$ к.

Объ измѣненіи правилъ кяхтинскаго торга.

О пособіи нижнимъ чинамъ изъ государственныхъ крестьянъ, увольняемымъ отъ службы за ранами.

VII. Уставы счетные.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о предоставленіи ежемѣсячнаго свидѣтельства кассы Дирекціи Балтійскихъ Маяковъ главному командиру Ревельскаго Порта, при директорѣ маяковъ и его помощникахъ, а въ случаѣ отсутствія сихъ лицъ, при двухъ или трехъ офицерахъ морскаго вѣдомства, по назначенію начальства.

III.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

Письма Сестеръ Крестовоздвиженской Общины попеченія о больныхъ и раненыхъ въ Крыму. — Лейтенантъ Дорожнинскій. — Операция, сдѣланная непріателемъ. — Раздробленные ноги. — Военная хитрость финскаго мужика. — Борьба англичанъ съ бараномъ. — Быки на пароходѣ, во время бури. — Громовой ударъ. — Уролы. — Одичавшій мальчикъ. — Николаевскій мостъ на Двѣрѣ. — Военная богатыря Калгива. — Практическая Школа Шелководства. — Спускъ корабля «Ретвизанъ». — Количество золота, добытаго на уральскихъ заводахъ въ первой половинѣ 1885 года. — Количество привоза по Николаевской желѣзной дорогѣ разныхъ товаровъ, грузовъ, жизненныхъ припасовъ и скота въ Санктпетербургъ и Москву, въ теченіе іюня. — Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1885 году. — Замѣчательнѣйшіе пожары. — Некрологъ: К. А. Неволинъ и баронъ Мейендорфъ (*).

Извлеченіе изъ писемъ 1-ой начальницы Крестовоздвиженской Общины Сестеръ попеченія о раненыхъ въ Крыму.

Отъ 8-го августа. — Мое послѣднее письмо къ вамъ было отъ 5-го августа. — Утромъ мы нагрузили телеги со всѣми возможными запасами для раненыхъ, какъ то: хлѣбомъ, сорочками, панталонами, бинтами, корпѣй, клюквенной эссенціей, веревками, порошками морфия, касторовымъ масломъ и краснымъ виномъ, которое я сохранила для случая, и оно очень мнѣ пригодилось для нашихъ офицеровъ и солдатъ. Все, что можно было захватить, все было взято, а моя бѣдная эконожка Глѣбова просилась со слезами на мекензіеву позицію,

(*). Извлечено: изъ «Русскаго Инвалда», «Морскаго Сборника», «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», «Московскихъ Вѣдомостей» и др.

чтобъ узнать о сынѣ, который былъ въ Костромскомъ Полку офицеромъ; я ей не могла отказать и отправила вмѣстѣ съ подводами. По прїѣздѣ на мѣсто, бѣдная Глѣбова сейчасъ отыскала полковника, того самаго, съ которымъ служилъ сынъ ея; онъ ей объявилъ, что ея сынъ былъ въ застрѣльщикахъ и первымъ убитъ на-поваль. Надо было видѣть отчаяніе этой бѣдной матери: она безъ слезъ рыдала—такъ было глубоко горе ея. Полковникъ утѣшалъ ее тѣмъ, что онъ вполне сочувствовалъ ея утратѣ, говоря, что онъ былъ у него лучший офицеръ: въ теченіе года былъ произведенъ въ прапорщики и подпоручики и опять былъ представленъ. Это не утѣшило скорбящую мать: она хотѣла бѣжать на поле битвы, чтобъ отыскать трупъ сына, но этого нельзя было сдѣлать, потому-что онъ былъ убитъ подъ самой непріятельской батареей. Всѣ сестры старались ее утѣшить своимъ участіемъ и слезами; но она безмолвно страдала и теперь сдѣлалась какъ помѣшанная. Послѣ этой печальной тревоги я пошла отыскивать своихъ раненыхъ, которыхъ перевязывала; взяла большую наволочку, папирозъ и ходила по офицерскимъ палаткамъ: одѣлала ихъ папиросами. Всѣ офицеры были очень-вѣжливы и хорошо образованы, необыкновенно-кротки и терпѣливы въ своихъ тяжкихъ страданіяхъ, и ни одна сестра не жаловалась на ихъ капризы; при многихъ лишеніяхъ, на всѣхъ отражалась общая печаль о неудачѣ, безъ малѣйшаго ропота. Эта высокая черта съ ихъ стороны достойна уваженія; всѣ сестры, смотрящія за офицерами, каждая со слезами рассказываетъ о ихъ признательности. Многие изъ нихъ ранены смертельно; и какъ тяжело было подходить и утѣшать надеждою на выздоровленіе—вѣрите-ли, что душа плачетъ отъ жалости. Одинъ офицеръ раненъ штуцерною пулею въ плечо съ раздробленіемъ кости; пуля прошла чрезъ лѣвый бокъ и внизу остановилась; вынуть ее нѣтъ возможности, она ворочается тамъ, и онъ страдаетъ такъ, что крикъ его раздраетъ душу. Ему только 26 лѣтъ; онъ очень-красивой наружности и видно; что хорошій христіанинъ: молится очень-усердно; во время страданій упрасиваетъ всѣхъ, чтобъ ему помогли. Я приводила къ нему многихъ искусныхъ медиковъ, но общій отвѣтъ: невозможно; наконецъ онъ узналъ свой приговоръ и какъ христіанинъ приготовился къ смерти. Сестра его почти не оставляетъ, и онъ какъ-будто облегчается этимъ участіемъ; грустно и больно все это видѣть. Еще одинъ офицеръ контуженъ сильно въ голову, и локоть раздробленъ съ сильнымъ поврежденіемъ руки. Мнѣ сестры много про него рассказывали, но я не повѣрила, а сама пошла къ нему и застала его сидящимъ; онъ спросилъ, какъ меня зовутъ, я ему сказала; онъ началъ просить, чтобъ я приняла участіе въ его просьбѣ, которую онъ передалъ гр. В. У него четыре брата: одинъ изрубленъ на Кавказѣ, другой убитъ здѣсь, и двое раненыхъ тяжело; у нихъ есть мать-старушка, которая со смертью мужа потеряла павсіонъ и живетъ въ большой нуждѣ. Передъ дѣломъ онъ помолился Богу и сказалъ: «первая рана за Царя, а вторая для матери». Случилось, что его сильно контузили, но онъ горяча бросился опять на батарею, и ему раздробили локоть; ка-

жется, что это рана смертельная. Онъ со слезами просилъ гр. В., выхлопотать его старушкѣ—матери пансионъ, и такъ убедительно, что самъ гр. прослезился и обѣщалъ исполнить по-возможности. Эта любовь и забота сыновняя очень—трогательна. Нельзя слушать безъ слезъ его искренней молитвы о благоденствіи нашей высокой покровительницы. Чуденъ русский солдатъ! Съ радостью склоняемъ колѣни, благодаримъ Господа Бога, что онъ не лишаетъ ихъ бодрости духа. Сердце радуется, когда слышишь, какъ онъ безропотно переноситъ свои страданія, и въ минуту трудную говорить: «Матушка, сестрица! знатно дрались», и за этимъ вскрикиваетъ отъ боли и потомъ говорить; «ничего, потерплю, авось пройдетъ». Эти слова терзаютъ душу и тяжело, тяжело дѣлается на груди отъ скрытыхъ слезъ; боишься слезу состраданія имъ показать, чтобъ въ нихъ не огорчить чувства вѣры и патриотизма. За Царя и отечество они съ великою радостію льютъ свою кровь и умираютъ съ надеждою, что Богъ поможетъ русскому народу одолѣть враговъ. Эта битва останется знаменита храбростію нашего войска. Ни одно сраженіе при насъ не имѣло такого сильнаго впечатлѣнія на насъ, какъ это; и раздѣляя чувства страданія, каждая изъ насъ боялась потерять минуту; мы два дня работали съ утра и до темной ночи, безъ пищи и чаю, и самъ Господь уже подкрѣплялъ силы сестеръ — такъ всѣ усердствовали, что не могу указать ни на одну, которая бы работала менѣе другихъ, и всѣ солдаты кричатъ: «матушки, перевяжите сами, вы это дѣлаете лучше фельдшеровъ». А сколько бѣлья роздано! мною до 1,100 рубашекъ и 400 панталонъ и изъ Главнаго Штаба 700, и все еще едва могли обойтись. Вы не можете себѣ вообразить, какія противоположныя бываютъ сцены; иногда отъ слезъ не видишь рану перевязать и тутъ же разсмѣешься; напримѣръ: я подхожу къ принесеннымъ носилкамъ и спрашиваю раненаго, не хочетъ ли онъ пить и пою его; онъ проситъ меня перевязать ему рану въ боку; я спрашиваю: «что, другъ, у тебя пуля на-вылетъ?» онъ отвѣчаетъ «да»; я наклоняюсь, смотрю и такъ поражена его ранюю, что чуть не закричала: у него вся внутренность вышла; когда онъ самъ это увидалъ, то прехладнокровно сказалъ: «Хороша рана! Не безпокойся, мать, перевязывать, такія не излечиваются!» Ахъ, какъ тяжело было мнѣ! я посмотрѣла на это лицо: оно было покойно, какъ у спящаго дитяти, и что-то святое отражалось въ его чертахъ. Я его спросила, не желаетъ ли онъ священника? онъ согласился. Его приобщили Св. Тайнъ, и онъ спокойно лежалъ и просилъ меня: «Дорогая мать, не оставь меня». Эта просьба такого рода, что ежели бы я могла свою жизнь передать ему, съ радостію бы отдала. Не желая его потерять изъ виду, я часто къ нему подходила, наконецъ его перенесли и я не знала куда; когда же я начала перевязывать въ отдаленныхъ палаткахъ, то въ одной изъ нихъ нашла своего страдальца; онъ очень обрадовался, приподнялся самъ и просилъ наклониться къ нему; я стала на колѣни и спрашиваю: «Что тебѣ нужно, мой другъ?» онъ отвѣчаетъ: «Позволь тебя, мать, поцаловать въ голову», и при этомъ словѣ беретъ меня за голову,

палуетъ и говорить: «Вотъ тебѣ первая благодарность, а вторая — мое солдатское предсмертное благословеніе», и перекрестилъ меня. Это меня очень тронуло; я приняла съ великою вѣрою благословеніе отъ такого человѣка — и слезы меня одолѣли; онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Мать, о чемъ плачешь? тебѣ жаль насъ? мы за Христа умираемъ и всѣ веселы». Въ это время дѣйствительно слышу смѣхъ и голосъ: «мать! сестра!» я оглянулась и спрашиваю кто зоветъ; голосъ отвѣчаетъ: «Опаленный поросенокъ!» Это меня удивило и всѣ раненные разсмѣялись; и дѣйствительно, ужасная «фигура человѣческая» представилась моимъ глазамъ: голова, лицо, все было черно, и такъ распухли отъ обжога, что все сравнялось въ одну массу, руки страшно изранены и обожжены. Я спросила у него: чѣмъ его такъ обожгло? — «Это ящикъ разорвало съ снарядами», отвѣчалъ онъ. Я начала его перевязывать, сдѣлала маску на лицо и онъ дотога смѣшилъ разсказами, что всѣ солдаты трудно-раненные дивились на него, и даже мой страдалецъ, и тотъ улыбался, и сидя приготовилъ мнѣ изъ корпи закладки для ранъ. Изумительно было смотрѣть на этихъ двухъ большихъ и эту яркую противоположность. Одинъ кроткаго характера и говорилъ, что не страдаетъ; другой страдалъ молчаливо и безропотно, и со смѣхомъ разставался съ бѣлымъ свѣтомъ. Обожженный артиллеристъ спросилъ у меня кислое питье; я побѣжала къ нашей землянкѣ, и не прошло четверти часа, какъ принесла питье, но въ это время артиллеристъ уже умеръ. Меня это ужасно поразило. А другой страдалецъ умеръ въ ночь, и былъ въ полной памяти до самой смерти. Въ другой палаткѣ я тоже перевязывала; слышу стонъ и слова на польскомъ языкѣ; я оборачиваюсь и спрашиваю страдальца, чего онъ хочетъ; онъ показываетъ, что у него четыре пули въ животѣ и нельзя вынуть; я посмотрѣла, перевязала, чтобъ кровь не лилась, и увѣрила его, что приведу ему сейчасъ доктора, какъ только перевяжу его товарищей: но его страданія были такъ велики, что онъ рвалъ волосы на себѣ, призывалъ смерть, умолялъ всѣми святыми облегчить ему мученія, и такъ схватилъ меня за руку, что я не могла ее отнять; рука его замерла въ моей. Въ эту минуту подползаетъ ко мнѣ раненый, весь въ крови, и проситъ у меня: «мать, дай мнѣ гультиковъ». Мнѣ показалось, что онъ проситъ огурчиковъ, и отвѣчаю ему, «помилуй, мой другъ, гдѣ мнѣ взять для тебя огурчиковъ? а не хочешь ли кисленькаго, это все-равно и еще вкуснѣе; напоила и ушла въ землянку за бинтами, присѣла немного отдохнуть отъ душевнаго потрясенія, какъ вдругъ слышу опять: «мать, дай гультиковъ», и вижу, тотъ же самый солдатъ приползъ ко мнѣ. Я вышла и опять ему повторяю, что нѣтъ огурцовъ и зачѣмъ онъ ползъ, когда еще его не перевязали и кровь льется изъ обѣихъ ногъ, прострѣленныхъ на-вылетъ, и отчего ему такъ хочется огурцовъ? Въ эту минуту подошли еще солдаты и, слыша нашъ разговоръ, разсмѣялись, что я не понимаю раненаго; тотъ у меня проситъ панталонъ (они называютъ ихъ гультики), это названіе меня очень-разсмѣшило: я его не знала. По рядамъ палатокъ нельзя пройти: все это воесть или кричить, просить чего-нибудь, а болѣе бѣлая;

они всё окровавлены съ головы до ногъ, и эта кровь застала, такъ что бѣднымъ лечь нельзя отъ боли, и мы, не жалѣя, раздавали бѣлье. Возвратившись домой, я нашла сестеръ, вновь-пріѣхавшихъ изъ Петербурга. На другой день къ 11 часамъ, съ обозомъ, поѣхала опять на Мекензиеву Гору къ сестрамъ, и нашла всѣхъ ихъ въ занятіяхъ при больныхъ; обошла своихъ солдатиковъ, нашла одного артиллериста, тоже обожженного, все лицо и руки, неочень-опасно, онъ уже открываетъ глаза; но все лицо покрыто пузырями. Увидавши меня, раненые засыпали просьбами: кто бѣлья, кто чего просить; я ихъ удовлетворила по-возможности и поспѣшила къ офицерамъ; нашла еще бѣднаго П. живымъ, но ужаснымъ мученикомъ. Зашла еще посмотреть одного холернаго, который умиралъ, и тутъ же увидѣла одного страдальца, въ которомъ было шесть пуль въ боку и рука раздроблена такъ, что операциі нельзя было сдѣлать; сильнѣйшая гангрена, рука какъ уголь черна, и онъ умолялъ сдѣлать ему перевязку: надо было видѣть эту ужасную рану. Со мною была полковница Протопопова, и та съ радостью взялась это исполнить и пошла отъ-искивать медина, а для умирающаго холернаго — священника, и ихъ обоимъ приобщили Св. Тайнъ; холерный отошелъ, а съ гангреной имѣлъ еще силы ходить по ряду и насъ отъискивать. Въ это время г-жа Протопопова шла къ нему съ докторомъ, который, увидавъ рану, сказалъ, что его три раза приводили въ операционную и нельзя дѣлать операцию, а что, ежели угодно, перевязать можно. Начала перевязывать г-жа Протопопова эту черную руку и мясо кусками отдѣлялось; бѣдный солдатъ только морщился; когда она его перевязала, онъ сказалъ: «спасибо тебѣ, и дай Богъ тебѣ царство небесное;» не прошло полчаса и этотъ мученикъ отошелъ. 10 числа я поѣхала въ городъ и навѣстила всѣ дистанціи. Когда я возвращалась съ Николаевской Батареи, это было въ 5 часовъ, начали бомбы и ядра бросать: въ четверть часа пять бомбъ упало возлѣ Екатерининскаго Дворца и одна во дворѣ, въ палаткѣ, разорвалась; когда я это узнала, пошла навѣстить сестру, и у самага окна подняла горячій осколокъ и сказала шутя, что мы гостинца привеземъ на Бельбекъ, къ чаю теплый сухарь; входимъ во дворъ, сестра П. на врыльцѣ. Я ей говорю, что къ ней гостя прилетѣла; она отвѣчала «да», и сказала: «посмотрите, какъ она разорвалась въ палаткѣ». Я подошла посмотреть; въ это время летитъ бомба, падаетъ противъ соборнаго, разрывается и намъ кричатъ солдаты: «матушки-сестры, берегитесь»; я слышу свистъ осколка, хотѣла бѣжать, но некуда: дворъ малъ и загроможденъ; передо мной какіе-то мѣшки лежали; я упала на камень въ ужасномъ испугѣ, руки подняла вверхъ, какъ-будто хотѣла защищаться, и закричала: «Господи, помилуй насъ!» осколокъ пренизко перелетѣлъ черезъ наши головы и въ нѣсколькихъ шагахъ упалъ. На меня это имѣло такое вліяніе, что я едва могла идти, ноги подгибались. Этотъ страхъ и для меня непонятенъ, я была въ опасныхъ мѣстахъ и тѣмъ болѣе не было, а тутъ я такъ была потрясена, что ночь не могла спать отъ волненія, и сегодня, окончивши письмо, ѣду опять въ городъ и хочу себя испытать и

заставить быть равнодушной къ этимъ встрѣчамъ. 11-го, а опять была на мекензіевой позиціи и ужъ нашла только 300 раненыхъ и ампутированныхъ; но эти самые грудные, и 6 офицеровъ. Одинъ изъ раненыхъ солдатъ на третьи сутки приползъ съ поля битвы изъ-подъ непріятельскихъ укрѣпленій; у него нога раздроблена и руку отняли; этотъ человекъ могъ ползти до пяти верстъ безъ пищи и воды, при сильномъ зноѣ солнца и при такихъ ранахъ; теперь же подаетъ надежду, что будетъ живъ — таковъ русскій солдатъ!

Выписка изъ писемъ Сестеръ Крестовоздвиженской Общины Попеченія о раненыхъ въ Крыму.

Отъ 29-го августа. Мое послѣднее къ вамъ письмо еще не предвѣщало такого сильнаго общаго горя, которое насъ постигло. Вы уже знаете, что Севастополь сданъ, но въ какомъ видѣ?... Весь городъ былъ превращенъ въ огненное море и пороховые взрывы на всѣхъ бастіонахъ и батареяхъ. Это былъ ужасъ! это былъ хаосъ! это было страшнѣе ада! Вотъ все, что я могу сказать. Я до-сихъ-поръ не могу отдать себѣ отчета въ томъ, чему я была свидѣтельницею, а какъ могли мы перенести весь этотъ ужасъ и пережить такое горе! Я не въ-состояніи писать къ вамъ: у меня перемѣнились мысли, но, по милости Божіей, сила воли еще не поколебалась. Вы поймете, какъ мы всѣ страдаемъ душой и сердцемъ; легче бы умереть, нежели дожить до такой страшной минуты и быть свидѣтелемъ кровавой картины, какой ни одна война еще не представляла. Опишу вамъ все подробнѣе, сколько силъ у меня достанетъ. Въ четыре часа я поѣхала по дистанціямъ; бомбардировка продолжалась, и пока доѣхала до Михайловской Батареи, уже было около половины шестаго. Я сложила кой-какіе запасы въ яликъ и поѣхала съ своими матросами чрезъ бухту; кругомъ насъ летали бомбы, и такъ близко, что насъ обдавало брызгами; но мы благополучно доѣхали. Съ пристани я всегда отправляюсь бѣгомъ на Михайловскую Батарею; были уже сумерки, и мои сестры ахнули отъ страха, когда увидѣли меня. Про раненыхъ уже нечего и говорить, ихъ было очень-много, такъ-что сестры работали день и ночь; всѣ онѣ безъ исключенія такъ трудились, что никто и ничѣмъ не можетъ выразить той благодарности, которую онѣ заслужили своимъ самоотверженіемъ. Одинъ Господь видѣлъ ихъ усердіе и душевное страданіе при этихъ сценахъ, которыя посланы намъ Его Святой волей. Спусти около получаса послѣ моего пріѣзда, мы только-что успѣли пить чай, какъ бомба упала на крышу порохового погреба. По счастью, на крышѣ было наложено много мѣшковъ съ пескомъ, которые предохранили погребъ отъ бомбы, тутъ же разорвавшейся. Представьте нашъ общій страхъ; всѣ мы боялись, что ежеминутно можемъ взлетѣть на воздухъ. Меня стали упрашивать, чтобъ я скорѣй ушла съ батареи, и я, съ прибывшею съ Кавказа сестрой К., отправилась бѣгомъ на набережную. Пока мы доѣхали до пристани Михайловской Батареи, два ядра чуть насъ не убили. Мы возвратились домой около девяти часовъ вечера.

На другой день, 27-го, въ пять часовъ утра, мы были всѣ на ногахъ; я приказала приготовить все, что нужно, на всѣ дистанціи, а сама пошла въ нашъ госпиталь посмотрѣть, что у насъ дѣлается. Къ десяти часамъ я вышла, и какъ наши лошади всѣ изнурены, то я едва къ одиннадцати часамъ дотащилась въ горный госпиталь; отсюда видна была страшная стрѣльба; но я еще не могла понять, что это штурмъ; и такъ-какъ вѣтеръ былъ отъ насъ, то всѣ выстрѣлы были глухи. Въ госпиталѣ мнѣ сказали, что штурмъ начался; я просила мою добрую и дѣятельную сестру Ч., чтобъ она не упустила чего изъ виду въ распоряженіи, и ускакала отъ нихъ. Когда спустилась по дорогѣ внизъ, увидѣла огромную кавалькаду, скачущую къ Севастополю: это былъ главнокомандующій съ своею свитою. Я пустилась за ними, тоже во весь карьеръ и заѣхала на сѣверную, въ бараки. Всѣ сестры были заняты; я приказала старшей сестрѣ А., что дѣлать, въ случаѣ опасности; тутъ мнѣ сказали, что одну сестру ранили на Николаевской Батарей.

Весь лѣвый флангъ и Малаховъ Курганъ были въ батальномъ огнѣ. Я добралась на Михайловскую Батарей; вся площадь была покрыта войсками, которые переходили мостъ и выстрѣлы непріятеля были усилены противъ этого мѣста. Я зашла на Михайловскую Батарей и нашла всѣхъ сестеръ здоровыми. Отсюда мать С. хотѣла проводить меня черезъ мостъ; но мы только-что вступили на него вмѣстѣ съ войскомъ, какъ генералъ Бухмейеръ насъ остановилъ и просилъ возвратиться, уговаривая, что опасно; я просила его пустить меня, перекрестилась и побѣжала. Все войско шло на южную бѣгомъ. Вѣтеръ былъ такой сильный, что волны заливали мостъ, и отъ тяжести переходящихъ онъ былъ покрытъ водою; выстрѣлы непріятельскіе по насъ были частые; но еще Господь былъ милостивъ: возлѣ насъ ядра падали очень-часто; другія летѣли надъ головою такъ близко, что всѣ наклонялись. У меня хватило силы добѣжать до Николаевской Батареи, но едва дошла я до комнаты сестеръ, какъ мнѣ сдѣлалось дурно; и мнѣ дали капель. Я была промочена до пояса, потому-что мое платье и ноги все время были въ водѣ. Спросила: что С.? Она пришла ко мнѣ съ завязаннымъ глазомъ; но, слава Богу, рана очень-легкая, не такъ, какъ бѣдная сестра В. Потомъ пошла я къ графу Остенъ-Сакену; надо было идти по галереѣ, гдѣ было довольно-много зрителей; и какъ ядра или бомбы летали вокругъ, то мы прятались подъ арками. На самой срединѣ батареи я нашла очень-много изъ свиты главнокомандующаго, и спросила у нихъ, гдѣ я могу видѣть графа Остенъ-Сакена. Они мнѣ сказали, что онъ на батарей, наверху, съ главнокомандующимъ; я отправилась по узкой деревянной лѣстницѣ, и едва могла идти. Добравшись до верха, я ничего не видала, только могла спросить графа, что онъ прикажетъ дѣлать съ сестрами на Николаевской Батарей? Онъ отвѣчалъ: «возьмите ихъ съ собою; Богъ вѣсть, что можетъ быть черезъ два часа». Кто-то говорилъ, что на Малаховомъ Курганѣ было уже непріятельское знамя; страшно душа заболѣла; я безъ слезъ плакала; не помню, какъ сошла съ лѣстницы, добѣжала до сестеръ и просила ихъ оставить

все и идти немедленно на Михайловскую Батарейю. Собрала всѣхъ, и всѣ какъ стояли, такъ и пошли, съ той мыслью, что если стихнетъ все, то онѣ возвратятся опять на мѣсто. Тутъ опять кто-то сказалъ, что наши сбили вражьи знамя; это была всеобщая радость; но все же я просила сестеръ уйти. Я взяла только нашъ образъ; все остальное поручили докторамъ и смотрителю; перекрестились и пошли, пошли какъ только силъ хватило скоро (*). По мѣсту всѣ бѣжали и опять войско навстрѣчу; ядро за ядромъ свистали надъ головой и падали близко; на половинѣ моста бѣдной сестрѣ Б. сдѣлалось дурно отъ страха. Ядра такъ близко падали, что я сама чуть не упала на мосту, но какъ-то очнулась, перекрестилась, оглянулась назадъ, всѣ ли сестры, увидѣла сзади отца Веніамина, флотскаго іеромонаха, о которомъ я уже писала, что 4-го августа онъ очень-много помогалъ и нѣсколько дней перевязывалъ. Увидѣвъ его, я остановилась, и мы пошли рядомъ; онъ очень-умный и благочестивый монахъ, очень-храбрый и спокойный духомъ. Въ это время ядро такъ близко упало, что сестрѣ Б. опять сдѣлалось дурно, она не могла идти. Отецъ Веніаминъ взялъ ее подъ-руку, съ другой стороны поддерживалъ нашъ солдатъ, и ее почти тащили; я намочила платокъ въ бухтѣ, чтобъ ее освѣжить. Съ Божіей помощью мы благополучно дошли до Михайловской Батареи, гдѣ я и оставила сестеръ.

На Михайловской Батарей стали готовиться къ стрѣльбѣ: бѣготня страшная. Комендантъ батареи меня увѣрилъ, что куда неопасно. Я вышла на площадь; наши резервные войска переходили мостъ; немного подальше колонна дружинъ; бомбы, ядра падаютъ безпрестанно; тутъ лежитъ убитая лошадь... я пробиралась между войскомъ и не могла найти своей тройки; вдругъ ядро пролетѣло вкось по колоннѣ дружинъ; это было въ десяти шагахъ передо мною. Жалость и ужасъ давили мою грудь; я не могла идти; вѣтеръ валилъ меня съ ногъ, онѣ оостенѣли отъ мокроты; вѣтеръ былъ прехолодный. Какой-то солдатъ подошелъ ко мнѣ и помогъ мнѣ идти; мой солдатъ отыскалъ лошадей и догналъ меня. Въ это время разорвалась въ воздухѣ бомба и осколокъ отъ нея раздробилъ солдату голову и на шинель моего солдата упали брызги его мозга. Меня посадили въ тарантасъ; я очень озлобла и это меня образумило. Бѣжавъ дорогой, я строила планы, что дѣлать. Заѣхала на рынокъ и купила хлѣба у добрейшаго маркитанта одесскаго Александра Ивановича. Онъ старшина на рынкѣ и уже оказалъ великую услугу 4-го августа на Мекензиевой Горѣ. Много онъ дѣлалъ жертвъ и помогалъ съ усердіемъ съ другими еще купцами, тоже почетными. Я наложила хлѣба въ тарантасъ сколько возможно, просила приготовить еще, и онъ на своихъ лошадяхъ отправилъ на высоты сто хлѣбовъ полубѣлыхъ. Приѣхавъ въ баракъ, я поручила сестрѣ Г. обойти всѣхъ и распорядиться, куда я узнаю, куда намъ отправиться. Между-тѣмъ на лѣвомъ флангѣ дѣло не прекращалось и уже былъ общій говоръ, что наши дѣла дурно идутъ. Эта вѣсть какимъ-то холодомъ обдавала —

(*) Сейчас по уходѣ сестеръ, большихъ также переместили на Северную.

такъ тяжело и жалко было это слышать. Въ сумерки я пріѣхала опять на Михайловскую Батарею; непріятельскіе снаряды все падали близь нея и сестры украдкой перебѣгали въ мучные магазины, гдѣ лежали морскіе раненые, и такъ счастливо, что никого не ранило. Изъ Сѣвернаго пріѣхалъ офицеръ просить сестру для генерала М., который лежитъ въ Сѣверномъ Укрѣпленіи; я взяла двухъ сестеръ и поѣхала въ Сѣверное Укрѣпленіе и вотъ-то помучились: вѣтеръ сильный, пыль глаза засыпаетъ, кучеръ не видитъ куда везетъ: темно, не можетъ попасть въ укрѣпленіе. Я въ страхѣ, что насъ не пропустятъ, потому-что было уже поздно; и едва мы дотащились, лошади, измученныя и усталыя, не везутъ; я хочу идти — у меня ноги отяжелили отъ холода, не могу шага сдѣлать; я была въ отчаяніи... Кое-какъ дотащились мы до воротъ. Я спросила, можно ли войти? Часовой спросилъ зачѣмъ; я отвѣчала, что мы сестры, пріѣхали къ раненымъ и насъ пропустили. Мы нашли генерала очень-трудно раненаго, уже немодолага; рука раздроблена возлѣ плеча; страданія его велики; но ангельское терпѣніе. Онъ очень обрадовался, когда я ему навзвчила сестру Б., только извинялся, что ей не будетъ очень-покойно. Я увѣрила его, что мы привыкли все переносить; простила съ нимъ, пожелавъ ему, чтобъ Господь его подкрѣпилъ. Въ потьмахъ поѣхали на укрѣпленіе № 4-й, гдѣ сестра Л., и повезли ей сестру С. въ помощь; нашла ее въ суетахъ; больныхъ, раненыхъ столько, что не помѣщались уже, и четыре человека были на дворѣ. Я спросила, что нужно сестрѣ Л. и, къ-счастью, у меня было много хлѣба и ведро жестяное съ краснымъ виномъ; я ей его оставила, и вдругъ вижу графа М. М. Вельгорскаго, который такъ заботится о раненыхъ офицерахъ, ничто его не удерживаетъ: ни страхъ, ни темнота, ни опасность. Въ это время пріѣхали фургоны и онъ самъ усаживалъ раненыхъ офицеровъ и отправлялъ въ бараки. Я поѣхала въ бараки. Раненыхъ было вездѣ множество; всѣ палаты заложены и два барака были заняты офицерами; самыхъ трудно-раненыхъ сестры поили чаемъ, а прочихъ—виномъ и водкой. Опять я встрѣтилась съ графомъ М. М. Вельгорскимъ; это было уже около одиннадцати часовъ ночи. Всѣ сестры были по баракамъ и отецъ Веніаминъ тоже; онъ всю ночь былъ занятъ. Не пишу вамъ о столахъ и крикахъ раненыхъ, которые просто душу терзаютъ. Просила сестру Г., чтобъ, въ случаѣ опасности, онѣ спасались, и, оставивъ имъ двѣ тройки, отправилась на Бельбекъ; дорога была усыяна ранеными, идущими у кого силы есть; транспорты огромные везли раненыхъ, которые кричатъ, охаютъ и до того меня это мучило, что у меня голова стала трещать. Когда я подъѣхала къ нашему госпиталю, сейчасъ велѣла поставить самоваръ и сестры напоили раненыхъ; это уже былъ второй часъ въ исходѣ. Насилу я улеглась спать, а на другой день у меня до слезъ жолы болѣли, такъ-что я едва поднялась съ постели; но кое-какъ расхотѣлась. Поручила г. Ф. отправиться за хлѣбомъ и сама опять нагрузилась всякой всячиной и отправилась. Въ ночь мать С. прислала двухъ раненыхъ сестеръ: В. и С. 2-ю и просила, чтобъ лошадей за прочими прислать, что онѣ въ опасности; я велѣла зало-

жить двѣ тройки и отправила ихъ на Михайловскую Батарю. Поѣхала и сама. Чтò моимъ глазамъ представилось? страшная черная туча дыму покрывала Севастополь; уже наши его зажгли; войско идетъ къ Черной Рѣчкѣ. Раненые вездѣ идутъ и ѣдутъ; полки солдатъ уже возвращались. Мнѣ Господь послалъ слезы (я рѣдко плачу), и это немного облегчило мое сердце. Когда я прїѣхала въ баракы, нѣкоторыя сестры меня встрѣтили. Отдавъ имъ чтò нужно, я отправилась къ сестрѣ Л., привезла ей большимъ офицерамъ бѣлье разное, бульонъ, сахаръ, чай, хлѣбъ, котораго нельзя было достать, клюквенную эссенцію, бинты и водку. Сестра Л. достойна великаго уваженія: когда я ей сказала, что ее ожидаютъ опасность и надо ей выѣхать: если взорвутъ Николаевскую Батарю, то каменьями засыплетъ 4-й бастионъ. Она просила, какъ милости, что если не будетъ средства больныхъ нашихъ перевезти, потому-что очень-трудные, то оставить ее съ ними; она на все согласна, даже взлетѣть на воздухъ, лишь бы раздѣлить участь своихъ раненыхъ. Она просила ее перекрестить; я это исполнила и не смѣла противиться ея святому желанію; но мнѣ горько было; я просила ее тоже перекрестить меня и вполнѣ сочувствовала ея любви къ Господу и ближнему своему. Не теряя времени, я разложила всѣ припасы на полъ и сама поѣхала на Михайловскую Батарю. На площади былъ хаосъ; мостъ уже рублил на части, корабли и фрегаты затоплены, городъ въ пламени, черный дымъ клубится до облаковъ и взрывы вездѣ потрясаютъ землю. Какъ тяжко пройти всѣ эти испытанія и быть свидѣтелемъ всего этого! Тутъ я встрѣтила графа Остенъ-Сакена, который просилъ оставить сестру при его другѣ генералѣ М., потомъ спросилъ меня, какъ мое здоровье. Видѣвъ, что я едва ползла, онъ взглянулъ на надпись моего креста и сказалъ: истинно теперь «Ты еси Боже крѣпость моя». Всѣ сестры глазъ не смыкали и не ѣли—такъ были заняты. Самъ Господь ихъ подкрѣпляетъ и я не въ силахъ описать ихъ трудъ и усердіе.

Отъ 9-го сентября. Успокоившись насчетъ раненыхъ, возвратились мы домой; было уже за полночь; палатка моя была занята, я перешла къ сестрамъ и кое-какъ улеглась до новыхъ заботъ о родныхъ для сердца русскаго. Недолго спали мы; съ зарею пробуждена я была жалобными стопами у самыхъ дверей палатки. То былъ умирающій г. М-ко; платье его было все прострѣлено, кровь лилась ручьемъ; онъ былъ раненъ штуцерною пулею въ грудь и умирающимъ голосомъ повторялъ: «несите меня къ сестрамъ!» Подобная довѣренность незнакомаго страдальца тронула меня глубоко; я съ сестрами соскочила съ постели, одѣлась на скорую руку и дала ему лучшее мѣсто для послѣдняго отдохновенія; чрезъ часъ и эта палатка наполнилась привезенными съ позиціи; едва уложила я сего перваго, успѣшила напомнить ему о принятіи Св. Тайнъ и принять какія-либо его желанія. Трогательно было видѣть послѣднія минуты страдальца цвѣтущихъ лѣтъ, боровагося съ смертью. Онъ былъ ротнымъ командиромъ; къ нему пришло нѣсколько солдатъ его роты, стали на колѣни предъ его кроватью и плакали; онъ пробудился отъ забвенія, открылъ глаза, протянулъ слабую руку, положилъ на голову одному изъ нихъ,

перекрестилъ его, приказавъ передать благословеніе всѣмъ прочимъ и едва-слышнымъ голосомъ сказалъ имъ : «отрадно мнѣ умирать за Русь Святую. Завѣщаю вамъ , друзья мои , защищать всѣми силами отчизну нашу». Вскорѣ онъ скончался на моихъ рукахъ и преданъ землѣ сестрами же.

— 14-го сентября Государь Императоръ изволилъ осматривать Сухопутный и Морской Николаевскіе Госпитали. При посѣщеніи послѣдняго, Его Величеству былъ представленъ, между пользующимися до немъ ранеными офицерами, 45-го Флотскаго Экипажа лейтенантъ Дорожинскій, у котораго, 27-го прошедшаго августа, при оставленіи войсками нашими южной части Севастополя, взрывомъ бастиона № 2-го сильно обожжены лицо и обѣ руки. Замѣтивъ, что огонь не сообщился къ пороховому погребу, послѣ первой попытки, сдѣланной унтер-офицеромъ, онъ выхватилъ у него фитиль и бросился, несмотря на неминуемую опасность, на самое близкое разстояніе, по проведенной пороховой дорожкѣ, и успѣлъ зажечь ее и взорвать бастионъ. Государь Императоръ, удостоивъ лейтенанта Дорожинскаго личною похвалою за его подвигъ, изволилъ снять съ себя орденъ Св. Георгія 4-й степени и возложить на сего достойнаго офицера.

— Находясь однажды (пишетъ одна изъ сестеръ Крестовоздвиженской Общины) на перевязочномъ пунктѣ, я была свидѣтельницею странной сцены. Врачъ указалъ мнѣ на раненыхъ, которыхъ слѣдовало принести для ампутированія, и въ слѣдъ затѣмъ удалился. Въ то время, когда я распорядилась объ исполненіи его приказанія, одинъ раненый просилъ меня отослать его какъ можно скорѣе на ампутацию; я исполнила его просьбу, велѣвъ отвести его немедленно. Его стали поднимать — и Боже! чтó я увидѣла! перевязанная рука осталась на полу: операція была уже сдѣлана неприятелемъ! Сердце мое сжалось, глаза наполнились слезами, и я стала молить Бога о милосердіи къ нему.

— Въ небольшомъ разстояніи отъ него лежалъ другой раненый, говорить та же сестра Крестовоздвиженской Общины, у котораго обѣ ноги были совершенно раздроблены и одна рука оторвана. Онъ лежалъ на полу, между своими товарищами, и я подала ему пить. Напившись, онъ спросилъ меня: «Сестрица, у меня есть еще ноги?» Я молчала, потому-что не знала, что отвѣчать ему; но онъ повторилъ свой вопросъ, и я принуждена была сказать ему въ утѣшеніе, что ноги у него еще есть. Онъ не чувствовалъ ихъ, потому-что онъ лежалъ раздробленными. Къ-сожалѣнію, онъ жилъ только до слѣдующаго утра.

— Недавно одинъ изъ англійскихъ крейсеровъ въ Ботническомъ Заливѣ захватилъ финскую лодку, нагруженную масломъ, сыромъ, мясомъ и т. п., направлявшуюся къ шведскому берегу. На основаніи блокады, англичанинъ объявилъ грузъ своимъ призомъ и скорѣе все бывшее на лодкѣ, со включеніемъ и одежды лодочника, перенесено на гордый англійскій пароходъ. Когда все успокоилось, финскій мужикъ, сидя на палубѣ парохода, началъ, съ самою печальною миною, жаловаться англійскому переводчику: «О, за чтó несчастіе пре-

слѣдуетъ мени? Этихъ лѣтомъ лѣсной пожаръ встрѣбилъ мою рошу и нивы, падежъ лишилъ меня скота, позавчера похоронилъ я свою жену съ тремя дѣтьми, которыя всѣ въ-теченіе сутокъ умерли отъ холеры, и чтобъ спасти свою жалкую жизнь, хоть, быть-можетъ, уженося въ себѣ смерть, отправился я въ море... и вотъ сижу теперь здѣсь, безпомощный плѣнникъ; не приведется мнѣ и умереть-то на родной землѣ!...». Переводчикъ поспѣшилъ передать начальнику парохода эту жалобу мужика. При мысли, что такой призъ можетъ быть причиною повальной болѣзни и смерти на суднѣ, капитанъ приказалъ тотчасъ же побросать все опять въ лодку, вынося платье щипцами, и далъ мужику строжайшее приказаніе: ѣхать куда хочетъ, «но держаться подалеже отъ англійскихъ кораблей». Мужикъ, радуясь успѣху своей военной хитрости, отправился и прибылъ благополучно въ Швецію.

— 9-го августа англійскій офицеръ сошелъ на берегъ твердой земли съ однимъ матросомъ, въ урочищѣ Люм-шеръ (немного къ сѣверу отъ Бьернеборга), сошелъ онъ, чтобъ захватить нѣсколько овецъ, которыя тамъ паслись съ своимъ бараномъ. При приближеніи матроса, баранъ сталъ защищать свое стадо; матросъ схватилъ его за рога и хотѣлъ тащить за собою, но тутъ началась борьба между матросомъ и бараномъ, которая кончилась тѣмъ, что баранъ вырвался на волю и хотѣлъ бѣжать. Тогда офицеръ выстрѣлилъ въ него, но не поваль; баранъ, должно-быть, разсерженный этимъ выстрѣломъ, кинулся на матроса, гнавшася за нимъ, и боднулъ его такъ ловко, что сбилъ съ ногъ, перебѣжалъ черезъ него и совсѣмъ своимъ овечьимъ стадомъ скрылся въ ближайшій лѣсокъ, куда неприятель нѣ рѣшился преслѣдовать его. Говорятъ, что хозяинъ барана — бѣдный бобыль, общалъ, въ награду за то, этого барана хорошо кормить и не рѣзать, а дать ему умереть своею смертию.

— При началѣ осады Севастополя, адмиралъ Гамеленъ приказалъ капитану Діѣдонне отправиться, съ командуемымъ имъ пароходомъ, за рогатымъ скотомъ въ Евпаторію. Діѣдонне исполнилъ порученіе, и уже слишкомъ сто быковъ были нагружены на пароходъ, когда подошли къ Евпаторіи линійный корабль Генрихъ IV и пароходъ Плутонъ. Капитанъ Діѣдонне, располагая выйти съ своимъ грузомъ на другой день, уступилъ мѣсто своей стоянки кораблю Генриху IV и сталъ на другомъ концѣ рейда. Въ тотъ же вечеръ разразилась страшная буря 2-го (14-го) ноября. Генрихъ IV былъ выброшенъ на берегъ, Плутонъ опрокинулся, а на пароходѣ капитана Діѣдонны быки, которые, по принятому обычаю, были связаны плотными рядами, разорвали свои путы и разсѣялись въ беспорядкѣ по палубѣ. Мучимые морскою болѣзнію, устрашаемые завываніемъ вѣтра, плескомъ волнъ и сотрясеніемъ судна, они бѣгали по всѣмъ направлениямъ, стараясь уклониться отъ опасности, которую предчувствовали. Произошла неописанная сумятица. Въ бѣшенствѣ, быки разили рогами все, что ни попадалось имъ, не только бросались на матросовъ, но и между собою вступили въ бой. Вскорѣ палуба покрылась лужами крови и убитыми или изувѣченными быками. Отъ боковой кат-

ки корабля, несчастныя животныя бились о мачты, о стѣны судна и объ орудія, и хотя люди всячески старались избавиться отъ этихъ безпокойныхъ спутниковъ, однако весьма-трудно было побросать въ море такія громады, которыя, впрочемъ, никого и не допускали къ себѣ. Посреди столь страшной суматохи не было никакой возможности повиноваться приказаніямъ капитана, да и экипажъ до такой степени поддался чувству страха, что часть его скрылась подъ палубою.

Между-тѣмъ пароходу угрожала опасность опрокинуться, и надлежало, во что бы ни стало, облегчить его. Командиръ закричалъ въ рупоръ, чтобъ рубили мачты, но никто не отважился на это посреди разъяренныхъ животныхъ. Тогда капитанъ Діёдонне, съ самаго начала бури потерявшій неустранимаго хладнокровія, схватилъ топоръ, и, въ сопровожденіи своего помощника, устремился на средину парохода. Одинъ быкъ погнался за нимъ; капитанъ свалилъ его ударомъ топора; другой быкъ бросился на лейтенанта, который упалъ на палубу, но вскорѣ всталъ, отдѣлавшись контузіей. Оба офицера, оставленные устрешеннымъ экипажемъ, принялись рубить грот-мачту, уже ослабленную порывистымъ вѣтромъ, и вскорѣ она повалилась съ трескомъ, раздавивъ быковъ, которые подвернулись подъ нее. Спусти четверть часа, на пароходѣ уже не было мачтъ; съ этой минуты онъ сталъ легче держаться на поверхности волнъ, лучше поддавался ихъ направленію и, казалось, боролся побѣдоносно съ смертною стихіею. Оставалось только поддерживать дѣйствіе машины, чтобы противиться силѣ, увлекавшей судно къ берегу.

Прежде чѣмъ прекратился ураганъ, всѣ быки уже лежали на палубѣ, одни безжизненные, другіе раненыя, нѣкоторые измученныя. Мало-по-малу стали показываться успокоенныя матросы и принимались за работу. Когда вѣтеръ стихъ, капитанъ Діёдонне, чувствуя потребность успокоенія, отправился въ свою каюту. Нѣсколькими минутами сна онъ надѣялся вознаграждать себя за двадцати-четыре-часовыя труды. Отворивъ дверь, онъ остановился въ изумленіи: на постели его лежалъ огромный раненый быкъ, провалившійся сквозь люкъ. Капитанъ пошелъ въ каютъ-компанію отдохнуть на диванъ, но диванъ былъ занятъ четырьмя полицейскими служителями, которые, похавъ сюда также чрезъ люкъ, преспокойно расположились на диванѣ. Надобно было употребить двѣ недѣли на очистку каютъ, испорченныхъ всякаго рода соромъ и залитыхъ кровью.

По возвращеніи въ Камышъ, капитанъ разсказалъ свое приключеніе адмиралу, смѣявшемуся отъ души. «Признаюсь», сказалъ, между прочимъ, Діёдонне, «я желалъ бы лучше имѣть дѣло съ непріателемъ, чѣмъ съ этими бѣшенными животными; не могу вообразить себѣ положенія хуже того, въ которомъ я пробылъ цѣлыя сутки».

— Въ Ковенскомъ Уѣздѣ крестьянинъ села Медвина, помѣщикомъ графовъ Браницкихъ, Семень Ивановъ Плаксунъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ивановымъ и однодворцами Янковскимъ и Дорошаевичемъ, выѣхалъ 25-го іюля изъ дома на пяти пероволовыхъ подводахъ въ м. Богуславъ, съ зерновымъ хлѣбомъ, чтобъ смолотъ его на тамошней

мельницѣ. Когда доѣхали они до Дубровскаго Фольварка, то настала ночь, почему и остановились тутъ ночевать. На другой день, съ первымъ появленіемъ свѣта, Семень Плаксунъ отправился далѣе; самъ онъ шелъ при волахъ съ возомъ впереди, а прочіе товарищи сзади; при восходѣ солнца, на небѣ съ югозападной стороны показалась небольшая тучка, изъ которой шелъ сначала небольшой дождь, потомъ сверкнула молнія, но такъ ослѣпительно, что Семень Плаксунъ снялъ съ головы шляпу и хотѣлъ перекреститься, какъ вдругъ упалъ, пораженный громовымъ ударомъ. Товарищи его въ это время замѣтили, что будто огненный столпъ упалъ на подводу Плаксуна и черезъ минуту исчезъ. Убитою молніею Семена Плаксуна наши лежачимъ лицомъ къ землѣ; вмѣстѣ съ нимъ былъ также пораженъ одинъ изъ воловъ, шедшихъ подлѣ него; прочіе волы, сзади, упали на землю, но остались невредимыми. При осмотрѣ тѣла крестьянина Плаксуна, оказалось, что лѣвая щека у него и носъ отъ паденія покраснѣли, также начиная отъ затылка съ лѣвой стороны къ шеѣ шла красная полоса шириною въ полвершка, на которой кожа была сожжена, на животѣ выступилъ желтаго цвѣта жиръ; волосы на затылкѣ, бородѣ и на груди были также сожжены; шапка разлетѣлась въ куски. Покойный имѣлъ отъ роду 65 лѣтъ; тѣлосложеніе былъ здороваго. На убитомъ молніею волѣ замѣтенъ былъ знакъ на шеѣ, какъ-бы выжженнымъ горячимъ желѣзомъ, длиною въ четверть аршина.

— Каневского Уѣзда, втораго стана селенія Семигоръ, графовъ Браницкихъ крестьянина Авксентія Крохмала жена Меланія, имѣющая двадцать-два года отъ-роду, послѣ четырехлѣтняго супружества, 25-го іюля, въ четыре часа пополудни, на пятомъ мѣсяцѣ беременности своей, родила вмѣстѣ два ребенка женскаго пола съ сросшимися головами и съ наростомъ при нихъ краснаго цвѣта; въ обѣихъ головахъ было по одному глазу съ замѣтными мѣстами для другихъ. Изъ новорожденныхъ одна умерла чрезъ часъ послѣ рожденія, а другая по прошествіи сутокъ. Здоровье матери въ опасности.

— Въ Финляндіи, 16-го іюля, два мальчика пошли въ лѣсъ собирать ягоды. Младшій, которому еще не было трехъ лѣтъ, отсталъ отъ старшаго, и когда, черезъ часъ, начали его искать, то уже не могли найти; проискали и весь слѣдующій день — и все напрасно. Объявили ленеману; тотъ собралъ для поиска всю деревню, но старанія и на этотъ разъ остались безуспѣшны. Въ слѣдующее воскресенье, 22-го числа, повѣстили о томъ въ церкви; поиски были возобновлены, и наконецъ къ вечеру нашли бѣднаго ребенка на берегу одного водопада, въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ его дома. Онъ уже нѣсколько одичалъ и, при приближеніи людей, старался скрыться въ кустарникъ. Какъ могло такое малое дитя зайти такъ далеко и чѣмъ оно питалось такое долгое время?

— Въ память сооруженія кievскаго цѣпнаго чрезъ Днѣпръ моста повелѣніемъ въ Бозѣ почившаго государя Императора Николая Павловича, Высочайше повелѣно мостъ этотъ именовать «Николаевскимъ».

— 29-го августа совершилось одно изъ многихъ добрыхъ дѣлъ, къ которымъ такъ способно русское благотворительное сердце. Въ

этотъ день освящена была и открыта Военная Богадѣльня Калгина для призрѣнія пятидесяти челоуѣкъ нижнихъ чиновъ, заплатившихъ кровю за вѣру, преданность къ царю и любовь къ отечеству.

— 14-го сентября въ Москвѣ открыта Практическая Школа Шелководства, учрежденная Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, съ цѣлью содѣйствовать распространенію въ Россіи искусства шелководства и однообразной размотки коконовъ. Теперь производители ихъ, неизмѣющіе у себя мастеровъ для размотки шелка, могутъ присылать коконы въ эту школу; они будутъ размотаны и, по желанію производителей, проданы въ шелку, съ вычетомъ только того, что будетъ стоить въ Москвѣ эта размотка.

— 17-го сентября спущенъ на Неву изъ Новаго Адмиралтейства 84-хъ-пушечный винтовый корабль «Ретвизанъ». Спускъ удался какъ нельзя лучше. Готовый корабль стоялъ на подставкахъ подъ килемъ, то-есть, фундаментальнымъ бревномъ, на которомъ основано все строеніе; съ боковъ поддерживали его упоры. По командѣ, сперва выбили желѣзными клиньями подставки, потомъ барцами выбили упоры. Судно удерживали только сзади канаты. Четыре матроса, по командѣ, принялись рубить ихъ топорами и кончили это дѣло въ минуту. Корабль все-еще былъ неподвиженъ, но упоръ двухъ домкратовъ сзади оживилъ махину, и корабль пошелъ на поддѣланныхъ подъ него саяхъ, по наклонной плоскости, густо-покрытой слоемъ сала. Народъ кричалъ: «браво!» а матросы: «ура!» Величественно шель юный герой по пути своему, кормою впередъ, коснулся Невы, зарылся въ ней, но сила воды преодолѣла напоръ махины, подняла ее и повлекла на себѣ. Немедленно бросили якорь; корабль остановился. Подняли флаги, музыка заиграла: «Боже, Царя храни!» и новичокъ стоялъ на водѣ, какъ давно-привыкнувшій къ своей капризной служительницѣ.

— Въ первую половину 1855 года на уральскихъ казенныхъ и частныхъ заводахъ добыто золота 208 пудовъ 8 ф. 80 зол. 36 дол.

— По Николаевской Желѣзной Дорогѣ привезено въ С.-Петербургъ въ июнѣ 1855 года 251,538³/₄ пуд. разныхъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ припасовъ и 1318 головъ скота. По той же дорогѣ и въ теченіе того же мѣсяца привезено въ Москву 42,840³/₄ пудовъ разныхъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ припасовъ.

— На *икольскую* ярмарку, въ Таганрогѣ (съ 9-го мая), привезено разнаго рода товаровъ на 214,750 р. сер. (противъ минувшаго года на 134,110 р. менѣе), продано на 18,390 р. (противъ минувшаго года на 25,020 р. менѣе). Въ доходъ города, отъ найма принадлежащихъ ему торговыхъ мѣстъ и лавокъ, поступило 1398 р. 95 к.

— На *трицкую* ярмарку, въ Харьковѣ (конная, съ 12-го мая по 5-е июня, и шерстяная и краснорядская съ 25-го мая по 14-е июня), доставлено товаровъ и лошадей на 1,715,090 руб. (болѣе прошлогоднаго на 649,920 р.), а продано на 1,364,200 р. (болѣе прошлогоднаго на 443,730 р.). Важнѣйшими статьями оборотовъ были шерсть и потомъ лошади. Первой привезено 148,363 пуда, на 1,634,528 р., а продано на 1,320,395 р.; лошадей приведено на

45,652 р., продано на 28,380 р.; (въ прошломъ году шерсти привезено было 149,945 п.; по тогдашнимъ цѣнамъ на 924,000 р. и продано почти на 847,000). Въ городской доходъ поступило: съ приведенныхъ на продажу лошадей 257 р. 50 к. и съ мѣсть, отданныхъ подъ балаганы и мелочныя выставки, 298 р. 90 к., всего 556 руб. 40 к. сер.

— На *петропавловскую*, въ мѣстечкѣ Бѣшенковичахъ, Лепельскаго Уѣзда, Витебской Губерніи (съ 6-го по 26-е іюля), товаровъ разнаго рода привезено на 439,150 р. (менѣе прошлогодняго на 69,568 р.) Отечественныхъ произведеній въ привозѣ было на 407,350 р., а въ сбытѣ на 158,710 р. Изъ числа ихъ важнѣйшими по цѣнности статьями были: бумажныя издѣлія (прив. на 168,260 р., прод. на 79,470 р.); льняныя издѣлія (прив. на 52,370, прод. на 16,530 р.); шерстяныя издѣлія (прив. на 35,850, прод. на 7,100 р.), и москотильный товаръ (прив. на 36,000, прод. на 6,150 р.). Изъ иностранныхъ произведеній, которыхъ въ привозѣ было всего на 31,800, а въ сбытѣ на 12,630 р.. важнѣйшими предметами ярмарочной торговли были: овощныя товары (прив. на 13,000, прод. на 3,559 р.), шелковыя ткани (прив. на 9,400, прод. на 4,500 р.), и шерстяныя издѣлія (прив. на 6 600, прод. на 26,600 р.). Жители мѣстечка за наемъ у нихъ квартиръ и проч. выручили до 480 р., а вотчинный владѣлецъ, за отводимыя купцамъ лавки и выставки—около 1,500 р. сер.

— Наиболѣ замѣчательныхъ пожаровъ, по поступившимъ въ послѣднее время офіціальнымъ свѣдѣніямъ, насчитывается до 99; изъ нихъ: 4 относятся къ маю, 43 къ іюню, 36 въ іюлю и 16 къ августу; отъ умышленныхъ поджоговъ произошло 5 пожарныхъ случаевъ, отъ молніи 20; въ городахъ было 12 пожаровъ. Въ пламени погибли 13 человекъ: 3 женщины, 3 мальчика и 7 дѣвочекъ, да сильно обожглись крестьянинъ и мальчикъ. Убытокъ отъ 73-хъ офіценныхъ пожаровъ простирается до 1,192,112 р. сер. Изъ богослужебныхъ, общественныхъ, промышленныхъ и торговыхъ строеній сгорѣли: 2 православныя церкви (въ Вятской и Енисейской Губ.); обгорѣли 3 каменные въ г. Рославлѣ, Смоленской и 1 въ Вятской Губ.; 2 колокольни въ Черниговской Губ.; католическій костелъ и богадѣльня, въ Ковенской; 2 становыя квартиры, въ Вятской и Самарской Губ.; почтовыя станціи въ Тверской Губ.; цейхгаузъ, мостъ на шоссе, 3 винныя подвала со спиртомъ и 4 питейные дома, въ Рославлѣ (*); торговыхъ лавокъ: 114 въ г. Мележахъ, Владимірской Губ., и 18 въ Рославлѣ; 9 амбаровъ съ солью и мукой, въ Могилевской Губ.; суконная фабрика въ Орловской Губ., нѣсколько фабричныхъ заведеній въ селѣ Ивановѣ, Владимірской Губ. и винокуренный заводъ въ Минской Губерніи.

(*) При пожарѣ въ г. Рославлѣ, находившіеся тамъ плѣнные турки оказали ревностное пособіе и немовѣрное самоотверженіе и заслужили общую благодарность жителей.

— 6-го октября, въ пять часовъ пополудни, въ г. Бриксенъ (въ Тироли) скончался на 49-мъ году жизни профессоръ Санктпетербургскаго Университета *Константииъ Алексѣевичъ Неволлинъ*. Онъ родился въ г. Вяткѣ, обучался первоначально въ тамошней Духовной Семинаріи, а потомъ въ Московской Духовной Академіи. Въ 1829 году К. А. Неволлинъ посланъ былъ, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, за границу, въ Берлинскій Университетъ, для пріобрѣтенія возможности полного юридическаго образованія. По возвращеніи, въ 1832 году, онъ прикомандированъ былъ ко II-му Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а чрезъ три года, получивъ въ Санктпетербургскомъ Университетѣ степень доктора правъ, былъ опредѣленъ профессоромъ въ Университетѣ Св. Владимира на кафедрѣ Государственныхъ Законовъ и Энциклопедіи и послѣ избранъ ректоромъ того университета. Въ 1840 году Константиинъ Алексѣевичъ отпечаталъ въ Кіевѣ Энциклопедію Законовѣдѣнія въ двухъ томахъ — трудъ, каковаго не было еще въ Россіи. Этимъ сочиненіемъ авторъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность, особенно между студентами русскихъ университетовъ, которые приняли ее какъ руководство при юридическихъ своихъ занятіяхъ. Въ 1843 году К. А. Неволлинъ перемѣщенъ изъ Кіевскаго въ Санктпетербургскій Университетъ, на кафедру гражданскихъ законовъ. Въ 1851 году онъ издалъ «Исторію Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ», въ трехъ томахъ. Кромѣ того, К. А. Неволлинъ написаны слѣдующія, наиболее замѣчательныя сочиненія: 1) «О пятинахъ и погостахъ Повгородскихъ въ XVI-мъ вѣкѣ», 2) «О пространствѣ церковнаго суда» и 3) «Исторія Управленія въ Россіи до Іоанна III».

Въ послѣдніе годы К. А. занимался, кромѣ Университета, преподаваніемъ Энциклопедіи и Исторіи Россійскаго Законодательства въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, отправляя возложенныя на него обязанности при II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, былъ членомъ Комитета, составленнаго для систематическаго исправленія Военно-уголовнаго Устава, и членомъ Консультанціи при Министерствѣ Юстиціи.

Съ смертью К. А. Неволлина русскіе юристы потеряли одного изъ первыхъ своихъ дѣятелей, такъ добросовѣстно-трудолюбиваго на пользу науки.

— 27-го августа умеръ отъ раны, полученной при штурмѣ Севастополя, штабс-капитанъ Генеральнаго Штаба *баронъ Мейендорфъ*. Смерть этого молодаго воина, подававшаго большія надежды, опечалила какъ начальниковъ, такъ и товарищей покойнаго. Баронъ Мейендорфъ обратилъ на себя вниманіе въ венгерскую кампанію, по окончаніи которой, имѣя на груди знакъ отличія военнаго ордена, возвратился въ Санктпетербургъ, гдѣ поступилъ въ Военную Академію. Когда возгорѣлась война съ Турціею, баронъ Мейендорфъ вступилъ въ дѣйствующія на Дунаѣ войска офицеромъ Генеральнаго Штаба. Съ Дуная онъ поспѣшилъ на защиту Севастополя и тутъ былъ дѣятелемъ при непримѣрной оборонѣ. Во все время осады, баронъ Мейендорфъ оставался невредимъ. 27-го августа тревога по линиямъ возвѣ-

стила начало приступа. Каждый бросился къ своему мѣсту и онъ бодро вскочилъ на коня, поскакалъ передавать приказанія и указывать частямъ должныя направленія, по обязанностямъ офицера генеральнаго штаба. Непріатель громадными силами ворвался на Малаховъ Курганъ... Русскій военачальникъ остановился съ своею свитою вблизи мѣста боя, слѣдя за ходомъ ожесточенной борьбы. Впереди его разъяренные русскіе солдаты дрались отчаянно. Наступила страшная минута... Въ упорной безостановочной перестрѣлкѣ заряды истощались. Между-тѣмъ, необходимо было держаться до ночи, такъ-какъ пунктъ, обороняемый нашими войсками, открывалъ непріателю, занявшему курганъ, свободный доступъ въ корабельное предмѣстье. Одно спасеніе было въ новыхъ зарядахъ. Въ это время въ густыхъ облакахъ дыма, разсѣкаемого огнями выстрѣловъ, несется зарядный ящикъ, но сбивается съ пути и стремится прямо на непріательскіе выстрѣлы. Еще мгновеніе — и защита предмѣстья становилась невозможною. Съ быстротой молніи, по собственному порыву, отдѣляется отъ толпы, стоявшей за каменною оградой, баронъ Мейендорфъ, останавливаетъ ящикъ и ведетъ его по должному направленію. Заряды достигли цѣли, а тотъ, кто доставилъ нашему войску возможность продолжать на этомъ мѣстѣ бой, палъ жертвою своего долга. Непріательская пуля ударила его выше праваго виска. Другъ и товарищъ раненаго, графъ Вильгорскій, увидѣвъ знакомую ему лошадь безъ всадника, угадалъ истину, отыскалъ Мейендорфа и увезъ его.

VI.

НОВОСТИ НАУКЪ, ИСКУССТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ (*).

Опера герцога Эрнста саксен-кобург-готскаго «Santa Chiara». — Драма Жоржа Занда «Maitre Favilla». — Египетская мелодрама Физболя «Нитокриса». — Г-жа Арду-Плесси въ Théâtre-Français. — Рашель въ Америкѣ. — Отъѣздъ Тэккеря въ Америку. — Новый романъ Диккенса. — Исторія галерей дешевыхъ товаровъ. — Такса на вино въ Парижѣ. — Новый Селькиркъ, обгоняющій лошадей. — Процессъ между двумя матерями одного ребенка. — Ученныя собранія прошлой осени. — Финская пѣсня въ переводахъ на всѣ языки земнаго шара. — Число періодическихъ изданій въ Соединенныхъ Штатахъ, Англии и Германіи. — Статистика нѣмецкихъ университетовъ. — Обзоръніе засѣданій Британскаго Общества по отдѣленіямъ астрономіи, химіи, геологіи, ботаники и механики. — Средиземное Море въ Южной Африкѣ. — Краткая автобіографія Гумбольдта. — Некрологъ Мажанди. — Гидростатическая постель. — Планиметръ, изобрѣтенный г. Буяковскимъ. — Паденіе аэролитовъ близъ Гамбурга.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ парижскіе театры, о которыхъ такъ давно мы не могли сказать ничего особеннаго, оживились нѣсколькими новыми пьесами, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ. Изъ нихъ мы назовемъ только двѣ: оперу герцога Эрнста саксен-кобург-готскаго, «Санта-Клара» (Santa-Chiara) и драму Жоржа Занда «Маэстро Фавилла» (Maitre Favilla). «Санта Клара», о которой мы ужъ имѣли случай говорить съ годъ назадъ, по случаю представленія ея на нѣмецкихъ театрахъ, обязана своимъ успѣхомъ, впрочемъ—не блестящимъ—преимущественно имени автора: музыка этой пьесы, не страдая грубыми недостатками, не имѣетъ и особенныхъ достоинствъ;

(*) Составлены по журналамъ: Revue des Deux Mondes, Revue de Paris, Revue Britannique, Revue Contemporaine, Edinburgh Review, Bibliothèque de Genève, Illustration, Illustrated London News, Illustrirte Zeitung, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Das Ausland, The Athenaeum, L'Athenaeum Français, Novellen-Zeitung, Institut, Indépendance Belge, Journal de Débats.

«Санта Клара» показываетъ въ герцога Эрнста челоѣка, хорошо изучившаго теорію музыки—не болѣе. Вѣроятно, впрочемъ, что она на нѣсколько времени увлекла бы зрителей костюмами и декораціями, еслибъ они являлись въ первый разъ — но «l'Étoile du Nord» Мейера, содержаніе которой взято изъ той же эпохи, предупредила на парижской сценѣ оперу герцога Эрнста, и сравненіе, конечно, не могло быть выгодно для «Santa Chiara». — «Маэстро Фавилла» имѣлъ большой успѣхъ, благодаря оригинальности придуманныхъ авторомъ ситуаций, и особенно благодаря превосходной игрѣ нѣкоторыхъ актѣровъ; но эта пьеса служитъ новымъ доказательствомъ, что Жоржъ Зандъ все болѣе—и болѣе впадаетъ въ односторонность и приторность, занимаясь изложеніемъ какихъ-то музыкально-драматическихъ теорій, сочиняя романы и драмы съ длинными тирадами изъ «Курса драматическаго искусства». Это направленіе въ первый разъ выказалось у Жоржа Зандъ въ его романъ: «Замокъ въ пустынѣ», Le château des déserts, который былъ переведенъ въ одномъ изъ русскихъ журналовъ; «Маэстро Фавилла» повтореніе той же тѣмы: съ одной стороны этою пьесою доказывається, что артисты, особенно пѣвцы и музыканты, столько же превосходятъ остальныхъ смертныхъ всѣми возможными добродѣтелями, сколько соловей превосходитъ воробья; съ другой стороны, предлагаются въ поученіе артистамъ длинныя наставленія о томъ, какъ они должны играть и пѣть. Все это можетъ быть очень-занимательно для артистовъ, но вовсе-незанимательно для публики. Расскажемъ однако содержаніе пьесы. Въ одномъ изъ маленькихъ нѣмецкихъ княжествъ живетъ баронъ Мюльдорфъ. Барону наскучилъ шумъ городовъ и онъ заперся въ своемъ замкѣ; окруживъ себя семействомъ музыкантовъ и нѣнцовъ. Маэстро Фавилла, глава этого семейства, и капельмейстеръ этого оркестра — идеаль музыкантъ, и всею душою преданъ своему искусству; это, однакожъ, не мѣшаетъ ему быть примѣрнымъ отцомъ семейства, философомъ съ возвышенными понятіями Платона и достойнымъ преемникомъ Баярда въ рыцарскомъ благородствѣ характера. Мюльдорфъ умираетъ, и дивные звуки скрипки маэстро Фавиллы услаждаютъ его послѣднія минуты. Умирая, баронъ думаетъ о томъ, что семейство артистовъ, которое доставило ему столько блаженныхъ часовъ, останется послѣ его смерти безъ куска хлѣба. Законный наслѣдникъ его имѣнья фабрикантъ, или купецъ, Келлеръ; но Мюльдорфъ былъ всегда совершенно-чуждъ Келлеру, ни разу не видѣлся съ нимъ во всю жизнь, а Маэстро Фавилла и его семья были друзьями, усладителями жизни барона. Уже-ли баронъ обязанъ жертвовать своими вѣрными друзьями для обогащенія чужихъ, незнакомыхъ людей? Нѣтъ, онъ этого не сдѣлаетъ; онъ завѣщаетъ свое помѣстье и титулъ маэстро Фавиллы. Но возвышенное благородство Фавиллы возмущается мыслью присвоить чужое достоинство: музыкантъ хочетъ унести съ собою изъ замка только то, что ему принадлежитъ — только скрипку. Онъ рветъ завѣщаніе и предоставляетъ наслѣдство Келлеру. Узнавъ объ этомъ, разсчетливый купецъ тотчасъ же пріѣзжаетъ въ замокъ съ своимъ сыномъ, студентомъ Германомъ, который выступаетъ на сцену благородѣйшимъ изъ молодыхъ лю-

дей, чтобъ зарекомендовать себя зрителю достойнымъ претендентомъ на руку и сердце дочери безкорыстѣйшаго изъ скрипачей. Старикъ-купецъ начинаетъ чваниться своимъ баронскимъ саномъ, важно садится въ старинныя кресла и вообще очень-высоко поднимаетъ носъ. Онъ объявляетъ управителю замка, что слышалъ, будто-бы у прежняго владѣльца были наемныя музыканты; правда ли это? — «Точно такъ», отвѣчаетъ управитель: «они здѣсь еще» — «Здѣсь? Я позволяю имъ остаться здѣсь еще два-три дня, чтобъ собраться въ дорогу; но долѣе терпѣть ихъ въ замкѣ не хочу». Грубому торговцу неизвѣстно, что маэстро Фавилла, по нѣжности своей возвышенной души, потрясенъ смертью друга и покровителя такъ, что подвергся совершенному разстройству въ нравственномъ своемъ организмѣ. По окончаніи кризиса, разумокъ возвратился къ бѣдному маэстро, но неполнѣ: Фавилла, помнитъ все прошедшее, благодѣнія барона, смерть его; одно только обстоятельство исчезло изъ его памяти: порывъ благородства, въ которомъ онъ уничтожилъ завѣщаніе покойнаго. И вотъ, между-тѣмъ, какъ торговецъ, упоенный своимъ внезапнымъ возвышеніемъ, погруженъ въ сладкія мечты о богатствѣ и знатности, въ его кабинетъ входитъ незнакомецъ, одѣтый въ трауръ, очень-благосклонно начинаетъ говорить съ нимъ, какъ высшій съ низшимъ, и на вопросъ Келлера: «кто вы, милостивый государь?» отвѣчаетъ: — «я баронъ Мюльдорфъ!» — «Что за диво! Это безстыдный наглець или сумасшедшій», думаетъ Келлеръ и хочетъ рѣзко отвѣчать незнакомцу и выгнать его, но ему говорятъ, что вдругъ отнять у маэстро Фавиллы его заблужденіе, значило бы подвергнуть его новому припадку болѣзни, быть-можетъ, убить его, и Келлеръ, въ-сущности, какъ видимъ, незлой человѣкъ, соглашается оставить на нѣсколько дней бѣдному музыканту его мечту. «Его сумасбродство довольно-забавно для меня» прибавляетъ Келлеръ, «доставитъ мнѣ нѣсколько часовъ развлечения.» При томъ же Келлеръ находитъ, что жена музыканта еще очень-ведурна собою, и новый баронъ не прочь поволочиться за женою скрипача. Маэстро Фавилла остается въ полной увѣренности, что онъ баронъ и владѣтель Мюльдорфскаго Замка; онъ подсаживается надъ расчетливостью Келлера, читаетъ ему длинныя поученія о музыкѣ, о нравственности и тому подобномъ. Между-тѣмъ Келлеръ ухаживаетъ за его женою, а Генрихъ влюбляется въ дочь музыканта, и Джульетта раздѣляетъ его чувства. Но катастрофа близка: Келлеру надобно смотрѣть, какъ Фавилла распоряжается въ замкѣ; тѣмъ скорѣе надобно, что жена музыканта отвѣчаетъ на любезности новаго барона, какъ должна всякая порядочная женщина отвѣчать на ея мѣстѣ. Келлеръ вдругъ говоритъ музыканту, что онъ ошибается, считая себя наследникомъ барона. Пораженный этимъ разочарованіемъ, Фавилла напрягаетъ память, припоминая всѣ подробности своего послѣдняго разговора съ умирающимъ Мюльдорфомъ. «Онъ подалъ мнѣ бумагу... Что жъ я съ нею сдѣлалъ?... Что такое сдѣлалъ я съ нею?... Помню, помню: я разорвалъ и сжегъ ее. Да, мнѣ и моему семейству должно удалиться отсюда!» Онъ уходитъ... но въ Келлерѣ про-

буждается признательность къ человѣку, отказавшемуся для него отъ богатства. Генрихъ объявляетъ отцу о своей любви къ дочери этого человѣка, умоляетъ отца... И пьеса кончается счастливымъ бракосочетаніемъ юныхъ голубковъ.

Какъ видимъ, сюжетъ пьесы очень—сладокъ и лишень всякаго правдоподобія; онъ принадлежитъ міру мечтаній, напоминающихъ мысли Манилова о дружбѣ и тому подобныхъ пріятностяхъ; но и въ этой скучной пьесѣ мѣстами видны слѣды таланта, хотя бы даже въ томъ, что положенія лицъ, въ высшей степени неправдоподобны, по-крайней-мѣрѣ оригинальны.

О лондонскомъ театрѣ намъ рѣдко случается говорить, потому-что обыкновенно онъ существуетъ переводами и передѣлками съ французскаго. Но въ прошедшемъ мѣсяцѣ была въ Лондонѣ поставлена на сцену пьеса изъ египетской исторіи, заслужившая вниманіе публики декораціями и костюмами, въ-точности передающими все, что нынѣ извѣстно о домашней жизни и торжествахъ древнихъ египтянъ. Авторъ пьесы Физболъ (Fitzball), одинъ изъ многочисленныхъ поставщиковъ дюжинныхъ передѣлокъ съ французскаго; мелодрама его называется «Нитокриса».

Нитокриса знаменита въ исторіи тѣмъ, что построила три пирамиды; кромѣ-того, Геродотъ рассказываетъ, что она вышла замужъ за иноземца, который прежде былъ рабомъ, что этотъ бракъ возбудилъ сильное неудовольствіе въ мемфисскихъ вельможахъ и главою недовольныхъ былъ братъ царицы. Чтобъ избавиться отъ враговъ, Нитокриса пригласила ихъ на обѣдъ въ пещерѣ или гротѣ Мемнона, и затопила тамъ водою, проведенною изъ Нила тайнымъ каналомъ. Физболъ составилъ изъ этихъ преданій свою трагедію, дополнивъ ихъ обыкновенными прикрасами мелодрамъ. Въ первомъ актѣ Нитокриса является одною изъ жриць Изиды; она еще не знаетъ своего царственного происхожденія и любитъ Тиграка, эіопскаго царевича, отецъ котораго лишень престола и жизни Месфорою, мемфисскимъ царемъ. Аменофисъ, министръ Месфры, приходитъ въ храмъ Изиды и объявляетъ Нитокрисѣ, что она сестра царя. Во второмъ актѣ, Месфра предлагаетъ сестрѣ выйти за нубійскаго царя, его союзника. Нитокриса не соглашается; она хочетъ остаться вѣрна Тиграку, хотя онъ теперь простой тѣлохранитель при ея особѣ. Тигракъ, увидѣвъ Месфру, узнаетъ въ немъ убійцу своего отца. Мольбы Нитокрисы останавливаютъ руку его, готовую поразить Месфру; но является Кефедъ, братъ Тиграка и совершаетъ мщеніе. Нитокриса дѣлается царицею по смерти брата и выходитъ за Тиграка. Аменофисъ и другіе царедворцы, недовольные владычествомъ чужеземца, составляютъ заговоръ; но Кефедъ открываетъ ихъ злоумышленіе и противники Нитокрисы погибаютъ, затопленные водою, какъ и въ разсказѣ Геродота. Спектакль заключается торжественною процесіею.

Невужно прибавлять, что мелодрама сама-по-себѣ ничтожна; но, какъ первый опытъ доставить публикѣ живое знакомство съ бытомъ древняго Египта, она имѣетъ значительный интересъ. Декораціи въ ней

великолѣпны; костюмы и всѣ подробности обстановки возстановлены по египетскимъ рисункамъ со всевозможною вѣрностью.

Чтобъ продолжать извѣстія, относящіяся къ театру, скажемъ, что m-me Арну Плесси снова явилась на сценѣ Théâtre Français, которую покинула много лѣтъ назадъ, чтобъ провести лучшіе годы своей сценической дѣятельности въ Петербургѣ. Она дебютировала въ «Тартюфѣ» и была принята публикою съ восторгомъ, хотя на этотъ разъ играла хуже обыкновеннаго. Говоря о слѣдующихъ ея спектакляхъ, парижскіе «фельетонисты» утверждаютъ, что она теперь стала въ искусствѣ еще выше, нежели стояла тогда, когда они видѣли ее въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Ристори, эта итальянская артистка, затмившая Рашель, ангажирована на Théâtre Français. По окончаніи выставки, она поѣдетъ на-время въ Лондонъ, гдѣ, конечно, надѣлаетъ столько же «фурора», какъ въ Парижѣ. Между-тѣмъ, соперница, удалившаяся изъ Парижа, чтобъ не видѣть торжества Ристори, Рашель пріѣхала въ Америку, но вовсе не нашла тамъ восторженнаго приема и колоссальныхъ сборовъ, на которые рассчитывала. Американцы сдѣлались очень-разборчивы: въ послѣдніе годы они видѣли столько сценическихъ знаменитостей, что уже перестали приходиться въ экстазъ отъ громкаго имени. Они замѣтили, что Гризи и Маріо потеряли свѣжесть голоса; теперь находятъ, что Рашель играетъ прекрасно, но однообразно и скучно. Кажется, великой артисткѣ надобно будетъ возвратиться въ Европу не съ сотнями тысячъ долларовъ, а съ пустыми карманами, и возвратиться скорѣе, нежели она рассчитывала. Носятся слухи, что она уже разучиваетъ роли въ пьесахъ, которыя будутъ зимою поставлены на сцену парижскаго Théâtre-Français. Путешествіе въ Россію было, какъ видно, послѣднимъ триумфомъ знаменитой артистки.

Вѣрнѣе будетъ успѣхъ Тэккеря, который поѣхалъ въ Америку читать лекціи объ англійской литературѣ и обществѣ въ прошедшемъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго. Онъ, по англійскому обычаю, объѣдетъ всѣ важнѣйшіе города, повторяя въ каждомъ одинъ и тотъ же курсъ, который будетъ состоять изъ четырехъ «чтеній». Особенно интересна эта поѣздка автора «Пенденниса» и «Базара житейской суеты», потому-что англійскіе литераторы провожали его съ чрезвычайною торжественностью; между-прочимъ, данъ былъ въ честь его обѣдъ, на которомъ предсѣдательствовалъ Диккенсъ, принадлежащій къ числу самыхъ горячихъ поклонниковъ и самыхъ искреннихъ друзей своего соперника. Скажемъ кстати, что съ ноября будетъ выходить ежемѣсячно ливрезономъ новый романъ Диккенса «The little Doggit»; онъ будетъ имѣть объемъ «Холоднаго Дома» и «Давида Копперфильда». Зиму Диккенсъ проведетъ съ своимъ семействомъ въ Парижѣ.

Парижская всемірная выставка приходитъ къ концу; присяжные уже кончили назначеніе медалей; скоро, вѣроятно, мы должны будемъ сообщить читателямъ извлеченіе изъ ихъ отчетовъ. По мѣрѣ приближенія дня закрытія выставки, интересъ къ ней, охладѣвшій въ послѣдніе мѣсяцы, сталъ снова пробуждаться; появилось даже желаніе,

чтобъ съ весною она была возобновлена; просьбы объ этомъ довольно-многочисленны; и если онѣ будутъ уважены, чего, впрочемъ, еще нельзя предсказать, то это будетъ шагъ къ обращенію временной выставки въ постоянный музей промышленности.

Мы уже говорили въ прошедшемъ мѣсяцѣ о «галереѣ экономическихъ товаровъ», которая открыта при всемірной выставкѣ въ последнее время; говорили, какъ удивительно-дешевы цѣны вещей въ этой галереѣ и какое всеобщее вниманіе привлекаетъ она; теперь можемъ присоединить къ нашимъ прежнимъ извѣстіямъ интересную исторію этого полезнаго учрежденія, исторію, которая доказываетъ, съ какими страшными затрудненіями должны бороться самыя простыя и самыя прекрасныя мысли, потому-что обыкновенно онѣ-то и грозятъ невыгодами безчисленнымъ спекулянтамъ разнаго рода, пользующимся незнаніемъ публики.

Мысль о выставкѣ дешевыхъ товаровъ родилась у англичанина Твиннинга; но напрасно хлопоталъ онъ о томъ, чтобъ устроить ее въ своемъ отечествѣ: своекорыстіе торговцевъ и робость фабрикантовъ воспротивились осуществленію его мысли. Тогда онъ поѣхалъ во Францію; тамъ его проектъ былъ принятъ правительствомъ; былъ переданъ для исполненія комиссіи общей промышленной выставки. Но изъ членовъ ея только одинъ, Лепле, сочувствовалъ Твиннингу; всѣ остальные были противъ него, и несмотря на декретъ французскаго императора, идея экономической галереи была оставлена.

Между-тѣмъ, черезъ нѣсколько времени послѣ открытія общей промышленной выставки, собрался въ Парижѣ конгрессъ людей, управляющихъ различными благотворительными заведеніями во Франціи, Англіи, Германіи и проч. Лепле, назначенный около того же времени генерал-комиссаромъ правительства при выставкѣ промышленности, и Твиннингъ обратились къ нимъ, объясняя важность своего плана для экономическаго быта бѣдныхъ классовъ. При содѣйствіи конгресса, было рѣшено привести въ исполненіе проектъ Твиннинга, и назначена съ этою цѣлью особенная комиссія. Но это былъ не конецъ, а только начало борьбы противъ корыстолюбія многочисленныхъ торговцевъ, занимающихся продажей платья и другихъ необходимыхъ вещей для простолюдиновъ.

Вопервыхъ, въ администраторахъ общей выставки комиссія встрѣтила прежнюю враждебность. Многихъ хлопотъ стоило Лепле одолѣть препятствія съ этой стороны. Наконецъ были напечатаны и разосланы циркуляры фабрикантамъ и купцамъ. Тогда пришлось нѣтъ дѣла съ такою же враждебностью со стороны большинства экспонентовъ и иностранныхъ комиссаровъ общей выставки. Сопротивленіе было такъ упорно, что проектъ едва не былъ снова покинутъ. Фабриканты говорили: мы работаемъ ткани, мебель и т. д., но не сами продаемъ ихъ по мелочи; между нами и потребителями стоятъ торговцы, которые опасаются потерять свои выгоды, если обнаружатся фабричныя цѣны товаровъ. Лепле успѣлъ внушить имъ, что если торговцы будутъ ими недовольны, то фабрикамъ будутъ доставлены средства обходиться безъ посредничества купцовъ и устроить лавки для про-

даже товаровъ прямо самимъ потребителямъ, и что черезъ это фабриканты выиграютъ, а не проиграютъ. Немногіе согласились; большая часть, напротивъ, никакъ не хотѣла означать на выставленныхъ вещахъ цѣны, чтобъ не поссориться съ торговцами. А къ-чему жъ и выставлять дешевые товары, если не обозначать на нихъ цѣны? Все значеніе экономической галереи основывается на дешевизнѣ. Но склонить фабрикантовъ къ обозначенію цѣны было всего труднѣе. Англійскіе экспоненты и, въ главѣ ихъ, манчестерскіе фабриканты рѣшительно не согласились на это. Изъ французскихъ особенно упорны были фабриканты суконъ. Только благодаря сильнымъ убѣжденіямъ одного изъ важнѣйшихъ торговцевъ сукнамя, двадцать или тридцать фабрикантовъ рѣшились выставить цѣны; всѣ другіе отказались, боясь гнѣва портныхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ не разгнѣвить портныхъ, объявляя, что сукно, за которое берутъ они 18—20 франковъ метръ, продается съ фабрики по 7—8 франковъ?

Кое-какъ, однако, успѣли, наконецъ, побѣдить всѣ препятствія, и экономическая галерея, презрительно-прозванная «грошевою лавочкою» (la boutique à quat'sous), была открыта и сдѣлалась, несмотря на свою неполноту, одною изъ любопытнѣйшихъ, наиболѣе посѣщаемыхъ частей всемирной выставки.

Но и тутъ возникли новыя затрудненія. Надобно было удостовѣриться, что назначенныя цѣны не шарлатанство, а обыкновенныя продажныя цѣны — задача очень-хлопотливая. Лепле и нѣкоторые другіе занялись самымъ точнымъ изслѣдованіемъ этого важнаго обстоятельства; они разсматривали счетныя книги фабрикъ для повѣрки выставленныхъ цѣнъ, и потому на цифры, ими допущенныя, можно положиться.

Дешевизна выставленныхъ вещей, при ихъ прочности и добротѣ, въ-самомъ-дѣлѣ такова, что нужна была строгая повѣрка: иначе цѣны казались бы неправдоподобными. Такъ, напримѣръ, въ Экономической Галереѣ «ланелевыя одѣла есть (безъ прилѣси бумаги) по 90 к. сер., тонкіе и прочные чулки по 95 к. дюжина, очень-хорошія сукна по 8 франк. метръ (1 р. 50 к. аршинъ); есть даже прочныя сукна, довольно-тонкія, по 4 фр. метръ (65 к. сер. аршинъ). Посуда и мебель столь же дешевы. Вообще «Экономическая Галерея» обнаруживаетъ, что простолюдины обыкновенно принуждены платить за покупаемыя вещи вдвое-дороже, нежели продаются онѣ съ фабрикъ.

Положеніе небогатыхъ людей во Франціи становится все болѣе-болѣе затруднительнымъ: съ одной стороны истощаютъ ихъ расходы и убытки, соединенные съ войною, слѣдствія которой — истощеніе капиталовъ и финансовыя кризисы — начинаютъ ужъ тяготѣть надъ государствомъ и частными людьми; съ другой стороны, къ этиимъ бѣдствіямъ присоединяется дороговизна състныхъ припасовъ — слѣдствіе неурожая, который оказывается значительнѣе, нежели полагали: нынѣ цѣна муки въ Парижѣ вдвое выше обыкновенной. Противъ этого бѣдствія, вѣроятно, будутъ безсильны всѣ усилія; но относительно другаго необходимѣйшаго товара — мяса, приняты мѣры, которыя принесутъ нѣкоторую пользу: торговля мясомъ въ Парижѣ до-сихъ-

поръ находилась въ рукахъ немногихъ спекулянтовъ, которые назначали произвольныя цѣны; теперь мясо будетъ въ Парижѣ продаваться по таксъ, назначаемой правительствомъ, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ Петербургѣ; надобно было бы дивиться только тому, что давно не введена эта мѣра; но исторія «Галереи дешевыхъ товаровъ» показываетъ, какъ сильны спекулянты. Особенное облегченіе для жителей доставляетъ новый порядокъ тѣмъ, что запрещенъ обычай, введенный мясниками, класть въ число покупаемаго мяса голыя кости, что называлось въ насмѣшку *réjouissance*.

И война, и выставка, и предстоящій голодъ, и Арну-Плессис были на нѣсколько дней забыты парижанами для дивнаго зрѣлища, которое обѣщала имъ афиша, объявлявшая, что испанецъ Дженнаро предлагаетъ любителямъ лошадей вызовъ: найти скакуна, который могъ бы бѣжать въ запуски съ нимъ, испанцемъ Дженнаро. Вызовъ былъ принятъ; въ гипподромъ стеклись тысячи народа, и Дженнаро дѣйствительно обогналъ всѣхъ лошадей, или, выражаясь точнѣе, не обогналъ, а пробѣжалъ, не переводя духа, столько миль, что всѣ лошади, слѣдовавшія за нимъ, пали на пути отъ изнуренія, а онъ все еще бѣжалъ и бѣжалъ впередъ съ изумительною легкостью. Впрочемъ, если мы вспомнимъ исторію Селькирка, который, будучи оставленъ на пустынномъ островѣ, пріучился, чтобъ не умереть съ голода, догонять дикихъ козъ, то увидимъ, что Дженнаро еще не достигъ крайнихъ предѣловъ быстроты и неутомимости, возможной для человѣка. Селькиркъ могъ бы не только пробѣжать большее пространство, нежели лошадь, но и пробѣжать его быстрѣе лошади.

Не менѣе подвиговъ Дженнаро занимаетъ эlegantное общество довольно-оригинальный процессъ, который теперь производится въ парижскомъ апелляціонномъ судѣ.

Маркизь Эвораменте, потомокъ одной изъ знатнѣйшихъ итальянскихъ фамилій, влюбился въ донью Прахедесъ, мужъ которой былъ тогда въ Бразиліи, между-тѣмъ, какъ она оставалась въ Лиссабонѣ. Донья Прахедесъ родила сына; маркизь Эвораменте клялся не жениться и оставить въ наслѣдство дитяти доньи Прахедесъ все свое богатство и усыновить его; но законъ не позволяетъ усыновленія такого рода. Маркизь рѣшился прибѣгнуть къ хитрости. Онъ уѣхалъ изъ Лиссабона въ Коимбру, распустивъ слухъ, что хочетъ жениться. Это удивляло друзей Эвораменте, знавшихъ о его связи съ доньею Прахедесъ. Въ Коимбрѣ маркизь пріѣхалъ къ доктору городскаго госпиталя и спросилъ, нѣтъ ли у нихъ въ больницѣ кзкой-нибудь дѣвушки, которая должна скоро умереть. «Да, у насъ въ госпиталѣ есть дочь одного отставнаго офицера, которая страдаетъ чахоткою въ послѣдней степени развитія. Она не проживетъ полгода». — «Познакомьте меня съ отцомъ этой дѣвушки. Я маркизь Эвораменте и хочу на ней жениться». — Докторъ разинулъ ротъ; но маркизь объяснилъ ему свои мысли, и черезъ полчаса они были у дна Мондего, отца чахоточной дѣвушки. Маркизь сказалъ бѣдному старику, что назначить ему пенсію и женится на его дочери съ условіемъ, чтобъ тотчасъ послѣ брака она усыновила *своего* сына, шестилѣтняго маль-

чика. Условіе принято, свадьба совершена, вслѣдъ за нею и усыновленіе. Молодая маркиза поѣхала жить въ одно изъ помѣстій мужа, въ провинціи Беиръ; маркизъ и донья Прахедесъ отправились въ Парижъ. Черезъ два года, когда маркизъ уже считалъ свою жену умершею, въ его парижскій отель явилась дама, и объявила ему, что она — его супруга. Удобства жизни и здоровый деревенскій воздухъ совершенно излечили ея болѣзнь, и она пріѣхала жить съ своимъ мужемъ. Маркизъ отвѣчалъ, что онъ вовсе не намѣренъ жить съ нею, и женился только для того, чтобъ имѣть право усыновить свое дитя отъ доньи Прахедесъ. Тогда маркиза подала просьбу о томъ, чтобъ ей былъ возвращенъ ея сынъ, коварно-увезенный ея мужемъ, который покинулъ законную жену для доньи Прахедесъ, неимѣющей никакихъ правъ и, вѣроятно, неимѣющей желанія заниматься воспитаніемъ чужаго ребенка, противъ воли его матери. Будетъ отданъ ребенокъ женщинѣ, которая о-фициально носитъ имя матери, или оставить его истинной матери—вотъ вопросъ, который привелъ бы въ затрудненіе, еслибъ не видно было, что просительница требуетъ у своего мужа вовсе не ребенка, а просто—денегъ, и что процессъ кончится, безъ-сомнѣнія, полюбовной сдѣлкойю.

Но пора перейти отъ этихъ слуховъ, болѣе или менѣе ничтожныхъ, къ болѣе-серьезнымъ новостямъ. Прошедшіе мѣсяцы были временемъ многочисленныхъ ученыхъ конгрессовъ. Мы уже упоминали о годичномъ собраніи «Британскаго Общества», и нынче представляемъ перечень любопытнѣйшихъ изъ прочитанныхъ въ немъ записокъ; кромѣ-того, въ августѣ или сентябрѣ былъ въ Парижѣ статистическій конгрессъ, занимавшійся преимущественно вопросами о введеніи большаго единообразія въ способы собиранія статистическихъ данныхъ въ различныхъ странахъ. Въ Ульмѣ собирався конгрессъ нѣмецкихъ историковъ и археологовъ, на которомъ, кажется, не было сдѣлано ничего замѣчательнаго. — Кстати, скажемъ о предпріятіи одного шведскаго ученаго, который хочетъ представить филологамъ нѣчто въ-родѣ лингвистическаго конгресса. Этотъ полиглоттъ, г. Зеттерквистъ, готовится издать книгу, заключающую переводъ одного и того же текста на всевозможные, древніе и новые, языки и нарѣчія. Оригиналомъ для своихъ переводовъ избралъ онъ народную финскую пѣсню, въ которой выражаются чувства и понятія самыя простыя, извѣстныя самымъ необразованнымъ племенамъ, и потому легко могущія въ-точности быть переданными на самыя грубыя нарѣчія. Вотъ переводъ этой пѣсни:

«Ахъ! еслибъ пришелъ мой милый, съ которымъ видалась я прежде, еслибъ онъ снова пришелъ, тотчасъ я поцаловала бы его въ губы, хотя бы онъ были покрыты кровью волка; горячо схватила бъ его руку, хотябъ змѣи обвились около его пальцевъ. Ахъ! еслибъ у вѣтра былъ смыслъ, еслибъ свѣжее дыханье весны умѣло говорить, оно полетѣло бы за словомъ къ нему, принесло бы слово отъ него, «поспѣшило бы съ вѣстью отъ милаго къ милой. И скорѣе брошу я самую сладкую їду, скорѣе забуду жареное мясо, чѣмъ покину

«много моей души, котораго я обвиняла дѣломъ, котораго держала «подъ себя зяцою».

Зеттервичистъ собралъ уже около пятисотъ переводовъ этой пѣсни на различныя нарѣчя, и будетъ увеличивать свой сборникъ до конца слѣдующаго года. Вотъ нѣкоторые изъ языковъ, на которые уже переведенъ избранный имъ оригиналъ: финскія и лапонскія нарѣчя, ревельское и дерптское нарѣчя эстонскаго языка, летскій языкъ, востокскій, зырянскій, черемисскій языки; нѣсколько цыганскихъ нарѣчій; всѣ главнѣйшія славянскія нарѣчя; множество провинціальныхъ нарѣчій нѣмецкаго, французскаго и другихъ западно-европейскихъ языковъ; языки савскритскій, китайскій, готтентотскій, кафрскій, отантскій; множество древнихъ и новыхъ семитическихъ нарѣчій и проч. Русскіе филологи могутъ оказать прекрасное содѣйствіе этому полезному предпріятію, сообщивъ переводы на извѣстныя имъ нарѣчя, которыхъ еще недостаетъ въ сборникъ, напримѣръ, различныя татарскаго и молдавскаго языковъ.

Прежде нежели перейдемъ къ чисто-ученымъ извѣстіямъ, сообщимъ здѣсь нѣсколько статистическихъ извѣстій о состояніи журналистики въ различныхъ странахъ.

Въ «Географическихъ извѣстіяхъ» издаваемыхъ докторомъ Петерманномъ, мы находимъ таблицу количества газетъ, издающихся въ Соединенныхъ Штатахъ, съ обозначеніемъ общаго числа экземпляровъ, и всей суммы печатныхъ листовъ бумаги, употребленныхъ на нихъ годичное изданіе за прошедшій годъ. Представляемъ здѣсь важнѣйшія цифры изъ этой таблицы. Первые мѣста по живости своей газетной дѣятельности занимаютъ штаты :

	ЧИСЛО ГАЗЕТЪ	КОЛИЧЕСТВО ЭК- ЗЕМПЛЯРОВЪ.	КОЛИЧЕСТВО ЛИСТОВЪ, УПОТРЕБЛЕННЫХЪ НА ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ.
Луизиана	55	80,847	12,416,324
Мерилэндъ	68	124,287	19,612,724
Огіо	261	415,109	30,473,407
Массачусетсъ	209	716,969	64,820,564
Пенсильванія	310	983,218	84,898,672
Нью-Йоркъ	428	1,622,779	115,385,472

Во всѣхъ 32 штатахъ и 4 террито-
ріяхъ.

2,526

5,183,017

426,409,978

Полагая на каждое семейство круглымъ числомъ по 5 человекъ, и считая въ Соединенныхъ Штатахъ 25,000,000 жителей, мы увидимъ, что въ Сѣверной Америкѣ почти каждое семейство выписываетъ какую-нибудь газету.

Въ Великобритани и Ирландіи существовало въ прошедшемъ году 516 периодическихъ изданій, для годичнаго изданія которыхъ потребовалось около 90 милліоновъ листовъ.

Въ Нью-Йоркѣ, имѣющемъ 850,000 жителей, издается 120 газетъ и журналовъ, потребляющихъ 80 милліоновъ листовъ бумаги; между-тѣмъ, какъ въ Лондонѣ, имѣющемъ около 2,400,000 жителей, суще-

стываетъ только 94 періодическихъ изданій, потребляющихъ только 53 милліона листовъ.

Въ 1841 году число англійскихъ періодическихъ изданій было 505, а въ 1851 году 1,091; такимъ образомъ въ теченіе десяти лѣтъ количество ихъ удвоилось. Въ 1801 году политическія газеты потребовали 16 милліоновъ листовъ бумаги; въ 1811 г. — 24 мил. л.; въ 1821 г. — 25 милліоновъ (незначительность этого приращенія надобно объяснить тѣмъ, что въ 1801—1811 годахъ событія были гораздо важнѣе и интереснѣе, нежели около 1820); въ 1831 г. — 31,000,000; въ 1841 г. — 60,750,000; наконецъ въ 1851 г. — около 90,000,000. Колоссальное расширеніе вліянія газеты Times принадлежитъ особенно двумъ послѣднимъ десятилѣтіямъ; нынѣ она потребляетъ до 9,000,000 листовъ въ годъ, а въ 1837 только 3,500,000.

Въ прошедшемъ году, общее количество періодическихъ изданій въ Германіи было 2025, въ томъ числѣ 403 политическихъ газетъ и 1622 другихъ журналовъ и газетъ. Книжныхъ лавокъ въ Германіи было въ то же время до 2000; типографій — 1679 и, кромѣ того, 1119 литографій. Книгъ на нѣмецкомъ языкѣ выходитъ ежегодно среднимъ числомъ до 10,000; конечно, около половины этой суммы составляютъ маленькія брошюры.

Кстати, вотъ извѣстія о состояніи нѣмецкихъ университетовъ. Въ концѣ прошедшаго они имѣли слѣдующее число студентовъ:

У Н И В Е Р С И Т Е Т Ы :

Мюнхенскій	1731	Галльскій	629
Берлинскій	1484	Эрлангенскій	521
Бреславльскій	823	Гессенскій	378
Вюрцбургскій	818	Иенскій	378
Лейпцигскій	813	Фрейбургскій	344
Боннскій	765	Марбургскій	251
Гёттингенскій	713	Грейфсвальдскій	222
Гейдельбергскій	695	Ростокскій	92
Тюбингенскій	693		
		Всего 11,300	

— «Британское Общество для содѣйствія успѣхамъ науки» состоитъ изъ отдѣленій математическихъ и естественныхъ наукъ, химіи, геологій, зоологій и ботаники, географіи и этнологіи, статистики и наконецъ механики. Въ засѣданіяхъ каждаго изъ этихъ отдѣленій было прочитано по нѣсколько десятковъ записокъ, и было бы слишкомъ утомительно перечислять ихъ. Мы ограничимся краткимъ указаніемъ содержанія только немногихъ, представляющихъ болѣе общаго интереса.

По «Отдѣленію Математическихъ и Естественныхъ Наукъ» было прочитано много важныхъ записокъ объ электро-магнитизмѣ, объ электро-магнитныхъ телеграфахъ, о телескопахъ. — Ничоль (Nichol) прочелъ записку, въ которой доказываетъ, что, при настоящемъ состояніи нашихъ наблюденій надъ поверхностью луны, возможно ужъ различать на ней различныя періоды формаций и наслоеній, такъ-что есть ужъ нѣкоторыя данныя для геологической (если можно такъ выразиться) исторіи луны. — Изъ наблюденій надъ двойною звѣздою въ со-

звѣздіи Змѣеносца, Якобъ (Jacob) выводитъ заключеніе, что, кромѣ двухъ свѣтлыхъ небесныхъ тѣлъ, обращающихся одно вокругъ другаго, къ системѣ этой звѣзды должно принадлежать еще темное тѣло. — Извѣстный путешественникъ (нынѣче адмиралъ) Россъ описалъ приборъ, который онъ сдѣлалъ для подтвержденія опытомъ своей теоріи сѣвернаго сіянія. Нынѣче обыкновенно приписываютъ это явленіе силѣ магнетизма земнаго шара; Россъ, напротивъ, думаетъ, что оно производится отраженіемъ лучей солнца, находящагося подъ горизонтомъ, въ льдистыхъ облакахъ. Чтобы испытать вѣрность этого объясненія, онъ сдѣлалъ большой глобусъ и у полюсовъ его, на небольшомъ разстояніи отъ поверхности, помѣстилъ слой стекла, встертаго въ порошокъ; освѣщая въ темной комнатѣ этотъ полюсъ лампою, онъ, при извѣстномъ положеніи лампы и глаза, видѣлъ на стеклянномъ порошокѣ (соотвѣтствующемъ льдистому облаку) отраженіе, подобное феноменамъ сѣвернаго сіянія. — Браунъ (Brown) читалъ записку о новоустроенной обсерваторіи въ Травенкорфъ, на Августовой Горѣ, на высотѣ 6200 футовъ. Крутизны огромной горы и проч. представляли ужасныя затрудненія доставленію строительныхъ матеріаловъ на избранное мѣсто; матеріалы эти поднимались на канатахъ; работники часто разбѣгались отъ холода; но теперь обсерваторія построеная и, вѣроятно, окажетъ важныя услуги, благодаря своему необычайно-выгодному положенію выше дождевыхъ тучъ, среди прозрачѣйшей атмосферы.

Кстати упомянемъ здѣсь, что 5-го октября парижскій астрономъ Гольдсмитъ открылъ новую планету, принадлежащую къ числу астероидовъ, обращающихся между Марсомъ и Юпитеромъ. По порядку открытія, гольдсмитова планета 36-я въ этой группѣ. Она еще не получила названія, и въ краткомъ увѣдомленіи объ открытіи не показаны еще элементы ея орбиты.

По Отдѣленію Химіи особенно-интересны были замѣчанія Либиха объ алюминіи (металлѣ, добываемомъ изъ глины), о новой формѣ циановой кислоты, о печеніи хлѣба съ наибольшимъ сохраненіемъ питательныхъ началъ муки. Изъ трудовъ другихъ ученыхъ замѣтимъ отчетъ Андрюса (Andrews) о наблюденіяхъ надъ разложеніемъ воды силою атмосфернаго электричества. Оно разлагаетъ пары, носящіяся въ воздухѣ, въ количествѣ едва-доступному наблюденію (приборъ, устроенный Андрюсомъ, давалъ въ сутки количество газовъ, происходящее отъ разложенія одной тридцати-тысячной части грана воды), но тѣмъ не менѣе опыты оправдываютъ теорію, предполагающую, что атмосферное электричество должно оказывать на воду дѣйствіе, соразмѣрное своему напряженію. Профессоръ Рэмси (Ramsay) изложилъ способъ получать фотографическій рисунокъ прямо на литографическомъ камнѣ, также на изготовленныхъ для гравированія мѣдныхъ и стальныхъ доскахъ. Мы не будемъ входить въ техническія подробности, которыя завлекли бы насъ слишкомъ-далеко, и замѣтимъ только, что операціи, которымъ подвергается при этомъ способѣ камень или металлъ, немногочисленны. Ковертъ (Calvert) представилъ образцы сплава алюминія съ желѣзомъ. Алюминій такъ сильно про-

тивостоятъ ржавчинѣ, что сплавъ одной части его съ тремя частями желѣза не подвергается ржавчинѣ даже въ парахъ воды.

Отдѣленіе Геологій. Большая часть прочитанныхъ изслѣдованій относилась къ различнымъ формациямъ и ископаемымъ остаткамъ, представляемымъ Великобританіею и различными областями Соединенныхъ Штатовъ. Не перечисляя ихъ, упомянемъ только, что, между-прочимъ, Дэрлингъ (Darling) изложилъ замѣчанія «о вѣроятной глубинѣ океана въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ». Извѣстно, что прямыми опытами опредѣлить ее до-сихъ-поръ не могли: самый тяжелый лотъ на самой длинной веревкѣ не достигаетъ дна въ глубочайшихъ мѣстахъ. По мнѣнію Дэрлинга, наибольшая глубина океана должна простираться до трехъ или трехъ съ половиною географическихъ миль.—Кембель (Campbell) читалъ записку о золотосодержащихъ формаціяхъ, въ которой выразилъ мнѣніе, что добываніе золота должно въ скоромъ времени чрезвычайно расширяться, потому-что этотъ металлъ находится во всѣхъ первозданныхъ породахъ и надобно только проникнуть въ глубину почвы, чтобъ находить его повсюду. Мурчисонъ возражалъ на это, что, напротивъ, только близъ самой поверхности земли или, лучше сказать, на поверхности земли золото разсыяно въ болѣе-обильномъ количествѣ, и чѣмъ глубже проникаютъ искатели его, тѣмъ бѣднѣе становится содержаніе золота въ землѣ, такъ-что издержки добыванія начинаютъ превышать цѣнность добычи. По мнѣнію Мурчисона, въ Австраліи добываніе золота уже клонится къ упадку, хотя конечно еще нѣсколько лѣтъ будетъ доставлять значительныя массы этого металла. Лучшіе прииски въ этой странѣ уже истощены. Несмотря на весь шумъ, какой надѣлало въ послѣднее время богатство калифорнскихъ и австралійскихъ золотыхъ россыпей, Мурчисонъ подтверждаетъ фактами справедливость старинной испанской поговорки, придуманной въ рудникахъ Перу и Мексики: «кто хочетъ разбогатѣть, копай мѣдь; кто хочетъ остаться при своихъ деньгахъ, копай серебро; кто хочетъ разориться, копай золото».

Отдѣленіе Зоологій и Ботаники. Кромѣ описанія множества новооткрытыхъ породъ животныхъ и растеній, въ этомъ отдѣленіи были, между-прочимъ, сообщены извѣстія о новыхъ микроскопахъ съ особеннымъ устройствомъ, приспособленныхъ къ физиологическимъ наблюденіямъ; объ искусственномъ разведеніи рыбы, предметъ, чрезвычайно занимающемъ нынѣ зоологовъ. Моррэ (Murray) представилъ очеркъ открытій, сдѣланныхъ въ зоологій новѣйшими путешественниками по Западной Африкѣ. Изъ этого перечня видно, между-прочимъ, что въ Африкѣ найдено много породъ животныхъ, которыя прежде считались принадлежащими исключительно Южной Америкѣ. Интересны свѣдѣнія о томъ, что туземцы пользуются электрическою силою *Malapterurus Beninensis* для излеченія нѣкоторыхъ дѣтскихъ болѣзней: рыбу сажаютъ въ чанъ съ водою, туда же ставятъ ребенка и велютъ ему играть съ рыбою. Любопытна также порода рыбы (въ Фернандо-По), которая можетъ довольно-долго оставаться внѣ воды; она взбирается на отлогій берегъ, при помощи переднихъ плавательныхъ перьевъ, которыми дѣйствуетъ наподобіе ногъ, и сидитъ на берегу, важно озиръ

раисъ кругомъ своими огромными глазами. Эта рыба принадлежитъ къ семейству Lophius.—Клауссенъ (Claussen) читалъ записку о своихъ опытахъ съ цѣлью приискать для дѣлнія бумага новый дешевый матеріалъ—вопросъ, сильно-возбужденный нынѣ возрастающею дороговизною и недостаткомъ тряпья. Послѣ неудачныхъ опытовъ медъ множествомъ растений (одни изъ нихъ, напримѣръ конопляныя растенія, слишкомъ—дороги, другія даютъ бумагу, негодную для письма и печатанія). Клауссенъ вспомнилъ о знаменитомъ папирусѣ и нашелъ, что изъ этого растенія выходитъ превосходная бумага. Но папирусъ растетъ только въ Египтѣ, и въ количествѣ недостаточномъ для удовлетворенія потребности въ бумагѣ; тогда Клауссенъ издумалъ, что, быть можетъ и другія породы тростника раздѣляютъ съ папирусомъ свойство давать хорошаго матеріалъ для бумаги. Его надежды совершенно оправдались опытомъ: обыкновенныя въ Англіи и другихъ европейскихъ странахъ породы тростника (*Juncus effusus* и другія) даютъ прекрасную бумагу, которая по своей добротѣ превосходитъ приготовляемую нынѣ изъ тряпья. Одинъ пудъ тростника даетъ столько же тѣста для бумаги, сколько даютъ два пуда конопли, такъ—что изъ 100 фунтовъ растенія получается 40 фунтовъ бумаги. Если эти слова не содержатъ въ себѣ преувеличенія, то, благодаря тростнику, мы будемъ чрезъ нѣсколько времени имѣть книги во цѣнѣ еще болѣе-дешевой, нежели нынѣ. Столь же важно для промышленности другое открытіе Клауссена: смѣшивая гутта-перчу или резину съ крахмаломъ, клейковиною и дубильнымъ веществомъ, онъ успѣлъ придать этимъ веществамъ твердость рога, сохраняя драгоценныя ихъ качества: упругость, тягучесть и проч. Онъ увѣренъ даже въ томъ, что найдетъ способъ составлять смѣсь изъ гутта-перчи и желѣза, которая будетъ обладать твердостью металла и гибкостью гутта-перчи. Нѣтъ надобности говорить, какую пользу могутъ привести эти вещества.

Отдѣленіе Географіи и Этнологіи занималось преимущественно разсужденіями о результатахъ новыхъ изслѣдованій Центральной Африки. Между-прочимъ, были здѣсь прочитаны отчеты о путешествіяхъ Баки, Барта, Андерсона. Мы въ свое время сообщали важнѣйшія изъ извѣстій объ этихъ экспедиціяхъ, потому не будемъ повторять подробностей, болшею-частью уже извѣстныхъ нашимъ читателямъ.

Записки, читанныя по Отдѣлу Статистики, относились по-большей-части къ вопросамъ второстепенной важности. Чрезвычайно-живой интересъ былъ возбуждаемъ вопросомъ о введеніи десятичной (французской) системы въ англійскую монету, вѣсъ и мѣры.

Отдѣленіе Механики. Особенное вниманіе членовъ обращали на себя вопросы о паровыхъ машинахъ и объ артиллерійскихъ орудіяхъ. Между-прочимъ, всѣ жаловались на то, что бронза, изъ которой нынѣ дѣлаются англійскія пушки, очень дурнаго качества, такъ—что вмѣсто 700 выстрѣловъ, которые должно выдерживать мѣдное орудіе, многія пушки становятся негодными къ употребленію послѣ 100 выстрѣловъ. Изъ предположенныхъ усовершенствованій замѣтаемъ

мысль: делать конические штуцерны пули съ пороховою начинкою, подобие бомбъ.

Заключая этимъ обзоръ заседаній Британскаго Общества, переходитъ къ другимъ ученымъ извѣстиямъ.

Нѣмецкій путешественникъ Ребманъ, занимающійся изслѣдованіемъ южной половины Центральной Африки, прислалъ описание важнаго открытія, сдѣланнаго имъ въ началѣ нынѣшняго года. Ребману удалось узнать отъ туземцевъ, что такъ-называемое озеро Ниасса есть только часть огромнаго внутренняго моря, занимающаго, по опредѣленію Ребмана, площадь между экваторомъ и 10° южной широты, и 23° — 30° долготы отъ Гринича. Основываясь на показаніяхъ туземцевъ, ученый миссіонеръ составилъ карту этого моря, вдвое-превосходящаго своимъ объемомъ Черное Море, и называющагося у однихъ племенъ Укевере, у другихъ—Упамези. По словамъ нѣмецкаго географа Петермана, сообщающаго это извѣстіе, если показанія, на которыхъ основана карта Ребмана, и несомѣнно совершенно вѣрны, то не остается, однакожъ, сомнѣнія въ существенномъ ихъ содержаніи: бассейны водъ въ Африкѣ на югъ отъ экватора, о которыхъ дошли до европейцевъ слухи, и одинъ изъ которыхъ былъ означенъ на картахъ подъ именемъ озера Ниаussy, а другой подъ именемъ озера Мѣнемѣзи, составляютъ только части одного огромнаго внутренняго моря.

Въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ мы нашли статью о значеніи для науки различныхъ трудовъ Александра Гумбольдта. Авторъ статьи посылалъ ее на просмотръ къ знаменитому естественному изслѣдователю, въ то же время прося его исправить біографическія извѣстія, помѣщенные въ началѣ статьи. Гумбольдтъ замѣнилъ ихъ краткою автобіографіею, въ которой говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Записка эта содержитъ много фактовъ, которые доселѣ не были извѣстны, особенно относительно первой половины жизни Гумбольдта, до отправленія въ Америку; потому она показала намъ заслуживающею вниманія читателей, и мы помѣщаемъ ее въ нашемъ обзорѣ.

На десятомъ году Гумбольдтъ лишился отца, который въ Семилѣтнюю Войну былъ, въ чинѣ майора, адъютантомъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, а потомъ королевскимъ (прусскимъ) камергеромъ. Вместе съ своимъ старшимъ братомъ Вильгельмомъ онъ получилъ въ материнскомъ домѣ основательное ученое образованіе, подъ руководствомъ талантливаго губернѣра, впоследствии обер-регентскаго, Кунта. Частные уроки братьямъ давалъ: изъ математики—Фишеръ, изъ философіи—Энгель, изъ политическихъ наукъ—Дромъ. Осенью и зимою 1787—1788 года Гумбольдтъ слушалъ лекціи во Франкфуртскомъ Университетѣ; слѣдующій годъ провелъ опять въ Берлинѣ, изучая приложенія технологии къ промышленности и, по призыву брата, серьезно занимаясь греческимъ языкомъ. Въ это время онъ подружился съ молодымъ, но ужъ знаменитымъ ботаникомъ Вильденовомъ, и почувствовалъ въ себѣ особенную охоту къ изслѣдованію таинственныхъ растений и многочисленнаго семейства злаковъ. Весною 1789 года отправился онъ въ Геттингенскій Университетъ;

богатыми учеными сокровищами котораго пользовался въ-теченіе цѣлаго года. Тамъ посѣщалъ онъ съ своимъ братомъ (который вскорѣ поѣхалъ вмѣстѣ съ Кампе въ Парижъ, черезъ нѣсколько недѣль по взятіи Бастиліи) филологическія лекціи Гейне. Первымъ опытомъ литературныхъ его трудовъ было небольшое сочиненіе о тканяхъ у Грековъ (Ueber die Webereien der Griechen); оно не явилось въ печати, но было въ 1794 году посылаемо на разсмотрѣніе Ф. А. Вольфу (что видно изъ корреспонденціи Вильгельма Гумбольдта). Любовь его къ естественной исторіи поддерживалась въ Гёттингенѣ уроками Блуменбаха, Бекмана, Лихтенберга и Линка, путешествіями въ Гарцъ и по берегамъ Рейна. Плодомъ послѣдней поѣздки было первое напечатанное сочиненіе Гумбольдта «О прирейнскихъ базальтахъ, съ изслѣдованіями о сіэнитѣ и басанитѣ древнихъ» (Ueber die Basalte am Rhein). Весною и лѣтомъ 1790, Гумбольдтъ сопровождалъ Георга Форстера (который вмѣстѣ съ его отцомъ участвовалъ во второмъ путешествіи Кука) въ его быстрой, но чрезвычайно-поучительной поѣздкѣ изъ Майнца по Бельгіи, Голландіи, Англии и Франціи. Это знакомство, благосклонность сэра Дж. Бенкса, и внезапно-пробудившаяся сильная страсть къ морскимъ путешествіямъ и посѣщенію тропическихъ земель, имѣли самое живое вліяніе на намѣренія Гумбольдта, которыя осуществились только по кончинѣ его матери. Въ іюль 1790 г., возвратившись изъ Англии въ Германію, и все еще будучи предназначенъ къ практической карьерѣ по финансовой части, онъ отправился въ Гамбургскую Коммерческую Академію Бюша и Эбелинга, чтобъ слушать лекціи объ обращеніи капиталовъ, изучить бухгалтерію и конторскую часть. Стеченіе молодыхъ людей изъ всѣхъ европейскихъ земель представляло въ этой академіи благопріятнѣйшій случай къ упражненію въ живыхъ языкахъ; знакомство съ Клопштокомъ, Фоссомъ, Клавдіусомъ и братьями Штольбергами придавало новую пріятность и пользу жизни въ Гамбургѣ. Проведя пять мѣсяцевъ въ Берлинѣ и въ Тегелѣ, гдѣ жила его мать, Гумбольдтъ наконецъ получилъ позволеніе измѣнить свою карьеру и, сообразно своему страстному желанію жить внѣ города, среди природы, посвятить себя горному дѣлу. Между-тѣмъ онъ продолжалъ свои ботаническія экскурсіи съ Вильденовомъ, много работая въ «Ботаническомъ Журналѣ» Устери, и при опытахъ надъ почками растений открылъ возбуждающую силу хлора, столь изумительно-ускоряющую растительный процессъ. Въ іюнь 1791 отправился Гумбольдтъ въ Фрейбургскую Горную Академію, гдѣ слушалъ частные уроки у Вернера, и приобрѣлъ дружбу Фрейслебена, Леопольда фон-Буха и Андрея дель-Ріо, котораго черезъ двѣнадцать лѣтъ нашелъ жителемъ Мехики. Плодомъ восьмимѣсячнаго пребыванія въ горныхъ областяхъ Эрца было описаніе подземныхъ тайнобрачныхъ растений и опыты надъ зеленымъ цвѣтомъ львинобрачныхъ растений, удаленныхъ отъ солнечнаго свѣта и живущихъ въ атмосферѣ газовъ, неудобныхъ для дыханія (впрочемъ, въ печати явились *Flora subterranea Fribergensis et arborismi ex physiologia chemica plantarum* только въ 1793 году). Съ Фрейслебеномъ издалъ Гумбольдтъ первое геогностическое описаніе средняго богеж-

скаго хребта. Еще въ февраль 1792 года, благодаря расположенію министра фон-Гейница, онъ былъ назначенъ ассессоромъ Горнаго Департамента, а въ іюль сопровождалъ этого министра въ Байрейтъ и получилъ порученіе изслѣдовать байрейтскіе горныя заводы. По своему желанію заниматься исключительно подземными работами, былъ онъ назначенъ обербергмейстеромъ въ Фихтельгебирге, въ франконскихъ княжествахъ, и поселился въ горномъ мѣстечкѣ Штебенъ. Пять лѣтъ (1792—1797) управлялъ онъ горными заводами, будучи, впрочемъ, безпрестанно занимаемъ другими, очень-разнородными порученіями. Такъ, осенью 1793 года, онъ изслѣдовалъ верхнебаварскія, зальцбургскія и галиційскія соляныя копи и заводы для выварки соли; лѣтомъ 1794 г. опять былъ посылаемъ съ подобнымъ порученіемъ въ Кольбергъ, Нетцкій Округъ, на берега Вислы и въ Южную Пруссію. Политическія и военныя событія неожиданно увлекли Гумбольдта, по возвращеніи изъ Познани, на берега Рейна; именно, въ 1794 г. Пруссія, въ союзѣ съ Англіею и Голландіею, начала войну противъ Французской Республики, и министръ, управлявшій франконскими герцогствами, фон-Гарденбергъ, отправился во Франкфуртъ-на-Майнѣ для переговоровъ относительно субсидій съ англійскимъ и голландскимъ посланниками, лордомъ Момсбери и адмираломъ Кинкелемъ; онъ просилъ Гумбольдта, пользовавшагося его довѣріемъ и дружбою, сопровождать его, желая поручить Гумбольдту завѣдываніе своею перепискою и сношенія съ фельдмаршаломъ фон-Мёллендорфомъ. Эти дѣла удерживали Гумбольдта въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ и только въ октябрѣ 1794 возвратился онъ въ байрейтскіе заводы, гдѣ ревностно продолжалъ свои химическія изслѣдованія относительно состава воздуха въ рудникахъ и опасные опыты надъ изобрѣтенною имъ неугасающею лампою, и снарядомъ, облегчающимъ дыханіе среди вредныхъ газовъ. Лѣтомъ и осенью 1795 г. совершилъ онъ геогностическое путешествіе черезъ Тироль въ Венецію, по Ломбардіи и Швейцаріи, въ приятномъ обществѣ своихъ друзей, Рейнгарда фон-Гетена и Фрейслевена. Еще съ 1792 г., когда, при первой поѣздкѣ своей въ Вѣну, узналъ онъ объ удивительномъ открытіи Гальвани, собиралъ Гумбольдтъ матеріалы для своего большаго сочиненія «О раздраженіи мускуловъ и нервъ, съ предположеніями о химическомъ жизненномъ процесѣ въ растительномъ и животномъ царствахъ» (Ueber die gereizte Muskel- und Nervenfaser), оно вышло въ 1797 г., въ двухъ томахъ, и издано самимъ Гумбольдтомъ, а не Blumenбахомъ, который даже и не видѣлъ его въ рукописи. Путешествуя по Италіи, Гумбольдтъ познакомился съ Вольтою и Скарпою. Съ ноября 1795 до февраля слѣдующаго года жилъ онъ опять на горныхъ заводахъ. Тяжкія страданія больной матери заставили его провестъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Берлинѣ. Внезапное вторженіе Моро въ Герцогство Виртембергское внушило прусскому королю опасеніе, что владѣнія князей Гогенло, въ которыхъ было съ 1791 года одно изъ сборныхъ мѣстъ французскихъ эмигрантовъ, могутъ пострадать отъ арміи Моро или Журдана. Надѣялись, однако, убѣдить французскаго полководца, чтобъ онъ призналъ эти владѣнія неприкосновен-

выши, какъ находящіяся подъ покровительствомъ Пруссіи, съ которою Франція послѣ 1795 года была въ искренней дружбѣ. Гумбольдту было поручено отправиться во французскій лагерь, находившійся въ Швабіи. Это было вскорѣ послѣ сраженія при Каннштадтѣ, и на дорогѣ Гумбольдтъ видѣлъ генерала Сен-Сира, рекогносцирующаго расположеніе враговъ съ воздушнаго шара, пущеннаго на веревкахъ. При кротости характера, отличавшей Моро, Гумбольдту легко было въ нѣсколько дней достигъ цѣли своего посольства. Онъ имѣлъ удовольствіе встрѣтить во французскомъ лагерѣ генерала Дезэ, который уже тогда, за четырнадцать мѣсяцевъ до кампо-Формійскаго мира, зналъ о предполагаемомъ походѣ Бонапарте въ Египеть, и часто угаваривалъ Гумбольдта, оставивъ мысль о тропическихъ странахъ Новаго Свѣта, сопровождать эту французскую экспедицію. Возвращеніе изъ французскаго лагеря, черезъ лѣсъ, по которому были разбросаны въ безпорядкѣ австрійскіе и французскіе аванпосты, было довольно-опасно. Извѣстіе о смерти матери, чего уже давно опасался Гумбольдтъ, было получено въ ноябрѣ 1796 года. Теперь Гумбольдтъ могъ приготовляться къ задуманному большому путешествію. По совѣту барона Цаха онъ уже давно занимался практическою астрономіею, для опредѣленія географическаго положенія мѣстностей. Кроме того, ему хотѣлось, до прощанья съ Европою на много лѣтъ, осмотрѣть дѣйствующіе вулканы: Везувій, Стромболи и Этну. Братъ его Вильгельмъ обѣщался со всѣмъ семействомъ сопровождать его въ путешествіи по Италіи. Тогда Гумбольдтъ вышелъ въ отставку, чтобъ совершенно предаться изученію природы. Онъ оставилъ Байрейтъ въ 1797 г., прожилъ три мѣсяца въ Іенѣ, увлеченный дружбою Гёте и Шиллера. Прежде онъ занимался анатоміею человѣческаго тѣла только какъ дилеттантъ; теперь онъ упрощилъ Лодера, съ которымъ черезъ двадцать три года видѣлся въ Москвѣ, быть его наставникомъ въ этой наукѣ. Черезъ Дрезденъ, Прагу и Вѣну отправился онъ потомъ въ Зальцбургъ, на дорогѣ обозрѣвъ Шёнбрунскій Садъ и подружившись съ молодымъ бразильцемъ, Іозефомъ ван-дер-Шоттомъ. Бурное состояніе Италіи отнимало возможность къ мирному ученому путешествію; потому братъ Гумбольдта отправился изъ Вѣны прямо въ Парижъ, а самъ онъ провелъ зиму въ Зальцбургѣ и Берхтесгаденѣ, съ другомъ своимъ Леопольдомъ фон-Бухомъ, занимаясь метеорологическими наблюденіями, и думая на весну отправиться въ южную Италію. Между-тѣмъ получилъ онъ отъ лорда Бристоля, путешествовавшаго по Далмаціи и Греціи, приглашеніе ѣхать съ нимъ въ Верхній Египеть. Гумбольдтъ принялъ предложеніе, намѣреваясь потомъ изъ Александріи проѣхать въ Сирію и Палестину. Чтобъ купить нужные для путешествія инструменты, потѣхалъ онъ черезъ Страсбургъ въ Парижъ, гдѣ долженъ былъ ожидать писемъ отъ лорда Бристоля. Это было въ началѣ мая 1798; но 20-го мая отплыла экспедиція Бонапарте въ Египеть, и вмѣсто ожидаемыхъ писемъ, Гумбольдтъ съ изумленіемъ прочталъ въ «Страсбургской Газетѣ», что лордъ Бристоль, по распоряженію французской директоріи, арестованъ въ Миланѣ, будучи подозрѣваемъ, что хотѣлъ ѣхать въ Египеть длатого,

чтобъ интриговать въ пользу Англїи. Обвиненіе было неправдоподобно; но еслибъ у Бристольа нашли письма Гумбольдта, то могли арестовать и его. Однакожъ, онъ свободно прїѣхалъ въ Парижъ, гдѣ нашель семейство брата. Парижскіе ученые въ то время съ жаромъ толковали о кругосвѣтной экспедиціи, которая собиралась въ путь подъ начальствомъ капитана Бодена; отъ нея ждали важныхъ результатовъ для науки; Боденъ долженъ былъ посѣтить Буэнос-Айресь, Огненную Землю, весь западный берегъ Америки до Панамскаго Перешейка, острова Южнаго Моря, Новую Голландію, Мадагаскаръ и возвратиться, обогнувъ Мысъ Доброй Надежды. Гумбольдтъ, желавшій воспользоваться первымъ случаемъ для большаго путешествія, тотчасъ изъявилъ намѣреніе присоединиться къ экспедиціи. Директорія позволила ему это, съ разрѣшеніемъ отдѣлиться отъ экспедиціи, если захочетъ углубиться во внутренность материка. Четыре мѣсяца прошли въ томительномъ ожиданіи. Опасеніе близкой войны съ Германією заставило дирекцію наконецъ отложить экспедицію до болѣе спокойнаго времени. Дружба, столь легко соединяющая людей, готовящихся прожить цѣлые годы на одномъ кораблѣ, сблизила между-тѣмъ Гумбольдта съ молодымъ, но уже знаменитымъ ботаникомъ Бонпланомъ, который потомъ раздѣлялъ его странствованія. Когда Гумбольдтъ разочаровался въ своихъ надеждахъ на экспедицію, прїѣхалъ въ Парижъ шведскій консулъ г. Скъольдебрандъ, посланный отъ своего двора съ подарками къ алжирскому дею. Торговый домъ, къ которому онъ принадлежалъ, ежегодно отправлялъ судно изъ Марселя для перевозки мусульманскихъ пилгримовъ, идущихъ въ Мекку, изъ Туниса въ Александрію. Онъ предложилъ Гумбольду свои услуги, и молодой естествоиспытатель принялъ ихъ, чтобъ доѣхать на этомъ кораблѣ до Александрии, гдѣ хотѣлъ онъ присоединиться къ египетской экспедиціи, и отправился въ Марсель; но тамъ напрасно ждалъ онъ обѣщаннаго корабля до послѣднихъ чиселъ декабря 1798. Между-тѣмъ распространились слухи, что тунисцы и алжирцы, по случаю войны Франціи съ Турціею за Египетъ, берутъ въ плѣнъ суда, выходящія изъ французскихъ гаваней; потому Гумбольдтъ рѣшился вмѣстѣ съ Бонпланомъ ѣхать на зиму въ Испанію и искать тамъ случая переѣхать въ Египетъ изъ Картагены или Кадикса. Путешественники поѣхали по Испаніи не спѣша, занимаясь герборизаціею, магнетическими и астрономическими наблюденіями, и въ февралѣ 1799 добрались до Египта. Необыкновенно-благосклонный приѣмъ, встрѣченный Гумбольдтомъ при аранхуэсскомъ дворѣ (онъ прожилъ въ Аранхуэсѣ три мѣсяца) снова измѣнилъ его намѣренія: министръ иностранныхъ дѣлъ, донъ Лунсъ де Урквихо, по личному расположенію къ Гумбольдту, объявилъ, что ему будетъ дано разрѣшеніе ѣхать въ испанскія владѣнія въ Америкѣ и на Тихомъ Океанѣ, и всѣмъ мѣстнымъ властямъ будутъ посланы приказанія помогать ему въ изслѣдованіяхъ. Дѣйствительно, ему былъ данъ паспортъ отъ дона Луиса, разрѣшавшій ему «дѣлать изслѣдованія всякаго рода для пользы науки»; и Гумбольдтъ долженъ сказать, что въ-теченіе пяти лѣтъ, проведенныхъ въ испанскихъ владѣніяхъ, онъ ни разу не имѣлъ слу-

чая быть недовольнымъ испанскими властями. Въ маѣ отправился онъ изъ Аранхуэса въ портовый городъ Корунью, и сѣлъ тамъ на фрегатъ «Пизарро». Капитанъ фрегата имѣлъ приказаніе простоять на пути въ южную Америку у береговъ Тенерифа столько времени, сколько нужно будетъ Гумбольдту для восхожденія на Тенерифскій Пикъ. На американскій берегъ вышелъ Гумбольдтъ 16-го іюля 1799, а возвратился въ Европу 3-го августа 1804, итакъ путешествіе его по Америкѣ продолжалось пять лѣтъ и два мѣсяца.

«На Тенерифѣ путешественники пробыли недолго, только отъ 19-го до 25-го іюня; они всходили на пикъ и собрали большую массу новыхъ наблюденій относительно природы острова, тогда еще очень мало извѣстной. На американскій берегъ вышли они въ Куманъ, и въ продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ путешествовали по областямъ нынѣшней республики Венесуэлы. Въ февралѣ 1800 были они въ Каракусъ, потомъ чрезъ интересныя Калабозскія Равнины проѣхали къ рѣкѣ Ориноко. На челнокахъ туземцевъ проникли они до южной границы испанскихъ владѣній, форта Сан-Карлоса на Рио-Негро; потомъ чрезъ Кассиквиаре и Ангостуру возвратились въ Куману, изъѣздивъ 375 географическихъ миль по пустынямъ. Потомъ Гумбольдтъ и Бонпланъ переправились въ Гавану, прожили тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и поспѣшили ѣхать къ Панамскому Перешейку, получивъ ложное извѣстіе, что на западномъ берегу найдутъ экспедицію Бодэна. Но задержанные погодою въ Картагена де Индіасъ, они поплыли вверхъ по рѣкѣ св. Магдалины, оттуда добрались до Боготы; въ сентябрѣ 1801 пустились далѣе на югъ, и 6-го января 1802 достигли Квито, преодолѣвъ на пути чрезвычайныя трудности. Пять мѣсяцевъ занимались они изслѣдованіемъ горныхъ хребтовъ и вулкановъ въ окрестностяхъ Квито, и всходили на многія горы, дотолѣ бывшія недоступными. Между-прочимъ, на Чимборасо поднялись они до высоты 18,096 футовъ—такъ высоко не стояла еще никогда нога человѣческая. Изъ Квито переѣхали они въ долину Верхней Амазоны и чрезъ Кордильеры въ Перу, оттуда возвратились въ Мексику, потомъ опять въ Гавану и оттуда проѣхали въ Филадельфію. Съ грустью покинулъ наконецъ Гумбольдтъ Новый Свѣтъ 9-го іюля 1804 года, и 3-го августа былъ въ Бордо, привезя съ собою запасъ наблюденій и огромныя коллекціи.

«Гумбольдтъ поселился въ Парижѣ, потому-что ни одинъ изъ европейскихъ городовъ не представлялъ тогда столько пособій, не совмѣщалъ въ себѣ такихъ великихъ ученыхъ. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ имѣлъ удовольствіе найдти тамъ семейство своего брата, котораго дѣла удерживали въ Римѣ. Приведеніе въ порядокъ коллекцій и манускриптовъ и химическія изслѣдованія состава атмосферы, предпринятая съ Гэ-Люссакомъ, удержали Гумбольдта въ Парижѣ до марта 1805; тогда, вмѣстѣ съ Гэ-Люссакомъ, поѣхалъ онъ въ Италію; въ Неаполѣ присоединился къ нимъ Леопольдъ фон-Бухъ, и съ нимъ они проѣхали назадъ до Швейцаріи, откуда Гумбольдтъ возвратился, послѣ девятилѣтняго отсутствія, въ Берлинъ. Послѣ тильзитскаго мира, прусскій король рѣшился весною 1808 отпра-

вить въ Парижъ принца Вильгельма прусскаго, и Гумбольдтъ неожиданно получилъ повелѣніе сопровождать принца въ этомъ трудномъ посольствѣ. Въ Парижѣ прожилъ принцъ до осени 1809 г. Въ Германіи тогда невозможно было предпринять огромное изданіе «Путешествія» Гумбольдта (29 томовъ, съ 1425 листами гравированныхъ рисунковъ), потому Гумбольдтъ получилъ разрѣшеніе остаться въ Парижѣ для этого изданія. Такимъ-образомъ провелъ онъ въ этомъ городѣ двадцать лѣтъ, до 1827, уѣзжая оттуда изрѣдка и на короткое время. Когда его старшій братъ, Вильгельмъ, назначенный посланникомъ въ Вѣну, оставилъ Министерство Народнаго Просвѣщенія (1810), Гарденбергъ настойчиво просилъ Гумбольдта заступить мѣсто брата и быть министромъ народнаго просвѣщенія. Но Гумбольдтъ предпочелъ остаться въ своемъ независимомъ положеніи, отчасти потому, что изданіе его «Путешествія» требовало непосредственнаго надзора, отчасти также и потому, что онъ задумывалъ новое путешествіе—въ Остиндію и Тибетъ. Приготовляясь къ нему, онъ долго занимался персидскимъ языкомъ. Около этого времени (1812) Императоръ Александръ повелѣлъ снарядить экспедицію въ Сибирь, Кашгаръ, Яркендъ, и канцлеръ графъ Румянцевъ, лично-знакомый Гумбольдту, предложилъ ему присоединиться къ русской экспедиціи; онъ съ удовольствіемъ согласился; но вторженіе Наполеона заставило отложить это предпріятіе. Политическія событія 1814—1815 годовъ дали Гумбольдту случай быть въ Англии, когда его братъ сдѣланъ былъ тамъ посланникомъ; въ 1818 году, по приглашенію короля и Гарденберга, былъ онъ на аахенскомъ конгрессѣ; потомъ былъ онъ и въ Веронѣ, откуда сопровождалъ короля въ Неаполь и обратно въ Берлинъ, куда наконецъ, въ 1827 г., по желанію короля, и перѣхалъ жить. Вскорѣ по переездѣ, съ ноября 1827 до апрѣля 1828, читалъ онъ тамъ публичныя лекціи о Космосѣ. Его сочиненіе «Космосъ» не результатъ этихъ чтеній; онъ приступилъ къ изданію этой книги уже спустя 18 лѣтъ послѣ своихъ лекцій, хотя основаніемъ ея послужило сочиненіе, написанное во время перувианскаго путешествія и посвященное Гёте — «Картины тропической природы» (Naturgemälde der Tropenwelt). 1829 годъ составляетъ новую, важную эпоху въ жизни Гумбольдта. Тогда, по повелѣнію Императора Николая, предпринята была экспедиція по Уральскому и Алтайскому Хребтамъ, въ Джунгарію и на Каспійское Море. Техническое изслѣдованіе мѣсторожденій золота и платины, открытіе алмазовъ (5 іюля 1829 г.), астрономическія и магнитныя наблюденія, геогностическія и ботаническія коллекціи были главными цѣлями предпріятія, въ которомъ сопровождали Гумбольдта его знаменитые друзья Эренбергъ и Густавъ Розе. Экспедиція направилась черезъ Москву, Казань, развалины древнихъ Булгаръ въ Екатеринбургъ, на золотые уральскіе заводы и нижнетигальскія мѣсторожденія платины, потомъ черезъ Богородскъ, Верхотурье и Тобольскъ, на Алтай, въ Барнаулъ, на живописное Кольванское Озеро, Усть-Каменогорскъ; оттуда къ озеру Джайсанъ въ Джунгаріи. Отъ снѣжнаго Алтайскаго Хребта путешественники возвратились на Южный Уралъ, черезъ Ишимскую Степь, Петропав-

ловскъ, Омскъ, Златоустъ, Оренбургъ, Илецкую Защиту; потомъ черезъ Уральскъ, Саратовъ, Эльтонское Озеро, Дубовку, Царицынъ и Сарепту, пробѣжали въ Астрахань, откуда, черезъ Воронежъ и Тулу, экспедиція возвратилась въ Москву. Результатомъ путешествія, продолжавшагося девять мѣсяцевъ, было сочиненіе *Asie centrale*. Послѣ переворота 1830 года, Гумбольдтъ нѣсколько лѣтъ былъ занятъ политическими дѣлами, которыя, однакожъ, не прерывали его ученыхъ занятій. Въ 1830 году онъ сопровождалъ наследнаго принца въ Варшаву, на свиданіе съ императоромъ Николаемъ, и потомъ короля въ Тѣплицъ. Здѣсь было получено извѣстіе о возведеніи на французскій престолъ Людовика-Филиппа, и Гумбольдтъ, который прежде былъ съ нимъ очень-близокъ, получилъ порученіе передать ему, что прусскій дворъ признаетъ новую династію. Изъ Парижа, съ-вѣдома французскаго двора, онъ долженъ былъ посылать въ Берлинъ политическіе отчеты о ходѣ событій въ 1830—1832, и потомъ въ 1834—1835 годахъ. Потомъ онъ еще пять разъ пріѣзжалъ въ Парижъ въ-теченіе слѣдующихъ двѣнадцати лѣтъ, и каждый разъ оставался тамъ по четыре или пяти мѣсяцевъ. Последняя поѣздка его въ Парижъ была въ концѣ 1847 года. Кромѣ-того, какъ посланникъ прусскаго короля, онъ ѣздилъ въ Англію (въ 1841 г.) и въ Данію (въ 1845 г.).

— Важную потерю для естественныхъ наукъ составляетъ смерть знаменитаго французскаго врача и фیزیолога Мажанди (Magendie), умершаго, впрочемъ, уже въ довольно-глубокой старости—на 73-мъ году. Франсуа Мажанди родился въ 1783 году, въ Бордо, гдѣ отецъ его былъ лекаремъ; по окончаніи медицинскаго курса въ Парижѣ, онъ былъ сдѣланъ профессоромъ въ Парижскомъ Медицинскомъ Факультетѣ, потомъ докторомъ при Парижской Больницѣ *Hôtel-Dieu*, и наконецъ, въ 1831 г., профессоромъ въ *Collège de France*. Особенныя услуги его фیزیологии состоятъ въ превосходныхъ, чрезвычайно-многочисленныхъ опытахъ надъ живыми млекопитающими, и главныя сочиненія Мажанди относятся къ этому предмету; изъ нихъ *Leçons sur les phénomènes de la vie* (1836) было въ извлеченіи переведено въ «Библіотекѣ для Чтенія».

— Въ одномъ изъ засѣданій Парижской Академіи Наукъ была прочитана записка о гидростатической постели для больныхъ, изобрѣтенной англійскимъ докторомъ Нейль-Арноттомъ.

Извѣстно, что въ продолжительныхъ болѣзняхъ образуются на спинѣ и на бокахъ больного такъ-называемыя «пролежни», которые чрезвычайно-вредно дѣйствуютъ на силы больного и часто бываютъ причиною его смерти. Они происходятъ отъ нарушенія правильнаго кровообращенія въ тѣхъ частяхъ тѣла, на которыхъ лежитъ вся его тяжесть: давленіе тѣла стискиваетъ ихъ мускулы, кровеносные сосуды и жилы; та же самая причина очень-вредно дѣйствуетъ на больного и до образованія пролежней: больные безпрестанно просятъ, чтобъ ихъ переворачивали съ боку на бокъ, спокойно вертятъ головою, измѣняютъ положеніе рукъ и ногъ: это безпокойство нѣкоторые врачи ошибочно называютъ нервическимъ и приписываютъ его недостатку моціона; напротивъ, оно, просто, слѣдствіе механиче-

скаго нарушенія правильности кровообращенія въ частяхъ тѣла, сдѣланныхъ тяжестью лежащаго на нихъ тѣла. Безпокойство это доводитъ больнаго сначала до унынія или раздражительности, препятствующихъ восстановленію силъ, потомъ до бессонницы, прямо ослабляющей больнаго, и такимъ образомъ, если еще и не производить пролежней, то часто бываетъ причиною смерти. Всѣ эти неудобства отстраняются гидростатическою постелью, которая нынѣ введена въ англійскихъ госпиталяхъ и придумана докторомъ Нейль-Арноттомъ при слѣдующемъ случаѣ. Молодая дама, послѣ трудныхъ родовъ, впала въ чрезвычайную слабость. Она едва могла двигать пальцами и не имѣла силъ приподнять не только головы, но и переложить руки съ мѣста на мѣсто. Она едва могла говорить; бѣеніе сердца ослабло до-того, что пульсъ былъ едва-слышенъ. Въ такомъ состояніи лежала она нѣсколько сутокъ, страдая бессонницею отъ чрезвычайнаго изнуренія и безпрестанно прося, чтобъ ее переворачивали. Наконецъ она съ полчаса пролежала спокойно, и домашніе думали, что ей становится лучше; напротивъ, у ней начались пролежни. Тогда доктора, ее лечившіе, почли спасеніе больной невозможнымъ; но Нейль-Арноттъ, приглашенный на консультацію, попалъ на то счастливое соображеніе, что еслибъ больную опустить въ ванну, то ея тѣло плавало бы и ни одна изъ его частей не была бы стиснута давленіемъ остальныхъ, слѣдовательно пролежни, представлявшіе смертельную опасность, исчезли бы. Онъ началъ думать, какимъ бы образомъ устроить сухую постель, имѣющую всю нѣжность водяной люльки, въ которой отдыхаетъ лебедь; надобно было достигъ того, чтобъ тѣло больной, нигдѣ не прикасаясь къ водѣ, плавало бы, если можно такъ выразиться. Это удалось ему сдѣлать такимъ образомъ: приготовили большой ящикъ для воды, въ родѣ ванны. Наливъ его водою, закрыли большимъ пологомъ изъ матеріи, пропитанной каучукомъ, такъ-что концы полога висѣли почти до полу; потомъ на каучуковый пологъ положили фланелевое одеяло и подушку—постель была готова. Больная, положенная на нее, плавала на водѣ и не чувствовала давленія ни въ одной части тѣла. «Ахъ, какъ мнѣ хорошо!» говорила она: «теперь не безпокойте меня, я буду такъ лежать!» Скоро она заснула; проснувшись, почувствовала аппетитъ; а до-того времени, она не ѣла нѣсколько дней. Пролежни прошли и больная начала быстро поправляться. Существенная польза гидростатической постели зависитъ, какъ видимъ, оттого, что больной лежитъ здѣсь на ткани, свободно плавающей на водѣ, и потому совершенно-равно поддерживающей всѣ точки тѣла. Это невозможно ни при самыхъ мягкихъ пуховикахъ, ни даже при обыкновенныхъ атмосферическихъ или водяныхъ перинахъ: они всѣ слишкомъ-жестки сравнительно съ тканью, свободно-плавающей по водѣ. Гидростатическая постель всего-легче устроивается слѣдующимъ образомъ: дѣлается очень-большой мѣшокъ изъ непромокаемой матеріи, онъ наполняется водою только на половину, между-тѣмъ, какъ другая половина остается пустою и образуетъ складки. Мѣшокъ этотъ кладется въ ящикъ, или большую ванну—и гидроста-

тическая постель готова, потому—что верхняя половина оболочки не натянута водою, а свободно плаваетъ и изгибается сообразно малѣйшимъ очертаніямъ и всѣмъ движеніямъ лежащаго на ней тѣла.

— Прошедшаго августа, г. академикъ Буняковский представилъ Санктпетербургской Академіи Наукъ новый изобрѣтенный имъ *планиметръ*, чрезвычайно—простаго устройства, и потому способный давать весьма—надежные результаты. Инструментъ устроенъ въ двухъ экземплярахъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Къ нимъ г. Буняковский приложилъ записку, содержащую краткое историческое обозрѣніе всѣхъ до—сихъ—поръ извѣстныхъ планиметровъ, объясненіе оснований, по которымъ составленъ новый инструментъ, и изображающіе его чертежи. Хотя изъ этой записки мы можемъ извлечь только первую ея часть, потому—что вторая требуетъ чертежей и математическихъ формулъ, однако и первая часть можетъ ясно показать достоинства новаго изобрѣтенія.

«Снаряды, посредствомъ которыхъ облегчается опредѣленіе величинъ площадей небольшихъ частей земной поверхности, измѣренныхъ и положенныхъ на планы, можно раздѣлить на два рода: одни, *«простѣйшіе»*, назначаются для непосредственнаго опредѣленія площади треугольника; сообразно съ этою цѣлью, они требуютъ, чтобы измѣряемая фигура была предварительно раздѣлена на треугольники; и кромѣ—того, часто встрѣчается необходимость проводить вспомогательныя лініи и нѣкоторыя изъ нихъ измѣрять циркулемъ. Но этимъ работа еще не оканчивается: измѣривъ треугольники, надобно соединять ихъ въ одну сумму, что также сопряжено съ немалымъ трудомъ. Къ этому роду инструментовъ принадлежатъ *«поляммеры»*, или *«полевые масштабы»* гг. Бибикова, Ермакова, Желинскаго, и *«пантоскала»* Юна (John) Миллера. Снарядами второго рода опредѣляется уже вся площадь вдругъ, безъ раздѣленія ея на треугольники, если позволяетъ то величина инструмента, и притомъ несмотря на форму ея контура. Само—собою—разумѣется, что второго рода инструменты совершеннѣе инструментовъ перваго рода; ихъ—то называютъ вообще *«планиметрами»*. Болѣе или менѣе сложныхъ планиметровъ изобрѣтено весьма—много. Старѣйшій изъ нихъ — *«аримопланиметръ»* Лаланда; потомъ, въ 1834 г., Эрнстъ представилъ Парижской Академіи Наукъ планиметръ, составленный имъ по идеямъ Оппикофора, бернскаго инженера. Въ бюллетенѣ Общества Поощренія Искусствъ и Промышленности на 1850 годъ. помѣщенъ весьма—одобрительный отзывъ Бенуа о *«планиметръ—суммователѣ»* (*planimètre sommateur*) Бѣвъера, старшаго геометра при кадастрѣ. Упомянемъ еще, какъ о болѣе—удовлетворительномъ, о планиметрѣ Каспера Ветли, швейцарскаго инженера, и о планиметрѣ Санга; оба снаряда описаны въ штутгартскомъ политехническомъ журналѣ. Планиметръ Ветли недавно усовершенствованъ Ганзеномъ и съ болѣе—шшимъ искусствомъ сдѣланъ Ауфельдомъ, въ Готѣ. Къ этимъ двумъ планиметрамъ прибавимъ еще два вновь—изобрѣтенные нашими соотечественниками, г. Барановскимъ, профессоромъ въ Гельзингфорсѣ, и г. Зарубинымъ, уѣзднымъ землебромъ. Первый изъ нихъ

«описанъ въ IV томѣ (1852 г.) «Актвъ Финляндскаго Общества «Наукъ»; другой же—вмѣстѣ съ другими изобрѣтеніями, относящимися къ землемѣрнѣю, получившими одобрителъную демидовскую награду — въ особомъ сочиненіи подѣ заглавіемъ: «Руководство къ практическому употребленію изобрѣтенныхъ инструментовъ и способовъ, относящихся до исчисленія площадей, плановъ», соч. П. Зарубина. 1854 г. Но всѣ эти, хотя и остроумные, снаряды имѣютъ общій недостатокъ: они очень—сложны и потому легко могутъ портиться отъ употребленія; притомъ ихъ высокая цѣна не позволяетъ имъ сдѣлаться общеупотребительными. Такъ, напримѣръ, планиметръ Ветли, еще не самый дорогой, стоить въ Германіи отъ 150 до 180 флориновъ; планиметры Барановскаго и Зарубина — отъ 75 до 100 руб. серебромъ.

«Для вычисленія землемѣрныхъ плановъ употреблялась также роговая полупрозрачная пластинка, раздѣленная на маленькіе квадраты, составляющіе такъ—называемую *ръшетку*. Но этотъ способъ, которымъ нѣкоторые землемѣры иногда до—сихъ—поръ пользуются, имѣетъ столько важныхъ неудобствъ, что всегда старались замѣнить его другими, лучшими средствами.

«Измѣрять площади можно еще физически, посредствомъ *эвольвимента*. Этотъ способъ, который употреблялъ г. Морицъ, директоръ магнитной обсерваторіи въ Тифлисъ, для опредѣленія площадей многихъ округовъ въ кавказскихъ провинціяхъ, повидимому представляетъ большія практическія преимущества относительно точности; но онъ, вопервыхъ, требуетъ весьма—большой опытности въ дѣлопроизводствѣ и, вовторыхъ, чрезвычайно—чувствительныхъ и точныхъ вѣсовъ — качествъ, много—увеличивающихъ ихъ цѣну.

«Принимая въ уваженіе практическую пользу хорошаго планиметра, нельзя не желать, чтобъ въ этомъ инструментѣ умѣренная цѣна соединилась съ удовлетворительной точностью. Думаю, что я нѣсколько достигъ до удовлетворенія этимъ условіямъ весьма—простымъ и, по моему мнѣнію, новымъ устройствомъ. Большая простота устройства новаго инструмента ручается уже за его точность. Что жъ касается до его цѣны, то я полагаю, что она не можетъ быть болѣе половины средней цѣны каждаго изъ вышеописанныхъ инструментовъ. Сверхъ—того, онъ имѣетъ важное преимущество предъ ними: острее, очерчивающее фигуру, движется легко и непрерывно. Въ моемъ снарядѣ, движеніе острия почти не отличается отъ движенія обыкновеннаго пантографа; въ большой же части изобрѣтенныхъ планиметровъ надобно, какъ—бы ощупью, соединять или движеніе вращательное съ движеніемъ прямолинейнымъ по линіѣ, или два движенія прямолинейныхъ, съ той цѣлью, чтобъ чертащее острее проходило по линіямъ контура измѣряемой фигуры. Отъ этого острее движется не непрерывно, но описываетъ маленькія ломаныя линіи. Нѣтъ сомнѣнія, что такое неудобство имѣетъ почти неощутительное вліяніе на точность результата; но желательнее было бы отстранить и это неудобство. Впрочемъ, надобно сказать, что въ планиметрѣ Ганзена прямолинейныя движенія соединены съ от-

«личнымъ совершенствомъ, и потому мой замѣчаніе не относится къ этому снаряду.

«Изъ двухъ *планиметровъ-пантографовъ*, представляемыхъ Академіи Наукъ, одинъ сдѣланъ Альбрехтомъ, механикомъ при Санкт-петербургскомъ Университетѣ, а другой г. Кулаковымъ, любителемъ практической механики. Оба снаряда построены по одному началу и имѣютъ равные размѣры. Первый изъ нихъ, съ ящикомъ, стоитъ 30 руб. серебромъ; цѣна же втораго немного-болѣе перваго, но зато онъ имѣетъ нѣкоторыя преимущества предъ первымъ снарядомъ».

Теперь слѣдуетъ описаніе и теорія инструмента, изобрѣтеннаго г. Буныковскимъ. Къ-сожалѣнію, по упомянутымъ причинамъ, мы не можемъ предложить ихъ въполнѣ; но, чтобы сколько-нибудь удовлетворить любопытству нашихъ читателей, скажемъ, что въ инструментѣ двѣ главные части: колесо и ромбъ или равносторонній четвероугольникъ, составленный изъ четырехъ равныхъ мѣдныхъ линіекъ, соединенныхъ въ ихъ концахъ шарнирами, такъ-что онѣ могутъ свободно обращаться около оси, какъ въ пантографѣ. Колесо перпендикулярно къ плоскости ромба и обращается такъ же на оси; его окружность раздѣлена на 100 частей, изъ которыхъ каждую можно раздѣлять еще на 12 частей посредствомъ верниера или нониуса. Дѣленіи на колесѣ показываютъ величину измѣряемой площади въ десятиныхъ и въ ихъ двѣнадцатыхъ доляхъ. Весь инструментъ утверждается на четырехъ ножкахъ, изъ которыхъ передняя оканчивается затупленнымъ остриемъ, описывающимъ контуръ фигуры; двѣ же боковыя съ округленными концами свободно скользятъ по плану, наклеенному на доску; и наконецъ задняя, остроконечная, втыкается въ доску и удерживаетъ инструментъ въ то время, какъ передняя движется по контуру. Касательно теории инструмента замѣтимъ, что она весьма-проста и основывается на томъ, что всякую фигуру можно представлять составленной изъ весьма-малыхъ вырѣзковъ круга.

— Между необыкновенными метеорными современными явленіями, считаемъ не бесполезнымъ упомянуть о паденіи камней, случившемся прошедшаго 13-го мая (нов. стиль) въ пять часовъ вечера около Бреемерворда, недалеко отъ Гамбурга. Время было пасмурное; паденіе сопровождалось громовыми звуками и сильнымъ свистомъ. Изъ упавшихъ камней, химикъ Вѣлеръ получилъ три, изъ которыхъ одинъ вѣситъ 3 килограмма, другой $1\frac{1}{2}$ килограмма, а третій около $\frac{1}{2}$ килограмма. Всѣ они покрыты черною корой, которая, вѣроятно, произошла отъ расплавленія ихъ поверхности. Въ изломахъ видно, что камни составлены изъ смѣси разныхъ минеральныхъ тѣлъ, между которыми содержится большое количество желѣза чистаго и желѣза соединеннаго съ сѣрюю.

ПЕТЕРБУРГСІЯ ЗАМѢТКИ.

Выставка художественныхъ произведеній въ Императорской Академіи Художествъ. — Картины, писанныя на заданныя программы. — Живопись историческая. — Картины *de genre*. — Живопись перспективная. — Портреты. — Гравюры. — Женщины-художники. — Пейзажи. — Картины г. Айвазовскаго и Калла. — Скульптурныя работы. — Архитектурныя проекты. — Новости русскаго и французскаго театровъ. — *Ипохондрикъ*, ком. г. Писемскаго. — Пьесы гг. Островскаго и Дружинина. — *Le demi-tonde*, ком. Дюма-сына. — Г. и г-жа Роже-Солье. — Дебютъ г. Сетова. — *Чародѣй*, опера въ двухъ дѣйствіяхъ кн. Вяземскаго. — Дебюты итальянскихъ пѣвицъ. — Г-жа Фани Черрито. — Новыя русскія періодическія изданія. — Наружность петербургскихъ домовъ. — Пальто военныя и статскія. — Частныя объявленія въ газетахъ. — Борьба куаферовъ. — Приближеніе баловъ и балыныя оркестры. — Новости еженедѣльныхъ фѣльетоновъ.

Въ субботу, 8-го октября, открылась для публики обычная въ это время выставка Императорской Академіи Художествъ.

Принимаясь говорить объ этой выставкѣ, мы должны напомнить читателямъ, что быть непогрѣшимымъ судьей изящнаго очень-трудно. Даже самое многостороннее образование не всегда можетъ ручаться за вѣрность своихъ сужденій о художествахъ; а потому приступаемъ къ обзору, оградивъ себя предохранительнымъ средствомъ, именно: осторожностію мнѣнія, и ограничимъ, поэтому, нашъ перечень, только отчетомъ о тѣхъ произведеніяхъ, которыя почему-либо заслужили общее вниманіе.

Несмотря на то, что нынѣшняя трехгодичная выставка не такъ богата славными именами, не заключаетъ въ себѣ много работъ художниковъ, общниковъ Академіи, которыхъ произведенія мы привыкли видѣть, и профессоровъ, а состоитъ большею-частью изъ трудовъ экспонентовъ, несоставившихъ еще себѣ вполне-заслуженной извѣстности, и изъ ученическихъ программъ, тѣмъ не менѣе она богата многими замѣчательными произведеніями, которыя не могли ускользнуть отъ разнородныхъ толковъ и сужденій.

Начнемъ съ картинъ, писанныхъ на заданныя программы для получения золотой медали — съ произведеній талантовъ еще молодыхъ, только-что развивающихся, но уже богатыхъ прекрасными задатками для того, чтобъ вѣровать въ ихъ дальнѣйшую отрадную артистическую будущность. Первое мѣсто между такими произведеніями, безусловно, принадлежитъ г. *Флавицкому*, представившему на состязаніе, вмѣстѣ съ г. Васильевымъ, картину «Юсифъ проданный братья-

ми въ Египетъ». Совершенство, съ которымъ переданъ сюжетъ, новость и оригинальность композиціи, яркость красокъ и тщательная правильность рисунка и стараніе воспользоваться всѣмъ, что только могло придать картинѣ еще большую живописность, громко говорятъ о дарованіи г. Флавицкаго. Всѣ фигуры, начиная отъ главной — проданнаго Іосифа, до братьевъ (убивающихъ козлёнка, чтобы смочить кровью его одежду) на заднемъ планѣ, вполне выражаютъ свойственный каждому изъ нихъ характеръ. Находчивая фантазія молодого художника нашла возможность вмѣстить въ этотъ сюжетъ, требующій только однихъ мужскихъ фигуръ, даже женщину; и она прекрасно отдѣляется у него на дальнемъ фонѣ съ двумя маленькими дѣтьми. Такую же полную справедливость должно также отдать г. *Страшинскому*, обратившему на себя общее вниманіе еще въ прошедшемъ году эпизодомъ изъ исторіи Маріи Стюартъ «Смерть Ричіо», за которую онъ получилъ золотую медаль, присуждаемую за экспрессию. Нынче онъ взялъ себѣ программой одно изъ событій Тридцатилѣтней Войны и изобразилъ Валенштейна въ Богеміи, въ стѣнахъ стариннаго замка, отданнаго имъ на разграбленіе солдатамъ. Это новое произведеніе г. Страшинскаго, въ которомъ должно удивляться его неистощимому воображенію, особенно замѣчательно многочисленностью фигуръ и искусною ихъ группировкой. На изображенныхъ имъ лицахъ видна такая же приличная каждому изъ нихъ экспрессія, какою отличались и всѣ фигуры въ его прошлогодней картинѣ. Въ особенности хорошо выдержанъ характеръ фигуры Валенштейна и стараго связаннаго барона, смотрящаго, въ нѣмой молчаніи, на разрушеніе его фамильныхъ гербовъ. Фигура воина, раздробляющаго гербъ, болѣе прочихъ бросается въ глаза своимъ смѣлымъ полуоборотомъ и необыкновенно-вѣрно выраженнымъ движеніемъ. Позы прочихъ различныхъ группъ также всѣ очень-натуральны и только въ одной женской фигурѣ, стоящей на колѣняхъ и какъ-будто старающейся защитить стараго владѣтеля замка, замѣтна нѣкоторая эффектація и положеніе отчасти театральное. Колоритъ картины чрезвычайно-блестящъ, и если можно въ чемъ-нибудь упрекнуть художника, такъ это въ нѣкоторой пестротѣ, которой онъ, впрочемъ, легко могъ избѣжать: тогда бы картина его выиграла совершенно, потому-что, кромѣ прекраснаго, художественнаго ея исполненія, она замѣчательна самою добросовѣстною и тщательною отдѣлкой, даже во всѣхъ малѣйшихъ аксессуарахъ, начиная отъ архитектурныхъ средневѣковыхъ деталей до послѣдней перчатки.

Г. Сверчковъ (г. в.) выставилъ двѣ картины: сцену изъ среднихъ вѣковъ и внутреннія комнаты венеціанскихъ дождей. Обѣ эти картины бросаются въ глаза по своему счастливому и искусно-исполненному освѣщенію; особенно-много выигрываетъ первая, отъ согласнаго сочетанія двухъ противоположныхъ свѣтовъ: мѣсячнаго сіянія, прорывающагося широкою полосою чрезъ стекла полуотворенной двери, на заднемъ планѣ, и яркаго блеска пламени, огромнаго стариннаго камина, освѣщающаго платье и доспѣхи трехъ рыцарскихъ фигуръ. Жаль только, что, при такомъ оптическомъ искусствѣ, г. Сверч-

ковъ не обратилъ полнаго вниманія на совершенную правильность рисунка.

Г. Шарлемань представилъ встрѣчу фельдмаршала графа Суворова, на вершинѣ Сен-Готарда, монахами Августинскаго Ордена. Имъ этого молодого художника, преимущественно какъ баталиста, давно уже извѣстно обычнымъ почитателямъ нашихъ академическихъ выставокъ по тому искусству, съ которымъ онъ умѣетъ придать движеніе каждой изъ изображаемыхъ имъ фигуръ на весьма-маломъ пространствѣ. Нынѣшняя картина его сохраняетъ эти же достоинства, но тонъ ея между-тѣмъ несовсѣмъ-удаченъ, несмотря на прекрасную группировку. При тѣхъ же условіяхъ (хорошаго вкуса и оживленности фигуръ), избѣгъ этого недостатка другой молодой баталистъ, г. *Микльшинъ*, выставившій «Дѣло при Баш-Кадыкъ-Ларѣ». Тонъ его картины свѣжъ, яркъ; въ группахъ много разнообразія. Въ похвалу г. Микльшину должно сказать также и то, что онъ не пытался написать полную кровавую драму битвы, которую нельзя вполне создать однимъ воображеніемъ, не будучи самому очевидцемъ: онъ представилъ только одинъ отдѣльный эпизодъ, изобразилъ моментъ довольно-горячей отдѣльной схватки, могущей случиться во всякомъ сраженіи, и сдѣлалъ очень-хорошо. Искусство его и картина ничего не потеряли отъ этого, а правдоподобіе и истина много выиграли. Вообще, нашимъ молодымъ баталистамъ не мѣшало бы обращать немного болѣе вниманія на отдѣлку рисунка и выказывать такую же полноту въ исполненіи, какими отличаются, на примѣръ, баталическія картины извѣстнаго Петра Гесса «Переправа черезъ Березину», «Сраженіе при Вязьмѣ», «Бородинское сраженіе», и др., или, наконецъ, припомнить, какъ такой же похвальный образецъ, картину нашего академика г. Худякова «Контрабандисты», въ которой каждая бездѣлица отчетливо вырисована. Жаль, что нельзя сказать того же о нынѣшней картинѣ г. *Худякова* «Куликовская битва». Несмотря на глубокую обдуманность композиціи и общій интересъ изображеннаго сюжета, сосредоточеннаго вокругъ великаго князя Дмитрія Донскаго, она не докончена, и въ-отношеніи къ ея цѣлому видѣется опытному глазу какими-то пятнами. Талантливаго художника взяло, вѣроятно, нетерпѣніе и онъ, не откладывая до будущей осени, поспѣшилъ подѣлиться съ любителями своимъ произведеніемъ.

Баталистъ г. *Кеппенъ* выставилъ нынче только одну небольшую картину представляющую «Подвигъ мушкетера Новикова, спасающаго генерала Суворова при Кинбурнѣ, въ 1787 году». О ней многого сказать нельзя.

Гг. *Ге* и *Иковъ* разработали, для нынѣшней выставки, слѣдующее событіе, описанное Гомеромъ въ «Иліадѣ».

Въ ризѣ богрянозлатистой изъ волинь океана, Денница
Вышла, несущая свѣтъ и безсмертнымъ и смертнымъ: *Фетида*
Къ стѣнямъ пришла мирмидонскимъ съ блистательнымъ даромъ отъ
бога.

Такъ она сына нашла: надъ Патрокломъ своимъ распростертый,
 Громко рыдалъ онъ: и многіе окрестъ друзья Мирмидонцы
 Плакали. Ставъ между нихъ, среброногая мать, богиня
 За руку сына взяла, называла, и такъ говорила:
 Сынъ мой! оставимъ мертваго, какъ ни прискорбно то сердцу,
 Съ миромъ лежать: всемогущихъ боговъ онъ волей поверженъ.
 Встань и прими, Пелеіонъ, отъ Гефеста доспѣхъ веледѣльный
 Дивный, какой никогда не сіялъ вокругъ рамень челоуѣка». —
 Такъ произнеши, Фетида, на землю доспѣхъ положила
 Предъ Ахиллесомъ; и весь зазвучалъ онъ, украшенный дивно.

Короче, эти художники приняли на себя трудъ изобразить Ахиллеса, оплакивающего смерть Патрокла.

Преимущество, какъ въ композиціи, такъ и въ колоритѣ, принадлежитъ г. Ге и оттого, при внимательномъ сравненіи, картина г. Икова много проигрываетъ. У г. Ге сюжетъ постигнуть вѣрнѣе, краски блестяще и въ-особенности прекрасно изображена фигура Фетиды; въ ней столько изящества и граціи, что ненужно зрителю долго догадываться кто богиня, пришедшая съ доспѣхами, чтобъ видошъ ихъ развлечь неутѣшную скорбь Ахиллеса, между-тѣмъ, какъ г. Иковъ сдѣлалъ изъ матери троянскаго героя какую-то обыкновенную женщину. Портретъ, выставленный также г. Ге и его прошлогодняя программа, на одинъ сюжетъ съ г. Флавицкимъ, «Судъ Соломона», показываютъ въ немъ несомнѣнное дарованіе и изящный вкусъ; портретъ г. Ге, по превосходной *мьялкь*, по полнотѣ *натуры* (пусть простятъ намъ эту терминологию), и рельефности, многіе опытные знатоки ставятъ на-ряду съ лучшими произведеніями въ этомъ родѣ. Г. Келеръ этюды котораго на прошлыхъ выставкахъ, вполне доказали его умѣнье владѣть кистью и изученіе рисунка, написалъ нынѣшній годъ «Геркулеса, выводящаго изъ ада Цербера» — картину съ большимъ вкусомъ. На тѣму «Спаситель въ домѣ Марѣи», сестры Лазаря, явились нынѣшній годъ трое конкурентовъ: гг. Бейдеманъ, Пльшановъ и Мартыновъ. Этимъ троицъ художникамъ предстояла одинаковая трудность изобразить въ видимыхъ чертахъ одну изъ самыхъ высокихъ минутъ земаго пребыванія Господа, выразить кистью высказанную имъ истину Марѣи, хлопотавшей объ одномъ лишь Его угощеніи: «Марео, Марео, печешися и молвиши о мнозѣ; Едино же есть на потребу. Марія же благоую часть избра, аже не отыметса отъ нея» (Ев. о. Луки гл. X ст. 42). У гг. Мартынова и Пльшанова сюжетъ очень-понятенъ: въ картинѣ г. Пльшанова, при внимательномъ ея разсмотрѣніи, зрителя поражаетъ одна удивительная странность: почему, при прекрасномъ планѣ, показывающемъ обдуманность, знаніе стила, желаніе выразить что-то серьезное, однимъ словомъ, все совершенство манеры такого учителя, каковъ г. Бруни, рѣзко проявляется въ то же самое время отсутствіе дальнѣйшаго выполненія — недостатокъ должной экспрессіи въ лицахъ и власть живописи. У г. Мартынова характеръ хлопотливой Марѣи не такъ понятенъ, и въ положеніи Маріи слушающей слово Спасителя, есть

нѣкоторая аффектація. Недостатки картины г. Мартынова тѣмъ болѣе бросаются въ глаза, что привычные посѣтители выставки не могли еще забыть его прекрасно-выполненной картины «Эсѳирь», которая доставила ему золотую медаль за экспрессию.

Сюжетъ, выбранный для нывѣшней выставки г. Волковымъ «Смерть Сусанны», самъ-по-себѣ уже возбуждающій общее сочувствіе, собиралъ около картины также не малое число зрителей съ своими обычными сужденіями *pro* и *contra*. Находились люди, которые упрекали г. Волкова за холодный колоритъ и не за полное вниманіе къ рисунку; но въ первомъ обвиненіи нисколько не виновать самъ художникъ, а скорѣе моментъ, выбранный имъ — ночь и притомъ ночь въ густомъ лѣсу, сквозь вѣтви котораго ему нельзя было никакъ, не вредя вѣрности, пропустить достаточнаго свѣта мѣсяца, чтобъ освѣтить фигуры, какъ-бы оны, можетъ-быть, желалъ и самъ. Догадайся г. Волковъ, по дѣльному замѣчанію нѣкоторыхъ художниковъ, эту же сумую мрачную свѣговую мѣстность освѣтить факелами или костромъ.—картина его непременно бы много чрезъ это выиграла: колоритъ сталъ бы ярче, фигуры по-неволѣ оживленнѣе и рельефнѣе.

На заданныя программы выставлены также картины г. Годунамъ, «Явленіе Божіей Матери святому Сергію Радонежскому» и г. Солдаткинымъ: «Самсонъ, поражающій челюстью едистимлянъ».

Послѣ отчета о работахъ учениковъ Академіи на избранныя ими темы, слѣдуетъ упомянуть о работахъ, присланныхъ изъ-за границы пансіонерами Академіи, относящихся почти къ тому же отдѣлу живописи, именно къ изображенію фигуры. Работы эти довольно-многочисленны и показываютъ, что рвеніе нашихъ артистовъ не ослабѣваетъ. Первое мѣсто, по числу присланныхъ работъ, принадлежитъ г. Михайлову, выставившему восемь большихъ копій съ картинъ извѣстныхъ мастеровъ — Тинторета, Веласкеза, Мурильо, Зурбарана, Креспи и Рафаэля. Изъ всѣхъ этихъ копій, выполненныхъ очень-тщательно, особенно-хорошо исполнены «Снятіе со креста Спасителя» — Креспи, и «Божія Матерь» — Мурильо. Г. Михайловъ преимущественно жилъ въ Испаніи, прекрасно усвоилъ манеру этой замѣчательной школы и приобрѣлъ тамъ себѣ извѣстность своими картинами. Съ нимъ жилъ также довольно-долгое время другой даровитый нашъ молодой художникъ — г. Сорокинъ 1-й.

Пансіонеръ Академіи г. Тимашевскій прислалъ двѣ картины: большую копию съ Гвидо Рени «Похищеніе Деанеры Кентавромъ» и «Римлянки у фонтана». Несомѣнный талантъ г. Тимашевскаго позволяетъ намъ сдѣлать нѣкоторыя легкія замѣчанія о присланной имъ копіи, въ которой намъ было бы пріятнѣе видѣть кисть самого мастера, а не возсозданіе ея дарованіемъ нашего художника. Вообще контуры его картины рѣзки, и даже тѣ изъ нихъ, которыя, сглажены временемъ, выходятъ какъ-бы вырѣзанными изъ картона; краски также слишкомъ-свѣжа для того, чтобъ можно было подозрѣвать прикосновеніе къ нимъ нѣсколькихъ вѣковъ.

Пансіонеры гг. *Чернышевъ* и князь *Максимоъ* выставили—первый «Пастухи въ Римѣ», а второй «Нищій въ Римѣ». Обѣ картины показываютъ опытную кисть.

Образная живопись представлена на нынѣшней выставкѣ гг. академиками *Майковымъ*, *Молдавскимъ* и *Ө. Брюловымъ* и профессорами *Лузи* и *Нефомъ*, въ числѣ двадцати-шести большихъ картинъ, предназначенныхъ для Исакиевскаго Собора.

Переходимъ къ другимъ замѣчательнымъ произведеніямъ нынѣшняго года, переберемъ отдѣлъ живописи, извѣстный подъ названіемъ картинъ *de genre*, — особенный родъ искусства, представляющій нашу обыкновенную жизнь съ ея печалами и радостью, смѣхомъ и слезами, комизмомъ и пошлостью. Эта живопись особенно возбуждаетъ вниманіе публики и группируетъ вокругъ себя многочисленныхъ зрителей, что много говоритъ въ пользу нашей петербургской эстетической требовательности. Большинство публики толпится предъ картиною г. *Шульца* «Подмастерье-столяръ проситъ руку дочери своего мастера». Послѣ картинъ покойнаго П. А. Өедотова ни одна, кажется, картина не возбуждала такого удовольствія въ зрителяхъ, какъ эта, по своему добродушному юмору. Вы видите передъ собою молодого парня одѣвавшегося въ самое лучшее свое праздничное платье. Нѣмецъ задумалъ давно испытать семейное счастье, что доказываетъ дѣлаемая имъ дѣтская люлька, на первомъ планѣ; чтобъ придать себѣ болѣе рѣшимости и развязать предъ хозяиномъ робкій языкъ, онъ выпилъ, но только чрезчуръ уже переполнилъ дозу, потому—что позабылъ снять даже шляпу, опрокинувшуюся на затылокъ. Понятно, что такое состояніе, неоправдываемое передъ хозяиномъ никакой причиной, не могло доставить претенденту хорошаго приѣма. Старикъ, допивающій свою утреннюю порцію кофе, вмѣсто радушнаго привѣта, поднялъ на него трубку, позабывъ, въ гнѣвѣ, объ иллюстрированной газетѣ. Для подмастерья надежда, впрочемъ, не совсѣмъ еще, можетъ—быть, потеряна, судя по фигурѣ жены хозяина: удерживая одною рукою порывъ разгнѣваннаго супруга, она другою дѣлаетъ молодому нѣмцу знакъ воздерживаться отъ всякаго возраженія. Полненькая дѣвушка, будущая невеста, прислонясь къ перегородкѣ, прислушивается къ разговору съ пугливымъ вниманіемъ. Кромѣ обдуманности сюжета, картина эта отличается также хорошимъ выполненіемъ. Неменѣе прекрасна картина иностраннаго художника *Вергейдена* «Дѣвочки у колодца», въ особенности очень—остроумно—придуманная фигура одной изъ нихъ, которая показываетъ рукою на зрителей. Другой иностранный художникъ, *Цукколи*, выставилъ шесть этюдовъ въ этомъ же родѣ. Изъ нихъ этюдъ повара истинно—прекрасенъ. Поваръ, облокотился обѣими руками на столъ и углубился въ созерцаніе зайца и курицы. По лицу его, сіяющему какимъ—то внутреннимъ самодовольствіемъ, видно, что онъ, какъ Архимедъ въ своемъ родѣ, можетъ воскликнуть «вашоль». Курица дотога натуральна, что такъ и хочется ощупать ее рукою, чтобъ удостовѣриться не положенъ ли на колотню настоящій маленький цыпленокъ. Этотъ же художникъ выставилъ картину, названную имъ «Первые христіанскіе мученики». Она исполнена съ большимъ

вкусомъ, но сюжетъ неполонъ и не соответствуетъ данному названію: въ ней нѣтъ ни одной изъ тѣхъ дикихъ сценъ убійства, звѣрскихъ лицъ, изверговъ и кроткихъ фигуръ страдальцевъ, которыя съ такою ужасающею истинною были изображены, нѣсколько лѣтъ назадъ, гг. Сорокинымъ и Тимашевскимъ въ картинѣ подобнаго же названія.

Г. *Трутневъ*, котораго прекрасною картиною «Игра въ жмурки» мы любовались на прошедшей выставкѣ, написалъ для нынѣшняго года «Крестьянина, благословляющаго сына въ ополченіе». Добротворность, съ которою художникъ исполнилъ избранный имъ сюжетъ, достойна всякой похвалы. Мало того, что картина его отдѣлана съ тщательностью въ малѣйшихъ деталяхъ, она мѣстами, какъ будто даже, говоря технически, *заработана*, отъ лишняго желанія придать ей возможную оконченность. Не будь у г. Трутнева одного недостатка, картина его была бы вполне-замѣчательна по своему сочиненію, ловкой группировкѣ фигуръ и прекрасной экспрессіи. Нѣкоторые замѣчали также, что г. Трутневъ, могъ бы придать своему сюжету еще болѣе драматизма постановкою одного какого-нибудь лишняго второстепеннаго лица, которое бы могло еще болѣе увеличить интересъ зрителя къ улающемуся ратнику.

«Вдова»—картина, выставленная г. *Будковскимъ* и достойная вниманія по нѣжности живописи, неполнѣ прочувствована въ композиціи. Безъ объясненія каталога трудно догадаться, какую женщину хотѣлъ представить художникъ, несмотря на то, что она въ черномъ платьѣ. Притомъ, головка молодой вдовы много напоминаетъ головку интересной вдовушки покойнаго академика *Федотова*, картина котораго безъ всякой подписи заставляла восклицать зрителя: «вотъ бѣдная вдова!» и невольно сочувствовать. Изъ прочихъ хорошихъ картинъ въ этомъ родѣ живописи можно упомянуть о картинѣ г. *Прецлавскаго* «Русскіе въ 1812 году», г. *Шильдера* «Прощаніе ополченцевъ». Жаль, что нельзя того же сказать о подобной же картинѣ «Прощаніе ополченца» г. *Тейха*: она не что иное, какъ неудавшееся подражаніе прекрасной картинѣ г. *Чернышева* «Чиновникъ ѣдущій на родину», которою публика любовалась на одной изъ прошедшихъ выставокъ. Картина г. *Полова* «Дворовые люди» также не удалась и нисколько не напоминаетъ собою его прошлогодней картины, почти этого же сюжета, которая породила столько надеждъ: въ ней нѣтъ ни рисунка, ни композиціи, ни живописи. Къ этому отдѣлу можно также присоединить большую картину г. академика *Чернецова*: «Воззваніе Минина къ народу въ 1612 году, въ Нижегородскомъ Кремлѣ» и «Степи въ Киргизской Степи» г. *Гарановича*.

Не зная, къ какому роду живописи отнести картину г. академика *Н. Сверчкова*, собирающую вокругъ себя постоянно толпу, мы рѣшились закончить ею отдѣлъ de genre. Картина эта, помѣщенная въ каталогъ подъ скромнымъ названіемъ «Дорожные», отличается всѣми достоинствами таланта огромнаго и превосходитъ все, что до-сихъ-поръ сдѣлалъ этотъ художникъ. Онъ изобразилъ четверомѣстную дорожную карету, влеконую шестеркой усталыхъ лошадей. Ямщикъ

понуждаетъ ихъ восклицаніями; рядомъ, на козлахъ съ нимъ, сидитъ дремлющій усталый слуга, у котораго, отъ его участія въ дорожныхъ сборахъ, стерся палець и потому перевязанъ тряпкой. Изъ дверцы кареты выглядываетъ собачка, готовая выскочить на дорогу, есмѣль ея не удерживали. Сзади изъ крытаго мѣста выглядываетъ лицо молодой служанки, не позабывшей, несмотря на путешествіе, приискать удобное мѣсто для лучшаго своего украшенія, цѣпки: она прицѣпила ея къ верху покрывши. Говорить объ отвлечительныхъ достоинствахъ картины г. Сверчкова почитаемъ лишнимъ: оцѣ известны всякому, кто хоть сколько-нибудь слѣдилъ за произведеніями этого художника и за развитіемъ дарованія его.

Почти этотъ же самый сюжетъ выставилъ также г. *Грузинскій* подъ названіемъ «Почтовой бричкѣ». Картина эта выполнена съ знаніемъ дѣла и показываетъ въ молодомъ художникѣ будущій талантъ. Въ послѣдней залѣ, передъ выходомъ, посѣтители могутъ также полюбоваться изображеніемъ табуна въ заводѣ Хрѣионовѣ Государственнаго Коннозаводства, картиною г. академика *Швабе*.

По части перспективной живописи обратили на себя вниманіе г. художникъ *Сажинъ*, выставившій «Внутренность церкви Св. Троицы въ Кіевѣ» и «Внутренность Кіево-Софійскаго Собора, и г. *Шухвостовъ*, своею картиною «Внутренность Архангельскаго Собора въ Москвѣ». Первенство въ этомъ родѣ живописи принадлежитъ на нынѣшней выставкѣ г. академику *Гау*, выставившему два перспективные вида, акварельными красками: «Внутренность залы камергера, въ Императорскомъ Эрмитажѣ» и «залы русской школы», въ немъ же. Хорошо также исполненъ наружный перспективный видъ церкви Св. Василия Блаженнаго въ Москвѣ, написанный г. *Моисеевымъ*, замѣчательный тщательною передачей самыхъ мелкихъ подробностей архитектуры этого стариннаго зданія.

Отдѣлъ портретной живописи на нынѣшней выставкѣ очень разнообразенъ и во главѣ лучшихъ ея представителей, какъ и прежде, стоитъ профессоръ *Заряно*, выставившій два портрета: генерал-адъютанта Литке и генерала Вильсона. Достоинства въ нихъ уже извѣстны любителямъ: чрезвычайная рельефность и изумительное, почти-волшебное искусство письма аксессуаровъ. Упомянувъ имя г. Зарянки, нельзя не сознаться, что оцѣ своими портретами много подвинулъ впередъ прежнюю нашу портретную рутину. Оцѣ заставилъ молодыхъ художниковъ обратить тщательное вниманіе на отдѣлку прочихъ принадлежностей портрета кромѣ лица, щеголять блескомъ золота и серебра, нѣжностью шелковыхъ тканей, удивительною естественностью мѣховъ, рельефностью и блескомъ колорита; но вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Заряно причинилъ многимъ изъ его подражателей, обладающихъ самобытнымъ и еще неустановившимся талантамъ, цѣвольное зло: они стали пренебрегать полнымъ изученіемъ натуры и тѣми приѣмами, которыми руководились сперва, принимая за образцы портреты Вандика, Минье, Брюлова, Кипренскаго, Штейбена и Тренинина. Вліяніе увѣдательнаго таланта Заряно очень замѣтно на большей части портретовъ нынѣшней выставки, исключая

портретовъ г. *Горавскаго*, выставившаго портретъ католическаго митрополита Игнатія Головинскаго, г. *Ге* (о которомъ было уже сказано), г. художника *Маллренко* и академика *Тюринна*. Эти художники дѣйствовали по вдохновенію своей самобытной кисти, и хотя не дѣйствовали сильно на массу, но между-тѣмъ около ихъ произведеній составлялись кружки художниковъ, дѣлавшихъ очень-выгодныя для нихъ замѣчанія. Г. Горавскій въ-особенности привлекалъ общее вниманіе, и нѣтъ сомнѣнія, онъ также сдѣлается скоро прекраснымъ образцомъ для подражанія.

Самымъ талантливымъ и самымъ близкимъ подражателемъ манеры г. Заряно является г. *Тютрюмовъ*, который, впрочемъ, обладаетъ своимъ собственнымъ, самобытнымъ дарованіемъ. Онъ выставилъ въ нынѣшнемъ году восемь портретовъ: портретъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича во весь ростъ; портреты генерал-лейтенанта Мейландера, флигел-адъютанта графа Крейца, г. Варженевскаго, генерал-майора князя Воронцова, г. Кирилина, генерал-адъютанта Философова и его супруги. Портреты эти отличаются почти тѣми же достоинствами, какъ портреты г. Заряно. Изъ нихъ въ особенности хороши портреты г. Кирилина и г-жи Философовой, и послѣдній, по необыкновенной нѣжности письма.

Изъ прочихъ портретовъ можно упомянуть какъ о лучшихъ: художниковъ, *Мореншильда*, *Яковлева*, *Торопова*, иностраннаго художника Гебенса, *Лебедева*. Нельзя также не обратить вниманія посѣтителей выставки на портретъ генерал-лейтенанта Кушелева, написанный рядовымъ Лейб-Гвардіи Московскаго Полка *Борженевскимъ*. Изъ пансіонеровъ Академіи, возвратившихся изъ-за границы, выставилъ два портрета г. *Крюковъ*. Съ крайнимъ удивленіемъ о нихъ можно только сказать, что они не ниже и не выше посредственности; но и этого будетъ уже достаточно, чтобъ опредѣлить достоинство работы художника, бывшаго между-тѣмъ въ Италіи.

Изъ мозаичныхъ работъ на нынѣшней выставкѣ находится только одинъ портретъ Императора Петра I-го, исполненный г. художникомъ *Юневичемъ*.

Хорошихъ акварельныхъ портретовъ также довольно. Прекраснымъ представителемъ этой трудной живописи является въ нынѣшнемъ году такъ же, какъ и въ прошломъ г. *Рауловъ*, выставившій этюдъ головы старушки. Не выдавши, нельзя описать, до какой степени совершенства началъ г. Рауловъ достигать въ своихъ работахъ. Очень хороши также портреты акварелью г. *Никитина*, *Борелла*, *Пиратскаго* и *княжны Волконской*. Изъ пейзажей и рисунковъ, исполненныхъ акварелью, также стоитъ обратить вниманіе на искусный рисунокъ иностраннаго художника *Тейхелла*, представляющій сцену изъ медвѣжьей охоты, и на пейзажи также иностраннаго художника *Кернелла*—«Видъ въ Петербургъ» и «Видъ въ Нижнемъ-Новгородѣ».

Изъ гравюръ, представленныхъ въ нынѣшнемъ году, заслужили одобреніе Совѣта Академіи гравюра г. *Лебедева*—«Видъ набережной Императорской Академіи Художествъ» (съ картины профессора Воро-

бьева) и «Вѣчаніе Богоматери» (съ Анжелико), иностранной художницы *Перфетти*.

Обозрѣвая нынѣшнюю выставку, мы съ удовольствіемъ замѣтили, что многія произведенія принадлежатъ женской кисти. Это постоянно-усиливающееся участіе дамъ въ искусствахъ составляетъ отрадное явленіе и служитъ залогомъ увеличивающейсѣ любви къ искусству во всѣхъ кругахъ нашего общества. Нынѣшній годъ выставленно больше чѣмъ когда-либо женскихъ художественныхъ трудовъ. Госпожи Е. и А. *Чернявскія*, *Куткина*, *Лобри*, *Вернеръ*, *Рейнботъ*, *Глѣбова*, *Биршертъ*, *Хилкова*, *Ваксель*, *Юнгъ*, *Крылова*, княжна Е. Г. *Волконская*, М. и Н. *Шидлевскія*, княгиня *Масальская* — сколько талантовъ! Почитаемъ обязанностью указать также на лучшія ихъ произведенія. Первое мѣсто между ними принадлежитъ г-жѣ Хилковой — ученицѣ Петербургской Школы Рисованія, выставившей изображеніе внутренности женскаго отдѣленія этой школы — какъ по серьезности исполненія, такъ и по искусству расположенія женскихъ группъ. Г-жа Хилкова нисколько не впала въ однообразіе поворотовъ своихъ фигуръ и показала большее знаніе условій комнатной перспективы. Между художницами, выставившими картины, писанныя пастелью, должно отдать преимущество также ученицѣ Петербургской Школы Рисованія г-жѣ Лобри, написавшей голову св. Маріи Магдалины, съ картины А. Иванова. Г-жа Глѣбова выставила очень-миленькую головку, масляными красками, «школьникъ», а княжна Волконская — собственный свой портретъ. Труды прочихъ художницъ также не безъ достоинствъ.

Отдѣлъ пейзажной живописи очень-многочисленъ и разнообразенъ, и украшается картиною, присланной почетнымъ вольнымъ общникомъ нашей Академіи, знаменитымъ *Калямомъ*. Искусство, съ которымъ этотъ художникъ воспроизводитъ мертвую природу, извѣстно всей Европѣ. Присланный имъ пейзажъ не шеголяетъ ни живописностью избранной имъ мѣстности, ни присутствіемъ оживленныхъ фигуръ, а между-тѣмъ, до-того интересенъ, что глазамъ трудно отъ него оторваться. Калямъ представилъ только густое дерево, близъ котораго колосится обширная нива, убѣгающая къ морскому берегу, огороженному утесами. На тропинкѣ, пробитой между колосьями, полувиднѣются двѣ человѣческія фигурки. Что бы, кажется, могло такъ долго останавливать предъ собою зрителей, при такой бѣдной обстановкѣ сюжета?—ничего, кромѣ волшебства калямова гения. Рожь его сквозитъ и колосится, перебѣгая, будто волны, отъ дуновенія вѣтра; волны эти, кажется, то поднимаются, то опадаютъ и вмѣстѣ съ ними зыблется и тѣнь, брошенная на нихъ отъ широкаго дерева, листья котораго также будто шепчуть и дрожатъ въ свою очередь, и надъ всѣмъ эти тѣ перегоняютъ одно другое легкія облака. Какъ-бы для состязанія съ этою картиною швейцарскаго художника, въ выщее удивленіе посѣтителей выставки, поставлены три вида изъ окрестностей крѣпости Бобруйска нашего, безъ преувеличенія, будущаго русскаго Каляма, г. класснаго художника *Горавскаго*, обладающаго, кромѣ удивительнаго пейзажнаго таланта, еще превосходнымъ дарованіемъ пор-

третнаго живописца. Мѣстность ихъ также незамѣчательна, какъ и мѣстность, избранная Калямомъ, а между-тѣмъ, также возвышена творчествомъ до возможной прелести. Г. Горавскій представилъ картину, отъ которой спускается со скату тропинка къ водѣ, потомъ глинистые берега рѣчки и наконецъ огромное дерево, съ купою маленькихъ деревъ, отражающихся въ водѣ. Чтобъ не повторять того же, что было уже сказано о Калямѣ, просимъ каждого, имѣющаго случай, самому повѣрить истину, объ изумительной способности нашего русскаго, еще очень-молодаго художника, обязаннаго своимъ первоначальнымъ образованіемъ одному изъ нашихъ военно-учебныхъ заведеній.

Пансіонеръ Академіи г. *Лагоріо* представилъ на нынѣшнюю выставку два вида одной и той же мѣстности, изъ окрестностей Рима, при двухъ различныхъ освѣщеніяхъ: во время вихря, когда всѣ предметы покрываются пылью, и въ пору солнечнаго вечера, когда яркіе лучи, удаляясь отъ земли, начинаютъ блистать только на однихъ верхушкахъ деревъ. Задачу эту онъ выполнилъ съ большою для себя честью. Въсѣтъ съ г. Лагоріо прислалъ изъ-за границы видъ изъ окрестностей «Триеста», другой пансіонеръ Академіи, г. *Давидовъ*.

Почетный вольный общникъ г. *Львовъ* также украсилъ залы Академіи своими произведеніями, изъ которыхъ одно особенно обращаетъ на себя вниманіе по новости изображеннаго на ней явленія, именно «Лѣсной пожаръ». Этотъ трудный сюжетъ выполненъ г. Львовымъ очень-удачно. Предъ вами воздухъ, наполненный дымомъ, сквозь который сверкаютъ искры отъ раздуваемаго вѣтромъ пожарища. Нѣкоторые пни догорѣли и только свѣтятъ, какъ раскаленное желѣзо, другіе дыматся; все кругомъ пусто на первомъ планѣ и только одна жидкая сосна уцѣлѣла отъ общаго истребленія; вдали, за мелкимъ соснякомъ, огонь въ полномъ разгарѣ продолжаетъ свое сокрушительное дѣйствіе. Избранный предметъ требовалъ большихъ артистическихъ соображеній, чтобъ не впасть въ рѣзкости, и г. Львову удалось—таки выйдти счастливо изъ такого затруднительнаго положенія. Манера въ прочихъ трехъ пейзажахъ г. Львова—окрестностей Царскаго Села, города Чернигова съ минской дороги и часовни Троицкаго Монастыря подъ Черниговымъ—очень-близко подходитъ подъ манеру покойнаго заслуженнаго профессора Воробьева. Въ пейзажахъ его много мягкости и гармоніи.

Трудолюбивый нашъ академикъ г. *Н. Чернецовъ* выставилъ два вида изъ своего путевого альбома: видъ «Сорокадневной Горы близъ Иордана» и «Города Тиверіады на берегу Галилейскаго Моря». Очень хороши также виды г. академика *Саарасова*, въ Сергіевскомъ, на дачѣ Ея Императорскаго Высочества В. К. Маріи Николаевны, въ Кунцовѣ, близъ Москвы, и иностраннаго художника *Морена*. Академикъ г. *Фрикке* выставилъ нынѣшній годъ одиннадцать видовъ, изъ которыхъ два изображаютъ крымскія мѣстности.

Изъ пейзажей, представленныхъ на выставку учениками Академіи, особеннаго вниманія заслуживаютъ два пейзажа г. *Ботомолова*, одинъ изъ окрестностей Петербурга, а другой Сердоболя, и два вида на

островъ Валаамъ г. барона *Клодта* 4—10. Неменше этихъ четырехъ пейзажей хорошъ видъ изъ окрестностей Ораніенбаума, г. *Мещерскаго*, выставившаго, кромѣ этого, еще прекрасно-выполненный видъ Петропавловской Петербургской Крѣпости съ частью набережной, прилегающей къ Лѣтнему Саду. Эти произведенія, кажется, первый, показываютъ въ молодомъ художникѣ большое дарованіе, которое ему остается только съ успѣхомъ развивать. «Видъ изъ окрестностей Смоленска» г. *Петрова*; «Видъ окрестностей близъ Москвы» г. *Заруцкаго*; «Видъ въ Орловской Губерніи» г. *Николаева*. О двухъ видахъ г. художника *Кожарова*, изображающихъ рѣку Коншу въ Алтайскихъ Горахъ Западной Сибири и Телецкого Озера, въ той же полосѣ Россіи, не зная колорита сибирской природы (потому что каждый извѣстный земной поясъ имѣетъ свой особенный колоритъ), сказать ничего не можемъ; они хорошо вырисованы. Это же самое должно сказать и о видѣ «Берегъ Нормандіи» иностраннаго художника *Тейхеля*, написавшаго еще и картину, изображающую ополченцевъ, генерала и офицера, верхами.

Любители морскихъ видовъ могли нынѣшній годъ насладиться новыми произведеніями нашего даровитѣйшаго и неистощимаго профессора *И. К. Айвазовскаго*: «Бурею подъ Балаклавой», «Бурею подъ Евпаторіей» (2-го октября прошлаго 1854 года), картинами въ колоссальномъ размѣрѣ; «Ночью на южномъ берегу Крыма», согрѣтою полнымъ луннымъ освѣщеніемъ, и двумя картинами меньшаго размѣра, изображающими также море при двухъ различныхъ освѣщеніяхъ: при закатѣ солнца и въ пору туманнаго утра. Покоривъ своей причудливой кисти стихію самую невокорную—море, г. Айвазовскій съ такимъ же волшебствомъ подчинилъ себя и землю. Изъ такого безпредметнаго, блѣднаго предмета, какъ степь, онъ создалъ второе, во всемъ его причудамъ покорное зеленое море и украсилъ его длиннымъ рядомъ малороссійскихъ воевъ, которыхъ нескончаемая линия будто поглощается въ послѣднихъ яркихъ волнахъ заходящаго солнца. Свѣтъ солнца переливается по всему плану картины и такъ близко подходитъ къ натурѣ, что въ глазахъ начинается будто рябить, если долго смотреть на него. При переходѣ отъ одной картины г. Айвазовскаго къ другой, зрителями какъ-то невольна овладѣваетъ двойное ощущеніе: то какого-то ужаса, при взглядѣ на картину волнующагося мрачнаго моря, то какого-то сладкаго успокоенія при видѣ тихой водной поверхности, сребристаго ночнаго воздуха или ровной, никогда-невозмутимой дали малороссійскихъ степей. Такова сила истиннаго таланта! Даровитый пансіонеръ Академіи г. *Бюлюбовъ* прислалъ на нынѣшнюю выставку изъ Италіи «Ночь въ Венеци». Талантъ этого художника видимо совершенствуется. Упомянувъ о «Пожарѣ парохода на морѣ» г. *Круговикина* и о двухъ морскихъ картинахъ г. почетнаго вольнаго общника *Шульмана* «Буря, застигшей Императора Николая I въ Черномъ Морѣ, во время обратнаго путешествія изъ Варны въ Одессу въ 1828» и «Видъ Синопа», мы исчислимъ все по этому отдѣлу живописи.

Скульптурный отдѣлъ нынѣшней выставки не такъ богатъ учени-

чeskими работами, какъ въ прежніе года, но за-то онъ исполнѣнъ иску-
щаетъ численностью выставленныхъ произведеній. Два барельефа: «Иосифъ, проданный братьями въ Египетъ» г. Штрома и
«Милосердіе самаритянина» г. фон-Бока, одни могутъ замѣнить для
зрителей недостатокъ статуй и другихъ лѣпныхъ отдѣльныхъ фигуръ.
Обдуманность сюжета, экспрессія лицъ, прекрасная лѣпка и есте-
ственность позъ много говорятъ за будущія, еще лучшія созданія
двухъ молодыхъ экспонентовъ, особенно г. фон-Бока, который такъ
блистательно явился передъ публикою лишь въ первый разъ съ свои-
ми скульптурнымъ произведеніемъ. Лучшимъ украшеніемъ круглой
залы, назначенной для скульптурнаго отдѣла выставки, служатъ ра-
боты профессора Пименова «Преображеніе» Господне и «Воскресеніе
Господне», съ которыхъ отлиты изъ бронзы копіи ставятся на ма-
лыхъ иконостасахъ Исакіевскаго Собора. При всей громадности ихъ
выполненія, трудно себѣ представить что-нибудь болѣе-легкое и гра-
ціозное, трудно найти самоналѣйшее упущеніе противъ раз-бровъ
обыкновенной натуры. Кромѣ этихъ колоссальныхъ скульптурныхъ
произведеній, профессоръ Пименовъ выставилъ гипсовые эскизы св.
Великаго Князя Владиміра, низвергающаго идола, св. Великаго Князя
Александра Невскаго, алегорію С.-Петербурга и Москвы, торжествую-
щей надъ тремя нашествіями: монголовъ, поляковъ и Наполеона и
два проекта фонтановъ: Ермака, отбивающагося въ послѣднихъ уси-
ліяхъ на берегу Иртыша и фонтана, составленнаго изъ трехъ бога-
тырей языческихъ временъ великихъ князей Святослава и Владиміра:
Яна Усовича, вырывающаго ребро у бѣгущаго разъяреннаго быка,
Добрыни Никитича и Алексѣя Поповича, изъ которыхъ каждый, вмѣ-
сто обыкновеннаго оружія, дѣйствуетъ однимъ коренастымъ дубомъ,
другой—оторванными утесомъ. Къ числу мелкихъ скульптурныхъ ра-
ботъ, отличающихся вкусомъ, можно отнести эскизы изъ гипса ху-
дожника Ковшенкова и указать особенно на его гипсовые статуэтки:
«Подвигъ юнкера князя Андронникова въ сраженіи при Баш-Кадик-
Ларѣ» и «Подвигъ русскаго солдата въ томъ же дѣлѣ». Въ этомъ же
родѣ прекрасно исполнены статуэтки, изъ обожженной глины: «Че-
тыре возраста жизни» иностраннымъ художникомъ Гюльдономъ.

Скульптурный отдѣлъ выставки дополнилъ двумя своими гипсовыми
работами вице-президентъ Академіи графъ *Ф. П. Толстой*. Гораций,
упоминая о римскомъ поэтѣ Галлѣ, говоритъ, что рѣка Пермь, въ
струяхъ которой приходили черпать вдохновеніе, внушала ему луч-
шія его стихотворенія. Не черпая, какъ Галлъ, вдохновенія въ Пер-
мь, нашъ художникъ умѣлъ создать, между-тѣмъ, прекрасную ста-
тую нимфы Аганиппы, дочери этой рѣки. Она изображена имъ лежа-
щею на берегу, любующеюся своими длинными густыми кудрями.
Кто хоть отчасти знакомъ съ произведеніями графа Толстаго, тотъ
можетъ представить себѣ, съ какою граціею выдѣлена имъ и эта
новая статуэтка. Кромѣ Аганиппы, графъ Толстой выставилъ еще
бюстъ блаженной памяти Императора Николая Павловича, въ славян-
скомъ древнемъ шлемѣ, въ панцырѣ, украшенномъ крестомъ и рос-
сійскимъ гербомъ, съ императорскою мантиею, накинутой на правое

плечо. Бюстъ этотъ немного—больше натуральной величины. По медальерному искусству оказалъ на нынѣшней выставкѣ большіе успѣхи г. *Канаевъ* въ лѣпкѣ изъ воска «*Эола, напутствующаго Улисса*».

Заклучимъ этотъ бѣглый обзоръ нынѣшней выставки обзорѣніемъ архитектурныхъ проектовъ. Лучшіе изъ нихъ принадлежатъ академику *Петцольту*: «Проектъ православнаго монастыря» и академику *Скаржинскому*: «Проектъ казармъ для Кавалерійскаго Гвардейскаго Полка». За ними можно указать на проекты художниковъ *Винтергальтера*, *Циглера*, *Шторма* и *Семенова*, представившихъ архитектурныя программы на одну и ту же тѣму: «Проектъ Академіи Художествъ». Изъ ученическихъ проектовъ заслужилъ вниманіе Совѣта Академіи рисунокъ г. *Щедрина* «Проектъ велико-княжескаго загороднаго дворца».

Всѣхъ вообще художественныхъ произведеній, выставленныхъ нынѣшній годъ для публики, было *триста—двадцать—три*.

По разсмотрѣніи произведеній, представленныхъ гг. художниками и учениками, на торжественномъ актѣ, бывшемъ во вторникъ, 4—го октября, удостоены Совѣтомъ Академіи, званія профессора: гг. академики *Петцольтъ*, *Скаржинскій* и *Сверчковъ*; званія академика: гг. *Винтергальтеръ*, *Циглеръ*, *Антиповъ*, *Штромъ*, *Пиратскій*, *Тороповъ*, *Сажинъ*, *Шухвостовъ*, *Будковскій*, *Шульцъ*, *Соловьевъ* и иностранный художникъ *Моренъ*; признаны назначенными въ академики: гг. *Маларенко*, *Семеновъ*, *Гороновичъ*; признана почетнымъ вольнымъ общникомъ г-жа *Перфетти*; получили званіе художника: гг. *Красовскій* и *Охмановъ* (ученики Московскаго Училища Живописи и Ваянія), *Дмитріевъ*, *Петровъ*, *Заруцкій*, *Васильевъ*, *Гиллисъ*, *Безцѣнный*, *Дубковъ*, *Захаровъ*, *Николаевъ*, *Касаткинъ*, *Борель* и г-жи *А. Чернявская*, *Е. Чернявская* и *Глѣбова*; удостоены первой золотой медали: гг. *Флавицкій*, *Шарлеманъ*, *Страшинскій* и *Сверчковъ*; награждены золотою медалью, за экспрессию, г. *Трутневъ*; удостоены второй золотой медали: гг. *Микѣшинъ*, *Келеръ*, *Годунъ*, *Щедринъ*, *фон-Бокъ* и *Богомоловъ*; получили первую серебряную медаль: гг. *Канаевъ*, *Лебедевъ*, *Бочаровъ* и баронъ *Клодтъ 1-й*; удостоены второй серебряной медали: гг. *Катанянецъ*, *Мещерскій*, баронъ *Клодтъ 2-й* и г-жи *Хилкова* и княжна *Волконская*; объявлена похвала: гг. *Солдаткину*, *Плѣшанову*, *Мартынову* и рядовому *Лейб-Гвардіи Московскаго Полка Бортневскому*.

Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ на русской сценѣ въ послѣднее время была, безъ сомнѣнія, комедія г. *Писемскаго Ипохондрикъ*, сколько по тому, что комедія эта оригинальная, столько и потому, что принадлежитъ писателю, пользующемуся заслуженною любовью публики. Пьеса эта, года три назадъ, была напечатана въ «*Москвитиннѣ*» и возбудила рядъ критическихъ статей pro и contra во всѣхъ почти періодическихъ изданіяхъ. Такъ—какъ въ нашемъ журналѣ въ то же время была сдѣлана оцѣнка «*Ипохондрика*», то на этотъ разъ скажемъ только объ исполненіи комедіи на сценѣ и о впечатлѣніи, производимомъ ею на зрителей. Комедія была разыграна съ ансамблемъ, который на нашей сценѣ только и можно встрѣчать въ исполненіи пьесъ

изъ средняго класса русскаго общества. Всѣ артисты сдѣлали изъ своихъ ролей все, что было возможно, и сдѣлать имъ это было тѣмъ легче, что лица въ комедіи г. Писемскаго очерчены весьма-ясно и опредѣлительно. Яркая обрисовка характеровъ со стороны автора, старательная передача ихъ со стороны артистовъ произвели то, что всѣ дѣйствующія лица, особенно же поурошайка Наталья Кириловна (г-жа Линская), кляузникъ, двоюродный братецъ Дурнопечина (г. Зубровъ) и сентиментальная старая дѣва (г-жа Орлова) вышли поразительно-истинными. А такъ-какъ все истинное имѣетъ въ себѣ что-то особенно-привлекательное, то зритель смотрѣлъ не скучая всѣ пять актовъ комедіи, а по ея окончаніи, считъ обязанностью поблагодарить автора, который въ первое представленіе былъ вызванъ два раза. Но это окончательное выраженіе признательности, которымъ русская публика такъ любитъ награждать сценическихъ дѣятелей, не служитъ, однако, доказательствомъ, что пьеса нравится. Тотъ, кто прислушивался къ говору зрителей, кто прислушивался въ обществахъ къ сужденіямъ лицъ, видѣвшихъ «Ипохондрика», долженъ сознаться не премѣнно, что комедія не произвела большаго впечатлѣнія. Каждая пьеса можетъ интересовать или подвизающимися въ ней лицами, или совершающимися съ тѣми лицами событіями. Но Дурнопечинъ, главное лицо комедіи, не интересовалъ своею личностью. Онъ не смѣшонъ, потому-что всѣ странности жизни этого человѣка—слѣдствія ненормальнаго положенія его здоровья, а смѣяться надъ такими слѣдствіями также ненатурально, какъ смѣяться надъ странной походкой хромага. Дурнопечинъ не возбуждаетъ и сожалѣнія, потому-что можно сожалѣть только о тѣхъ, кого мы знаемъ и кто заслуживаетъ сожалѣнія, а не станеть силъ человѣческихъ плакать о каждомъ встрѣчаемомъ нами покойникѣ, о каждомъ видѣнномъ нами больномъ; Дурнопечинъ же для публики не болѣе, какъ и каждый другой субъектъ, потому-что она не знала его иначе, какъ ипохондрикомъ. Что касается до прочихъ лицъ, то они, несмотря на ихъ вѣрность дѣйствительности, не возбуждаютъ большаго интереса въ зрителяхъ. Это происходитъ частью оттого, что положеніе ихъ неслишкомъ-ново (еще недavno на русской сценѣ имѣла большой успѣхъ отчасти схожая съ «Ипохондрикомъ» двухъ-актная комедія «Богатая старушка и ея родственники», передѣланная изъ старинной нѣмецкой комедіи: «Das Testament»), частью потому, что лица эти не подвигаютъ хода событій комедіи. Въ-самомъ-дѣлѣ, комедія кончается тѣмъ же, чѣмъ и начиналась. За исключеніемъ старой дѣвы, которая выходитъ замужъ за недоросля, всѣ лица остаются въ томъ же положеніи, въ какомъ знали мы ихъ при первой встрѣчѣ. Даже герой комедіи, Дурнопечинъ, поправившійся—было въ срединѣ пьесы, къ концу ея снова впадаетъ въ прежнюю болѣзнь. Рядъ сценъ живыхъ и совершенно-естественныхъ не приводитъ ни къ какимъ послѣдствіямъ, которыя бы вытекали изъ характеровъ и дѣйствій участвовавшихъ въ тѣхъ сценахъ лицъ, не приводитъ событія ни къ какой развязкѣ; а комедія безъ развязки не можетъ произвести впечатлѣнія на зрителя. Таково мнѣніе не наше, но большин-

ства публички. Имя г. Писемскаго, одного изъ даровитѣйшихъ современныхъ бельетристовъ, собрало въ театрѣ публичку на три, на четыре первыхъ представленія его комедии, но на пятое театрѣ былъ ужъ на-половину пустъ, несмотря на то, что пьеса давалась съ большими промежутками.

Изъ другихъ новостей русскаго театра надобно упомянуть о бенефисѣ г-жи Жулевой и г. Бурдина. Первый изъ этихъ бенефисовъ, замѣчательный по своей благотворительной цѣли, былъ составленъ изъ пьесъ возобновленныхъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ маленькой, но прекрасной комедии г. Тургенева «Провинціалка». Новаго же въ бенефисѣ были только сцены; въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, г. Попова: *Силуэты*.

При нынѣшнемъ урожаѣ на драматическія произведенія, пьеса, подъ скромнымъ заглавіемъ «Силуэты», какъ по основной мысли, такъ и по формѣ, не показываетъ въ авторѣ той расчетливости и умнаго выжата на эффектахъ, которыми отличаются сочинители пьесокъ заурядъ, написанныхъ, очевидно, съ мыслью: какъ хороша тутъ будетъ Жулева, какъ смѣшны будутъ здѣсь Мартыновъ, какъ вырочатъ тутъ автора Самойловъ и т. п. «Силуэты» — это честный порывъ искреннаго, благороднаго сердца сказать въ лицахъ нѣсколько задушевныхъ мыслей уже извѣстныхъ и потому самому сдѣлавшихся достояніемъ не одной науки, но и поэзіи. Тутъ слышится ропотъ честной личности, протѣрившей на самой себѣ нѣкоторыя противорѣчія современной жизни и въ порывѣ негодованія жалующейся на досадныя anomalies... Калитинъ пережилъ многое, но не заржавѣлъ, не перегорѣлъ сердцемъ; онъ даже сохранилъ вѣру въ благотворное вліяніе женщины... Но онъ принадлежитъ къ тому обществу, гдѣ господствуетъ скептицизмъ и гдѣ преслѣдованіе какихъ-нибудь желочей замѣняетъ строгую критику дѣйствительности. Въ его нападкахъ на «львицу», «эксцентрику», Криницкую, которая капризничаетъ, чудитъ, стрѣляетъ и набѣздничаетъ только за ненахожденіемъ исхода своей любящей души, попадаются выраженія, которые присяжный критикъ назвалъ бы запоздалыми; но эта запоздалость по тому самому и драгоценна: видно, что Калитинъ говоритъ искренно. Его небрежность въ салонномъ процесѣ съ львицею обнаруживается въ немъ челоуѣка своеобразно-развившагося, невыжатаго на «разгахъ», «повадергаивныхъ изъ книжекъ». Много можно бы сказать не противъ Калитяна, а въ дополненіе къ сказанному имъ: Энергически нападая на воспитаніе женщинъ, онъ говорить:

На современныхъ львицъ взгляните:

Имъ о семьѣ подумать недосугъ!

У нихъ важнѣе есть занятія —

Балы, театры, маскарады:

То надобно примѣрить платье,

То головной купить нарядъ...

Мы бы прибавили: славу Богу, если недосугъ! Тотъ же Калитинъ, имѣя оныя дѣла съ болѣе-искуснымъ диалектикомъ, немелю Криницкая;

вспомнилъ бы, что для нѣкоторыхъ матушекъ суетное внимательство въ воспитаніе дѣтей замѣняетъ мудрые трактаты о кройкѣ платьевъ и мантилій, и первая мода во всѣхъ отношеніяхъ горше послѣдней. Пускай ужъ праздныя драпируются тяжелыми складками многоцѣннаго *damas*, тѣшатся своими побрякушками, не посягая на нравственное развитіе дѣтей; пусть лучше мужъ

... платитъ тяжкою цѣною

за покрытіе этихъ важныхъ расходовъ. Ему, мужу, ужъ заодно можно повторять давно-извѣстную роль «хозяина-приобрѣтателя», но только дай Богъ, чтобъ дѣти, хотя бы цѣною «обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній» дошли до чего-нибудь лучшаго, примѣрно, хотя до калитинскаго убѣжденія о настоящемъ значеніи женщины...

Которая бы поняла
Свое высокое значенье
И исключеніемъ была
Изъ нынѣшняго поколѣнья!
Чтобы, поэзій дыша,
Она отрады въ ней искала,
Чтобъ чистая ея душа
Пустыя сметни презирала;
*Чтобъ мужъ, измученный борьбой
Съ житейской прозою суровой,
Могъ отдохнуть въ семьѣ родной
И укрыться въ битву новой.*

Одна эта мысль дѣлаетъ уже произведеніе симпатичнымъ! Эта мысль слишкомъ—рѣдко промелькиваетъ, и то заслоняясь и какъ-бы совѣтась чего-то, въ современныхъ произведеніяхъ, гдѣ гордо охорашивается плачевный индивидуализмъ, обличающій въ людяхъ недостатокъ внутренняго, сердечнаго богатства, безъ котораго, конечно, женщина не можетъ быть не только «путеводною звѣздой» семейства, но и «подругою жизни», по пониманію Чичикова.

Роль Калитина исполнилъ г. Максимовъ. У него были удачныя мѣста, но, дѣло извѣстное, между исполненіемъ пьесы и пониманіемъ ея—цѣлая бездна. То же оправдалось и въ настоящемъ случаѣ. Послѣ прекраснаго монолога, въ которомъ, между-прочимъ, Калитинъ одною прозаически-сильною фразою опредѣляетъ свою личность:

Меня вездѣ за правду гнали,
Любовь не поняли и дружбу презирали —

онъ является (съ цѣлью устроить женитьбу пріятеля) къ Кринецкой и начинаетъ легонько колотъ ее за черезчуръ-амазонское направленіе:

Кокетство — женщинамъ врожденно,
А амазонство — современно.

Эта фраза вызвала легкій одобрительный говоръ публики. И на основаніи ль этого крошечнаго факта, или почему другому, г. Максимовъ съ такимъ же тщаніемъ и особенной растяжкой и интона-

ціей произнесъ другую фразу, направленную противъ деревенской жизни и безотвѣтныхъ деревенскихъ жителей:

Нѣтъ, лучше зѣживо зарыть
Себя, чѣмъ жертвовать собою,
И, не дѣлясь ни съ кѣмъ душою,
Средь огородовъ прозябать!

Въ Калитинѣ эта выходка понятна какъ недостатокъ желчнаго чело-
вѣка, какъ свѣтская привычка шутить надо всѣмъ, довольно-нераз-
борчиво, и безъ глубокаго убѣжденія въ правотѣ своей шутки; г. Мак-
симовъ произнесъ эти слова съ тономъ искренняго убѣжденія, какъ
непреложную и крайне-ѣдкую истину... Они тоже вызвали одобри-
тельный говоръ... верхняго населенія театра.

Встрѣча Кринецкой съ Калитинымъ разрѣшается тѣмъ, что оба
они, отъ безплоднаго и пражнаго сѣтованія на жизнь, на общество,
на свое прошедшее, переходятъ къ искренней, простодушной любви,
перестаютъ остриться и тягаться умомъ другъ передъ другомъ и
даже сожалѣютъ о потерянномъ на это времени. Эта нравственная
реформа развита авторомъ неполнѣ; да можно ли этого и требо-
вать отъ *силуэтовъ*? Довольно и того, если въ нихъ переданы нѣко-
торыя черты современныхъ людей; полнаго развитія тѣхъ же мыслей
въ болѣе-законченныхъ образахъ можно ожидать отъ автора въ бу-
дущемъ. Мы не рассказываемъ содержанія «Силуэтовъ»: оно немно-
госложно и главное достоинство пьесы заключается въ задушевности,
искренности, съ какою дѣйствующія лица повѣряютъ свои мысли и
чувства... Нѣсколько энергическихъ стиховъ неволью напоминаютъ
монологи и рѣзкія реплики Чацкаго... Кринецкая, объясняя мучи-
тельное положеніе женщины непонятой, неощѣненной по достоинству,
говорить:

Никто не думаетъ нисколько
Подругу жизни въ ней искать;
Тотъ въ ней сидѣлку видитъ только,
А зтотъ?... лучше умолчать.

Эти четыре стиха, безъ-сомнѣнія, найдутъ отголосокъ во многихъ
сердцахъ. Жалобы Калитина, сознание собственной бесполезности и
невзрачности того общества, къ которому онъ принадлежитъ, раз-
рѣшаются благороднымъ взрывомъ въ его первомъ монологахъ:

Проснись Россіи дивный геній!
Проснись, и мощною рукой
Направь ты наше воспитанье,
Дай чистой правды свѣтъ познать
И, сбросивъ иго подражанья,
Себѣ заставь насъ подражать!

Остается пожелать близкаго осуществленія этой мысли въ родномъ
обществѣ, а автору «Силуэтовъ» — успѣха и постоянства въ преслѣдо-
ваніи здравыхъ идей и художественномъ ихъ воспроизведеніи.

Бенефисъ г. Бурдина былъ составленъ очень-добросовѣстно. Нѣмѣя представить публикѣ ничего хорошаго новаго, г. Бурдинъ составилъ спектакль изъ произведеній, уже извѣстныхъ. За славными именами Пушкина и Гоголя, на афишѣ слѣдовали имена любимыхъ писателей современныхъ: гг. Островскаго и Дружинина. *Каменный гость* и *Тяжба* сопровождалась сценами г. Островскаго *Картины семейнаго счастья* и комедіею г. Дружинина *Не всякому слуху вѣрь*. Правда, всѣ эти пьесы давно уже извѣстны читающей публикѣ, потому что и сцены г. Островскаго и комедія г. Дружинина были напечатаны; но, вѣрно, каждый охотнѣе согласится въ другой разъ слушать произведение даровитаго писателя, чѣмъ въ первый смотрѣть какую-нибудь горемычную передѣлку французскаго водевиля на русскіе нравы. Вотъ почему, относительно, бенефисъ г. Бурдина можетъ похвастаться однимъ изъ лучшихъ бывшихъ и, вѣроятно, будущихъ бенефисовъ русскаго театра. Но, говоря безотносительно, этотъ бенефисъ имѣлъ свои недостатки. Онъ былъ составленъ преимущественно изъ произведений, вовсе непредназначавшихся для театра, изъ произведений литературныхъ, но не сценическихъ, изъ произведений, которыя, кромѣ комедіи г. Дружинина, только сцены, а не представляютъ ничего цѣлаго. Бенефисъ г. Бурдина походилъ болѣе на литературный вечеръ въ костюмахъ, нежели на театральное представленіе. Нѣтъ спора, что такой литературный вечеръ лучше какого-нибудь плохаго спектакля; но отчего жъ не предположить, что спектакли могутъ быть и хорошіе? .. Г. Бурдинъ поступилъ прекрасно, поставивъ, вмѣсто передѣлокъ, произведенія хоть и не сценическія, извѣстныхъ русскіхъ авторовъ; но однако, что стало бы съ театромъ, еслибъ всѣ спектакли составлялись изъ отрывковъ, или даже цѣлыхъ произведений, непредназначавшихся для сцены? Проигралъ бы, думаемъ мы, и театръ, да не выиграла бы и собственно-литературныя произведенія. Зрители не скучали въ бенефисъ г. Бурдина, на примѣръ, однако многимъ показались длинными и характерическія сцены г. Островскаго и комедія г. Дружинина, хотя тѣмъ же лицамъ не казалось этого при чтеніи. Длинный разговоръ дѣйствующихъ лицъ, въ которомъ заключается преимущественно «Картина семейнаго счастья», очень-интересующій при чтеніи, утомляетъ на сценѣ; множество умно-придуманыхъ частныхъ въ комедіи г. Дружинина, представляющей картину семейной жизни супруговъ, почти дѣтей, которые плачутъ, смѣются, ссорятся и мирятся, пропадаетъ на театральныхъ подмосткахъ, лишая пьесу части интереса. Театръ имѣетъ свои условія, и не надо забывать старой истины: не все то хорошо на сценѣ, что хорошо въ книгахъ, и наоборотъ. Лучше другихъ изъ названныхъ пьесъ были исполнены «Тяжба», въ которой играли гг. Мартыновъ и Бурдинъ и «Картина семейнаго счастья», въ которыхъ особенно-хорошъ былъ г. Зубровъ, въ роли старика-купца, Парамона Ферапонтовича. Вся роль его заключается въ разговорахъ съ знакомымъ купцомъ и старухою, его матерью, но какъ просто и естественно говорилъ и рассказывалъ Парамонъ Ферапонтовичъ! Личность эту онъ передалъ не только съ талантомъ, но и съ тѣмъ художественнымъ тактомъ,

который не позволяетъ артисту переступить предѣлы искусства ради постороннихъ цѣлей, какъ, напримѣръ, аплодисментовъ. Этотъ художественный тактъ, которымъ владѣютъ весьма-немногіе, замѣтенъ былъ въ игрѣ г. Зуброва и въ роли Прохора Дурнопечина и нѣкоторыхъ другихъ роляхъ. Всѣ прочіе артисты, участвовавшіе въ пьесѣ, были совершенно въ своихъ роляхъ. Старуха-теща, вѣчно-ворчащая на невѣстку, представленная г-жею Линскою, ея сынокъ, задумывающій понадуть будущаго зятка своего Парамона Фераповтовича, представленный г. Бурдинымъ, были живыми лицами. Роли второстепенныхъ, невѣстки и дочери, очень-удачно исполнялись г-жами Натаровой и Михайловой. Обѣ артистки, особенно первая, и манерами, и рѣчами, и даже покачиваніемъ ноги, были настоящими купчихами...

Въ комедіи «Не всякому слуху вѣръ» роль молоденькой супруги какъ-будто написана для г-жи Шубертъ — такъ она шла къ этой артисткѣ; другія роли удалась менѣе. Что жъ касается до сценъ изъ «Каменнаго гостя», то они были разыграны слабѣе всего прочаго, хотя во второй картинѣ, когда донна Анна колеблется выказать свою страсть къ Дон-Жуану, въ игрѣ г-жи Жулевой были и истина и чувство.

Къ этимъ новостямъ русскаго театра прибавимъ, что въ прошломъ мѣсяцѣ любимица петербургской и московской публики цирка г-жа Федорова играла съ успѣхомъ роль графини Клары д'Обервиль въ драмѣ того же названія, а г. Максимовъ 1-й, безъ большаго успѣха являлся въ роли Лудовика XI въ драмѣ «Заколдованный Домъ».

Въ концѣ сентября на французской сценѣ дебютировала новая артистка, ангажированная на первыя роли намѣсто г-жи Плесси, г-жа *Роже-Солье*. Г-жа Роже, сколько можно судить по лицу, моложе своей предшественницы; ростъ ея выше средняго, наружность приятная и подходитъ подъ извѣстный типъ французенокъ; голосъ звучный и пріятный. Первые дебюты г-жи Солье начались въ Марсели и продолжались въ Брюссель. Оттуда артистка перешла на сцену перваго Французскаго Театра въ Парижѣ, потомъ играла на театрахъ Одеона, Gaité и наконецъ Сен-Мартенскихъ Воротъ, откуда и ангажирована на нашу сцену. Въ продолженіе своего сценическаго вояжца во Франціи и Бельгійи г-жа Солье пользовалась успѣхомъ. Первый дебютъ ея у насъ былъ въ роли баронессы д'Анжъ въ комедіи г. Дюма-сына *Le demi-monde*. Пьеса эта принадлежитъ къ категоріи тѣхъ драматическихъ произведеній, появившихся въ Парижѣ въ послѣднее время, въ которыхъ ратуютъ противъ мраморныхъ дѣвъ, дамъ съ камеліями и т. п. Въ прочихъ произведеніяхъ дамы этого рода представлялись поодинокѣ, попарно; здѣсь же представлены онѣ цѣлымъ обществомъ, которое и названо полусвѣтомъ. «Этотъ «полусвѣтъ новѣйшаго происхожденія (говорить одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи). Прежде, когда мужья были снисходительнѣе къ своимъ женамъ, полу-свѣта не существовало; но съ-тѣхъ-поръ, какъ они, вооруженные закономъ, получили право исторгать изъ среды семьи своей женъ, забывшихъ обязанности, въ нравахъ суровыхъ произвела перемѣна, которая и создала совершенно-

«новый, особый міръ, потому-что куда же было дѣваться вѣтъ
 «атвѣтъ женщинамъ униженнымъ, отторженнымъ, изгнаннымъ? Пер-
 «вая, которая очутилась въ такомъ положеніи, удалилась оплакивать
 «свой проступокъ въ убѣжище самое мрачное, какое могла найти.
 «Вторая, съ которою случилось то же, присоединилась къ первой, и
 «когда ихъ было уже двое, онѣ проступокъ наввали несчастіемъ, пре-
 «ступленіе — заблужденіемъ; онѣ начали утѣшать и називать друга
 «друга. Когда ихъ было трое, онѣ стали задавать обѣды, а когда се-
 «брядось четверо — составила кадрили. Затѣмъ около этихъ женщинъ,
 «сгруппировались молодыя дѣвушки, начавшія свои дебюты въ свѣтъ
 «наденіемъ — фальшивыя вдовы, фальшивыя замужнія женщины, кото-
 «рыя носятъ имена мужчинъ, почитаемыхъ ихъ мужьями и т. д. и
 «т. д. Въ нашъ вѣкъ, этотъ странный міръ кажется обыкновеннымъ.
 «И это незаконное общество имѣетъ особенную привлекательность
 «для молодежи. Любовь достается здѣсь легче, нежели въ обществѣ
 «высшемъ, и дешевле нежели въ обществѣ низшемъ... Это обще-
 «ство теперь повоюетъ; оно отличается отъ другихъ тѣмъ, что въ немъ
 «постоянно множество замужнихъ женщинъ, и никогда не видать ихъ
 «мужей». Такое опредѣленіе «полусвѣта» дѣлаетъ одно изъ главныхъ
 «дѣствующихъ лицъ комедіи, Оливье, который старается отъратить
 «молодаго, пламеннаго, страстнаго Ремона отъ супружества съ одной
 «изъ представительницъ этого общества — баронессою д'Анжъ. Сдѣ-
 «лать это, однако, не такъ легко. Баронесса — тотъ второй экземпляръ
 «деи Тартюфъ г-жи де Жирарденъ, дѣствуетъ хитро, ловко, и страст-
 «но-влюбленный Ремонъ только послѣ многихъ колебаній, сомнѣній,
 «сдоръ съ модными искренно-желавшими ему лучшаго, убѣждается на-
 «кодець, что любимая имъ женщина — и не баронесса и не вдова, а
 «просто ловкая авантюристка, облагодѣтельствованная маркизомъ Тон-
 «нереса. Въ этой борьбѣ хитрости quasi-баронессы съ сомнѣніями
 «влюбленнаго въ нее юноши, проходитъ комедія, про которую очень-
 «остроумно, хотя, можно предполагать несправедливо, сказалъ одинъ
 «изъ зрителей: qui a vu deux fois le demi monde, a vu le monde. Не-
 «смотря на многія достоинства, комедія Дюма-сына кажется очень-
 «скудною, и это потому, что въ ней слишкомъ-много ума и слишкомъ
 «мало чувства. Кромѣ юнаго Ремона, влюбившагося по ошибкѣ
 «въ женщину, его недостойную, всѣ прочія дѣствующія лица ратуютъ —
 «кто во имя своихъ честолюбивыхъ замысловъ (какъ, напримѣръ, баро-
 «несса), кто во имя устройства своихъ дѣлъ (какъ, напримѣръ г-жа
 «Верьеръ) и т. п. Пьеса ведена очень-искусно; но сценическое про-
 «изведеніе, живущее только умомъ, никогда не можетъ интересовать и
 «вравиться. Главную роль баронессы д'Анжъ исполняла дебютантка,
 «но исподнаца, ее несовѣтъ-успѣшно. Она не сдѣлала изъ этой лич-
 «ности ничего опредѣленнаго или характеристичнаго; баронесса-ин-
 «тригантка осталась какимъ-то блѣднымъ фантомомъ, и тѣмъ болѣе
 «блѣднымъ, что окружающія ее лица, какъ, наприм., г-жа де-Верьеръ,
 «ея племянница, г-жа де-Сантисъ, маркизь де-Тоннерсъ, благодаря
 «игрѣ г-жъ Лемоннъ, Мадьяны, Поль-Эрнестъ и г. Варме, вышши
 «жизнями лицами. Такая неудача въ исполненіи завистля не отъ недо-

статка таланта дебютантки, а, какъ убѣдили слѣдующіе дебюты, отъ неудачно-избранной ею роли. Комедія, какъ кажется, не въ сѣрѣ таланта г-жи Солье, и она гораздо-болѣе нравится въ драмѣ. Не имѣя успѣха холоднойю, разсчетливою, хитрою баронессою, въ которой никогда невидно искры нѣжнаго чувства, она очень понравилась зрителямъ, при второмъ своемъ дебютѣ, въ роли любящей и умирающей отъ любви гризетки Нини, въ возобновленной комедіи *La vie de Bohème*. Смотри на г-жу Солье въ этой пьесѣ, мы подивились, отчего не ее избрала она для перваго своего появленія на сценѣ, потому-что здѣсь она совершенно на своемъ мѣстѣ, даже манеры ея, немножко-бросавшіяся въ глаза въ роли баронессы, были незамѣтны въ роли Нини... Послѣ того г-жа Солье играла въ мелодрамѣ *Les oiseaux de proie*, въ комедіи *Par droit de conquête*, и если въ этихъ пьесахъ была менѣе-хороша, чѣмъ въ роли Нини, то и здѣсь вызвала не одно рукоплесканіе. Виѣстѣ съ г-ю Роже-Солье вступилъ на вашу сцену и ея мужъ, г. Роже, который, сколько можно судить по двумъ его дебютамъ, займетъ вторыя роли въ драмахъ и комедіяхъ. Наконецъ, въ маленькой комедіи *Un coeur qui parle*, комедійкѣ, впрочемъ, очень-слабенькой, дебютировала г-жа *Ейлали-Лавинь*. Это молодая дѣвушка, съ пріятнымъ лицомъ и хорошими манерами, имѣющая всѣ данныя сдѣлаться предметомъ любви тѣхъ молодыхъ и немолодыхъ людей, безъ которыхъ (т. е. безъ любви и людей), не обходится ни одинъ водевиль, ни одна комедія, возбуждая сомнѣнія со стороны зрителей въ возможности такой привязанности.

Русская опера ожива. Дебюты г. Сетова шли съ полнымъ успѣхомъ. «Лючія», въ которой онъ вышелъ въ роли Эдгара, была повторена пять разъ, и каждый разъ театръ былъ полонъ совершенно. Голосъ артиста нѣжный, чистый и чрезвычайно-пріятный; манера пѣнія напоминаетъ славнаго Рубини; въ игрѣ г. Сетова много чувства и драматизма. Виѣстѣ съ новымъ теноромъ пѣла партію Лучіи г-жа Булахова, и исполнила ее очень-мило. Не пускаясь въ музыкальныя хитрости, не гонясь за знаменитыми пѣвицами, она пѣла просто, сообразно своимъ средствамъ и понравилась публикѣ. Кромѣ этой новости, въ бенефисѣ пѣвца г. Петрова шла новая двухъактная опера князя Вяземскаго *Чародѣя*. Дѣйствіе оперы происходитъ въ Испаніи, въ 1525 году. Въ селеніи Дель-Рокко, жила молодая дѣвушка Эстелла, любившая молодого солдата Альвареца, и была любима взаимно. Но Альварецъ ушелъ въ походъ, и уже нѣсколько лѣтъ о немъ нѣтъ никакого извѣстія. Въ то же время въ хорошенькую дѣвушку влюбленъ богатый поселянинъ Туфадоръ, который всѣми силами старается овладѣть ея сердцемъ и рукою. Сначала Эстелла противится предложеніямъ, но наконецъ, не надѣясь увидѣть любимаго Альвареца, уступаетъ совѣтамъ увѣрившаго ее въ смерти Альвареца, алкада селенія (которому въ случаѣ успѣха, богатый женихъ обѣщалъ значительную сумму), и рѣшается на бракъ. Между-тѣмъ Альварецъ возвращается на родину; но, не дожда до селенія, падаетъ отъ усталости. Въ такомъ положеніи находятъ

его докторъ, алхимикъ Гаспаръ, и его товарищъ Робертъ. Узнавъ о несчастіяхъ Альвареца, они рѣшаются помочь его горю. Гаспаръ, подслушавъ разговоръ Тузіадора и алкада, въ которомъ они припоминаютъ разные свои незаконныя продѣлки, рѣшается употребить эти свѣдѣнія въ дѣло. Когда все готово къ подписанію свадебнаго контракта, онъ является на эту церемонію, объявляетъ себя чародѣемъ и, напомнивъ потихоньку жениху и алкаду ихъ продѣлки, общается Эстеллѣ возвратитъ любимаго Альвареца. Во второмъ актѣ, который происходитъ на кладбищѣ, чародѣй исполняетъ свое обещаніе. Напугавъ Тузіадора и его друга мнимыми привидѣніями, и заставивъ ихъ заплатить ему по сту червонцевъ, онъ затѣмъ, въ общей радости, оживляетъ Альвареца, который дѣлается, конечно, мужемъ любимой дѣвушки.

Вотъ содержаніе оперы «Чародѣй». Музыка ея, написанная княземъ Виазскимъ, легкая, живая, пріятная и понятная каждому. Опера эта можетъ стать наравнѣ съ тѣми операми Обера (принадлежащими къ третьему періоду его дѣятельности, т. е. періоду упадка), въ которыхъ недостатокъ оригинальности въ музыкѣ выкупается интересомъ ситуаций. Это особенно-легко замѣчается въ различнхъ впечатлѣніяхъ, производимаго на слушателя какимъ-нибудь соло, дуэтомъ или погсеаи d'ensemble. Первые почти всегда кажутся немножко-валыми, новыми, знакомыми; напротивъ, погсеаи d'ensemble, въ которыхъ обыкновенно больше интересуется ситуация, нежели музыка, нравятся. Увертюра очень-мала; особенно-хорошо въ ней Larghetto, которое весьма-удачно повторяется въ сценѣ второго акта, когда жители селенія идутъ на кладбище. Исполненіе оперы, въ которой роли Гаспара и его товарища играли гг. Петровъ и Артемовскій, Альвареца—г. Булаховъ, Эстеллы—г-жа Латышева, Тузіадора—г. Гумбинъ и Алкада—г. Леоновъ, не представляли большихъ трудностей, было успѣшно.

— Г-жи Лоти де ла Санта и Бозио, біографіи которыхъ мы сообщили въ прошломъ мѣсяцѣ, являлись передъ петербургскою публикою. Онѣ дебютировали въ произведеніяхъ Верди; первая: въ оперѣ «Сивардъ Саксонецъ», вторая въ «Риголето». Слухи объ обѣихъ артисткахъ оправдались совершенно: обѣ пѣвицы обладаютъ хорошими, обработанными голосами и какъ та, такъ и другая имѣли успѣхъ на нашей сценѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что также пріятно оправдается и другое ожиданіе петербургской публики, дебюта въ балетѣ знаменитой *Фанни Черрито*. Мы говоримъ: нѣтъ никакого сомнѣнія, потому-что успѣхи сопровождали эту артистку всюду, гдѣ она ни танцевала, а танцевала она на всѣхъ извѣстныхъ сценахъ Европы. Артистическое поприще г-жи Черрито началось очень-рано—на тринадцатилѣтнемъ возрастѣ, и на поприще это она была вызвана совершенно-случайно. Отецъ ея, офицеръ неаполитанской службы, участвовавшій въ походѣ 1812 года въ Россію, имѣлъ хорошее состояніе и не думалъ назначать свою дочь на сцену; но обстоятельства вселились. Состояніе отца Черрито разстроилось, обезпечить участь дочери въ будущемъ

было нечѣмъ, и подобно г-жѣ де-Лагранжъ, восхищавшей своимъ голосомъ нѣкогда посѣтителей изящныхъ салоновъ ея отца, Франческа Черрито должна была свой давно-замѣтный хореграфическій талантъ употребить для поддержанія себя и даже своей семьи. Черрито (настоящія имена, которой Франческа-Марія-Луиза, а Фанни — только прозвище, данное въ честь знаменитой Эльслеръ) пришлось серьезно заняться искусствомъ и она начала брать уроки у извѣстнаго танцора Филиппо Иццо. Занатія шли успѣшно и въ 1835 году, во время карнавала въ Неаполѣ, Черрито въ первый разъ явилась на сценѣ театра Сан-Карло въ роли Ириды, въ балетѣ «Амуръ и Психея». Ребенокъ-танцовщица, обратила на себя всеобщее вниманіе и съ этого времени начались ея успѣхи. За дебютами въ Неаполѣ всѣ первоклассныя театры Италіи обратились къ ней съ ангажементами и Черрито танцевала поочередно во Флоренціи, въ Римѣ, Неаполѣ, Туринѣ и другихъ городахъ. Въ 1837 году въ Вѣнѣ она смѣнила Карлоту Гризи, а въ 1839 году, во время коронаціи австрійскаго императора, когда въ Миланѣ собрались всѣ артистическія знаменитости, танцевала на театрѣ де-ла Скала. Въ 1840 году Черрито пріѣхала въ Парижъ. Но какъ дебютамъ ея здѣсь дѣлались различныя затрудненія, то она рѣшилась покинуть эту столицу и воспользовалась предложеніемъ директора лондонскаго Театра Королевы г. Лумлея. Она отправилась въ Англію, явилась передъ публикою Лондона и имѣла успѣхъ. Съ этого времени до 1849 года каждый лѣтній сезонъ она танцевала въ столицѣ Великобританіи, то одна, то вмѣстѣ съ другими извѣстными танцовщицами: Тальйони, Карлотою Гризи и Люсилъи и Гранъ. Въ 1847 году Фанни Черрито въ первый разъ явилась на сценѣ Большой Парижской Оперы, въ балетѣ «La fille de marbre» и нашла приемъ самый радушный, самый восторженный. Парижане полюбили итальянскую танцовщицу, и съ этого года каждую зиму Черрито танцевала въ большой оперѣ; на лѣто же уѣзжала въ Лондонъ или участвовала въ представленіяхъ на театрахъ Германіи. Въ 1851 году Фанни Черрито была приглашена на открытіе мадридскаго театра Oriente и за 50 дней получила 60,000 франковъ. Прощлое лѣто она провела въ Лондонѣ, къ концу сезона возвратилась въ Парижъ, откуда и пріѣхала въ Петербургъ. Въ 1845 году г-жа Черрито вышла замужъ за извѣстнаго танцора и хореграфа Сен-Леона. Кромѣ таланта танцовщицы, г-жа Черрито владѣетъ въ совершенствѣ искусствомъ балетной постановки. Такъ въ Римѣ, въ 1843 году, она составила прекрасный балетъ: «Воспитанникъ Амура»; ея же искусству принадлежитъ постановка пьесы: «Озеро волшебницъ» «Альма, дочь огня», и наконецъ, въ Парижѣ она поставила балетъ «Записки врача», который имѣлъ большой успѣхъ.

— Къ выходящимъ въ Россіи періодическимъ изданіямъ въ будущемъ году прибавляются еще три новыя. Первое, *Живописная Русская Библіотека*, въ которой статьи, касающіяся до исторіи, географіи, литературы и пр. будутъ украшаться рисунками; второе, *Музыкальный и театральный Вѣстникъ*, еженедѣльный журналъ, въ которомъ на ряду съ статьями учено-музыкальными, касающимися

исторіи музыки, музыкальныхъ новостей, біографій разныхъ артистовъ, и т. п., будетъ особый отдѣлъ, посвященный исключительно русскому театру. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи, касающіяся до исторіи русскаго театра, біографіи замѣчательнѣйшихъ русскихъ драматическихъ писателей и артистовъ; отчеты о новыхъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесахъ, даваемыхъ на русскомъ театрѣ. Третье изданіе, *Художественный журналъ для юношества*. Цѣль его (какъ сказано въ объявленіи) заключается въ томъ, чтобъ снабдить юношество обильнымъ и непрерывно-измѣняющимся матеріаломъ для усовершенствованія въ чистописаніи и рисованіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить любителямъ изящнаго богатое собраніе произведеній отличнѣйшихъ художниковъ въ С.-Петербургѣ. Для достиженія такой цѣли, подписчикамъ будутъ разсылаемы черезъ два мѣсяца: 10 прописей, 10 рисунковъ для рисованія, 10 узоровъ, 1 транспарантъ и 1 портретъ или ландшафтъ. Это, по всему видно, будетъ однимъ изъ самыхъ полезныхъ и пріятныхъ изданій.

— Въ числѣ мужскихъ нарядовъ удобнѣйшій, безъ сомнѣнія, пальто, но не то, которое въ модѣ въ настоящее время и называется дипломатическимъ, а прежнее—простое пальто-сакъ. Удобство этого наряда лучше всего доказывается тѣмъ, что пальто чрезвычайно-быстро распространилось во всѣхъ классахъ общества. Польза его очевидная во всякое время года, особенно ощутительна осенью и весною, во время дождей и слякоти. Но до-сихъ-поръ нарядъ этотъ употреблялся только носящими статское платье; съ недавняго же времени введены въ употребленіе и пальто военные. Эти пальто, въ то же время и плащи; они носятя въ рукава и въ накидку. Едва вышелъ Высочайшій приказъ объ этой новой формѣ, какъ на улицахъ показались военные въ своихъ сѣрыхъ пальто, съ петличками на отложныхъ воротникахъ. Пальто эти чрезвычайно-красивы, особенно у генераловъ, у которыхъ они на красной подкладкѣ. У моряковъ они чернаго цвѣта.

Съ наступленіемъ холодовъ, на нѣкоторыхъ военныхъ пальто появились воротники бобровые, на другихъ же просто сѣренькіе мерлушечья. Эти послѣдніе очень идутъ къ цвѣту пальто, и съ красотью и тепломъ соединяють и дешевизну. Вмѣстѣ съ сѣрыми военными пальто на петербургскихъ улицахъ безпрестанно встрѣчаются, похожія на нихъ по цвѣту и покрою, даже пальто статскія.

— Въ Петербургѣ много прекрасныхъ улицъ, много большихъ домовъ; но вмѣстѣ съ этимъ частныя зданія столицы отличаются двумя важными особенностями: неудобствомъ квартиръ и наружнымъ однообразіемъ. Если передѣлки и перестройки послѣдняго времени не имѣли значенія на улучшеніе квартиръ, нельзя не замѣтить, что вновь-возведенныя и поновленныя зданія нарушаютъ прежнее одообразие фасадовъ. Тому, кто давно не былъ въ Петербургѣ, эти перемены навѣрное бросатся въ глаза. Онъ замѣтитъ и особенность нѣкоторыхъ украшеній, и частью закругленныя сверху окна, а главное, измѣненіе цвѣта зданій. Прежде всѣ каменные дома столицы были почти-исключительно бѣлаго, желтаго и иногда розоваго цвѣта. Хотя

и теперь первые из этих цвѣтовъ могутъ почитаться господствующими, однако въ лучшихъ петербургскихъ улицахъ встрѣчаются часто дома темно-и свѣтло-шоколаднаго цвѣта, блѣдно-зеленаго и свѣтло-сѣраго. Цвѣтъ свѣтло-шоколадный употребляется особенно часто и онъ очень идетъ къ большимъ зданіямъ, а особенно украшеннымъ лѣпною работою. Нѣкоторые дома покрываются этою краскою сплошь, другіе красятся такъ, что стѣны ихъ свѣтло-шоколаднаго, а украшения того же, только нѣсколько-болѣе темнаго цвѣта. Что касается до украшеній, то, надо сказать правду, петербургскіе дома на нихъ очень-скупы. Исключенія составляютъ только нѣкоторые дома-особняки, принадлежащіе аристократамъ. На этихъ зданіяхъ, кромѣ обычныхъ карнизовъ и украшеній въ видѣ рамокъ около оконъ, можно встрѣтить и нѣкоторые другія; такъ на нѣкоторыхъ домахъ въ нишахъ надъ окнами сдѣланы головы кабановъ и т. п. Ворота, которыя прежде украшались львами, чашами и т. п., теперь встрѣчаются довольно-рѣдко стоящими особо отъ дома. Но недавно отстроился близъ Благовѣщенскаго Бульвара домъ, ворота котораго, стоящія сбоку, украшены большими бюстами негровъ, съ лицами изъ чернаго и чалмами изъ бѣлаго мрамора.

— Заговоривъ о постройкахъ, считаемъ не лишнимъ упомянуть о ходящихъ слухахъ касательно перестройки-большаго Гостиного Двора. Кромѣ разныхъ другихъ переи́нъ, говорятъ, есть мысль по лицевой его сторонѣ, съ Невскаго Проспекта, тамъ, гдѣ теперь останавливаются дилижансы, устроить новую галерею и соединивъ ее съ нынѣ-существующею, такъ-называемою Суконною Линіею, стеклянною крышею, какъ въ Пассажѣ, сдѣлать между ними проѣздъ и проходы. Тогда Гостиный Дворъ, отступающій отъ линіи всѣхъ другихъ зданій Невскаго Проспекта станетъ въ общій съ ними уровень. Впрочемъ, все это только слухи.

— Чтеніе частныхъ газетныхъ объявленій производитъ впечатлѣніе музыкальнаго попури, въ которомъ, вслѣдъ за аріею Ламермурской Невѣсты, слѣдуетъ вальсъ Штрауса или широковищательное воззваніе доктора Дулькамары. Возбуждающее участіе и смѣхъ слѣдуютъ здѣсь одно за другимъ и благородная дѣвушка, ищущая мѣста камер-юнгферы, слѣдуетъ за извѣстіемъ о мылѣ отъ угрей и загара, двадцать-пять кусковъ котораго стоятъ пятиалтынный. Тотъ, кто постоянно читаетъ эти объявленія, можетъ найдти въ нихъ много интереснаго; но всего забавнѣе въ нихъ постоянная борьба разныхъ личностей, стремящихся къ наживанію денегъ. Борьба эта не утихаегъ ни на недѣлю, и едва одни бойцы сходятъ съ арены, какъ на мѣсто ихъ становятся другіе. Недавно еще въ отдѣлахъ частныхъ объявленій происходила полемика между дантистами за ихъ иностранныя, только-что привезенныя, никогда непортящіеся зубы; затѣмъ началось соперничество фабрикантовъ папирозъ, которые наперерывъ другъ передъ другомъ обѣщали къ каждому ящичку своихъ издѣлій прилагать золотыя часы, турецкія шаля и т. п. Потомъ поднялась страшная борьба между продавцами готоваго мужскаго платья, которые, на зло одинъ другому, спускали цѣны своихъ издѣлій, ухищряясь, ко-

нечю, и дѣлать ихъ хуже-и-хуже. Борьба эта еще не утихла, какъ на сцену выступили парикмахеры. Число ихъ теперь въ Петербургѣ несметное; на Невскомъ чуть-ли не въ каждомъ домѣ есть по залѣ специально-назначенной для бритья и стрижки, а потому борьба ихъ становится ожесточенною. Почти каждый день въ газетахъ печатаются извѣстія и прейс-куранты этихъ салоновъ, которые другъ передъ другомъ уменьшаютъ цѣны за свои издѣлія и труды. Русскіе хотятъ брать дешевле французовъ, французы не хотятъ отставать отъ русскихъ. Борьба эта напоминаетъ старинную исторію двухъ парикмахеровъ какого-то губернскаго города, изъ которыхъ одинъ, особенно-славившійся производствомъ париковъ, на вывѣскѣ своей представилъ человѣка, повиснушаго волосами на деревѣ, и подписавъ двустипіе:

Кабы былъ онъ въ парикъ,
Не повисъ бы на сукѣ;

другой же, чтобъ опровергнуть такое значеніе париковъ, нарисовалъ надъ своею лавкою утопающаго въ водѣ, котораго, чтобъ спасти, хватаютъ за волосы, но у спасающихъ остается въ рукахъ парикъ, и подписалъ:

Кабы былъ не въ парикъ,
Не погивъ бы онъ въ рѣкѣ.

Если борьба нашихъ парикмахеровъ не дошла до такихъ наивностей, то постепенно приближается къ нимъ. Таково настоящее время: кромѣ стрижки, завивки и бритья, которымъ не пренебрегаютъ куафёры даже высшаго полета, одинъ изъ нихъ, изъ Марсели, объявилъ недавно, что онъ не только занимается всѣми этими операціями надъ головою, но во время стрижки каждому желающему возобновляетъ покрывающую его голову шляпу за пять копеекъ серебромъ. Это уже совершенная новость, если и не важная, то весьма-характеристическая. Нѣтъ сомнѣнія, что у парикмахера изъ Марсели найдутся соперники, которые не только стануть возобновлять шляпы, но стричь посѣтителѣмъ на рукахъ и ногахъ ногти, а можетъ-быть, чистить сапоги. Это послѣднее было бы полезно, особенно въ городахъ, гдѣ осенью много грязи, и нѣтъ, какъ въ Парижѣ, чистильщиковъ-сапожаровъ.

— Настало время баловъ и вечеровъ. Но частныхъ баловъ бываетъ еще мало, а танцевальные вечера въ клубахъ немного собираютъ публики. Петербургъ, думаетъ повидимому пользоваться зимними удовольствіями только тогда, когда настанетъ зима. Между-тѣмъ балные оркестры готовы къ услугамъ танцующихъ и оркестровъ этихъ довольно-много. Кромѣ г. Лядова, играющаго въ Благородномъ Собраніи, г. Гуссла въ Нѣмецкомъ Клубѣ, въ Петербургѣ есть новый оркестръ г. Дено, который, какъ солистъ на *cognet-à-rislon* знакомъ и нашей московской публикѣ. Независимо отъ этихъ оркестровъ есть оркестры Пикорта, Вухерпфениха и множества другихъ

— Въ фельетонахъ газетъ все обстоитъ благополучно; только «Сѣверная Пчела» недовольна современною русскою литературою и до-роговиною современной паюсной икры. Первое неудовольствіе «Пчелы» уже не новое, но за-то второе очень-оригинально. И послѣ этого есть люди, которые упрекаютъ фельетоны этой газеты въ недостаткѣ соли! Это ужъ не просто люди, а враги!

М О Д Ы.

Мы были въ затрудненіи, что писать о модахъ. Блговъ нѣтъ; въ театрѣ видимъ только черныя платья съ самой простой, тоже черной, куафюрой; даже о верхнихъ костюмахъ и о шляпахъ нельзя ничего было сказать, потому-что погода такъ дурна, что безъ кареты невозможно было показаться на улицѣ, какъ вдругъ нашъ представился случай подробно осмотрѣть приданое одной очень-богатой невесты, и тутъ-то мы увидѣли все, что только можно придумать роскошнаго для дамскаго туалета.

Начнемъ съ подвѣчнаго платья, которое было сдѣлано изъ бѣлаго дамá, съ тремя оборками изъ брюссельскихъ кружевъ, шириною въ десять вершковъ; послѣдняя оборка пришита къ самой талии. Лицо открытый, рукава короткіе, съ буфой; какъ лицо, такъ и рукава убраны кружевами. Вуаль тоже брюссельскій. Для головнаго убора приготовленъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ и двѣ огромныя шпильки изъ однихъ брильянтовъ, чтобъ приколотъ вуаль, который предполагалось надѣть сверхъ вѣнка. Для платья, изъ такихъ же розъ сдѣланы двѣ гирлянды съ висячей зеленью.

Пеньюаръ изъ бѣлой индійской кисеи, вышитый на подолахъ до самыхъ колѣнъ гипюровымъ швомъ. Сверхъ этого великолѣпнаго бордюра, по всей кисеѣ разбросаны вышитые букеты. Рукава широкіе. Талию перехватываетъ широкій розовый кушакъ съ длинными концами. Такъ-какъ пеньюаръ обыкновенно дѣлается распашной, то сверхъ розоваго чехла должна быть бѣлая кисейная юбка, убранная оборками изъ вышитой кисеи. Пелеринка довольно-большая, тоже великолѣпно-вышитая и положенная на розовую тафту, завязана у горла розовыми лентами. Чепчикъ изъ валансьеновъ и розовыхъ лентъ сдѣланъ такъ, что долженъ покрывать совершенно косу и затылокъ, а темя должно быть открыто; съ боковъ и сзади бездна бантовъ и концовъ изъ ленты, которые спускаются на плеча. Къ этому наряду приготовлены туфли изъ стѣганнаго розоваго атласа, обшитыя горностаемъ.

Множество платьевъ сдѣлано изъ шелковыхъ матерій — одни гладкія, другія кафтчатыя, иныя съ оборками, другія съ буфами или съ

бранденбурами, но большею-частью платья убраны черными кружевами и черными бархатными лентами.

Вотъ первое платье, попавшееся намъ на глаза. Оно сдѣлано изъ сѣрой клѣтчатою матеріи; юбка гладкая; лифъ съ разрѣзными басками, застѣгнутый напередѣ шелковыми пуговицами. Баски обшиты въ три ряда узенькимъ чернымъ бархатомъ и черной бахромой, шириною въ два пальца. Рукава съ двумя буфами и широкимъ воланомъ, который вырѣзанъ зубцами и обшитъ такъ же, какъ и баски. Сверхъ лифа должны быть надѣты бретельки изъ черныхъ широкихъ бархатныхъ лентъ, которыя какъ-бы пришпилены къ лифу сзади и спереди бантами изъ такихъ же лентъ, съ тою только разницею, что спереди у банта концы небольшіе, но сзади они спускаются чуть не до конца юбки.

Превосходно платье изъ розовой матеріи, убранное черными кружевами. Еще болѣе намъ понравилось платье изъ матеріи свѣтло-шелковатаго цвѣта, по которому въ клѣтку затканы синія атласныя полоски. Это платье казалось покрытымъ сѣткой изъ синихъ лентъ. Лифъ и рукава убраны рюшью изъ синихъ атласныхъ лентъ.

Много платьевъ убрано клѣтчатыми лентами. Говорятъ, клѣтчатыя ленты теперь въ большой модѣ.

Канзу и воротничковъ набросано было безъ счета. Всѣ воротнички очень-большіе и большею-частью съ концами: нѣкоорые вышитые, а нѣкоторые сдѣланы изъ валансеновъ.

Рукава чаще всего—съ буфами, которыя перехватываются цвѣтными, или черными бархатными лентами; къ обшивкѣ же рукава пришиты широкія кружева. Очень-просты, но очень-милы рукава изъ тюля, съ двумя буфами и съ двойной оборкой изъ тюля. Всѣ рукава для утра дѣлаются съ обшивкой у кисти; на обшивкѣ же, вмѣсто лентъ, нынче придумали дѣлать банты съ концами изъ той же матеріи, изъ которой сдѣланъ рукавъ; но концы вышиты и обшиты узенькими кружевами. Для вечеровъ рукава далеко не доходятъ до кисти.

Канзу чрезвычайно-разнообразныя и открытыя и закрытыя, но и тѣ и другія почти покрыты лентами и кружевами. Бретельки изъ прошивокъ и лентъ очень-граціозны на молоденькихъ дамахъ, и онѣ тѣмъ удобны, что могутъ надѣваться съ закрытымъ и открытымъ лифомъ.

Каракъ изъ чернаго тюля и черныхъ лентъ—множество; у однихъ ленты нашиты прямо, у другихъ въ клѣтку, у третьихъ зубцами, но у всѣхъ, какъ внизу, такъ и на рукавахъ, черныя кружева.

Мантильямъ нѣтъ конца. Между мантильями мы увидѣли пелеринку изъ черной матеріи, вышитую шелкомъ и обшитую бахромой; впрочемъ, мы и забыли, что эта пелеринка называлась мантилья-тальма, хоть разницы въ фасонѣ не было никакой, но модистки считаютъ обязанностью каждой старой вещи, если она снова входитъ въ употребленіе, придать новое названіе и выдавать ее за новостъ.

Для петербургскихъ жителей эти названья ни къ чему не ведутъ, потому-что, покупая вещь, видишь и фасонъ ея; но для иногородныхъ

эти перемены были очень-неприятны, потому-что, выписывая, например, хоть новую мантилью-тальяна, вѣроятно, ожидали получить и новый фасонъ, и вдругъ получаютъ круглую пелеринку, какихъ, можетъ-быть, есть ужъ нѣсколько. Впрочемъ, и это неудобство теперь уже совершенно устранено, потому-что безпрестанно выходятъ новые журналы модъ, гдѣ прилагаются и выкройки. Вотъ, напримеръ, журналъ *Гирлянда*: при этомъ журналѣ выкройки прилагаются въ натуральную величину, съ наклейкою изображенія вещи, съ которой снята та выкройка, и съ полнымъ описаніемъ, изъ чего она сдѣлана и чѣмъ обшита. Кромѣ выкроекъ, тутъ есть разные узоры для шитья и вышиванья. Вамъ извѣстенъ также журналъ: *Мода*, который даетъ всевозможные обрашки узоровъ и выкроекъ; кромѣ большихъ выкроекъ, къ нему прилагаются и дѣтскія. Сверхъ-того, этотъ журналъ обѣщаетъ высылать, по желанію подписчика, какой понадобится узоръ, или вензель, или собственное имя... Но мы отстранились отъ разсказа. Послѣ мантильи-тальяна насъ удивили своею оригинальностью двѣ кашмировыя мантильи, вышитыя шелкомъ и обшитыя бахромой наподобіе платковъ; онѣ называются «шаль Ристори», въ честь итальянской актрисы, восхищавшей Парижъ нынѣшнимъ лѣтомъ и соперничавшей съ Рашелью.

Между разными туалетными бездѣлками, мы видѣли бездну вѣеровъ, которые предназначались для театра, для баловъ и, наконецъ, для дома, то-есть, для камина.

Шляпы теперь, кажется, немного-больше, нежели были до-сихъ-поръ, и дѣлаются уже совершенно-новымъ фасономъ. Поля спереди довольно-длины, но съ боковъ совсѣмъ открыты, такъ-что почти половину щечи покрываетъ рюшь, ленты или цвѣты, но не поля. Коточка очень-длинная сзади и срѣзана къ бокамъ. Тулья маленькая и наклонная назадъ. Уборка изъ кружевъ, лентъ, перьевъ и цвѣтовъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ И. ПЕЦА, ПЫНѢ СТЕЛЛОВСКАГО,
ВЪ БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ ДОМѢ ЛАУФЕРТА № 116.

Этюды для фортепьяно.

СЕР. Р. К.

<i>Bertini.</i> — 48 études, composées exclusivement pour ceux qui veulent se préparer pour les célèbres études de J. B. Cramer. Liv. 1, 2, chaque	1 50
<i>Duvernoy.</i> —École du mecanisme. 15 études composées expres- sement pour précéder celles de Vélocité de Czerny. op. 120. Nouvelle édition	2 —
<i>Henselt.</i> — Exercices préparatoires. Nouvelle édition revue et augmentée	1 50
— Douze études caractéristiques de concert. Troisième édi- tion, liv. 1, 2, каждая	2 50
<i>Haberzettel.</i> — Petites préludes pour le piano, dans tous les tons majeurs et mineurs	— 50
<i>Moscheles.</i> —24 études célèbres pour le piano. Studien zur hö- htern Vollendung bereits gebildeter Klavierspieler bestehend aus: 24 Characteristischen Tonstücken in den verschie- denen Dur- und Molltonarten mit beigefugtem Fingersatze und erklärenden Bemerkungen über den Zweck und Vor- trag derselben. (Знаменитыя двадцать-четыре характери- стическія этюды во всѣхъ тонахъ, составленныя для изу- чающихъ основательно фортепьяно и служація для раз- витія вкуса, съ объясненіемъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, какъ именно должны эти этюды исполняться. op. 70. Цѣна	4 —
<i>Scarlatti.</i> — Étude célèbre	— 50
<i>Schmitt.</i> — Études célèbres. op. 16, liv. 1. Nouvelle édition	2 50
<i>Zibine.</i> — Deux études	— 50

Разныя школы.

<i>Аларъ.</i> — Школа для скрипки, теоретическая и практическая, самая полная и употребительная, съ многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ. Сочиненіе это принято для руководства всѣми музыкальными консер- ваторіями въ Европѣ, на русскомъ, французскомъ и нѣ- мецкомъ языкахъ. École du violon. Méthode complète et progressive à l'usage des començants composée par D. Alard. Violon-Schule. Цѣна	6 —
--	-----

- Гюнтенъ.** — Полная школа для фортепьяно на русскомъ языкѣ. Четвертое исправленное и дополненное многими пьесами и упражненіями, въ двѣ и четыре руки изданіе. Цѣна 3 50
- Плейель и Дюссекъ.** — Знаменитая школа для фортепьяно съ многими примѣрами и упражненіями на русскомъ языкѣ. Новое изданіе. Цѣна 2 85
- Роде, Крейцеръ и Бальо.** — Лучшая школа для скрипки на русскомъ языкѣ. Третье исправленное изданіе съ многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ, съ присовокупленіемъ скрипичнаго грифа, по которому начинающій ясно видитъ, гдѣ и на какой именно струнѣ извлекаются всѣ тоны. Цѣна 3 —
- Сизра.** — Школа для семиструнной гитары на русскомъ языкѣ. Третье исправленное и дополненное изданіе, съ многими примѣрами, упражненіями и пьесами для одной и двухъ гитаръ и для гитары съ фортепьяно, съ отлочно-литературованнымъ и весьма-похожимъ портретомъ автора. Цѣна 3 —
- Черни.** — Вѣнскій фортепьянный учитель или теоретическая и практическая школа для фортепьяно, съ изъясненіемъ, какъ по сей легкой методѣ въ короткое время выучиться легко и хорошо играть на фортепьяно, на русскомъ языкѣ. Третье исправленное и дополненное изданіе. Цѣна . . 3 —

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было издаваемыя, или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на *три* руб. сер., получаютъ 25 процентовъ уступки; выписывающіе же не менѣе, какъ на *десять* руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выписывающіе же болѣе чѣмъ на *двадцать* руб. сер., получаютъ гораздо-больше уступки. Магазинъ И. Пеца, точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и преискурантъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Печатать позволено, ноября 1-го дня 1855 г. Цензоръ А. Фрейгангъ.

XVII-Й ГОДЪ.

**НУВЕЛИСТЪ,
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ВЪ 1856 ГОДУ.**

«Нувелистъ», музыкальный журналъ, оканчиваетъ въ текущемъ году шестнадцатый годъ своего существованія. Во все это время Редакція постоянно прилагаема всѣ старанія достигнуть цѣли, предположенной ею при самомъ основаніи журнала: съ каждымъ годомъ улучшать его, дѣлать интереснѣе и разнообразнѣе. Постоянно-возрастающее число подписчиковъ показываетъ Редакціи, что она успѣваетъ въ своемъ стремленіи, и что публика цѣнитъ ея усилія. Не дѣлая никакихъ преждевременныхъ обѣщаній, мы скажемъ только о цѣли нашего журнала и о средствахъ, которыя находятся въ распоряженіи Редакціи на будущій 1856 годъ.

Въ Европѣ ежедневно появляется безчисленное множество новыхъ пианистовъ—композиторовъ, наполняющихъ музыкальный міръ своими произведеніями, къ—несчастью, рѣдко представляющими интересъ. Вслѣдствіе этого пріобрѣтать всѣ музыкальныя новости, выходящія въ свѣтъ и восхваляемыя журналами, значило бы терять и время и деньги. «Нувелистъ» дѣлаетъ выборъ изъ числа этихъ пьесъ, отстраняетъ всѣ дурныя и даже посредственныя и предлагаетъ своимъ подписчикамъ все самое замѣчательное, что издается въ Европѣ въ—теченіе года, соединяя полезное съ пріятнымъ, чтобъ образовать вкусъ и музыкальныя знанія любителей. Первые пианисты столицы содѣйствуютъ Редакціи, чтобъ сдѣлать этотъ выборъ самымъ строгимъ и безпристрастнымъ. Въ «Нувелистѣ» помѣщаются пьесы всѣхъ родовъ и трудностей. Виртуозы, исполнители среднихъ силъ, ученики, любители серьезныхъ пьесъ, легкой музыки, танцевъ и пѣнія найдутъ здѣсь чѣмъ удовлетворить свою любознательность. Фантазій, варьяцій, отрывки оперъ, транскрипціи, этюды, концертныя соло, мелодіи, ноктюрны, романсы, марши, танцы одинаково находятъ въ немъ мѣсто. Лучшіе отечественные и иностранные композиторы помѣщаютъ въ «Нувелистѣ» свои произведенія. Однимъ словомъ Редакція смѣетъ надѣяться, что страницы этого журнала будутъ просматриваться съ

равнымъ интересомъ и служить съ одинаковою пользою въ каждомъ семействѣ, гдѣ только есть фортепьяно.

Въ 1856 году «Нувеллиста» будетъ выходить по-прежнему аккуратно каждое первое число мѣсяца изящными тетрадами. Каждая тетрадь будетъ заключать въ себѣ отъ 50-ти до 55-ти страницъ или 11 пьесъ, что составитъ въ концѣ года по-крайней-мѣрѣ 132 пьесы.

Въ-заключеніе Редакція долгомъ считаетъ обратить вниманіе публики на дешевизну изданія. За *десять рублей серебромъ* подписчикъ получитъ такое количество нотъ, какое, при обыкновенной покупкѣ, обошлось бы ему неменѣе 90 руб. сер.

Каждая тетрадь «Нувеллиста» будетъ заключать въ себѣ:

1) *Пять пьесъ для фортепьяно*, бѣльшей или мѣньшей трудности, какъ-то: фантазіи, варьяціи, ноктюрны, романсы безъ словъ и проч.

2) *Два модные танца для фортепьяно.*

3) *Два романса для пѣнія*, русскій и французскій.

4) *Альбомъ молодыхъ піанистовъ*, отдѣльную тетрадь, содержащую въ себѣ двѣ легкія пьесы для дѣтей, съ аппикатурою.

5) *Литературное Прибавленіе*, заключающее извѣстія объ операхъ русскіихъ, итальянскіихъ и нѣмецкіихъ и о концертахъ, даваемыхъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; критическіе разборы новыхъ оперъ и балетовъ, представленныхъ на главнѣйшихъ европейскіихъ сценахъ; биографіи знаменитыхъ музыкантовъ, объявленія о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, выходящихъ въ Россіи и за границею, описаніе ново-изобрѣтенныхъ инструментовъ, корреспонденціи и проч.

6) Каталогъ новѣйшихъ музыкальныхъ сочиненій для всѣхъ инструментовъ.

7) Повременамъ прилагаются къ журналу *портреты*.

Цѣна годовому изданію «Нувеллиста», состоящему изъ 12-ти тетрадей, 10 р. сер.; съ пересылкою или доставкою на домъ 11 р. 50 к.

Подписка принимается *исключительно*:

въ Санктпетербургѣ, въ конторѣ «Нувеллиста», въ *Магазинъ М. Бернарда*, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11-й.

въ Москвѣ, у *П. Лениольда*; въ Харьковѣ, у *Гергарда*; въ Одессѣ, у *Цанотти*; въ Вильнѣ, у *І. Завадкаго*.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку только тѣхъ экземпляровъ, на которые подписка принята въ означенныхъ мѣстахъ. *На полгода подписка не принимается.*

Редакторъ и Издатель М. Бернардъ.

=

Печатать дозволяется, ноября 1-го дня 1855 г. Ценсоръ *Н. Нейкеръ*.

EN VENTE

CHEZ S. DUFOUR

LIBRAIRE DE LA COUR IMPÉRIALE

au pont de Police, maison de l'Eglise Hollandaise.

COLLECTION OF BRITISH AUTHORS, TAUCHNITZ EDITION.

Le volume à 70 cop. arg.

- G. P. R. James:** Morley Ernstein (w. portr.) 1 v. — Forest days 1 v. — The False Heir 1 v. — Arabella Stuart 1 v. — Rose d'Albert 1 v. — 1 v. — Arrah Neil 1 v. — Agincourt 1 v. — The Smuggler 1 v. — The Step-Mother 2 v. — Beauchamp 1 v. — Heidelberg 1 v. — The Gipsy 1 v. — Ehrenstein 1 v. — Darnley 1 v. — Russell 2 v. — The Convict 2 v. — Sir Theodore Broughton 2 v.
- Miss Kavanagh:** Nathalie 2 v. — Daisy Burns 2 v.
- Lever:** The O'Donoghue 1 v. — The Knight of Gwinne 3 v. — The Dodd Family 3 v.
- Capt. Marryat:** Jacob Faithful (w. portr.) 1 v. — Percival Keene 1 v. — Peter Simple 1 v. — Japhet, in search-of-a father 1 v. — Monsieur Violet 1 v. — The Settlers 1 v. — The Privateer's-Man 1 v. — The Children of the New-Forest 1 v. — Valerie 1 v.
- Milton:** The Poetical Works 1 v.
- Thomas Moore:** The Poetical Works (w. portrait) 5 v.
- Moriarty** Selections from British Authors 1 v.
- H-on. M-rs. Norton:** Stuart of Dunleath 2 v.
- Ossian:** The Poems 1 v.
- Pope:** The Select Poetical Works (w. portr.) 1 v.
- W. Scott:** Waverley (w. portr.) 1 v. — The Antiquary 1 v. — Ivanhoe 1 v. — Kenilworth 1 v. — Quentin Durward 1 v. — Old Mortality 1 v. — Guy Mannering 1 v. — Rob Roy 1 v. — The Pirate 1 v. — The Fortunes of Nigel 1 v.
- Shakespeare:** The Plays and Poems (with. portr.) compl. 7 v.
- Smollett:** Roderick Random 1 v. — Humphry Clinker 1 v.
- Sterne:** Tristram Shandy 1 v.
- Swift:** Gulliver's Travels 1 v.
- Baroness Tautphoeus:** Cyrilla 2 v. — The Initials 2 v.
- Thackeray:** The Great Hoggarty Diamond 1 v. — The Kickleburys abroad; a Legend of the Rhine; Rebecca and Rowena 1 v. — Henry Esmond 2 v. — The Newcomes 4 v.
- Thomson:** The Seasons 1 v.
- Warren:** Diary of a late Physician 2 v. — Ten Thousand a-Year 3 v. — Now and Then 1 v.
- Wetherell:** The wide, wide World 1 v.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, 30 сентября 1855 года. Старшій Ценсоръ *А. Рочфортъ*.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ 1856-мъ году

будутъ выходить ежемѣсячно книжками, изъ которыхъ каждая заключить въ себѣ отъ 20 до 25 листовъ большаго формата.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ :

БЕЗЪ КАРТИНОКЪ ИНОУ.

Въ Петербургъ и Москву :
14 рублей 50 коп. серебромъ.
Съ пересылкою :
16 рублей серебромъ.

СЪ 18-Ю НАРИЖСКИМИ КАРТИНКАМИ
ДАМСКИХЪ И МУЖСКИХЪ ИНОУ.

Въ Петербургъ и Москву :
15 рублей 50 коп. серебромъ.
Съ пересылкою :
17 рублей серебромъ.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малой Морской, въ домъ Нотбека.

ВЪ МОСКВѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ у И. В. Базунова, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской Типографіи, въ домъ Загряжскаго.

ВЪ ОДЕССѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, при книжномъ магазинѣ М. И. Григорьева, на Де-Рибасовской Улицѣ, въ домъ Синицыной.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ : Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 1 ноября 1855 года.

Цензоръ А. Фрейгангъ.

